Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

МОЛОДЕЖЬ XXI ВЕКА: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ

Материалы XII Международной конференции аспирантов и молодых ученых

Витебск, 5 декабря 2025 г.

В 2 томах

Том 2

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2025

УДК 378.147:378.4:001(476.5)(062)
ББК 74.480.278я431+74.483(4Беи-4Вит)я431
М75

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.09.2025.

Редакционная коллегия:
Е.Я. Аршанский (гл. ред.),
И.А. Красовская, А.И. Бумаженко, А.К. Гетц, Г.В. Разбоева

Р е ц е н з е н т ы :
канд. физ.-мат. наук, доцент *Е.Н. Залесская;* канд. биол. наук, доцент *Т.А. Толкачёва;*
канд. ист. наук, доцент *А.Н. Дулов;* канд. филол. наук, доцент *Т.П. Слесарева;*
канд. пед. наук, доцент *Н.А. Ракова;* канд. пед. наук, доцент *Е.О. Соколова;*
канд. филол. наук, доцент *О.В. Данич;*
проректор по идеологической и воспитательной работе *Ю.В. Гапонёнок;*
декан юридического факультета *В.В. Козловская*

М75 **Молодежь XXI века: образование, наука, инновации :** материалы XII Международной конференции аспирантов и молодых ученых, Витебск, 5 декабря 2025 г. : в 2 т. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. — Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. — Т. 2. — 310 с.
ISBN 978-985-30-0286-7.
ISBN 978-985-30-0288-1 (т. 2).

В данное издание включены материалы, представленные на XII Международной конференции аспирантов и молодых ученых «Молодежь XXI века: образование, наука, инновации» и посвященные решению актуальных проблем в области естественных, технических и гуманитарных наук. Материалы могут быть использованы учеными, преподавателями, аспирантами, студентами УВО и высших учебных заведений.

УДК 378.147:378.4:001(476.5)(062)
ББК 74.480.278я431+74.483(4Беи-4Вит)я431

ISBN 978-985-30-0286-7
ISBN 978-985-30-0288-1 (т. 2)

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2025

ПЕДАГОГИКА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Биринтова А.Р.,
студентка 4 курса Государственного социально-гуманитарного университета,
г. Коломна, Российская Федерация
Научный руководитель – Онищенко Ю.Ю., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Цифровая среда, компетенция дошкольников, образовательные технологии, когнитивное развитие, коммуникативные навыки, социальная адаптация, детская психология.

Keywords. Digital environment, preschool children's competence, educational technologies, cognitive development, communication skills, social adaptation, child psychology.

Современное общество предъявляет высокие требования к качеству подготовки подрастающего поколения. Одной из важнейших задач является формирование у детей необходимых компетенций, позволяющих успешно адаптироваться в быстро меняющемся мире. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, оказывая значительное влияние на развитие познавательной активности, креативности и самостоятельности дошкольников. Однако внедрение новых инструментов требует учета возрастных особенностей детей, соблюдения принципов безопасности и психологического комфорта.

Актуальность обусловлена стремительным проникновением цифровых технологий в жизнь детей дошкольного возраста. Современные дети активно используют гаджеты, мобильные приложения и онлайн-ресурсы, что влияет на их когнитивные способности, мотивацию к учёбе и социальную активность. Исследования показывают, что грамотное включение цифровых технологий в учебный процесс способствует развитию важных компетенций, необходимых ребёнку для успешной социализации и дальнейшей образовательной траектории. Вместе с тем, необходимы научные обоснованные подходы, учитывающие возрастные и индивидуальные особенности ребёнка, а также меры профилактики негативных последствий чрезмерного использования электронных устройств [1, с.47].

Цель исследования состоит в выявлении оптимальных педагогических условий и эффективных подходов к формированию ключевых компетенций у дошкольников посредством включения цифровых технологий в образовательный процесс. Важнейшими аспектами являются повышение качества освоения учебного материала, улучшение мотивации и укрепление психологической устойчивости детей.

Материал и методы. Исследование базируется на анализе научной литературы, посвящённой вопросам цифрового образования, педагогики и психологии детей дошкольного возраста. Использованы данные зарубежных и отечественных исследователей, изучавших опыт внедрения цифровых технологий в детский сад и школу. В ходе работы использовались следующие методы исследования: анализ научных публикаций и методических рекомендаций, опрос учителей и родителей для выявления отношения к применению цифровых технологий в обучении, наблюдение за использованием цифровых ресурсов в реальных учебных ситуациях, проведение экспериментов и пилотных проектов с целью оценки эффективности отдельных методик и программ, интервьюирование специалистов-психологов и преподавателей дошкольных учреждений.

Результаты и их обсуждение. Сегодняшняя реальность диктует необходимость переосмысления традиционных методов воспитания и обучения детей дошкольного возраста. Использование интерактивных приложений, онлайн-игр и мультимедийных платформ позволяет повысить интерес детей к учебе, стимулируя развитие внимания, памяти, воображения и творческих способностей. Согласно данным исследований отечественных ученых, применение цифровых технологий способствует улучшению показателей усвоения материала детьми, повышает уровень мотивации и развивает навыки самоорганизации.

Вместе с тем важно учитывать возрастные ограничения и индивидуальные особенности каждого ребенка. Например, педагоги отмечают значимость баланса между виртуальным взаимодействием и непосредственным общением с взрослыми и сверстниками. Чрезмерное увлечение гаджетами может привести к негативным последствиям, таким как снижение уровня физического здоровья, ухудшение зрения и нарушения эмоционального состояния.

Для эффективного использования цифровых ресурсов необходима продуманная система психолого-педагогической поддержки детей. Это включает разработку специальных образовательных программ, ориентированных на разные уровни готовности ребенка к восприятию нового типа взаимодействия. Важно организовать обучение педагогов работе с цифровыми инструментами, учитывая принципы гуманизма, личностно-ориентированного подхода и создание условий для самовыражения ребенка.

Современные исследователи подчеркивают важность осознания родителями роли семьи в формировании информационной культуры ребенка. Совместная деятельность родителей и воспитателей помогает детям лучше ориентироваться в пространстве цифровых технологий, развивая критическое мышление и способность оценивать качество полученной информации. Необходимо также обеспечивать безопасность детской аудитории путем фильтрации нежелательного контента и предотвращения возможных рисков.

Опыт передовых детских садов показывает успешность использования игровых форматов, разработанных специально для дошкольников. Примером служит проект "Умняша" — серия развивающих мобильных приложений, направленных на закрепление базовых понятий математики, чтения и письма. Подобные решения помогают детям осваивать основы науки в игровой форме, формируя устойчивый интерес к знаниям и готовность к дальнейшему обучению.

Также перспективным направлением становится интеграция элементов робототехники и программирования в образовательный процесс. Занятия с использованием конструкторов Lego позволяют развивать инженерное мышление, пространственное воображение и умение решать нестандартные задачи. Дети учатся сотрудничать друг с другом, обмениваться мнениями и приходить к общему решению проблем.

Однако обязательным условием успешного внедрения инновационных подходов остается постоянное взаимодействие педагогического коллектива, родителей и специалистов смежных областей (психологи, медики). Такое сотрудничество обеспечивает гармоничное развитие ребенка, учитывающее специфику цифрового пространства и потребности каждой возрастной группы.

Заключение. Подводя итог, можно сделать вывод о том, что современные тенденции в образовании требуют особого внимания к вопросам формирования ключевых компетенций дошкольников в условиях повсеместного распространения цифровых технологий. Для достижения оптимальных результатов необходимы комплексные меры, включающие подготовку квалифицированных кадров, повышение осведомленности родителей и создание безопасной образовательной среды. Применение эффективных методик позволит обеспечить полноценное развитие всех сфер личности ребенка, способствуя успешной социализации и дальнейшей учебной деятельности. [2, с.70]

1. Барсукова А.Е., Ермолаева А.Г. Особенности восприятия информации дошкольниками в эпоху цифровизации // Начальная школа плюс До и После. 2022. №4. С. 45–50.

2. Хохлова Т.Л., Семенов А.Н. Подготовка педагогических кадров к реализации ФГОС ДО в условиях цифровизации // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. №1. С. 67–72.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ КАК СРЕДСТВО ВОСПИТАНИЯ ЗВУКОВОЙ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Боброва Н.А.,
студентка 4 курса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Российская Федерация
Научный руководитель – Мигунова Е.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Дидактические игры, звуковая культура речи, дети среднего дошкольного возраста.
Keywords. Didactic games, sound culture of speech, children of middle preschool age.

Актуальность исследования обосновывается всё возрастающими проблемами в речевом развитии детей, звукопроизношении детей среднего дошкольного возраста, выбором наиболее результативных средств в их решении. Звуковая культура речи – ключевой аспект развития дошкольника, определяющий успешность общения, когнитивного развития и готовности к школе. В среднем дошкольном возрасте (4-5 лет) активно формируются фонематический слух и произношение, однако отмечается рост числа детей с трудностями в освоении звуковой стороны речи (нарушения произношения, фонематического слуха, интонации). Эти недостатки не только затрудняют общение, но и создают риск для овладения грамотой в будущем.

В данном контексте, дидактические игры выступают как наиболее эффективное и природосообразное средство. Будучи ведущим видом деятельности, они позволяют интегрировать обучающие задачи в увлекательную форму, повышая мотивацию и развивая речевые навыки без принуждения. Их применение позволяет целенаправленно развивать все компоненты звуковой культуры речи: формировать правильное произношение, совершенствовать фонематический слух, интонационную выразительность, темп и ритм речи.

Несмотря на общую признанность роли игры, существует потребность в систематизации и углублении подходов к использованию дидактических игр как комплексного средства воспитания всех аспектов звуковой культуры речи в среднем дошкольном возрасте. Поэтому данное исследование, посвященное дидактическим играм как средству воспитания звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста, является крайне актуальным и имеет практическую ценность для специалистов дошкольного образования и родителей.

Цель исследования – теоретическое и экспериментальное обоснование значимости использования дидактических игр в воспитании звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста.

Материал и методы. На кафедре начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, совместно с МАДОУ №92 «Радуга» г. Великий Новгород, проведено исследование проблемы воспитания звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста, которая предполагает наличие у ребёнка правильного звукопроизношения, выразительности речи, интонирования, сохранение спокойного темпа речи при общении со сверстниками и взрослыми.

В качестве материала исследования были использованы нормативные документы, публикации, затрагивающие тему исследования. Основным теоретическим методом исследования стал анализ нормативных документов, психолого-педагогической литературы по проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. В нашем исследовании мы опирались на ключевое определение, обозначенное А.М. Бородич: «Звуковая культура речи – это произносительные качества, характеризующие звучащую речь: звукопроизношение, дикция, элементы звуковой выразительности речи (интонация, темп) и другие связанные с ними двигательные средства выразительности (мимика, жесты), а также элементы культуры речевого общения (общая тональность детской речи, позы и двигательные навыки в процессе разговора)»[3].

Это понятие более полно описывает ключевые компоненты звуковой культуры речи: правильное произношение, различение звуков, интонация и ударение, соблюдение орфоэпических норм, а также выразительность и четкость речи.

Ученые отмечают, что в среднем дошкольном возрасте (4-5 лет) в воспитании звуковой культуры речи у ребенка совершенствуются и элементы звуковой стороны слова, необходимые для оформления высказывания, — темп, дикция, сила голоса и интонационная выразительность. Работа по воспитанию звуковой культуры речи включает формирование правильного звукопроизношения, развитие фонематического восприятия, голосового аппарата, речевого дыхания, умения пользоваться умеренным темпом речи, интонационными средствами выразительности.

В Федеральной образовательной программе дошкольного образования представлены основные задачи и содержание образовательной деятельности по воспитанию звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста [4]:

Задачи выделены следующие: закреплять правильное произношение гласных и согласных звуков, отрабатывать произношение свистящих, шипящих и сонорных звуков. Продолжать работу над дикцией: совершенствовать отчетливое произношение слов и словосочетаний. Проводить работу по развитию фонематического слуха: учить различать на слух и называть слова с определенным звуком. Совершенствовать интонационную выразительность речи.

Содержание образовательной деятельности включает: помощь педагога детям в овладении правильным произношением звуков родного языка и словопроизношением, развитии у детей звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха, закреплении умения правильно произносить свистящие и шипящие звуки; четкое воспроизводство фонетического и морфологического рисунка слова; формирование умения говорить внятно, в среднем темпе, голосом средней силы, выразительно читать стихи, регулируя интонацию, тембр, силу голоса и ритм речи в зависимости от содержания стихотворения.

Основным видом деятельности детей дошкольного возраста является игра, которая предоставляет им уникальные возможности для познания окружающего мира, развития коммуникативных навыков и обучения взаимодействию с другими людьми. Через увлекательные игровые ситуации дошкольники постигают различные аспекты жизни, приобретают ценные знания, умения и социальные навыки.

По мнению В.Н. Кругликова: «Дидактические игры – это вид учебных занятий, организуемых в виде учебных игр, реализующих ряд принципов игрового, активного обучения и отличающихся наличием правил, фиксированной структуры игровой деятельности и системы оценивания, один из методов активного обучения» [2; 263 с.].

Двухстороннюю связь между речью и игрой рассматривала З.А. Репина: «С одной стороны, речь развивается и активизируется в игре, а с другой – игра развивается в процессе развития речи. Игра сопровождается в процессе развития словами, с помощью которых ребенок создает образ, разыгрывает роль, подражания речи, поступкам и действиям изображаемых людей» [1].

С целью организации среды по включению дидактических игр, направленных на воспитание звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста целесообразно создать речевой уголок. Предлагаем некоторые рекомендации по организации уголка:

– подобрать игры, подходящие для разного уровня звуковой культуры детей среднего дошкольного возраста, направленные на развитие и коррекцию правильного произношения звуков, интонации, постановки ударения, орфоэпических норм, выразительности и четкости речи (например: «Какое слово заблудилось?», «Придумай историю», «Где живёт звук», «Улитка», «Найди домик звуку», «Звуковой кубик» и другие).

– использовать полифункциональный материал (для развития артикуляционной моторики – картинки-истории, стихотворения и карточки-помощники для артикуляционной гимнастики; для речевого дыхания – вертушки, трубочки, шары для надувания, пузырьки, кусочки ваты).

– включать в дидактические игры по звуковой культуре речи детей художественную и научно-популярную литературу из книжного уголка.

–оформить уголок красиво и эстетично; игровой материал должен быть привлекательным для детей и побуждать интерес к самостоятельной деятельности.

–не перегружать уголок предлагаемыми играми, целесообразно периодически заменять игры.

–использовать одушевлённого персонажа, который будет выполнять различные действия, что вызовет у детей интерес и побудит к речевой активности.

Заключение. Проведенное исследование с детьми среднего дошкольного возраста показало, насколько важны дидактические игры для воспитания красивой и правильной речи. Исследуемый период жизни ребенка особенно важен, потому что в это время формируется умение слышать и понимать звуки речи, улучшаются навыки произношения. Игры помогают сделать обучение интересным и легким, позволяя ребенку развиваться естественно и без напряжения.

Изучив научные труды и практику педагогов, мы пришли к выводу, что дидактические игры полезны для развития речи детей среднего дошкольного возраста, для произношения правильных звуков, понимания смысла слов и улучшения интонационной выразительности речи, но подбирать их необходимо учитывая индивидуальные потребности каждого ребенка. Правильное использование дидактических игр сделает образовательный процесс результативнее и занимательнее.

1. Евсюкова, Е.А. Дидактическая игра как средство развития речи детей дошкольного возраста. Особенности современного этапа развития образования и науки: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 13 июня 2023г. / Евсюкова Е.А., Бережная В.И. // Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ). - 2023 – С. 53-57.

2. Кругликов, В.Н. Активное обучение в техническом вузе: Теоретико-методологический аспект темадис. и автореф. д.п.н. / В.Н. Кругликов // СПб: Санкт-Петербургский государственный университет. - 2000–С. 424.

3. Ушакова, О.С. Развитие речи дошкольника: сборник научных трудов / О.С. Ушакова // М.: Издательство Института Психотерапии. - 2001. – С. 256.

4. Федеральная образовательная программа дошкольного образования: Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 25 ноября 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/law/prikaz-minprosveshcheniia-rossii-ot-25112022-n-1028/federalnaia-obrazovatelnaia-programma-doshkolnogo-obrazovaniia/ (дата обращения: 05.11.2025).

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Вахмистрова С.Д.,
студентка 4 курса Государственного социально-гуманитарного университета,
г. Коломна, Российская Федерация
Научный руководитель – Финикова Ю.Б., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Читательская грамотность, иностранный язык, младшие школьники, формирование навыков чтения, стратегия обучения.

Keywords. Reading literacy, foreign language, primary school children, reading skills formation, teaching strategy.

Актуальность формирования читательской грамотности при обучении иностранным языкам учащихся начальной школы обусловлена тем, что в современном мире, насыщенном информацией, умение эффективно работать с текстом является важнейшим навыком. Овладение иностранным языком в начальной школе закладывает основу для дальнейшего успешного обучения и общения. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту начального общего образования, развитие читательской грамотности является главной целью образования, которая включает в себя не только умение читать, но и способность понимать, анализировать, интерпретировать и применять информацию из текста [2].

Включение иностранного языка в обучение начальной школы открывает новые возможности для развития этой способности, но также ставит перед учителями задачу адаптации методик. Поэтому целью нашего исследования является разработка эффек-

тивной методики формирований читательской грамотности при обучении английскому языку учащихся третьего класса.

Материал и методы. В процессе исследования мы выдвинули гипотезу, что использование тщательно разработанных заданий и методов будет способствовать формированию у учащихся начальной школы устойчивых навыков понимания и интерпретации иноязычных текстов. Методика обучения чтению на иностранном языке в школе разрабатывалась такими учёными, как И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, Е.И. Пассов и др. По мнению С.К. Фоломкиной, чтение – это речевая деятельность, позволяющая решать разнообразные коммуникативные задачи. В её основе лежат умения, обеспечивающие восприятие и понимание текста [3]. Несмотря на обширные исследования в области методики обучения иностранным языкам и возросший интерес к развитию читательской грамотности как инструменту для успешной адаптации в современном мире, детальная разработка методик целенаправленного формирования этого комплексного навыка (охватывающего декодирование, глубокое понимание, осмысление и анализ текста) у младших школьников на уроках иностранного языка остаётся недостаточно представленной в психолого-педагогической литературе [1].

Результаты и их обсуждение. В рамках нашего исследования мы разработали материалы для различных видов деятельности, направленных на формирование читательской грамотности. Мы использовали: задания на прогнозирование содержания текста по заголовку и картинкам, упражнения на поиск ключевых слов, вопросы на понимание основной мысли и деталей, задания на сопоставление фрагментов текста с картинками, а также творческие задания по прочитанному. Рассмотрим более подробно процесс работы с текстом на основе темы «My family» (для учащихся 3-го класса).

В начале работы, с целью стимулирования интереса учащихся к теме, мы предложили им рассмотреть фотографии разных семей и побеседовать о том, кого они видят. В процессе беседы с учениками обсуждались такие вопросы, как: «What can you see in the pictures?», «How many people are there in each family?», «Do you have a big family?», «What is your mother's (father's, sister's) name?» и др. Затем был предложен небольшой текст о семье. Перед чтением текста учащимся предлагалось предположить, о ком будет идти речь в тексте, основываясь на заголовке и иллюстрации.

После первого прочтения текста учащиеся отвечали на общие вопросы типа «What is the text about?» для проверки общего понимания. Затем мы перешли к более детальной работе. Например, предлагалось найти в тексте информацию о возрасте членов семьи или об их любимых занятиях. Учащимся также предлагалось соотнести предложения из текста с соответствующими иллюстрациями. Приведем примеры ответов учащихся: Саша К.: «The text is about a happy family», Полина С.: «Mary likes to play with her dog», Миша Т.: «Her brother is 8 years old».

В ходе работы с текстом учащиеся пришли к выводу, что важно не просто читать слова, но и понимать, о чём идёт речь, чтобы потом можно было пересказать или использовать информацию в ситуациях общения. Для закрепления полученных результатов работы над текстом была организована дидактическая игра «Найди ошибку», где учащимся предлагались утверждения, часть из которых не соответствовала содержанию прочитанного.

Заключение. Таким образом, использование различных стратегий и упражнений в процессе формирования читательской грамотности на уроке иностранного языка позволяет организовать целенаправленную работу с учащимися младшего возраста. Это способствует не только развитию навыков чтения, но и глубокому пониманию, анализу и осмыслению текстов на иностранном языке, что является важной основой для их обучения и развития в дальнейшем.

1. Калугин Иван Андреевич О причинности провала в PISA и формировании читательской грамотности школьников // Гуманитарные науки. 2022. №3 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-prichinnosti-provala-v-pisa-i-formirovanii-chitatelskoy-gramotnosti-shkolnikov (дата обращения: 05.11.2025).

2. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования: утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286: [Электронный ресурс] // ФГОС.РУ: официальный сайт федеральных государственных образовательных стандартов. – URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-noo/ (дата обращения: 04.11.2025).

3. Фоломкина, С. К. Обучение чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. – Москва: Высшая школа, 2005. – 207 с.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Ганисевская Е.С.,
ст. преподаватель, магистр Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Поздеева Т.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Функциональная грамотность; культурологический подход; дети дошкольного возраста, белорусская народная культура.
Keywords. Functional literacy; cultural approach; preschool children, belarusian folk culture.

Формирование функциональной грамотности у детей дошкольного возраста представляет собой актуальную проблему, требующую комплексного подхода в образовательной практике. В условиях современного общества, где информационные потоки и культурные влияния стремительно меняются, важно обеспечить детей навыками, позволяющими им эффективно взаимодействовать с окружающим миром.

Функциональная грамотность предполагает готовность человека к успешному взаимодействию с окружающим миром, способность решать различные жизненные задачи, умение выстраивать отношения, опираясь на нравственные ценности социума. В современных исследованиях описываются разные составляющие функциональной грамотности, которые в процессе жизни у человека постепенно формируются в той или иной степени, отражая, насколько он может использовать полученные знания, умения и навыки в реальных жизненных ситуациях, в конкретной культурной среде. [1, с. 8].

Основу функциональной грамотности детей дошкольного возраста составляют соответствующие их возрастным возможностям навыки: критическое мышление, креативность, коммуникативность, социальный и эмоциональный интеллект, умение работать в команде [2].

Концептуальной платформой формирования основ функциональной грамотности детей дошкольного образования выступают следующие методологические подходы: компетентностный, системно-деятельностный, культурологический, личностно ориентированный и др.

В образовательном стандарте дошкольного образования одним из подходов, который составляет методологическую основу данного нормативного акта, является культурологический подход. Данный подход опирается на принцип культуросообразности, который предполагает, что воспитание детей дошкольного возраста должно основываться на культурных ценностях и строиться в соответствии с этими ценностями, нормами национальной культуры. Сегодня воспитание подрастающего поколения не может проходить вне традиционной национальной культуры. Именно история и культура предков являются основными ценностями для личностного развития [3].

Цель исследования – раскрыть педагогический потенциал культурологического подхода к формированию функциональной грамотности детей дошкольного возраста.

Материал и методы. В рамках нашего исследования, которое посвящено актуальной проблеме формирования основ национального самосознания у детей дошкольного возраста, была разработана комплексная методика формирования основ национального самосознания у воспитанников посредством народной игрушки. Данная методика включает создание предметно-развивающей пространственной среды, соответствующий цели исследования комплекс мероприятий и план его реализации. Комплекс состоит: занятия по ознакомлению с белорусской народной игрушкой, тематический блок экскурсий в музей белорусской куклы, комплекс белорусских народных игр, творческий проект «Любимая игрушка», тематические выставки. Данные мероприятия направлены на формирование представлений воспитанников о ближайшем окружении, познавательного интереса к предметам окружающего мира, первоначальных представлений о белорусской народной культуре и позитивного отношения к ней, эмоциональной отзывчивости на произведения белорусского фольклора.

В качестве методов и приемов, которые были использованы при реализации методики, можно выделить:

– словесные: беседы, обсуждения, рассказы, чтение и разучивание произведений художественной литературы и фольклора и др.;

– наглядные: наблюдение, рассматривание иллюстраций, картин, предметов декоративно-прикладного искусства, посещение мини-музея и др.;

– практические: выполнение коллективных творческих работ, разукрашивание трафаретов кукол в национальных костюмах, моделирование и др.

Результаты и их обсуждение. Значительная часть заданий и мероприятий, проводимых с детьми, была направлена на формирование социального и эмоционального интеллекта, что предполагает способность различать и понимать разнообразные эмоции, понимать намерения, желания других людей и свои собственные, осознанно регулировать свои эмоции. Данные навыки составляют основу функциональной грамотности, обеспечивают успешное взаимодействие с окружающим миром. Основными характеристиками разработанных заданий стали: контекстность и личностная включенность, проблемность, компетентностная ориентированность. То есть, в основу заданий были включены актуальные для ребёнка игровые или жизненные ситуации, направленные на выстраивание соответствующих стратегий поведения. Дети решали задачи с помощью анализа, осмысления ситуаций, коррелирующих с имеющимся социокультурным опытом, выбирали адекватный способ действия в них. Для успешной реализации методики элементы белорусской народной культуры были интегрированы в образовательный процесс, способствуя развитию у детей необходимых навыков и умений.

Рассмотрим влияние разработанной методики на процесс формирования функциональной грамотности.

Читательская грамотность. Формирование осуществляется через погружение в мир фольклора, сказок, детской литературы. Сказка является не просто развлечением, а культурным кодом, хранящим модели поведения, этические нормы, представления о добре и зле.

Математическая грамотность. Развитие происходит через обращение к народному орнаменту, календарно-обрядовой культуре (цикличность времени, счет в народных играх и потешках).

Естественнонаучная грамотность. Приобретается через народные традиции, связанные с природой: наблюдение за погодой по приметам, знакомство с народным календарем, праздниками (Масленица как проводы зимы). Это формирует у ребенка не просто знания о природе, а экологическое сознание, основанное на уважении и диалоге с окружающим миром, что является важной частью культуры.

Креативное мышление. Стимулируется через приобщение к миру народного творчества (лепка, роспись). Ребенок не просто копирует образец, а учится видеть красоту, выражать свои чувства и создавать новые культурные продукты, пусть и в малом масштабе.

Таким образом, разработанная комплексная методика оказывала влияние не только на формирование основ национального самосознания, но и была ориентирована на формирование основ функциональной грамотности.

Заключение. Основы функциональной грамотности необходимо формировать с дошкольного возраста, так как она является одним из базовых факторов, определяющих способность ребёнка к активному участию во всех видах деятельности.

Культурологический подход предоставляет уникальный механизм для формирования функциональной грамотности детей дошкольного возраста. Он позволяет перевести абстрактные знания и умения в плоскость личностно значимого опыта, погружая ребенка в мир культуры как систему жизненных смыслов и ценностей. В этом контексте функциональная грамотность перестает быть набором узкопрактических навыков и становится основой для становления культурной, творческой и социально адаптивной личности, способной не только функционировать в обществе, но и активно его преобразовывать.

1. Алексашина, И.Ю. Формирование и оценка функциональной грамотности учащихся: учеб.-метод. пособие / И.Ю. Алексашина, О.А. Абдулаева, Ю.П. Киселев; науч. ред. И.Ю. Алексашина. – СПб.: КАРО, 2019. – 160 с.

2. Теоретико-методические основания формирования основ функциональной грамотности у воспитанников учреждений образования, реализующих образовательную программу дошкольного образования / Р. Косенюк, Н. Старжинская, Е.Носова, М. Мельникова // Пралеска. – 2022. – № 8. – С. 18–29.
3. Ганисевская, Е.С. Вопросы формирования национального самосознания детей дошкольного возраста посредством знакомства с историей и народной культурой Беларуси / Е.С. Ганисевская; науч. рук. Т.В. Поздеева // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : материалы X Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 8 дек. 2023 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: Е.Я. Аршанский (гл. ред.) [и др.]. – Витебск, 2023. – С. 177–179.

РАЗВИТИЕ УЧЕБНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПАРАХ

Гильманова М.Н.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация
Научный руководитель – Хаматвалиева Р.Р., канд. пед. наук, ст. преподаватель

Ключевые слова. Учебная самостоятельность, проектная деятельность, работа в парах, начальная школа.
Keywords. Learning autonomy, project-based learning, pair work, primary school.

В современной системе образования особое значение приобретает развитие учебной самостоятельности как фундаментальной способности, позволяющей младшим школьникам самостоятельно ставить учебные цели, планировать пути их достижения, контролировать и оценивать свои действия [1]. Проектная деятельность, организованная в формате парной работы, создает уникальные условия для развития этой важной компетенции, сочетая индивидуальную ответственность с навыками сотрудничества [2]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных методов формирования учебной самостоятельности в контексте современных образовательных стандартов.

Цель исследования – выявить эффективность использования проектной деятельности, организованной в парах, для развития учебной самостоятельности учащихся 2-х классов.

Материал и методы. Исследование проводилось во 2-х классах МБОУ «Тюлячинская средняя общеобразовательная школа» Республики Татарстан РФ. В эксперименте участвовали 42 ученика. Для диагностики уровня учебной самостоятельности использовалась методика Н.В. Калининой [3], оценивающая такие параметры, как организованность, ответственность, активность и самостоятельность.

В экспериментальном классе в течение двух месяцев на уроках технологии и окружающего мира реализовывались краткосрочные учебные проекты в парах. Среди них проект «Моя семья», в рамках которого дети создавали семейное древо, учась распределять обязанности между собой. Проект «Мир профессий» предполагал исследование профессий родителей и создание тематического коллажа. Также выполнялся проект «Наш класс», направленный на разработку и оформление правил дружного класса. В контрольном классе обучение велось по традиционной системе без использования проектной деятельности в парах.

Результаты и их обсуждение. Проведенное исследование показало значительный прогресс в развитии учебной самостоятельности у учащихся экспериментального класса. Сравнительный анализ данных констатирующего и контрольного этапов исследования выявил положительную динамику по всем диагностируемым параметрам.

Наиболее существенные изменения произошли в развитии навыков планирования и организации учебной деятельности. Если на начальном этапе исследования примерно 25% учащихся экспериментального класса могли самостоятельно составить план выполнения задания, то после проведения цикла проектных работ этот показатель вырос до 68%. Учащиеся научились самостоятельно распределять обязанности в парах, определять последовательность действий и рационально использовать время на каждом этапе работы.

Значительный прогресс наблюдается в развитии навыков самоконтроля и взаимоконтроля. Количество детей, способных адекватно оценить качество выполнения своей работы, увеличилось с 32% до 72%. При этом около 65% учащихся начали активно

помогать партнерам, указывать на ошибки и совместно находить пути их исправления, что свидетельствует о развитии рефлексивных способностей.

Особенно ярко изменения проявились в развитии познавательной активности. На заключительном этапе исследования 76% учащихся экспериментального класса регулярно проявляли инициативу при обсуждении проектов, предлагали оригинальные идеи и задавали уточняющие вопросы, в то время как на начальном этапе подобную активность демонстрировали лишь 38% детей.

Качественный анализ работ учащихся показал, что проектная деятельность в парах способствовала не только формированию учебной самостоятельности, но и развитию коммуникативных навыков. Дети стали более уверенно выражать свое мнение, аргументировать позицию и находить компромиссные решения в спорных ситуациях.

Полученные результаты подтверждают эффективность проектной деятельности в парах как средства развития учебной самостоятельности младших школьников и согласуются с данными исследований в области педагогической психологии [1; 3].

Заключение. Результаты исследования подтвердили, что проектная деятельность, организованная в парах, является эффективным средством развития учебной самостоятельности младших школьников. Такой формат работы создает условия, в которых самостоятельность становится естественным инструментом достижения учебных целей. Совместная работа над проектами способствует не только формированию учебной самостоятельности, но и развитию коммуникативных навыков, умения сотрудничать и работать в команде [3]. Разработанные проектные задания могут быть успешно внедрены в практику работы учителей начальных классов для формирования регулятивных и коммуникативных универсальных учебных действий. Полученные результаты представляют интерес для образовательных систем разных стран, решающих схожие задачи развития самостоятельности у младших школьников.

1. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: Учебник для вузов / И.А. Зимняя. – М.: Логос, 2002. – 384 с.
2. Поливанова, К.Н. Проектная деятельность школьников: пособие для учителя / К.Н. Поливанова. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 192 с.
3. Калинина, Н.В. Диагностика параметров учебной самостоятельности младших школьников / Н.В. Калинина // Начальная школа. – 2012. – №10. – С. 56–62.

РОЛЬ СЕМЬИ В ОЗНАКОМЛЕНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ПРИРОДОЙ В ИГРЕ

Дуань Мэйхань,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Туболец С.Г., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Семья, дети дошкольного возраста, ознакомление с природой, игра.
Keywords. Family, preschool children, nature exploration, play.

Дошкольный возраст – начальный этап становления личности человека, его ценностной ориентации в окружающем мире. Игра является тем механизмом детского развития, который способствует не только познанию природы, но и использованию её элементов в образовательных целях. С развитием образовательных парадигм, которые акцентируют внимание на целостном и экспериментальном обучении, интеграция изучения природы через игры становится всё более значимой. При этом важно помнить, что семья и учреждение дошкольного образования – два воспитательных института, каждый из которых даёт ребёнку определённый социальный опыт [1].

Цель исследования – рассмотреть роль семьи в ознакомления детей дошкольного возраста с природой в игре.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научно-педагогические труды по вопросам ознакомления детей дошкольного возраста с природой в игре. Методы исследования: изучение и теоретический анализ психолого-педагогической литературы, анкетный опрос, математические методы.

Результаты и обсуждение. Исследования ряда ведущих педагогов Республики Беларусь, России и Китайской Народной Республики (Н.Ф. Балонникова, Ван Ли, В.С. Варивода, Г.Н. Казаручик, Л.К. Ладутько, Ли Шеллан, С.Н. Николаева, А.А. Петрикевич, Н.А. Рыжова, Т.А. Серебрякова, Е.А. Рублевская, Чен Вэху) подчеркивают важность природы как элемента развития в процессе игры, поскольку дети устанавливают связи с окружающим миром уже на раннем этапе.

Исходя из того, что игра является ведущим видом деятельности ребёнка дошкольного возраста, исследователи доказательно утверждают, что целенаправленная работа по ознакомлению с природой требует использования разнообразных игр природоведческой, экологической направленности. Педагоги показывают, что игры с природным материалом, игры в природе помогают уточнить и конкретизировать представления детей о качествах и свойствах объектов природы, формируют у них обследовательские навыки, развивают сенсорный аппарат. Важно отметить, что исследователи неоднократно обращали внимание на роль семьи в этом процессе.

Мы провели опрос 18 родителей детей дошкольного возраста Китайской Народной Республики с целью уточнения понимания ими важности игровой деятельности детей дошкольного возраста для ознакомления с природой. Организация опроса проведена при помощи WeChat (微信), на основании разработанной нами анкеты.

Ответы на вопрос «Сколько времени ваши дети ежедневно тратят на игры на свежем воздухе?» распределились следующим образом: менее 30 минут – 15%; 30 минут – 1 час – 35%; 1–1,5 часа – 30%; более 1,5 часов – 20% респондентов. По итогам анализа ответов, мы можем констатировать, что большинство детей (65%) проводят на улице от 30 минут до 1,5 часов, что соответствует минимальным рекомендациям для детей дошкольного возраста. Однако 15% играют менее 30 минут, что может указывать на недостаточную активность. Следовательно, родителям необходимо таким образом организовывать деятельность детей, чтобы они имели возможность находиться на свежем воздухе не менее минимально рекомендованного для детей дошкольного возраста периода.

На вопрос «Часто ли дети контактируют с природными элементами (растениями, животными, почвой и т. д.) во время игр на свежем воздухе» распределение ответов следующее: часто – 40%; от случая к случаю – 35%; редко – 20%; никогда – 5% респондентов. Мы можем сделать вывод, что 75% детей так или иначе взаимодействуют с природой, но только 40% делают это часто. 5% детей вообще не контактируют с природой, что может ограничивать их познавательное развитие. Педагогам необходимо обратить внимание на этих детей, провести работу с родителями, чтобы те позволяли детям больше контактировать с природными элементами.

Вопрос «Какие игровые занятия, связанные с природой, больше всего интересуют детей» допускал множественный выбор ответов. Респонденты показали следующие результаты: посадка растений – 25%; наблюдение за животными – 40%; сбор природных объектов – 50%; игры с водой / песком / глиной – 45%; другое – 10%. Таким образом, мы видим, что наибольший интерес вызывают сбор природных объектов и игры с водой / песком / глиной, что говорит о важности тактильного и исследовательского опыта.

Вопрос «Может ли ваш ребенок распознавать распространенные растения и животных?» показал следующее: узнают и называют – 45%; узнают, но не называют – 35%; не узнают – 20% ответивших. Таким образом, почти половина детей могут не только узнавать, но и называть природные объекты, что говорит о хорошей организации работы по формированию представлений о растениях и животных. Однако 20% не различают даже распространённые виды. Это говорит о необходимости проведения более активной и целенаправленной работы с детьми.

Следующий вопрос был связан с проявлением интереса ребёнка к природе во время игр. Результаты были следующими: очень высокий – 30%; средний – 45%; слабый – 20%; нет интереса – 5%. Таким образом, 75% детей проявляют от среднего до высокого интереса, но 25% демонстрируют слабую вовлечённость. Это говорит о том, что большинство детей любят и интересуются природой. Однако важно вовлечь в эту деятельность тех детей, относительно которых были ответы «слабый интерес» или «нет интереса». С нашей

точки зрения, это задача именно родителей, потому что педагоги учреждений дошкольного образования стремятся заинтересовать детей природой, что вытекает из требований нормативных документов.

Результаты ответа на вопрос «Что вы думаете об эффективности использования игр для понимания детьми природы» распределились следующим образом: «Очень эффективно» – 50%; «Достаточно эффективно» – 30%; «Средне» – 15%; «Неэффективно» – 5%. Таким образом, мы можем утверждать, что 80% родителей считают игры эффективным инструментом познания природы. Результаты ответа на вопрос можно трактовать как положительные, поскольку подавляющее большинство ответивших понимают эффективность игр для изучения природы. В тоже время 20 % респондентов не в полной мере поддерживают данную точку зрения. Это требует дополнительного исследования: что эта группа считает и реализует в качестве эффективного средства для изучения природы.

Вопрос об участии родителей в активностях, связанных с природой, дал следующее распределение ответов: регулярно – 20%, иногда – 40%; редко – 30%; никогда – 10%. Из ответов мы можем сделать вывод: только 20% родителей активно вовлечены, а 40% участвуют лишь эпизодически. Это указывает на потенциал для повышения семейного взаимодействия с природой.

Таким образом, результаты проведённого опроса родителей позволяют сформулировать ряд рекомендаций по оптимизации ознакомления детей дошкольного возраста с природой.

Чтобы дети проводили достаточное время на свежем воздухе, следует поощрять прогулки. Для улучшения контакта с природой воспитанников учреждений дошкольного образования важно включать больше природных элементов в игры. Исходя из наиболее популярных активностей детей в природе – сбор объектов и игры с водой / песком / глиной – их следует более активно использовать в образовательных мероприятиях. Для повышения родительской вовлечённости педагогам стоит организовывать совместные мероприятия с родителями и детьми (походы, садоводство), которые содействуют участию взрослых в играх детей в природе.

Для более качественного формирования представлений о природе, распознавания животных и растений следует обучать родителей обучающим игровым методикам. Педагоги могут поощрять детей играть дома с родителями в игры, разученные в группе; демонстрировать видеозаписи игр детей на родительских собраниях или в дни открытых дверей в учреждениях дошкольного образования, чтобы родители могли оценить их и пообщаться друг с другом. Это усилит чувство участия родителей в образовании детей, будет стимулировать взаимодействие между родителями и детьми.

Возможно использование онлайн-платформ для обмена опытом организации игр по ознакомлению детей дошкольного возраста с природой, чтобы обеспечить взаимодействие в режиме реального времени. В тоже время родители могут высказывать свои мнения и предложения на платформе, а педагоги могут корректировать свои стратегии руководства играми детей в природе и с природными объектами на основе отзывов родителей.

Наконец, учреждения дошкольного образования могут продвигать самостоятельный педагогический опыт в области организации игр детей по ознакомлению с природой на более широкую сцену посредством регулярных публикаций, тем самым привлекая внимание общества и внимание к экологическому образованию детей.

Заключение. Эффективное развитие коммуникации и сотрудничества между семьёй и учреждением дошкольного образования, совместное содействие всестороннему развитию детей – важная проблема, с которой сталкивается сегодня дошкольное образование. Семья играет важную роль в ознакомлении детей дошкольного возраста с природой. На основе изучения мнения родителей об организации деятельности по ознакомлению детей дошкольного возраста с природой через игру сформулирован ряд рекомендаций для педагогов.

1. Туболец, С. Г. Взаимодействие учреждения дошкольного образования и семьи в воспитательно-образовательном процессе / С. Г. Туболец, А. В. Подъелец // Социально-психологические проблемы современного общества: пути решения (памяти профессора А. П. Орловой): сб. науч. ст. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 269-273. - https://rep.vsu.by/handle/123456789/

ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА)

Захарова В.А.,
студентка 3 курса Государственного социально-гуманитарного университета,
г. Коломна, Российская Федерация
Научный руководитель – Финикова Ю.Б., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Развитие памяти, младшие школьники, иностранные языки, когнитивное развитие.

Keywords. Memory development, primary school students, foreign languages, cognitive development.

Актуальность исследования обусловлена совокупностью факторов, связанных с современными вызовами в области образования и когнитивного развития. В условиях роста информационной нагрузки и необходимости непрерывного обучения, развитие памяти как ключевой познавательной функции становится одной из приоритетных задач начального образования. Младший школьный возраст признан сензитивным периодом для развития мнемических процессов, что совпадает с оптимальным временем для начала изучения иностранных языков. В этом контексте иностранный язык перестает быть лишь учебным предметом и превращается в эффективный инструмент когнитивного тренинга.

Целью исследования является теоретическое обоснование и проверка комплекса методик, направленных на развитие памяти младших школьников в процессе изучения английского и французского языков.

Материал – дидактические комплекты карточек для игр на запоминание; аудио- и видеоматериалы: подборка коротких детских песен и рифмовок на английском и французском языках, а также фрагменты мультсериалов, сценарии ролевых игр.

Методы исследования были выбраны комплексно для достижения цели и решения поставленных задач: теоретический анализ психолого-педагогической и методической литературы по проблемам развития памяти и методике раннего обучения иностранным языкам, наблюдение за деятельностью учащихся на занятиях.

Память младшего школьника подобна плодородной почве – она жадно впитывает всё, что попадает в поле его внимания [3, с 84]. Этот возраст является идеальным не только для начала изучения иностранных языков, но и для целенаправленного развития мнемических процессов, где язык выступает в роли мощного и увлекательного тренажёра. Изучение английского или французского языков заставляет работать все виды памяти человека: слуховую, чтобы уловить мелодику и звуки; зрительную, чтобы запомнить написание слов; моторную, чтобы прописать буквы и воспроизвести артикуляцию; а также эмоциональную и смысловую, которые являются основой для долговременного запоминания [1, с.156]. Период высокой нейропластичности мозга позволяет сформировать прочные нейронные связи через регулярную практику и положительные эмоции.

Одним из самых эффективных методов является использование мнемотехник, которые превращают незнакомые иностранные слова в яркие и понятные образы. Например, чтобы запомнить английское слово «apple» (яблоко), можно представить веселого человечка по имени Эпп, который очень любит яблоки. «Эпп любит яблочки!» – такой образ помогает слову сразу закрепиться в памяти.

С французским языком тоже можно играть в такие же игры. Например, чтобы выучить слово «papillon» (бабочка), можно вообразить, как красивая бабочка летит над большим пионом, и получилось «папийон». Ещё один пример — «soleil» (солнце). Здесь можно использовать ассоциацию: «Солнышко льёт на нас солей (желтые лучи)». Этот метод ассоциативного мышления особенно хорошо работает с конкретной лексикой, создавая в сознании ребёнка «крючки», за которые цепляются новые знания. [2, с.34]

Не менее мощным инструментом являются рифмы и песни, которые структурируют информацию, подключая ритмическую и музыкальную память. В английском языке классические стишки вроде «Cat - bat - hat - sat» позволяют ребёнку усвоить целю серию слов, рифмующихся с «cat». А знаменитая песенка «Head, Shoulders, Knees and Toes» с её последовательными движениями заставляет детей запоминать части тела рефлекторно и весело. Во французском языке для этой цели отлично подходит считалочка «Am, stram, gram» или простая песенка про алфавит. Рифмованные конструкции, например, «Un, deux, trois, nous irons au bois» (Раз, два, три, мы пойдем в лес), ложатся на память как считалочка, тренируя не только словарный запас, но и фонетику. Такой подход развивает фонематический слух и чувство ритма, что является фундаментом для дальнейшего формирования навыков аудирования и правильного произношения. [4, с.53]

Игровая деятельность — это естественная среда для ребёнка, и её можно мастерски направить на развитие памяти. Карточки-мемори, где нужно найти пару слову и картинке, идеально подходят для этого. Ребёнок, пытаясь найти пару для английского «dog» или французского «chien», поочередно переворачивает карточки, что тренирует зрительную память и повторяет лексику. Ролевые игры, такие как «в магазин», где нужно «купить» товар, назвав его по-английски («apple», «bread») или по-французски («pomme», «pain»), создают смысловой контекст. В такой ситуации слово запоминается не как абстрактная единица, а как необходимый инструмент для достижения цели, что многократно усиливает эффективность запоминания. Эти игровые методики не только обогащают словарь, но и тренируют оперативную память, так как ребенку приходится удерживать в уме правила и цель игры.

Результаты и их обсуждение. Указанные выше примеры мнемотехники были использованы нами во время педагогической практики в школе при работе с детьми 2 класса. Организуя их работу в указанном формате, мы сделали вывод, что современные образовательные технологии и технические средства превращает рутинное запоминание слов в увлекательный квест. Просмотр коротких мультфильмов, заучивание стихов и песен на иностранном языке отлично тренируют слуховую память и умение распознавать знакомые слова в речевом потоке. Эти методы поддерживают высокую мотивацию, что является критически важным условием для любого обучения в младшем школьном возрасте.

Важно понимать, что процесс идёт и в обратном направлении: целенаправленное развитие памяти через иностранные языки создает прочную базу для успешного изучения других дисциплин. Ребёнок, научившийся с помощью ассоциаций запоминать французские слова, бессознательно начнет применять тот же приём для запоминания правил по русскому языку или исторических дат. Тренировка слуховой памяти на песнях на английском улучшит его способность воспринимать информацию на слух на всех уроках.

Таким образом, систематические занятия по английскому и французскому языкам в игровой, песенной и ассоциативной форме становятся для младшего школьника комплексной тренировкой когнитивных навыков. Они не просто обогащают его словарный запас, но и учат мозг работать более эффективно: классифицировать информацию, выстраивать ассоциативные ряды и надежно хранить новые данные. Инвестируя в изучение языков в этом возрасте, мы вкладываемся не только в лингвистическую грамотность ребёнка, но и в развитие его интеллектуального потенциала в целом.

1. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. – М.: Просвещение. – 1991. – С. 222.
2. Назарова Г.И. Теория и методика обучения второму иностранному языку (французскому). – Казань, 2014. – С. 41.
3. Александровская Э.М. Личностные особенности младших школьников, испытывающих трудности в обучении. – М.: Прессиздат. – 2010. – С. 189.
4. Биболетова М.З. Английский язык: Английский судовольствием/EnjoyEnglish // Учебник для 2 кл. общеобраз. учрежд. – Обнинск: Титул, 2011. – С. 128.

РАЗВИТИЕ ТВОРЧЕСКОГО ВООБРАЖЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ковалёнок А.С.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Щепеткова Н.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Творческое воображение, дошкольное образование, детский рисунок, сюжетное рисование, изобразительная деятельность.

Keywords. Creative imagination, preschool education, children's drawing, story drawing, visual activity.

Для современной системы образования актуален вопрос о воспитании творческой личности, обладающей способностью эффективно и нестандартно мыслить, решать возникающие в процессе профессиональной деятельности проблемы. Современный уровень развития общества и экономики требует от образовательной системы подготовки личности, способной к творческому мышлению и инновационному подходу к решению различных задач.

Актуальность данного исследования определяется и тем, что развитие творческого воображения составляет основу творческих способностей, способствует всестороннему развитию личности ребенка. Необходимо расширять опыт ребенка, если мы хотим создать достаточно прочные основы для его творческой деятельности. Чем больше ребенок видел, слышал и попробовал в своих попытках творчества, чем больше, он знает и усвоил, чем большим количеством элементов действительности он располагает в своем опыте, тем значительнее и продуктивнее, при прочих равных условиях, будет деятельность его воображения. Творческое воображение является неотъемлемым компонентом любой формы творческой деятельности ребенка, его поведения в целом.

Цель исследования – охарактеризовать развитие творческого воображения детей дошкольного возраста как педагогическую проблему.

Материал и методы. Анализ, синтез, сравнение, обобщение, анализ научной литературы по теме исследования, анализ продуктов детской деятельности,

Результаты и их обсуждение. На современном этапе изучения проблем развития воображения проведено значительное количество теоретических и эмпирических исследований. При этом подходы к определению и терминологическое оформление понятия «воображение» существенно различаются в отечественной и зарубежной психолого-педагогической литературе. Одни авторы рассматривают воображение как когнитивную функцию, обеспечивающую способность создавать образы и модели действительности, другие – как творческую и игровую деятельность, через которую ребенок осваивает социальные и культурные нормы.

Жан Пиаже выделял воображение как неотъемлемую часть когнитивного развития ребенка, особенно в период предопераций (2–7 лет), когда символические функции становятся основой мышления. В этот период дети начинают использовать знаки, слова и условные символы для представления объектов и событий, что является началом формирования творческой мыслительной деятельности. Центральную роль в развитии воображения Пиаже отводил ролевым играм, в которых ребенок примеряет различные социальные роли, имитирует поведение взрослых и сверстников, а также создает собственные сюжетные сценарии. Такая деятельность способствует не только освоению социальных норм, но и формированию когнитивных и творческих навыков, развивая способность к образному и символическому мышлению [1].

Теоретические основы развития воображения у Пиаже связаны с понятиями ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция предполагает включение новой информации в уже существующие когнитивные структуры, а аккомодация – их перестройку под воздействием нового опыта. В контексте воображения дети сначала усваивают разнообразные символы

и игровые сценарии, а затем, сталкиваясь с новыми ситуациями, корректируют и обогащают свои представления, создавая более сложные и оригинальные модели мышления [1].

Воображение формируется не в изоляции, а через постоянное взаимодействие ребенка с культурной и социальной средой. Уже с раннего возраста дети сталкиваются с символическими системами – языком, жестами, мимикой, музыкой, художественными образами, сказками и другими формами культурного выражения. Через освоение этих элементов ребенок учится моделировать действительность, строить внутренние образы, связывать их с реальными событиями и выражать собственные идеи в разнообразных формах.

Особую роль в этом процессе играют взрослые – родители, педагоги, воспитатели, которые выступают проводниками в мире символов и культурных норм. Они не только предоставляют ребенку знания, но и стимулируют его творческую активность, поддерживают инициативу, комментируют и направляют игровые действия. Совместное чтение сказок, рассказывание историй, обсуждение сюжетов и проигрывание игровых ситуаций позволяют ребенку видеть причинно-следственные связи, проявлять эмпатию, пробовать новые роли и создавать собственные сценарии событий. Таким образом, формирование воображения у детей тесно связано с организацией развивающей среды, где игра, символическая и художественная деятельность становятся инструментом развития творческого мышления, социального опыта и когнитивных навыков, которые сохраняются и в последующем обучении [2].

Современные исследования подчеркивают, что развитие воображения у детей дошкольного возраста эффективно обеспечивается через специально организованные педагогические условия и разнообразные формы деятельности. К числу наиболее результативных методов относятся сюжетно-ролевые игры, изобразительное творчество, конструирование, проектная и проблемная деятельность, а также драматизация.

Сюжетно-ролевые игры позволяют детям примерять социальные роли, моделировать жизненные ситуации и создавать собственные сценарии, что развивает символическое и абстрактное мышление. Художественно-творческая деятельность – рисование, лепка, музыкальные и театрализованные занятия – способствует освоению символических систем и формированию способности выражать идеи и эмоции через образы. Конструирование и манипулятивные игры развивают пространственное, логическое и творческое мышление, позволяя экспериментировать с объектами и моделями. Проектная и проблемная деятельность формирует навыки планирования, анализа и поиска нестандартных решений.

Объединяющим принципом всех этих методов является активное вовлечение ребенка в процесс освоения нового опыта при поддержке взрослого, который направляет деятельность, создает проблемные ситуации и стимулирует самостоятельное творчество, не подавляя инициативу. Современная педагогическая практика создает развивающую среду, где игровые, художественные и проектные формы деятельности становятся взаимосвязанными инструментами формирования творческого воображения, когнитивной гибкости и социальной компетентности ребенка.

Заключение. Развитие творческого воображения у детей дошкольного возраста является ключевым фактором формирования творческих способностей, когнитивной гибкости и социальной компетентности. Исследования показывают, что воображение формируется через освоение символических систем, ролевые и сюжетно-ролевые игры, художественно-творческую деятельность, конструирование и проектную работу при поддержке взрослых. Активное вовлечение ребенка в творческую деятельность позволяет интегрировать новые знания и опыт, развивать способность к нестандартному мышлению и самостоятельному решению задач. Организация развивающей среды и применение современных методов стимулирования воображения создают прочную основу для всестороннего личностного развития и подготовки ребенка к дальнейшему обучению и социализации.

1. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже; [перевод с французского]. – Москва: Издательство АСТ, 2022. – 416 с.

2. Харькова, Д. Ю. Основы теории когнитивного развития Пиаже / Э. И. Сафаргалина, Д. Ю. Харькова // Colloquium-journal – 2019. – №26. – С. 4 – 5.

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ РОЛИ СКАЗКИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ВЛИЯНИЕ ИНТЕРАКТИВНЫХ СКАЗОК НА ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И РАЗВИТИЕ ВООБРАЖЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Мустафаева П.Э.,
магистрант Пензенского государственного университета, г. Пенза, Российская Федерация
Научный руководитель – Гордеева В.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Сказка, цифровое пространство, ценность, развитие, дети дошкольного возраста, педагог.
Keywords. Fairy tale, digital space, value, development, preschool children, teacher.

На протяжении многих столетий сказочный жанр был одним из главных инструментов формирования личности ребенка. С его помощью педагогами и родителями передаются культурные ценности, формируются нравственные ориентиры, активизируется воображение и поддерживается эмоциональное развитие.

Появление и распространение цифровых технологий в образовательной среде дошкольных образовательных организаций (ДОО) изменило способы получения и обработки информации, включая форматы развлекательного и образовательного контента для детей. В XXI веке сказка выходит за пределы книжных страниц и устных рассказов, обретая новую жизнь в виде интерактивных приложений, электронных книг с мультимедийными элементами, анимированных историй с элементами выбора.

В эпоху, насыщенную большим количеством информации и различными цифровыми ресурсами, функции сказки претерпевают значительные преобразования.

Появляются интерактивные сказки – цифровая история, предоставляющая ребенку возможность активно участвовать в конструировании сюжета, принимать решения и взаимодействовать с персонажами [3, с. 765].

Актуальность темы обусловлена активным распространением цифровых устройств в жизнь детей дошкольного возраста, а также необходимостью определения того, каким образом новый формат сказок воздействует на их развитие.

Цель исследования – раскрыть образовательный потенциал интерактивной сказки.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные публикации по теме. Использовались общенаучные методы педагогического исследования: анализ, синтез, обобщение.

Результаты и их обсуждение. Обычная сказка, когда ее читает или пересказывает взрослый, предлагает ребенку готовый, уже сформированный сюжет, который он воспринимает как пассивный зритель. В отличие от нее, интерактивная сказка привлекает дошкольника к активному участию. Ребенок становится соавтором истории: делает выбор развития событий, решает задачи, помогает героям. Такая вовлеченность усиливает погружение в волшебный мир и позволяет более осознанно воспринимать нравственные наставления [1, с. 154].

Интерактивные сказки имеют большое преимущество – визуальное оформление. Яркие анимации, красочные иллюстрации и звуковые эффекты позволяют сделать повествование более привлекательным для ребенка. Наглядность дает возможность представить мир волшебства и персонажей сказки. Но важно отметить, что визуальные элементы не должны ограничивать пространство собственного фантазирования ребенка, важно оставлять возможность домысливания сюжета.

Влияние интерактивных сказок на формирование моральных ценностей многогранно. С одной стороны, рассмотрение сказки в цифровом формате позволяет показать последствия тех или иных поступков. Через простые и понятные сюжеты сказка передает понятия о доброе и зле, справедливости и несправедливости, честности и лжи. Герои сказок, совершая поступки, сталкиваются с последствиями своего выбора, тем самым позволяя ребенку усваивать этические нормы и правила поведения без прямого поучения.

С другой стороны, интерактивные сюжеты, не соответствующие возрасту, могут оказывать негативное воздействие на моральные установки ребенка. Именно поэтому

такие сказки должны соответствовать психическим и физиологическим особенностям дошкольников и отражать положительные моральные принципы [2, с. 72].

Кроме того, интерактивные сказки развивают социальные навыки. Многие из них предполагают взаимодействие с другими детьми или взрослыми: ребенок может разыграть сюжет совместно с другом, вместе решать головоломки, обсуждать повороты сюжета. Такое коллективное участие укрепляет коммуникативные умения, учит сотрудничеству и навыку договариваться. Отсутствие визуальных образов (при устном рассказывании и чтении книги) стимулирует ребенка к самостоятельному продумыванию смысла сказки в своем сознании. Ребенок представляет героев, их эмоции, детали окружения, развивая таким образом мышление, фантазию и креативность.

Однако, важно учитывать потенциальные риски, связанные с использованием интерактивных сказок. Чрезмерное время у цифровых экранов способно вызвать снижение физической активности, ухудшение зрения, нарушение сна и другие проблемы со здоровьем. Поэтому интерактивные сказки следует применять умеренно, гармонично сочетая их с другими видами деятельности.

Чтобы получить наибольшую пользу от интерактивных сказок, рекомендуется:

1) выбирать интерактивные сказки, подходящие по возрасту и интересам ребенка;

2) тщательно ознакомиться с сюжетом сказки;

3) использовать интерактивные сказки в умеренных количествах, чередуя их с другими видами активности;

4) активно обсуждать сюжет в группе;

5) поощрять творческую инициативу ребенка, предлагая ему создавать собственные истории или иллюстрации.

Существует множество исследований, подтверждающих, что интерактивные сказки способны благотворно воздействовать на когнитивное развитие детей. Они развивают внимание, память, мышление и воображение. Воспитатели и родители должны применять интерактивные сказки с четко определенными педагогическими целями.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод о том, что интерактивные сказки являются современным и эффективным средством обучения и воспитания детей в дошкольный период детства. Они способствуют развитию воображения, укреплению моральных устоев, улучшению социальных компетенций и функционированию познавательных способностей. Тем не менее, крайне важно, чтобы интерактивные сказки выступали не просто развлечением, а как целенаправленный инструмент формирования личности ребенка.

1. Богдановская, И.М., Зайченко, Т.П., Проект, Ю.Л. Информационные технологии в педагогике и психологии: учебник для вузов. Стандарт третьего поколения / И.М. Богдановская, Т.П. Зайченко, Ю.Л. Проект. – СПб.: Питер, 2015. – 304 с.

2. Соколова, Н.В. Формирование нравственных ценностей у детей дошкольного возраста: учебное пособие для вузов / Н.В Сколова. – М.: Юрайт, 2023. – 158 с.

3. Татарчук, И.А. Интерактивные сказки и их роль в познавательном развитии детей дошкольного возраста / И.А. Татарчук // Молодой ученый. – 2025. – № 20 (571). – С. 765–766.

ЭКОСИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ СЕНСОРНЫХ ЭТАЛОНОВ У ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ И МНОЖЕСТВЕННЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

Окружнова В.С.,

студентка 3 курса Пензенского государственного университета,

г. Пенза, Российская Федерация

Научный руководитель – Гордеева В.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Тяжелые и множественные нарушения развития, сенсорные эталоны, сенсорная интеграция, экосистемный подход, коррекционная среда, микро-сообщество.

Keywords. Severe and multiple developmental disorders, sensory standards, sensory integration, ecosystem approach, correctional environment, micro-community.

Дети с тяжелыми и множественными нарушениями развития (ТМНР) живут не в «лечебной капсуле», а в сложной и многослойной среде – социальной, физической, эмоциональной и культурной. Их повседневность включает не только занятия с дефектологом

или логопедом, но и обыденные бытовые процессы: прием пищи, сон, прогулки, взаимодействие с близкими.

Актуальность исследования состоит в том, что экосистемный подход предлагает рассматривать не только специальные методы стимуляции или коррекционные занятия, но и каждый элемент окружающей среды как активного «соучастника» развития ребенка. Важными оказываются освещение помещения, звуки и их интенсивность, запахи, текстуры материалов, режим и ритм дня, эмоциональный фон общения взрослых, а также то, насколько предсказуемым и последовательным является взаимодействие в этой среде. Все это формирует контекст, в котором ребенок учится ориентироваться и осваивать первые эталоны восприятия.

Целью исследования является теоретическое обоснование и анализ возможностей применения экосистемного подхода в формировании сенсорных эталонов у детей с ТМНР, а также определение принципов организации коррекционно-развивающей среды, обеспечивающей сенсорную интеграцию и становление базовых эталонов восприятия у них.

Материал и методы. Исследование базируется на анализе отечественных и зарубежных научных публикаций, методических рекомендаций и практических описаний коррекционной работы с детьми с ТМНР. Использованы методы теоретического изучения, систематизации и обобщения педагогических и психологических источников; сравнительный анализ существующих подходов к сенсорной интеграции, а также элементам экосистемного анализа среды развития ребенка. В качестве эмпирической базы рассмотрены характеристики современных педагогических практик, реализуемых в условиях коррекционно-развивающей среды (сенсорные комнаты, адаптированные образовательные пространства, домашние микросообщества).

Результаты и их обсуждение. Сенсорные эталоны – это усвоенные образцы чувств (цвет, форма, величина, звук, ритм), которые для взрослого являются привычными и почти автоматическими, но для ребенка с ТМНР они редко формируются «по умолчанию». Их освоение требует кропотливой, деликатной и продуманной работы всей экосистемы: от близких родственников до педагогов, от предметно-пространственной среды до культурных символов, которые ребенок встречает ежедневно.

Под сенсорными эталонами принято понимать определенные стандарты восприятия: устойчивые и общепринятые образцы цвета, формы, величины, пространственных отношений, ритмов и звуковых соотношений. Эти эталоны являются своеобразным «ключом» к упорядочиванию сенсорного опыта и формированию представлений о мире. Без их усвоения ребенку становится трудно ориентироваться в окружающей среде, выделять существенные признаки, обобщать и классифицировать предметы и явления.

У детей с ТМНР трудности заключаются не только в ограничениях двигательной сферы или нарушениях речи, но и в специфике работы сенсорной системы. Нередко наблюдаются гиперсенсорные или гипосенсорные реакции, слабая согласованность между различными анализаторами (межанализаторная интеграция), а также сложности в переносе сенсорных впечатлений из одной ситуации в другую. Все это препятствует формированию целостной картины восприятия и снижает возможности ребенка к обучению и социализации. Подобные проблемы подробно описаны в исследованиях, посвященных сенсомоторной стимуляции и сенсорно-перцептивным процессам у детей с ТМНР [3], а также в современных публикациях по вопросам сенсорного воспитания и коррекции [5].

Экосистемный подход к формированию сенсорных эталонов у детей с ТМНР строится на ряде принципов, которые позволяют рассматривать процесс восприятия не как отдельную педагогическую задачу, а как результат взаимодействия множества факторов.

1. Опора на сохранные сенсорные модальности. На начальном этапе важно выявить те сенсорные системы ребенка, которые работают относительно лучше – зрение, слух, тактильные ощущения, проприоцепция и др. Через них можно постепенно вводить новые эталоны, расширяя сенсорные горизонты. Такой подход часто упоминается в литературе о сенсорной интеграции как базовой рабочей модели в коррекционной практике с детьми с ТМНР [2].

2. Постепенный рост сложности (от простого к сложному). Новые сенсорные эталоны вводятся малыми дозами и сначала в максимально различимых контрастах (цвет, форма, величина), затем – усложняются: градациями, вариативностью, сочетаниями стимулов. Это дает возможность постепенного привыкания и не перегружает ребенка сенсорной системой.

3. Контекстуализация и включение в повседневную среду. Эталоны должны «жить» не только на специальных занятиях, но и проникать в повседневные действия: в сервировку стола, уборку игрушек, прогулки, быт. Это усиливает перенос и устойчивость восприятия. Анализ таких подходов содержится в исследованиях по сенсорному воспитанию детей с ТМНР [4].

4. Согласованность всех участников среды. Семья, педагоги, дефектологи, тьюторы должны работать в едином ключе: использовать совместные стимулы, термины, подходы. Это обеспечивает когерентность экологической системы ребенка и минимизирует путаницу в предъявлении эталонов. В методических рекомендациях по комплексной помощи детям с ТМНР отмечается важность согласованных действий разных специалистов и окружения [1].

5. Баланс стимуляции и сенсорной защиты. У многих детей с ТМНР проявляются сенсорные перегрузки (гиперчувствительность) либо, напротив, слабая реактивность (гипочувствительность). Экосистема должна предусматривать как стимулирующие элементы, так и зоны «отдыха» – места с приглушенными стимулами. Это критично: без защиты стимулы могут стать для ребенка стрессом.

6. Интеграция специализированных пространств и адаптированных средств. Использование сенсорных комнат, тактильных панелей, адаптированных игрушек, мобильных сенсорных объектов – как элементов экосистемы – служит усилением и расширением возможностей среды. Такие пространства могут создавать условия, в которых ребенок испытывает безопасные, но разнообразные стимулы.

Практическая реализация экосистемного подхода начинается с составления подробной карты среды, в которой ребенок проводит время: учитываются дом, группа, предметно-пространственные объекты, освещение, звуковой фон, материалы и текстуры предметов. Такая карта помогает выявить, какие элементы среды требуют коррекции или усиления для создания оптимальных условий освоения сенсорных эталонов.

Следующий шаг – создать адаптированную среду, отвечающую сенсорным особенностям ребенка. Исключаются громкие звуки и громоздкие предметы интерьера.Вместо этого, включаются тактильные элементы, разные текстуры, способствующие развитию исследовательского интереса и восприятия. Введение сенсорных образцов происходит в формате увлекательных игр, соответствующих возрасту и возможностям ребенка. Для этого используются игры с цветами, фигурами, размерами и звуками, задания на классификацию объектов, сопоставление, развлечения с водой, а также упражнения на ассоциации.

Важно непрерывно отслеживать реакцию ребенка на стимулы, различая периоды активности, усталости, отторжения и интереса. Исходя из этого, среда корректируется, чтобы не перегружать, но и не тормозить сенсорное развитие. Сенсорные эталоны органично встраиваются в повседневную жизнь ребенка (еда, уборка, одевание, прогулки), обеспечивая закрепление навыков и их интеграцию в повседневный опыт.

Главные проблемы при формировании сенсорных эталонов у детей с ТМНР связаны с разнообразием нарушений: одна среда не подходит всем, поэтому необходим индивидуальный подход. Кроме того, отсутствуют стандартизированные материалы и адаптированные программы, а ресурсы зачастую ограничены –сенсорные комнаты, специализированные специалисты и оборудование есть не везде. Без постоянства среды и регулярного закрепления навыков, приобретенные эталоны могут частично утрачивать эффективность. Не менее важен эмоционально-мотивационный аспект: ребенку должно быть интересно и безопасно.

Заключение. Перспективы развития данного направления включают создание программно-методических комплексов с рекомендациями по среде, расписанием занятий, визуально-сенсорными эталонами и адаптированными играми. Важным направлением является обучение родителей и специалистов принципам экосистемного подхода, чтобы они умели формировать развивающую среду и корректно взаимодействовать с ребенком. Дальнейшие исследования должны оценивать эффективность различных сред и структур, выявлять наиболее значимые элементы, а внедрение экосистемного подхода на уровне образования и реабилитации требует разработки стандартов, финансирования и соответствующей инфраструктуры.

1. Богатая, О.Ф. Оказание комплексной помощи детям с тяжелыми множественными нарушениями развития: методические рекомендации / О.Ф. Богатая. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2020. – 72 с.

2. Денисова, А.С. Сенсорная интеграция – метод терапии в реабилитации детей с тяжёлыми множественными нарушениями развития / А.С. Денисова, И.В. Савельева // Коррекционная педагогика. – 2022. – № 4. – С. 42–50.

3. Потапова, Л.Э., Попова, И.В. Множественные нарушения физического и психофизического развития детей и их коррекция с помощью сенсомоторной стимуляции / Л.Э. Потапова, И.В. Попова // Аспекты и тенденции педагогической науки (VII). – 2020. – С. 112–120.

4. Субботина, Е.И. Сенсорное воспитание детей со сложными нарушениями развития / Е.И. Субботина, А.Я. Абкович // Специальное образование. – 2019. – № 1 (53). – С. 66–74.

5. Толкачева, А.В., Белогай, К.Н. Особенности сенсомоторных и перцептивных процессов у детей младшего школьного возраста с тяжёлыми множественными нарушениями развития / А.В. Толкачева, К.Н. Белогай// Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2022. – № 3 (23). – С. 45–53. – URL: https://solncesvet.ru (дата обращения: 25.10.2025).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Пань Линь,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Щепеткова Н.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Патриотическое воспитание, дошкольное образование, дошкольный возраст, изобразительное искусство.

Keywords. Patriotic education, preschool education, preschool age, fine arts.

Воспитание патриотизма является ключевым компонентом дошкольного образования. Мышление дошкольников основано на конкретных образах, поэтому изобразительное искусство с его конкретным, практическим и эмоциональным характером открывает путь к органичной интеграции патриотического воспитания в дошкольное образование. Этот подход не только соответствует особенностям обучения детей, но и располагает прочной теоретической базой и богатым практическим опытом. Его значение заключается в преодолении связанных с дошкольным возрастом ограничений в воспитательной работе и открывает возможности для воспитания патриотических чувств и национальной идентичности в доступной для детей форме.

Цель исследования – изучение педагогического потенциала изобразительного искусства в патриотическом воспитании детей дошкольного возраста.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные публикации по рассматриваемой теме. В процессе написания данной работы были использованы теоретические методы: анализ литературы, сравнение, синтез и обобщение.

Результаты и их обсуждение. Патриотическое воспитание связано с формированием системы чувств и отношений ребенка к своей стране. Этап дошкольного детства является сензитивным для патриотического воспитания, так как имеет решающее значение для формирования эмоциональной сферы личности. Дети дошкольного возраста находятся на критической стадии когнитивного развития, и их мышление в основном носит образный характер. Их восприятие мира во многом зависит от собственного художественно-эстетического опыта [1, с. 113].

Художественное образование для детей дошкольного возраста преимущественно основано на продуктивной деятельности, которая не только является одним из способов познания детьми окружающего мира, но и дает возможность для выражения эмоций.

Интеграция патриотического воспитания в художественно-творческую деятельность на этом этапе может позволить семенам патриотизма глубоко укорениться в детских сердцах, и его долгосрочная ценность неизмерима. Так, китайский ученый Тао Лиюнь считает, в этот период у детей постепенно начинают формироваться правильные национальные понятия и развиваться глубокие чувства к Родине [2].

Когда мы органически совмещаем патриотическое воспитание с художественным образованием, мы видим, что такая интеграция имеет естественное соответствие с законами и особенностями когнитивного развития детей дошкольного возраста. Искусство является одним из важнейших средств патриотического воспитания. Ученый Ян Вэньли считает, что в изобразительном искусстве абстрактные для детей патриотические идеи могут быть преобразованы в визуальные символы, красочные и эмоциональные изображения, интуитивно доступные и понятные детям [3].

В контексте современной эры углубленное изучение практики органической интеграции патриотического и художественного образования в детском саду, несомненно, имеет далеко идущее стратегическое значение, позволяя заложить прочный фундамент для будущего развития страны.

Патриотизм – это самая естественная и чистая эмоция. Дошкольники находятся на стадии формирования ценностей и моральных норм, этот возрастной период является прекрасной возможностью для формирования патриотизма [4].

С точки зрения законов роста, эмоциональный мир, образ мышления и ценности детей на этом этапе интенсивно формируются, поэтому патриотическое просвещение в форме искусства достаточно легко поддается принятию и раннее эмоциональное и когнитивное его внедрение может оказать глубокое влияние на формирование будущих ценностей подрастающего поколения.

С точки зрения когнитивной адаптации, в дошкольном возрасте способность к восприятию теоретической информации весьма ограничена, в то время как творческая деятельность может визуализировать абстрактные понятия, такие как «государство» и «нация». Например, рисуя флаг, дети могут лучше понять глубокие значения национальных символов, чем воспринимая речь взрослого. Искусство расширяет пределы традиционных занятий, стимулируя интерес детей посредством рисования, рукоделия, позволяя детям на практике углублять понимание национальных символов, делая образование более ярким и продуктивным.

Сочетание художественного творчества и патриотического воспитания с точки зрения комплексного развития личности может не только способствовать формированию патриотизма, но и развитию эстетического восприятия, воображения, творческих способностей.

С точки зрения культурного наследия, патриотическое воспитание и национальная культура тесно связаны друг с другом. Художественная деятельность, в которой дети, например, создают рисунки, изображающих реки отечества, позволяет с раннего возраста развивать чувство национальной идентичности и гордости.

Глубинная связь между искусством и патриотическим воспитанием проявляется еще больше в характерных атрибутах и эмоциональных функциях искусства. С одной стороны, искусство является важным элементом культуры в развитии, документируя историю нации, культурные традиции и социальные преобразования, начиная с наскальных изображений, представляющих древние цивилизации. Китайская живопись и народное искусство содержат традиционные культурные элементы и отражает национальный дух, что дает богатый культурный материал для патриотического воспитания.

Искусство пробуждает патриотические чувства через визуальные образы, такие как изображение пейзажей отечества, пробуждая восхищение и любовь, что влияет на формирование национальных ценностей. Занятие искусством может визуализировать

национальный дух и другие патриотические идеи, например, посредством рисунков, изображающих Великую Китайскую Стену, которые демонстрируют национальное величие и, таким образом, углубляют восприятие детьми Родины и формируют чувство патриотизма и общественного сознания. Таким образом, у дошкольников, воспринимающих патриотические произведения искусства, эстетические и идеологические горизонты расширяются параллельно. Интеграция художественного образования и патриотического воспитания детей дошкольного возраста позволяет реализовать общую образовательную цель: художественное образование культивирует эстетическое восприятие, творческое выражение и креативное мышление; патриотическое воспитание формирует патриотические чувства и чувство национальной идентичности [5].

Существует множество обладающих большим потенциалом развития материалов, включая живопись, скульптуру и другие виды искусства, показывающих природные ландшафты, историческое наследие и героические подвиги Родины. Например, на занятиях по живописи дети рисуют Великую Китайскую стену и Запретный город, на занятиях по рукоделию – изготавливают флаг, а на занятиях по нравственному воспитанию знакомятся с произведением «Пять мудрецов в горах», «Большая книга Донхина» [6], «Пять лучших людей горы Жезун» [7]. Рисование по мотивам таких произведений, как «Маленький герой Юлай» [8], «Маленький солдат Чжан Га» [9] интегрирует художественное и патриотическое воспитание. Все это также позволяет сделать патриотическое воспитание более конкретным. Кроме того, это совместимо с природой ребенка.

Значима здесь также роль семьи. Так, Линь Сяофан считает, что семьи, в которых родители уделяют большое внимание всестороннему развитию детей, придают большое значение и патриотическому воспитанию [10]. При этом важно сотрудничество детских садов с семьями для проведения патриотических художественных мероприятий с участием родителей и детей.

Эстетическое образование жизненно важно для дошкольного возраста, это прекрасный способ выразить детскую искренность и воспитать патриотизм; при помощи кисти дети могут превратить понимание родины в визуальный образ.

Заключение. Подводя итог, можно сказать, что интеграция художественного образования и патриотического воспитания дошкольников представляет собой эффективный подход, учитывающий их когнитивные особенности и обладающий значительной практической и долгосрочной ценностью. Это не только конкретизирует абстрактные патриотические концепции, способствуя формированию ценностей детей, укреплению культурной идентичности и развитию их всесторонних способностей, но и позволяет детям естественным образом развивать патриотические чувства посредством художественного опыта, используя разнообразные средства, такие как тематическое творчество, практическая работа, знакомство с произведениями искусства и создание художественной среды. Более того, сотрудничество детских садов и семей может дополнительно усилить этот образовательный эффект, укрепить патриотические основы детей и сформировать резервные силы для национального развития.

1. Табачков, А. С. Рассуждение об эстетическом воспитании : монография / А. С. Табачков, Н. В. Щепеткова. – Москва : Мир науки, 2025. – 137 с.

2. 陶云丽.浅谈学前儿童美术教育的重要性[J].新课程(上),2017(05):5.

3. 杨文丽.幼儿园爱国主义教育现状及对策研究[J].好家长,2023(34):39-41.

4. 杨生丽.幼儿阶段厚植爱国主义情怀的教育策略[J].名师在线,2023(13):62-64.

5. 李晓光.美术教学中爱国主义教育的渗透[J].吉林教育,2013(Z2):89.

6. 李芷仪,吴卫.董希文“油画中国风”美学与艺术探究[J].艺术与设计理论 2024,2(09):110-112.DOI:10.16824/j.cnki.issn10082832.2024.09.022

7. 詹建俊.油画《狼牙山五壮士》[J].世纪风采,2023(08):2.

8. 王欣然.有志不在年高——《小英雄雨来》读后感[J].源流,2024(11):24-25.

9. 冉清简,李洁.红色儿童广播剧创作刍议——以《小兵张嘎》为例[J].艺术评鉴,2024(14):141-146.

10. 林小芳.促进幼儿“德智体美劳”全面发展[J].当代家庭教育,2021(16):51-52.

ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ИГРА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОСПИТАННИКОВ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Прудникова Е.В.,
обучающаяся 3 курса Оршанского колледжа ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Орша, Республика Беларусь
Научный руководитель – Устинова Н.Л., преподаватель

Ключевые слова. Театр, игра, творчество, способности, дети, занятия, музыкальные занятия, творческое объединение.

Keywords. Theater, play, creativity, abilities, children, classes, music classes, creative association.

Современное общество предъявляет к образовательному процессу ряд требований. Для развития полноценной творческой личности ребенка необходимо в дошкольных учреждениях включать разнообразные виды деятельности, для того, чтобы каждый дошкольник мог проявить свои способности и развить творческую активность [2, с. 7].

Цель исследования: изучить комплекс театрализованных мероприятий, развивающих творческие способности детей дошкольного возраста.

Материал и методы. Применялась совокупность теоретических и эмпирических методов: анализ научно – методической литературы, изучение нормативно – правовых документов по образованию, наблюдение, беседа, изучение педагогического опыта, анализ полученных результатов, методы математической статистики.

Результаты и их обсуждение. Игра – ведущий вид деятельности для дошкольников. Играя, ребенок получает багаж новых знаний, приобретает новые навыки и совершенствует свои умения. Театрализованная деятельность является разновидностью игры. Театрализованные игры пользуются у детей особой любовью. Участвуя в театрализованных играх, дети знакомятся с окружающим миром через художественные образы, своеобразные краски, неповторимые звуки. Возможности театрализованной игры достаточно широки. Театрализованные игры всегда создают настроение, радуют, вызывают у детей шквал эмоций, пользуются огромной любовью [1, с. 15].

Исследование проводилось на базе ГУО «Детский сад № 46 г. Орши» в период прохождения практики, в старшей группе, с детьми 5-6 лет. В исследовании приняло участие 20 воспитанников в возрасте 5 - 6 лет. Половозрастной состав испытуемых: 12 девочек, 8 мальчиков.

До начала исследования было проведено наблюдение за детьми старшей группы и составлена психологическая характеристика. Так о детях данной группы можно сказать: ребята спокойные, не очень активные, творчески себя почти не проявляют, но с удовольствием включаются в игровую деятельность, если воспитатель предлагает поиграть. Анализируя детский коллектив в целом, делаем вывод, что ребята в группе дружные, психологический климат в коллективе благоприятный. Далее, в процессе беседы с воспитанниками группы было установлено, что дети (100%) с удовольствием хотят участвовать в творческом эксперименте и выполнять творческие задания. На начальном этапе исследования была проведена диагностика творческих способностей детей данной группы. Для исследования были использованы экспресс методики кандидатов психологических наук В.Т. Кудрявцева и В.Б. Синельникова:

1. Методика «Солнце в комнате» (автор В.Т. Кудрявцев).
2. Методика «Складная картинка» (автор В.Б. Синельников).
3. Методика «Как спасти зайку» (автор В.Т. Кудрявцев).

Полученные данные диагностики показали, у 65% детей развитие реализма воображения на низком уровне, у 35% детей на среднем уровне. Развитие такой способности как надситуативно-преобразовательный характер творческих решений у 40% детей находится на низком уровне, у 30% – средний и 30% – высокий уровень. Способность видеть целое раньше частей у 30% детей развита на среднем уровне, и у 70% – на высоком уровне.

Проанализировав полученные результаты, мы сделали следующий вывод: у большинства детей (65%) плохо развито творческое воображение; с 40% детей нужно продолжить проводить работу, направленную на формирование надситуативно-преобразовательного характера творческих решений. Хорошие результаты (70%) показала диагностика творческого потенциала детей развитие способности видеть целое раньше частей.

В процессе наблюдения за деятельностью детей можно было увидеть, что они мало проявляли элементы творчества, были зажаты, не всегда точно могли выполнять действия с предметами. У ребят было плохо развито воображение, очень неуверенно многие включались в деятельность, перевоплощались в художественные образы, хотя процесс перевоплощения очень интересный. Дети действовали не согласованно, не умели строить простой диалог.

Таким образом, проведенная диагностика позволила определить уровень развития творческого потенциала группы на начальном этапе данной работы, а также запланировать мероприятия по дальнейшей работе в данном направлении.

После проведения диагностики было принято решение включить в работу театрализованные игры – драматизации. Детей мы разделили на две подгруппы. Сначала первая группа выполняла роль исполнителей – героев сказки, вторая – зрители. Затем дети менялись ролями. 1 подгруппа. Низкий уровень – 3 детей, средний – 6, высокий – 1 ребенок. 2 подгруппа. Низкий уровень – 2 детей, средний – 7, высокий – 1 ребенок Результаты свидетельствовали о том, что у детей реализация к театрализованной игре при самостоятельной деятельности находится на среднем уровне (13 детей – 65%) и ниже среднего (5детей – 25%). Игра была непродолжительная, неструктурированная, без эмоциональная. Дети не умеют и не знают, как подготовиться к игре. Все компоненты игры они обсуждали в ходе игры-драматизации.

Для анализа развития игры – драматизации мы использовали характеристику трёх уровней развития игры. Проанализировав результаты, мы можем констатировать, что развитие театрализованной игры у детей находится на среднем уровне и в группе преобладает количество детей, имеющих показатели среднего и низкого уровней. Это свидетельствует о необходимости проведения с детьми дополнительной работы по развитию творческих способностей через театрализованную игровую деятельность.

ГУО «Детский сад №46 г. Орши» имеет прекрасную базу для реализации поставленных задач. Мы продолжили работу в данном направлении и подключили к ней музыкальных руководителей, потому что, в дошкольном учреждении работает творческое объединение «Вдохновение». В ходе исследования мы опирались на наблюдение занятий с элементами театрально – игровой деятельности, музыкальных занятий, занятий творческого объединения «Вдохновение», развлечений, проводимых в старшей группе. Работа осуществлялась нами по следующим направлениям: развитие творческих способностей детей дошкольного возраста в процессе приобщения их к искусству; развитие речевой активности детей в процессе освоения средств языковой выразительности; использование различных видов музыкальной, игровой и театрализованной деятельности. Большое значение для развития творческих способностей имеют музыкально-ритмические упражнения (музыкальные миниатюры). Наблюдая за детьми, когда они погружаются в данный процесс, мы заметили особый блеск в глазах, их переполняли чувства, пробуждались эмоции. Все хотели принять участие в выполнении данных миниатюр, а некоторые дети, сами предлагали очень нестандартные образы. В детском саду разработана система работы театрализованной деятельности: знакомство с театром, его устройством, с профессиями людей, работающих в нем через виртуальные экскурсии, посещение спектаклей, просмотр видеофильмов, презентаций; выявление игровых, музыкальных и литературных предпочтений детей (беседы, наблюдения); чтение сказки, беседа по содержанию текста; освоение выразительных средств передачи образа: речь, мимика, движения, ритмопластика; применение упражнений и этюдов с героями и элементами сюжета сказки; изготовление атрибутов, декораций, масок, костюмов; организация спектакля. Данный аспект осуществляет музыкальный руководитель, который ведет работу творческого объединения «Вдохновение».

Очень важно применять и разнообразные формы работы, включая в них театрализованные игры. Это и занятия, и лекции-концерты, и увлекательные путешествия, и музыкально-театральные квизы, викторины, музыкально-литературные гостиные с элементами театрализованных представлений.

После проведения работы с учетом реализации эффективных приемов и методов развития творческих способностей дошкольников в театрализованной деятельности была проведена повторная диагностика измерения уровня развития творческих способностей по той же методике. Полученные данные диагностики показали, у 90% детей показатель развития реализма воображения на среднем уровне, низкий уровень – отсутствует. Развитие такой способности как надситуативно-преобразовательный характер творческих решений у 50% – средний и 50% – высокий уровень, низкий уровень – отсутствует. Способность видеть целое раньше частей у 20% детей развита на среднем уровне, и у 80% – на высоком уровне.

Проанализировав полученные результаты, мы сделали следующий вывод: наметилась положительная динамика по всем направлениям. Таким образом, мы видим, что систематическая и планомерная работа по развитию творческих способностей у детей старшего дошкольного возраста в процессе театрально-игровой деятельности приносит свои плоды. Происходит интенсивное развитие речи, активизируется и обогащается словарный запас, развивается воображение, способность управлять собой, эмоции и чувства. Дети становятся более свободными и раскрепощенными в общении, а главное у них загораются глаза и светятся лица улыбкой при слове «театр».

Заключение. В результате наблюдения и анализа музыкальных занятий, занятий объединения по интересам «Вдохновение», музыкально - театрализованных мероприятий, а также, диагностики уровня развития творческого потенциала детей, позволяет нам сделать вывод: творческие игры, театрализованная деятельность, ознакомление со средствами речевой выразительности с различными видами искусства и их интеграция, создание атмосферы доверия, свободы способствуют развитию творческих способностей дошкольников.

1. Веснина Е.Н. Развитие творческих способностей у детей дошкольного возраста средствами театрализованной деятельности / Е.Н. Веснина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. - 2023. - № 7 (454). — С. 242-24.
2. Неменова, Т. В. Развитие творческих проявлений детей в процессе театрализованных игр// Дошкольное воспитание. – 2019. - №1. – С. 53-55.

ОЗНАКОМЛЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ПОСРЕДСТВОМ БЕСЕДЫ

Рымарева А.Ю.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Щепеткова Н.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Восприятие произведений искусства, беседа, изобразительное искусство, начальное образование, младшие школьники.

Keywords. Perception of works of art, conversation, fine arts, primary education, and junior schoolchildren.

Ознакомление младших школьников с произведениями изобразительного искусства имеет огромное значение для развития эстетической культуры учащихся. Дети этого возраста находятся на этапе активного познания окружающего мира, и именно в этот период очень важно формировать у них эстетическое восприятие и интерес к искусству.

Восприятие произведений искусства является неотъемлемой частью уроков изобразительного искусства. Вместе с тем, в научной и методической литературе практически отсутствуют рекомендации к проведению бесед об искусстве, что делает процесс ознакомления учащихся с произведениями искусства затруднительным для учителя начальных классов [1]. Указанное определяет актуальность темы исследования.

Цель исследования – охарактеризовать потенциал беседы как метода ознакомления младших школьников с произведениями искусства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили научные и методические публикации, учебно-программная документация. Использованы теоретические методы научного исследования (анализ, синтез, сравнение, обобщение), эмпирические методы (тестирование), методы математической обработки данных.

Результаты и их обсуждение. В рамках учебного предмета «Изобразительное искусство» предусмотрен компонент «Восприятие произведений искусства», который направлен на освоение материала на искусствоведческом уровне. В контексте уроков изобразительного искусства восприятие становится важным инструментом для формирования эстетического вкуса учащихся и развития их критического мышления.

Особенности ознакомления учащихся начальных классов с произведениями изобразительного искусства требуют отдельного внимания. Ведь дети этого возраста находятся на этапе активного познания окружающего мира, и именно в этот период очень важно формировать у них эстетическое восприятие и интерес к искусству.

Компонент «Восприятие произведений искусства» призван расширять художественный кругозор, знакомить с теоретическими основами изобразительного искусства и его языком. При изучении этого раздела программы акцент делается на развитии навыков восприятия и анализа произведений искусства, формировании знаний о творчестве художников, а также развитии эмоционального отклика и способности выражать свое отношение к произведениям. Кроме того, ознакомление учащихся с произведениями изобразительного искусства имеет важное воспитательное значение.

В контексте проводимого исследования нас интересовал уровень овладения учащимися 4 класса содержанием учебной программы по предмету «Изобразительное искусство» в части знаний произведений изобразительного искусства, рекомендованных программой. Нами были разработаны тестовые задания, содержащие преимущественно вопросы закрытого типа, направленные на узнавание произведений живописи (сопоставление изображения и названия, изображения и автора, изображения и жанра). В тест были включены наиболее узнаваемые картины из рекомендованных учебной программой по предмету «Изобразительное искусство».

Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 1 г. Городка имени И.Х. Баграмяна» в марте 2025 года. Число участников составило 21 человек.

Результаты тестирования обобщенно представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Результаты тестирования учащихся по узнаванию произведений живописи

Категория заданий	Выполнено верно	Выполнено частично	Выполнено неверно
Узнавание автора	44,5%	19,5%	36%
Узнавание названия	61%	32%	7%
Узнавание жанра	49,3%	10,1%	40,6%

Результаты исследования показали недостаточное освоение учащимися материала, что позволило заключить о необходимости совершенствования работы в области ознакомления учащихся с произведениями искусства.

Традиционным методом ознакомления с произведениями изобразительного искусства является беседа. В беседе об искусстве учащиеся знакомятся с выдающимися произведениями, учатся выражать свое отношение к ним, выделять наиболее важные особенности формы, содержания, средств художественной выразительности в творчестве художников и т.д. [2, с. 93].

Беседы об искусстве, в сочетании с демонстрацией репродукций и слайдов способствуют развитию эстетического восприятия мира, формированию художественного вкуса и расширению представлений о культуре прошлого и настоящего [3, с. 35].

Поэтому с целью совершенствования ознакомления учащихся с изобразительным искусством нами был разработан цикл бесед о картинах. Перечень картин был составлен на основе учебной программы по предмету «Изобразительное искусство» [4] и дополнен в соответствии с Приложением 15 к Инструктивно-методическому письму Министерства образования Республики Беларусь «Об организации в 2024/2025 учебном году образовательного процесса при изучении учебных предметов и проведении факультативных занятий при реализации образовательных программ общего среднего образования» [5]. Таким образом перечень произведений дополнился картинами на тему Великой Отечественной войны, а также произведениями витебских художников, что позволяет глубже познакомить учащихся с уникальным региональным художественным наследием. Кроме того, мы разработали беседы о некоторых картинах, содержащихся в учебном пособии, рекомендованном для работы на уроках изобразительного искусства в 4-м классе [6].

В результате нами были разработаны беседы по 21 картине: В. Васнецов. «Аленушка»; И. Левитан. «Золотая осень»; Е. Зайцев. «Оборона Брестской крепости»; Ф. Гумен. «Витебск (пятиэтажка)»; И. Хруцкий. «Плоды и птичка»; С. Жуковский. «Ранняя весна. Беседка в парке»; А. Дайнека. «Оборона Севастополя»; Ю. Непринцев. «Отдых после боя»; Г. Кликушин. «Витебск. Мост»; Н. Тихообразов. «Интерьер в имении Лопухиных»; С. Жуковский. «Интерьер в лунном свете»; С. Жуковский. «В старом доме»; С. Жуковский. «Интерьер с самоваром»; П. Явич. «Наташа»; П. Явич. «Портрет М. Ф. Шмырев»; В. Цвирко. «Март»; И. Шишкин. «Сосны, освещенные солнцем»; И. Карасев. «Золотая осень»; В. Васнецов. «Богатыри»; А. Рылов. «В голубом просторе»; М. Чепик. «На Ивана Купала».

Каждая беседа о картине включала краткий рассказ, содержащий интересные сведения о художнике и истории создания картины (при наличии такой информации), вопросы к учащимся, в том числе, проблемного характера, позволяющие совместно проанализировать изобразительно-выразительные средства каждого произведения, а также вопросы, способствующие решению воспитательных задач урока. Анализ художественно-выразительных средств также занимает важное место в каждой беседе. Мы уделили внимание композиции, цветовой палитре, использованию света и тени, а также другим элементам, которые помогают предать замысел художника.

Каждая беседа была ориентирована на решение не только образовательных, но и воспитательных задач. Мы стремились сформировать у детей уважение к культуре и искусству своего и братского российского народа, чувства национальной гордости и патриотизма, развивать эстетический вкус. Обсуждение картин стало не только передачей знаний о художественных произведениях, но и возможностью для детей выразить свои чувства и мысли, делиться впечатлениями и находить собственные интерпретации произведений искусства.

Разработка была внедрена в образовательную практику ГУО «Средняя школа № 1 г. Городка имени И. Х. Баграмяна» и применялась на уроках изобразительного искусства в 4-м классе, что позволило повысить уровень знаний учащихся в интересующей нас области.

Заключение. Обобщая вышеизложенное, заключим, что беседа является эффективным методом ознакомления младших школьников с изобразительным искусством. Систематическое проведение бесед о картинах на уроках изобразительного искусства позволяет не только сформировать знания, предусмотренные учебной программой по предмету «Изобразительное искусство», но и способствует эстетическому развитию учащихся, а также решению важнейших воспитательных задач.

1. Щепеткова Н. В. Проблемы подготовки будущего учителя к проведению бесед об искусстве / Н. В. Щепеткова // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2025. – № 25-4. – С. 268–274.

2. Материалы курса «Особенности обучения школьников по программе Б. М. Неменского «Изобразительное искусство и художественный труд» : лекции 1-4. – М. : Педагогический университет «Первое сентября», 2007. – 124 с.

3. Власова, Н. В. Методика обучения изобразительному искусству : учеб. пособие / Н. В. Власова. – Воронеж : ВГПУ, 2023. – 240 с. – ISBN 978-500044-976-9. – Текст : электронный // Лань : электронно-библиотечная система. – URL: https://e.lanbook.com/book/340178 (дата обращения: 09.04.2025).

4. Учебная программа по учебному предмету «Изобразительное искусство» для I–IV классов учреждения образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания : утв. Постановлением М-ва образования Республики Беларусь от 18 авг. 2023 – URL: https://clck.ru/3MQpC5 (дата обращения: 09.04.2025).

5. Инструктивно-методическое письмо Министерства образования Республики Беларусь «Об организации в 2024/2025 учебном году образовательного процесса при изучении учебных предметов и проведении факультативных занятий при реализации образовательных программ общего среднего образования» – URL: https://goo.su/XBx1vmS (дата обращения: 09.04.2025).

6. Шкуратова, М. А. Изобразительное искусство : учеб. пособие для 4-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения : для работы в классе / М. А. Шкуратова, Ю. А. Лукашевич ; худож. А. М. Новиков. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2018. – 192 с.

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ МЕЛКОЙ МОТОРИКИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Соляных Р.А.,
студентка 4 курса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Российская Федерация
Научный руководитель – Мигунова Е.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. мелкая моторика рук, дети дошкольного возраста.
Keywords. Fine motor skills of hands, preschool children.

Актуальность исследования обусловлена потребностью развития мелкой моторики у современных детей дошкольного возраста. Мелкая моторика включает в себя координацию движений рук и пальцев, что имеет большое значение для формирования навыков письма, рисования, выполнения разных манипуляций и решения практических задач. Учитывая значимость этого процесса, в работе рассматриваются основные аспекты развития мелкой моторики, влияние на другие сферы развития ребенка, выявляется роль игры, способствующей улучшению данной способности. Проблема развития мелкой моторики привлекает внимание педагогов и специалистов, так как является ключевым компонентом в общем развитии ребёнка, влияющим на его когнитивные способности, эмоциональную сферу, на социальные навыки. Причин данной проблемы несколько, но одной из главных является чрезмерная комфортность и упрощение повседневных задач.

Цель исследования **–** теоретическое обоснование проблемы развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста.

Материалы и методы. На кафедре начального, дошкольного образования и социального управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого проведено исследование проблемы развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста, которая включает изучение кинестетической основы движений, графических проб, манипуляций с предметами.

В качестве материала исследования были использованы нормативные документы, литературные источники, публикации, затрагивающие тему исследования. Основным теоретическим методом исследования стал анализ нормативных документов, психолого-педагогической литературы по проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. Мелкая моторика развивается у людей с младенчества. Они учатся хватать предметы и перекладывать их из руки в руку, а по мере роста их двигательные навыки становятся все более разнообразными и сложными.

Проблема развития мелкой моторики у детей раннего возраста отражена в Федеральном государственном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО). В требованиях ФГОС ДО говорится о необходимости создания условий для развития координации движений, развития мелкой моторики рук, предметной деятельности [5].

Целевые ориентиры на этапе завершения дошкольного образования, прописанные в ФГОС ДО, констатируют: «у ребенка развита крупная и мелкая моторика; он подвижен,

выносливый, владеет основными движениями, может контролировать свои движения и управлять ими». Это свидетельствует о том, что к концу дошкольного периода дети должны достичь высокого уровня развития движений, в том числе мелкой моторики, который поможет им на следующем этапе образования.

Определения мелкой моторики различных авторов схожи между собой, но мы считаем, что наиболее полным является позиция М.М. Кольцовой: «Мелкая моторика – это совокупность скоординированных действий нервной, мышечной и костной систем, часто в сочетании со зрительной системой, в выполнении мелких и точных движений кистями и пальцами рук и ног» [1].

Современные родители, стремясь облегчить жизнь себе и своим детям, часто выбирают одежду и обувь, которые не требуют дополнительных усилий для использования. Например, обувь на липучках, вместо классической на шнурках, становится всё более популярной. Это решение, безусловно, облегчает процесс обувания и экономит время, однако оно одновременно лишает детей возможности развивать навыки, связанные с завязыванием шнурков. Аналогичная ситуация наблюдается и с одеждой: кофточки на заклёпках и магнитах, которые проще надевать и снимать, становятся предпочтительными. Однако это также уменьшает количество практики, необходимой для освоения таких простых, но важных действий, как застёгивание пуговиц.

Важно понимать, что развитие мелкой моторики включает в себя множество мелких движений, таких как щипковые, захватывающие и манипуляционные, которые формируются в процессе взаимодействия с различными предметами. Если же дети лишены возможности заниматься подобной деятельностью, это может привести к задержкам в их моторном и когнитивном развитии. Например, навыки, связанные с манипуляцией с мелкими предметами, играют важную роль в формировании координации, пространственного восприятия и даже математических способностей.

М.М. Кольцова считала, что систематические упражнения по тренировке движений пальцев являются «мощным средством» повышения работоспособности головного мозга. Она считала, что развитие мелкой моторики предполагает следующее:

- Стимулирование развития речи. Тренировка тонких движений пальцев рук оказывает большое влияние на развитие активной речи ребёнка.
- Развитие всех видов восприятия. Параллельно с развитием моторики развиваются зрение, осязание, чувство мускулов и суставов.
- Помощь в исследовании и классификации окружающих вещей. Навыки мелкой моторики помогают ребёнку лучше понять мир, в котором он живёт.
- Помощь в самостоятельном обслуживании себя. Например, даже для того, чтобы застегнуть пуговицу, нужен определённый навык.
- Развитие ловкости и умения управлять своими движениями.
- Развитие мелкой моторики способствует концентрации внимания на одном виде деятельности [1].

Развитие мелкой моторики у детей связано с формированием координации движений и укреплением мышечного тонуса. Сложные и точные движения рук способствуют не только физическому развитию ребенка, но и стимулируют его познавательные процессы. Например, активные игры, в которых задействованы руки, способствуют развитию зрительно-моторной координации. Дети, которые активно участвуют в подобной деятельности, как правило, быстрее осваивают навыки письма, рисования и другие важные для учебы умения.

Важно отметить, что недостаточное развитие мелкой моторики может привести к различным затруднениям в обучении и социализации. Дети, у которых наблюдаются трудности в выполнении мелких действий, могут испытывать проблемы с самообслуживанием, что неблагоприятно сказывается на их самооценке и межличностных отношениях. Предоставление возможностей для активного тренинга мелкой моторики, например, через игры, становится важным аспектом воспитания.

Высшим проявлением детской деятельности Ф. Фребель справедливо считал игру. Он фактически был первым, кто оценил важнейшее значение игры в жизни и развитии ребенка. На детской любви к играм и занятиям он построил всю свою систему. Признавая человека существом творческим и стремящимся к творчеству с первых лет жизни, Ф. Фребель, естественно, видел в играх детей проявление их стремления к творческой самостоятельности и придавал играм огромное значение в развитии ребенка. «Игра, – пишет он, – есть высшая ступень человеческого развития в это время, ибо игра есть свободное выражение внутреннего [2].

Мелкая моторика представляет собой способность человека выполнять координированные движения с помощью мелких мышц, находящихся в кистях рук и пальцах. Эта область моторики крайне важна для всестороннего развития ребенка, поскольку включает в себя не только физические навыки, но и когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты его развития.

Развитие мелкой моторики начинается с самого раннего возраста и продолжается в период дошкольного детства. На этом этапе у детей активно формируются навыки обратной связи, позволяющие им осваивать различные действия, такие как хватание, манипулирование предметами и выполнение простых узоров. Эти базовые навыки становятся основой для более сложных действий, таких как письмо, рисование и использование столовых приборов [3].

Эмоциональное развитие также подвержено влиянию мелкой моторики. Успехи в выполнении мелких заданий, таких как застежка молний или завязывание шнурков, порождают чувство удовлетворения и уверенности в себе у ребенка. Таким образом, последовательное освоение мелкой моторики становится не только средством достижения практических навыков, но и важным аспектом формирования самооценки и устойчивости к неудачам [3].

Социальное взаимодействие тоже оказывает значительное влияние на развитие мелкой моторики. В контексте групповых игр и совместных занятий дети учатся делиться, следовать правилам и преодолевать конфликты. Такие взаимодействия способствуют не только улучшению физических навыков, но и развитию таких качеств, как эмпатия и сотрудничество [4].

Заключение. Психолого-педагогическая поддержка со стороны педагогов, специалистов и родителей является важным фактором, способствующим развитию мелкой моторики. Создание комфортной обстановки для игры и освоения новых навыков позволяет ребенку чувствовать себя безопасно. Это положительно сказывается на его самооценке и уверенности в своих силах. Например, во время проведения пальчиковых игр важно не только предложить ребенку задания, но и дать конструктивную обратную связь, которая будет подчеркивать его успехи.

Мелкая моторика представляет собой способность человека выполнять координированные движения с помощью мелких мышц, находящихся в кистях рук и пальцах. Эта область моторики крайне важна для всестороннего развития ребенка, поскольку включает в себя не только физические навыки, но и когнитивные, эмоциональные и социальные аспекты его развития.

1.Кольцова, М.М., Рузина, М.С. Ребенок учится говорить. Пальчиковый игротренинг. — Екатеринбург: У-Фактория. - 2004. — 224 с.

2.Пидкасистый, П.И. Педагогика: учебник для студентов педагогических учебных заведений / П. И. Пидкасистый. – М.: Просвещение.- 2012. – 511 с.

3.Смирнова, Е.О. Дошкольная педагогика: педагогические системы и программы дошкольного воспитания: учебное пособие для вузов / Е. О. Смирнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт.- 2024. — 121 с.

4.Тунина, Е.Г. Развиваю мелкую моторику — СПб.: Питер.- 2000. - 144 с.

5.Федеральный государственный образовательный стандарт Дошкольного образования: официальный сайт. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-do/?ysclid=m44e2bwvhe829835177

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Турлович Э.Э.,
студентка 3 курса Пензенского государственного университета,
г. Пенза, Российская Федерация
Научный руководитель – Гордеева В.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Личностно-ориентированный подход, дошкольное образование, индивидуальность, дети дошкольного возраста.

Keywords. Personality-oriented approach, preschool education, individuality, preschool children.

Дошкольное образование является фундаментом в построении личности ребенка, оно задает вектор его развития.

Актуальность исследования состоит в том, что личностно-ориентированный подход предполагает построение образовательного процесса, учитывающего уникальные особенности, интересы, потребности и способности каждого ребенка, создавая условия для его самореализации и успешной социализации [2, с. 551].

Целью исследования является теоретическое обоснование и анализ возможностей применения личностно-ориентированного подхода в дошкольном образовании в качестве основного пути развития индивидуальности у детей дошкольного возраста.

Материалы и методы. Исследование базируется на анализе существующих научных публикаций, методических рекомендаций и практических описаний применения личностно-ориентированного подхода в дошкольном образовании. Использованы методы теоретического анализа, систематизации и обобщения данных научных источников, направленных на изучение существующих практик развития индивидуальности детей дошкольного возраста.

Результаты и их обсуждение. В основе личностно-ориентированного подхода лежит принцип, согласно которому ребенок становится главным действующим лицом образовательного процесса. В отличие от классической системы, где акцент делается на стандартизированном усвоении материала, данный подход делает упор на уникальных характеристиках каждого ребенка. При его реализации педагоги учитывают не только интеллектуальные способности, но и личные склонности, увлечения, образовательные запросы и индивидуальные особенности характера воспитанников. Такой метод позволяет создать более эффективную образовательную среду, где каждый ребенок может развиваться в собственном темпе и направлении, максимально раскрывая свой потенциал.

Как и любой компонент педагогического процесса личностно-ориентированный подход имеет свои принципы:

1) признания уникальности каждого ребенка;
2) приоритетности желаний и потребностей ребенка;
3) создания условий для самовыражения и самореализации;
4) сотрудничества и партнерства (педагог – помощник, партнер);
5) индивидуальности и дифференцированности [3].

Практическая реализация личностно-ориентированного подхода в образовательном процессе ДОО представляет собой сложный многогранный процесс, требующий от педагога глубокого понимания психологических особенностей детей дошкольного возраста, владения современными образовательными технологиями и умения создавать условия для максимального раскрытия потенциала каждого ребенка. Это не просто методика, а целостная система, направленная на развитие индивидуальных способностей и формирование субъектной позиции дошкольника в образовательном процессе.

Для успешной реализации этого подхода необходимо создание развивающей предметно-пространственной среды, которая включает в себя:

– разнообразные и полифункциональные игрушки, пособия и материалы для различных видов деятельности дошкольников;

– легко изменяющиеся и адаптирующиеся зоны к интересам и потребностям детей;

– доступные и безопасные в использовании материалы;

– эстетическую привлекательность, которая будет стимулировать творческую активность дошкольников и придавать положительный настрой в работе [1].

Личностно-ориентированный подход коренным образом трансформирует профессиональную позицию педагога в образовательном процессе ДОО. Традиционная модель «передатчика информации» уступает место более сложной и многогранной роли наставника, который выступает в качестве надежного партнера и профессионального фасилитатора в процессе взаимодействия с детьми.

К ключевым компетенциям воспитателя, способного эффективно реализовать данный подход, предъявляются следующие требования.

1. Эмпатичное взаимодействие с воспитанниками, предполагающую развитую способность к активному слушанию, глубокому пониманию внутреннего мира ребенка, а также умение своевременно выявлять и учитывать его индивидуальные интересы и образовательные потребности.

2. Умение создать благоприятную среду для обучения и воспитания дошкольников, включая формирование атмосферы психологического комфорта, где каждый ребенок чувствует себя защищенным и может свободно проявлять свои способности. Важным аспектом является конструктивное отношение к ошибкам и активная поддержка творческих начинаний детей.

3. Профессиональная гибкость, проявляющаяся в умении адаптировать образовательные стратегии под особенности каждого дошкольника, применять инновационные методики и находить оригинальные подходы к решению педагогических задач.

4. Непрерывное развитие профессионального мастерства, требующее от воспитателя постоянного изучения современных психолого-педагогических концепций, освоения инновационных образовательных технологий и активного участия в профессиональном обмене опытом с коллегами.

Заключение. Таким образом, педагог в рамках реализации личностно-ориентированного подхода становится настоящим проводником в мире знаний, способным раскрыть потенциал каждого ребенка. Практическая значимость данного подхода заключается в том, что он позволяет не только обеспечить качественное усвоение дошкольниками передаваемого материала, но и способствует формированию у них ключевых компетенций, развитию критического мышления, самостоятельности – качеств, необходимых для успешной самореализации в современном обществе.

1. Альшевская, И.М. Личностно-ориентированный подход в воспитании дошкольников / И.М. Альшевская // Педагог ДОУ. – 2018. – URL: https://www.pdou.ru/categories/9/articles/ 3013?ysclid=mg87818sdn441543359 (дата обращения: 27.10.2025).

2. Смолина, Н.А. Образовательная деятельность на основе технологии личностно-ориентированного обучения в дошкольном образовательном учреждении / Н.А. Смолина // Молодой ученый. – 2021. – № 50 (392). – С. 551–553.

3. Якупова, Г.Р. Методическая разработка «Применение личностно-ориентированной технологии в работе с детьми дошкольного возраста» / Г.Р. Якупова // Образовательная социальная сеть. – URL: https://sabirova-domodsch9.edumsko.ru/folders/post/3396347/ (дата обращения: 25.10.2025).

USE OF NEUROPSYCHOLOGICAL TECHNIQUES IN CORRECTION OF WRITING DISORDERS IN CHILDREN WITH INTELLECTUAL INSUFFICIENCY

Roshchina N.N.[1], Bulakh P.M.[2],

[1]4-th year student, [2]1-st year student VSU named after P.M. Masherova,

Vitebsk, Republic of Belarus

Scientific supervisor –Shved M.V., senior lecturer

Keywords. Intellectual disability, writing, neuropsychological correction, correctional and pedagogical activities.

Writing disorder is one of the most common developmental problems for students with intellectual disabilities. Effective overcoming of difficulties in mastering writing requires an understanding of its mechanisms, which makes it possible to identify the components of mental

functions that have developed in a child by the beginning of school education, as well as those that are delayed in their development, and to determine the ratio of strengths and weaknesses in cognitive processes. Using the neuropsychological method of mental activity research to solve these problems allows us to move on to the targeted design of a system of psychological and pedagogical measures aimed at eliminating the imbalance between the current state of children with intellectual disabilities and the requirements of the educational environment.

D.B. Elkonin, A.N, Gvozdev, O.S. Ushakova, O.M. Dyachenko, T.V. Lavrentyeva, A.M. Borodich, E.D.Khomskaya, A.D.Kurlapova, and others. The following features of the development of literacy prerequisites for older preschool children are distinguished: the ability to clearly pronounce sibilant, sibilant and sonorous sounds, differentiating them in speech; a sufficient level of development of auditory perception and phonemic hearing; the ability to distinguish words from phrases that contain specified sounds; the correct use of many grammatical forms and categories; constant enrichment of vocabulary, etc. [1].

Disruption of the activity of analyzers and mental processes in children with intellectual disabilities leads to the inferiority of the psychophysiological basis for the formation of written speech. Therefore, already at the beginning of school education, they have difficulty mastering all the operations and actions that enter into the processes of reading and writing. The greatest difficulties in mastering these skills in children of this category are associated with impaired phonemic hearing, sound analysis and synthesis. Levina notes that first-graders with intellectual disabilities have difficulty differentiating acoustically similar phonemes, as a result, they do not remember letters well, correlating the letter with different sounds. Thus, there is a violation of the system of transcoding and encoding letters into sound and sound into letter.

G.N. Mezhentseva, E.Yu. Shevchenko point out that the imperfection of analysis and synthesis among students with intellectual disabilities leads to difficulties in dividing a word into its component parts, identifying each sound, establishing the sound sequence of a word, mastering the principle of merging two or more sounds into a syllable, and writing in accordance with the principles of Russian graphics. The authors consider the inferiority of visual perception as an obstacle to sufficiently fast and accurate memorization of the graphic image of a letter, its differentiation from similar graphemes, and the establishment of correspondence between printed and written, uppercase and lowercase versions of each letter [2].

According to M.B. Khvattseva, D.I. Orlovoy, V.V. Voronkovoy, writing disorders in students with intellectual disabilities are significantly more common than in children with normal intelligence. The symptoms of dysgraphy in students of this category are characterized by a large number and variety of writing errors and the complexity of their mechanisms (V.V. Voronkova, E.M. Gopichenko, E.F. Sobotovich, D.I. Orlova, etc.). Dysgraphy of students with intellectual disabilities is most often manifested in a complex form, in a complex, in a combination of various forms (dysgraphy based on a violation of sound analysis and synthesis, acoustic dysgraphy, acoustic and articulatory-acoustic dysgraphy, etc.).

The purpose of our study is to identify the peculiarities of writing skills formation in children of primary school age with intellectual disability.

Materials and methods. We conducted an experimental study on the basis of the State Educational Institution "Special School № 26 in Vitebsk". The total number of people involved in the study was 20 students in grades 1-5 of the first department of the special school. Neuropsychological diagnostics was used as a research method - examination of letters by T.V. Akhutinoy, O.B.Inshakovoy [3].

The results and their discussion. Let's present an analysis of some of the research results. Only 15% of students with intellectual disabilities spelled their first and last names correctly, including with a capital letter. 20% of the children participating in the experimental study completed the recording with errors. The typical difficulties of this category of subjects, based on the analysis of the results of performing diagnostic tests, include: - inaccuracy or absolute inaccuracy of the transmission of the graphic image of letters.; - combined spelling of last name and first name; absence of capital letters; - the presence of optical and spatial errors; - incomplete execution of the task (for example, Egor A. wrote only the name).

In 50% of students with intellectual disabilities, the task was completed with more than four errors. Typical difficulties, along with the previous group of these features, include: - missing consonants/vowels, - mirroring when writing letters; - rearrangement of letters; - mixing of consonants / vowels; - kinetic errors. For example, Lisa Sh., did not use the working line, wrote the last name with a lowercase letter, when writing the name after the letter, and wrote the letter L again, while skipping the letter Z.

None of the students with intellectual disabilities wrote all the letters of the alphabet correctly. 15% of children with intellectual disabilities were able to write all vowel letters, using both lowercase and uppercase letters. For example, Katya K. wrote in block letters: I, U, U, Ya, and the letters O, E, E, S, E in capital letters; moreover, she wrote the letters A and O twice. In some cases, there was an increase in the size of letters towards the end of the line (macrography).

Only 10% of the participants in the experimental study were able to spell the dictated letters correctly. 90% of special school students failed to complete this task in full. The following difficulties were noted: mixing of deaf and sonorous sounds and, accordingly, incorrect writing of letters on the letter and vice versa (45% - 55%); mixing of hissing and whistling sounds (55%); omissions of letters when writing consonants (70%); omissions of vowels (35%); errors in kinetic triggering (45%); re-writing a newly written or named letter instead of the necessary one (40%); introducing vowels (20%); introduction of consonants (30%).

Thus, the results of the conducted neuropsychological examination showed that children of primary school age with intellectual disabilities have significant difficulties in mastering writing skills, which include: - insufficient level of processing of auditory, kinesthetic and visual-spatial information; - lack of formation of the serial organization of movements and operations; - violations of the processes of programming and control of voluntary actions.

The specific features of writing in this category of children that require the organization of correctional and developmental work, including the use of neuropsychological exercises, include: - the combined spelling of words.; - optical errors; - missing letters; - mirroring of letters; - inaccuracy of the transfer of the graphic image of the letter; - micro- and macrography; - difficulty holding the line when writing; - letter height fluctuations; - kinetic launch errors; - letter mixing; - perseverations; - fluctuations in the inclination of letters, etc.

Within the framework of the neuropsychological analysis of the system structure of the VPF, technologies for the formation of basic directions for teaching writing have been developed, including:

- willingness to process auditory, kinesthetic, visual, and visuospatial information;
- the maturity of serial organization of movements and actions;
- the level of formation of programming and control of arbitrary actions;
- the ability to maintain a working condition [4].

Based on the results of the analysis of psychological and pedagogical literature (A.R. Luriya, L.S. Tsvetkova, V.M. Astapov, T.G. Vizel, Zh.M. Glozman, O.B. Inshakova, T.V. Akhutina, A.V. Semenovich, etc.) and experimental data, we have developed a cycle of remedial classes "I am friends with writing" using neuropsychological exercises for the formation of writing skills in children of primary school age with intellectual disability.

To ensure the possibility of implementing the variability of the content of correctional classes on the formation of graphomotor skills and the prevention of writing disorders in children of primary school age with intellectual disabilities, we have selected the following neuropsychological exercises: - an exercise for greeting and saying goodbye (for example, "Cheerful Stream"); - exercises for warming up (for example, "Reaching for the sun", "The Star"); - exercises aimed at the formation of graphomotor skills, psychomotor coordination and cognitive competencies (for example, rhythmization: "Telegraphists", "Invent a rhythm"); - motor warm-up games (for example, cross movements "Steps in the sea", "Hello, ears!", "Brain buttons").

Conclusion. Thus, the formation of writing, as a complex analytical and synthetic activity, occurs in children with intellectual disabilities with a qualitative peculiarity, which requires a special organization of correctional and pedagogical activities. Children of primary school age with intellectual disabilities have significant difficulties in mastering writing skills: - low level of

readiness to process auditory, kinesthetic, visual and visuospatial information; - immaturity of serial organization of movements and actions; - insufficient level of formation of programming and control of arbitrary actions; - difficulties in maintaining working order when writing.

The developed methodological recommendations on the use of neuropsychological exercises for the development of writing in children of primary school age with intellectual disabilities, the cycle of remedial classes "I am friends with writing" are an independent and promising area of correctional and developmental work with this category of students.

1. Fundamentals of neuropsychology: an educational and methodical manual / author-compiler A.D. Kurlapova; Yekaterinburg: USPU, 2023. - 122 p.
2. Mezhentseva, G.N. Features of writing in younger schoolchildren with intellectual disabilities / G.N. Mezhentseva, E.Y. Shevchenko // The world of pedagogy and psychology. - 2019. - № 3(32). - P. 97-104.
3. Neuropsychological diagnostics, examination of writing and reading of younger schoolchildren (examination protocols) / Edited by T.V. Akhutina, O.B.Inshakova. Moscow: Sphere, 2008. - 48 p.
4. Neuropsychological correction of specific disorders of school skills: methodological recommendations / Comp. T.A. Titeeva. Yuzhno-Sakhalinsk: IROSO Publishing House, 2022. - 28 p.

THE USE OF POP MUSIC IN THE AESTHETIC EDUCATION OF CHILDREN AND ADOLESCENTS

Yao Yao,
VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Sused-Vilichinskaya Y.S., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Popular music, aesthetic education, primary and secondary school education, educational reform.

Driven by a wave of reform in the 21st century, China's current education system is undergoing a profound transformation that focuses on quality outcomes. This direction increasingly emphasizes the role of aesthetic education in primary and secondary schools as part of a comprehensive system for developing students' abilities. However, traditional music education models have shown many limitations and adaptability issues in meeting the requirements of modernity.

In the compulsory educational program, aesthetic education occupies an equally important position with courses such as music and fine arts. However, the frequency of these courses is usually planned once or twice a week. Obviously, it is unrealistic to expect a significant improvement in the artistic improvement of students, not to mention the acquisition of a significant amount of musical knowledge in such a limited time frame.

Popular music, with its unique attributes of being close to life, direct in expression, and convenient in dissemination, has become the main channel for daily cultural consumption and emotional expression among young people. The educational potential and aesthetic value inherent in this cultural phenomenon provide new ideas and possibilities for innovating traditional aesthetic education models. The purpose of this article is to analyze the use of pop music in the aesthetic education of students.

Material and methods. The material for this article was personal pedagogical experience as a music teacher at the Vocational School Yantai Nanshan. Methods of analysis, synthesis, and generalization were used.

Findings and their discussion. In the process of the continuous deepening of the education system reform in the 21st century, the concept of quality-oriented education has become the core guiding ideology of China's education development. Against this backdrop of educational transformation, aesthetic education in primary and secondary schools, as a key link in cultivating students' comprehensive qualities, is receiving high attention from the education sector and all sectors of society. Aesthetic education bears the historical mission of inheriting excellent cultural traditions, and at the same time shoulders the educational responsibility of cultivating students' aesthetic ability, innovative spirit and humanistic quality.

As Peng Feng pointed out in his research, the core task of aesthetic education in the era of globalization lies in cultivating students' comprehensive quality and artistic accomplishment, and enhancing students' cultural understanding and critical thinking ability through aesthetic education [1]. However, the traditional model of music education in primary and secondary schools faces numerous difficulties and challenges. Traditional music education consists of classical music and folk music, which does not satisfy the diverse aesthetic needs of modern students.

It should be noted that teaching methods are relatively outdated and lack innovative elements. This results in low student interest in music classes. According to studies by Che Shuailin, the proportion of primary school students who enjoy music classes is only 40%, and among primary school students it drops to 33% [2]. This phenomenon fully reflects the essence of the traditional model of music education.

As Wang Shiyao emphasized, popular music is gradually integrating into everyday life and has a profound impact on students. Meanwhile, pop music, as an important part of modern social culture, enjoys extremely high popularity and influence among adolescents with its characteristics of ease of understanding, lively and easy to distribute. Pop music not only reflects the spirit of time and social culture, but also becomes an important way to express your emotions and relieve stress in adolescents [3].

Just as Yao Xuhui suggested, introducing popular music and combining it with student's psychological and age characteristics can effectively increase student's interest in music [4]. The research by Yan Shasha further indicates that teachers need to view the influence of popular music dialectically and select positive and healthy works to introduce into the classroom. On the other hand, it provides a scientific basis for the education management department to formulate relevant policies, promoting the in-depth development of music education reform in primary and secondary schools [5].

Conclusion. Based on the above, it can be concluded that popular music has a positive effect on primary and secondary students, relieves stress, creates emotional resonance and restores mental health. At the same time, it can enrich educational content, improve the quality of teaching in the classroom and increase the musical literacy of students. These studies are not only of significant theoretical value, but also of practical and social importance in the context of promoting the innovative development of aesthetic education in primary and secondary schools.

1. Peng, Feng. The Tasks of Aesthetic Education in the Era of Globalization / Feng Peng // Journal of Zhengzhou University (Philosophy and Social Sciences Edition). – 2008 = 彭锋．美育在全球化时代的任务[J]．郑州大学学报(哲学社会科学版).2008.

2. Che, Shuailin. Discussion on the Current Situation and Practice of Popular Music in Primary and Secondary School Teaching / Shuailin Che // Jilin University of Arts. – 2023 = 车帅霖．流行音乐在中小学教学中的现状与实践探讨吉林艺术学院. 2023.

3. Wang, Shiyao. A Brief Discussion on the Role and Influence of Popular Music in Music Education in Primary and Secondary Schools / Shiyao Wang // Tomorrow's Fashion. – 2019 = 王诗尧．浅谈流行音乐在中小学音乐教育中的作用和影响[明日风尚. 2019.

4. Yao, Xuhui On the Idea of Incorporating Popular Music into School Music Education / Xuhui Yao // Journal of Ningbo University (Education Science Edition). – 2006. = 姚旭辉．谈将通俗音乐纳入学校音乐教育的设想宁波大学学报(教育科学版).2006.

5. Yan, Shasha. Research on the Impact of Popular Music on Music Education in Primary and Secondary Schools and Countermeasures / Shasha Yan, Shaoying Ma, Wei Wei, Qin Niu // Collection of Research Achievements on the Development of Teacher's Teaching Ability. – 2018. – No. 17 = 闫莎莎，马少滢，魏伟，牛琴．流行音乐对中小学音乐教育的影响及对策研究[J]．《教师教学能力发展研究》科研成果集（第十七卷）.2018.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ ДИЗАЙНА, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВ

СТРИТ-АРТ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: НОВЫЙ НАРРАТИВ СТАРОГО РОСТОВА

Гофман Н.С., Довченко Я.В.,
студенты 3 курса Академии архитектуры и искусств Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
Научный руководитель – Евдокимова Н.А., канд. пед. наук, доцент, федеральный доцент,
член ВТОО Союза художников России и Аиап ЮНЕСКО, член Творческого союза художников России

Ключевые слова. Стрит-арт, историческая застройка, городское пространство, идентичность, память места, Ростов-на-Дону.
Keywords. Street art, historical buildings, urban space, identity, place memory, Rostov-on-Don.

В контексте исторической застройки в крупнейшем городе Ростов-на-Дону представляет собой сложную систему, где культурные коды, социальные практики и материальные артефакты различного временного периода непрерывно перекликаются и взаимодействуют друг с другом. Культурное наследие города, которое включает в себя сочетание архитектуры купеческого города, модерна, эклектики, конструктивизма и сталинского ампира, является визуальной составляющей человеческого сознания культурной идентичности. Однако, старинные улицы города могут превратиться в забытый отголосок прошлого. В этом плане стрит-арт выступает в роли мощного метода по реабилитации исторической эпохи. По итогу формируется «новый нарратив старого Ростова» — живой, диалогичный и эмоционально насыщенный палимпсест.

Цель данной работы – анализ использования стрит-арта в городском пространстве Ростова-на-Дону.

Материал и методы. Исследование построено на синтезе междисциплинарных подходов.

Результаты и их обсуждение. Со временем стрит-арт приобрел новое восприятие у городского жителя и начал отражать смену парадигмы в городское развитие. Например, в 1970-е гг. одним из главных подходов, рассматривавших настенную роспись как симптом социальной дезорганизации, то в настоящее время этот феномен оказывается на главной сцене. Стрит-арт – это не просто слово на слуху у жителей, а новый смысл, который дает вторую жизнь дворам Ростова-на-Дону и превращает их в места достопримечательности и точку притяжения города. Художник стрит-арта взаимодействует не просто с пустой поверхностью стены, а с мощным культурным контекстом. В ходе этого взаимодействия художник по-своему интерпретирует пространство, создавая продолжение истории места. В городе Ростов-на-Дону муралы расположены на следующих улицах: Красноармейская, Горького, Пушкинская, Шаумяна, Серафимовича, Московская, Станиславского.

«Обгоняя время» | EffectGraff | ул. Социалистическая, 95. Яркое и динамичное изображение, которое привлекает внимание. В его основе лежит следующий сюжет: при строительстве Парамоновских складов, которые являются историческим комплексом в Ростове-на-Дону, архитектор Шульман и инженер Якунин использовали ключевую воду, которая по сей день бьет из-род земли, что для общественности было научной сенсацией. Эта вода обеспечивала своего рода климат-контроль в складах: и зимой, и летом внутри была комфортная температура. Размер мурала составляет 100 квадратных метров, что занимает значительную часть стены. Если углубиться в символику, то стоит отметить, что в граффити вода и кирпич символизируют связь природы и гениальности человека.

«Вера в удачу» | Максим Msidos | ул. М. Горького, 57. Мурал «Вера в удачу» посвящен не менее значимому месту, чем Парамоновские склады – Ростовскому ипподрому. Вдохновлена работа скачками и передает атмосферу старого Ростова и дух азарта. Сюжет заключается в отсылке к истории, записанной репортером газеты «Южный Телеграфъ». В 19–20 вв. конные скачки являлись популярным развлечением вреди аристократии. На арте изображены мужчина и женщина, которые держат коня за узду и смотрят друг на друга. Здесь были использованы контрастные цвета, блики и глубокие тени, а также вся композиция выдержана в нуарном стиле.

«Момент» | Александр Duota | ул. Шаумяна, 63. Арт «Момент», расположенный на улице Шаумяна, которая раннее была известна как Дмитровская, отображает глубокую идею и замысел автора. В центре композиции человеческая фигура, которая движением рук как бы пытается уловить тот самый момент: неосязаемый и незримый. Автор призывает ненадолго, но все же обратиться к самому себе, искаженный образ создает гипнотический эффект. В работе присутствуют элементы сюрреализма и глитч-арта.

Таким образом, стрит-арт создает новое повествование, которое обладает значительным преобразующим потенциалом. Истории становятся ближе и понятнее городскому населению, а анонимные стены обретают характерный облик. Современное искусство способствует укреплению связи молодежи и исторического образа. Город приобретает новые краски и развивает не как бездушный монумент, а как живой и яркий организм.

В своей статье «Метафизика настенного искусства» французский Клоэ Мальбранш – французский преподаватель философии высказывается следующим образом «Настенное искусство как атрибут современного стрит-арта сопоставляется с его историко-культурными источниками – предшествующими художественными формами (палеолитические наскальные изображения, фресковая живопись Древнего Египта, античности и средневековья, каллиграфия…)».

Заключение. В результате всего вышесказанного можно прийти к выводу, что настенные муралы, стрит-арты, активно разрастаясь по всему городу, являются социальной практикой и демонстрируют то, как можно изменить облик города. Это не разрушает сложившуюся застройку, а наоборот, подчеркивает облик старой архитектуры и запускает новые смысловые обновления. «Новый нарратив старого Ростова» — это диалог, в который вступает прошлое и настоящее, индивидуальное видение художника и память поколений. В результате этого появляется среда, которая способна ответить на вызовы времени. Данная тема имеет перспективы для исследования и в дальнейшем будет требовать картографические анализы, опросы, а также сравнительный анализ с другими городами Юга России.

ДИНАМИМИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЗДАНИЯ ХРАМА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ НА УРАЛЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ, КОНФЛИКТЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Громада В.В.[1], Уморина Ж.Э.[2],
[1]доцент кафедры АП, [2]доцент кафедры ОАП Уральского государственного архитектурно-художественного университета имени Н.С. Алфёрова, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Ключевые слова. Храм Святой Екатерины, Екатеринбург, сакральная архитектура, градостроительная идентичность, общественные конфликты; реконструкция исторической среды, архитектурные проекты XXI века.

Keywords. St. Catherine's Church, Yekaterinburg, sacred architecture, urban identity, social conflicts; reconstruction of the historical environment, architectural projects of the XXI century.

Статья посвящена анализу исторических и современных этапов трансформации архитектурного и градостроительного статуса Храма Святой Екатерины в Екатеринбурге. Исследование охватывает период от возведения храма в XVIII веке и его утраты в советскую

эпоху до дискуссий и архитектурных проектов XXI века. Рассматриваются причины демонтажа, последствия для городской идентичности, социальные конфликты, связанные с попытками восстановления, а также современные концепции и возможные градостроительные стратегии размещения храма.

Цель данной работы – анализ этапов преобразования архитектурного и градостроительного статуса Храма Святой Екатерины в Екатеринбурге.

Материал и методы. Материал базируется на архивных источниках, городских документах, СМИ и аналитике урбанистов. Исследование основано на комплексном анализе документальных, исторических и проектных материалов, относящихся к храму Святой Екатерины и его местоположению в городской структуре Екатеринбурга. В качестве источников использовались архивные публикации XIX–XX вв., современные научные работы по архитектурному наследию Урала, градостроительные регламенты, публичные обсуждения и официальные документы Администрации города. Существенную часть материала составили проекты храмового строительства, опубликованные в российской архитектурной прессе, конкурсная документация (2023–2024), а также визуальные материалы – мастер-планы, рендеры и градостроительные схемы, представленные авторами концепций.

Методологически работа опирается на сравнительный анализ исторических и современных проектных предложений, градостроительную типологизацию, оценку влияния сакрального объекта на формирование общественных пространств в центральной части города. Дополнительно применялись методы историко-культурной реконструкции, контент-анализ СМИ и экспертных мнений, а также критический анализ социальных конфликтов и урбанистических сценариев. Такой подход позволяет выявить динамику архитектурных идей и трансформацию общественного восприятия храма Святой Екатерины как элемента городской идентичности.

Результаты и их обсуждение. История Храма Святой Великомученицы Екатерины занимает особое место в культурной и градостроительной памяти Екатеринбурга. Первоначальная церковь была возведена на берегу плотины Верх-Исетского завода в 1792–1796 гг. и представляла собой образец позднего уральского барокко с элементами классицизма, характерного для каменного зодчества заводских городов Урала конца XVIII века (рисунок 1) [1]. Храм выполнял не только религиозную функцию, но и был пространственным ориентиром: он формировал композиционную доминанту зарождающегося города, служил центром общественной жизни, а прилегающая площадь стала одним из первых городских общественных пространств [2].

В конце XIX – начале XX века вокруг храма происходило постепенное изменение градостроительной структуры: административный центр сместился к современной площади 1905 года, появились новые торговые и общественные здания, а религиозное значение памятника постепенно утратило прежний символический вес. Несмотря на это, храм продолжал оставаться объектом культурной памяти и исторической идентичности. После 1917 года началась резкая смена идеологии городской среды: храм сначала был закрыт, затем использовался как склад, а в 1930 году демонтирован полностью [3]. На его месте был создан Исторический сквер и открыт выход к городскому пруду, что сформировало новую модель общественного пространства советского города. В городской идентичности произошла трансформация: сакральный центр был заменен светским – местом массовых мероприятий, прогулок и городских ритуалов.

Понятие «динамического преобразования» в отношении утраченных сакральных объектов означает не только физическую трансформацию здания, но и смену функций, символического содержания и социальных сценариев территории. На примере Храма Святой Екатерины можно выделить несколько этапов: сакральная фаза (XVIII–XX вв.), десакрализация и уничтожение, присвоение нового светского смысла, возвращение темы реконструкции в публичное поле. Таким образом, храм существует как исторический объект, утраченное здание и одновременно – актуальная градостроительная проблема. Территория, где он находился, стала элементом мемориальной топографии: отсутствующий храм воспринимается горожанами как «пустое место памяти».

Рисунок 1 – Церковь святой Екатерины 1976 г.

С начала 2000-х годов идея восстановления храма периодически поднимается на уровне церковных, политических и градостроительных инициатив. Попытка реализации строительства в 2018–2019 годах в Историческом сквере стала одним из важнейших общественных конфликтов современной урбанистики России. Архитектурные предложения включали белокаменный объем, двухкупольную композицию и расширенное благоустройство набережной. Однако сквер исторически воспринимается жителями как важная часть городского ландшафта, место отдыха, проведения митингов и культурных событий, и потому его реконструкция вызвала массовые протесты, ставшие национальным прецедентом гражданского участия в вопросах городской среды [4]. Общественное движение за сохранение сквера показало новую модель городского самосознания: право на благоустроенное общественное пространство оказалось важнее возвращения сакрального объекта. После городских слушаний и экспертных оценок проект был перенесен, а решение строительства в сквере отменено.

В 2020 году обсуждение возобновилось: новым местом была предложена Октябрьская площадь, где возможно формирование полноценного архитектурного ансамбля, не нарушающего существующие пешеходные и рекреационные зоны. Площадка отличается отсутствием плотной застройки и позволяет применить современный формат культурно-религиозного комплекса, включающего открытые пространства, мемориальный центр и музейную экспозицию [5]. Для многих архитекторов этот вариант выглядит компромиссным, поскольку позволяет избежать разрушения сложившейся городской среды и одновременно восстановить утерянный сакральный символ.

Современная архитектурная дискуссия вокруг храма делится на два направления. Первое – воссоздание здания в исторических формах, ориентированное на архивную документацию, сохранившиеся чертежи и иконографию. Второе – проектирование современной сакральной архитектуры, использующей современные материалы, световые конструкции, методы параметрической формообразовательной пластики и прозрачные мембраны. В ряде проектов предлагают создать стеклянный купол или частично прозрачный объем, соединяющий религиозную функцию с музейной, чтобы показать, что это не реконструкция, а новая интерпретация памяти. В международной практике существует прецедент точного воссоздания утраченных храмов, как в Дрездене – Фрауэнкирхе, восстановленной из руин, или Варшаве, где восстановление исторических объектов стало частью культурной политики. В России аналогичный пример – восстановление Храма Христа Спасителя в Москве, где сакральная реконструкция была инструментом государственной символики. Однако Екатеринбург имеет иной контекст: город светской научно-промышленной культуры, и потому общественная реакция на проект оказалась неоднозначной.

Научный интерес представляет и градостроительный аспект конфликта. Храм стал маркером новой культурной модели: граждане начали массово участвовать в вопросах городской среды, а сами процессы проектирования, слушаний и протестов стали формой демократического урбанизма [6]. Фактически Храм Святой Екатерины превратился из религиозного объекта в социальный феномен, отражающий напряжение между государственными, церковными, коммерческими и общественными интересами. В городской социологии подобные случаи относятся к конфликтам символического присвоения пространства: разные группы общества претендуют на единый участок, наделяя его различной культурной ценностью.

Сегодня проект не закрыт: выделено новое место, заявлены намерения проведения архитектурного конкурса, есть несколько визуальных предложений. Аналитики предполагают, что наиболее взвешенной стратегией могло бы стать создание многофункционального культурно-религиозного центра, доступного как верующим, так и светским посетителям. Открытая набережная, благоустроенные пешеходные маршруты, музейная экспозиция, использование прозрачных конструкций для визуального раскрытия пространства – такие решения могли бы примирить символическую и общественную функции объекта, не разрушая городской экосистемы.

Заключение. Таким образом, динамическое преобразование Храма Святой Екатерины – это не только архитектурная история, но и редкий кейс формирования гражданской идентичности. Храм, которого не существует физически почти сто лет, продолжает влиять на городскую культуру, архитектурную практику и политическое сознание. Екатеринбург получил уникальный опыт публичного обсуждения градостроительных решений, что выводит проект из категории религиозного строительства в область социальной архитектуры. Сам факт, что утраченный объект остается предметом острой дискуссии, указывает на его значимость как культурного символа города.

1. Пивоваров С. П., Чмыхало Е. Н. Архитектура и градостроительство Екатеринбурга XVIII–XX веков. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – 412 с.
2. Лазарев А. А. Старый Екатеринбург: город, которого нет. – Екатеринбург: Средне-Уральское книжное изд-во, 2008. – 223 с.
3. Шешукова Т. С. Храмы Екатеринбурга: история и судьбы. – Екатеринбург: АртЛайф, 2004. – 176 с.
4. Соколова А. В. Общественные протесты в России 2018–2019 годов: кейс Екатеринбурга // Социология власти. – 2019. – № 3. – С. 115–134.
5. Департамент архитектуры и градостроительства Екатеринбурга. Официальные материалы по проектированию храма Святой Екатерины на Октябрьской площади. – Екатеринбург, 2020. – 32 с.
6. Жеребятьев И. Гражданское участие в градостроительных процессах Екатеринбурга // Городские исследования и практики. – 2021. – № 2. – С. 44–58.

ВЛИЯНИЕ ЦВЕТА В ДИЗАЙНЕ ИНТЕРЬЕРА НА ЧЕЛОВЕКА И ЕГО РАБОТОСПОСОБНОСТЬ

Литвин У.Э.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Сараковская Н.В., ст. преподаватель

Ключевые слова. Цвет, дизайн, интерьер, влияние, работоспособность.
Keywords. Color, design, interior, influence, performance.

В статье акцентируется внимание на важности цвета в человеческой жизни. Цвет – один из видов красочного радужного свечения от красного до фиолетового, а также их сочетаний и оттенков. Правильно подобранный дизайн спальни и рабочей зоны благоприятно воздействует на психологическое и эмоциональное состояние человека, а также на его работоспособность. Цвет активно влияет на эмоциональное настроение, в следствии чего и на трудоспособность человека. В зависимости от того какое настроение превалирует проявляется мозговая активность.

Цель работы – изучить влияние цвета на человека и его работоспособность, провести опросы и на их основании сделать выводы о том, какие наилучшие цвета в интерьере для человека и как они на него влияют.

Материал и методы. Метод анализа литературных источников, проведение опроса.

Результаты и их обсуждение. Человек привык воспринимать цвет как должное. В повседневности цвет не удивляет и не поражает. Поэтому человек редко задумывается над тем, какое значение в жизни имеет цвет. Еще в древности люди верили, что цвет обладает магической силой. С тех пор ученые провели многочисленные исследования, которые подтвердили тот факт, что цвет оказывает воздействие на настроение, на чувства, мысли и в целом на здоровье человека.

Цвет – это ощущение, возникающее в органе зрения при воздействии на него света, то есть свет + зрение = цвет. Холодные цвета оказывают успокаивающее действие.

Нейтральные цвета помогают привлечь внимание к более насыщенным цветам, или служат для того, чтобы немного приглушить слишком яркие цвета. Это белый, черный, коричневый, бежевый, золотой, серебряный, серый.

История науки о цвете выделяет два этапа. Первый – донаучный – с доисторических времен до конца XVI века, второй – научный – с XVII века до настоящего времени. Наука о цвете называется цветоведение. Цветоведение изучает и раскрывает основные закономерности в области цветовых явлений природы, создаваемой человеком предметной среды и всего мира искусств.

Первобытные люди выделяли и наделяли определенным смыслом очень ограниченное количество цветов, связанные с наиболее важными объектами и явлениями их жизнедеятельности. В эпоху античности возникает естественнонаучное отношение к цвету. Древнегреческие философы пробуют создать цветовую систематику природных стихий. В Средние века свет и цвет перестают отождествляют с богом, мистическими силами. В эпоху Ренессанса Леонардо Да Винчи создал новую цветовую систему. Он считал, что основных цветов 6: красный, желтый, зеленый, синий, белый, черный. Исаак Ньютон в 1665 году доказал свою теорию о белом цвете. После Ньютона многие исследователи природы цвета и особенностей световосприятия цветов человеческим зрением развили, дополнили, уточнили научную базу цветоведения.

Среди студентов-дизайнеров был проведен опрос со следующими вопросами:

1. Какого цвета ваша комната?
2. Хорошая ли у вас трудоспособность дома?
3. У вас устают глаза дома?
4. Хорошо ли вы засыпаете дома?

Ответы на первый вопрос: Пастельные цвета – 18.8%. Зеленая – 12.5%. Красная – 12.5%. Желтая – 12.5%. Остальные + 5%.

Ответы на второй вопрос: Хорошая – 43.8%. Не сильно – 34.3%. Плохая – 21.9%. Ответы на третий вопрос: Да – 37.5%. Немного – 31.3%. Нет -31.3%.

Ответы на четвертый вопрос: Да – 25%. Иногда – 31.3%. Не очень – 6.3%. Нет – 37.4%.

Из полученных данных опроса можно сделать вывод, что неправильно подобранные цвета спальни плохо отражаются на самочувствии человека.

Дизайнеры предлагают следующие примеры удачной палитры для интерьера спальни:

1. Оранжевая, песочная, светло-желтая палитра. Повышает настроение и заряжает бодростью, тонизирует.

2. Бежево-кофейная палитра, сочетание серого и слоновой кости. Помогает сконцентрировать внимание на одном деле, увеличивает работоспособность.

3. Голубая, синяя и зеленая палитра. Способствует расслабления, создает легкую и прохладную атмосферу.

4. Палитра белого и бежевого. Помогает убрать напряжение и снять состояние стресса.

Такие палитры для спальни благоприятно влияют на человека по мнению психологов и дизайнеров. Цвет воздействует не только на орган зрения – глаза. Он влияет и на другие органы чувств – вкус, слух, осязание и обоняние. Краски окружающего мира глубоко воздействуют на эмоциональное состояние и здоровье человека.

Влияние цвета на человека очень велико. Цвет делает вещи «тяжелыми», «легкими», «холодными», «горячими». Он оказывает значительное влияние на человека, на работу его органов. Каждый цвет вызывает в мозгу человека особую реакцию. Например, если человек возбужден, то поместив его в комнату с розовыми обоями он быстро успокаивается. Однако достаточно было поменять цвет на голубой, как эта слабость исчезала. Значит, цвет влияет не только на настроение, но и в целом на организм человека.

Заключение. Изучив различные источники и проведя исследования установлено, что каждый цвет вызывает подсознательные ассоциации, влияет на внимание человека. Так же установлено, что цвет существенно влияет на общее состояние человека. Цвет может вселять чувство спокойствия и комфорта или возбуждать и тревожить.

ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Тянь Цзыюй,
аспирант ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Медвецкий С.В., канд. искусствоведения, доцент

Ключевые слова. Интерьер, китайское традиционное искусство, искусство.
Keywords. Interior, Chinese traditional art, art.

Эпоха, в которой мы живем сегодня, – это эпоха глобализации и информационных технологий, международное общение между людьми стало нормой. Как продукт цивилизации, рожденный человеческой жизнью, искусство интерьера – это не только эстетический стандарт структуры пространства, но и важное воплощение культурной мысли. Китай, расположенный на Востоке, имеет пятитысячелетнюю историю, его художественный стиль находится под глубоким влиянием традиционной китайской культуры. С непрерывным развитием китайской экономики, науки и техники художественные концепции, пришедшие из Европы, и традиционные китайские художественные стили продолжают сталкиваться и перемешиваться, а художники думают о том, как интегрировать западные художественные концепции с традиционными китайскими художественными стилями. Это привело к формированию стиля искусства интерьера под названием «Новый китайский стиль».

Тенденция и направление современного китайского интерьерного искусства заключается в том, чтобы вновь обратиться к сущности традиционной китайской культуры и искусства, усовершенствовать и обобщить, а также применить новые принципы интерьерного искусства, чтобы дать новую жизнь традиционному культурному наследию. Цель данной работы – комплексный анализ стилистики китайского интерьера и его практическое применение в современном искусстве.

Материал и методы. Теоретическая структура включает в себя результаты исследований ученых в области эстетики китайского интерьерного искусства, реальные случаи интерьерного искусства и другие материалы, а также конкретный анализ наследования традиционного китайского культурного наследия в области китайского интерьерного искусства в настоящее время.

Методы исследования включают: анализ литературы: для разработки, анализа и понимания влияния традиционной китайской культурной мысли на китайскую традиционную эстетику, а также концепций эстетики современного искусства. Формально-стилистический метод применен для анализа и обобщения воплощения модернизации

традиционных культурных элементов в китайском интерьерном искусстве. Методы философского анализа помогли обобщить связь между современным китайским «новым стилем» и традицией.

Результаты и их обсуждение. Традиционная китайская культура решает проблему «единства человека и природы», это своего рода добрая воля между человеком и природой, любовь к природе, философская концепция благоговения перед природой. Дух традиционной китайской культуры глубоко укоренен во внутреннем пространстве, во внутреннем пространстве всегда сквозит пространство личности, соответствующее национальной культуре.

Конфуцианство, буддизм, даосизм - это ядро традиционной китайской культурной мысли, современная культура Китая создается и развивается путем интеграции традиционного конфуцианства, буддизма, даосизма и иностранных культур, традиционная литературная и художественная мысль, художественное моделирование, эстетическая психология неотделимы от традиционного конфуцианства, буддизма, даосизма и духа культуры. Можно сказать, что традиционный философский дух и культурные ресурсы являются основой и предпосылкой современного и актуального искусства интерьера. [1, с. 173] Будь то конфуцианство, ориентированное на людей «единство Неба и человека», лаочжуанское «ничего не делать, чтобы править» или буддистское «бесплотное и трансцендентное», все они демонстрируют ясный ум и мало желаний, возвращение к истинной эстетике искусства интерьера.

Традиционная китайская культура считает, что наилучшее состояние всех вещей в мире - это беспристрастность, нейтралитет и мир, а также нахождение посередине пути. Срединный путь - это соблюдение пропорций и огня, все вещи обращают внимание на «степень», ни «слишком много», ни «меньше, чем» и выступают за стабильность и равновесие, демонстрируя красоту гармонии. Гармония - это высший идеал китайской эстетики [2, с. 10]. Гармония и стабильность «степени» отражается в искусстве интерьера. В интерьере традиционных домов симметрия используется как мерило, будь то сиденья, вазы или даже картины - все они симметричны. Однако новая гостиная в китайском художественном стиле использует новый художественный язык, основанный на наследовании принципа симметрии, чтобы создать новое воплощение.

Смысл понятия «реальность» в традиционном китайском искусстве интерьера таков: «реальность» относится к осязаемым, реальным и видимым формам; «пустота» относится к неосязаемым, неоднозначным и даже воображаемым формам. Виртуальное и реальное сосуществуют в онтологии искусства, которую можно описать как «реальное - чтобы видеть форму, виртуальное - чтобы мыслить», эти два понятия симбиотичны и незаменимы [3, с. 119]. Чтобы не нарушить поток воздуха в помещении, художники с древних времен и по сей день используют традиционную китайскую философскую концепцию «сочетания реального и воображаемого», чтобы спланировать внутреннее пространство так, чтобы оно было четким, богато разнообразным и беспрепятственно пропускало воздух.

Заключение. Новый китайский стиль интерьера черпает свои культурные корни в традиционном китайском искусстве. Сохраняя культурное наследие, он использует современный художественный язык в качестве средства выражения, тем самым создавая диалог между прошлым и настоящим.

1. Ли Бихун. Инновационное выражение традиционных китайских культурных элементов в современном искусстве [J]. // Журнал Нанкинского университета искусств, 2015, (03): 171-177.

2. Джин Молин. О влиянии традиционной культуры на искусство оформления [J]. // Архитектура и культура, 2020, (10): 26-31.

3. Ли Сяоянь. Реальность раскрывается через форму, а пустота используется для развития мысли: краткое обсуждение традиционной китайской концепции «реализма и пустоты» и дизайна интерьера [J]. // Журнал Нанкинского университета искусств, 2004, (02): 119–121.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЖИВОПИСЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЕЛИКСА ГУМЕНА

Якубцова С.С.,
студентка 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Богданова Ю.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Феликс Гумен, акварельная живопись, пейзаж, лирический пейзаж, городской пейзаж, цвет, художественный образ, стилистика.

Keywords. Felix Gumen, watercolor painting, landscape, lyrical landscape, urban landscape, color, artistic image, style.

Акварельная живопись в изобразительном искусстве занимает значительное место. В своем творчестве художники-акварелисты обращаются к пейзажу и портрету, а также к жанровой акварели, отражая уникальные черты техники: прозрачность, чистоту, интенсивность цвета, богатство рефлексов и цветовое разнообразие. Акварель раскрывает перед художниками неисчерпаемые возможности в передаче света, воздуха, состояний природы и т.д. Тема пейзажа для акварелистов является одной из самых любимых. Лирический и городской пейзаж занимают отдельное место в творчестве витебского художника-акварелиста Феликса Федоровича Гумена.

Цель работы – проанализировать особенности пейзажной живописи Феликса Гумена в акварельной технике, выявить ключевые стилистические и тематические черты в лирическом и городском пейзажах автора.

Материал и методы. Материалом послужили произведения с экспозиции Витебского художественного музея, из коллекции художественно-графического факультета ВГУ имени П.М. Машерова, личного архива автора, а также материалы из периодических изданий, каталогов и альбомов. В статье применялись описательно-аналитический и хронологический методы.

Результаты и их обсуждение. В пейзажном творчестве витебского акварелиста Феликса Гумена интересен не только факт реалистического изображения природы, но и отражение в ней индивидуального, субъективного взгляда автора. В своих лирических пейзажах «Вечер в Лужесно на реке Западная Двина», «Зимняя дорога. Сумерки», «Золото осени» и др. Феликс Гумен демонстрирует глубокое понимание и тонкое чувство природы. Художник, запечатлевая сиюминутные, ускользающие мгновения, мастерски передает в своих произведениях поэтические состояния, камерность и лиризм природы.

В произведении Феликса Гумена «Река Лучеса. Зима» (рисунок 1) палитра строится на контрасте холодных и теплых тонов. Снег переливается сиреневыми и голубыми оттенками в тенях, а фиолетово-синий цвет воды создает ощущение глубины. Желтый и оранжевый цвета окрашивают небо, создавая мягкое и лирическое освещение. В данном произведении Феликс Гумен использует текучие, широкие мазки для неба и дальних планов. Тонкие темные линии ветвей наделяют живописное произведение графичностью, строгостью.

Живописное произведение Феликса Гумена «Холодные дни осени» создает впечатление умиротворения, спокойствия. Художник в своем произведении обращается к необычной цветовой палитре – оттенкам фиолетового, сиреневого и лилового. Эти цвета предают картине сказочность, таинственность. Темные, резко контрастирующие с небом, силуэты деревьев на переднем наделяют произведение глубиной, графичностью, четкостью. Работа выполнена в свободной, живой манере – художник использует текучие, размытые мазки. Феликс Гумен в своем произведении, благодаря насыщенному колориту и выразительной технике, передал внутреннее состояние осеннего леса.

Рисунок 1 – Ф. Гумен «Река Лучеса. Зима»

Образ Витебска занимает особое место в творчестве Феликса Гумена. Изображение любимого города отражает связь с местом, где художник живет и творит, местом, которое его вдохновляет. В работе «Витебск. Осенние сумерки» (рисунок 2). Доминируют холодные оттенки фиолетового, синего и сиреневого цвета, создавая ощущение городской ночной прохлады и таинственности. Сквозь эту цветовую гамму пробиваются яркие, теплые оттенки оранжевого и желтого, исходящие от уличных фонарей, фар машин и светофоров, придавая произведению ощущение уюта. Особое внимание художник уделил изображению отражений на мокрой поверхности асфальта. Они не зеркальные, а скорее расплывчатые, отсутствуют детали и четкие контуры, широкие мазки кисти подчеркивают размытость форм. Высокая линия горизонта в произведении позволяет зрителю охватить всю широту городского пространства.

Произведение «Витебский мотив» (рисунок 3) Ф. Гумена наполнено движением, динамикой, передавая атмосферу сумеречного города. В своей работе Феликс Гумен использует контраст между холодными и теплыми тонами. Небо представлено живописным сочетанием зеленых, оранжевых, красных и сине-фиолетовых оттенков. Город выполнен в глубоких синих, фиолетовых и темно-серых тонах, создавая контраст с небом. Белые и светло-голубые блики на мосту и его арках придают конструкции объем, движение, экспрессию. Художник использует широкие мазки, особенно изображении неба и воды, придавая акварельному листу живость, динамику.

Феликс Гумен в работах «Витебск. Осенние сумерки», «Витебский мотив» стремится показать эмоциональное состояние вечернего Витебска. «Яркая экспрессия цвета сочетается с чувственным лиризмом художественного образа мастера. Художник создает свои работы в ярком порыве души, на одном дыхании, выплескивая в них свою энергетику и неординарность» [1, с. 266].

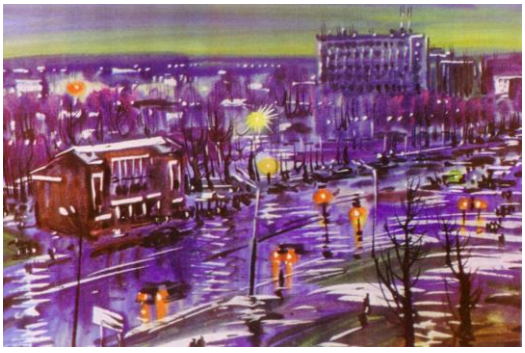

Рисунок 2 – Ф. Гумен
«Витебск. Осенние сумерки»

Рисунок 3 – Ф. Гумен
«Витебский мотив»

В ряде произведений акварелист Феликс Гумен обращается к стилизации, декоративности. Например, в работах «Старый Витебск» и «Огни в ночи» отчетливо проступают черты стилизации, наполненные острой выразительностью. При этом, акварельная стилизация остается живописной даже в плоскостном решении. Плоскость в произведениях Феликса Гумена, благодаря взаимодействию рефлексных отражений, воспринимается как нечто воздушное, пространственное. Эти и другие произведения художника отличаются напряженной динамикой, четкостью силуэтов, колористическими и светотеневыми контрастами ярких цветовых акцентов.

Смелость композиции, свободная манера письма и углубленность замысла является характерными чертами акварельных работ витебского акварелиста Феликса Гумена. За счет предельной насыщенности цвета Гумен в своих произведениях добивается торжественно-поэтического звучания. Художник не боится вводить в композиции множество деталей, что придает его работам насыщенность и жизненность. Используя живописную сочность акварели, автор стремится создать неразрывную взаимосвязь между городским пейзажем и внутренним миром человека.

Заключение. Пейзажные произведения Феликса Гумена гармоничны, эмоциональны, чувствительны, наполнены энергией, радостью жизни, восхищением миром, природой региона и Витебска – городом, который стал для художника родным. В лирическом пейзаже Феликс Гумен раскрывает свой талант в передаче тончайших нюансов природы, используя мягкие переходы цвета и воздушную прозрачность, чтобы донести до зрителя умиротворение момента. Городские пейзажи художника, напротив, полны динамики и игры света, он смело использует колорит и свободную манеру письма, чтобы передать активную жизнь города, наделяя привычные улицы волшебными, сказочными чертами. Многообразие жанров в творчестве Феликса Гумена подтверждает его статус выдающегося акварелиста, способного передавать зрителю различные состояния природы и города.

1. Папроцкая, А. Ю. Репрезентация артефакта в художественном музее: выставка-мастерская Феликса Гумена / А. Ю. Папроцкая // XVIII Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 25 октября 2024 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – Т. 2. – С. 265-267.
2. Феликс Гумен [Электронный ресурс]. – URL : https:// gumen.by. Дата обращения: 05.11. 2025.

THE RELATIONSHIP BETWEEN DECORATIVE ART AND ARCHITECTURE: AN ANALYSIS OF STYLISTIC FEATURES

Jiang Jun,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Decorative Arts, Architectural Decoration, Architectural Style, Western Architecture, Chinese Architecture.

Decorative art is an integral part of architectural design, and the choice of its artistic style and application directly affects the aesthetics and functionality of buildings. In this work, an in-depth analysis of artistic styles in architectural decoration is carried out, the key elements of various styles and their application in practical architectural projects are studied, the main artistic styles of Western architecture and traditional Chinese architecture are systematized, and the typical types such as Gothic, Baroque, Romanesque styles, as well as styles, wooden structures and ornamental decorations of traditional Chinese architecture. Decorative arts are a key medium that allows architecture to go beyond practical functions and carry a cultural spirit. The purpose of the article is to analyze the influence of decorative art on the formation of architectural styles.

Material and methods. In the course of this study, the following methods were used: the method of theoretical analysis of literary sources; the method of comparative contrast analysis; the method of inductive generalization.

Results and discussion. Decorative arts are crucial for buildings, improving aesthetics and increasing functionality. Nowadays, people are striving for more diverse forms of décor. The Western classical style and the traditional Chinese style of wooden structures are like two jewels in the field of architectural decoration. The first demonstrates beauty through symmetry, and the second conveys elegance through unique design and integrates the concepts of environmental protection – these Features give buildings individuality and serve as a guide for architects in their design.

Western Gothic architecture is not only a stone and glass structure, but also a religious ode to decorative elements. With its tall shape, light transparent spaces and luxurious sacred light spots, it anchors people's fear of God and desire for paradise in bricks and stones.

The main characteristics of Baroque architecture: firstly, the demonstration of wealth - the widespread use of precious materials, decoration; secondly, the desire for novelty. Ways of innovation include: endowing architectural objects and spaces with dynamics (curves, turbulence or conflict), breaking down the boundaries between architecture, sculpture and painting for interpenetration, as well as the use of irrational combinations without taking into account constructive logic to achieve anomalous illusory effects [1].

The Romanesque architectural style is characterized by thick stone walls and semicircular arches. Walls or pylons are the main load-bearing structures, the appearance is heavy and closed. Relief decorations are often found inside; typical examples include the complex of the Cathedrals of Pisa in Italy and the Speyre Collegiate Church in Germany.

Ancient Western architecture was mainly built of stone, so it was called the "epic of stone"; Ancient Chinese architecture is mostly made of wood, known as "frozen music" [2]. The character and regional characteristics of ancient Chinese architecture determine differences in styles, the form of spatial separation and colors – for example, imperial gardens have a large scale, luxurious decoration, bright colors and a pronounced style. In addition to the exterior decoration, traditional Chinese architecture also shows grace in the interior décor. The buildings in the private gardens of the Jiannan region are lightweight, refined, transparent and elegant. Their decorations reflect the characteristics of Jiannanya – they are both ornamental and highly practical, adapted to local conditions. The architecture of Lingnan gardens is light, transparent, simple, refined and luxurious, characterized by realism, implicit and elegance [3]. The ornaments and color decorations of these gardens are distinguished by greater beauty of artistic image and variety.

Higher education is a key carrier for the preservation and innovation of architectural decorative arts, and the construction of a training system directly affects the understanding and ability of specialists to apply decorative arts. At the undergraduate and master's levels of specialties in architecture, it is necessary to design courses in decorative arts based on the three-dimensional goals of "cultural heritage – innovative transformation – practical application" and form a model training, closely integrating theory and practice. At the level of curriculum design, it is necessary to create an interdisciplinary group of courses "history and theory + design + technology".

The History and Theory module includes courses such as "History of Chinese and Western Architectural Decoration" and "Semantics of Traditional Ornaments". Combining cases (Gothic lighting, Baroque dynamic decoration, ornaments of traditional Chinese wooden structures), he directs students to explore the cultural roots of decorative arts – for example, comparing the reliefs of the Church of San Carlo al-Quori with the ornaments of the lattice windows of the Zhongzen Garden, analyzing the symbolic meaning of decorative elements in different cultural contexts; the design module includes the courses "Innovative Design of Decorative Arts" and "Modern Adaptation of Traditional Elements", requiring students to choose specific architectural spaces (urban public halls, cultural exhibition halls), extract traditional decorative elements; The Technology module integrates the courses "Architectural Materials and Technologies" and "Digital Modeling and Rendering", guiding students to use tools (Rhino, Grasshopper) to implement the digital representation of decorative projects and

explore the application of technologies (3D printing, modern glass processing) in the reproduction of traditional ornaments.

In terms of teaching methods, it is necessary to integrate case training and project-based learning. On the one hand, using typical buildings (Qinhui Garden in Sundong – Lingnan style) as pedagogical cases, to organize student discussions on the topic of "analysis of decorative elements – highlighting the features of the style – adaptation to modern conditions" in order to develop their analytical and innovative thinking. Based on cooperation projects between the university and enterprises, involve students in the development of decorative projects for real objects. In addition, artists working in the field of architectural decoration can be invited to conduct workshops and organize expeditionary research for students at the sites of ancient architectural monuments to deepen their understanding of the three-dimensional links "material – technology – culture" in the decorative arts.

In modern architectural design, decorative art should not be a retro imitation, but should be a cultural translation. We can use the experience of innovative use of light, shadow and materials in Western architecture, combining it with the cultural content of traditional Chinese ornaments. The decorative arts of China and the West will be able to find a new life in a modern context, allowing buildings not only to meet the housing needs of modern people, but also to act as spatial carriers of cultural memories and convey spiritual resonance.

Conclusion. When observing the styles of traditional Chinese architecture, it can be seen that decorative arts occupy an important position in both imperial gardens and private buildings. Suitable decoration not only improves the aesthetics of the building, but also the atmosphere and artistic concept created by the decoration can provide residents with different psychological sensations. And integration with the architecture allows you to maximize its potential. They complement each other: decoration is not only an artistic means, but in some cases it is also part of the building. The study showed that different artistic styles in architectural decoration have unique aesthetic characteristics and design principles that require comprehensive consideration taking into account the function, purpose, historical and environmental factors of the building.

1. Feng Heyang, Li Yiping. A Brief Analysis of Baroque Architectural Style[J]. Art Science and Technology, 2017, 30(05): 310.
2. Li Xuejian, Li Zhuo. Decorative Art in Traditional Chinese Architecture[J]. Real Estate, 2019, (16): 54.
3. Xu Liming. Architectural Art Design in Traditional Chinese Culture[J]. Residence, 2022, (10): 153-155.

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ

ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЯХ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Антонникова А.В.,
студентка 2 курса Тюменского государственного университета,
г. Тюмень, Российская Федерация
Научный руководитель – Багапова Н.В, канд. культурологии

Ключевые слова. Искусственный интеллект, художественное образование, генерация изображения.

Keywords. Artificial intelligence, art education, image generation.

В настоящее время искусственный интеллект (далее ИИ) активно внедряют в различные сферы жизни человека. Проблемой внедрения искусственного интеллекта в художественное образование и использования ИИ в художественных практиках занимаются ученые из разных областей – информатики, искусствоведения, педагогики.

Для повышения качества и актуальности художественного образования, формирования технологических компетенций у студентов и преподавателей вводятся задания с применением искусственного интеллекта.

Материал и методы. Технология искусственного интеллекта (ИИ) использовалась на направлении подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование» профиль «Изобразительное искусство» на элективной дисциплине» «Художественный образ в декоративно-прикладном искусстве» в Тюменском государственном университете. У студентов 2 курса была возможность обратиться к программам искусственного интеллекта для генерации идеи к творческой работе (Kandinsky, чат ChatGPT). Исследование было проведено на основе выполнения творческих заданий по дисциплине, генерации изображений с использованием искусственного интеллекта студентами, будущими педагогами изобразительного искусства. Применяли следующие методы: наблюдение, творческого задания.

Результаты и их обсуждение. Применение искусственного интеллекта в творческом задании:

1. Студенты сделали текстовый запрос по генерации идеи изображения творческого задания. Чем точнее и более расширенное описание художественного образа по теме сделали студенты, тем более реальным было изображение, отвечающее требованиям творческого задания. Безусловно, искусственный интеллект ы этот момент способствовал увеличению мотивации студентов и быстрой визуализации задуманных образов по теме задания.

2. Генерируя различные направления и течения на примере одного и того же натюрморта студенты сравнивали полученные различные изображения в различных художественных стилях и направлениях. Например, импрессионизм, кубизм, сюрреализм.

3. Опыт применения искусственного интеллекта в разработке творческой идеи и создании эскизов был рассмотрен на примере итоговых творческих работ по техникам декоративно-прикладного искусства (батик, текстильный коллаж) студентов 2 курса. Например, стилизация формы, переход к условному изображению пейзажа с китайской стеной позволил студенту разработать более цельную композицию и не уйти в излишнюю детализацию при выполнении творческой работы в технике текстильного коллажа.

При поиске идеи натюрморта для творческой работы в технике холодный батик, был сделан текстовый запрос. После генерации идеи нейросетью, был разработан акварельный эскиз и переход на итоговую работу в технике горячий батик.

При выполнении творческой работы студенты пришли к выводу о том, что нейросети не заменяют ручной творческий процесс, но могут быть вспомогательным инструментом. Воссозданные изображения являются отправной точкой для дальнейшего творческого процесса. Применение искусственного интеллекта в художественном образование позволит персонализировать учебные программы с учетом индивидуальных возможностей каждого студента. В процессе использования ИИ студенты и преподаватель убедились, что использование ИИ в стилизации формы, деформации формы и работы в различных художественных направлениях открывает широкие возможности в художественной и образовательной деятельности.

Заключение. Таким образом, использование ИИ в художественно-педагогическом образовании при изучении дисциплины «Художественный образ в декоративно-прикладном искусстве» у студентов 2 курса наглядно показал положительное влияние на создание художественного образа в творческой работе по созданию декоративной композиции. Грамотное использование ИИ в системе подготовки на творческом направлении студентам-педагогам открывает новые творческие горизонты и способствует повышению качества художественного образования.

ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РИСУНКА СТУДЕНТАМ В ТВОРЧЕСКИХ ВУЗАХ

Багапова Н.В.,
ст. преподаватель, канд. культурологии Тюменского индустриального университета, г. Тюмень, Российская Федерация

Ключевые слова. Рисунок, методика обучения, пространственное мышление, творческие способности.
Keywords. Drawing, teaching methods, spatial thinking, creativity.

Актуальные задачи развития современного российского общества диктуют необходимость качественной профессиональной подготовки студентов, где обучение рисунку играет одну из ключевых ролей, особенно для будущих архитекторов, дизайнеров и учителей изобразительного искусства. Проблематика обучения рисунку в архитектурных вузах получила свое развитие в научных исследованиях В.П. Мамугиной, Т.В Елизаровой и других.

Материал и методы. Рассмотрим практику преподавания рисунка будущим архитекторам и педагогам изобразительного искусства в Тюменском государственном университете и Тюменском индустриальном университете для выявления особенностей преподавания, выявления сходства и различия. В исследовании использовались теоретический метод (сравнение, анализ и синтез) и эмпирический метод (наблюдение, изучение продуктов деятельности).

Результаты и их обсуждение. Обучение рисунку студентов-архитекторов и студентов-педагогов имеет много общего и свои отличительны особенности, связанные с принадлежности той или иной специальности. Рисунок для будущих педагогов является мощным средством передачи идей и концепций, способствующих выявлению и формированию устойчивого образа мышления и поведения у своих будущих воспитанников. Архитекторы используют рисунок для документирования сложных технологических процессов и пластических идей. Графическая визуализация для них является ключевым элементом общения. Эскизы и рисунки, выполненные от руки и на глаз, передают творческую индивидуальность и демонстрируют смелость в подходе к техническому заданию.

Обучение у студентов-педагогов изобразительного искусства начинается с изучения и линейно-конструктивного построения геометрических фигур, затем бытовых предметов, далее переход на тональный рисунок натюрморта из бытовых предметов графическим карандашом и далее знакомство с мягким материалом (соус, уголь и т.д.). Работа мягким материалом предполагает передачу материальности предметов (стекло, керамика и т.д.). Наиболее сложный период для студента является переход от рисования

натюрмортов к рисованию частей лица (гипс), гипсовой маски и гипсовых голов, далее идет переход на живую голову, студенты рисуют портрет головы натурщика (девушка, женщина, старик и т.д.). В этом задании ключевым является передача портретного сходства и академический подход, проявляющийся в выявлении формы. После головы следует переход на фигуру человека (скелет, анатомические зарисовки скелета и частей тела). После знакомства с системой построения скелета и частей тела следует задание на построение обнаженной фигуры в контрапост и в разворотах (мужская и женская), выявление особенностей построения различных фигур. Завершается программа педагогов изобразительного искусства длительной постановкой одетой фигуры человека в интерьере. Задача такого задания заключается в размещении фигуры в пространстве интерьера.

Практика преподавания рисунка у студентов-архитекторов делится на два вида заданий: первый направлен на развитие навыков техники рисунка, второй – на развитие архитектурно-творческих навыков. Первый тип заданий включает основы, которые должен освоить будущий архитектор: линейно-конструктивное построение натюрморта из геометрических фигур и бытовых предметов; создание тональных рисунков натюрморта, а также линейно-конструктивное построение архитектурных элементов (например, балясин, капителей), а также интерьер с различными точками схода. Навыки, развиваемые при выполнении заданий этого типа необходимы при разработке архитектурного проекта. Эти задания способствуют развитию конструктивного и объемно-пространственного мышления, которое важно для будущего архитектора.

Второй тип заданий содержит художественно-творческие упражнения. В их число входят комбинирование форм из геометрических объектов, основанное на стилизации и трансформации форм, вырезок и врезок; задние «Архитектурная фантазия», основанное на фантазии архитектурного объекта по мотивам живой природы (на примере грибов), вписывание архитектурной формы в существующий пейзаж [3]. Также к художественно-творческому заданию относится черно-белое решение натюрморта (свет-тень). Эти задания развивают композиционное и художественно-творческое мышление, необходимое при архитектурном проектировании.

Заключение. Итак, практические задания по рисунку для педагогов изобразительного искусства направлены на подготовку высококвалифицированных специалистов, создавать не только качественные рисунки, но и эффективно обучать этому искусству других. Практические задания по рисунку у студентов-архитекторов направлены на формирование комплексных навыков, необходимых в профессиональной деятельности. Основано на сочетании художественных навыков и технических знаний и требованиями профессии.

Таким образом, практика преподавания рисунка студентам в творческих ВУЗах существенно отличается в зависимости от будущей специальности. Однако рисунок для студентов творческих направлений (архитекторов, педагогов изобразительного искусства) играет ключевую роль в развитие различных типов мышления (объемно-пространственного, композиционного, художественно-образного и абстрактного).

ЗАСВАЕННЕ ТЭХНІКІ АКВАРЭЛІ СТУДЭНТАМІ ПЕРШАГА КУРСА Ў РАМКАХ ВУЧЭБНЫХ ЗАНЯТКАЎ

Васільчык С.Ю.,
студэнт 2 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь
Навуковы кіраўнік – Сянько Д.С., канд. пед. навук, дацэнт

Ключавыя словы. Жывапіс, акварэль, мастацкі прыём, тэкстуры.
Keywords. Painting, watercolor, artistic technique, textures.

У курсе вывучэння жывапісу на мастацка-графічным факультэце нашай навучальнай установы вялікае месца адводзіцца асваенню тэхнікі акварэлі. Гэта звязана з вядучай роляй акварэльнага жывапісу на ўроках выяўленчага мастацтва ў школе, у працы

гурткоў, студый выяўленчага мастацтва і іншых мастацкіх устаноў адукацыі і абавязвае будучых педагогаў-мастакоў імкнуцца авалодаць дадзенай тэхнікай.

Матэрыял і метады. Матэрыялам паслужыў аналіз навучальнага працэсу і вывучэнне тэарэтычнай літаратуры па дадзенай тэме.

Вынікі і іх абмеркаванне. Прыступаючы да вывучэння акварэльнай тэхнікі, выкладчыкі распавядалі студэнтам пра існаванне розных тэхнік акварэльнага жывапісу і паказалі прыклады работ, выкананыя ў кожнай з іх. Далей, па праграме, навучэнцам самім трэба было азнаёміцца і выканаць працы ў кожнай з тэхнік.

Першай тэхнікай, якую трэба было асвоіць студэнтам была – «мокрым па мокраму». Для працы ліст павінен быць цалкам мокрым, таму спачатку працы студэнтам было трэба з дапамогай губкі раўнамерна нанесці на паперу чыстую ваду. Далей пэндзлем наносіць акварэльныя фарбы на вільготную паверхню паперы. Працаваць трэба было даволі хутка, каб скончыць працу перш чым ліст паспее высахнуць. Аднак пры гэтым, студэнтам было неабходна кантраляваць нанясенне фарбы, каб яна не расцяклася ў непатрэбным кірунку, што склала для іх цяжкасці. Гэты спосаб працы патрабуе пастаяннага самакантролю, вольнага валодання пэндзлем. Толькі значная практыка дазваляе мастаку некаторым чынам спрагназаваць паводзіны фарбы на сырой паперы і забяспечыць дастатковы ўзровень кантролю над яе расцяканнем. Жывапісец павінен мець яснае ўяўленне пра тое, што ён хоча і як ён павінен вырашыць пастаўленую задачу.

Другім мастацкім прыёмам, з якім азнаёміліся студэнты быў – «a la prima». Пры працы гэтым спосабам лісты студэнтам трэба было пачынаць працу з нанясення найбольш інтэнсіўнага колеру. Дадзены метад патрабуе хуткасці рэакцыі, упэўненасці і вольнага валодання пэндзлем. Гэты метад незаменны ў хуткіх па выкананні накідах з натуры і эскізах. Для некаторых студэнтаў было складана выканаць дадзеную працу, так як яны магі захапіцца і незаўважна для саміх сябе пачыналі працаваць у змяшанай тэхніцы.

Апошняй тэхнікай з якой азнаёміліся студэнты была лесіроўка. Лесіроўка – гэта шматслаёвае напісанне, з дапамогай якога можна удасканаліць дэталі, надаць працы глыбіню і аб'ём. Пры працы лесіроўкай студэнтам было неабходна быць акуратнымі і цярплівымі і памятаць пра тое, што дадзеная тэхніка патрабуе практыкі і чым больш з ёй працаваць, тым лепш будуць вынікі.

Заключэнне. Акварэль патрабуе асаблівага падыходу да працы з вадой, празрыстасцю і тэкстурамі. Вывучаючы дадзеную тэхніку ў студэнтаў ёсць магчымасць удасканаліць свае мастацкія навыкі, навучыцца бачыць тонкія нюансы колеру, святлаценю і тэкстуры. Важна ўмець аналізаваць сваю працу: што атрымалася добра, а што патрабуе дапрацоўкі. Запомніўшы гэтыя правілы і праявіўшы старанне і ўважлівасць, студэнты змаглі пераадолець цяжкасці, якія ўзнікалі пры вывучэнні тэхнікі. Яны даведаліся і навучыліся прымяненнем розных мастацкіх прыёмаў, ствараць цікавыя каляровыя кампазіцыі і перадаваць атмасферу дзякуючы плыўным пераходам паміж колерамі і іх адценнямі.

РОЛЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ СТАДИИ ЖИВОПИСНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ МАСЛЯНОЙ ЖИВОПИСИ

Журавская А.И.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Соколова Е.О., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Обучение студентов, масляная живопись, подготовительный процесс, многослойная живопись, подмалевок.

Keywords. Student education, oil painting, preparatory process, multi-layer painting, underpainting.

Благодаря своим уникальным колористическим возможностям масляная живопись не теряет популярности на протяжении многих веков и является основой при обучении академической школе изобразительного искусства. Одной из важнейших задач в подготовке

студентов художественно-графического факультета является освоение ими технологии и техник масляной живописи. Студентам как будущим педагогам-художникам необходимо прочно усвоить важность каждого из этапов работы, чтобы руководствоваться ими в своей дальнейшей учебной и творческой деятельности.

Актуальность темы обусловлена важностью применения традиционных технологических подходов для формирования понимания базовых принципов работы в технике масляной живописи.

Цель исследования заключается в определении эффективности использования студентами подмалевка при обучении их масляной живописи.

Материал и методы. Исследуя процесс написания маслом длительного этюда, можно выявить основополагающие моменты, помогающие овладеть технологией и техникой масляной живописи. Методология включает анализ литературных источников, описательный метод, синтез и обобщение информации.

Результаты и их обсуждение. В начале освоения масляной живописи у студентов нередко возникает множество вопросов, связанных с самой технологией. Если в условиях пленэра при выполнении кратковременных этюдов обычно применяется однослойное письмо, или «алла прима», то аудиторные занятия позволяют работать в многослойной технике, рассчитанной на более длительный процесс. Он состоит из ряда стадий, включая подготовку материалов, выбор ракурса, нанесение первых и последующих слоев краски. Разумная первоначальная проработка картины в результате делает ее правильной и законченной.

Одним из таких важнейших подготовительных этапов, особенно для учебных заданий по живописи, является подмалевок. Иногда его ошибочно путают с имприматурой, поскольку в обоих случаях предполагается нанесение на поверхность первого красочного слоя. Различие заключается в назначении. Подмалевок позволяет решить композиционные задачи и заложить основные светотеневые отношения, в то время как имприматура задает лишь цветовой тон для будущей работы, т.е. перекрывает белизну грунта.

Еще в эпоху Возрождения подготовительной стадии живописного процесса серьезное внимание уделяли выдающиеся мастера, такие как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти и другие. В своих произведениях они умело сочетали подмалевок с применением лессировок, добиваясь гармонии, глубины и выразительности.

Существует несколько способов разработки первого живописного слоя. Его можно выполнять одним тоном или многоцветно. Также допускается решение в цвете условно с последующим локальным дополнением. В процессе обучения студентов предпочтение отдается первому варианту. Делая монохромный подмалевок, важно учитывать некоторые аспекты: писать тонкими, прозрачными слоями как на свету, так и в тенях, выбирать лессировочные или полулессировочные краски, не применять белила, использовать специальные разбавители или тройник [1].

По мнению известного русского и советского живописца и педагога Дмитрия Иосифовича Киплика, одним из продуктивных и часто применяемых способов живописи в подмалевке является выполнение его «в протирку», чтобы через слой краски просвечивался грунт и фактура основы [2].

В рамках занятий по живописи студенты, приступая к работе над композицией, делают общий набросок, четко выстраивают тоновой контраст, не отвлекаясь на цвет. На данном этапе важно выявить взаимосвязи между большими формами и правильно передать пропорции. В этом случае подмалевок служит ориентиром для будущих слоев. Он дает возможность понять, как начать, продолжить и закончить картину, не прибегая к многочисленным исправлениям, которые с течением времени становятся заметны из-за ослабления кроющих свойств краски. Грамотно выполненный подмалевок снижает вероятность допущения грубых ошибок на более поздних стадиях, поэтому его широко применяют в традиционных методиках обучения живописи.

Осваивая новый материал, студентам не всегда удается сделать точный и правильный подмалевок, что может стать причиной возникновения проблем в дальнейшей прописке. Обычно это связано с излишней детализацией, нанесением очень густой краски

или неправильным выбором разбавителя. Приобретение необходимых навыков происходит постепенно, при условии регулярной и осознанной практики.

Заключение. Таким образом, в художественном образовании приоритетным остается традиционной подход обучения масляной живописи. На художественно-графическом факультете большое внимание уделяется соблюдению последовательности этапов выполнения учебного задания. Подмалевок как необходимая составляющая не только подготовительной части, но и творческого процесса в целом, существенно облегчает работу, а также служит базой для успешного овладения технологией и техникой письма маслом.

1. Масляная живопись. Технология и техника : учебно-методическое пособие / сост. А. А. Чмиль. – Витебск : Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2007. – 42 с.
2. Киплик, Д. И. Техника живописи : / Д. И. Киплик. – Москва ; СВАРОГ и К, 2002. – 357 с., ил.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА УЧИТЕЛЯ В КОМПОЗИТОРСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Лю На,
аспирант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Жукова О.М., канд. искусствоведения, доцент

Ключевые слова. Художественная интерпретация, образ учителя, композиторское творчество, музыкальные произведения, музыкальный портрет.

Keywords. Artistic interpretation, teacher’s image, composer’s creativity, musical works, musical portrait.

Образ учителя занимает особое место в художественной культуре, где он раскрывается в контексте передачи знаний и нравственной миссии. В музыкальном искусстве фигура педагога может быть представлена как в прямом, так и в метафорическом ключе: от реалистических портретов до символических аллюзий. Анализ образа учителя в таком ключе позволяет выявить ценностные ориентиры эпохи, авторское отношение к профессии и особенности музыкального языка, используемого для их выражения. Цель написания статьи ориентирована на рассмотрение образа учителя как художественного и символического феномена в музыкальных произведениях различных жанров и эпох.

Материал и методы. Материалом для написания статьи стали произведения композиторов, в которых представлены музыкальные характеристики образа учителя. В процессе исследования использовались общенаучные методы (анализ научной литературы, обобщение), музыковедческий анализ.

Результаты и их обсуждение. В научной искусствоведческой литературе вопросы воплощения образа учителя в композиторской практике не получили всестороннего отражения. Исследования в этой области науки направлены на отражение образа в литературе и изобразительном искусстве. В основном ученые обращаются к педагогическому ракурсу рассмотрения проблемы, в рамках которого осмысляется деятельность отдельных личностей известных учителей и влиянию их практики на воспитание последующих поколений [1]. Образ учителя в музыкальном искусстве раскрывается как художественное явление, часто связан с идеалами мудрости, заботы, духовного наставничества. Эти качества находят отражение в музыкальной драматургии через лирические темы, медитативные эпизоды, гармоническую устойчивость. Формирование образа учителя в музыке зависит от исторической эпохи и социокультурной среды. В советской музыкальной культуре, например, образ учителя часто ассоциировался с идеей служения народу, воспитания нового человека, что отражалось в массовых песнях и хоровых произведениях. В современной культуре, особенно в академической и экспериментальной музыке, образ учителя может быть интерпретирован как медиатор знания, инспиратор творчества, фигура памяти.

В музыкальном искусстве образ учителя часто воплощается через посвящения, музыкальные портреты, вокально-драматические сцены и программные пьесы. С целью передачи отношения к учителю композиторы используют специфические выразительные

средства, такие как лейт-тембры, мелодические интонационные формулы, ритмические структуры. Так передаются чувства уважения, благодарности и духовной связи с наставником. Например, в инструментальных произведениях Д. Д. Шостаковича и С. С. Прокофьева можно проследить обращения к образу учителя через музыкальные цитаты и стилистические аллюзии. В западной традиции, И. С. Бах в «Музыкальном приношении» демонстрирует образ учителя как носителя божественной мудрости. В оперном и вокально-симфоническом жанре образ учителя часто наделяется чертами трагического героя или духовного наставника. Примером может служить партия Сарафанова в опере «Учитель танцев» Б. Александрова, где педагог предстает как носитель традиции и морали. В западной традиции аналогичную функцию выполняет Серафим в кантате Бенджамина Бриттена "Saint Nicolas", где учитель представлен как святой и просветитель. Особую роль в воплощении образа учителя в музыкальном искусстве занимают посвящения и портреты [2]. Многие композиторы создавали произведения, посвященные своим наставникам. Так, Д. Д. Шостакович посвятил свой «Прелюдии и фуги» памяти педагога Л. Николаева, а Ф. Лист написал цикл «Harmonies poétiques et religieuses» в духе духовного ученичества. Такие произведения наполнены символическим диалогом между учеником и учителем.

Встает вопрос об использовании музыкальных средств в выражении образа педагога и в первую очередь обратим внимание на темброво-интонационные характеристики. Образ учителя часто выражается через устойчивые интонационные формулы: спокойные, уравновешенные мелодии, строгие ритмические структуры, использование баритонального регистра (в вокале) или струнных инструментов с мягким тембром (в инструментальной музыке). Например, в пьесе «Учитель» из цикла «Детский альбом» С. М. Слонимского музыкальный язык построен на диалоге и интонациях наставления. В некоторых произведениях образ учителя раскрывается через символику света, пути, восхождения. В кантате К. Орфа "Catulli Carmina" фигура старшего наставника противопоставляется юношеской страсти, а в симфонии №3 Г. Гоуэра педагогическая тема реализуется через развитие музыкального материала от простого к сложному, как метафора обучения. Фигура учителя как проводника музыкальных знаний нашла свое отражение в детской и педагогической музыке. Широко известны произведения И. С. Баха, Р. Шумана, П. И. Чайковского и многих других композиторов, которые были созданы для изучения на раннем этапе обучения музыке. В современном репертуаре для детских музыкальных школ образ учителя часто представлен в виде персонажа, сопровождающего ребенка в музыкальном путешествии. В пьесах И. Якушенко, А. Цфасмана, Т. Щеблыкиной мы можем увидеть миниатюры с названиями «Урок», «Наставление», «Педагогическая беседа», где музыкальный язык имитирует диалог, вопрос-ответ, мягкое наставление.

Исполнительская интерпретация также играет важную роль: тембровая окраска, динамика, артикуляция и жест позволяют солисту или ансамблю передать эмоциональную глубину образа [3]. Тембровая окраска, динамика, артикуляция и жест становятся выразительными средствами, через которые солист или ансамбль передает эмоциональную глубину, этическое содержание и духовную значимость образа. Тембр, как индивидуальная окраска звучания, способен подчеркнуть внутреннюю теплоту, строгость или благородство, ассоциируемые с педагогической фигурой. Использование мягких регистров струнных или теплого звучания деревянных духовых инструментов может символизировать заботу и наставничество, тогда как резкие акценты и контрастные динамические переходы – строгость и требовательность. Примером может служить произведение А. Шнитке «Концерт памяти учителя», которое создано в память о композиторе И. Стравинском и представляет собой сложную полистилистическую структуру. Исполнительское мастерство в этом произведении должно ориентироваться на передачу и скорби в связи со смертью И. Стравинского, и воплощение интеллектуального восхищения личностными и педагогическими качествами его как учителя. В контексте данного произведения важны контрасты тембра и драматургическая логика.

Динамика в исполнении музыкального произведения позволяет выстраивать драматургию образа учителя. В отношении этого аспекта целесообразным является изменение динами от едва слышного пианиссимо, передающего интимность и размышление, до мощного фортиссимо, выражающего силу убеждений и эмоциональную насы-

щенность. Артикуляция как способ звукоизвлечения может варьироваться от легато, создающего ощущение плавности и непрерывности мысли, до стаккато, подчеркивающего решительность и ясность. В камерном произведении Д. Д. Шостаковича «Посвящение профессору И. И. Дубовскому» используется сдержанная динамика и лирическая мелодика для передачи уважения и благодарности своему учителю. Исполнительская трактовка этого произведения требует тонкой работы с фразировкой и интонацией, подчеркивающей личностную связь.

При рассмотрении вокально-драматических и сценических форм музыкальных произведений, отражающих учительскую тематику, особенную роль играет жест и визуальное дополнение к звуковому образу. Пластика тела, мимика, поза – все это усиливает восприятие музыкального материала и позволяет зрителю глубже прочувствовать эмоциональное состояние персонажа, будь то наставник, вдохновитель или духовный проводник. Остановимся на цикле этюдов ор. 10 Фредерика Шопена, посвященных его учителю Йозефу Эльснеру. Хотя эти произведения не имеют программного характера, их посвящение учителю придает им особую глубину. В интерпретации образа исполнитель выводит на первый план ясность фактуры и выразительность музыкального жеста, что акцентирует внимание на педагогической направленности.

Заключение. Образ учителя в музыкальном искусстве предстает как художественное и символическое явление, отражающее индивидуальные черты наставника, культурные, исторические и этические ориентиры эпохи. Его репрезентация в композиторской и исполнительской практике демонстрирует устойчивую связь между музыкальным языком и духовными ценностями, где образ педагога становится носителем мудрости, вдохновения и нравственного авторитета.

Анализ произведений различных жанров показывает, что образ учителя может быть выражен как через прямую тематизацию, так и через метафорические аллюзии, посвящения и музыкальные портреты. Композиторы используют такие выразительные средства как тембр, интонацию, ритм, динамику для передачи уважения, благодарности и духовной связи с наставником. Исполнители, в свою очередь, раскрывают эмоциональную глубину образа через интерпретационные решения, включая фразировку, артикуляцию и сценическую пластику.

1. Лашкул, М.А. Исполнительская компетентность педагога-музыканта / М. А. Лашкул // Вестник ТГУ, 2008. – № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelskaya-kompetentnost-pedagoga-muzykanta (дата обращения: 08.11.2025).

2. Кулагина, Е. А. Музыкальный портрет как жанр: особенности интерпретации / Е. А. Кулагина. – URL: https://biblio.imli.ru/images.pdf. (дата обращения: 08.11.2025).

3. Копылова, Н. В. Образ учителя в музыкальной культуре: от архетипа к интерпретации / Н. В. Копылова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-arhetipa-kak-kulturologicheskoe-ponyatie (дата обращения: 08.11.2025).

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСКУССТВ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОДА

Мао Синчунь,
аспирант Белорусского государственного университета культуры и искусств, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Жукова О.М., канд. искусствоведения, доцент

Ключевые слова. Взаимодействие искусств, художественная культура, городское пространство, междисциплинарность, национальная идентичность.

Keywords. Interaction of arts, artistic culture, urban space, interdisciplinary, national identity.

Проблема взаимодействия искусств в городской среде приобретает все большую актуальность в условиях стремительного развития культурных и урбанистических процессов. Современный город выступает не только как социальное и архитектурное пространство, но и как динамичная художественная система, в которой различные виды

искусства (архитектура, музыка, театр, изобразительное и декоративно-прикладное искусство) вступают в сложные формы взаимосвязи. В рамках данной статьи рассматривается теория взаимодействия искусств как методологический подход к анализу формирования художественной культуры города. Цель статьи – рассмотреть некоторые теоретические аспекты проблемы взаимодействия различных видов искусств в формировании художественной культуры города.

Материал и методы. Материалом для написания статья стали работы белорусских и российских исследователей. В процессе исследования использован методы: анализ научной литературы и историко-культурный.

Результаты и их обсуждение. Идея синтеза искусств восходит к эстетическим концепциям Р. Вагнера, В. Кандинского, в которых архитектура, живопись, музыка и театр рассматривались как единое художественное целое. В контексте городской культуры разная степень взаимодействия искусств проявляется в создании многообразных пространств, где визуальные, звуковые и пластические формы объединяются в единую художественную среду. Каждый из видов искусства выполняет отдельную роль в контексте такого взаимодействия [1]. По нашему мнению, архитектура здесь выступает как основа визуального языка города, музыка и звуковой ландшафт является эмоциональным измерением городской среды, а театральные и перформативные практики – формой социального взаимодействия.

Особую роль для раскрытия темы данной статьи имеют научные работы российского исследователя Г. Е. Гун, который указывает, что в крупных городах в той или иной степени представлены и активно действуют все ключевые компоненты художественной культуры. Ученый подчеркивает, что именно городская среда играет определяющую роль в развитии и формировании региональных художественных процессов. Среди методологических подходов к исследованию процессов создания, распространения и восприятия произведений искусства и эстетически значимых объектов Г. Е. Гун выделяет «средовую» концепцию как одну из наиболее перспективных. Этот подход основывается на идее целостного восприятия города, в котором технические аспекты городской инфраструктуры органично сочетаются с ее социокультурным содержанием, формируя уникальную художественную среду [2].

Согласно позиции российского исследователя И. В. Ушенко, искусствоведческий анализ художественной жизни общества предполагает изучение взаимосвязей между различными направлениями, школами и стилевыми тенденциями, сосуществующими в культурном пространстве. Важным аспектом его научной позиции становится событийная динамика искусства – хроника спектаклей, выставок, публикаций, а также процессы институционализации, среди которых создание культурных организаций, ассоциаций и творческих объединений. При этом учитываются как временные, так и территориальные особенности художественного развития. В рамках искусствоведческих исследований акцент традиционно делается на отдельных видах искусства, однако все более значимым становится изучение социальных факторов, влияющих на развитие художественной культуры. В частности, И. В. Ушенко уделяет внимание культурной политике, механизмам функционирования художественных институтов и формам их взаимодействия в городском контексте. Такой подход позволяет рассматривать художественную культуру города как результат сложного взаимодействия эстетических, организационных и социокультурных процессов [3].

Интерес представляет статья белорусского ученого И. Н. Лисовской (И. Н. Липай) «Художественная культура в современных научных публикациях», в которой находится аналитический обзор актуальных подходов к изучению художественной культуры в гуманитарных науках [4]. В работе рассматриваются ключевые теоретические и методологические направления, сложившиеся в искусствоведении, культурологии и социологии искусства. Автор раскрывает междисциплинарный характер исследований, охватывающих как классические виды искусства (музыка, живопись, театр), так и современные формы художественной практики. Особое внимание уделяется роли художественной культуры в формировании ценностных ориентиров общества, ее связи с культурной политикой и институциональной организацией художественной жизни.

Однако художественная культура города формируется не только через институциональные формы (музеи, театры, концертные залы), но и через повседневные практики: уличное искусство, инсталляции, музыкальные акции, фестивали. В современном контексте они приобретают ключевое значение для развития художественной культуры города. Вышеназванные формы способствуют эстетизации городской среды, вовлечению жителей в культурный диалог, где визуальными элементами становятся муралы и граффити, формами звуковой идентичности – музыкальные фестивали и концерты на открытом воздухе, активным средством вовлечения аудитории в художественный процесс – интерактивные инсталляции и медиа-арт. Современные культурные институции все чаще реализуют проекты на стыке различных видов искусства. Галереи становятся площадками для театральных перформансов, музеи – для музыкальных концертов, а городские пространства – для мультимедийных инсталляций. Все это демонстрирует появление новых взаимосвязей различных видов искусств в пространстве городской среды и указывает на формирование новой модели восприятия искусства как открытой, диалогичной и интегративной практики. Широко известны такие примеры как «Ночь музеев», «Фестиваль уличного театра», «Город как галерея».

Исследование проблемы взаимодействия искусств в контексте художественной культуры города имеет несколько другой ракурс в работах белорусского ученого О. М. Жуковой [5]. В них рассматриваются фестивали Витебского региона как специфическое художественное пространство, в котором различные виды искусства взаимодействуют, вступая в активный диалог. Автор выделяет формы взаимодействия, такие как художественное объединение, взаимопроникновение и синтез, подчеркивая, что фестиваль становится площадкой для интеграции эстетических практик, объединенных общим художественным замыслом. На основе анализа фестивалей Витебского региона ученый доказывает, что они становятся не только формой презентации искусства, но и механизмом культурной коммуникации, объединяющим профессиональных художников, зрителей и городскую среду. Это соответствует более широкой проблеме формирования художественной культуры города через события, в которых искусство становится частью повседневной жизни.

Заключение. Проблема взаимодействия искусств в контексте художественной культуры города является актуальной и методологически значимой для современного искусствознания. Город как художественная система представляет собой сложное пространство, в котором архитектура, музыка, театр, визуальные и прикладные искусства вступают в разнообразные формы взаимосвязи, формируя целостную культурную среду. Теория взаимодействие искусств сегодня получает новое развитие в контексте урбанистических процессов, где художественные практики становятся неотъемлемой частью повседневной жизни. Работы российских и белорусских исследователей демонстрируют разнообразие подходов к осмыслению проблемы.

На современном этапе ценность представляет концепция, позволяющая рассматривать город как целостное художественное явление, в котором искусства взаимодействуют на различных уровнях. Исследования подчеркивают значимость форматов фестивалей, выставок, перформансов как механизмов культурной коммуникации и интеграции различных видов искусства. Таким образом, художественная культура города формируется посредством институциональных структур и междисциплинарных форм художественного взаимодействия. Это открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на выявление новых моделей восприятия искусства, его роли в формировании городской идентичности и эстетизации городской среды.

1. Деменёв Денис Николаевич Архитектура как основа синтеза искусств: анализ взаимодействия сквозь призму концепции дополнительности // Философская мысль. 2025. – № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-kak-osnova-sinteza-iskusstv-analiz-vzaimodeystviya-skvoz-prizmu-kontseptsii-dopolnitelnosti (дата обращения: 04.11.2025).

2. Гун, Г. Е. Урбанистика и художественная культура города / Г. Е. Гун // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 1. – С. 74–77.

3. Ушенко, И. В. Художественная жизнь и художественная культура: соотношение дефиниций / И. В. Ушенко // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – № 1. – С. 94 – 96.

4. Лисовская, И. Н. Художественная культура в современных научных публикациях / И. Н. Лисовская // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фальклярыстыкі : [зборнік навуковых артыкулаў] / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы. – Мінск, 2021. – Вып. 30. – С. 52–58.
5. Жукова, О. М. Особенности взаимодействия искусств в художественном пространстве фестивалей Витебского региона : монография / О. М. Жукова. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2019. – 120 с.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ АВТОПОРТРЕТА В ЖИВОПИСИ

Медвецкий А.С.,
аспирант ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Громыко М.В., канд. искусствоведения, доцент

Для современного белорусского искусствоведения становится актуальной потребность в более глубоком осмыслении характера эволюции автопортрета в станковой живописи. Данный вид изобразительного искусства является специфической формой эмоционально-художественного анализа художником самого себя в широком контексте, включающем разветвленную связь отношений художника с природным и социокультурным окружением. Поскольку автопортрет представляет собой особый вид портрета, то в литературе эти две искусствоведческие дефиниции всегда рассматриваются в совокупности, в рамках портретного жанра. Поэтому для анализа его особенностей развития применяется инструментарий характерный для изучения портрета.

Цель исследования – провести комплексный анализ истории развития автопортрета в станковой живописи в культурно-историческом контексте мирового искусства.

Материал и методы. Материалами данного исследования послужили научные труды, на основе которых рассмотрена история развития автопортрета в живописи. В данной работе был использован хронологический и сравнительно-сопоставительный методы научного исследования.

Результаты и их обсуждение. Автопортрет, как особый вид изобразительного искусства появился в Европе во второй половине XV века. Анализируя творения мастеров эпохи Возрождения, можно с полной убежденностью утверждать: немало авторов включали себя в качество героев собственных полотен. Но исследования искусствоведов постоянно сдвигают этот момент в глубину столетий. Отдельные сведения называют автопортреты китайского живописца династии Тан, датируемые VII веком до н.э. Впрочем, не отрицается, что и в более древние эпохи в какой-либо мере попадались аналогичные примеры, но документальных доказательств тому в современной науке нет.

В Древнем мире центральное внимание направлено на реального человека, который еще не ощущал нужности в осознании себя при помощи изображения. Не облик и персона, а имя, социальный статус являлись основным критерием, потому что портретные изображения почти всегда подписывались. Человек в искусстве Древней Греции рассматривался точно не как персона, а как телесный объект. В античности совершается медленный переход к индивидуализации человека. В силу этого системообразующим видом искусства в античности была скульптура.

В период Средневековья достаточно сильно возрастает значение христианства. Само понятие человеческой личности в эту эпоху также еще не сложилось. На протяжении всей средневековой эпохи основной задачей искусства являлось служение религиозным и идеологическим целям: оно транслировало идеи и формировало мировоззрение. Развитие жанра автопортрета в этот период сталкивалось с серьезными препятствиями – строгими религиозными нормами и множественными ограничениями. Дополнительную сложность создавал идейный конфликт, особенно острый в ранневизантийский период: шла борьба между сторонниками духовной трактовки изобразительного искусства и теми, кто допускал отображение материального, телесного начала в христианском художественном творчестве.

В эпоху Возрождения происходит обращение от коллективистского человека к индивидууму. Человек становится мерой всех вещей, взгляд на религию происходит также через понимание человеческой природы. Среди наиболее древних сохранившихся автопортретов постантичной эпохи выделяется произведение нидерландского мастера Яна ван Эйка (1390–1441) под названием «Человек в красном тюрбане», датированное 1433 годом. В период немецкого Ренессанса Альбрехт Дюрер (1471–1525) создал обширную серию собственных изображений – примерно дюжину работ, используя различные художественные техники: серебряный карандаш, акварель, масляную живопись и ксилографию. Самое раннее из этих произведений было выполнено юным художником в тринадцатилетнем возрасте в 1484 году.

Герой картин эпохи Нового времени обращается к индивидуальному и уникальному. Его существование больше не ограничивается парадными дворцовыми залами и величественными помещениями – теперь он обитает в изменчивой среде, где пространство и время носят мимолетный, переменчивый характер. Среди автопортретов данного периода можно отметить «Менины» (1656) испанского художника Диего Веласкеса, «Давид с головой Голиафа» (1610) основателя реализма Караваджо, «Автопортрет с Саскией на коленях» (1636) Рембранта.

Парадные изображения XVIII столетия, где персоноцентричный индивидуализм ещё не достиг предельной выраженности, лишены той масштабности, проникновенности, искренности замысла, что отличала портрет XVII столетия. Направлению рококо, развивавшемуся одновременно с барокко на протяжении начальных трех четвертей XVIII столетия, были свойственны орнаментальная эффектность и искусственность персонажей. Из произведений XVIII столетия стоило бы отметить: «Автопортрет» (1775) немецкого портретиста Менгса (1728–1779); «Автопортрет между музыкой и живописью» (1792) швейцарской художницы «Анжелики Кауфманн» (1741–1807); и «Автопортрет в соломенной шляпе» (1782) Элизабет Виже-Лебрен (1755–1842).

На протяжении XIX столетия осуществляется пересмотр установок и ориентиров, творчество приступает трансформироваться в специфический язык философии, декларируя свою автономность. В творчестве данной эпохи непосредственно способами трактовки человеческой персоны словно в отражении представлена неоднозначная панорама особенностей философского самоосмысления. Показательным образцом способны выступать автопортреты Франсиско Гойи (1800), Эжена Делакруа (1837), Джеймса Макнила Уистлера (1872) и множества прочих.

На протяжении XX столетия, в контексте постижения явлений «массового индивида», «избегания от независимости» и подобного, классическая трактовка персоны оказалась подвергнута сомнению. Вследствие этого все регулярнее утрачивается интерес у живописцев к человеческому облику. Образцы XX столетия содержат стилистически непохожие автопортреты Анри Матисса (1906), Джона Сингера Сарджента (1907), Пьера-Огюста Ренуара (1910), Уильяма Орпена (1910), Поля Клее (1922) и Макса Бекманна (1927).

Заключение. Живописному языку каждой эпохи соответствуют свои смысловые визуальные, ассоциативные средства выражения, помогающие художнику познать мир и самого себя. Необходимо отметить, что развитие автопортрета в рассмотренном историческом контексте прежде всего передает отражение авторской оценки самого себя как личности и художника. Также совершенно очевидно влияние на этот вид портретного жанра крупного стиля, господствующего в это время. Эстетические нормы эпохи, ее философские концепции, социальные установки неизбежно накладывают отпечаток на то, как художник видит и изображает себя. Будь то строгая иерархичность средневекового искусства, антропоцентризм Возрождения, театральность барокко, рациональность классицизма или психологизм романтизма и реализма – каждый большой стиль формирует определенную оптику самовосприятия творца. Искусство представляет собой уникальную форму постижения реальности, воплощенную через художественный образ. И именно он органично связан со стилем эпохи и авторским представлением о самом себе.

ВЛИЯНИЕ МЕДИАКУЛЬТУРЫ НА ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БЕЛАРУСИ

Пилецкая К.В.,
ст. преподаватель ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова. Медиакультура, хореографическое искусство, хореографическое образование, телевизионные шоу, художественный кинематограф.

Keywords. Media culture, choreographic art, choreographic education, television shows, artistic cinema.

Современное хореографическое образование развивается в условиях активного влияния медиакультуры, которая формирует новые формы восприятия, трансляции и освоения хореографического искусства. С начала XXI века наблюдается стремительное расширение медиапространства, в котором хореография занимает все более заметное место – от телевизионных шоу и музыкальных видеоклипов до цифровых платформ и социальных сетей. Это приводит к трансформации образовательных запросов, повышению интереса к современным танцевальным направлениям и переосмыслению традиционных педагогических подходов.

Медиапроекты, такие как танцевальные реалити-шоу, художественные фильмы и видеоконтент в социальных сетях, становятся не только инструментами популяризации хореографии, но и полноценными образовательными ресурсами. Они способствуют формированию мотивации у обучающихся, расширяют доступ к профессиональному опыту, стимулируют творческое самовыражение и внедрение инновационных форм обучения. В условиях цифровизации культуры и образования актуальным становится изучение роли медиа как фактора, влияющего на содержание, формы и цели хореографического образования. Настоящая статья направлена на анализ медиасреды как пространства художественного и педагогического взаимодействия, выявление механизмов ее влияния на развитие хореографического образования.

Целью является определение влияния медиакультуры на развитие хореографического образования в Беларуси.

Материал и методы. В качестве основного материала использованы художественный кинематограф и телевизионные проекты, транслируемые на белорусских и международных каналах, включающие хореографические постановки, а также научные публикации белорусских исследователей. В данном исследовании был использован метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ научных источников показал, что проблема влияния медиа на хореографическое образование в Республике Беларусь до настоящего времени не получила системного освещения в научной литературе. Тем не менее, отдельные аспекты взаимодействия хореографического искусства и экранной культуры рассматривались в ряде исследований. Так, в диссертационной работе искусствоведа Д. А. Кожемяко «Особенности презентации хореографического искусства в экранной культуре» подробно анализируются танцевальные телепроекты, музыкальные видеоклипы и художественные фильмы, отражающие различные направления хореографического искусства [1]. Исследование демонстрирует, как медиапространство влияет на визуальное восприятие танца и формирует новые формы его презентации.

Кроме того, изучение специфики представления бального танца в телевизионных проектах нашло отражение в работе белорусского исследователя О. Н. Столяр [2], где рассматриваются особенности постановки, стилизации и восприятия танца в условиях экранного формата. Эти исследования создают основу для дальнейшего анализа роли медиа как фактора, способствующего трансформации хореографического образования и расширению его культурных границ.

Значительное влияние на развитие хореографического искусства и образования оказали телевизионные шоу, в которых танец стал центральным элементом культурного высказывания. Такие проекты как «Танцы», «Новые танцы» на телеканале ТНТ,

«Танцуют все!», «Танцы со звездами», «Dance Революция», выходившее на Первом канале, а также международные форматы – танцевальная медиафраншиза «So You Think You Can Dance» и британское танцевальное шоу «Dancing with the Stars» – создали благоприятные условия для обмена профессиональным опытом исполнителей и педагогов, внедрения инновационных подходов и повышения уровня исполнительского мастерства. Медиаформаты сделали танец важной частью массовой культуры, что положительно влияет на развитие хореографического искусства и образования в целом.

Одним из значимых факторов, способствовавших популяризации хореографического искусства в современный период, стала его активная репрезентация в массовых медиапродуктах, прежде всего в художественном кинематографе. Русские и зарубежные фильмы, такие как «Большой», «Танго на осколках», «Давайте потанцуем», «Шаг вперед», «Уличные танцы», «Черный лебедь», «Ла-Ла-Ленд», «Бурлеск» и «Танцовщик», не только демонстрируют разнообразие хореографических направлений, но и формируют эмоционально насыщенное восприятие танца как формы художественного самовыражения. Танцевальные кинопроекты поспособствовали расширению аудитории, повышению интереса к танцу среди молодежи и стимулировали вовлеченность в образовательные процессы, связанные с освоением хореографического искусства.

Демонстрация хореографического искусства в фильмах, музыкальных клипах и телевизионных шоу-проектах значительно способствовала популяризации современных направлений хореографии. Благодаря медиа увеличилась визуальное восприятие и эмоциональный контакт аудитории с танцем, что мотивирует многих зрителей заниматься танцами и развиваться в этой сфере. Платформы социальных сетей, такие как TikTok, Instagram и другие способствовали распространению танцевальных трендов, вовлекая молодежь в активное участие и адаптацию элементов современного танца.

Медиаформаты, обладая широкой аудиторией и высокой степенью визуального воздействия, способствовали росту интереса к танцу, особенно к современным направлениям, таким как контемпорари, хип-хоп, джаз-модерн, уличная хореография и фьюжн. Благодаря медиа, хореография вышла за рамки сценического пространства и стала частью повседневной визуальной культуры, что, в свою очередь, повлияло на образовательные запросы молодежи и трансформацию учебных программ. В Беларуси данная тенденция получила институциональное отражение: в 2014 году в УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств» была открыта специальность «Современный танец», ориентированная на подготовку специалистов в актуальных хореографических направлениях. Кроме того, элементы современной хореографии были интегрированы в учебные программы хореографических специальностей учреждений среднего специального образования. В то же время наблюдается активное развитие частного сектора – открытие танцевальных студий и школ, ориентированных на обучение современным стилям, что свидетельствует о растущем интересе к хореографическому искусству и его образовательному потенциалу в условиях медиакультуры.

Медиапространство не только транслирует эстетические и технические особенности танца, но и формирует новые ориентиры в восприятии хореографического искусства, включая акценты на индивидуальность, эмоциональность и креативность. Телевизионные шоу, такие как танцевальные реалити-проекты, предоставляют возможность широкой публике наблюдать за процессом подготовки, оценкой и развитием танцоров, тем самым популяризируя саму идею хореографического образования как доступного и престижного направления. В результате, медиаподдержка стала важным инструментом формирования мотивации к обучению, расширения жанрового диапазона и интеграции хореографии в культурное сознание современного общества.

Заключение. Медиасреда оказывает существенное влияние на развитие хореографического образования в Республике Беларусь в контексте популяризации современных танцевальных направлений. Телевизионные шоу, художественные фильмы, музыкальные видеоклипы и цифровые платформы стали не только каналами трансляции хореографического искусства, но и полноценными образовательными ресурсами, способствующими формированию мотивации, расширению жанрового диапазона и внедрению

инновационных методик обучения. Медиаформаты изменили восприятие танца в массовом сознании, сделав его частью визуальной культуры и повседневной жизни, которые вызвали рост интереса к хореографии среди молодежи, что, в свою очередь, отразилось на содержании учебных программ, открытии новых специальностей и активном развитии частного сектора хореографического образования. Медиа выступает как важный фактор интеграции хореографии в общественное и образовательное пространство, способствуя профессионализации, творческому развитию и культурной коммуникации.

Таким образом, медиакультура не только сопровождает, но и активно формирует векторы развития хореографического образования, открывая новые возможности для педагогов, исполнителей и обучающихся в условиях современной информационной эпохи.

1. Кожемяко, Д. А. Особенности презентации хореографического искусства в экранной культуре : автореферат диссертации ... кандидата искусствоведения : 17.00.09 – теория и история искусства / Кожемяко Дарья Александровна ; [науч. рук. Карчевская Наталья Владимировна]. – Минск : [б. и.], 2017. – 23 с.

2. Столяр, О. Н. Телевизионные танцевальные проекты как феномен массовой культуры современности : (на примере шоу «Танцы со звездами») / О. Н. Столяр // Научный поиск в сфере современной культуры и искусства : материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава Белорусского государственного университета культуры и искусств (Минск, 25 ноября 2021 г.) / Белорусский государственный университет культуры и искусств; [редкол.: Н. В. Карчевская (пред.) и др.]. – Минск, 2022. – С. 196–200.

СВЯЗЬ МУЗЫКИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ЖАНРЕ «ПРОГРАММНАЯ СИМФОНИЯ» В РОССИИ

Цю Каннань,
аспирант Белорусской государственной академии музыки,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Олейникова Э.А. канд. искусствоведенья, доцент

Ключевые слова. Музыкальное искусство, программная музыка, симфоническая картина, изобразительное искусство, живопись.

Keywords. Musical art, program music, symphonic picture, fine art, painting.

В развитии человеческого искусства, музыка и изобразительное искусство являются средствами отражения исторических событий, изображения природы и выражения человеческих эмоций. Различные виды искусства, начиная с эпохи Возрождения, стремительно развивались одновременно, постепенно переходя от религиозной к гуманистической тематики. В XIX в эпоху романтизма содержания музыкальных и художественных произведений этого периода тоже звучали похожа.

Материал и методы. Анализ литературных источников по теме исследования, описательный метод, синтез и обобщение информации.

Результаты и их обсуждение. В эпоху Возрождения и Барокко музыкальные жанры, как программная музыка и симфоническая картина пришли относительно поздно, в которых европейские композиторы начали внедрять эффекты «звуковой живописи». Например, в мадригалах использовались интервалы для изображения плача, а быстрые гаммы – для изображения полета.

Жанр «симфония» представляет собой музыкальное произведение, которое возникло в XVII веке в увертюре к опере. В период развития классической музыки XVIII века инструментальные произведения переживали бурное развитие. Гайдн, Моцарт и Бетховен оставили огромное количество симфонических произведений. В Шестой симфонии Бетховена «Пасторальная», композитор использовал оркестровые инструменты для имитации звуков пения птиц и грома, стремясь изобразить для слушателя природную, пасторальную сцену.

В начале XIX века в эпоху романтизма европейские композиторы стали вкладывать в свои музыкальные произведения больше личных эмоций, а связь их с литературой и философией стала проявляться больше. В это время в музыке усилились мелодические

и лирические аспекты, обогатились художественные краски. Особое место среди разнообразных видов музыкального искусства принадлежит программной музыке, которая как музыкальный жанр зародилась в творчестве французского композитора Гектора Берлиоза «Фантастическая симфония» [2, с.80]. Одним из ведущих жанров европейской музыки, начиная с XIX века, является симфоническая поэма - одночастная программная симфония, основоположником которой был венгерский композитор Ференц Лист. Симфонические произведения, связанные с различными видами искусства, литературой, поэзией, лирическими образами природы, предоставляют богатые возможности развития художественно-ассоциативного мышления у композитора, исполнителя и слушателя.

Программная музыка, помимо Европы, появляется и в России. Русские композиторы создали многочисленные музыкальные произведения в жанре симфонических поэм, концертных увертюр, симфонических картин. Наиболее значимым и творческим периодом развития программной музыки в России является середина- конец XIX века. В этот период пять русских композиторов, членов так называемой «Могучей кучки», М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин, Кюи под влиянием Михаила Глинки создали оркестровые произведения, которые отличались драматизмом, образностью, блестящей оркестровкой и сочетали эпическое величие с лиризмом. Значительную роль в развитии программных симфоний сыграл и Петр Ильич Чайковский [1, с. 25].

Василий Кандинский, великий русский художник и теоретик искусства, был синестетиком, который считал, что основные элементы живописи, такие как точки, линии и плоскости, могут соответствовать музыкальным нотам, мелодиям и гармониям. В эпоху импрессионизма, начиная со второй половины XIX века, европейские живописцы и композиторы соотносят светлоту и темноту гармонии в музыке со светлотой и темнотой цветов в живописи, а контрастность звуковых кластеров - с контрастностью цветовых блоков.

В жанре симфонической поэмы среди русских композиторов можно выделить «Ночь на лысой горе» Модеста Мусоргского, в котором повествовательные и описательные элементы сочетаются, а образы, запечатленные в музыке, отличаются удивительной реалистичностью. Эта симфоническая поэма была написана под влиянием рассказа Н.В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала», в котором изысканная оркестровка изображает сцену праздника дьявола и ведьм на пустынной горе в канун Рождества. В начале поэмы играют быстрые триольные хроматические гаммы струнных, глиссандо духовых инструментов. Медленные, но резкие звуки духовых инструментов представляют публике зловещую и призрачную сцену. На протяжении всего симфонического произведения композитор использовал несколько различных тем, чтобы разделить праздничную сцену [3, с.105].

Не менее известная фортепианная сюита Мусоргского «Картинки с выставки» была адаптирована для оркестровых произведений многими композиторами, наиболее распространенной из которых является версия Равеля. Сюита является типичным примером интеграции музыки и искусства. В сюите Равель использует десять тем для изображения десяти картин. В оркестровке композитор умело использовал тембры различных инструментов. Например, в пьесе «Старый замок» глубокий тембр кларнета создает тихую и мрачную атмосферу замка; в пьесе «Быдло» мягкий ансамбль струнных создает унылый фон, а соло тубы живо изображает медленно движущуюся волчью повозку. Исполнительские приемы в сюите также вызывают у слушателя ассоциации с живописью. В пьесе «Гном» скорость игры бывает быстрой и медленной, а интенсивность - сильной и слабой, создают образ хромого карлика. В пьесе «Избушка на курьих ножках» композитор использует крайне диссонирующие и резкие большие септаккорды для создания образа странной ведьмы.

Симфоническая сюита Николая Римского-Корсакова «Шехеразада» наполнена экзотическим восточным колоритом, изображает фантастические сцены, такие как море и корабль Синдбада. Тромбон мощно воплощает морскую тему, а флейта и арфа присоединяются к завыванию ветра. Контраст между различными инструментами и темами живо передает бурные волны и битву моряков.

Тот же прием использован в симфонической поэме Александра Бородина «В Средней Азии», изображая караван, путешествующий по бескрайним лугам.

Петр Ильич Чайковский создал несколько увертюр на основе этого музыкального жанра. В увертюре «1812» композитор изображает сцены русско-французской войны: сражения, звон победных колоколов, пламя войны [3, с.106].

Наибольшего расцвета в России в XIX и XX веках достигает такой музыкальный жанр как симфоническая картина, сплетенная с различными стилями живописи, как музыкальный пейзаж, эскиз, портрет, фреска, акварель и др. К числу упомянутых произведений относятся «В Средней Азии» Бородина, «Садко» Римского-Корсакова,

«Русь» М.А. Балакирева, «Кремль» А.К. Глазунова. С XX века русские композиторы стремились использовать звук для представления известных картин, позволяя публике взаимодействовать визуально и на слух при оценке известных картин. Среди произведений - «Щедрин Р. Фрески Дионисия: для девяти инструментов» Р. Щедрина,

«Прометей: симфоническая фреска» В. П. Чистякова и др. Картины великого русского пейзажиста Исаака Левитана стали темой многих симфонических картин [4].

С середины-конца XX века и по настоящее время, с развитием выразительных средств, применением электронной музыки и развитием информационных технологий, программные симфонии стали более тесно сливаться с изобразительным искусством, таким как живопись, скульптура, фотография и кино.

Заключение. Со времен романтизма в России наблюдалось значительное развитие музыки, литературы, живописи и других видов искусства, что привело к появлению многочисленных произведений, сочетающих различные художественные стили. С XIX века под влиянием программной музыки Берлиоза и симфонических поэм Ф. Листа русские композиторы обратились к жанру программной симфонии, наполняя свои музыкальные произведения повествовательными и художественными качествами. Опираясь на многочисленные великие произведения живописи, появившиеся в России, композиторы написали ряд произведений в жанре симфонической картины, оказывающее глубокое влияние на музыкальную культуру и сегодня. Россия гармонично двигается по пути, сочетающим музыку и изобразительное искусство.

1. Арановский, М. Г. Что такое программная музыка? / М. Г. Арановский. – М.: Госмузиздат, 1962. – 350 с.
2. Крауклис, Г. В. Романтический программный симфонизм / Г. В. Крауклис. – М.: МГК им. П.И. Чайковского, 2007. – 280 с.
3. Попова, Т. В. Симфоническая поэма. - Изд. 3-е, переработ / Т. В. Попова – Москва : Музгиз, 1963. – 460 с.
4. Ширяева, О. Ф. Симфоническая картина: Судьба жанра в XX – начале XXI в.: Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015 / 4

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ ТЕМАТИЧЕСКОГО ПЕЙЗАЖА В СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

Цяо Чжиюй,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Сенько Д.С., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова: пейзаж, тематическая пейзажная композиция, художественный образ.

Keywords: landscape, thematic landscape composition, artistic image.

В контексте стремительной цифровизации современного общества закономерно возникает вопрос о сохранении и адаптации классических жанров искусства в системе художественного образования. Пейзаж, как один из старейших жанров изобразительного искусства, не утратил своей актуальности в системе подготовки художников для различных сфер визуального искусства, включая цифровые.

Создание пейзажа в современной художественной практике – это синтез традиционной школы и современного мышления, путь от освоения ремесла (как изобразить)

к овладению языком визуального высказывания (что и зачем изобразить). Именно такой комплексный подход, где техническое мастерство неразрывно связано с развитием образного мышления и эмоционального интеллекта, готовит художников, способных создавать не просто "красивые картинки", а искусство, наполненное смыслом и чувством, и, следовательно, создание пейзажа в современном искусстве – это не просто копирование природы, а развития художественного сознания и формирования художественного образа.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью поиска новых форм образного выражения пейзажной живописи в современной художественной практике и образовании. Целью данного исследования являлось изучение взаимосвязи пейзажной живописи с тематической композицией и трансформации пейзажного мотива в художественный образ.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили произведения пейзажной живописи из различных источников, включая художественные музеи и галереи, литературные источники и онлайн-базы данных по искусству. В исследовании использовались описательно-аналитический, сравнительно-сопоставительный, эмпирический методы для анализа исторических и современных интерпретаций пейзажного образа в художественной практике.

Результаты и их обсуждение. К жанру пейзажа в пластическом искусстве относятся произведения, предметом изображения которого является природа, естественная или преобразованная человеком окружающая среда. В пейзаже отражаются разнообразие природных форм, изменение света и атмосферы. Художники используют разные техники, чтобы передать настроение и ощущение пространства. Современные представления о пейзаже сформировались на протяжении длительного времени, отражая изменения пространственных представлений и художественных приемов для изображения реальности.

Воспроизведение природы являлось основным принципом пейзажной живописи на протяжении веков. Но в различные исторические периоды существовали разные трактовки понятия «сходство». Процесс подражания натуре и перевод её в художественный образ имел каждый раз свои характерные особенности, которые зависели от общих идейных и эстетических предпосылок в искусстве данного периода, а также от конкретной творческой практики – творческого метода, стиля, техники и средств художественной выразительности. В истории искусств пейзажная живопись прошла путь от второстепенного фона до самостоятельного жанра, в котором художники выражают не только красоту природы, но и философские идеи через разнообразные образно-стилистические и технические решения от классических гармоничных видов до экспрессивных и абстрактных интерпретаций [1].

Важно отметить, что внешнее сходство с конкретным ландшафтом не обязательный критерий художественной выразительности пейзажа. Пейзаж предполагает не только сходство с окружающей действительностью, но и воссоздание эмоционально-образного проникновение в природный мир. В решении пейзажа художник должен создать эмоциональную характеристику изображаемого природного мотива через определенный художественный образ и одной из важных трансформаций в развитии пейзажного жанра является взаимосвязь изображения природного мотива с сюжетно-тематическим решением и четко выраженным сюжетным действием, запечатленным, как правило, в тематической композиции. Тематическая композиция расширяет рамки пейзажного жанра, ставит перед художником более сложные проблемы поиска художественного образа и композиционной структуры художественного произведения [2].

Разница между пейзажем и тематической композицией заключается в ее смысловом назначении, в характере содержания пейзажного произведения. Чаще всего, пейзаж – это изображение конкретного природного мотива, в которой подчеркивается индивидуальность и национальный характер местности. Тематическая композиция, в свою очередь, может иметь более условное или символическое значение и не всегда изображать конкретный ландшафт. В тематической композиции природная среда может быть частью

более широкого сюжета или символизировать определенную идею. Например, природа в тематической композиции может создавать символический образ: изображения горы интерпретироваться как символы величие и вечности; вода (реки, море) – изменчивость жизни, течение времени; деревья – рост, увядание, связь земли и неба; небо и облака – духовность, свобода, предчувствие. Использование тематической композиции в пейзажной живописи способствует передаче психологических эмоции и настроения в произведении: умиротворение (плавные линии, мягкие тона), тревогу (контрастные тени, изломанные формы), эпическую мощь (грандиозные виды). Кроме того, тематическая композиция в пейзаже формирует признаки среды действия и времени (исторический, батальный, сюрреалистический образы) [2;3].

Таким образом, тематическая пейзажная композиция в живописи – это не просто изображение природы («ландшафтный вид»), а целенаправленное создание художественного образа, подчиненного определенной идее, настроению или концепции. Природа становится носителем смысла, метафорой, символом или выражением определенного состояния (героического, лирического, драматического, философского, социального). Пейзаж перестает быть «видом», становясь «высказыванием». Художник осознанно отбирает, трансформирует или даже конструирует элементы натуры, подчиняя их замыслу. Композиционная организация, колорит, свет, фактура работают на раскрытие темы, а не на точную передачу реальности. Поэтому тематическая пейзажная живопись – это сложный художественный язык, в котором стиль и техника, композиция и сюжет, цвет и тон, линия и фактура создают художественный образ, передают настроение, философские идеи и эмоциональное состояние автора.

Работа над тематической пейзажной композицией всегда ставит перед собой множество задач и в первую очередь должна быть близка автору, быть ему интересной. В процессе работы из накопленных наблюдений и впечатлений отбирается необходимые образы, которые являются материалом будущей картины. Вопросы композиции чрезвычайно сложны и многообразны. Для успешной реализации задуманной творческой композиции учитывались определенные требования. В пейзажном произведении особое значение придаётся построению пространства и композиции природного мотива, передаче состояния атмосферы, воздушной и световой среды, их изменчивости и эмоционального состояния. Это распределение всего изобразительного материала на холсте, то есть того, что именуется компонентами картины, с целью раскрытия главного – идеи произведения, творческого замысла. Картина может стать выразительной и запоминающейся, когда в ней ясно выражена основная мысль, и все части композиции связаны для решения художественного образа картины. Создания тематического пейзажного образа требует от художника свободного владения рисунком, живописными выразительными средствами, наличие воображения и художественного вкуса, а также умения эмоционально «слышать», чувствовать природный мир.

Заключение. Пейзажная живопись продолжает быть востребованной в современной творческой практике, продолжает развиваться, вбирая новые технологии и стили, поэтому изучение пейзажной живописи актуально для современного художественного образования и как историческая и культурная ценность – основа классического искусства, обладает универсальностью и выразительностью, эталоном мастерства, и как развитие профессиональных художественных навыков, и как востребованность в современном искусстве. Тематическая пейзажная композиция расширяет рамки пейзажного жанра, ставит перед художником более сложные проблемы поиска художественного образа и композиционной структуры художественного произведения.

1. Богемская, К.Г. Пейзаж. История жанров / К.Г. Богемская. – Москва : Аст-Пресс; Галарт, 2002. – 264 с.
2. Кларк, К. Пейзаж в искусстве / К. Кларк; пер. с англ. Н. Н. Тихонова. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 304 с.
3. Визер, В.В. Живописная грамота : основы пейзажа / В.В. Визер. – СПб.: Питер, 2007. – 192 с.

MUSICAL TEXT AS ARTISTIC EXPRESSION:
THE AESTHETICS OF ROBERT SCHUMANN'S TITLE MUSIC

Chen Xing,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keyword. Robert Schumann, musical imagery, literary imagery, piano works, title music.

The aesthetics of Romanticism, which became the dominant trend in European art of the 19th century, radically transformed the understanding of musical creativity. Central to this transformation were emotional expressiveness, individualized imagination, the cult of nature, and the pursuit of sensory experience. Within the framework of German Romanticism, music ceased to be perceived as a rigid structure and began to be understood as a direct carrier of emotions, ideas, and subjective experiences, opening broad possibilities for synthesis with literature and philosophy [1].

The work of Robert Schumann vividly illustrates this shift. His musical language is shaped by the Romantic concept of "inner narration", where the piano becomes a vehicle for emotional dramaturgy analogous to literary storytelling. The aim of this article is to explore the essence of Schumann's title music aesthetics through the analysis of his musical compositions.

Material and Methods. This study is based on an analysis of Schumann's piano works ("Butterfly" (Op. 2), "Carnival" (Op. 9), and "Colorful Leaves") which are examined as representative examples of artistic synthesis between music and literature. The research methodology includes scholarly literature review and musicological analysis.

Results and their discussion. Within the framework of the Romantic literary and artistic paradigm, interdisciplinary interaction between music and literature emerges as a defining feature of the era's aesthetic thought. Possessing profound literary erudition, Robert Schumann seamlessly integrates narrative elements, emotional structures, and archetypal imagery into the architecture of his piano compositions, shaping a distinctive concept of "title music" – a genre in which the musical text acquires literary orientation and symbolic depth.

Following the logic of literary narration, Schumann's musical development is built upon the conjunction and internal coherence of autonomous episodes. This structure allows the musical form to be perceived as narrative, with each section functioning as an independent semantic fragment, unified by an overarching emotional trajectory.

The transformation of imagery is achieved through the translation of literary archetypes – such as the metaphor of Eden or the theme of redemption, as exemplified in the piece Storm – into musical symbols. The composer employs tonal contrasts and motivic development to construct a symbolic conflict that reflects inner struggle and the pursuit of spiritual purification.

Sonic synergy is manifested in the dissolution of the piano accompaniment's traditional role as mere background support. Instead, it becomes an active participant in the narrative, reproducing literary scenes through complex textures and tonal layers. In the cycle "Dichterliebe" ("The Poet's Love"), the piano part embodies poetic imagery, transforming into a voice that engages in dialogue with the vocal line.

Schumann deliberately guides the listener's perception through the use of titles and programmatic cues, turning music into a medium for concretizing emotional and philosophical content. His compositions transcend purely musical form, becoming a kind of "audible literature" that conveys a humanistic message and aesthetic reflection.

This model of artistic synthesis radically expanded the expressive potential of 19th-century piano music and laid the foundation for interdisciplinary interaction in Romantic art, where music, literature, and philosophy merge into a unified aesthetic system. In the cycle "Bunte Blätter" ("Colorful Leaves"), musical fragments emulate the structure of literary chapters, creating an effect of emotional journey akin to the form of a novel [2].

The Romantic pursuit of "immanence" – the revelation of the depths of the human soul through art – compels Schumann to transform music into a kind of "auditory diary".

In "Carnaval", he employs piano textures as a means of expressing the dialectical tension between imagination and reality, imbuing each musical phrase with symbolic meaning tied to inner conflict and psychological reflection [3].

A pivotal concept in the development of Romantic aesthetics is that of the "total work of art" (Gesamtkunstwerk), which, although systematized in the writings of Richard Wagner, finds its early manifestations in the work of Robert Schumann. His compositions reveal an organic fusion of music and poetry, where artistic elements from different media interact on a profound level. In the vocal cycle "Dichterliebe" ("The Poet's Love"), Schumann seeks to musically embody Heinrich Heine's poetic world, using melodic lines to transcend linguistic boundaries and generate a cross-media flow of emotion.

This synthesis is not a mechanical transposition of literary imagery into musical form, but rather stems from a Romantic inclination toward ambiguity and interpretive openness. Schumann deliberately employs dissonant intervals, fragmented structures, and motivic repetition – as in the piece Butterfly – to convey tension, metaphorical depth, and to stimulate the listener's associative engagement.

From a critical perspective, Schumann's contribution lies in his ability to concretize the abstract principles of Romantic aesthetics. He embodies the concept of "romantic irony", as formulated by Friedrich Schlegel, through his piano music, transforming it into a space of emotional transformation. In the "Fantasia", Op. 88, as well as in works with titular designations such as "Humoreske", he employs genre and lexical markers to create unity within emotional opposition, emphasizing the dialectical nature of Romantic thought.

The dual creative identity of Robert Schumann – as both composer and music critic – forms the core of his artistic synthesis, uniting musical and literary modes of thinking. In his critical writings, particularly within the Neue Zeitschrift für Musik, he championed the idea of "poetic music", asserting that a musical work should be as rich in meaning and imagery as a literary text. This concept was not merely theoretical but found direct realization in his compositional practice [4].

For instance, in the piece Butterfly from the "Carnaval" cycle, Schumann interprets the relationships between characters from Jean Paul's novel "Flegeljahre" ("The Awkward Age") through musical analysis, transforming literary archetypes into sonic symbols. These piano miniatures function as a kind of "silent literary criticism", where musical gestures take the place of verbal commentary [5].

Schumann's literary education was shaped from an early age: his father's profession as a bookseller gave him access to the works of Goethe, Schiller, and E.T.A. Hoffmann. This influence is reflected in the cycle "Bunte Blätter" ("Colorful Leaves"), where the musical structure imitates the genre characteristics of Romantic prose and legend, creating the effect of literary composition through musical language.

Robert Schumann's role as a music critic had a significant impact on the evolution of his compositional style. He formulated the idea of the "League of David" – a fictional artistic society aimed at opposing aesthetic vulgarity – which he satirically portrayed in the Carnaval cycle through the characters of Eusebius and Florestan, representing the duality of his inner world. This concept of dual identity became the foundation for the intertextual approach in his creative work.

In the genre of art song, Schumann assigns the piano accompaniment not merely a supportive role, but a critically descriptive function. In the cycle "Dichterliebe" ("The Poet's Love"), the piano part becomes an independent vehicle for conveying the emotional subtext of the poetry, using textural techniques – such as dense chords that imitate a heartbeat – to express hidden feelings.

Conclusion. Comparative analysis reveals that Schumann's distinguishing feature among Romantic composers is his commitment to the systematic integration of literary and musical elements. He consistently implements the concept of "musical poetry", as outlined in his critical essay on the Fantasia, Op. 88, and constructs a complex "literary dialogue" through instrumental interplay, weaving together the voices of violin, cello, and piano into a unified artistic statement.

1. Wu, Rui. The marriage of music and literature in Schumann's piano suite "Butterfly"/ Wu Rui // Sichuan Drama, 2020. – № 6. – P. 109–111.

2. Shao, Yihan. Exploration of Literary Characteristics in Schumann's Piano Works: A Case Study of the Piano Suite "Colorful Leaves Collection" / Shao Yihan // Art Science and Technology, 2024. – № 37(06). – P. 23–26.

3. Pan, Yijing. Schumann's "Carnival" (Op.9) Artistic Imagery Analysis and Performance Interpretation / Pan Yijing // Fujian Province: Quanzhou Normal University, 2024. – 176 p.
4. Chen, Jing. A Study on the Intertextuality of Schumann's Piano Suite "Butterfly" (op.2) / Chen Jing // Jiangsu Province: Jiangnan University, 2022. – 38 p.
5. Ning Luying. Research on the artistic image and performance version of Robert Schumann's piano suite "Butterfly" / Ning Luying // Heilongjiang Province: Harbin Conservatory of Music, 2024. – 49 p.

REGIONAL CHARACTERISTICS OF HUNAN FLOWER DRUM OPERA

Du Jin,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keywords. Hunan Flower Drum Opera, regional characteristics, Huxiang culture, intangible cultural heritage, performing art.
Ключевые слова. Хунаньская опера барабана и цветов, региональные особенности, культура Хусян, нематериальное культурное наследие, исполнительское искусство.

Hunan Flower Drum Opera is a general term for various local folk operas in Hunan Province. Its melodies and singing styles are closely related to local folk songs and ditties, and its lyrics and dialogues are performed in local dialects, making it a beloved folk art form among the local people. The opera is characterized by its strong local color and vibrant essence of life, enjoying a deep foundation among the masses. Due to its beautiful melodies, lively forms, accessible language, simple and vibrant performance art, and its ability to reflect real life effectively, it is deeply embedded in the cultural life of the people of Hunan. The aim of the study is to analyze the regional features of Hunan flower drum opera from different perspectives, including its historical evolution, regional genres, traditional themes, and stage performance.

Material and methods. The source materials for this article include studies that examine the performance culture of Sichuan opera and provide a characterization of the distinctive features of Hunan Flower Drum Opera. The research employed general scientific methods, as well as historical-cultural and comparative approaches.

Results and their discussion. The historical origins of Hunan Flower Drum Opera can be traced back to the mid-Qing Dynasty or even earlier folk song and dance forms. It originated from folk songs and gradually developed into the primary form of Flower Drum Opera performed by a "dan" (female role) and a "chou" (clown role). The "Liuyang County Annals," published in 1818 (the 23rd year of the Jiaqing reign), describes the Lantern Festival activities: "Children dressed as "chou" and "dan" perform operas, with drums and gongs creating a lively atmosphere, lasting from the beginning of the month until the night of the festival." This indicates that the earliest form of Flower Drum Opera, known as "Ground Flower Drum" performed by a "dan" and a "chou", had already taken shape by the Jiaqing period at the latest.

The development of Flower Drum Opera underwent three main stages. Its primary stage manifested as "Ground Flower Drum" and "Duet Flower Drum" forms, a period that lasted for a considerable time, maturing gradually from the early Qing Dynasty until the Jiaqing period. During this time, performances were mainly semi-professional, seasonal grass-roots troupes, with role types limited to "chou" and "dan", and repertoires primarily depicting the lives of working people. In its development stage, the "Three Small Roles Opera" form emerged. This was the most characteristic phase in the development of Flower Drum Opera, where the expansion of roles and the establishment of vocal styles led the genre to maturity. After the Tongzhi reign, the emergence of professional troupes and the synthesis of various vocal styles marked the maturation of Flower Drum Opera. The vocal style evolved from early performances using folk ditties and labeled tunes for simple, song-and-dance life skits to incorporating "Gong and Drum Tunes" and "Sichuan Tunes," enabling the performance of folktale-based plays with stronger narratives [1].

It is worth noting that because Flower Drum Opera often reflected folk life, it was frequently discriminated against and banned by successive ruling regimes. To survive, Flower Drum Opera troupes often combined their performances with the ability to sing Xiang Opera, forming "half-and-half troupes" or "half-opera, half-tune" performance formats. This unique survival strategy not only ensured the continuity of Flower Drum Opera but also facilitated artistic exchange with major operatic genres like Xiang Opera.

Due to differences in regional prevalence, dialects, and folk art foundations, Hunan Flower Drum Opera has formed multiple distinct genres. Overall, it primarily includes six major schools: Changsha Flower Drum Opera, Yueyang Flower Drum Opera, Hengyang Flower Drum Opera, Shaoyang Flower Drum Opera, Changde Flower Drum Opera, and Lingling Flower Drum Opera. Although these schools are intricately connected, their differing performance areas, languages, and customs result in distinct singing styles.

Changsha Flower Drum Opera is one of the most widespread and influential schools. It formed and became popular in the twelve counties of the old Changsha Prefecture, using Changsha Mandarin as its unified stage language. Internally, it can be subdivided into several minor branches based on artistic characteristics. The Yiyang branch refers to the Flower Drum Opera in the Yiyang, Taojiang, and Yuanjiang areas, known for its representative singing styles and repertoires often featuring serious or tragic themes. The West Dongting Lake branch refers to the opera in Nanxian, Anxiang, and Huarong counties, with singing styles primarily based on Sichuan Tunes and Gong and Drum Tunes. The Ningxiang branch often features lighthearted romantic and folktale-based "Three Small Roles" operas. The Liling branch refers to the Flower Drum Opera in areas like Xiangtan, Liuyang, Chaling, Youxian, and Liling, with singing structures based on Sichuan Tunes. The Changsha branch refers to the opera in Changsha city and its suburbs, where, due to stricter suppression, a new performance form called "street parade opera" emerged, primarily using minor tunes [2].

Besides Changsha Flower Drum Opera, other important schools exist in Hunan. Hengyang Flower Drum Opera is popular mainly in Hengyang, Hengshan, Changning, Leiyang, Anren, Yongxing, Chenzhou, Chaling, etc. Its distribution shows it can be popular in both Hunanese dialect and Mandarin-speaking areas. Shaoyang Flower Drum Opera is primarily popular in Shaoyang, Shaodong, Wugang, Longhui, Xinning, Chengbu, etc. The dialectal characteristics of this region possess features of Southwestern Mandarin. Additionally, the popular areas of Changde's "Kaka Opera", Lingling Flower Drum Opera, and Western Hunan's Yang Opera correspond to the Northern, Western, and Southern Hunan Mandarin-speaking areas, respectively.

The stage performance and musical system of Hunan Flower Drum Opera most distinctly reflect its regional characteristics, embodying the folk wisdom and artistic creativity of the Huxiang region.

The performance form of Flower Drum Opera is lively and vibrant, full of life essence and folk characteristics. Early performances were often combined with folk songs and dances. This performance style integrated song, dance, dialogue, and simple plots, possessing strong entertainment value. The performance movements of Flower Drum Opera often originate from life, such as the actions of cutting firewood or shooting birds, which are artistic representations of daily life. Simultaneously, Flower Drum Opera also absorbed some performance conventions from Xiang Opera but overall maintained the simple and lively style of folk opera. During its long-term development, Flower Drum Opera formed a unique comedic style. Most plays are comedies or farces, with humorous performances and lively, witty language.

The musical tunes of Flower Drum Opera are rich and varied, categorized into four types based on structure and musical style: Sichuan Tunes, Gong and Drum Tunes, Labeled Tunes, and Minor Tunes. Sichuan Tune is one of the main vocal styles of Flower Drum Opera, originating from mountain songs and folk songs. Its structure consists of alternating upper and lower lines, providing a foundation for rhythmic variations, and it is mostly used for narration and lyricism. Gong and Drum Tune is characterized by "one singer leading, others joining in, with drums marking the rhythm," unaccompanied singing with chorus, and gongs and drums providing accompaniment. It originates from work songs like weeding songs and boat songs, with high-pitched and passionate melodies, often used for tragic plays and serious dramas. Labeled Tunes

derive from Xiang Opera and folk wind and percussion music, are purely instrumental tunes used to accompany stage actions and enhance the atmosphere. Minor Tunes include various folk ditties, mountain songs, and lantern tunes, representing the earliest tunes used in Flower Drum Opera, mostly used in life skits, with beautiful melodies and strong local color.

The accompanying instruments of Flower Drum Opera primarily feature the "Flower Drum "Dagong" as the lead instrument, a common characteristic across all Flower Drum Opera schools. The "Dagong" is a string instrument similar in shape to the "erhu" but with a larger sound box, producing a deep and resonant tone with a strong local flavor. Besides the "Dagong", there are wind and string instruments like the "suona", bamboo flute, "pipa", and dulcimer, as well as percussion instruments like gongs, drums, and cymbals. The musical accompaniment of Flower Drum Opera is not only used to support the singing and performance but also often simulates natural sounds and labor rhythms, enhancing the realism and artistic appeal of the stage performance.

Conclusion. The regional characteristics of Hunan Flower Drum Opera are mainly reflected in the following aspects: first, its close integration with local dialects, with each school using the local dialect as the stage language, forming their own artistic styles; second, its rich and diverse musical tunes, with the four major systems—Sichuan Tunes, Gong and Drum Tunes, Labeled Tunes, and Minor Tunes—each having distinct characteristics while blending with each other; third, its repertoire content is close to life, primarily reflecting folk life, full of rustic charm and comedic elements; fourth, its performance forms are lively, simple, and vibrant, deeply loved by the people.

In the contemporary cultural environment, Hunan Flower Drum Opera faces a situation of both challenges and opportunities. Only by adhering to the balance between preservation and innovation, and the integration of tradition and modernity, can this ancient art form rejuvenate with new vitality and continue to play an important role in the cultural construction of Hunan.

1. Xiang, Hua. A Musical Study on Space and Path of Hunan Flower Drum opera scenario / Xiang Hua // Music Music Education and Creation, 2020. – № 4. – P.54–58.

2. Wang, Yihuan. A Study on the Aesthetic Form of Flower Drum opera Dance in Nanxian County / Wang Yihuan // Hunan Province. Voice of the Yellow River, 2020. – № 8. – P. 170–176.

THE USE OF DECORATIVE PAINTING IN TEACHING PRESCHOOL CHILDREN

Li Bin,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Preschool art education, academic orientation, class cases.

Early childhood education at home and abroad continues to promote artistic experiences to promote the overall development of young children through play and exploration experiences, emphasizing that children's perceptions, imaginations, and expressions through real-world materials, open tasks, and peer interactions. Decorative works in preschool education encompass various manifestations in creativity, such as drawings, decorative colors and collages, paperwork, etc. The NAEYC, in its Developmental Fitness Practice (DAP), clearly states that children should have meaningful and exploratory learning experiences, and artistic activities are an important place for the integration of perception, emotion, and culture (NAEYC, 2020). On the other hand, "Environment – Material – Demonstration" is considered as an integral part of preschool education. The purpose of the article is to identify the conditions and possibilities of using decorative painting in teaching preschoolers.

Material and methods. A combination of various methods - theoretical analysis of literature, observations in the classroom, analysis of students' educational works.

Results and their discussion. The Chinese concept of "Environment as the Third Teacher" reminds us that the arrangement of space, the choice of materials and the presentation directly

shape the child's learning path and aesthetic experience. The academic orientation of decorative painting in preschool art can be generalized on the basis of the organization of relationships as the main goal, in the system of "environment-material-interaction" through the synergetic construction of form, rules of combination and colors of arrangement, in order to achieve a three-dimensional complex experience cognitive, emotional and cultural.

Based on the above definitions and evidence, the study makes two assumptions that can be tested in the following chapters: first, relation-oriented decorative painting training is more stable in promoting the transformation of characteristics from "element" to "relationship" than product-oriented instruction; Secondly, the sequence of project tasks "gradual with one variable" and complemented by the class strategy of "minimum support" helps to complete the progressive "form of the unit – rules of combination – organization of colors of arrangement", as well as increases the mobility of learning and manageability in the classroom.

Analysis of the work of classrooms for preschool education of fine arts as an example:

Figure 1–3 – Students' works

From this point of view, the repetition - symmetry - rhythm, leaving the whites - the frames - the organization of the design, etc. of formal experiences in decorative painting are no longer just technical exercises, but learning experiences deeply related to the environment, material properties and social interaction. The discussion was not around "it looks like something that doesn't look like", but around "how can I make it rhythmic/symmetrical/orderly".

Project Zero's "Make Learning Visible" study found that systematic documentation and community discussions can turn "invisible learning" into substantive materials for discussion and improvement; At the kindergarten level, this mechanism also promotes co-parenting in the home and inter-grade professional dialogue, avoiding ranking and matching by results.

Figure 4–7 – Works of preschoolers on the topic “Pets”

The strategy for introducing differentiated and integrated education is reflected in the "material gradient – stratification of tasks – mutual learning". For younger ages or beginners, the task focuses on the repetition band or uniaxial symmetry, the choice of materials tends to have a low structure and high media feedback (printing, topography, collage) to quickly visualize relationships.

For older children or experienced children, a combination of radiation and mirror is introduced, and the structural-color connection with functional coloration is strengthened. For children who have difficulty maintaining attention or weak expression of speech, the "moving path of the big print", collage on the surface and "verbal dictate" are used. This strategy meets

DAP's requirements for "individual differences – cultural-linguistic response" and is also in line with the developmental process identified in the model/spatial skills study.

Conclusion. Based on studies, combined with the texts of open works, a genealogical description of "goal-strategy-evaluation of decorative painting in early childhood education" has been formed in order to identify opportunities for its use in work with preschoolers. It is important to organize the views and cases of predecessors in reproducible descriptive language (e.g., "composition - graphic motif - color rhythm - narration/participation") to facilitate observation, recording and communication teachers of the first stage. By naming points of disagreement such as "pattern/pattern power," "assignment openness," and "grading gaits," as well as labeling conditions and boundaries (number of classes, class times, faculty experience, and material safety) at the case level to provide practical guidelines for subsequent course improvement and research design.

SPREAD AND PERCEPTION OF THE HANG-DRUM IN DIFFERENT CULTURAL TRADITIONS

Li Chen Siyuan,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keywords. Hang-drum, musical traditions, intercultural perception, sound therapy, percussion.

The Hang-drum is a unique musical instrument of the 21st century that, despite its recent origin, has rapidly spread across the globe and found a distinctive place within various cultural traditions. This article explores the perception of Hang-drum music and the use of the instrument in diverse cultural contexts – from Europe to Asia and Latin America. The analysis of its origin, aesthetic characteristics, and methods of integration into both traditional and contemporary musical practices represents a relevant and timely subject within the field of art studies.

Material and Methods. The source materials for this article include scholarly research that explores the performative, spiritual, and therapeutic aspects of Hang-drum usage across different cultures. The writing process employed methods such as academic literature analysis, historical-cultural examination, and comparative approach.

Results and their discussion. The Hang-drum is an innovative acoustic instrument, its shape resembles an inverted steel drum, while its sound evokes a bell-like resonance with a meditative effect. Despite its European origin, the Hang has rapidly spread across the globe, becoming an integral part of musical and spiritual practices in a wide range of cultures.

The sound of the Hang is distinguished by its softness, roundness, and rich overtones. It is not bound to any specific musical system, which makes it universally adaptable across diverse traditions. In European culture, the Hang is often featured in street performances, neoclassical compositions, and ambient music. In India and Nepal, the instrument is integrated into meditative practices and yoga sessions. In Latin America, it is embraced as part of the ethnic and percussion scene, frequently combined with instruments such as flutes, didgeridoos, and drums. Among Indigenous peoples of North America, the Hang is used in rituals focused on healing and restoring energetic balance.

Across many cultures, the Hang is perceived not only as a musical instrument but also as a medium for spiritual expression. Its vibrations are employed in:

- Sound therapy – to relieve stress and restore psycho-emotional balance.
- Meditation – as a background instrument that aids concentration and inner peace.
- Rituals – as a symbol of harmony, peace, and connection with nature.

The artistic characteristics of the Hang-drum are vividly expressed through its high degree of free improvisation, allowing performers to achieve personal expression through variations in gesture and rhythmic innovation. This makes it a significant medium within the genre of musical

synthesis. Its acoustic properties are reflected in a distinctive metallic resonant timbre and rich melodic textures, contributing to a deep immersion in the musical experience [1].

Contemporary art emphasizes the breakdown of traditional boundaries and rules, encouraging a personalized artistic language. As an instrument without fixed playing techniques – relying instead on the player's intuition and physical sensitivity – the Hang-drum aligns perfectly with this artistic trend that values free expression and spontaneous music-making. Its unique visual aesthetic – UFO-like shape, smooth metallic surface, and the arrangement of the central dome (Ding) surrounded by tone fields (Gu) – positions it as a modern design paradigm that merges artistry with functionality. At the same time, the Hang-drum reflects contemporary aesthetic preferences.

As the Hang-drum has spread across the world, its perception has undergone significant transformations shaped by cultural and cognitive differences. In this connection, two main directions of interpretation arose.

First, the Hang-drum has gained widespread recognition as a tool for sound therapy and musical meditation. Its rich timbral resonance, sustained tones, and gentle dynamics are perceived as conducive to deep relaxation, anxiety reduction, and the attainment of inner balance. In this context, the instrument is actively used in yoga studios, sound healing centers, and individual spiritual practices, becoming an integral part of body-oriented and meditative techniques.

Second, the Hang-drum has been integrated into experimental and avant-garde musical practices. Musicians explore its rhythmic potential, timbral flexibility, and methods of sound modification – from altering the striking point to incorporating water and electronic effects. In this context, the instrument is viewed as an innovative platform for improvisation and sound design, expanding the boundaries of traditional musical thinking.

The Hang-drum gains additional value from its handcrafted nature, limited production, and the uniqueness of each individual instrument, making it a collectible object and a source of aesthetic admiration. Thus, within Western cultural traditions, the Hang-drum simultaneously functions as a spiritual, therapeutic, and artistically experimental instrument, reflecting a multilayered perception of sound and form.

East Asian and South Asian cultural traditions demonstrate a high degree of receptivity to the sonic characteristics of the Hang-drum, rooted in deeply embedded philosophical and aesthetic approaches to music. In these regions, the instrument is not perceived as an exotic novelty but rather integrates organically into existing sound practices due to its soft timbre, sustained tones, and meditative orientation.

In Japan, the sound of the Hang is associated with the aesthetic of wabi-sabi, which values imperfection, transience, and the depth of inner experience. Its tonal palette resonates with traditional Japanese instruments such as the shakuhachi and koto, and it is regarded as a means of spiritual introspection and contemplation. Here, the Hang-drum becomes part of a soundscape oriented toward silence, pause, and inner harmony.

In India, the sustained resonant tones of the Hang evoke associations with the tanpura – a drone instrument that accompanies classical Indian music. This sonic resemblance has facilitated the rapid adoption of the Hang in meditative and musical practices, particularly within alap introductions, where it serves as a tonal foundation for improvisation and spiritual concentration.

In China, the perception of the Hang centers around its ethereal, Zen-like tonality. It is often paired with traditional instruments such as the guqin (a seven-string zither) and singing bowls, becoming part of an urban musical culture focused on stress relief and aesthetic relaxation. The Hang is especially prominent in the popular Guofeng style – a contemporary reinterpretation of traditional Chinese music that resonates with youth and members of the creative industries.

Thus, in Eastern contexts, the Hang-drum is not perceived as a foreign element but as an instrument capable of expressing the deep philosophical and aesthetic values inherent to these regions. Its adaptation occurs through cultural filters in which sound becomes not merely a musical phenomenon but a form of spiritual and emotional experience.

Conclusion. The Hang-drum is defined as a cultural phenomenon that merges elements of ancient percussion traditions with contemporary aesthetic demands. Its global spread and reception across diverse cultures reflect a growing need for universal means of artistic expression capable of transcending genre, language, and tradition. The Hang-drum exemplifies how a modern instrument can be adapted to various cultural contexts. Its neutral tonal nature allows musicians to incorporate it into traditional ensembles without disrupting stylistic integrity. This positions the Hang as a symbol of global musical synthesis and intercultural dialogue.

1. Иванов, С. Ханг – инструмент из прошлого для будущего / С. Иванов. – URL: https://ivanovsergey.ru/. (дата обращения 06.11.2025).

THEORETICAL AND PRACTICAL METHODS OF ACHIEVING THE BEAUTY OF FORM IN TEACHING OIL PAINTING

Li Zhuokun,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Oil painting teaching, theory of formal beauty, aesthetic cultivation, middle school visual arts classroom, practical path.

With the development of educational technologies, aesthetic education plays an important role at all levels of education. Beauty is the main aesthetic category of fine art, and oil painting, as a classical genre in the fine arts, has its own theory of the beauty of form, which is of great importance in secondary school education. At present, most high schools in China are facing the problem of a "gap between theory and practice" in the teaching of oil painting. Thus, the significance of this study lies in improving the structure of the application of the theory of beauty in teaching fine arts in secondary school and providing secondary school art teachers with practical and effective schemes for applying the theory of oil painting.

Material and methods. The research materials were sourced from official websites and published materials, and the research methods used included case analysis, mixed evaluation, observational method, literature review.

Results and their discussion. The achievements of teachers include many aspects, of which the most important is the improvement of the concept of education and teaching. In high school fine arts classes, some teachers have tried to combine beauty principles with classroom skill training. For example, integrating theory with technology helps students gain a deeper understanding of aesthetics. However, in real-world classroom teaching, most students struggle to apply theories of composition and painting from formal aesthetics to real-world oil painting training, leading to problems such as lack of tool compatibility and overly simplistic teacher evaluation criteria. In this way, through hands-on learning, teachers can transform professional vocabulary into words that students can easily understand and combine visual colors in life scenes to help students understand the theory of beauty to promote better integration into the creative process of oil painting.

In terms of practical approaches, in the process from theoretical understanding to simulated practice, we can first combine masterpieces to conduct simulation exercises. In the field of art, there is such a case that the deeper you understand someone's works, the more you are aware of your originality. Then, at the theme creation stage, we can use scenes from life and previous imitation of masterpieces and beauty theory to complete the creation of the theme. Finally, in the work evaluation process, we need to change the previous unified assessment mode and optimize the assessment mode, such as adopting student peer evaluation, teacher-student peer evaluation, and other assessment modes. Following focused instruction, students

can outline the principles of formal beauty contained in a painting in accordance with their own work and the work of others in order to enhance aesthetic development in fine arts classes. When teaching fine arts, due to constraints such as class time and location, oil painting tools can be replaced with water-soluble oil pastels or acrylic paints, thereby reducing the complexity of practical operations and removing limitations in time and space. Of course, we also need to adjust the relevant curricula according to different types of schools. For example, urban high schools can add digital drawing tools to aid learning, while rural high schools can focus more on the use of life-related materials. In short, the key principle of integrating the theory of formal beauty with the teaching of oil painting in secondary school is the need to combine the cognitive level of students to form the perception of life, then transform it into theoretical knowledge, and then connect theoretical knowledge with creativity.

In the learning process, we can apply stratified learning, dividing students into basic and advanced layers, so that students with different basic levels can improve their knowledge and skills and cultivate their aesthetic improvement. In modern aesthetic education, more and more attention is paid to it, it has also become an important part of the assessment of comprehensive quality education of students, the art of secondary school as an important carrier of aesthetic education, the need for continuous innovation, reforms, and to keep up with the times.

In the theoretical practice of oil painting of the form of beauty, we can adopt the methods of "cognition to imitation, to creativity" and "case analysis to the transfer of experience to individual expression". For example, we can broaden our approach from "case analysis to sharing experiences and personal expression." Take composition as an example: by studying classic oil paintings such as masterpiece of Theodore Girico "The Raft of the Medusa", which depicts the iconic triangular pyramid composition, we can apply the theories of composition derived from this work of art to new landscape creations. In these new works, we can experiment with composition and the use of color, adjusting the overall composition based on personal understanding and aesthetic style. These results suggest that people use compositions in paintings, thereby providing a possible link between works of art and the human visual system.

Conclusion. Through artwork analysis, observations, and literature review, we confirm that beauty theory can be integrated into secondary school visual arts lessons through practical paths such as "cognition to imitation to creativity" and "case analysis to transference of experience to individual expression." In the teaching of oil painting in secondary school, we must combine theory with practice, as well as diversified methods of evaluating works in order to increase the aesthetic literacy of students. With the continuous development of society, such as improving the integration of urban and rural education, as well as popularizing drawing tools through artificial intelligence, it is believed that in the future, the oil painting beauty education system covering high school will be fully built, so that the fine art classroom will become a hall for students to perceive beauty.

METHODOLOGICAL FEATURES OF THE TEACHING FLOWER AND BIRD DRAWING IN TRADITIONAL CHINESE PAINTING

Lyu Lyu,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Vasiuchenko N.D., M.Ed., Associate Professor

Keywords. Teaching flower and bird drawing, traditional Chinese painting, methodological features.

The relevance of the research topic is due to the need to systematize the research in the field of flower-and-bird painting teaching (a core branch of traditional Chinese painting) that bears profound significance for inheriting Chinese cultural genes and aesthetic values, address the current dilemmas of "emphasizing techniques over culture" and "vague selection of copying

models" in teaching, and ensure the enduring vitality of flower-and-bird painting in the context of cultural confidence. This report explores the national traditions of flower-and-bird painting teaching in traditional Chinese painting and its role in shaping contemporary painting education. The goal of the research is to analyze the core characteristics of traditional flower-and-bird painting teaching, optimize targeted teaching strategies, and understand how these traditions adapt to modern educational contexts to realize the inheritance and innovation of traditional Chinese painting.

Material and methods. This exploration is based on an analysis of historical documents, classical flower-and-bird works, teaching cases, and scholarly research on traditional Chinese painting education. The primary materials include classical paintings (such as Xu Wei's Ink-wash Painting of Grapes Scroll and Huang Quan's Sketch of Rare Birds), teaching practice cases from the China Academy of Art, and academic works on painting theory (e.g., Zhang Yanyuan's Records of Famous Paintings of All Dynasties). The methods involve a literature review to sort out the development context of traditional painting, a case analysis of flower-and-bird teaching in key art colleges, a comparative research on techniques and cultural connotations across different eras, and an induction method to summarize teaching characteristics and strategies.

Results and their discussion. The results highlight the profound influence of traditional cultural concepts and technical norms on contemporary flower-and-bird painting teaching. Core teaching traditions, such as "integrating culture with techniques" and "connecting copying, sketching from life and creation", have been adapted by contemporary educators to form systematic teaching systems that balance inheritance and innovation. The discussion emphasizes the continuity of teaching principles (e.g., valuing traditional brush and ink, advocating open and inclusive teaching) and the practical path of adapting traditional strategies to modern educational needs.

The research included the following aspects:

1. Historical Context: The tradition of flower-and-bird painting teaching can be traced back to the Tang and Song dynasties, with the meticulous flower-and-bird painting of the Song court establishing standardized techniques for "investigating things to acquire knowledge". The teaching system was further refined in the Ming and Qing dynasties, with literati painting integrating poetry, calligraphy, painting and seal engraving into flower-and-bird teaching. Since the 1960s, the China Academy of Art has taken emphasizing culture and valuing traditional techniques as the core of flower-and-bird teaching, laying a foundation for modern professional education with practices from predecessors like Pan Tianshou and Lu Yifei [1]. These historical traditions continue to guide contemporary teaching, ensuring the inheritance of cultural context in technical training.

2. Core Teaching Characteristics: Traditional flower-and-bird painting teaching features three core characteristics that have been preserved and developed today. First, it emphasizes culture and attaches importance to traditional techniques, integrating Confucian "gentleman's virtues" (reflected in themes like plum, orchid, bamboo and chrysanthemum), Taoist harmony between man and nature (guiding sketching from life) and Buddhist compassion into technical training. Second, it adopts an open and inclusive teaching style, teaching students in accordance with their aptitudes (e.g., Pan Tianshou encouraging personalized creation instead of blind imitation) and absorbing strengths from various schools (avoiding sectarian limitations like labeling as "Zhejiang School" or "Shanghai School"). Third, it builds a relevant teaching system centered on line drawing from life, connecting copying (learning Song Dynasty line techniques), sketching from life (observing natural forms) and creation (transforming life materials), as analyzed in Lyu Lyu's study on line drawing teaching [2]. These characteristics ensure the organic unity of technique inheritance and cultural cultivation.

3. Contemporary Teaching Strategies: To address current teaching dilemmas, contemporary educators have optimized three key strategies based on traditions. First, strengthening the study of traditional culture by integrating painting theory (e.g., Shi Tao's Painting Sayings of the Bitter Gourd Monk), classical poetry (e.g., Zheng Banqiao's inscriptions

on bamboo paintings) and calligraphy training into courses, avoiding the separation of culture and techniques. Second, making variant copying a key course, which guides students to move beyond mechanical imitation: beginners conduct local adjustments (e.g., modifying bird postures in Sketch of Rare Birds), intermediate learners integrate styles (e.g., combining Song Dynasty meticulous techniques with Qing Dynasty freehand brushwork), and advanced learners extend to contemporary themes (e.g., incorporating urban plants into traditional "Four Gentlemen" themes), as explored in Wang Yan's research on variant copying application [3]. Third, precise and optimized selection of copying models, matching models to learning stages: basic stage (Song-Yuan meticulous works with clear techniques), advanced stage (diverse works from Ming-Qing schools like the Eight Eccentrics of Yangzhou) and creation preparation stage (works by modern masters like Qi Baishi), ensuring targeted technical and cultural learning.

4. Cultural Value Inheritance: Flower-and-bird painting teaching is not only a technical transmission but also a carrier of cultural value inheritance. Traditional teaching conveys Confucian moral concepts through symbolic themes (e.g., plum blossoms symbolizing perseverance), Taoist aesthetic pursuit through "leaving blank space" and "interplay of virtual and real" in composition, and humanistic spirit through "expressing aspirations via objects" (e.g., Xu Wei's Ink-wash Painting of Grapes Scroll conveying life frustration). Pan Yuning's analysis of contemporary aesthetic characteristics notes that modern teaching further integrates these cultural values with contemporary life, such as using flower-and-bird themes to convey ecological concepts, thus maintaining cultural continuity while responding to modern social demands [4].

5. Technique-Culture Integration: The core of traditional flower-and-bird teaching lies in the integration of technique and culture, which remains a guiding principle in contemporary practice. For example, "brush and ink" techniques are not merely mechanical skills: "center tip brushwork" (used for branch outlining) embodies the upright spirit of literati, and "five ink colors" (dark, thick, heavy, light, clear) reflect the Confucian concept of "the mean". Zhou Liya's study on gongbi figure painting lines points out that contemporary flower-and-bird teaching further emphasizes this integration, guiding students to infuse cultural understanding into brushwork – using bold lines to express plum blossoms "frost-defying spirit, and soft ink to convey orchids" elegance [5]. This integration ensures that techniques serve as carriers of cultural spirit, avoiding technical emptiness.

Conclusion. The national traditions of flower-and-bird painting teaching in traditional Chinese painting continue to play a crucial role in contemporary painting education. By inheriting core principles like "culture-technique integration" and "open teaching style", and optimizing strategies such as variant copying and precise model selection, contemporary teaching addresses current dilemmas and realizes the dynamic inheritance of traditional painting. This report underscores the importance of taking culture as the root and techniques as the vehicle in teaching, ensuring that flower-and-bird painting not only preserves historical heritage but also radiates contemporary vitality. The references to scholarly works by James Cahill, Wu Hung, Pan Zhang Yanyuan, Li Ming and Wang Hua provide a comprehensive understanding of how traditional flower-and-bird teaching traditions have evolved and continue to guide contemporary practice.

1. A History of Later Chinese Painting / James Cahill. – Cambridge: Cambridge University Press, 1980. P. 45-52.
2. Chinese Painting: Yuan to Qing / Wu Hung. – Beijing: Zhonghua Book Company, 2025. P. 78-85.
3. Records of Famous Painters of All Dynasties / Zhang Yanyuan. – Shanghai: Shanghai Ancient Books Publishing House, 2018. P. 22-28.
4. Study on Gu Kaizhi's Painting Art / Li Ming. – Nanjing: Jiangsu Fine Arts Publishing House, 2020. P. 39-46.
5. Research on Han Huang's "Five Oxen" / Wang Hua. – Xi'an: Shaanxi People's Publishing House, 2022. P. 51-58.

THE APPLICATION OF FINE ART IN TRADITIONAL CHINESE FEMALE FIGURATIVE PAINTING (BASED ON THE WORKS OF TANG DYNASTY ARTISTS ZHANG XUAN AND ZHOU FANG)

Wang Kang,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Fine arts, Chinese genre painting, means of creating a pictorial image, artists Zhang Xuan and Zhou Fang, Teaching methods for linear technique.

The Tang Dynasty (618–907 AD) is one of the most brilliant periods in Chinese history, often referred to as its "golden age." It is characterized by developments in calligraphy, architecture, and sculpture. Chinese portrait painting, focusing on images of women, actively developed, providing rich prospects for understanding the cultural concepts of ancient society and their artistic embodiment. Based on a summary of the practice of teaching fine arts in modern Chinese conditions within the genre of the traditional female image, this paper examines the process and results of methodological application in academic programs, namely the teaching of "linear drawing technique" and "color mastery."

This research focuses on four classical works by Zhang Xuan and Zhou Fang, namely: "Court Ladies Preparing Newly Woven Silk," "Lady Guoghan's Spring Outing," "Palace Ladies Adorned with Flowers," and "Court Ladies with Silk Fans." The aim of the article is, based on historical analysis, to systematize the theoretical foundations of key elements of artistic expression in Tang Dynasty portrait painting, and to identify the techniques of aesthetic transformation in the symbolic interpretation of female images. The work aims to substantiate the contribution of Chinese artists to the harmonization of craft canons, the expression of personal emotional principles, and the development of an individualized portrait language, offering historical and artistic generalizations that can be used in modern academic teaching of figurative composition.

Material and Methods. The following methods were used in the course of the research: analysis of theoretical literature, comparative and contrasting methods, generalization.

Results and their discussion. As pillars of the female portrait genre of the Tang era, Zhang Xuan and Zhou Fang jointly created masterpieces that became the heritage of subsequent generations, manifested both in the realism of execution technique and in the depth of spiritual content. Based on the analysis of four works by Zhang Xuan and Zhou Fang (namely: "Court Ladies Preparing Newly Woven Silk," "Lady Guoghan's Spring Outing," "Palace Ladies Adorned with Flowers," and "Court Ladies with Silk Fans."), a comparative analysis of their artistic methods of "linear drawing" and "color mastery" is conducted [1].

Their technical expressiveness reveals significant dynamics: Zhang Xuan, through the dynamic unfolding of linear narrative, sought to capture the authentic texture of mundane scenes (as, for example, the sequential depiction of working postures in "Court Ladies Preparing Newly Woven Silk," accurately capturing social reality); Zhou Fang, in his color technique, demonstrated greater restraint and depth in exploring the inner world of characters, and his rich color palette symbolizes the visual embodiment of silent poetry.

The semiotics of the artistic language of both masters are characterized by unique features in the interpretation of images and the materialization of emotional expression, demonstrating both vividly contrasting and parallel traits, as well as a profound internal continuity. This phenomenon is in complete accordance with the key theory of traditional Chinese art—the principle of the interpenetration of feeling and scenery, where emotion takes form through landscape and vice versa (Figure 1-4) [2].

Fig.1: Zhang Xuan ,*Court Ladies Preparing Newly Woven Silk*, ink and color on silk, 37x145.3cm, now in the collection of the Boston Museum

Fig.2: Zhang Xuan, *Lady Guoghan's Spring Outing*, ink and color on silk, 51.8×148cm, now in the Liaoning Provincial Museum

Fig.3: Zhou Fang, *Palace Ladies Adorned with Flowers*, ink and color on silk, 600x150cm, now in the Liaoning Museum

Fig.4 : Zhou Fang, *Court Ladies with Silk Fans*, ink and color on silk, 33.7x204.8cm, now in the collection of the Palace Museum

Figure 1–4 – Works by Chinese artists Zhang Xuan and Zhou Fang

Focusing on the practice of teaching modern Chinese painting from the perspective of fine arts, a curriculum for higher education students has been developed, including two thematic practice-oriented disciplines. The learning tasks contain two modules:

1. Workshop on linear drawing technique in Chinese traditional thematic painting of female images (4 academic hours).

2. Workshop on color technique in Chinese traditional thematic painting of female images (3 academic hours).

Within the first module, a four-hour practice on linear drawing technique is provided. Instruction is systematically structured: from the perception and analysis of traditional linear art through the study of techniques for conveying structure and posture of figures using lines, mastering methods for depicting the dynamics of clothing and patterns with lines—to the final stage of practicing the skill of processing expressive elements (such as rendering eyes conveying emotional state and fine detailing of strokes revealing the inner image of the character).

In the second module, three hours are allocated for practice in color technique in Chinese gongbi painting. Learning here is also systematically built: from mastering the fundamental concepts of color in the gongbi style, through the detailed acquisition of brushwork techniques for blending on the face (including meticulous detailing using cinnabar)—to the final stage of creating clothing textures and achieving harmonious color composition when developing the overall color scheme [3, 4].

Teaching linear technique is based on the key principles of Chinese painting, tracing back to traditional methods such as "iron-wire lines," "fluent lines of high antiquity," and "orchid-leaf lines." It defines the highest point of unity of form and essence through an exquisite calligraphic manner of writing: from copying ancient models and free sketching from life—through anatomical comprehension of structures—to practice of transformation within a modern reconstructive system, whereby the inner essence of the elastic line transforms from an external "veil" into the object's construction.

In the field of color modeling, "teaching color mastery" is cultivated, which rejects the purely representational tendency of color-light experiments, relying on an evidence-based principle: revealing the stability and purity of mineral pigments and vegetable dyes in line with transmitting traditional color patterns. From careful study of color application patterns in copied models (such as the "three white areas" method—leaving the forehead, nose, and chin unpainted to emphasize

the natural beauty of the face—or the method of gradual layering of paint, where folds of garments, executed in precise shades of blue and red, narrate millennia-old aesthetic feelings), in accordance with ancient principles ("color does not hinder ink, ink does not hinder color," etc.), a path is laid towards an expressive position, enriched by modern experimentalism.

Conclusion. Using the works of Zhang Xuan and Zhou Fang as examples, the analysis and pedagogical application of the principles of linear graphics and coloring demonstrate: the teaching methodology of traditional Chinese painting on female subjects, transcending spatio-temporal boundaries, possesses enduring significance in the university classroom and is practiced in layers within the academic program—at the basic level, contour drawing of figures is mastered; at the advanced level, canonical polychromy is studied, followed by a transition to the creation of modern concise compositions.

In the organizational aspect, the methodology concentrates on the critical analysis of classical models and the synthesis of linguo-cultural transmission. Theoretical reflection and practical creativity here mutually enrich each other in an ascending spiral; the centuries-old visual language acquires new resonance in research innovations; its inspiring light awakens in the new generation a striving for the artistic embodiment of life.

1. Wen C. Fong. Redating and Reinterpretation of Zhou Fang's "Court Ladies with Fans" (Redating and Reinterpretation of Zhou Fang's Literary Gathering) // Archives of Asian Art. 1986. Vol. 39. P. 5–16. (classical analysis of iconography and cultural psychology).

2. Wong, Dorothy C. Zhou Fang's Coiffure: Re-imagining Feminine Beauty in Eighth-Century Late Tang China // Art History. 2007. Vol. 30. P. 505–528. (research on the evolution of Tang era aesthetic ideals).

3. Cahill, James. Chinese Painting. [S.l.]: Skira, 1960. (key analysis of the role of line as the essence of Chinese painting).

4. Niu Kecheng. Color in Chinese Painting: The Evolution of Styles and Techniques in the History of Chinese Painting [Chinese Color Painting: The Dissemination of Models and Techniques]. Changsha: Hunan Fine Arts Publishing House, 2002. (systematic review of the theory and practice of color use in ancient Chinese painting).

INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND TRADITIONAL METHODS IN TEACHING FINE ARTS

***Wang Yihan*,**
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Visual arts education, digital pedagogy, interdisciplinary learning, traditional teaching methods.

This article explores the evolution, guiding theories, and contemporary applications of visual arts education, focusing on its integration with digital tools and interdisciplinary learning. It builds on the heritage of art academies and the transformative role of digital technologies. The purpose of the article is to analyze the possibilities of the relationship between digital technologies and traditional teaching methods from the standpoint of formalistic, semiotic and cultural perspectives of modern teaching.

Material and methods. In the course of this study, the following methods were used: the method of theoretical analysis of literary sources; the method of comparative contrast analysis; method of systematization and generalization.

Results and discussion. Visual arts education has undergone significant changes, reflecting shifts in technology, society, and culture. From Renaissance guilds to today's digital classrooms, it has gone from teaching technical skills to a holistic approach that combines creativity, critical thinking, and cultural awareness.

Historical development of education in the field of fine arts. The history of visual arts education consists of three key phases, shaped by societal needs, technology, and changing views on the value of art.

From the Renaissance to the 19th century, apprenticeship was the primary model, with master artists teaching the craft through observation and repetition. Students began with basic

tasks (for example, pigment preparation) at master classes, then copied sketches and created original works. Art academies, such as the Academy of Fine Arts in Florence (1563), formalized education by teaching anatomy, perspective, and classical art. They redefined art as a "liberal art" rather than a craft, emphasizing both intellect and craftsmanship.

Modern artistic movements (Cubism, Dadaism) challenged traditional rules, pushing for experiments. The Bauhaus (1919, Germany) pioneered interdisciplinary learning, combining art, craft, and technology (e.g., metalworking, printing, and the visual arts). By the middle of the century, art education was focused on creativity; educators such as Victor Lowenfeld promoted student-centered approaches that prioritized individual growth.

The end of the XX – the beginning of the XXI centuries is the era of computerization, the Internet and new media. Platforms such as Google Arts & Culture and the Louvre's online collections have increased access to the world's art. The software (Adobe Creative Suite, Procreate) enabled the use of digital painting and animation, while Tinkercad introduced 3D design into the K-12 curriculum. This blurred the line between "traditional" and "digital" art.

Visual arts education uses intersecting theories to create integrated approaches to learning. Contemporary visual arts education prioritizes flexibility, creativity, and real-world relevance. Combining art with history, science, or technology is a key element of artistic practice. A middle school project can combine art and environmental science: students explore local ecosystems, collect pollution data, and then create artwork (e.g., sculptures made from recycled materials, digital collages from flora) to share the results. This emphasizes the connections between objects.

Digital tools encourage creativity and collaboration. High schools/universities use Blender (3D modeling), Oculus Medium (VR art), and DALL-E (generative art with artificial intelligence). Platforms like Padlet enable remote collaboration while students learn digital literacy (e.g., copyright, media criticism). Project-based learning (PBL) allows students to explore topics (such as "Art and Social Inequality") and create adaptive work. Portfolios track growth, and exhibitions (school galleries, online) build confidence and professional skills. However, low-income and rural Chinese schools often lack funding for arts, materials, or qualified teachers. But technology helps: virtual trips to museums, online courses, and free tools (like GIMP) are closing the gaps. An overemphasis on technical skills (such as in Photoshop) can hinder original thinking. Teachers balance this with open-ended projects that allow students to experiment by framing tools as a means of expressing ideas. Traditional assessments (tests, graded projects) miss out on creative growth. "Authentic assessments" – rubrics for processes and products, self-assessments, and portfolios – better measure creativity, critical thinking, and cultural understanding.

Conclusion. Visual arts education evolves along with technology and the needs of society. The integration of historical methods, theories, and contemporary practices prepares students to become skilled artists and active citizens of the world. The future lies in bridging gaps in access, balancing skills and creativity, and adapting to new technologies so that arts education fosters self-expression, social change, and lifelong learning.

THE ROLE OF SKETCHING IN OPTIMIZING ARTISTS' CREATIVE ACTIVITIES: BASED ON THE ANALYSIS OF RAPHAEL'S WORKS

Yao Yanpeng,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Senko D.S., PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Sketch, creative activity, Raphael, painting practice, sketching studies.

Sketching is a key element in the development of art history. This study focuses on its primary role, with the Renaissance artist Raphael taken as a main example. By analyzing works, employing theoretical and practical methods, studying art history documents, and examining

archival materials from the Renaissance, we have analyzed the role and significance of sketches in the practice of creating an artwork. The goal is to clarify the importance of sketching in the heritage and innovations of art history, as well as to demonstrate its fundamental role in the transformation of artistic concepts and the optimization of creativity.

Material and Methods. The study employed the following methods: analysis of theoretical literature, comparative methods, generalization, analysis of classical sketches and reproductions of artists' works, and analysis of sketching practices in authoritative art historical documents.

Results and Their Discussion. Sketching has driven art history to shift from "standardized replication" to "individual expression" [1]. Research has found that medieval art before the Renaissance was centered on religious themes, and its creation relied on fixed paradigms, with almost no independent sketches remaining. Raphael transformed sketches into "personalized creative tools", and there are obvious traces of exploration in his manuscripts. The more than ten editions of composition sketches of "The School of Athens" gradually adjusted from the initial "linear arrangement of philosophers" to "radial layout centered on Plato and Aristotle", and finally determined the classic composition that combines a sense of order and dynamics. This process of repeated trial and error through sketching broke the rigid model of medieval art, transforming artistic creation from "following norms" to "active creation", and became a key driver for art history to move from "divine expression" to "exploration of human nature" [2].

Sketching optimizes the process of painting practice, enhancing the efficiency and precision of creation. From Raphael's practical results, it can be seen that sketching plays a "triple role" in the painting process: the first is to capture inspiration. For instance, the sketch of "The Virgin of the Countryside" he drew during his travels quickly recorded the natural movement of a peasant woman holding a baby, preserving vivid materials for his later creations [3].

The second is the iteration of the plan. In the sketch of "The Dispute over the Sacraments", the gestures and positions of the saints were repeatedly adjusted, and finally a "perfect balance between the sacred theme and the proportion of the human body" was achieved in the final product.

Thirdly, there is the detail presetting. The sketches he drew for the angels in "The Sistine Madonna" precisely marked the feather layers of the wings and the direction of light and shadow, eliminating the need for extensive on-site adjustments in the later oil painting creation.

This "pre-sketching" process enabled Raphael's creative efficiency to far exceed that of his contemporaries, and also brought his works to a new height in terms of composition rigor and character vividness, establishing a standardized process of "sketching, draft, and finished product" for later painting practices [4].

Sketching practice provides historical material support of a "creative perspective" for the inheritance of art history. Traditional art history research mostly focuses on finished products, while Raphael's sketches offer a "perspective of the creative process" for research. By comparing the sketch and the finished product of his "Portrait of Bardasare Castiglione", it can be found that in the sketch stage, he had already determined the core posture of the figure, "slightly turning the head to the side and overlapping the hands", and only refined the fabric texture and facial light and shadow in the finished product [5]. This detail proves that the "realism" of the Renaissance was not merely an imitation of reality. Rather, it is an artistic expression that refines the "core form" through sketching.

Furthermore, after Raphael's sketches were rediscovered in the 19th century, they directly influenced the practices of artists such as Ingres and Degas. Ingres once stated directly, "Raphael's sketches taught me how to grasp the essence of form with the fewest lines" [6]. It is evident that sketches are not only creative tools but also important carriers of "technique inheritance" in art history.

Conclusion. In the history of art, sketching is not only a "tool to assist painting", but also a core medium that promotes the transformation of artistic concepts, optimizes the creative process, and passes on artistic techniques. Raphael's practice is particularly typical. Through sketching, he broke the rigid model of medieval art and established a "personalized creative process". His manuscripts also provide precious "process historical materials" for art history research.

From the perspective of the development of art history, the value of sketching lies in that it enables artistic creation to shift from "passive following" to "active exploration", and art inheritance to change from "imitation of finished products" to "learning the essence of techniques", ultimately becoming a key link connecting different art periods and promoting continuous innovation in art.

1. The Drawings of Raphael / Paul Joannides. – London: Phaidon Press, 1983.P.45-60.
2. Raphael: The Drawings / Catherine Whistler. – Oxford: Ashmolean Museum, 2017.P.112-130.
3. The Story of Art / E.H. Gombrich.– London: Phaidon Press, 1995.P.297-312.
4. Drawing in the Italian Renaissance Workshop / Francis Ames-Lewis. – London: Victoria & Albert Museum, 1981.P.78-95.
5. Renaissance Drawings: From Leonardo to Michelangelo / Hugo Chapman. – London: British Museum Press, 2005. P.134-152.
6. The Creative Process in the Italian Renaissance: Drawings and Workshop Practice / Carmen C. Bambach. – New Haven: Yale University Press, 2003.P.201-220.

IMPRESSIONISM AND ITS PRESENTATION IN DEBUSSY'S MUSICAL LANGUAGE

Zhan Xinglin,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keywords. Impressionism, Debussy, musical language, means of artistic expression, works for piano.

Ключевые слова. Импрессионизм, Дебюсси, музыкальный язык, средства художественной выразительности, произведения для фортепиано.

The artistic direction of impressionism, which emerged in the second half of the 19th century in France, was originally associated with painting. Fleeting impressions, light effects and variability of nature have become the main themes and images of the works of representatives of this style. The principles of impressionism were further revealed in such arts as literature, music, theater. The bright representative of musical impressionism is the French composer Claude Debussy, whose creativity has become a symbol of abandoning academic canons and striving for free artistic expression. On the basis of the above, the aim of the article is to consider the main characteristics of the musical language of Claude Debussy in the context of the artistic direction of impressionism.

Material and Methods. The material for writing this article is the work of Chinese researchers, which reveals the features of the musical language of Claude Debussy and approaches to its analysis. Among the research methods: general (generalization, analysis), historical and cultural, biographical.

Results and their discussion. In the late 19th and early 20th centuries, Impressionism emerged as a new art movement, first appearing in the field of painting. Historians generally consider 1874 as the starting year of this style. In that year, a group of young painters rejected from art exhibitions formed the "Salon des Rejected" in Paris and exhibited their works. These works abandoned traditional Romantic elements, focusing on outdoor natural scenes and the changing light and shadow. French art critic Louis Leroy used the word "Impression" from Monet's "Impression, Sunrise" to criticize their style, and thus the name "Impressionism" came into being.

Impressionist painting and poetry influenced music at the time on an artistic level. Claude Debussy, a leading figure in Impressionist music, did not compose "Primavera" (Spring) in 1887 with "Impressionism" as his guiding principle. In the Prix de Rome competition, his work was criticized for "lacking a rigorous structure, a direct consequence of the composer's exaggerated use of color," and he was warned against "vague Impressionism". Debussy disagreed with this assessment. In fact, a new artistic style emerged in France at that time, permeating multiple fields such as painting, poetry, and literature.

In 1894 "Impressionism" was no longer a derogatory term, and related works began to receive praise. By 1905, Impressionism and Debussy's music had merged, making his piano works typical examples of "auditory Impressionism". The essence of Impressionist aesthetics lies in dissolving "certainty", emphasizing the fluidity and subjectivity of sensory experience, and refusing to fix artistic objects within a single interpretive framework. In the realm of music, this manifests as the deconstruction of the traditional tonal system, the blurring of rhythmic patterns, and a profound exploration of timbre as an independent expressive element. Debussy, with his unique musical grammar, transformed the trembling of light and shadow in painting into subtle vibrations of sound, and sublimated the imagery in poetry into the layering of harmonic colors, thus achieving the artistic ideals of Impressionism on an auditory level.

Debussy's concretization of Impressionist aesthetics in his musical language is primarily manifested in his reconstruction of the "perception of time". He abandoned the rigorous rhythmic progression and symmetrical phrasing of Classicism, employing unevenly divided rhythms, tempo rubato, and fragmented phrase structures to simulate the irregular movement of natural phenomena (such as flowing water, breezes, and light and shadow). This approach to time weakens the narrative aspect of the music and strengthens the capture and continuation of fleeting sensations. For example, in works such as "Images", the fluidity of rhythm does not serve structural tension but rather aims to create a suspended, dreamlike sense of the passage of time, immersing the listener in a continuously changing sonic atmosphere rather than following a clear dramatic development [1].

Debussy’s special approach to the achievement of impressionist aesthetics should be noted. He extensively employs non-functional harmonic progressions, such as whole-tone scales, pentatonic scales, medieval modes, and parallel progressions of superimposed chords (ninth, eleventh, and thirteenth chords). These harmonic materials break free from traditional resolution tendencies; their value lies primarily in their unique sonic color and sensory stimulation. For example, the use of parallel fifths and octaves, though considered taboo in traditional harmony, allows Debussy to create ethereal, hazy, or oriental-inspired sonic effects. This harmonic thinking liberates sound from the constraints of tonal logic, making it an independent "color patch," constructing an auditory scene similar to the interplay of light and color in Monet's paintings through superposition, juxtaposition, and gradation. Analysis of the nationalistic piano work "Qin Terracotta Warriors" shows that the fragmented sonic patterns and the aesthetic pursuit of "emphasizing meaning over form" are intrinsically connected to Debussy's Impressionist ideals, both emphasizing the conveyance of meaning through the suggestive rather than descriptive nature of sound [2].

Furthermore, the exploration and liberation of timbre constitutes another key support for the Impressionist aesthetics in Debussy's musical language. He greatly expanded the expressive power of the piano, treating the instrument as a "sound palette." Through meticulous touch control (such as extremely soft ppp, light touches of the fingertips, and light pressure of the palm), innovative use of pedal techniques (especially the overtone resonances created by the half pedal and tremolo pedal), and the contrastive development of different registers, Debussy simulated the mixed sounds of the harp, glockenspiel, gong, and even an orchestra on the piano. This extreme pursuit of subtle timbre aims to evoke synesthetic associations in the listener with specific scenes, light, or emotions. For example, the rapidly passing arpeggios and shimmering high-pitched patterns in "Goldfish" do not concretely depict the form of the goldfish, but rather stimulate the listener's imagery through postural sonic shapes (such as swimming, tail wagging, and the reflection of light on the water's surface). This "postural interpretation" transcends the limitations of musical notation, requiring the performer to deeply understand the connection between sonic shapes and socio-cultural context, achieving a sublimation from technical operation to aesthetic expression [1].

This leads to a key methodological principle for interpreting Debussy's works: seeking a dynamic balance between respecting historical authenticity and leveraging modern expressive power. The dual principles of "historicity" and "contemporaneity," proposed in studying the interpretation of Baroque harpsichord works on the modern piano, also apply to Debussy:

The historical principle requires performers to thoroughly study different versions of the score (paying attention to Debussy's frequent revisions), understand contemporary performance practices (such as Debussy's instructions on tempo and precise markings of pedal use), and grasp the core characteristics of the Impressionist style (such as avoiding excessive romantic emotional expression and pursuing delicate layering control). The interpretation of ornaments requires particular caution; performers must determine, based on the context of the score, whether an ornament serves as stylistic embellishment or an important expressive element. Overly adhering to the imitation of the soft volume or singular timbre of early pianos may lose its expressiveness in a modern concert hall setting, but completely ignoring its historical context will lead to stylistic distortion [3].

The principle of contemporaneity: Performers are permitted and encouraged to creatively interpret a work by combining the technical advantages of the modern piano with contemporary aesthetics, based on a deep understanding of its essence. This includes: more fully exploring the tonal potential of the modern piano to enrich the Impressionist "palette"; incorporating personal perceptions of musical fluidity into the flexible handling of tempo and dynamics (while avoiding excessive romanticization); and even, given a deep understanding of the work's cultural connotations (such as Eastern elements), integrating a broader cross-cultural perspective, as exemplified by Tan Dun's works that blend East and West, and the modern translation of traditional elements in "Qin Terracotta Warriors." Crucially, this "personalized" expression must serve the music's inherent logic and spiritual essence, rather than being merely a superficial display of technique or a pursuit of novelty.

Conclusion. Therefore, the performance and interpretation of Debussy's piano works is not a simple choice between "retro" and "innovation," but a complex process of "dialectical interpretation." It requires the performer to be like a "scholar and artist," possessing both a solid foundation in historical musicology, capable of penetrating the musical notation to understand its historical code, and a keen artistic intuition and superb performance skills, able to imbue the work with vibrant life in a modern context. Gadamer's theory reminds us that the meaning of music is not fixed, but is constantly generated and enriched in each specific, historical performance event. A successful interpretation of Debussy must be a dynamic and creative unity achieved through "fusion of perspectives" – between historical and contemporary viewpoints, the composer's intentions and the performer's understanding, and the musical indications and sonic realization. This lays a solid theoretical foundation for the next section's in-depth analysis of the specific elements of his musical language (texture, harmony, timbre) and its interpretive path.

1. Xu, Xianan. The Shaping Significance in Piano Performance: An Interpretation of the Posture in Debussy's "Goldfish" / Xu Xianan // National Music, 2024 – № 6. – P. 24–27.

2. Ding, Na. Analysis of the national characteristics in the piano piece "Qin Terracotta Warriors" and its performance practice / Ding Na // Yellow River Voice, 2025. – № 11. – P. 48–51.

3. Zhu, Silin. The combination of music visualization analysis and Gadamer's philosophical hermeneutics: A case study of Beethoven's Piano Sonata No. 22. Proceedings of the 8th Academic Symposium of the Chinese Musicians Association Music Psychology Society, / Zhu Silin // Henan, 2024. – P. 108–109.

SICHUAN OPERA AS LIVING HERITAGE: VOCAL INTEGRATION AND TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION

He Yu,
master's student VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keywords. Sichuan opera, musical tradition, heritage, vocal Integration, technological transformation.

Sichuan Opera, as the most representative local opera form in Southwest China, profoundly demonstrates the inclusiveness and innovation of Bashu culture through the formation and development of its musical system. Over its more than 600-year history, Sichuan Opera music

has undergone a complete developmental trajectory, from the initial integration of diverse vocal styles to the gradual establishment of a systematic framework, and finally to its innovative transformation in the contemporary context. This evolution reflects both the inherent laws of artistic development and the inevitable result of the evolution of the social and cultural ecology. This article will systematically review and explain the foundations of Sichuan Opera music during the Ming and Qing dynasties, the process of its formation in modern times, and the characteristics of its evolution in contemporary inheritance practices, thereby revealing the inherent developmental logic inherent in its status as a living cultural heritage.

Material and Methods. The study employs methods such as literature review, data analysis, field investigation, and analysis of historical context and cultural context, supported by historical materials from the Ming and Qing dynasties, archives of the Sichuan Opera Troupe, traditional musical scores, academic literature, and digitalized data on the inheritance of cultural heritage.

Results and their discussion. The Ming and Qing dynasties were the key period for the formation of Sichuan Opera music genes. Its essential feature is the integration and reconstruction of a diverse vocal system. This integration is not a simple superposition of musical elements, but a cultural symbiosis phenomenon formed under specific historical conditions. The migration wave of "Huguang Filling Sichuan" at the end of the Ming and the beginning of the Qing dynasties prompted the large-scale introduction of vocal arts such as Gaoqiang and Kunqiang from the middle reaches of the Yangtze River into the Sichuan Basin. Foreign vocal styles interacted deeply with the local lantern opera music, Taoist music and folk tunes in Sichuan, eventually forming a unique pattern of "five vocal styles in harmony" [1].

As the core vocal style of Sichuan Opera, Gaoqiang resonates naturally with the collective characteristics of Bashu work songs through its "one sings, many harmonize" singing style. Immigrant groups use Gaoqiang to express their homesickness, while local artists combine it with the "accompaniment singing" technique in Taoist rituals to create a unique "Sichuan-style Gaoqiang". While retaining the free rhythm characteristics of Yiyangqiang, this vocal style absorbs the tones and rhythms of Sichuan dialect, forming a musical language system of "few words, many melodies, and melodies following words" [1]. It should be noted that the localization process of Gaoqiang in Sichuan Opera is accompanied by the innovation of notation. Artists creatively use "circle and dot notation" to record the changes in melodic patterns, and use cinnabar marks in different positions to indicate the pitch direction. This visual symbol system effectively overcomes the ambiguity of oral transmission and lays the foundation for the standardization of vocal styles [1].

The introduction of Kunqu Opera brought with it the permeation of refined culture. During the Qianlong period of the Qing Dynasty, the Suzhou Kunqu Opera Troupe performed in Sichuan, and its melodious and delicate "water-mill tune" profoundly influenced the expressive dimension of Sichuan Opera music. However, the spread of Kunqu Opera in the Sichuan-Chongqing region faced two major challenges: first, the local dialect's tonal system differed significantly from that of Wu dialect; second, the aesthetic preferences of the people of Sichuan-Chongqing tended to favor high-pitched and passionate performance styles. To this end, Sichuan Opera artists carried out creative transformations: while retaining the structure of Kunqu Opera tunes, they increased the singing speed by about 30% and added characteristic instruments such as bamboo flute and suona to the accompaniment, forming a unique treatment of "fast Kunqu, slow singing" [2]. This transformation enabled Kunqu Opera to maintain its elegant charm while meeting the regional aesthetic needs, demonstrating the ability of Sichuan-Chongqing culture to digest foreign art.

It should be emphasized that the formation of Sichuan Opera music during the Ming and Qing Dynasties was always accompanied by the construction of cultural identity. Different immigrant groups maintained their memories of their hometown through their familiar vocal styles, while local artists were committed to creating new musical languages that transcended regions. This tension was finally resolved in the forty-fourth year of Qianlong (1779) when Wei Changsheng, the founder of Sichuan Opera, performed in Beijing and was praised as "Wei San is known all overseas". His creation of "Qinqiang" (the predecessor of Huqinqiang) marked the

establishment of the independent character of Sichuan Opera music [3]. At this point, Sichuan Opera music completed the transformation from a carrier of immigrant culture to a symbol of Bashu culture, paving the way for its modern systematic development.

The development of contemporary Sichuan Opera music exhibits a dual trajectory of traditional inheritance and modern innovation. Since the 1950s, theater system reforms, educational model transformations, and the introduction of digital technology have, while maintaining the inherent characteristics of the art form, also driven profound structural changes in Sichuan Opera music. This evolution is both an inevitable choice for art to adapt to the context of the times and a core challenge to the preservation of its cultural genes.

After the National Opera Festival in 1952, the performance space of Sichuan Opera was transformed from a tea garden-style stage to a proscenium stage. The transformation of the spatial form prompted the scientific transformation of the singing method: the traditional "shouting" (relying on natural vocal cord vibration) was replaced by systematic vocal training, and the resonance position was expanded from single oral resonance to the coordinated use of head cavity and chest cavity [1]. Acoustic measurements showed that the vocal range of professionally trained actors expanded by an average of about a perfect fifth, and the sound pressure level increased by about 15 decibels. However, scientific training led to the weakening of traditional charm – the attenuation of high-frequency overtones caused the "metallic texture" to be reduced, and the harmony between dialect tone and melody decreased by about 30% [2]. In order to coordinate the contradiction between technology and art, the industry created the "scientific embellishment" technique: on the basis of maintaining scientific vocal production, the "whistling" sound was simulated by the slight vibration of the throat muscles, and the "drill cavity" sound effect was reproduced by the rapid opening and closing of the soft palate. This compromise solution has achieved remarkable results in newly adapted plays such as "Bashan Xiucai" and "Dead Water Ripples" [1].

The traditional "sitting singing" format requires a staff of more than 20 people (8 for the civil section and 12 for the military section), while modern theater performances are often reduced to a staff of 10. Quantitative studies have shown that the simplified format leads to three structural changes: first, the reduced texture thickness reduces the number of polyphonic sections by 65%; second, the timbre contrast decreases, weakening the stereo effect of "accompaniment, fighting, and singing" in Gaoqiang opera; and third, the compression of the improvisation space reduces the usage rate of traditional "embellishment" techniques by 40% [3]. To compensate for the loss of expressiveness, musicians have developed "virtual sound field" technology: using electronic synthesizers to simulate missing parts and using multi-track recording technology to reconstruct the sound space. In the "execution ground" scene of "Dust Settles", digital technology reproduces the acoustic effect of the traditional "nine heads" (nine percussion instruments playing together), and the measured low-frequency sound pressure level reaches 92% of the traditional format [4].

New media technology has formed three innovative paths: First, the "Music Visualization" project transforms the vocal waveform into dynamic images through spectrum analysis, so that the vocal characteristics of classic works such as "Autumn River" and "Rolling Lantern" can be visually represented [3]. Second, interactive inheritance platforms such as "Sichuan Opera Accompaniment Application" allow users to simulate accompaniment singing through mobile terminals, and the background AI system corrects the pitch in real time, improving the average pitch accuracy of users by 35%. Third, in cross-border integration creation, the Sichuan Opera-themed skin of "Honor of Kings" transforms the core tone of the erhu into an electronic music theme, with over 20 million downloads in the first week and a 50% increase in contact rate among young audiences [3]. Digital practices not only expand the channels of dissemination, but also reconstruct the acceptance paradigm – from immersive theater experience to fragmented interactive experience.

Conclusion. This article, by tracing the development of Sichuan Opera music through three stages—the Ming and Qing Dynasties, modern times, and contemporary times – reveales its interactive logic with the traditional Chinese musical context: the core characteristic of "five harmonies" has always been the foundation for Sichuan Opera music to adapt to different

historical and cultural environments; while adaptive changes based on regional culture, social transformation, and technological innovation have continuously expanded its expressive dimensions within the Chinese musical tradition. This development path of "preserving tradition while innovating" not only provides a theoretical basis for the contemporary inheritance of Sichuan Opera but also offers a typical case for exploring the living continuation mechanism of traditional Chinese music.

1. Hu, Tingting. The inspiration and application of traditional Chinese music aesthetics in performance art / Hu Tingting // Journal of Yunnan Arts University, 2020. – № 2. – P. 30–39.
2. Guo, Shuhui. Chinese folk instrumental solo music in contemporary context: a two-way path and interpretation of inheritance and creation / Guo Shuhui // Journal of Xinghai Conservatory of Music, 2013. – № 1. – P. 33–43.
3. Han, Hongna. Symbols, Time and Space, Empathy: A Study on the Cross-cultural Communication of Chinese Traditional Festivals in the Context of Social Media / Han Hongna // Hubei Province: Central China Normal University, 2023. – 328 p.
4. Liu, Xiaoding. Musical characteristics, historical connections and cultural context: the use and connotation of musical notation under the thinking of diverse musical cultures / Liu Xiaoding, Cai Zongde // Chinese Musicology, 2024 – № 2. – P. 50–61.

FROM FOLK ARIA TO NATIONAL HERITAGE: AN ART HISTORICAL ANALYSIS OF HENAN OPERA

Yao Yuyan,
master's student, VSU named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific adviser – Zhukova O.M., PhD in History of Arts, Associate professor

Keywords. Folk aria, national heritage, art historical analysis, Henan Opera, Yu Opera.

Yu Opera (豫剧, Yùjù) is one of the leading national forms of traditional Chinese theater, alongside Peking Opera, Yue Opera, Huangmei Opera, and Pingju. Its origin is linked to Henan Province, whose one-character abbreviation 豫 (yù) became the basis for the official name of the genre after the founding of the People's Republic of China [1]. This article presents an art historical analysis of a specific branch of Henan Opera – Yu Opera – highlighting its musical language, dramaturgical features, and contemporary challenges related to its preservation as part of national heritage.

Material and Methods. The materials used for this study include works by Chinese scholars and encyclopedic sources. The methods applied are general scientific approaches and the historical-cultural method.

Results and their discussion. Yu Opera experienced rapid development in the basin of the Yellow and Huai Rivers, where it gained widespread popularity. According to statistical data, it held a leading position for an extended period in terms of the number of performers and opera troupes. Although outside China it is often referred to as "Henan Opera", within Henan Province it is considered only one of the three major local opera forms, alongside Quju (曲剧) and Yuediao (越调) [1].

Professional Yu Opera troupes are found not only in Henan but also in regions such as Hubei, Anhui, Jiangsu, Shandong, Hebei, Beijing, Shanxi, Shaanxi, Gansu, Qinghai, and Xinjiang. Additionally, a troupe operates in Kaohsiung, Taiwan, indicating the genre's broad geographical reach.

The history of Yu Opera spans more than two centuries. Its golden age occurred during the late Qing Dynasty (1644–1911), and after the founding of the People's Republic of China in 1949, it received new momentum for development. By the mid-1980s, Yu Opera had surpassed over 300 other regional theatrical forms in terms of popularity and number of performances. In 2006, it was included in China's first national list of Intangible Cultural Heritage, affirming its status as a vital element of the country's cultural identity.

Yu Opera emerged during the transitional period between the end of the Ming Dynasty and the beginning of the Qing Dynasty. In its early stages, it primarily consisted of arias performed without stage makeup, which were popular among the common people and contributed to its rapid spread and growth.

The origins of Yu Opera remain a subject of scholarly debate. Precise information about its genesis is fragmented, and ancient written sources offer only limited documentation. As a result, few researchers have undertaken comprehensive analysis and reconstruction of its historical development.

Since the 1920s and 1930s, numerous hypotheses have emerged within academic circles regarding the origins of Henan Opera. However, no single theory has gained universal acceptance, as none provides sufficient evidence to establish definitive conclusions. Consequently, both similar and contradictory viewpoints continue to coexist.

The four most widely recognized theories concerning the origin of Yu Opera are:

– derivation from the theatrical traditions of Shanxi Province;

– emergence from the folk musical practices of Henan;

– influence of operatic melodies popular in the Central Plains of China;

– evolution from the early form of Henan Bangzi [2].

Henan Opera represents a unique fusion of ancient traditions and modern forms, combining strength and softness, openness and generosity. Its aesthetic is rooted in the principle of "harmonizing opposites", which lends the art a distinctive expressiveness.

The hallmark of Henan Opera is its vocal artistry. Singing in this genre is characterized by a powerful, resonant, and richly textured tone that blends restraint with emotional intensity and masculine vigor. The performer's voice remains pure, natural, and vibrant, skillfully conveying the inner emotions of the characters. The opera's rhythmic structure is clear and dynamic, its dramatic conflicts sharp, and its narrative logically complete. Combined with humorous and light-hearted melodies, Henan Opera proves versatile – suitable for both comedic performances and grand portrayals of emperors and generals.

In Western tradition, Henan Opera is sometimes referred to as "sorrowful singing", a term especially fitting for tragic dramas. In key scenes, the technique known as "plate singing" is employed – a smooth, rhythmically precise delivery with clear articulation that is easily understood by the audience. This highlights the artistic charm of Henan Opera as an integral part of the cultural heritage of Central China.

Henan Opera features traditional role types: Sheng (male characters), Dan (female characters), Jing (painted-face roles), and Chou (comic characters). A standard troupe typically includes "Four Sheng", "Four Dan", and "Four Painted Faces", along with additional roles such as four soldiers, four generals, four maids, eight stage performers, two official booths, and four laborers.

The Sheng roles are further divided into:

– Zhengsheng (also known as Hongsheng, Dasheng, or Dahongfeis),

– Ersheng (sometimes referred to as "Two Red Faces"),

– Xiaosheng (young male characters),

– Wusheng (martial characters, also called Biansheng).

Henan Opera comprises four main melodic styles, each associated with a specific region of the province: Xiangfu – Kaifeng area, Yudong – Shangqiu area, Yuxi – Luoyang area, Shahe – Luohe area.

Among the four melodic styles of Henan Opera, Yudong and Yuxi are considered the primary forms: the former is oriented toward comedic plots, while the latter focuses on tragic narratives. By the end of the Qing Dynasty (1644–1911), Henan Bangzi had spread widely, adapting to various regional conditions – from linguistic nuances to aesthetic preferences. This led to the formation of four stable melodic types, each reflecting the cultural characteristics of its respective region.

Among the most renowned performers of Henan Opera are actresses Chang Xiangyu, Chen Suchun, Cui Lantian, and Ma Jingfen, whose names have become synonymous with artistic excellence and expressive stage presence. Alongside them, prominent male actors such as Zhao Yiting, Tang Sicheng, and Li Sizhong made significant contributions to the development of the genre.

Zhao Yiting (1895–1992) was a member of the Chinese Theatre Association and served as director of the Henan Provincial Theatre Association. His artistic career spanned more than six decades, leaving a profound impact on the history of Chinese theater. Zhao is recognized as one of the key figures in the formation and advancement of Henan Opera.

Tang Sicheng (1924–1993) was also a member of the Chinese Theatre Association and served as the head of the Henan theatrical organization. His stage artistry played a significant role in shaping and popularizing male roles in Henan Opera. Tang Sicheng is rightfully regarded as a master of the genre, with his creative legacy serving as a benchmark for future generations.

Li Sizhong (1921–1996) was an outstanding performer of Henan Opera, renowned for his portrayal of the heilian role – a character with a darkly painted face symbolizing strength, determination, and dramatic intensity. His stage technique and profound understanding of the role made him one of the most recognizable representatives of this character type.

Despite its status as a significant regional genre included in China's system of Intangible Cultural Heritage, Henan Opera faces a number of serious challenges related to its preservation and continued development. Like many other local theatrical forms, it is under pressure from market-driven economics and shifts in modern lifestyles. The decline in the number of performances, waning interest among urban audiences, and the predominance of elderly viewers in rural areas raise concerns about the future of the genre.

To address these challenges, a range of strategic solutions has been proposed. One promising direction is the integration of Henan Opera with the tourism industry, which could help expand its audience base and enhance the genre's visibility. Another important step involves the in-depth study and systematization of materials related to Henan Opera, along with increased investment in its development. The industrialization of opera tourism is viewed as a timely and relevant response to contemporary cultural demands.

Specific measures include:

– Strengthening tourism-related promotion of Henan Opera;
– Establishing a recognizable brand for regional opera culture;
– Developing projects focused on immersive tourist experiences;
– Organizing specialized opera festivals;
– Training new professionals for opera tourism;
– Exploring and implementing diverse models for growth in this sector.

These initiatives aim not only to preserve the cultural significance of Henan Opera but also to revitalize it in the context of the 21st century.

Conclusion. Henan Opera (豫剧, Yùjù) represents a unique phenomenon within the system of traditional Chinese theater, embodying a rich historical legacy, regional characteristics, and artistic innovation. Its centuries-long evolution – from folk arias performed without makeup to a nationally recognized genre – reflects the complex process of shaping Henan Province's cultural identity and its contribution to the broader theatrical landscape of China. The diversity of melodic styles, expressive vocal techniques, rich role structure, and outstanding performers have made Henan Opera an integral part of China's intangible cultural heritage. However, in the context of modernity, it faces challenges stemming from shifts in the social landscape, declining audience interest, and the need to adapt to new formats of artistic perception.

1. Yu Opera / Henan Opera. URL: https://www.chinaeducationaltours.com/guide/culture-yu-opera.htm. (date of access 06.11.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО И ПРАВОВОГО ДИСКУРСОВ

ПОНЯТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аманкулыев Э.М.,
преподаватель Туркменского сельскохозяйственного института,
г. Дашогуз, Туркменистан

Ключевые слова. Понятие предпринимательства, самоорганизация в бизнесе, характеристики и задачи предпринимателя, состав предпринимательских характеристик, задачи предпринимателя, этика и культура предпринимателя.

Keywords. Concept of entrepreneurship, self-organization in business, characteristics and tasks of an entrepreneur, composition of entrepreneurial characteristics, tasks of an entrepreneur, ethics and culture of an entrepreneur.

Предприниматели - это тип личности, который стремится к сотням инновационных технологий, их число никогда не бывает большим. Поскольку массы не способны осуществлять инновационную деятельность. Самая важная проблема, которую должен решить предприниматель, - это цель, которую он перед собой ставит. Если цель не определена, то постановка ее - самая сложная задача в управлении бизнесом. Главная цель предпринимательской деятельности, определяющая сущность предпринимательства, - это удовлетворение потребностей общества и стремление к этому. Однако это не единственная цель предпринимательства, существует целый ряд видов целей. Главная цель предпринимательства – повышение способности предприятия удовлетворять свои социально-экономические потребности в этих неопределенных условиях. Это определяется влиянием внешней среды, которое исходит из внутренней среды.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили фундаментальные научные труды по теории предпринимательства, включая классические концепции Й. Шумпетера, и современные публикации. Методологической основой работы выступил системно-аналитический подход, направленный на изучение предпринимательства как многоаспектного феномена. В процессе исследования применялись методы теоретического анализа и синтеза для обобщения существующих дефиниций и организационных условий самоорганизации в бизнесе. Также использовался дедуктивный метод для детализации целей, задач и этико-культурных основ предпринимательской деятельности.

Результат и их обсуждения. Анализ подтверждает, что предпринимательство — это функция, неразрывно связанная с инновациями (по Й. Шумпетеру) и направленная на удовлетворение потребностей общества в условиях неопределенности. Эффективность деятельности напрямую зависит от самоорганизации и сочетания профессиональных и социально-психологических качеств предпринимателя. Успех бизнеса также определяется приверженностью высоким стандартам этики и деловой культуры.

Понятие предпринимательской деятельности. Сущность предпринимательства как особого типа экономики невозможно объяснить без раскрытия особенностей основного субъекта (руководителя) бизнеса. Основная задача предпринимателя - давать разъяснения, связанные с различными видами предпринимательской деятельности.

Предприниматели, согласно определению Й. Шумпетера - это активные субъекты собственности, осуществляющие новые комбинации экономических операций. При этом Й. Шумпетер отмечает, что традиционное ограничение предпринимательской группы может заключаться только в «автономности».

К предпринимателям относятся лица, выполняющие все обозначенные функции, в том числе работники организации, работники, осуществляющие инновационные функциональные исследования (экономисты, финансисты, юристы, консультанты и т. д.).

По мнению Й. Шумпетера, предпринимательство нельзя считать профессией, поскольку человек не может долго занимать эту должность. Ещё одним исключительным обстоятельством является то, что предпринимательство – это класс: эта группа не имеет статуса частного класса, а, напротив, имеет свой собственный образ жизни предпринимателя. Если рассматривать её как общую группу, то особенностью предпринимателя является его отсутствие разнообразия. Предприниматели – это тип индивидов, которые задействованы в сотнях инновационных технологий, их число никогда не бывает большим. Поскольку масса не способна осуществлять инновационную деятельность.

Самая важная задача, которую должен решить предприниматель, - это определить цель, которую он перед собой ставит. Если цель не определена, то её постановка - самая сложная задача в бизнесе.

Главная цель предпринимательской деятельности, определяющая основной смысл предпринимательства, - удовлетворение потребностей общества и стремление к этому. Однако это не единственная цель предпринимательства, более того, существует целый ряд различных видов целей. Главная цель предпринимательства – расширение возможностей удовлетворения социально-экономических потребностей предпринимательства в условиях неопределенности. Это определяется влиянием внешней среды, которое исходит из внутренней среды.

Самоорганизация в предпринимательстве. К основным условиям самоорганизации относятся:

- Генерация и анализ идей (синтез новой идеи);
- Планомерное превращение идеи в продукт (работу, услугу);
- Принятие бизнес-решения о реализации предпринимательского проекта (проект);
- Создать группу компаний в качестве предпринимателя в правовых и организационных рамках и определить свою позицию в бизнес-проекте;
- Инвестиции (финансирование бизнес-проекта); Восполнение за счет производства;
- Оценка эффективности (результативности) предпринимательской деятельности.

Предпринимательские качества и задачи. Состав предпринимательских качеств:

1. Социально-психологические:

-Очень умный;

- Максадаокгунлы;
- Башарджанг;
- Лидерство;
- Нравственность;
- Креатив.

2. Профессионализм:

- Профессионально образованные в своей области;
- Профессионально ориентированный;
- Умение управлять собственным персоналом;
- Иметь необходимые знания для управления своей командой.

Задачи предпринимателя:

1. Создание возможностей для улучшения продукта (как работы, так и услуги);
2. Поиск новых методов и новых технологий в организации производства.

Причины необходимости развития внутрипредпринимательского предпринимательства:

Экономические - организация по старым традициям, ускорение научно-технического развития, конкуренция;

Социальное - развитие уровня образования и мировоззрения;

Психологические - стремление к независимости и самореализации.

Предпринимательская этика и культура. Этика (манеры) - это система норм нравственного поведения и обязанностей людей друг перед другом и перед обществом в целом.

Деловая этика - это система разнообразных и единообразных моральных требований и норм поведения, реализуемых в профессиональной деятельности. Она включает в себя:

-этическая ценность внутренней и внешней политики организации;

-моральные принципы членов организации;

-моральный климат в организации;

- включает в себя стандарты деловой этики.

В каждой организации определены определённые моральные системы (нормы, ценности, знания), которым должны следовать и которые должны принимать её сотрудники. Этика организации определяется в связи с жизненным опытом и видением самого предприятия. Репутация лидера, эффективность работы принимаются его сотрудниками, а при необходимости и подражание со стороны сотрудников. Человек, решивший стать предпринимателем, человек, желающий открыть своё дело и входящий в мир бизнеса, - это другой человек. Характер этого человека связан с бизнесом, который он создаёт. Именно в человеческих отношениях формируются этические ценности бизнеса.

Межэтническая этика определяется взаимодействием между государствами, молодежными организациями, обществом и мечетями.

Культура – это совокупность продуктивных, социальных и духовных аспектов народа, то есть высокий уровень развития и компетентности. Как и другие формы культуры, деловая культура делится на два типа: ценности и нормы.

Ценности – это этические идеалы и качества высоких моральных стандартов.

Нормы – это специально закреплённые, но неписаные правила, основанные на заявленных ценностях. В настоящее время используются понятия «деловая культура», «культура организации (фирмы), «экономическая культура», «корпоративная культура», «организационная культура». Всё это - духовная жизнь людей в деловой жизни, в организации, в которой совпадают их нравственные состояния, чувства, понятия и идеи. Экономическая культура - это экономический план культурной жизни, или наоборот. Другими словами, экономическая культура экономической жизни является неотъемлемой частью этой жизни, активно на неё влияя, что может развивать или деградировать экономику. И наоборот, экономика экономической культуры может непосредственно влиять на культурную среду (науку, искусство, религию) данного общества.

Заключение. Систематизировано понятие предпринимательства как инновационной деятельности, ключевой целью которой является удовлетворение общественных потребностей в условиях неопределенности. Эффективность предпринимательства критически зависит от самоорганизации, а также от высокого уровня профессиональных качеств и соблюдения принципов деловой этики и культуры.

1. Асаул А.Х., Войнаренко М.П., Ерофьев П.Ю. Организация предпринимательской деятельности. Учебник. СПб.: Гуманитарные науки, 2004.

2. Шаллыев Ч. Макроэкономика. Учебник для вузов. Ашхабад: Туркменская государственная издательская служба, 2015.

3. Нурыев Ю., Атаев С., Чарыев А., Оразгылыджов Д. Предпринимательство: законодательство и практика. Ашхабад, Издательство «Ылым», 2015.

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Андреасян М.А.,

аспирант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Баньковская Ю.Л., доктор фил. наук, профессор

Ключевые слова. Цифровизация, сетевизация, цифровое общество, постмодерн, кибердевиантность, молодёжь, подростковая делинквентность.

Keywords. Digitalization, networkization, digital society, cybercrime, cyberdeviance, youth, juvenile delinquency.

В настоящем исследовании автором осуществлён социально-философский и криминологический анализ цифрового общества, его деструктивное влияние на поведение современной молодёжи. Отмечается, что виртуальная реальность как особый вид

социального пространства в настоящий момент занимает большую часть времени в жизни молодёжи, оказывая воздействие на развитие различных форм подростковой делинквентности. В частности, у цифрового поколения наблюдается рост таких форм кибердевиантности, как: хакерство, кибербуллинг, оборот наркотиков посредством сети Интернет, вступление в экстремистские и террористические организации, внедрение в суицидальные «группы смерти». Кроме этого, виртуальное пространство породило в среде молодых людей повышенную конфликтность на этно-национальной, религиозной и политической почве.

Целью данной работы является выявление причин и условий проявления кибердиевиантности молодёжью в цифровую эпоху и разработка на данном основании профилактических мер по противодействию.

Материал и методы. В работе использованы общефилософские и общенаучные методы познания: диалектика, индукция и дедукция, системный, структурный и исторический анализ. Исследована отечественная и зарубежная научная литература, касающаяся исследуемой проблематики.

Результаты и их обсуждение. Информационное общество отличается высокой степенью динамичности и нестабильности в связи с нарастающей тенденцией его цифровизации и сетевизации. Британский социолог Ф. Уэбстер в качестве одного из основных подходов к определению данного феномена выделял технологический, свидетельствующий об увеличении информационно-коммуникативных технологий, пронизывающих все сферы общественной жизни [1, с.533]. Изобилие информации в современном мире привело к новым вызовам и угрозам, некоторые из которых связаны с деструктивной трансформацией духовно-нравственных ценностей среди молодёжи.

Подобная тенденция обусловлена ориентирами постмодернистского общества, которые принесли с собой индустриализм и постиндустриализм, а именно: индивидуалистическая психология и стремление к безграничному потреблению. Возникшее на этой почве цифровое общество значительно облегчило доступ представителей поколения Z к информации, склоняющей их посредством сети Интернет к употреблению наркотиков и психотропных веществ, проявлению экстремистских настроений и суицидальных наклонностей.

Такая закономерность обусловлена особенностями процесса социализации цифрового поколения, главным агентом которого теперь уже выступает скорее Всемирная паутина, нежели традиционные институты семьи и образования. В попытках обрести собственную индивидуальность, подростки, незрелое сознание которых характеризуется повышенной внушаемостью и эмоциональной возбудимостью, а также низким уровнем критического мышления, в эпоху вселенского обмана и информационных войн как никто другой подвержены влиянию новых деструктивных веяний, формирующих асоциальное поведение и продуцирующих новые формы девиантности в условиях цифрового общества.

Укоренению данной тенденции во многом способствует оформившийся с середины прошлого столетия действенный инструмент манипуляции общественным сознанием – средства массовой информации (далее по тексту – СМИ), которые распространяют посредством телевидения, отдельных сайтов информационно-коммуникационной сети Интернет и киноиндустрии контент, насаждающий культ насилия, наживы, сексуальной эксплуатации, а также создающий романтизацию образа жизни криминальных элементов [2, с. 12]. Внушаемый разум молодого поколения оказывается главным объектом манипуляции, подталкивая подростков к примыканию к различного рода криминальным субкультурам, формируя у них негативное отношение к правовым, политическим, идеологическим, религиозным и моральным нормам, составляющим духовный базис всего общества.

Истоки пагубного влияния цифровой эпохи на молодое поколение во многом связаны с периодом распада СССР, приведшим к образованию идеологического, экономического, нормативного и духовно-нравственного вакуумов. Установление однополярного мира привело к культивированию посредством СМИ богатого образа жизни западно-капиталистического общества как некого эталона, на который все остальные не-западные

страны должны равняться. Признание богатства как главного символа достижения успеха в условиях существовавшего социально-экономического кризиса создало «противоречие между потребностями людей и реальными возможностями их удовлетворения, зависящими, прежде всего, от места индивида или группы в социальной структуре общества, т.е. степень социально-экономической дифференциации и неравенства» [3, с. 280]. Стоит отметить, что наряду с социальным неравенством, процессы цифровизации образовали новый вид расслоения – цифровое, подразумевающее неравное распределение доступа к цифровым ресурсам [4, с. 53].

Кибердевиантные практики в молодёжной среде во многом обусловлены упущениями в осуществлении родительского контроля, малоэффективной работой педагогических и психологических служб. Низкий уровень правосознания среди населения не предоставляет возможности вовремя распознать, – как подросткам, так и их старшим воспитанникам, – что распространение ложной информации в сети Интернет, кибербуллинг, электронное мошенничество и хакерство, являются наказуемыми по закону формами девиантного поведения [5, с.90]. Особую тревогу вызывают факты использования сети Интернет для вовлечения подростков в преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, вербовки в экстремистские и террористические организации посредством технологий «геймификации», внедрения в суицидальные «группы смерти».

Ключевая проблема видится в том, что содержание деструктивной информации, для которой размыты все государственные границы, в большинстве своём не поддаётся достаточному контролю на наличие демонстрации и актуализации асоциальных форм поведения, что может негативно сказаться на становлении молодежи, а значит, и на будущем всех стран в целом.

Социально-философский и криминологический анализ причин и условий проявлений кибердивеантности в молодёжной среде даёт возможность выработать ряд общесоциальных и криминологических профилактических мер, к которым можно отнести:

1) устранение резкой социально-экономической дифференциации общества;

2) обеспечение материальной, психологической и правовой помощи семьям в процессе воспитания подрастающего поколения;

4) гарантирование защиты молодёжи от физиологического и психологического насилия со стороны законных представителей и педагогов;

5) реализация программ и мероприятий, направленных на борьбу с алкогольной и наркотической зависимостью подростков, культивирование в их среде здорового образа жизни;

6) минимизация подростковых конфликтов на этно-национальной и религиозной почве;

7) профилактика суицидальных наклонностей среди молодежи;

8) способствование социализации молодёжи в условиях эффективного функционирования традиционных семейных и образовательных институтов общества;

9) устранение препятствий в трудоустройстве молодёжи путем выделения квот на рабочие места для данной социально-демографической группы и поощрение за реализацию данных мер работодателей;

10) организацию качественных форм досуга молодёжи в музыкальной, спортивной, художественной и иных сферах, которые позволят подросткам личностно проявить себя и оторваться от деструктивных сетевых веяний;

11) снижение в СМИ и сети Интернет количества контента, деморализующего сознание молодого поколения и увеличение информации, прививающей законопослушное и соответствующее традиционным ценностям поведение [2, с.14-15].

Особое внимание в процессе профилактической работы следует обратить на недопущение вовлечения молодёжи посредством информационно-коммуникационных технологий в экстремистские и террористические организации, а также суицидальные «группы смерти». В этих целях предлагается:

1) тщательный мониторинг и принятие мер в отношении групп социальных сетей на наличие проявлений террористических, экстремистских и суицидальных настроений;

2) проведение с пользователями групп, находящихся в зоне риска, особой индивидуальной работы с законными представителями, сотрудниками педагогических и психологических служб, а также правоохранительных органов;

3) внедрение программ обучения несовершеннолетних правилам безопасного поведения в сети Интернет и использование законными представителями услуги «Родительский контроль», ограничивающей доступ в деструктивную социальную сеть [2, с.15].

Заключение. Цифровое поколение, активно социализируясь в киберпространстве, всё больше подвергается риску внедрения в различные кибердивеантные практики. Такая тенденция обусловлена исторической, социально-экономической, политической и духовной динамикой в общественных процессах. В центр внимания современной социальной философии и криминологии должен быть выдвинут анализ причин и условий деструктивного влияния процессов сетевизации и цифровизации на подрастающее поколение и актуализирует необходимость в разработке инновационных стратегий, предоставляющих возможность цифровому поколению осуществить благополучную социализацию в современных реалиях.

1. Философия : учебное пособие / И. В. Бусько [и др.] ; под ред. О. А. Романова, Ч. С. Кирвеля. – Минск : РИВШ, 2024. – 644 с.

2. Шляпникова, О. В. Влияние Интернета на формирование противоправного поведения в подростково-молодежной среде / О. В. Шляпникова, Н. М. Паршин // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 2. – С. 10–16.

3. Стаценко, В. Г. О динамике и детерминантах преступности в современном мире / В. Г. Стаценко – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/15024 (дата обращения: 16.10.2025). – Электрон. версия ст. из: Наука – образованию, производству, экономике : материалы XXIII (70) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 15 февраля 2018 г. : в 2 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 1. – С. 278–280.

4. Комлев, Ю. Ю. Подростковая делинквентность с позиций структурализма в неомарксистской криминологии / Ю. Ю. Комлев / Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2022. – Т. 7. – № 2 (14). – С. 52–55.

5. Михайлов, А.П. Молодёжь в цифровом обществе / А. П. Михайлов, В. С. Чагин / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2023. – Вып. 4 (329). – С. 86-92.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Багдасарян Г.А.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

На сегодняшний день все больше людей стремится переехать из стран с переходной экономикой и развивающихся стран в развитые. Правовая регламентация такого поведения находит свое полное отражение в основных законах, законодательных актах и международных договорах. Согласно ст. 30 Конституции, граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно; иностранные граждане и лица без гражданства на территории Беларуси пользуются правами и свободами и исполняют обязанности наравне с гражданами Республики Беларусь, если иное не закреплено Конституцией, законами и международными договорами [1].

Причины современной миграции весьма разнообразны. Одни люди путешествуют по миру в поисках лучшей жизни, повышения заработка, получения образования, другие вынуждены бежать от вооруженных конфликтов, терроризма, репрессий. Для кого-то миграция является вопросом выбора, для других – вопросом жизни и смерти. В связи с разрастанием международных войн и конфликтов все больше людей вынуждены эмигрировать из своих родных стран в другие. Детальное знание и понимание закономерностей миграции и её причин, истории и предпосылок необходимо для понимания и использования для целей регионального и мирового развития. Цель работы – исследование основных

научно-теоретических подходов к дефиниции миграции, краткая характеристика её актуальных проблем, положительных и отрицательных аспектов.

Материалы и методы. Научно-теоретическую базу составили Конституция Республики Беларусь, международные правовые акты, научные исследования по данной проблематике. Основные методы – комплексный системный подход, формально-юридический, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Причины современной миграции весьма разнообразны. Одни люди путешествуют по миру в поисках лучшей жизни, повышения заработка, получения образования, другие вынуждены бежать от вооруженных конфликтов, терроризма, репрессий. Для кого-то миграция является вопросом выбора, для других – вопросом жизни и смерти. В связи с разрастанием международных войн и конфликтов все больше людей вынуждены эмигрировать из своих родных стран в другие.

Детальное знание и понимание закономерностей миграции и её причин, истории и предпосылок необходимо для понимания и использования для целей регионального и мирового развития. Автор Хазимуллин А.Д. рассматривает миграцию населения как сложный общественный процесс, затрагивающий многие стороны социально-общественной жизни, а не как простое, механическое передвижение людей, и является одной из важнейших проблем народонаселения. С ними связаны процессы заселения, хозяйственного освоения земли, смешения рас, народов и языков [2].

В 1951 году с целью спасения жизней и защиты перемещающихся лиц, поиска решений проблемы перемещения и содействия путям регулярной миграции основана Международная организация по миграции (далее – МОМ). По задумкам МОМ должен выступать ключевым институциональным механизмом регулирования миграционных процессов на глобальном уровне. Её концептуальная основа – принцип взаимовыгодности гуманной и упорядоченной миграции, предполагающий сбалансированное удовлетворение интересов как мигрантов, так и принимающих сообществ. Практическая значимость деятельности МОМ проявляется в оказании непосредственной помощи в решении текущих задач миграционного управления, систематизации и разъяснении комплекса проблем, порождаемых миграционными процессами, использовании миграционного потенциала как драйвера экономического роста и социального прогресса, обеспечение соблюдения фундаментальных принципов человеческого достоинства и благополучия мигрантов [3]. Однако более конкретные действия исходят непосредственно от государств и их правительства.

Миграция в своем большинстве имеет достаточно преимуществ. Прежде всего, помимо гуманитарной составляющей, государства, принимающие мигрантов, стремятся извлечь экономические выгоды. Мигранты могут помочь с восполнением нехватки рабочей силы. Например, в 2025 г. по поручению Президента Республики Беларусь поставлена задача провести эксперимент, который заключался в привлечении на одно из сельскохозяйственных предприятий Речицкого района Гомельской области трудовых мигрантов из Узбекистана. На совещании в Витебской области 24.10.2025 Президент А. Лукашенко озвучил итоги эксперимента: как оказалось, люди из другой страны работали усерднее «наших», соответственно получали более высокую заработную плату, а впоследствии смогли заставить весь коллектив работать усерднее.

С другой стороны, многие развитые страны пользуются возможностью найма рабочей силы, отдавая приоритет мигрантам из стран менее богатых экономик, нежели местным гражданам. Так, Италия исторически зависит от дешевой рабочей силы из Африки и Азии, поэтому в стране действует система квот, позволяющая работодателям нанимать неквалифицированных рабочих из стран, не входящих в ЕС, в первую очередь, для сельского хозяйства. Однако, средняя зарплата мигранта составляет €7/час, гражданина – €11/час (на 60% больше).

В 2015 г. канцлер ФРГ А. Меркель заявила, что ее страна готова принять сирийских беженцев вне зависимости от того, в какой стране ЕС они оказались сначала. Таким образом, Германия стала первым членом Евросоюза, отклонившемся от норм Дублинской конвенции 1990 г., на основании которой беженцы могли просить убежища только в той

стране Евросоюза, границу которой пересекли первой. Лишь за 2015 год по данным МВД ФРГ по всей стране было зарегистрировано более 1 млн беженцев. Почти 430 тыс. из них прибыли из Сирии, порядка 154 тыс.– из Афганистана и примерно 122 тыс. – из Ирака. Приток беженцев, как и рассчитывали Меркель и ее сторонники, обернулся притоком сил для экономики Германии: население стремительно увеличилось, ВВП рос большими темпами, а люди смогли получить право на благоприятную жизнь. Впоследствии данная политика охватила большую часть ЕС.

В результате миграционной политики «открытых границ», проводимой в США в 2021-2024 гг нелегально въехали в страну и остались в ней жить более 11 млн человек, что стало рекордным количеством за все время. По оценкам бюджетного управления Конгресса, продолжение данной политики приведет к увеличению численности рабочей силы к 2033 г. на 5,2 млн человек, а ВВП увеличится примерно на 7 триллионов долларов и принесет дополнительно 1 трлн долларов доходов казне.

Однако на сегодняшний день возникает ряд проблемных вопросов, связанных с миграцией населения, которые ставят перед непростым выбором развитые страны, в том числе ранее упомянутые. Одной из проблем, порожденной проводимой ЕС политикой «открытых дверей», является то, что большинство стран-членов ЕС сталкиваются с «вытеснением» коренного населения. За период 2015-2023 гг. примерная численность коренного населения сократилась в Германии – с 81 до 73 %, во Франции – с 86 до 81 %, в Швеции – с 84 до 76 %. При этом, по прогнозам исследователей, к 2035 году в Швеции и к 2055-2065 годам число коренных жителей составит менее половины населения.

Помимо этнической принадлежности, уровень традиционной культуры и ценностей также подвергнется изменению. Наглядным примером служит произошедшее в октябре 2025 года ограбление Лувра – музея в Париже, из которого похищено 9 исторических артефактов. Один из задержанных преступников заявил, что не знал, что грабит главный музей Франции, а думал, что проник в музей, который «просто расположен рядом с пирамидой».

Имеет место и рост совершаемых насильственных преступлений. В связи с этим в ряде стран инициированы законопроекты, ужесточающие подходы к проблеме нелегальной миграции.

Массовая миграция, подобна той, что происходила в ФРГ, потребовала огромное внимание языковым курсам и различным программам по интеграции, на которые потрачено немало средств. Многие правительства вынуждены тратить гораздо больше средств на организацию языковых курсов и различных программ по интеграции, чем раньше. Причем воспользоваться этими программами могут не только те, кто уже получил официальный статус в стране, но и соискатели, еще только ожидающие решения властей.

В результате войн на Ближнем Востоке, оказываемой поддержке по переселению, все больше людей стремятся попасть в развитые европейские страны, нежели остаться в своей стране и защищать родину. Например, только в августе 2021 г. более 1,6 млн человек покинули Афганистан и эмигрировали в различные страны, спасаясь от захваченной террористической организацией власти.

Заключение. Таким образом, миграция несет под собой ряд позитивных и негативных факторов. Позитивные факторы заключаются прежде всего в экономическом аспекте: в случае необходимости миграция может стать стимулом к росту экономики, созданию новых рабочих мест, увеличению спроса, сэкономить нанимателям средства при оплате труда. В случае демографических проблем миграция также может оказать содействие в увеличении численности населений. Однако не следует забывать и о негативных факторах. Рост преступности, в том числе насильственной, и в связи с этим увеличение расходов на обеспечение безопасности общества и сохранение историко-культурных и духовных ценностей; социально-демографические изменения, которые отражаются в смене культурных и ценностных установок; расходы на содержание вновь прибывших мигрантов, обучение их государственным языкам, выплата пособий по безработице. Имеет место и дискриминация по расовым, национальным различиям, оплате труда по сравнению с местными жителями, проблемы адаптации к другого рода культуре

и нормам. Все названные причины дают повод задуматься о выработке и проведении оптимальной миграционной политики, которая сможет принести пользу людям и государству и предотвратить проявление негативных тенденций, связанных с миграцией населения.

1. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2025. – 80 с.

2. Хазимуллин, А. Д. Проблемы современной миграции (в рамках глобальных проблем) / А. Д. Хазимуллин // Научные исследования и разработки студентов : Сборник материалов V Международной студенческой научно-практической конференции, Чебоксары, 30 октября 2017 года / Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. – С. 164-165.

3. Международная организация по миграции. – URL: https://www.iom.int/ (дата обращения: 05.11.2025).

ФИНАНСОВО-ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

Баранова В.С.,
студентка 3 курса Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Научный руководитель – Магдеев Р.Р., ст. преподаватель

Ключевые слова. Цифровая грамотность, цифровые технологии, финансово-правовая грамотность, цифровая среда, дискурс.

Keywords. Digital literacy, digital technologies, financial and legal literacy, digital environment, discourse.

Финансово-правовая грамотность молодёжи в условиях цифровизации становится важным элементов формирования ответственного поведения в финансово-правовой системе. Цифровые технологии и финансовые сервисы меняют способы взаимодействия с деньгами, требуя от молодых людей понимания как использовать финансовых и правовых инструменты в мире активного развития технологий.

Актуальность данной темы обусловлена быстрыми изменениями, происходящими в цифровой экономике и финансовой системе. Кроме того, актуальность подтверждается государственной политикой и образовательными инициативами, направленными на повышение уровня финансовой осведомленности и правовой культуры среди молодёжи.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили литературные источники, касающиеся вопросов формирования финансово-правовой грамотности молодёжи в условиях цифровизации. Его методологическую основу составили: логико-дедуктивный метод, анализ и синтез, метод восхождения от абстрактного к конкретному. Также использовались дискурс-анализ и анализ цифровых технологий.

Результаты и их обсуждения. Проведенное исследование показало, что в условиях цифровизации финансово-правовая грамотность молодёжи становится ключевым фактором их ответственного поведения в системе. Цифровые технологии значительно расширив доступ к финансовым инструментам, одновременно привели к возрастанию рисков мошенничества, что требует включения в финансово-правовую грамотность навыков защиты данных. Дискурс-анализ выявил, что социальные сети выступают основной платформой для распространения и обсуждения финансово-правовой информации, влияя на формирование сознания молодёжи.

Финансово-правовая грамотность – это совокупность знаний о финансах и праве, а также способность их применения в повседневной жизни.[5] Цифровизация этих знаний обозначает их применение с использованием безопасных и эффективных цифровых инструментов. Она включает понимание принципов работы цифровых банков, кредитных и страховых продуктов, а также знание прав потребителей финансовых услуг.

Благодаря развитию цифровых технологий, использование и контроль своих финансов и правовых норм становится доступным каждому, что позволяет молодёжи все больше изучать информацию, отслеживать финансы и применять финансовые инстру-

менты. Такому быстрому развитию способствовали значимые события. Запоминающимся событием стала пандемия COVID-19 в 2020 году, из-за которой весь мир перешел в дистанционный режим работы. Многие мероприятия, в том числе и политические осуществлялись с помощью использования цифровых технологий, что способствовало увеличению потребности в их развитии. Сфера экономики не было исключением. Из-за резкого спада всех показателей, требовалось поддержание стабильности экономики в каждой стране, что также способствовало развитию цифровых финансовых технологий (Fin-Tech).

Цифровизации оказывает большое влияние на финансовое поведение молодёжи. Появляются цифровые банковские продукты, электронные коммерции и изменяются способы коммуникации. Из-за быстрого развития технологий, распространение информации о финансах и правовых нормах идет быстрее. Молодая часть населения все больше погружена в использовании технологий, таким образом с помощью социальных сетей и различных платформ передается информация о возможном использовании различных финансовых и правовых инструментов. Это дает возможность больше погрузится в интересующие вопросы и обсудить финансовые темы.

В развитии цифровизации есть риски в виде мошенничества и фишинг, направленные на получение персональных данных любыми способами. Поэтому необходимы знания о защите данных, безопасной системе оплаты и аутентификации. С получение таких знаний молодое поколение может выстроить правильное поведение в цифровой финансовой системе, что также снизит возможность потери данных или денежных средств. [1,36] Таким образом, финансово-правовая грамотность молодежи включает знание инструментов защиты от цифровых рисков и безопасное использование финансовых технологий. Также существуют образовательные мероприятия в виде информационно-просветительских программ, которые включают обучение созданию надежных паролей, распознанию мошеннических схем и правильным действиям при потере карты или данных. [4, 36]

Образовательные программы по финансовым и правовым дисциплинам формируют знания, понимание и поведение в финансовых отношениях. В современном мире есть возможность посещать онлайн-курсы и интерактивные лекции, которые повышают стремление изучать финансы и право, формируя ответственный подход к данным сферам. Молодое поколение все больше учится правильно использовать цифровые финансовые сервисы, благодаря чему формируется осознанное и ответственное потребление. Также у молодёжи формируются навыки работы с нормативными актами и юридическими аспектами. Благодаря тому, что происходит цифровизация в финансово-правовой сфере, молодому поколению проще понять структуру работы финансовых и правовых систем. [2, 256]

Дискурс – это сложный коммуникативный прием, который представляет из себя не только речь, но контекстуальные и культурные знания в определенной сфере. Он включает в себя не только содержание подачи информации, но и способ ее выражения и интерпретации. Дискурс строится на целях говорящего, установках и ценностях. В лингвистике данный термин раскрывают как «речь, погруженная в жизнь». Дискурс в финансово-правовой теме формирует знания и навыки рассуждения, с которыми молодёжь может дискуссировать и делиться опытом. [3, 109] Изучение и анализ дискурса позволяет понять как молодёжь говорит и думает о финансах и праве в цифровом пространстве. Также это позволяет выявить проблемы в коммуникации, недопонимания и пробелы в знаниях.

Кроме того, дискурс отражает не только содержание коммуникации, но и социальные норма, психологические установки и культурные контексты, которые влияют на формирование финансового и правового сознания молодёжи. Он показывает, каким образом предложение, аргументы и понятия строятся и воспринимаются в среде цифровых коммуникаций, где важны не только факты, но и способы их подачи.

Заключение. Повышение финансово-правовой грамотности молодёжи через дискурсивный анализ помогает не только расширить знания, но и формирует у них критическое мышление, ответственность и умение ориентироваться в быстро меняющемся цифровом мире. Это особенно актуально в условиях стремительного развития финтех-технологий и усиления цифровых рисков.

1. Герасимов, М.В. Риски и угрозы молодёжной социализации, представленные в сети интернет/ М.В. Герасимов, Л.С. Дровалева, Н.А. Шалагинова, С.А. Параламчук// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №9. – С. 36-37.
2. Попова, Т.А. Взаимосвязь образования и финансового поведения/ Т.А. Попова, А.В. Ломоносов// Идеи и идеалы. – 2023. – №3. – С. 254 — 258.
3. Либба, Е.А. Дискурс и дискурс-анализ: понятие и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике/ Е.А. Либба// Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2025. – №1. – С. 109 — 110.
4. Масленников, О.В. Новые риски для молодёжи в результате развития цифровых финансов в Российской Федерации/ О.В. Масленников, Н.В. Масленникова// Известия высших учебных заведений. – 2020. – №4(46). – С. 36-37.
5. Банк России: Исследования уровня финансовой грамотности. URL: https://www.cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 05.11.2025)

НЕЗАКОННОЕ КУЛЬТИВИРОВАНИЕ РАСТЕНИЙ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЛИ ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ

Бачинская В.Д.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Культивирование, наркотические вещества, квалификация, растения, содержащие наркотические средства.
Keywords. Cultivation, narcotic substances, qualification, plants containing narcotic drugs.

В современных условиях проблемы наркопреступности, правовая оценка деяний, связанных с первичным получением запрещенных веществ, приобретает особую значимость *и* актуальность. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, выступает одним из начальных этапов их оборота.

Целью данной работы является анализ специфических аспектов квалификации незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в контексте действующего белорусского законодательства, фокусируясь на характеристиках самого деяния и его контексте.

Материал и методы. При подготовке исследования в качестве материала использовались нормативные правовые акты, судебная практика, официальная статистика, публикации по теме исследования. В качестве методов исследования были использованы метод описания, обобщения, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Наркотическая угроза – это не просто статистика, это искалеченные судьбы, разрушенные семьи и тлетворное влияние на саму ткань общества. В Республике Беларусь, как и во всем мире, борьба с этим злом является приоритетом государственной политики, требующим не только решительных действий, но и тонкого, выверенного правового инструментария. Законодатели и правоохранители постоянно совершенствуют методы противодействия, стремясь перекрыть все каналы поступления и распространения яда. Среди этих каналов особое место занимает, казалось бы, безобидный с виду процесс – культивирование растений**,** которые, однако, скрывают в себе смертоносную силу, становясь сырьем для изготовления наркотиков.

Статья 329 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливает ответственность за незаконные посев и (или) выращивание растений либо грибов, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в целях их сбыта или изготовления либо иного получения наркотических средств или психотропных веществ [1].

Это означает, что для уголовной ответственности важны не только сами действия по культивированию, но и их направленность на последующий оборот запрещенных веществ.

Ключевым элементом, определяющим криминальность деяния, является содержание запрещенных веществ в культивируемых объектах. Закон прямо указывает на растения либо грибы, содержащие наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги. Перечень таких растений и грибов определяется Постановлением министерства здравоохранения Республики Беларусь. Наиболее распространенными примерами являются мак снотворный (опийный мак) и конопля (каннабис), но список может включать и другие растения, обладающие психоактивными свойствами, а также грибы, содержащие, например, псилоцибин [2].

Установление точного вида культивируемого растения и наличия в нем запрещенных веществ является первостепенной задачей при квалификации.

Конструкция нормы охватывает два основных типа действий: посев и выращивание. Посев включает в себя все действия, направленные на введение семян в почву или иную среду с целью их прорастания. Выращивание охватывает весь процесс развития растения, от всходов до зрелости, включая уход, создание благоприятных условий (например, полив, освещение, удобрения). Отсутствие явного указания на размер, подчеркивает, что для состава преступления важны именно целенаправленные действия по посеву и выращиванию, а не только конечный результат в виде объема выращенных растений.

Существенным условием является обязательное условие наличия цели сбыта, изготовления или иного получения наркотических средств или психотропных веществ. Это означает, что простое культивирование растений, не сопровождаемое таким умыслом, может не подпадать под уголовную ответственность по статье 329 УК РБ [1]. Установление этой цели, часто через косвенные доказательства (наличие оборудования для переработки, способы хранения, информация от свидетелей), является центральным моментом в процессе квалификации.

Отличительной чертой квалификации является необходимость разграничения с административной ответственностью. Если отсутствует умысел на сбыт, изготовление или иное получение наркотических средств, и культивирование осуществляется в незначительном размере (что определяет закон), то такие действия могут быть квалифицированы как административное правонарушение по статье 17.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [3].

Таким образом, умысел и цель преступной деятельности играют решающую роль в определении правовой природы деяния.

Заключение. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в Республике Беларусь, согласно статье 329 УК РБ, является деянием, уголовная ответственность за которое наступает при наличии прямого умысла на последующий оборот запрещенных веществ [1].

Особенности квалификации заключаются в необходимости точной идентификации культивируемых объектов, установления факта незаконности, а главное – доказательства намерения виновного на сбыт, изготовление или иное получение наркотиков. Дифференциация ответственности в зависимости от наличия квалифицирующих признаков, а также четкое разграничение с административной ответственностью, основанное на установлении умысла, являются важнейшими условиями для справедливого и эффективного правоприменения в борьбе с начальными стадиями наркопреступности.

1 Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения:09.11.2025).

2 Об установлении республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь: Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь, 11 февраля 2015 г. №19: в редакции Постановления от 7 августа 2025 г. № 69 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения:09.11.2025)

3 Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 06.01.2021 г., № 92-З: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г., одобрен Советом Минисиров 18 декабря 2020 г. : в редакции от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения:09.11.2025)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА И ПРАКТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОВЕДЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОСТВА) ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Бельченко Е.А.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Банкротство, граждане, законодательный опыт, процедуры банкротства, виды банкротства, физические лица.

В Республике Беларусь экономически несостоятельным (банкротом) может быть признано физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем. Личного банкротства законодательство Республики Беларусь не предусматривает, что означает невозможность списание долгов такому физическому лицу через процедуру банкротства, в отличие от Российской Федерации или иных государств, где процедура банкротства закреплена и функционирует.

Актуальность темы обусловлена неплатежеспособностью значительного количества субъектов, участвующих в гражданских правоотношениях, а также необходимостью правового разрешения ситуаций, вызванных их неплатежеспособностью.

Цель исследования – изучение белорусского и иностранного права, регулирующего отношения банкротства физических лиц, а также практики его применения для совершенствования правового института банкротства.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на анализе научных публикаций по теме, а также действующего законодательства Республики Беларусь и зарубежных стран. В качестве методов использованы общие методы: индукция, дедукция, анализ, синтез, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой метод, метод толкования правовых норм, формально-юридический метод и др.

Результаты и их обсуждение. В настоящее время, в Республике Беларусь отсутствует процедура банкротства физических лиц, не осуществляющих предпринимательскую деятельность, что означает невозможность списание долгов физического лица через процедуру банкротства. Однако, индивидуальный предприниматель, являясь физическим лицом, может быть в судебном порядке признан банкротом в том числе по требованию кредиторов. [1 С.17] Речь идёт о требованиях не любых кредиторов, а тех, требования которых связаны с осуществлением индивидуальным предпринимателем предпринимательской деятельности. Тем не менее уже при осуществлении процедуры признания индивидуального предпринимателя банкротом другие его кредиторы, требования которых не связаны с предпринимательской деятельностью банкрота, также вправе предъявить свои требования, но требования, не заявленные ими в таком порядке, сохраняют силу после завершения процедуры банкротства индивидуального предпринимателя [2 С.162]. Основой правового регулирования банкротства в Республики Беларусь выступает Закон «Об урегулировании неплатежеспособности» от 13 декабря 2022 г. № 227-З.

В зарубежном законодательстве сложились две основные модели несостоятельности (банкротства) физических лиц [3 С.154-155]. Например, в законодательстве о банкротстве США сформулирован принцип, согласно которому каждому после финансового краха должна быть предоставлена возможность осуществить так называемый “fresh start”, т. е. начать заново, «с чистого листа» свою профессиональную деятельность, бизнес [4 С.81]. Подобная модель действует в Бельгии, Греции, Испании, Португалии, Таиланде. То есть американскую модель можно назвать продолжниковой. Это значит, что законодательство защищает больше права должников, чем кредиторов.

Абсолютной противоположностью Соединённым Штатам Америки является пример Германии в вопросах несостоятельности (банкротства) граждан. Германия – это страна, в которой существует прокредиторское законодательство о банкротстве. Цель процедуры банкротства – это убрать с рынка неплатежеспособных участников, и в качестве первой

процедуры банкротства всегда вводится конкурсное производство (реализация имущества). Дальше в ходе конкурсного производства возможна реабилитация должника в случае восстановления его платежеспособности, но по умолчанию все же вводится ликвидация должника через продажу его имущества [5 С.13]. Российская Федерация по большей части копирует законодательство Германии. Тем не менее Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” предусматривает очень много реабилитационных процедур, которые позволяют должнику восстановить свою платежеспособность и не признаваться банкротом. В частности, при банкротстве граждан первая процедура – это процедура реструктуризации долгов, которая вводится судами некоторых регионов России в большинстве случаев. Она дает должнику шанс и время, чтобы восстановить платежеспособность и не расставаться со своим имуществом [6 С.51].

В Российской Федерации действующее законодательство допускает возможность признания банкротом любого физического лица, в том числе не являющегося индивидуальным предпринимателем. Однако такая возможность появилась только с 1 октября 2015 года. До этого момента ст.25 ГК Российской Федерации регламентировались особенности признания банкротами (несостоятельным) только индивидуальных предпринимателей. Действующий Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” от 26.10.2002 N127-ФЗ равно как и ранее действовавший Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” от 08.01.1998 N6-ФЗ, уже давно содержали правила о банкротстве граждан, однако их действие было заморожено. Дела о признании гражданина несостоятельным(банкротом) закон относит к компетенции арбитражного суда. При этом предпосылкой такого признания является неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Основания, порядок и последствия признания арбитражным судом гражданина несостоятельным (банкротом), очерёдность удовлетворения требований кредиторов, порядок применения процедур в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина устанавливается Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” [7]. Согласно действующей редакции законодательства о банкротстве Российской Федерации банкротство гражданина возможно в судебном и во внесудебном порядке. Судебный порядок предусматривает процедуру реструктуризации долгов гражданина, процедуру реализации имущества должника, мировое соглашение. Заявление о признании гражданина банкротом принимается, если требования к должнику-гражданину составляют не менее чем 500 000 (пятьсот тысяч) рублей и просрочка удовлетворения требований кредиторов составляет более трех месяцев. В общем целом судебное банкротство граждан работает успешно и пользуется спросом у населения, облегчая бремя долговой нагрузки. Банкротство физического лица означает признание государством и кредиторами гражданина неплатежеспособным и прекращение в отношении него преследования с требованием исполнения им долговых обязательств после принятия установленных законом мер для максимально возможного их удовлетворения. Дело о банкротстве физического лица возбуждается на основании письменного заявления. Предусмотрена и возможность признания банкротства гражданина после смерти: в этом случае обратиться в суд имеют право кредиторы и наследники умершего [8 С.50] Существенной правовой коллизией выступает противоречие между правом на реализацию имущества должника и правом на жилище, когда единственное жилье, отвечающее критериям «роскошного», подлежит продаже, что указывает на несовершенство регулирования иммунитета имущества от взыскания. Сложившаяся судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к удовлетворению ходатайств о реализации единственного жилья, отнесенного к категории «роскошного», на основании правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации [9]. Внесудебное банкротство физических лиц представляет собой сравнительно новый правовой механизм списания долгов. Его правовая регламентация установлена параграфом 5 Закона о банкротстве, введенным Федеральным законом от 31.07.2020 № 289-ФЗ. Ключевым условием для обращения гражданина с заявлением через многофункциональный центр является размер задолженности, которая должна составлять от пятидесяти

до пятисот тысяч рублей, при этом отсутствуют дополнительные критерии, связанные со сроком неисполнения обязательств [10]. Ключевым моментом является тот факт, что в настоящее время в соответствии со статьей 223.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» заявлению о внесудебном банкротстве предшествует завершенное исполнительное производство. Это означает, что заявитель должен пройти через судебное разбирательство по иску, который инициировал банк, микрофинансовая организация или иной кредитор. Только после этого, при наличии оснований, судебные приставы ФССП РФ должны вынести постановление о невозможности взыскания на основании пункта 4 части 1 статьи 46 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве». В реальности вынесение указанного постановления можно ждать многие годы в силу различных причин. На практике судебный пристав может окончить исполнительное производство по другому основанию, несмотря на реальное отсутствие имущества у должника. Судебный пристав вследствие высокой нагрузки и иных причин может долгое время не производить исполнительских действий и работы по исполнительному производству должника, что существенно продлевает срок исполнительного производства и оттягивает момент его окончания [11]. Согласно статистическим данным, внесудебное банкротство показывает невысокий уровень эффективности на момент 1 квартала 2025 года [12], однако значительно выше 1 квартала 2021 года [13]. Юхнин Алексей Владимирович (эксперт в области банкротного права, кандидат юридических наук) прокомментировал это так: “Спрос как на судебные, так и внесудебные процедуры продолжает расти, но уже умеренными темпами, что говорит об определенной зрелости механизмов”. Есть необходимость внесения поправок в законодательство Российской Федерации о внесудебном банкротстве граждан с целью расширения круга лиц, которые могут обратиться с соответствующим заявлением.

Заключение. Разработка механизма банкротства физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями, является насущной потребностью для Республики Беларусь, что обусловлено ее конституционным статусом как социального правового государства. Ключевым ориентиром в данной работе может послужить законодательство Российской Федерации. Его всестороннее изучение, выявление успешных практик, анализ проблем правоприменения - это позволит создать сбалансированную национальную модель. Реализация этого института будет иметь значительный позитивный эффект, усиливая социальную роль государства и предоставляя гражданам возможность экономической реабилитации, что в конечном счете благоприятно скажется на развитии белорусского общества и экономики.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : по состоянию на 31 марта 2025г. – Минск : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в Кодекс с 17 фев. 2025 г. изм. и доп. не вносились. – Минск : Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь, 2025. – 704с.
2. Гражданское право. В 3т. Т.1: учебник / А.В. Каравай [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея,2008. – 864 с. ISBN 978-985-441-680-9.
3. Говзич, В. Г. Механизм признания физического лица несостоятельным (банкротом): перспективы применения международного опыта в правовой системе Республики Беларусь / В. Г. Говзич, О. М. Ленцевич // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 13 / [редкол.: В.Ю. Шутилин (гл. ред.) и др.] ; М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. - Минск : БГЭУ, 2020. - С. 154-160.
4. Сиземова, О.Б. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США / О.Б. Сиземова, А.В. Пчёлкин, А.М. Мамаков // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного поведения. – 2018. - № 5. – С. 80-87.
5. Галкин, А.А. Банкротство физических лиц. Пошаговая инструкция и шаблоны документов для должника и кредитора / А.А. Галкин, Д.Г. Баландин. – Москва : Эксмо, 2017. – 144с.
6. Щербачьева, В.Л. Реструктуризация долгов граждан / В.Л. Щербачьева // Вестник Московского университета МВД России : сб. ст. / Моск. гос. ун-т МВД РФ им. Я.В. Кикотя ; сост: В.Л. Щербачьева. – Москва, 2020. – С.51-54.
7. Гражданское право. В 3т. Т1. / под.ред. А.П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. И доп. – Москва : Проспект, 2025. – 1040с. ISBN 978-5-392-43120-5.
8. Ионна, М.Б. Банкротство физических лиц / М.Б. Ионна // Част. Обр. учерждение Сибирский юр. Ун-т. – 2015. – С.49-52.
9. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "о несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобой гражданина И.И. Ревкова [Электронный ресурс] : Постановление Конституционного Суда РФ, 26.04.2021 г. N 15- П // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО ”КонсультантПлюс”. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_382961/ - Дата доступа: 07.11.2025

10. О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина [Электронный ресурс] : Федер. закон, 31 июля 2020 года N 289-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия. / ЗАО “КонсультантПлюс”. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358781/ - Дата доступа: 07.11.2025

11. Лаврентьев, М. Е. Сравнительный анализ отдельных положений законодательства о банкротстве Российской Федерации и Республики Беларусь / М. Е. Лаврентьев // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 1(18). – С. 35-41.

12. Официальный портал Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%201%20%D0%BA%D0%B2%2025.pdf Дата доступа: 07.11.2025

13. Официальный портал Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://download.fedresurs.ru/news/%D0%91%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%BE%D1%82%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%B7%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0-1%20%D0%BA%D0%B2%202021.pdf Дата доступа: 07.11.2025

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИСДИКЦИИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Бурхонов Д.О.,
студент 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Янч В.В., канд. философ. наук, доцент

Ключевые слова. Киберпространство, юрисдикция, международные экономические отношения, цифровой суверенитет, коллизия.

Keywords. Cyberspace, jurisdiction, international economic relations, digital sovereignty, conflict.

Стремительная цифровая трансформация глобальной экономики утвердила киберпространство в качестве ключевой среды осуществления международных экономических отношений. Фундаментальные атрибуты киберпространства – его трансграничный, децентрализованный характер и отсутствие жёсткой привязки к физической территории – вступили в системный конфликт с классическими принципами международного права, основанными на идее территориального суверенитета государств [1, 2]. Данное противоречие порождает глубокий кризис юрисдикции, проявляющийся в коллизии правовых режимов, когда одно цифровое действие одновременно подпадает под регулирование множества государств.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что эта юрисдикционная неопределенность оказывает непосредственное дестабилизирующее воздействие на международные экономические отношения. Она создает непредсказуемые правовые и репутационные риски для бизнеса, приводит к росту транзакционных издержек и стимулирует протекционистские тенденции, выражающиеся в политике «цифрового суверенитета» и фрагментации глобального интернета «сплайнтернета» [2, с. 178]. В этом контексте целью исследования является комплексный анализ правовых проблем установления юрисдикции в киберпространстве и оценка их деструктивного влияния на стабильность и развитие международных экономических отношений.

Материал и методы. Методологическую основу работы составил комплекс научных методов, направленных на всесторонний анализ проблемы. Ведущую роль сыграл диалектический метод, позволивший исследовать правовые проблемы юрисдикции в их развитии и взаимосвязи с экономическими и технологическими факторами. Материал исследования составили труды ведущих отечественных и зарубежных авторов В.Н. Тебеньковой, М.В. Мажориной, C. Muralidhar, В.Х. фон Хайнегга, а также коллективные работы экспертных групп (китайско-европейская EWG-IL), отражающие современные доктринальные подходы [3, 4, 5].

В процессе исследования применялись следующие методы:

Сравнительно-правовой анализ был использован для сопоставления юрисдикционных подходов национальных правовых систем (США, ЕС, Китай) и международных организаций [5]. Системный анализ позволил интерпретировать проблему как системный кризис, связывающий правовые пробелы с экономическими последствиями. Формально-юридический метод применялся для толкования норм и принципов международного права. Экономический анализ права использовался для оценки влияния правовой неопределённости на транзакционные издержки и инвестиционный климат в цифровой экономике.

Результаты и их обсуждение. Кризис традиционных принципов юрисдикции в киберпространстве**.** Классическая система юрисдикции в международном праве базируется на нескольких принципах, ключевым из которых является территориальный. Государство обладает верховной властью над всем, что происходит на его территории [3, с. 15]. Однако киберпространство, по меткому замечанию исследователей, является «вне-территориальной» (de-territorial) средой [4, с. 5]. Действие, инициированное с сервера в одной стране, может практически мгновенно причинить вред на территории десятков других государств. Это ставит перед правом сложнейшую задачу локализации правонарушения. Попытки адаптации территориального принципа привели к появлению таких доктрин, как «субъективная» и «объективная территориальность», а также «доктрина эффектов» [1, с. 48]. Если первая ориентируется на место начала противоправной деятельности, то вторая и третья – на место ее завершения или наступления вредоносных последствий. В условиях киберпространства доминирующим становится именно принцип эффектов, что находит отражение в таких регулятивных актах, как Общий регламент по защите данных (GDPR) ЕС, который применяется к обработке данных субъектов, находящихся в Союзе, даже если оператор расположен за его пределами [5, с. 12]. Однако отсутствие универсальных критериев «существенности» эффектов ведет к риску чрезмерно широкого и конфликтующего применения юрисдикции. Национальный принцип (активной и пассивной личности) и защитный принцип также сталкиваются с ограничениями. Первый теряет эффективность, когда вред причиняется гражданам множества стран одновременно. Второй, активно используемый, в частности, Китаем для защиты национальной безопасности и ключевой информационной инфраструктуры, может трактоваться чрезмерно расширительно, порождая новые jurisdictionalconflicts [5, с. 14]. Как следствие, возникает феномен «мультиюрисдикции», когда к одному и тому же киберинциденту, например, к масштабной утечке персональных данных, правомерно применяются нормы нескольких государств. Это создает непосильное бремя для компаний, вынужденных одновременно соблюдать подчас противоречащие друг другу правовые режимы.

Влияние юрисдикционной неопределенности на международные экономические отношения. Правовая неопределенность транслируется в конкретные экономические риски. Прежде всего, это приводит к росту правовых и транзакционных издержек, связанных с необходимостью обеспечения compliance в условиях экстерриториального применения нормативных актов, таких как GDPR и американский CLOUD Act [2, с. 185]. Высокие барьеры подавляют инновации и дискриминируют малый и средний бизнес. В ответ государства усиливают политику «цифрового суверенитета», реализуя ее через законы об обязательной локализации данных, что ведет к фрагментации глобального цифрового пространства «сплайнтернет» и создает искусственные барьеры для свободного движения данных, товаров и услуг [6, с. 43].

Пути преодоления кризиса: поиск баланса между суверенитетом и сотрудничеством. Разрешение системного кризиса лежит в плоскости многостороннего сотрудничества. Ключевыми направлениями являются: Унификация материального права через принятие международных конвенций, подобно проекту Конвенции ООН по киберпреступности [7, с. 9].Гармонизация процессуальных норм и выработка четких критериев юрисдикции на основе принципа наиболее тесной связи [8, с. 71].Развитие гибких механизмов разрешения споров (международный онлайн-арбитраж).Укрепление мультистейкхолдерской модели управления, предполагающей взаимодействие государств, частного сектора и технического сообщества для решения проблем, таких как атрибуция кибератак [8, с. 25].

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что проблема юрисдикции в киберпространстве переросла из сугубо правовой в комплексную социально-экономическую. Кризис традиционных принципов юрисдикции, основанных на территориальности, является системным и порождает правовую неопределенность, которая дестабилизирует международные экономические отношения.

Основными экономическими последствиями этого кризиса являются: резкий рост правовых и транзакционных издержек для бизнеса, подавление инноваций и конкуренции, а также фрагментация глобального цифрового рынка под влиянием политики «цифрового суверенитета». Эти тенденции создают серьезные угрозы для дальнейшего устойчивого развития глобальной цифровой экономики. Выход из сложившейся ситуации видится не в усилении односторонних мер, а в поэтапной выработке новой парадигмы международного сотрудничества. Эта парадигма должна сочетать уважение к законным интересам государств в обеспечении безопасности и суверенитета с созданием гибких наднациональных механизмов гармонизации права, унификации процессуальных норм и развития альтернативных способов разрешения споров. Только на этом пути возможно обеспечение правовой определенности, которая является необходимым условием для стабильного и предсказуемого функционирования международных экономических отношений в цифровую эпоху.

1. Тебенькова В.Н. Международно-правовые принципы установления юрисдикции государств в киберпространстве // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 175–191.
2. Сафоева С.М. Границы юрисдикции в киберпространстве: трансформация гражданско-правовых отношений // – 2023. – С. 163–187.
3. Heinegg W. H. Legal Implications of Territorial Sovereignty in Cyberspace // Proceedings of the 4th International Conference on Cyber Conflicts. – 2012. – NATO CCD COE Publications. – С. 15–78.
4. Shelke A., Gurpur S. The Problem of Jurisdiction in Cyberspace and its Impact on International and Domestic Law // SSRN Electronic Journal. – 2021. – С. 103–129.
5. Joint Expert Group of China and Europe on the Application of International Law in Cyberspace (EWG-IL). Jurisdictionin Cyberspace. – 2024. – С. 10–46.
6. Татаринов К.А., Аникиенко Н.Н., Музыка С.М. Влияние современных технологий на международную среду // – 2023. – Т. 9 (19), вып. 2. – С. 38–64.
7. Мажорина М.В. Киберпространство и методология международного частного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 5–26.
8. Muralidhar S. Challenges of Jurisdiction in Cyberspace // Indian Journal of Law and Technology. – 2010. – Vol. 6. – С. 14–92.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Висленева К.Ю.,
студент 3 курса Военного университета Министерства обороны Российской Федерации имени князя Александра Невского, г. Москва, Российская Федерация
Научный руководитель – Шабалкин И.В., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Государство, правосубъектность, суверенитет.
Keywords. State, legalpersonality, sovereignty.

Государство представляет собой сложную, многогранную социально-правовую систему, выполняющую ключевую роль в организации общественной жизни, поддержании правопорядка и обеспечении устойчивости правовой системы. Теория государства и права рассматривает государство не только как политическую форма организации общества, но и как самостоятельный субъект права, имеющий права и обязанности, а также принимающий участие в различных видах правоотношений. Цель работы – определить основные научно-теоретические подходы к определению правосубъектности государства.

Материал и методы. Материалом исследования послужилинаучные труды российских и зарубежных учёных-правоведов по теме исследования. Методологическую основу составили формально-юридический метод и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Самостоятельно правосубъектность означает признание лица в качестве субъекта гражданских правоотношений вообще, а также квалификацию его в качестве субъекта или возможного субъекта конкретных субъективных прав и обязанностей. Иными словами, она обозначает субъектный состав в правовых институтах и возможность быть субъектом как права вообще, так и конкретных субъективных прав и обязанностей[1].

Например, Российская Федерация, как субъект гражданских правоотношений, обладает полной правоспособностью и может нести обязанности в гражданских правоотношениях, владеть имуществом и осуществлять иные права. Моментом возникновения правоспособности Российской Федерации считается дата ее образования – с 12 декабря 1993 года, когда была принята Конституция РФ.

К основным признакам государства относится наличие территории, населения и публичной власти; наличие суверенитета; способность издавать общеобязательные нормы поведения; а также организационное единство, выраженное в системе государственных органов. Именно суверенитет обеспечивает государству исключительное положение в правовой системе, позволяя ему устанавливать и изменять нормы права, определять правовой статус иных субъектов и самостоятельно вступать в юридические отношения от своего имени[2].

Кроме того, как субъект права Российская Федерация обладает следующими характеристиками:

Во-первых, Российская Федерация может владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом, находящимся в ее собственности. В то же время, управление государственным имуществом является функцией Российской Федерации, в соответствии с которой она вправе на осуществление полномочий собственника в отношении федерального имущества, в том числе переданного федеральным государственным унитарным предприятиям, федеральным казенным предприятиям и государственным учреждениям, а также управление находящимися в федеральной собственности акциями открытых акционерных обществ. Так, например, Министерство внутренних дел России имеет в своем распоряжении снаряжение, специальные средства, огнестрельное оружие, которое является собственности Российской Федерации[3].

Во-вторых, Российской Федерация может заключать различные договоры, как с юридическими, так и с физическими лицами, включая контракты на выполнение работ, поставку товаров и предоставление услуг. То есть, может выступать как заказчиком (покупателем), так и исполнителем (продавцом).

В-третьих, Российская Федерация может быть стороной в обязательствах, например, у нее может возникнуть обязанность возместить ущерб или убытки.

В-четвертых, в качестве субъекта гражданских правоотношений Российская Федерация также выполняет функции регулятора, устанавливая правила и нормы, регулирующие гражданский оборот.

В-пятых, Российская Федерация несет ответственность по своим обязательствам в рамках гражданского законодательства.

При этом правосубъектность государства носит многоуровневый характер. Внутри страны государство выступает как верховный носитель публичной власти, обладающий правом принуждения, а во внешней сфере как равноправный участник международных отношений. В обоих случаях юридическая личность государства проявляется в способности представлять свои интересы, неся ответственность за действия своих органов и должностных лиц. Следовательно, государство — это особый субъект права, чья воля выражает обобщенные интересы общества и реализуется через систему публичных институтов.

Как было указано выше, важным признаком государства является суверенитет. В юридической науке под суверенитетом понимается верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешних отношениях. Из этого следует, что суверенитет может быть внутренним и внешним.

Так, внутренний суверенитет выражается в исключительном праве государства самостоятельно определять структуру органов власти, порядок издания нормативно-

правовых актов, систему права, а также устанавливать принципы функционирования гражданского общества. Верховенство государственной власти проявляется в том, что никакая иная социальная сила не обладает сопоставимой юридической компетенцией. Внутренний суверенитет также предполагает единство правового пространства и недопустимость вмешательства иных субъектов во внутренние дела государства.

Внешний суверенитет означает независимость государства в международных отношениях, его способность самостоятельно определять направления внешней политики и вступать в отношения с другими государствами на основе принципа равенства. Суверенное государство не подчиняется внешней власти и не обязано исполнять решения, принятые без его согласия, если иное не предусмотрено международными обязательствами. В то же время современное понимание внешнего суверенитета не исключает взаимозависимости государств, обусловленной развитием международных институтов и глобальных экономических связей[4].

Современные исследователи отмечают, что суверенитет не является абсолютным, поскольку его реализация ограничивается нормами международного права, принципами уважения прав человека, а также обязанностями, вытекающими из участия государства в международных организациях. Однако эти ограничения не отменяют суверенитет, а лишь модифицируют его, придавая ему правовую форму, соответствующую реалиям международного сообщества[5].

Учитывая это следует констатировать наличие международной правосубъектности государства, которая проявляется в следующим аспектах.

Во-первых, государство обладает договорной правоспособностью — оно вправе заключать международные договоры, вступать в международные организации, ратифицировать принимаемые международные правовые акты.

Во-вторых, государство имеет юрисдикционный иммунитет – принцип, согласно которому государство не подчиняется органам власти других государств, что отражает равенство всех государств как суверенных субъектов международного права[6].

В-третьих, государство обладает деликтоспособностью в международном праве, что означает его ответственность за свои деяния в международные правоотношениях, включая нарушение территориальной целостности, агрессию или неисполнение обязательств[7].

Следует подчеркнуть, что международная правосубъектность государства тесно связана с его внутренней правосубъектностью. Государство, признаваемое носителем верховной власти внутри страны, тем самым получает юридическую способность представлять свои интересы и во внешних отношениях. Однако современная международная система предъявляет дополнительные требования к содержанию этой правосубъектности. В частности, государство обязано уважать права человека, установленные международными нормами, добросовестно выполнять свои обязательства в соответствии с международными соглашениями, а также соблюдать нормы о международном гуманитарном праве.

Заключение. Таким образом, государство представляет собой особый субъект права, обладающий внутренней и внешней правосубъектностью, основанной на принципе суверенитета. Внутри страны государство выступает носителем публичной власти, обеспечивающим верховенство закона и организацию правового порядка, а во внешней сфере является самостоятельным участником международных отношений, наделенным правом заключать договоры и нести ответственность за их исполнение. Современное развитие правовых систем демонстрирует тенденцию к ограничению абсолютного характера государственного суверенитета посредством международно-правовых норм, что свидетельствует о переходе от изолированного к кооперативному типу взаимодействия государств в правовой сфере.

1. Кошокова, Г. Ж. Актуальные проблемы определения правосубъектности в теории права / Г. Ж. Кошокова // Актуальные научные исследования в современном мире. 2020. № 8-6(64). С. 48-52.

2. Кузнецова Е.В. Признаки государства // Столыпинский вестник. 2022. С. 1680-1688.

3. Мартынов А.А. Право государственной собственности Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. №11 (227). С. 375-377.

4. Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. 2020. №3. С. 1-12.
5. Атабекова Н.К. Суверенитет как основа обеспечения конституционных прав и свобод человека // LexRussica. 2024. №8 (213). С. 43-53.
6. Бекирова Ф. С. Иммунитет государства в международном праве и его особенности // Альманах «Крым». 2023. №37. С. 58-61.
7. Гаджи М.Б. К вопросу о международно-правовой ответственности государств // Закон и право. 2022. №2. С. 208-210.

КОНСУЛЬТАТИВНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ОТ 1951 ГОДА

Гайдукова Д.М.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Барышев В.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Геноцид, преступление, конвенция, заключение, резолюция.
Keywords. Genocide, crime, convention, conclusion, resolution.

В современном международном праве важное место занимает принцип обеспечения прав и основных свобод человека, важнейшим из которых является право на жизнь. К числу преступлений, покушающихся на данное право, относится геноцид. Его правовое закрепление осуществляется как на национальном, так и на международном уровне. Сегодня для регулирования преступлений геноцида на национальном уровне немаловажно учитывать оговорки, выносимые государствами в отношении Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года.

В этой работе будет проведено детальное изучение особенностей вынесения и действия оговорок, касающихся Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года.

Материал и методы. Материалом выступают Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 16 ноября 1950 года, Консультативное заключение Международного суда от 1951 года.

Для достижения поставленной цели, как основные методы использовались общенаучные методы познания (анализ, синтез, диалектический), а также частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, правовой аналогии и др.).

Результаты и их обсуждение. «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (далее - Конвенция) вступила в силу 12 января 1951 года» [1]. Сразу же после ее создания стал вопрос о выносимых государствами оговорках в отношении многосторонних конвенций.

Поэтому 16 ноября 1950 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, в которой обращалась к Международному суду, с целью разрешения споров, возникших из-за возражений некоторых государств против некоторых оговорок к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него:

«1. Может ли государство сделавшее оговорку, считаться участником Конвенции, сохраняя при этом свою оговорку, если против оговорки возражает одна или несколько сторон Конвенции, но не другие?

2. Если ответ на вопрос I утвердительный, то каковы последствия оговорки в отношениях между государством, делающим оговорку, и: (a) стороны, которые возражают против оговорки? (б) Те, которые принимают это?

3. Каковы будут юридические последствия в отношении ответа на вопрос I, если будет сделано возражение против оговорки: a) подписавшей стороной, которая еще не ратифицировала? b) государством, имеющим право подписать или присоединиться, но которое еще не сделало этого?» [2].

Еще в период создания проекта данной Конвенции было решено не включать специальную статью об оговорках. В тоже время, Генеральный секретарь в комментариях

к Конвенции отмечал, что «оговоркам общего характера не место в конвенции такого рода, которая не касается частные интересы государства, но с сохранением элемента международного порядка; что возможно, в ходе обсуждения в Генеральной Ассамблее можно будет допустить некоторые ограниченные оговорки». Несмотря на это при обсуждении оговорок на заседаниях, предшествующих принятию Конвенции, ряд делегатов заявил о том, что их правительства могут подписать или ратифицировать Конвенцию только с определенными оговорками.

Более того, возможность делать оговорки к Конвенции имплицитно допускается Генеральной Ассамблеей, исходя из сути первого вопроса. Следовательно, перед судом стояла задача определить, какие оговорки могут быть сделаны, какие возражения против них могут быть приняты.

Так, рассуждая, при вынесении решения по первому вопросу, были учтены следующие факты: важность учета цели Конвенции (осуждение и наказание геноцида как «преступления по международному праву», включая отрицание права на существования различных человеческих групп – гуманитарная цель); ее принципов; универсального характера Конвенции (как осуждения геноцида, так и сотрудничества, необходимого «для того, чтобы освободить человечество от такого отвратительного бедствия»); общего интереса создания Конвенции. Исходя, их всего перечисленного, можно понять, что преследовалась идея включения как можно большего количества государств в регулирование вопросов геноцида. Поэтому исключение из Конвенции одного или нескольких государств не только ограничило бы сферу ее применения, но и умалило бы авторитет моральных и гуманитарных принципов, которые являются ее основой.

Учитывая все, выше указанное, Международный суд большинством голосов (7 против 5 голосов) вынес следующее решение по первому вопросу Генеральной Ассамблеи: «государство, сделавшее и поддерживающее оговорку, против которой возражали одна или несколько сторон Конвенции, но не другие, может рассматриваться как участник Конвенции, если оговорка совместима с объектом и целью Конвенции; в противном случае это государство не может рассматриваться как участник Конвенции» [3].

Вынося решение на второй вопрос, Международный суд, учитывал факты, касающиеся первого вопроса, а также то, что каждое государство-участник конвенции вправе оценить действительность оговорки для себя; что ни одно государство-участник не может быть связано оговоркой, на которую не дало своего согласия; что ни одно государство-участник, принимая оговорки, будет четко исходить из желания сохранить неприкосновенность объекта Конвенции. Также отмечается, что, в случаи возникновения споров между участниками по поводу соответствия оговорок цели Конвенции, он будет регулироваться или путем соглашения, или путем процедуры, изложенной в ст.9 конвенции.

Исходя из этого, Международный суд большинством голосов (7 против 5 голосов)вынес следующую норму, касающуюся второго вопроса: «(a) если сторона Конвенции возражает против оговорки, которую она считает несовместимой с объекта и цели Конвенции, он может фактически считать, что государство, сделавшее оговорку, не является участником Конвенции; b) что если, с другой стороны, сторона признает оговорку как совместимую с объектом и целью Конвенции, она может фактически считать, что государство, сделавшее оговорку, является участником Конвенции» [3].

При обсуждении третьего вопроса суд учитывал факты, касающиеся первого вопроса, а также следующие особенности: учет данных государств не только при отрицательном ответе на первый вопрос, но и в любом случае; учет права государств, указанным в части a и в части b, стать участниками Конвенции, а также в силу этого права возражать против оговорок таким же образом, как и любое государство, являющееся участником Конвенции, с полной юридической силой. Однако закрепляется, что до тех пор, пока эта ратификация не будет произведена, возражение подписавшего государства не может иметь немедленной юридической силы в отношении государства, сделавшего оговорку. Это просто выразило бы и провозгласило бы конечную позицию подписавшего государства, когда оно станет участником Конвенции. Таким образом, юридический интерес подписавшего государства в возражении против оговорки был бы полностью гарантирован.

Исходя из этого, Международный суд большинством голосов (7 из 5 голосов) вынес следующее решение по третьему вопросу: «(a) что возражение против оговорки, сделанное подписавшим государством, которое еще не ратифицировало Конвенцию, может иметь юридические последствия, указанные в ответе на вопрос I, только после ратификации. До этого момента это просто служит уведомлением для другого государства о возможной позиции подписавшего государства; b) что возражение против оговорки, сделанное государством, которое имеет право подписать или присоединиться, но которое еще не сделало этого, не имеет юридической силы» [3].

Заключение. Современное международное право, благодаря широкому участию государств в многосторонних конвенциях, стало более гибким: сегодня признается общее обращение к оговоркам, возможно молчаливое согласие с оговорками и многое другое. Оговорки связанные с Конвенцией допускаются лишь в том случаи, когда они не противоречат ее объекту и цели; при этом за государствами-участниками остается права самостоятельно определять данное соответствие, исходя из принятого решения, считать или не считать государство, принявшее такую оговорку, участником Конвенции. Помимо этого, Международный суд постановил, что возражения против оговорок могут являться действительными только после определенных юридически значимых действий.

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] : [Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml – Дата доступа: 13.10.2025

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : [Принята 16 ноября 1950 года] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/5/docs/5res.shtml – Дата доступа: 13.10.2025

3. Консультативное заключение Международного Суда от 1951 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://legal.un.org/icjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf – Дата доступа: 13.10.2025

РОЛЬ КОМПЕТЕНТНОСТИ ГРАЖДАН В ФИНАНСОВЫХ ВОПРОСАХ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Гилемханова И.И.,
студент 1 курса Казанского (Приволжского) Федерального Университета,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Научный руководитель – Семенова А.Л., ст. преподаватель

Ключевые слова. Финансовая грамотность, устойчивое развитие, экономический рост, финансовая стабильность, экономическая политика.

Keywords. Financial literacy, sustainable development, economic growth, financial stability, economic policy.

Актуальность исследования определяется растущей значимостью финансовой компетентности в условиях цифровизации. Повышение финансовой грамотности населения выступает ключевым фактором экономической стабильности и социальной защищенности. Для России это особенно важно, поскольку уровень финансовых знаний напрямую влияет на устойчивость национальной экономики. Изучение факторов, определяющих финансовую компетентность, необходимо для разработки эффективной государственной политики и образовательных программ.

Цель исследования – определить основные направления развития финансовой компетентности в России, оценить ее влияние на экономическое развитие и предложить рекомендации по повышению уровня финансовых знаний и навыков граждан с учетом региональных особенностей и современных вызовов.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили официальная статистика (Банк России, Росстат) по ключевым показателям финансовой грамотности и нормативная база (Стратегия до 2030 года, региональные программы). В исследовании применяются следующие методы: сравнительно-исторический метод применяется

для сопоставления уровней финансовой грамотности в различных регионах России. Статистико-социологический метод используется для количественной оценки индекса финансовой грамотности населения, анализа его компонентов и выявления взаимосвязи между уровнем компетентности и социально-демографическими факторами. Сравнительно-сопоставительный метод применяется для анализа эффективности государственных стратегий развития финансовой компетентности в России.

Результаты и их обсуждения. Проведенное исследование показало, что финансовая компетентность граждан является ключевым фактором экономической стабильности и устойчивого развития страны. Установлено, что, несмотря на общий рост индекса финансовой грамотности, сохраняется значительная региональная неравномерность в уровне знаний населения. Высокий уровень компетентности способствует росту накоплений и снижению долговой нагрузки, что укрепляет макроэкономическую устойчивость. Применение сравнительно-сопоставительного метода подчеркнуло необходимость усиления государственных и региональных программ финансового образования для достижения целей экономической политики.

Финансовая компетентность – ключевой элемент стабильного развития экономики, позволяющий гражданам грамотно управлять деньгами и принимать обоснованные решения. В условиях глобализации и цифровизации она становится все важнее для государственной политики. Высокий уровень финансовых знаний способствует материальному благополучию, снижению задолженности и преступности в сфере финансов, что укрепляет экономическую стабильность страны. Основные показатели уровня финансовой компетентности в России. Индекс финансовой грамотности в этом году составил 55 из 100, благодаря улучшению теоретических знаний и практических навыков, что расширяет число финансово грамотных граждан. Однако уровень и его распределение значительно различаются по возрасту, образованию, доходам и регионам.

Значительные сдвиги в оценках за период измерений:

У граждан расширились знания финансовых основ: они лучше понимают механизмы инфляции, принципы диверсификации активов, взаимосвязь риска и доходности, а также растет доля тех, кто сравнивает предложения, ведет бюджет и формирует сбережения "на черный день", повышая свою финансовую устойчивость. Компетентность в финансовых вопросах объединяет систему знаний, практических умений и убеждений, которые позволяют индивидам делать обоснованный выбор при управлении личным капиталом.

Основы финансовой компетентности:

Учет и контроль расходов–отслеживание денежных потоков для предотвращения непредвиденных трат.

Финансовое планирование – рациональное распределение доходов между текущими нуждами и накоплениями.

Накопление и инвестиции – понимание принципов вложения средств в акции, облигации, недвижимость и другие активы.

Ответственное кредитование – знание условий займов и грамотное управление долговыми обязательствами. Недостаточная финансовая грамотность негативно влияет на макроэкономику. В российских регионах программы по ее повышению, поддерживаемые государством, реализуются неравномерно. Их положительный эффект, несмотря на скромные глобальные показатели, подтверждается снижением числа экономических правонарушений в 2016–2019 гг.

Финансовая компетентность как фактор экономического развития.

Устойчивое экономическое развитие требует ответственного использования ресурсов. Финансовая грамотность населения напрямую способствует этому через:

Рост накоплений – увеличивает объем инвестиций в экономику.

Снижение долговой нагрузки–укрепляет стабильность банковской системы.

Рациональное потребление – способствует сбалансированному использованию финансовых ресурсов.

Развитие финансовых рынков–грамотные инвесторы стимулируют разнообразие финансовых инструментов.

Опыт Германии и скандинавских стран подтверждает: системное обучение финансовой грамотности (в школах и для взрослых) формирует высокую культуру сбережений, ответственное кредитование и развитые финансовые рынки.

Государственная политика по развитию финансовой компетентности. Ключевая цель государственной стратегии сформировать финансовую культуру у большинства россиян к 2030 году для повышения личного и общественного благосостояния. Это включает освоение теоретических знаний и практических навыков управления финансами. Особая роль отводится формированию ответственного отношения граждан к государственным финансам. Для этого необходимо повышать осведомленность о значении бюджета.

Заключение. Финансовая компетентность – ключевой фактор экономической стабильности. Она позволяет гражданам рационально управлять финансами, укрепляя экономику страны. Инвестиции в эту сферу обеспечивают долгосрочную устойчивость, а для эффективной реализации программ необходимо партнерство между государством, бизнесом и обществом.

1. Исследование уровня финансовой грамотности россиян в 2022–2023 годах [Электронный ресурс] // Центральный банк Российской Федерации. – URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/research/fin_ed_5/ (дата обращения: 05.10.2025).

2. Финансовая грамотность: как научиться управлять деньгами [Электронный ресурс] // FITConsulting. – URL: https://fitconsulting.ru/blog/tpost/3nexv9nrt1-finansovaya-gramotnost-kak-nauchitsya-up (дата обращения: 05.07.2024).

3. Пост сообщества «Финансовая грамотность | Фин ЗОЖ | Инвестиции» от 28 июня2024г. [Электронный ресурс] // Социальная сеть «В Контакте». – URL: https://vk.com/wall-217532460_335 (дата обращения: 07.10.2025).

4. РаспоряжениеПравительстваРоссийскойФедерацииот24.10.2023№2958-р «Об утверждении стратегии повышения финансовой грамотности и формированияфинансовойкультурыдо2030года» [Электронный ресурс]// Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=304737-rasporyazhenie_pravitelstva_rossiiskoi_federatsii_ot_24.10.20232958-r_ob_utverzhdenii_strategii_povysheniya_finansovoi_gramotnosti_i_formirovaniya_finansovoi_kultury_do_2030_goda (дата обращения: 16.10.2025).

5. К Ню Ичэнь, Хо Инси ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №11-3 (117). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/finansovaya-gramotnost-naseleniya-i-eyo-vliyanie-na-ustoychivoe-razvitie-ekonomiki (дата обращения: 23.10.2025).

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Гейц М.В., Щетинина К.И.,
студенты 2 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Республики Беларусь
Научный руководитель – Тогулева А.С., ассистент кафедры

Ключевые слова. Наглядное моделирование, метод обучения искусственный интеллект, государственное управление, цифровизация, интеллектуализация, правовое регулирование.

Keywords. Visual modeling, teaching method artificial intelligence, public administration, digitalization, intellectualization, legal regulation.

В Республике Беларусь исследования в области искусственного интеллекта (далее – ИИ) проводятся постоянно в рамках государственных программ, охватывающих различные отрасли – от медицины до машиностроения [1]. Актуальность темы определяется необходимостью перехода к новому этапу цифрового развития, где ИИ становится инструментом оптимизации государственного управления и повышения его эффективности.

Теоретические основы применения технологий ИИ в системе государственного управления опираются на концепцию трансформационно-опережающего управления, разработанную Ф. И. Храмцовой [2, с. 127]. Эта концепция предполагает способность государства не только реагировать на вызовы, но и предвосхищать их, обеспечивая устойчивость политико-правовой системы, экономическую безопасность и технологический суверенитет. В данном контексте ИИ рассматривается как ключевой элемент реализации принципа опережающего реагирования, способный повышать результативность административных процессов и качество принимаемых управленческих решений.

Целью исследования является анализ возможностей и правовых основ внедрения технологий ИИ в деятельность исполнительных органов, а также определение направлений формирования эффективного правового регулирования в этой сфере.

Материал и методы. Исследование основано на анализе Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы и Модельного закона «Об искусственном интеллекте», принятого Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ. В рамках постановления Совета Министров «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» предусмотрено создание современной информационно-коммуникационной инфраструктуры и цифровых платформ. Методологическую основу составляют системно-аналитический и сравнительно-правовой подходы, позволяющие выявить взаимосвязь между процессами цифровизации и интеллектуализации управления.

Результаты и их обсуждение. Цифровизация государственного управления закономерно эволюционирует в стадию интеллектуализации – перехода от автоматизации к созданию адаптивных систем, основанных на алгоритмах машинного обучения и обработке больших данных. Если цифровизация была направлена преимущественно на повышение скорости и удобства информационного обмена, то интеллектуализация ориентируется на развитие когнитивных функций системы – самообучение, прогнозирование и принятие вариативных решений на основе аналитики. Таким образом, ИИ становится системообразующим элементом современного государственного управления.

С теоретической точки зрения ИИ определяется как способность технологической системы имитировать и генерировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма. Важным направлением развития ИИ является создание информационных систем, способных воспринимать естественно-языковые команды, выполнять логические выводы и накапливать знания, что позволяет формировать управленческие решения, сопоставимые по качеству с решениями экспертов-человеков.

Постановления Совета Министров «О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» от 2 февраля 2021 № 66 предусматривает развитие инфраструктуры, способствующей применению ИИ в исполнительных органах [3]. В частности, указана необходимость «развития и популяризации государственной системы оказания электронных услуг» и «создания и масштабирования технологий Индустрия 4.0 и умный город». Это создаёт основу для использования ИИ в автоматизации процессов, аналитической обработке данных и принятии решений.

Кроме того, в Программе обозначено направление «информационно-аналитическое и организационно-техническое сопровождение цифрового развития», что открывает возможности для применения ИИ в мониторинге, прогнозировании и управленческом анализе. В контексте развития «умных городов» исполнительные органы могут использовать ИИ для оптимизации документооборота, управления ресурсами и повышения межведомственного взаимодействия. Программа подчёркивает создание «типовой цифровой платформы Умный город (регион)» как одного из ключевых проектов.

Несмотря на стратегическую направленность Беларуси на цифровую трансформацию, правовое регулирование в сфере ИИ остаётся недостаточно развитым. Отсутствует чёткий юридический статус ИИ и определённость ответственности за его применение. Программа задаёт общие направления цифровизации – развитие электронного правительства, «умных городов» и использование информационно-коммуникационные технологии для повышения качества услуг [3], однако конкретные правовые механизмы регулирования систем ИИ пока не предусмотрены.

Модельный закон «Об искусственном интеллекте», разработанный Национальной академией наук Беларуси, предлагает комплексное регулирование на всех стадиях жизненного цикла технологий – от исследований до эксплуатации. В статье 1 модельного закона закреплён принцип защиты конституционных прав граждан и общественных интересов [4]. Однако документ пока не имплементирован в национальную систему, что сохраняет неопределённость в вопросах ответственности и правового статуса операторов и пользователей систем ИИ.

Особое внимание в Модельном законе уделяется вопросам защиты персональных данных, определяемой как совокупность правовых, организационных и технических мер по предотвращению несанкционированного доступа и неправомерного использования информации, что закрепляятся в статья 2 [4]. В то же время белорусское законодательство не содержит специального механизма регулирования обработки данных системами ИИ, что затрудняет реализацию принципа цифрового доверия, закреплённого в Государственной программе [3].

Среди ключевых рисков также выделяются угрозы кибербезопасности, этические и антикоррупционные аспекты, возможность появления дискриминационных алгоритмов. Как отмечают Р. Е. Сальниченко и Л. К. Бабаян, для минимизации подобных рисков необходимы принципы алгоритмической подотчётности и объяснимости решений ИИ [5, с 17]. Отсутствие таких механизмов осложняет контроль за справедливостью распределения государственных ресурсов и снижает прозрачность управленческих решений.

Заключение. Внедрение ИИ в систему государственного управления Беларуси является закономерным этапом формирования цифрового государства и важным инструментом реализации концепции трансформационно-опережающего управления. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» формирует базу для интеграции ИИ в деятельность исполнительных органов, однако нормативное регулирование в этой сфере остаётся неполным.

Модельный закон СНГ «Об искусственном интеллекте» [4] создаёт предпосылки для формирования единой правовой модели регулирования, основанной на принципах прозрачности, подотчётности и этичности использования ИИ. Его имплементация в национальное законодательство позволит устранить неопределённость юридического статуса ИИ, закрепить механизмы ответственности и обеспечить защиту прав граждан.

Реализация положений Государственной программы и Модельного закона создаст правовую основу для безопасного и ответственного использования ИИ в публичном управлении, обеспечит баланс между инновационным развитием и защитой прав граждан, повысит качество административных решений и эффективность деятельности исполнительных органов Республики Беларусь.

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/june/88987/ (дата обращения: 02.11.2025).

2. Храмцова Ф. И. Трансформационно-опережающее государственное управление как фактор национальной безопасности / Ф. И. Храмцова, М. С. Шибут // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 1-4(100). – С. 127-135.

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 : в ред. от 16 августа 2025 г. № 440 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.11.2025).

4. О технологиях искусственного интеллекта : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2025 г. № 58-8 // Объединенный институт проблем информатики Национальной академии наук Беларуси. – URL: https://uiip.basnet.by/doc/pdf/model_law.pdf (дата обращения: 06.11.2025).

5. Нейротехнологии и искусственный интеллект в государственном управлении: практика применения и возможные пути развития / Сальниченко Р. Е., Бабаян Л. К. // Управленческие науки. – 2024. – Т. 14, №. 2. – С. 6-22.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Гулер Е.А.[1], Волков А.В.[2],
[1]студентка 2 курса, [2]ст. преподаватель ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова. Пожизненное лишение свободы, правовое регулирование, практика применения, исключительная мера наказания, пенитенциарная система.

Keywords. Life imprisonment, legal regulation, application practice, exceptional punishment, penitentiary system.

Пожизненное лишение свободы – одно из наиболее суровых уголовных наказаний, вызывающее дискуссии между требованиями общественной безопасности, справедливости и принципами гуманизма. В этом контексте, особый интерес представляет практика

его применения в Республике Беларусь. Это обуславливает необходимость анализа действующего законодательства и сложившейся правоприменительной практики, а также перспектив их совершенствования и развития в рамках национальной правовой системы. Цель исследования – комплексный анализ института пожизненного лишения свободы в законодательной и правоприменительной практике Республики Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужило законодательство Республики Беларусь, регулирующее пожизненное лишение свободы, а также труды белорусских исследователей. Основные методы – формально-юридический, историко-правовой, системный и статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Институт лишения свободы, заменивший месть и ставший инструментом государственной карательной политики, появился в середине XVI века. Его систематическое применение, включая пожизненное, развивалось с Средневековья, во многом благодаря церкви, которая, помимо методов изоляции, гуманизировала подходы, рассматривая пожизненное заключение в обителях как высшее милосердие. Государство переняло этот институт, используя труд заключенных для выгоды. В буржуазном обществе лишение свободы стало основным наказанием, а гуманистические идеи Просвещения (XVII-XVIII вв.) способствовали формированию прогрессивных пенитенциарных систем [1]. На белорусских землях XVIII век был ключевым периодом трансформации института лишения свободы: от прямого «вечного» заключения по Литовскому Статуту 1588 года (за тяжкие преступления) до каторги и бессрочной ссылки после присоединения к Российской империи. Эти новые формы фактически являлись пожизненной изоляцией с принудительным трудом, сопровождались появлением специализированных учреждений (тюрьмы, работные дома) и заложили основу современной пенитенциарной системы. [2]

Наказание в виде пожизненного заключения свободы впервые в белорусском уголовном законодательстве появилось в 1997 году: статья 22-1 в УК 1960 года была введена Законом от 31 декабря 1997 года. На данный момент наказание в виде пожизненного лишения свободы закреплено в статье 58 УК РБ. В части 1 статьи 58 законодатель установил основополагающие требования к закреплению этого вида наказания как исключительной меры: это альтернатива смертной казни, применение которой допускается за преступления, предусмотренные частью 2 статьи 124, частью 3 статьи 126, частью 3 статьи 289, частью 2 статьи 356 и частью 2 статьи 359 Уголовного Кодекса, либо за преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах. [3]

Белорусский уголовный закон устанавливает ряд ограничений в применении пожизненного лишения свободы как исключительного вида наказания. Пожизненное лишение свободы не может быть назначено: 1) лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет; 2) женщинам; 3) мужчинам, достигшим ко дню постановления приговора шестидесяти пяти лет (часть 2 статьи 58 УК). Применительно к последнему случаю законодатель считает, что пожизненное лишение свободы не может назначаться лицу, достигшему указанного возраста именно ко дню постановления приговора, независимо от его возраста на момент совершения преступного посягательства. Если лицо совершило преступление в 60 лет, а обвинительный приговор постановляется судом спустя восемь лет, то наказание в виде пожизненного лишения свободы не может быть назначено.

Осужденные к пожизненному лишению свободы отбывают наказание в исправительной колонии особого режима или в тюрьме (часть 3 статьи 58 УК). Часть 4 Уголовного Кодекса устанавливает исключительный механизм пересмотра приговора к пожизненному лишению свободы: по отбытии двадцати лет лицом, осужденным к пожизненному лишению свободы, либо лицом, которому смертная казнь в порядке помилования заменена пожизненным лишением свободы, суд, учитывая поведение осужденного, состояние его здоровья или возраст, может заменить дальнейшее отбывание пожизненного лишения свободы лишением свободы на определенный срок, но не свыше пяти лет.

Также в законодательстве Республики Беларусь закреплено, что в качестве исключительной меры наказания допускается применение смертной казни, что отражено в статье 59 Уголовного кодекса. Данная мера применяется за преступления, предусмотренные частью 2 статьи 124, частью 3 статьи 126, частью 3 статьи 289, частью 2 статьи 356 и частью 2 статьи 359 Уголовного Кодекса, либо за сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах некоторые иные особо тяжкие преступления. [4]

В контексте назначения пожизненного лишения свободы, являющегося одной из самых строгих мер наказания, существует значительная проблема, связанная с его разграничением, например, с такой исключительной мерой, как смертная казнь. [5]

Пожизненное заключение, как правило, применяется за особо тяжкие преступления, в первую очередь, связанные с умышленным лишением жизни. Однако, даже в этой категории преступлений существует значительная вариативность в степени общественной опасности и обстоятельствах совершения.

Отсутствие четких разграничений приводит к тому, что решение о назначении пожизненного срока во многом перекладывается на субъективное усмотрение судьи. Это, в свою очередь, может порождать неоднородность судебной практики, когда за преступления, схожие по своей сути и общественной опасности, выносятся различные по строгости приговоры. Такая ситуация вызывает обоснованные вопросы о справедливости назначения пожизненного лишения свободы, поскольку оно может назначаться за деяния, не всегда сопоставимые по своей общественной опасности. [6]

Заключение. Проведенный анализ правового регулирования пожизненного лишения свободы в Республике Беларусь демонстрирует, что данное наказание рассматривается законодателем в качестве исключительной меры, альтернативной смертной казни. Законодательство устанавливает четкие ограничения по кругу лиц, которым может быть назначено пожизненное лишение свободы, а также предусматривает исключительный механизм пересмотра приговора через 20 лет отбывания наказания с возможностью замены его на срочное лишение свободы.

Однако, несмотря на формальную регламентацию, практика применения пожизненного лишения свободы сталкивается с рядом проблем, связанных с его дифференциацией.

Во-первых, ключевой проблемой является недостаточная четкость критериев разграничения между пожизненным лишением свободы и смертной казнью, а также между пожизненным и длительным срочным лишением свободы.

Во-вторых, отсутствие четких законодательных разграничений приводит к усилению субъективизма при назначении пожизненного срока. Решение о применении этой исключительной меры во многом зависит от индивидуального усмотрения судьи, что, в свою очередь, порождает неоднородность судебной практики.

Таким образом, для обеспечения единообразия судебной практики и укрепления принципов справедливости уголовного правосудия в Республике Беларусь требуется дальнейшее совершенствование правового регулирования, направленное на конкретизацию критериев назначения пожизненного лишения свободы и минимизацию оценочного характера норм, регулирующих выбор между этой мерой, смертной казнью и длительным срочным заключением.

1. Анфиногенов, В. А. Исторические предпосылки появления наказания в виде лишения свободы / А. В. Анфиногенов // Пробелы в российском законодательстве. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-predposylki-poyavleniya-nakazaniya-v-vide-lisheniya-svobody (дата обращения: 03.11.2025).

2. Бурый, В. Е. Развитие института отбывания наказания в виде лишения свободы на территории белорусских земель в XYIII веке / В, Е, Бурый // Человек: преступление и наказание. 2023. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-instituta-otbyvaniya-nakazaniya-v-vide-lisheniya-svobody-na-territorii-belorusskih-zemel-v-xviii-veke (дата обращение 04.11. 2025)

3. Шидловский, А.В. Пожизненное лишение свободы в законодательной и правоприменительной практике Беларуси / А.В. Шидловский. – URL: DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).292-302. – EDN TPDOKL // Академический юридический журнал. – 2024. – Т. 25, № 2. – С. 292–302. (дата обращения: 05.11.2025).

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: Одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : В ред. Закона Респ. Беларусь от 20.07.2006 г. / Консультант плюс: Беларусь [Электрон. ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. - Минск, 2008. (дата обращения 07.11.2025)

5. Игнатькова, К. Н. К вопросу о смертной казни в современном обществе / К. Н. Игнатькова // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов III Международной научно-практической конференции (Могилев, 20 марта 2015 года): в 2-х ч. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редкол.: Ю. П. Шкаплеров (отв. ред.) [и др.]. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2015. – Ч. 1. – С. 117–120. (дата обращения 07.11.2025)

6. Латышева, Л. А. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы / Л. А. Латышева // Актуальные вопросы криминологии, исполнения наказаний и иных мер уголовной ответственности: междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 19 апр. 2019 г.): тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Ананич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 64–67. (дата обращения 08.11.2025)

ЗАЩИТА АВТОРСКИХ ПРАВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Добыш М.Д.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Интеллектуальная собственность, авторское право, интернет-пиратство, Блокчейн, защита авторских прав.

Keywords. Intellectual property, copyright, online piracy, Blockchain, copyright protection.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что современная эпоха характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, что привело к парадигмальному сдвигу в создании, распространении и потреблении результатов интеллектуальной деятельности. Цифровая среда, предоставляя неограниченные возможности для творчества и глобального обмена информацией, одновременно стала средой для массовых нарушений авторских прав. Несанкционированное копирование, распространение, модификация и публичное использование произведений литературы, науки, искусства, музыкальных композиций, программного обеспечения и аудиовизуальных продуктов приобрели масштабы глобальной проблемы. Экономические потери правообладателей исчисляются миллиардами долларов ежегодно, что подрывает интерес для творческой и научной деятельности. Более того, девальвируется сама ценность интеллектуального труда, создаются несправедливые конкурентные условия, а у авторов отсутствует уверенность в защите своих законных интересов.

Цель исследования: проанализировать способы защиты авторских прав, выявить недостатки и предложить механизм дополнительной защиты авторских прав в цифровой среде.

Материал и методы исследования: материалом для исследования явились исследования в области интернет-пиратства, а также в области технологии «Блокчейн», методологическую основу исследования составляют такие методы, как правовой анализ, синтез, моделирование.

Результаты и их обсуждение. Цифровая эпоха, безусловно, сделала нашу жизнь намного проще. Для творческих людей цифровая среда – это безграничный простор для распространения и продвижения своих произведений. Однако, к сожалению, благодаря цифровой сети, авторы, владельцы прав на свои произведения, все чаще и чаще сталкиваются с проблемой нарушение авторских прав, или по-другому – с «пиратством».

Интернет-пиратство – это использование интернета для незаконного копирования, взлома и (или) распространения видео- и аудиоконтента, литературных произведений, программного обеспечения и других видов информационной продукции, размещаемой в сети интернет.[1] В случае интернет-пиратства наиболее частыми предметами противоправного посягательства становятся компьютерные программы, музыкальные произведения, фотографические произведения, произведения графики.

В Республике Беларусь авторские права охраняются не только нормами гражданского законодательства, но также и нормами административного и уголовного права. Так, в соответствии со ст. 10.15 КоАП: «Незаконное распространение или иное незаконное

использование объектов интеллектуальной собственности влекут наложение штрафа в размере от десяти до тридцати базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации; на индивидуального предпринимателя – от пятидесяти до ста базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации, а на юридическое лицо – от ста до трехсот базовых величин с конфискацией предмета административного правонарушения независимо от того, в чьей собственности он находится, или без конфискации.»[2] В случае повторного нарушения в течении года с момента наложения административного взыскания предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со ст. 201 УК, согласно которой максимальная санкция может быть применена в виде лишения свободы сроком до 5 лет.[3]

Возникающие гражданско-правовые споры, связанные с нарушением авторских прав, рассматриваются судебной коллегией по интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь по искам правообладателей, что указывает на особое значение, которое имеют вопросы, связанные с защитой нарушенных прав авторов.

Следует отметить, что в Республике Беларусь на государственном уровне проблемам защиты прав авторов уделяется особое внимание. Так непосредственную охрану прав на объекты интеллектуальной собственности и выполнение определенных законодательством функций обеспечивает государственное учреждение «Национальный центр интеллектуальной собственности» (НЦИС). Задачами НЦИС, в частности, являются осуществление контроля за соблюдением законодательства в области охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, а также обеспечение охраны прав на объекты интеллектуальной собственности.

Однако, не стоит исключать и латентный характер проблемы нарушения авторских прав, так как автор, а также контролирующие органы, могут и не знать о том, что права автора нарушены и, следовательно, не могут своевременно отреагировать на нарушение. Для решения данной проблемы предлагается создать механизм, который будет автоматически отслеживать и фиксировать транзакции с цифровыми версиями произведений.

Предлагаемый механизм представляет собой международную платформу на основе блокчейна. Суть технологии блокчейн – децентрализованная система хранения информации, непозволяющая вносить корректировки в уже зафиксированные данные [4]. Открытый доступ к верифицируемым записям сочетается с хранением произведений в зашифрованном виде в децентрализованном хранилище, что обеспечивает сохранность и неизменность контента. Ключевым элементом выступают смарт-контракты. Блокчейн в данном случае является передовой формой документирования, создающей доверенную цифровую запись.

Работа механизма включает три этапа. На этапе фиксации правообладания автор загружает произведение в систему. Система вычисляет уникальный криптографический хэш файла и фиксирует в блокчейне транзакцию с хэшем, меткой времени, данными правообладателя и условиями использования через смарт-контракт. Это действие создает доказательство существования произведения в объективной форме на определенный момент времени.

На этапе распоряжения правами смарт-контракт автоматизирует лицензирование. Это значит, что при оплате смарт-контракт автоматически генерирует лицензионное соглашение, фиксируемое в блокчейне, и предоставляет доступ к файлу. Все действия фиксируются в реестре, создавая прозрачную историю использования. В случае нарушения правообладатель может представить записи из блокчейна в суд как письменные доказательства.

На этапе защиты прав при обнаружении контрафакта правообладатель предоставляет выписку из системы с хэшем и меткой времени, доказывающую приоритет его прав. Это упрощает доказывание, исключая необходимость сложных экспертиз.

Заключение. Цифровая среда должна служить во благо людям, а не в ущерб им. В условиях ее развития нам также нужно развивать меры кибер-безопасности, в том

числе в целях защиты интеллектуальной собственности. Таким образом, блокчейн-платформа может быть использована как дополнительный инструмент, который повышает прозрачность, обеспечивает неизменность записей и создает надежную основу для защиты авторских прав в цифровую эпоху.

1. Сурайкин, И. И., Субханов Н. Ф. Проблема “интернет-пиратства” / И. И. Сурайкин, Н. Ф. Субханов // Вопросы российской юстиции. 2020. №9. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-internet-piratstva (дата обращения: 02.11.2025).

2. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: 6 января 2021 г. № 91-З: принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г.: одобрен Советом Республики 18 декабря 2020 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН. Информ.-поисковая система (дата обращения 02.11.2025).

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Республики Беларусь от 20 октября 2025 г. № 101-З // ЭТАЛОН. Информ.-поисковая система (дата обращения 02.11.2025).

4. Мебония, М. А. Технология блокчейн. Примеры блокчейна и его применение / М. А. Мебония // Вестник науки. 2022. №12 (57). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologiya-blokcheyn-primery-blokcheyna-i-ego-primenenie (дата обращения: 03.11.2025).

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ

Донцова Д.Н., Журавлёва А.В.,
студенты 2 курса Белорусского государственного экономического университета,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Тогулева А.С., ассистент кафедры

Ключевые слова. Административное право, общественные отношения, эволюция институтов, административно-территориальное устройство, правовое регулирование.

Keywords. Administrative law, public relations, evolution of institutions, administrative-territorial structure, legal regulation.

Административное право занимает особое место в системе правового регулирования, так как является необходимым и важным инструментом управления социальными процессами в обществе. Ему свойственны определенные границы правового регулирования, охватывающие деятельность государственной исполнительной власти всех уровней, общественные отношения управленческого характера, складывающиеся в этой области, а также внутренние организационные процессы других государственных органов, связанных с управленческой функцией. Кроме того, административное право включает внешние организационные отношения негосударственных организаций, учреждений и предприятий. Оно наиболее тесно связано с государственным правом, которое является основой всех правовых отраслей, включая административное, и занимает в этой системе центральное место.

В этой связи определенный интерес вызывает изучение различных этапов становления административного права на территории белорусских земель, выявление их особенностей, что позволит прогнозировать возможные пути развития административного права в Республике Беларусь на современном этапе. Цель исследования – анализ развития административного права Беларуси в различные исторические периоды, выявление тенденций развития административного права на современном этапе.

Материал и методы. Материалом исследования послужили нормативные акты, содержащие нормы административного права, регулирующие отношения на территории белорусских земель в различные исторические эпохи, а также научные труды ученых правоведов. Основными методами исследования послужили такие общенаучные методы, как анализ, синтез, систематизация, а также конкретно исторического анализа и сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Формирование административного права как отрасли неразрывно связано с эволюцией институтов государственной власти. Его становление

представляет собой длительный исторический процесс, состоящий из нескольких четко выраженных этапов.

Земли Беларуси, такие как Виленское, Полоцкое, Витебское, Минское, Новогрудское и Брестское воеводства, являлись равноправными административными частями Великого Княжества Литовского, а не его колониями. Их правовая система базировалась на общих для государства Статутах ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., служивших главным источником административных норм [1, с. 45-50].

Основу административно-территориального деления составляли воеводства и поветы. Управление в них осуществляли назначенные лица: воевода, каштелян, поветовый маршалок, подкоморий и гродский судья [1, с. 13-14]. Ключевая роль в управлении принадлежала шляхте, которая через сеймики избирала депутатов на общегосударственный Сейм, решала местные вопросы и контролировала администрацию. Занимать государственные должности было исключительной привилегией шляхетского сословия [1, с. 18].

Крупные города – Полоцк, Витебск, Могилев, Гродно и Брест – обладали Магдебургским правом, что гарантировало им самоуправление через городской совет (магистрат), ратушу, собственный суд и хозяйственную администрацию, выводя горожан из-под юрисдикции великокняжеских чиновников. Крестьяне были полностью исключены из системы государственного управления и подчинялись администрации своих феодалов [1, с. 44]. Значительные территории Беларуси занимали великокняжеские экономии, управлявшиеся специальными администраторами, что формировало особую форму публичной власти на этих землях [1, с. 35].

Таким образом, административное право на белорусских землях в период ВКЛ представляло собой сословно-корпоративную систему, основанную на принципах шляхетской демократии и местного самоуправления. Оно эффективно регулировало отношения между центральной властью Великого князя, местной администрацией и привилегированными сословиями (шляхтой и мещанами), обеспечивая интеграцию региона в многонациональное и поликонфессиональное государство.

К началу XIX в. большая часть белорусских земель была включена в состав Российской империи. На присоединенных территориях был введен новый административно-территориальный раздел и созданы Витебская, Могилевская, Минская, Виленская и Гродненская губернии. Эти губернии были объединены в два генерал-губернаторства: Литовское (Виленская, Гродненская и Минская губернии) и Белорусское (Витебская, Могилевская и Смоленская губернии). По Тильзитскому миру 1807 г. между Францией и Россией к России отошла территория Белостокского округа, включенного затем в состав Гродненской губернии. В качестве законодательства в судебно-правовой сфере в белорусских губерниях продолжал действовать Статут Великого Княжества Литовского 1588 г. [2].

Легализация дворянского статуса местной шляхты была обусловлена необходимостью предоставления доказательств лояльности российскому престолу. Значительная часть шляхты была переведена в сословие однодворцев или государственных крестьян, что кардинально ограничило их правовой статус и участие в управленческих процессах.

Крестьянская реформа 1861 г. распространилась на регион, однако реализовывалась на менее выгодных условиях центральными губерниями России. Институт городского самоуправления, основанный на Магдебургском праве, подвергся поэтапной ликвидации с заменой на общероссийские Городовые положения 1785 и 1870 гг., существенно сужавшие муниципальную автономию.

Административная практика в белорусских губерниях характеризовалась усилением полицейско-жандармского компонента. После восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг. в регионе действовал особый режим управления с регулярным введением военного положения, что расширяло компетенцию административных и жандармских органов в сферах надзора, цензуры и противодействия «сепаратизму».

Эволюция административного права на белорусских территориях в имперский период осуществлялась через жесткую централизацию, унификацию и русификацию. Исторические институты ВКЛ подверглись полной ликвидации с заменой на общеимперскую систему управления, базировавшуюся на бюрократической иерархии и полицейском

контроле. Результатом стала принципиально новая подчиненная модель административного права, ориентированная на интеграцию региона в империю и подавление национально-политической автономии.

Следующий важный этап в истории развития административного права связан с периодом Социалистической Советской Республики Белоруссия (ССРБ), образованной 31 декабря 1918 г. После принятия 30 декабря 1922 г. Декларации об образовании Союза Советских Социалистических Республик ССРБ стали именовать как Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) [4]. Данное название было так же заявлено и в первой Конституции СССР в 1924 г. [5]. В национальном же законодательстве данное переименование официально было закреплено только с принятием в 1927 г. второй Конституции БССР [6]. ССРБ являлось унитарным государством. После восстановления республики в каждом регионе избирался местный орган власти (Совет депутатов), который организовывал соответствующую систему исполнительных органов и органов отраслевого управления. Этот принцип построения аппарата власти и управления на основе сетки административно-территориального деления действует и в настоящее время, следовательно, административно-территориальное деление находится в прямой связи с государственным устройством и должно являться таким же объектом исторических исследований, как и история государственного аппарата.

Наконец, современное развитие административного права Республики Беларусь характеризуется следующими основными положениями:

— Принятие Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях в 2021 г. (вступил в силу в 2023 г.) – ключевой пример реформирования. Он упорядочил административные процедуры, ввёл новые составы правонарушений, уточнил административную ответственность юридических лиц.

— Закон Республики Беларусь «Об основах административных процедур» 2008 г. – установил единые правила взаимодействия граждан и государственных органов, сократил сроки и количество документов для получения справок, разрешений.

— Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» – ускорил внедрение электронных административных услуг.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод, что современное развитие административного права Республики Беларусь демонстрирует целенаправленный курс на системную модернизацию и гуманизацию. Формируется новая, более эффективная и ориентированная на потребности человека модель административно-правового регулирования, большое внимание в рамках отрасли уделяется цифровизации, формированию «электронного государства».

Заключение. Таким образом, современное административное право Беларуси формировалось на протяжении многих столетий, этому свидетельствует проведенный анализ норм административного права в Статутах ВКЛ, Декларации об образовании СССР и Договоре об образовании СССР 1922 г., Конституции СССР 1923 г., Конституции БССР 1927 г. На основании тенденций, выявленных из нормативно-правовых актов, регулирующих исследуемую сферу на современном этапе, можно предположить, что в ближайшие годы административно-правовая наука будет активно работать над концептуальным обновлением отрасли. Приоритетными направлениями станут институциональное развитие отрасли, например уже не новы концепции построения электронного правительства, внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу госуправления и др., введение новых правовых категорий и точная структуризация системы административного права с учетом выделения новых подотраслей.

1. Довнар, Т.И. История государства и права Беларуси: учебное пособие / Т.И. Довнар. – Минск: Издательский центр БГУ, 2013. – 191 с.

2. Морозова, С.В. История Беларуси. Конец XVIII – начало XX в.: учебное пособие / С.В. Морозова, В.А. Сосно, С.В. Панов; под ред. С.В. Сосно. – Минск: Издательский центр БГУ, 2011.

3. Буевич, Т.В. Формирование территории БССР и ее административно-территориальное устройство в 1920-е гг. / Т. В. Буевич // Белорусский исторический обзор. – №2(7). – 2022. – С. 22-40.

4. Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик и Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик, 30 декабря 1922 г. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/285198-deklaratsiya-ob-obrazovanii-soyuza-sovetskih-sotsialisticheskih-respublik-30-dekabrya-1922-g (дата обращения: 06.11.2025).
5. Основной Закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года // Исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. – URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm (дата обращения: 04.11.2025).
6. Конституция 1927 года [Электронный ресурс] // https://pravo.by/ Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/ (дата обращения: 04.11.2025).

ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ И МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВУЗА

Доржу И.Б.,
аспирант Омского государственного университета
имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Российская Федерация
Научный руководитель – Петрова М.С., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Финансовая грамотность, студенческая молодежь, диагностика, образовательный процесс вуза, интеграционная модель, финансовое поведение.
Keywords. Financial literacy, student youth, diagnostics, university educational process, integration model, financial behavior.

Актуальность исследования обусловлена стремительным усложнением глобальной финансовой среды, характеризующейся цифровизацией экономических отношений, экспоненциальным ростом числа сложных финансовых продуктов и услуг, а также повышенными рисками деструктивного финансового поведения, особенно в молодежной среде, наиболее восприимчивой к агрессивному маркетингу и цифровым соблазнам. Студенческий период, являясь этапом перехода к самостоятельной жизни, признается ключевым для формирования устойчивых поведенческих паттернов и базовых компетенций, в значительной степени определяющих долгосрочное финансовое благополучие и социальную стабильность личности. В этой связи высшие учебные заведения выступают не просто образовательными институтами, но и важнейшими социальными акторами, несущими ответственность за системную работу по повышению финансовой культуры новых поколений, что находит свое отражение в национальных стратегиях и подчеркивается в работах ряда исследователей [1; 2; 4]. Однако, как показывает анализ существующей практики, подходы к формированию финансовой грамотности в вузах часто носят фрагментарный и несистемный характер. Целью данного исследования является комплексная диагностика текущего уровня финансовой грамотности среди студентов на примере конкретного университета и, на основе выявленных дефицитов, разработка и теоретическое обоснование практико-ориентированных моделей интеграции соответствующих знаний и навыков в образовательное пространство вуза.

Материал и методы. В качестве основного метода эмпирической диагностики уровня финансовой грамотности было использовано стандартизированное анонимное анкетирование. Разработанный опросник включал четыре тематических блока, охватывающих ключевые аспекты финансового поведения: бюджетное планирование и учет личных финансов, стратегии сбережений и инвестирования, практики кредитования и оценки долговой нагрузки, а также оценку финансовых рисков и знание механизмов защиты прав потребителей. Выборка составила 150 студентов 1-3 курсов бакалавриата Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, что обеспечило репрезентативность по курсам и охват студентов различных направлений подготовки (гуманитарных, технических и естественнонаучных). Для статистической обработки и анализа полученных количественных данных применялись методы дескриптивной статистики и корреляционный анализ. Теоретической и методологической базой для последующей разработки моделей интеграции послужили комплексный анализ современной научной литературы, а также

критическое обобщение и адаптация наиболее успешных элементов существующего отечественного и зарубежного опыта, описанного в работах ведущих специалистов [1; 2; 5].

Результаты и их обсуждение. Проведенная диагностика выявила ряд противоречивых и требующих внимания тенденций. С одной стороны, отмечается сравнительно высокий уровень осведомленности респондентов о базовых финансовых понятиях и институтах, таких как инфляция, банковский депозит или кредитная карта, что в целом согласуется с данными других исследований, фиксирующих рост информированности молодежи в этой области [6]. С другой стороны, и это представляет наибольшую проблему, наблюдается значительный, почти критический дефицит практических навыков применения этих знаний в реальных жизненных ситуациях. Так, лишь 25% респондентов систематически ведут личный бюджет, что свидетельствует о слабом развитии культуры планирования. Около 40% опрошенных признались в опыте необдуманного кредитования, преимущественно для покупки потребительских товаров, не соотнеся будущие выплаты со своими доходами. Наиболее тревожным является тот факт, что 65% студентов демонстрируют низкую осведомленность о базовых механизмах защиты прав потребителей финансовых услуг и действиях в случае конфликта с финансовой организацией. Подобный системный разрыв между теоретическими знаниями и практическими компетенциями, между финансовой информированностью и финансовой культурой, убедительно указывает на недостаточную эффективность разовых просветительских акций и лекций и подтверждает острую необходимость перехода к целостному, интегрированному подходу. Как справедливо отмечает А.В. Ломоносов, современный вуз в стратегической перспективе должен рассматриваться не только как поставщик узкопрофессиональных образовательных услуг, но и как ключевой общественный институт, формирующий человеческий капитал и такое общественное благо, как общая финансовая культура общества [3].

На основе проведенного анализа и с учетом организационных, кадровых и материальных ресурсов типичного университета были разработаны и концептуально обоснованы три ключевые, взаимодополняющие модели интеграции финансовой грамотности. Первая модель, дисциплинарная, предполагает прямое внедрение в учебные планы всех направлений подготовки непрофильных специальностей обязательной дисциплины «Основы финансовой грамотности» объемом 2-3 зачетные единицы. Альтернативным, более гибким вариантом является интеграция сквозных тематических модулей в программы уже существующих обязательных курсов гуманитарного и социального цикла, таких как «Экономика», «Право» или «Безопасность жизнедеятельности». Вторая модель, проектно-внеучебная, ориентирована на организацию постоянной практико-ориентированной деятельности, выходящей за рамки аудиторных занятий. Эта модель включает проведение регулярных кейс-чемпионатов по решению прикладных финансовых задач, деловых игр, имитирующих реальные финансовые ситуации, циклов мастер-классов и воркшопов с обязательным привлечением практикующих экспертов из финансового сектора. Третья модель, информационно-средовая, нацелена на создание в университете постоянно действующей многоуровневой коммуникационной платформы. Ее задача – тотальное распространение актуальной и адаптированной для студенческой аудитории финансовой информации через все доступные каналы: официальный сайт вуза, корпоративный портал, тематические группы в социальных сетях, информационные стенды, а также организацию тематических недель финансовой грамотности. Наиболее эффективным и устойчивым представляется синергетическое, комплексное применение данных моделей, что позволяет точечно воздействовать на различные аспекты образовательного процесса и внеучебной деятельности, формируя, таким образом, целостную и осознанную финансовую культуру студента на уровне знаний, навыков и установок [4; 5].

Заключение. Проведенное исследование и анализ его результатов позволяют констатировать, что диагностированный уровень финансовой грамотности студенческой молодежи свидетельствует о наличии значительного нереализованного потенциала для ее целенаправленного и системного повышения. Выявленный диссонанс между теоретической осведомленностью и недостатком практических компетенций подчеркивает актуальность пересмотра существующих подходов и необходимость перехода

от эпизодического просвещения к созданию целостной образовательной среды, формирующей финансовую культуру. Разработанные в рамках данного исследования модели интеграции – дисциплинарная, проектно-внеучебная и информационно-средовая – носят выраженный практико-ориентированный характер, структурно взаимодополняют друг друга и обладают свойством гибкой адаптации для реализации в условиях большинства высших учебных заведений с учетом их специфики и ресурсной базы.

Внедрение предложенного комплексного подхода будет способствовать не только поэтапному развитию личностных финансовых компетенций студентов, таких как грамотное бюджетирование, осознанное сбережение и оценка рисков, но и формированию устойчивых паттернов ответственного и рационального финансового поведения. Это, в свою очередь, имеет прикладное социально-экономическое значение. В долгосрочной перспективе системная работа в данном направлении позитивно скажется на повышении уровня экономического благополучия и финансовой безопасности отдельных выпускников, снизит их уязвимость к мошенническим схемам и избыточной долговой нагрузке. На макроуровне это будет способствовать укреплению финансовой стабильности общества в целом за счет роста числа финансово дисциплинированных и экономически активных граждан.

1. Девлет-Гельды, Г. Г. К. Д. Национальный проект повышения финансовой грамотности и вовлеченность студенческой молодежи в финансовую деятельность / Г. Г. К. Д. Девлет-Гельды // Финансовый бизнес. – 2018. – № 3(194). – С. 9-15.

2. Король, К. Н. Инструменты повышения финансовой грамотности и компетентности молодежи / К. Н. Король // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 2(71). – С. 197-199.

3. Ломоносов, А. В. Высшее образование: коммерческая услуга или общественное благо / А. В. Ломоносов // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства : Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции, Махачкала, 21–22 сентября 2022 года / Под редакцией А.М. Эсетовой. – Махачкала: Информационно-Полиграфический Центр ДГТУ, 2022. – С. 146-149. – EDN LLQHSO.

4. Попова, Т. А. Взаимосвязь образования и финансового поведения / Т. А. Попова, А. В. Ломоносов // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 3-2. – С. 252-274. – DOI 10.17212/2075-0862-2023-15.3.2-252-274. – EDN HBHWFW.

5. Попова, Т. А. Финансовая культура : Рабочая тетрадь / Т. А. Попова, А. В. Ломоносов, А. В. Фалеев. – Новосибирск : Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», 2025. – 52 с. – ISBN 978-5-7014-1170-6.

6. Фрик, О. В. Исследование финансовой грамотности студенческой молодежи аграрного вуза через призму самооценки / О. В. Фрик // Экономика, предпринимательство и право. – 2025. – Т. 15, № 6. – С. 4381-4394. – DOI 10.18334/epp.15.6.123135. – EDN DBDXSK.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Ескина Д.И.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Электоральный суверенитет, государственный суверенитет, национальная безопасность, избирательный процесс, выборы.

Keywords. Electoral sovereignty, state sovereignty, national security, electoral process, elections.

Проблема определения электорального суверенитета и его законодательного закрепления встала довольно остро перед правовой наукой и законодателями на фоне увеличения попыток вмешательства в выборы и оказания влияния на электоральные процессы со стороны зарубежных государств. Данные действия опасны возможными для государства негативными последствиями: дестабилизацией общественно-политической ситуации и политическим кризисом, уменьшением доверия населения, ростом тенденции абсентеизма и деструктивных явлений. В связи с этим в одном из важнейших в стратегическом плане концептуальных документов нашего государства– Концепции национальной безопасности Республики Беларусь – появилось определение термина «электоральный суверенитет». Цель работы – раскрыть основные научно-теоретические подходы к дефиниции электорального суверенитета и особенности его правового оформления в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, международные акты в сфере защиты электорального суверенитета, а также научные труды белорусских и зарубежных учёных-правоведов по теме исследования. Методологическую основу составили формально-юридический метод и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Большинство белорусских и зарубежных специалистов в области права выделяют такое ключевое и неотъемлемое свойство любого государства как государственный суверенитет, который заключается в реальном им обладании верховенством и полнотой власти на всей его территории и в самостоятельности определении и осуществлении внутренней и внешней политики. Автор Аникин Д.А., говоря о множественном характере понятия «государственный суверенитет», выделяет следующие его компоненты: военно-политический, экономический, финансовый, технологический, общественный, культурный, исторический, электоральный суверенитет и др. [1].Обеспечение каждого из них является необходимым условием для обеспечения государственного суверенитет в целом. Особую актуальность приобретают те элементы, реализация которых на практике имеет принципиальную важность. К последним, на наш взгляд, и относится электоральный суверенитет.

Понятие «электоральный суверенитет» находит свое отражение как категория в высказываниях и трудах политиков, дипломатов, политологов, правоведов, философов, историков и носит междисциплинарный характер. Борисов И.В. в своей книге «Электоральный суверенитет» пишет о том, что он «выражается в правомочии самостоятельно, без влияния извне, реализовывать любые модели политической системы и порядок ее формирования, которые поддерживает народ и которые не противоречат взятым международным обязательствам» [2]. Автор указывает на недостаточное количество научных разработок по данной проблематике, о чём свидетельствует, по его словам, опережение практических шагов по защите государственного суверенитета в электоральных процессах над теоретическими исследованиями в этой сфере.

До сих пор ведутся дискуссии о правильности выделения электорального суверенитета как элемента государственного суверенитета, в связи с чем следует определить преимущества и недостатки такого выделения. Основным достоинством методологического выделения электорального элемента суверенитета конституционалисты называют более точное определение грани между внутренними субъектами избирательного процесса и внешними (например, международные наблюдатели), а также сферы, связанной с организацией и защитой избирательного процесса, отделив её от других аспектов государственного управления. Это способствует наиболее эффективному выявлению уязвимых мест в защите национальной электоральной системы и возможности быстрого реагирования на возникновение потенциальных угроз.

В то же время данное выделение, по мнению ряда учёных, имеет и свои недостатки. Во-первых, при использовании понятия «электоральный суверенитет» внимание замыкается часто исключительно на внешних угрозах электоральной безопасности, хотя могут иметь место и внутренние. Во-вторых, отличительной характеристикой суверенитета является его неделимость. Так, Ватыль В.В. высказывает мнение о том, что обеспечение электоральной безопасности требует комплексной защиты государственного суверенитета, а не исключительно электорального компонента [3].

Несмотря на многообразие методологических подходов, понятие «электоральный суверенитет» сегодня постепенно обретает всё более конкретное правовое содержание. По определению, данному Рекомендациями по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и суверенитета в государствах-членах ОДКБ от 05.12.2022, «электоральный суверенитет – это право суверенных государств самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы и иные электоральные процедуры в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве конституции государства и национального законодательства с учетом добровольно принятых международных обязательств» [4].

Данные Рекомендации были учтены в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания 25.04.2024 № 5 (далее – Концепция). В ней впервые на национальном уровне закреплено понятие «электоральный суверенитет». Согласно Концепции, которая получила широкий общественный интерес и обсуждение на многочисленных диалоговых площадках, «электоральный суверенитет Республики Беларусь – неотъемлемое и исключительное право государства самостоятельно и независимо организовывать и проводить выборы, референдумы в целях обеспечения реализации полновластия народа и свободы его выбора при верховенстве Конституции Республики Беларусь и национального законодательства, недопущения вмешательства в избирательный процесс» [5].Определение Концепции практически повторяет определение Рекомендаций ПА ОДКБ, однако вносит и важное дополнение – акцент на неотъемлемость и исключительность права государства на проведение выборов и референдумов. Стоит отметить, что обновленная Концепция относит обеспечение электорального суверенитета к основным национальным интересам Республики Беларусь в политической сфере, что подтверждает его особое значение для государства.

Включение данного определения именно в Концепцию национальной безопасности, а не в иной другой законодательный акт, позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи понятий «электоральный суверенитет» и «национальная безопасность». Концепция определяет национальную безопасность как состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие. Следовательно, национальная безопасность является залогом обеспечения электорального суверенитета как одного из национальных интересов нашего государства [6].

В перечне основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь можно выделить те, которые непосредственно относятся к электоральной сфере. Большая часть из них уже была закреплена в предыдущей Концепции: вмешательство во внутренние дела, резкое либо масштабное снижение доверия граждан к основным государственным и про государственным общественным институтам, дезорганизация системы государственного управления, создание препятствий функционированию государственных и общественных институтов, деструктивное информационное воздействие на личность. Нововведением является квалификация в качестве основной угрозы нарушения кибер устойчивости национального сегмента сети Интернет, критически важных объектов информатизации и государственных информационных систем. Проблема кибербезопасности в избирательном процессе особо актуальна, т.к. касается не только попыток хакерских атак на национальные информационные ресурсы, но также и манипуляций общественным сознанием со стороны иностранных СМИ путём донесения ложной информации о ходе и результатах электоральных кампаний.

Концепция проводит различие между внутренними и внешними источниками угроз национальной безопасности. К внутренним источникам угроз обеспечению электорального суверенитета как национальному интересу следует отнести нарушение конституционных прав и свобод человека (права избирать и быть избранным, принципов избирательного права); использование в политической, экономической, общественной и иной деятельности методов, заведомо направленных на дестабилизацию обстановки в Республике Беларусь; осуществление действий, направленных на дискредитацию либо срыв электоральных кампаний. В качестве внешних можно привести использование субъектами международной политики инструментов «мягкой силы» для оказания воздействия на суверенную политику Республики Беларусь, а также ее дискредитация в целях нанесения вреда национальной безопасности; посягательства на государственные символы.

Заключение. Электоральный суверенитет прошёл путь от политико-идеологического термина к юридически оформленной категории. Анализ теоретических подходов позволяет утверждать, что выделение электорального суверенитета как самостоятельного компонента государственного суверенитета является целесообразным для формирования эффективных механизмов его обеспечения. Закрепление в Концепции

национальной безопасности Республики Беларусь определения электорального суверенитета свидетельствует о признании электоральной сферы как стратегически важной для обеспечения устойчивости политической системы и защиты национальных интересов Республики Беларусь, что в дальнейшем позволит определить конкретные меры к противодействию её внешним и внутренним угрозам.

1. Аникин, Д. А. Множественность суверенности, или О бритве Оккама в российской политике / Д. А. Аникин // Россия в глобальной политике. – 2025. –Т. 23. – № 3. – С. 112–126.

2. Борисов, И. Б. Электоральный суверенитет / И. Б. Борисов // М.: РОИИП. – 2010. – 94 с.

3. Ватыль В. Н. Защита государственного суверенитета в Республике Беларусь: противодействие деструктивным угрозам в политической сфере / В. Н. Ватыль // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1: История и археология. Философия. Политология. – 2023. – № 1. – С. 123–128.

4. Рекомендации по совершенствованию законодательства в области обеспечения защиты электоральных процессов и суверенитета в государствах – членах ОДКБ: Постановление ПА ОДКБ от 05.12.2022. – URL: https://paodkb.org/documents/rekomendatsii-po-sovershenstvovaniyu-zakonodatelstva-v-oblasti-obespecheniya?ysclid=mgxuypuh78930660298 (дата обращения: 19.10. 2025). – Текст: электронный.

5. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь: Решение Всебелорусского народного собрания от 25.04.2024 г. №5 // Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 20.10.2025). – Текст : электронный.

6. Козловская, В. В. К вопросу о содержании понятия «электоральный суверенитет» в контексте новой концепции национальной безопасности / В. В. Козловская – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/42357 (дата обращения: 22.10.2025). – Электрон. версия ст. из: Теория и практика избирательного процесса : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 мая 2023 г. – Минск : РИВШ, 2023. – С. 115–118.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ефишенко А.В.,
студентка 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Андреасян М.А., магистр юрид. наук

Ключевые слова. Цифровизация, цифровое государство, нормотворческая деятельность, цифровые права, цифровая инфраструктура, искусственный интеллект, цифровая правовая среда.

Keywords. Digitalization, the digital state, rulemaking, digital rights, digital infrastructure, artificial intelligence, digital legal environment.

Современная эпоха характеризуется повышенной динамичностью, что находит своё отражение во всех сферах общественной жизни, в том числе и правовой. На смену всеобщей информатизации пришла цифровизация – более глобальное и всеобъемлющее явление, которое в значительной степени преобразовало систему государственно-общественных отношений. На сегодняшний день цифровая правовая среда стала для государства, общества и отдельного человека новой реальностью, влияющей на нормотворческую деятельность государственных органов, предоставляющей общественности цифровые права и ставящей вопрос о придании искусственному интеллекту свойств правосубъектности.

Целью исследования является доказательство ключевой роли тенденций цифовизации в формировании цифровой правовой среды.

Материал и методы. Теоретическую основу исследования составили научные статьи и национальные правовые сайты, касающиеся рассматриваемой проблематики. Методологический фундамент составили специальные и общенаучные способы познания, среди которых были использованы метод системного анализа и формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение. Стремительное развитие цифровых технологий привело к реальному воплощению концепции «цифрового государства». Её реализация предполагает создание среды, способной внедрять и использовать информационные технологии для организации деятельности государственных органов, взаимодействия населения и государства [1, с. 134].

Так, с 1 июля 2025 года нормотворческая деятельность в Республике Беларусь стала осуществляться посредством новой автоматизированной информационной системы «Нормотворчество». С помощью данной системы уже реализованы подготовка проектов нормативных правовых актов с использованием программных средств и необходимых государственных информационно-правовых ресурсов, система сбора, обработки и анализа данных о нормотворческой деятельности, единая защищенная виртуальная среда межведомственного взаимодействия; комплексное хранение всей образовавшейся по результатам нормотворческой деятельности информации, функции контроля за сроками в процессе нормотворчества, устранение дублирования проектов нормативных правовых актов при их подготовке. С 1 января 2026 года система заработает в полном объёме [2].

Говоря о цифровизации общества, нельзя обойти стороной образование такого явления, как цифровые права. Некоторые эксперты в области юриспруденции определяют цифровые права как совокупность правовых норм и институтов, регулирующих отношения с помощью цифровых технологий [3, с. 2-1]. При этом, такие нормы могут относиться к разным отраслям права, и, соответственно, не иметь общих методов регулирования. Цифровые права в Республике Беларусь закреплены законодательно, однако, они пока не имеют конституционных оснований. В частности, к таким правам относят:

1) право на электронную цифровую подпись;

2) право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей;

3) право на защиту персональных данных.

К цифровым правам можно отнести также право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ к сети Интернет, право на цифровую связь и др. [4, с. 457]. Рост количества инноваций в виртуальной среде привёл к созданию цифровой инфраструктуры. Она представляет собой совокупность технологий, программного обеспечения, сетей и данных, обеспечивающих эффективную работу информационного общества [5, с. 171]. К ней так же относятся облачные хранилища, программное обеспечение и доступный интернет.

Немаловажной составляющей цифровой инфраструктуры является искусственный интеллект (далее по тексту – ИИ). За последние пять лет ученые в сфере развития ИИ перешли от генерации простых картинок до правдоподобной имитации мыслительной и творческой деятельности человека. В недавнее время произошла «революция» в сфере информационных технологий: искусственный интеллект научился программировать самого себя.

Поскольку ИИ эволюционирует, то из этого следует, что в дальнейшем он может научится принимать и собственные решения, всё ещё ограниченные алгоритмами, однако не конкретно заданные человеком. Подобный фактор является главной предпосылкой становления ИИ субъектом правоотношений. Сторонники наделения интеллектуальных систем правосубъектностью чаще всего проводят аналогию с животными, детьми или недееспособными людьми. Они могут иметь права и обязанности, но в большинстве современных правовых систем их круг значительно ограничен. На взгляд автора, придание ИИ полноценной правосубъектности видится весьма сомнительным в ближайшем будущем.

Многие исследователи не обходят стороной и негативные правовые последствия, которые могут возникнуть при использовании ИИ в качестве субъекта правоотношений. Ведь, если робот в потенциальном будущем будет юридически приравнен к человеку, то возникает резонный вопрос: кто будет нести ответственность за действия ИИ? Это может быть разработчик программы робота, предприятие, которое изготовило этого робота, собственник робота, либо сам робот. В данном случае принято разграничивать роботов на простых, не способных к самообучению, и на роботов с искусственным интеллектом, способных к обучению и самообучению. Простой робот функционирует по алгоритму, написанному программистом на протяжении всего периода эксплуатации. Эти алгоритмы действий с течением времени могут пополняться только с обновлением программного обеспечения робота, а не с его развитием. Следовательно, юридическую ответственность должен нести собственник робота. Сложный робот с течением времени способен к обучению и самообучению, мышлению, автономности и самоорганизации. В этом случае юридическую ответственность должен нести сам робот [6, с. 225].

Ошибочная оценка ситуации роботом и выбор неправильного алгоритма действий может привести к трагичным последствиям. Так, в Соединённых Штатах Америки неправильная оценка ситуации автопилотом «Tesla» привела к дорожно-транспортному происшествию, в результате чего погиб водитель, не справившийся с управлением. Из этого примера вытекает ещё один вопрос: какие меры превентивного характера можно применить по отношению к роботу, у которого отсутствуют волевые и эмоциональные компоненты? [6, с. 225-226]. Обратный пример, позволяющий рассмотреть использование ИИ в правовой сфере в положительном ключе: робот может пригодиться в работе судебной системы, выполняя роль помощника судьи, оставив за последним возможность принимать наиболее важные для исхода дела решения.

Таким образом, все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что сегодня формируется новая правовая среда – цифровая, представляющая собой совокупность общественных отношений, регулируемых правом и возникающих по поводу применения цифровых технологий или их влияния на развитие социума.

Заключение. В условиях новой цифровой реальности, правовая сфера общественных отношений активно модифицируются под влиянием особенностей цифрового пространства. Именно развитие технологий стало фундаментом для автоматизации процессов государственной деятельности в области нормотворчества, предоставления обществу цифровых прав и использования искусственного интеллекта в правоотношениях, что имеет как положительные, так и негативные стороны.

1. Шахновская, И. В. Понятие и признаки цифрового государства / И. В. Шахновская // Вестник полоцкого государственного университета. – 2022. – № 6. – С. 134-137.

2. Новый этап цифровизации правовой сферы страны. С 1 июля запускается АИС «Нормотворчество» : [сайт]. – Минск, 2003–2025. – URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2025/june/89284/ (дата обращения: 05.11.2025).

3. Рожкова, М. А. Является ли цифровое право отраслью права и ожидать ли появления цифрового кодекса? / М. А. Рожкова // Право цифровой экономики. – 2020. - № 4. – С. 3-12.

4. Сафонова, Т. В. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина / Т. В. Сафонова. – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/27062 (дата обращения: 06.11.2025). – Электрон. версия ст. из: Наука – образованию, производству, экономике : материалы 73-й Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 11 марта 2021 г. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 456-458.

5. Хасанова, З. Р. Цифровая инфраструктура и её роль в экономическом росте / З. Р. Хасанова // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 105-5. – С. 170-172.

6. Кавецкий, Д. А. Цифровизация права на современном этапе: риски и возможности / Д. А. Кавецкий. – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/30350 (дата обращения: 06.11.2025). – Электрон. версия ст. из: Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте : сборник научных статей. Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 222-227.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА

Клюквина А.А.,
студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Личность преступника, криминологический анализ, методология, криминологическая классификация, преступность.

Keywords. Criminal personality, criminological analysis, methodology, criminological classification, crime.

Анализ личности преступника в криминологии продолжает оставаться ключевой и, одновременно, одной из наиболее дискуссионных проблем. Методологическая основа этого анализа исторически складывалась в условиях противостояния двух концептуальных подходов: с одной стороны – стремления к выявлению устойчивых, объективных характеристик, присущих так называемому «преступному типу» (типологический подход), с другой – необходимости осмысления уникального набора факторов и обстоятельств, обусловивших совершение преступления конкретным индивидом (индивидуальный

подход). Данное противоречие выходит за рамки теоретических дискуссий, оказывая непосредственное влияние на практику правоприменения, систему исполнения наказаний и меры профилактики преступности.

Целью настоящей статьи является анализ противоречия между типологическим и индивидуальным подходами в криминологическом анализе личности преступника, выявление их преимуществ и ограничений, а также обоснование модели их интеграции.

Материалы и методы. Материалом работы служат научные публикации, отражающие дискуссионность рассматриваемой проблемы. Исследование базируется на общенаучных методах познания: анализе и синтезе. В качестве специальных методов использовались сравнительно-правовой, формально-логический и системный анализ, позволившие проанализировать концептуальные основания двух подходов и определить пути их синтеза.

Результаты и их обсуждение. Вопрос противоречия между типологическим и индивидуальным подходами в криминологическом анализе личности преступника затрагивает самую суть методологической проблемы в криминологии: как совместить научное обобщение (создание «типов» для прогнозирования) с пониманием уникальности каждого человека, совершившего преступление.

Типологический (систематический) подход представляет собой метод классификации преступников на основе устойчивых сочетаний социально-демографических, психологических и нравственно-ценностных характеристик. Его основная цель – выявить типичные группы правонарушителей, обладающих схожими признаками (таких как характер мотивации, способ совершения преступного деяния, степень социальной опасности и др.), что позволяет глубже понять закономерности преступного поведения и разрабатывать эффективные меры профилактики [1, с. 280]. Данный метод активно применяется в анализе криминологической статистики, судебной практике, а также при исполнении наказаний в пенитенциарной системе. Среди ключевых преимуществ подхода можно выделить возможность прогнозирования криминального поведения в группах повышенного риска, что особенно важно для предупреждения повторных преступлений. Типологизация служит основой для планирования профилактических мероприятий, позволяя применять общие стратегии воздействия к определённым категориям преступников. Однако типологический подход сопряжён с рядом методологических и этических рисков. Одним из них является опасность стигматизации: человек, однажды совершивший преступление, может быть автоматически отнесён к определённому типу, что затрудняет его социальную адаптацию и может закрепить негативный образ. Подход недостаточно учитывает индивидуальные особенности личности преступника, что может привести к недостаточному исследованию генетических, психологических и социальных факторов, лежащих в основе преступного деяния.

В контексте индивидуального подхода к изучению личности преступника применяется комплексное и многогранное рассмотрение ее как целостной системы, обладающей уникальными закономерностями развития и поведения [2, с. 21]. Данный метод основывается на всестороннем изучении конкретной личности преступника с учетом его биографических, психологических, социальных и криминологических особенностей. В отличие от типологических моделей, он ориентирован на анализ единичного случая, исходя из системы ценностей, мотивационной структуры и психических характеристик каждого человека, совершившего преступление. Данный подход служит методологической основой для индивидуализации уголовной ответственности и наказания, а также выбора наиболее эффективных средств исправительного воздействия в пенитенциарных учреждениях. Несмотря на его научную значимость, характеризуется рядом существенных ограничений. Прежде всего, данный подход требует значительных временных и материальных ресурсов, что делает его реализацию затратной. Проведение глубокого анализа каждого отдельного случая предполагает участие квалифицированных специалистов и использование сложных диагностических методик. Это делает такие исследования трудоемкими и не всегда доступными в широком масштабе. Кроме того, индивидуальный подход слабо применим в рамках массовой профилактики преступности. Он ориентирован на работу с конкретной личностью, а не с группами риска или социумом в целом, что ограничивает его эффективность при разработке универсальных профилактических программ. Также возникают

трудности при попытке обобщить полученные данные, поскольку уникальность каждого случая препятствует формирование типовых моделей преступного поведения. В результате индивидуальный подход требует дополнения другими методами анализа для достижения комплексного понимания причин и механизмов преступности.

Подход к решению задач в сфере предупреждения и пресечения преступного поведения должен быть комплексным. В его основе лежит типологический подход, который служит фундаментом для системной оценки и профилактики. Он дополняется индивидуальным методом, направленным на работу с конкретными правонарушителями и их социальную адаптацию. Результативность такого подхода обеспечивается междисциплинарным взаимодействием, объединяющим знания и методы из криминологии, психологии, социологии и педагогики.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что эффективная криминологическая практика должна строиться как двухуровневая система. На первом, макроуровне – уровне государства и общества в целом – ключевую роль играет типологический анализ, направленный на выявление общих закономерностей и тенденций в преступности. На втором, микроуровне – уровне отдельного правонарушителя – акцент смещается на индивидуальный подход, позволяющий принимать справедливые и обоснованные правоприменительные решения с учетом конкретных обстоятельств.

Заключение. Противоречие между типологическим и индивидуальным подходами в криминологическом анализе личности преступника является отражением сложности, противоречивости и многомерности феномена преступной личности. Данное методологическое расхождение демонстрирует необходимость переосмысления традиционных исследовательских концепций, ориентированных либо на выявление устойчивых, повторяющихся характеристик, свойственных определённым типам правонарушителей, либо на анализ уникального комплекса социально-психологических, биографических и ситуативных факторов, обусловивших преступное поведение конкретного индивида.

Эффективное изучение личности преступника требует не противопоставления этих подходов, а их синтеза в рамках единой изучаемой модели. Такой анализ позволяет существенно повысить точность криминологического исследования, качество профилактики и результативность процессов ресоциализации, адаптированных к индивидуальным особенностям правонарушителя. Перспективы развития криминологической науки напрямую связаны с формированием гибкой и междисциплинарной методологии, способной учитывать как типологические закономерности, так и индивидуальные особенности в структуре и динамике преступного поведения.

1.Хайруллин, М. Ф. Роль криминологического исследования личности преступника в уголовном праве и правоприменительной практике / М. Ф. Хайруллин // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 4-1. – С. 278-287.
2.Криминальная психология. Хрестоматия: пособие / сост.: И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск: БГУ, 2018. – 270 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЛИЧНЫМИ ФИНАНСАМИ

Козленко Ю.Д.,
студент 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Шаркова О.Э., магистр экон. наук

Ключевые слова. Искусственный интеллект, ИИ, нейросети, личные финансы, домохозяйства, управление финансами, финансовое прогнозирование.

Keywords. Artificial intelligence, AI, neural networks, personal finance, households, financial management, financial forecasting.

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровизацией финансовой сферы и широким внедрением технологий искусственного интеллекта в практику управления личными финансами. В условиях экономической нестабильности и растущего

объема финансовых данных традиционные методы управления домохозяйствами становятся недостаточно эффективными, что создает потребность в современных системах поддержки принятия решений. Целью статьи является комплексный анализ возможностей и ограничений применения технологий искусственного интеллекта для повышения эффективности управления финансами домохозяйств, включая оценку реальной эффективности алгоритмов и выявление сопутствующих рисков.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили методы системного анализа и сравнительной оценки, позволившие сопоставить функциональные возможности различных ИИ-решений в сфере личных финансов. В работе использованы данные открытых экспериментов, в частности, результаты бенчмарка Alpha Arena проекта Nof1, демонстрирующие реальную эффективность нейросетевых моделей на финансовых рынках. Для анализа нормативных ограничений применен контент-анализ документов, включая актуальную версию политики использования OpenAI. Теоретической базой послужили научные публикации по проблемам цифровизации финансов и исследования в области искусственного интеллекта.

Результаты и их обсуждение. Бурное развитие цифровых технологий и стремительное внедрение искусственного интеллекта практически во все сферы жизни человека, в том числе экономику, значительно изменили подход и к управлению личными финансами. В условиях цифровизации и постоянных экономических колебаний становится особенно важно рационально использовать доходы, грамотно планировать расходы и формировать накопления. Современные технологии открывают новые возможности в области управления личными финансами. Способность ИИ обрабатывать значительные массивы данных в режиме реального времени позволяет перейти от универсальных финансовых советов к индивидуально ориентированным решениям.

Управление личными финансами играет важную роль для отдельных лиц и семей, поскольку оно напрямую влияет на их общее благополучие. Достигнуть финансовую стабильность, подготовиться к сложным экономическим ситуациям и реализовать свои будущие цели можно только при условии эффективного управления личными финансами.

В. Ю. Скаткова и А. Ю. Хорошилов, исследуя роль искусственного интеллекта в управлении финансами домашних хозяйств, отмечают, что одним из наиболее очевидных применений искусственного интеллекта в управлении личными финансами является его способность оказывать индивидуальную помощь отдельным лицам [1]. Так, системы искусственного интеллекта могут анализировать финансовые данные человека, которыми он поделился, включая инвестиционные доходы, портфели и сбережения на счетах, и предлагать персонализированные рекомендации и стратегии, помогающие им наиболее эффективно достигать своих финансовых целей (рекомендации могут варьироваться от простых советов по составлению бюджета в целом или быть более конкретными в части накопления сбережений, например, на поездку в отпуск, до сложных инвестиционных стратегий). В целом, авторы подтверждают, что используя вычислительные мощности искусственного интеллекта и возможности анализа данных, люди могут получать индивидуальные рекомендации и поддержку, помогающие им принимать обоснованные решения и улучшающие их общее финансовое благополучие [1, с. 76–77].

Согласно P. Giudici и E. Raffinetti, финансовые технологии, подкрепленные доступностью моделей машинного обучения, распространяются во всех областях финансов: от платежей (блокчейн-модели) до управления активами (роботы-советники) [2]. Важным преимуществом искусственного интеллекта в сфере финансов является также его способность к объективному финансовому прогнозированию. Благодаря способности искусственного интеллекта обучаться и адаптироваться, он может предоставлять рекомендации по составлению и планированию личных бюджетов, прогнозировать оптимальные способы сберегать и инвестировать свои накопления в режиме реального времени, что позволит домохозяйствам достигать своих финансовых целей.

Практическая эффективность применения технологий искусственного интеллекта в сфере финансового прогнозирования находит подтверждение в реальных экспериментах. Ярким примером служит бенчмарк Alpha Arena проекта Nof1, где шесть передовых нейросетей, включая GPT-5, Gemini 2.5 Pro и DeepSeek V3.1, получили идентичные стартовые депозиты в $10 000 для торговли на криптовалютном рынке. Промежуточные результаты показали значительное расхождение в эффективности: в то время как DeepSeek V3.1 продемонстрировал наивысшую доходность, удвоив начальный капитал, другие модели показали скромную прибыль или существенные убытки. Сами авторы эксперимента на старте говорили, что не ожидают ни от одной модели хороших результатов – а ранние успехи могут быть простой удачей [3]. При этом на сегодняшний день не существует стандартизированных показателей, которые могли бы обеспечить общую оценку надежности приложений ИИ в финансовой сфере.

Изложенные выше факты позволяют сделать вывод о том, что хотя использование технологий искусственного интеллекта для управления личными финансами дает ряд преимуществ, оно не показывает определенной стабильности или надежности. Существует ряд проблем и ограничений, на которые стоит обращать внимание, прежде чем использовать искусственный интеллект для управления личными финансами.

Прежде всего, возникает проблема защиты конфиденциальности, поскольку системы ИИ требуют доступа к личной финансовой информации, что создает риски утечки персональных данных. Также со временем может наблюдаться снижение финансовой грамотности пользователей, которые, полагаясь на автоматизированные решения, утрачивают навыки самостоятельного анализа.

Кроме того, сохраняется проблема алгоритмических предубеждений, способных приводить к необъективным рекомендациям или неверным финансовым советам. Согласно недавним изменениям в политике использования, вступившей в силу 29 октября 2025 года, компания OpenAI ввела ограничения на предоставление нейросети ChatGPT специализированных консультаций в регулируемых сферах. В частности, сервису запрещено давать рекомендации, требующие профессиональной лицензии, включая финансовые вопросы, без привлечения соответствующих квалифицированных специалистов. Кроме того, система не может автономно принимать решения в критически важных областях, таких как трудоустройство, финансовые услуги и национальная безопасность, где обязательно требуется человеческий контроль [4].

Заключение. Проведенный анализ подтверждает наличие потенциала в использовании искусственного интеллекта для управления личными финансами. Технологии демонстрируют способность к созданию персонализированных финансовых стратегий, объективному прогнозированию и оптимизации инвестиционных решений. Однако эффективность их применения остается нестабильной, а риски конфиденциальности и алгоритмических ошибок требуют разработки комплексных мер защиты. Современные ограничения, вводимые также самими разработчиками ИИ-систем, подчеркивают необходимость сбалансированного подхода, где технологии дополняют, но не заменяют человеческую компетентность. Для решения возникающих проблем и обеспечения эффективного и ответственного использования ИИ для управления личными финансами необходимы тщательное рассмотрение данных вопросов и их постоянное отслеживание, как и в случае с любой новой технологией.

1. Скаткова, В. Ю. Роль искусственного интеллекта в управлении финансами домашних хозяйств / В. Ю. Скаткова, А. Ю. Хорошилов // Хроноэкономика. – 2024. – № 1 (43). – С. 75–78.

2. Giudici, P. SAFE Artificial Intelligence in finance / Paolo Giudici, Emanuela Raffinetti // Finance Research Letters. – 2023. – Vol. 56. – 104088. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/ (дата обращения: 06.11.2025)

3. Alpha Arena : сайт. – URL: https://nof1.ai/ (дата обращения: 07.11.2025)

4. Политики использования // OpenAI : сайт. – URL: https://openai.com/ru-RU/policies/usage-policies/ (дата обращения: 04.11.2025)

ПРОИЗВЕДЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК ВКЛАД В УСТАВНЫЙ ФОНД ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА И ОЦЕНКИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В СОСТАВЕ АКТИВОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Козлова Е.А.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Николичев Д.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. Произведение изобразительного искусства, исключительные права, уставный фонд, учёт, оценка, вклад, хозяйственное общество.

Keywords. Work of fine art, exclusive rights, authorized capital, accounting, valuation, contribution, business company, law.

Произведения изобразительного искусства являются весьма специфическими видами собственности, имеющими ряд свойств, отличающих их от таких более часто встречающихся видов собственности, как недвижимость, имущественные комплексы, машины и оборудование.

Особенности оценки произведений изобразительного искусства обусловлены большой степенью индивидуализации объектов оценки. С одной стороны, произведение изобразительного искусства – это материальный объект, вещь, обладающая определенной потребительской ценностью и подлежащая общим нормам гражданского права, регулирующим имущественные отношения. С другой стороны, оно является результатом интеллектуальной деятельности, объектом авторского права, что наделяет его особыми, неимущественными характеристиками и требует учета прав автора. Эта двойственность природы произведения искусства создает уникальные правовые коллизии и определяет специфику его использования в коммерческой и корпоративной деятельности.

Цель работы – определить особенности учета и оценки произведений изобразительного искусства в составе активов хозяйственных обществ, а также определить, может ли произведение изобразительного искусства быть вкладом в уставный фонд.

Материал и методы. Для достижения цели научной работы использовались как общенаучные методы: социологический, системный, структурно-функциональный, метод системного анализа, синтеза, так и специально-юридические: формально-юридический, культурологический, толкования и др. Также применялся логический метод, чтобы изложить весь материал, дать рекомендации и сделать итоговые выводы. В качестве материала для проведения исследования послужили труды учёных, специалистов, которые занимались рассмотрением и изучением данной темы.

Результаты и их обсуждение. При формировании уставного фонда, организации нередко сталкиваются с проблемами при использовании в качестве вклада объектов интеллектуальной собственности. Согласно ч. 1 ст. 29 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее Закон о хозяйственных обществах) вкладом в уставный фонд хозяйственного общества могут быть вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, либо иные отчуждаемые права, имеющие оценку их стоимости [1].

Из этого следует, что вкладом в уставный фонд хозяйственного общества само произведение изобразительного искусства быть не может, т.к. таковым является созданное автором произведение скульптуры, живописи, графики, литографии и др., в форме изображения либо объёмно-пространственной форме, обладающее уникальностью и содержащее в себе характерные черты национальных и культурных традиций, духовных ценностей, отражающее определённое направление в создании объекта изобразительного искусства [2].

Согласно законодательству Республики Беларусь, в уставный фонд могут входить исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, получившие в законодательстве обобщающее название «интеллектуальная собственность».

Поскольку имущественные права на произведения изобразительного искусства являются неденежным вкладом, то согласно ч. 4 ст. 29 Закона о хозяйственных обществах при внесении в уставный фонд хозяйственного общества неденежного вклада должна быть проведена оценка его стоимости и в случае проведения независимой оценки стоимости вносимого в уставный фонд хозяйственного общества неденежного вклада экспертиза достоверности этой оценки не проводится [1].

Произведения изобразительного искусства являются весьма специфическими видами собственности, имеющими ряд свойств, отличающих их от таких более часто встречающихся видов собственности, как недвижимость, имущественные комплексы, машины и оборудование.

Необходимо отметить, что процедура оценки произведений изобразительного искусства должна начинаться с атрибуции и экспертизы оцениваемого предмета (объекта оценки). В данном случае оценщик, если он не обладает специальными знаниями, обязан обратиться к эксперту-искусствоведу и получить ответы на несколько важных принципиальных вопросов, основным из которых является установление авторства и подлинности предмета - объекта оценки, то есть параметров, определяющих рыночную стоимость конкретного произведения искусства. Подлинным произведением конкретного художника считается лишь то, которое выполнено им собственноручно или с его непосредственным участием.

Для того, чтобы отличить подделку от подлинника, необходимы специальные знания о произведении - особенности техники автора, материалов, использованных им, и ряд других важных параметров, определяющих статус объекта оценки. Также помимо навыков искусствоведческой экспертизы, эксперт должен обладать знаниями рынка антиквариата и произведений искусства.

Что касается учёта произведений изобразительного искусства в составе активов хозяйственного общества, то здесь для того, чтобы разобраться с учетом какого-либо произведения, следует выяснить такие вопросы учета активов, как:

- срок полезного использования этого актива;
- подвержен ли этот актив износу?
- есть ли у актива рыночная цена? можно ли его продать по этой цене?
- ликвидационная стоимость актива;
- связан ли актив с другим активом физически (напр., рисунок на стене здания)?
- имеет ли это произведение изобразительного искусства какую-то историческую или культурную ценность?
- увеличивается ли ценность этого произведения изобразительного искусства со временем, или, наоборот, уменьшается?
- существенен ли этот актив для финансовой отчётности юридического лица [3]?

Важной особенностью учёта произведений изобразительного искусства является то, что он включает в себя бухгалтерский учёт (принятие на баланс основные средства, но без амортизации) и юридический учёт (фиксация авторских прав различными способами).

Что касается правового регулирования учёта и оценки произведений изобразительного искусства в составе активов хозяйственных обществ, здесь следует отметить, что законодательство Республики Беларусь не предусматривает единого нормативного акта, который регулировал бы данную деятельность.

Среди основных нормативных актов, содержащих нормы по регулированию данной сферы деятельности, можно выделить:

- Гражданский кодекс Республики Беларусь;
- Закон Республики Беларусь «О хозяйственных обществах»;
- Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах»;
- Закон Республики Беларусь «О бухгалтерском отчёте и отчётности»;
- Национальные стандарты бухгалтерского учета и отчетности «Консолидированная бухгалтерская отчетность»;

• Методические рекомендации по оценке стоимости объектов интеллектуальной собственности.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что произведение искусства представляет собой уникальный объект гражданского оборота, обладающий двойственной природой – одновременно являясь материальной вещью и результатом интеллектуальной деятельности. Эта двойственность создаёт специфические вызовы и особенности для всех этапов его вовлечения в коммерческую и корпоративную деятельность.

Особенностями участия данного объекта в гражданском обороте в качестве вклада в уставный фонд выступают двойственная природа объекта, т.к. произведение одновременно является материальным объектом (вещью) и результатом интеллектуальной деятельности (объектом авторского права), объединяя в себе личные неимущественные и имущественные права автора.

Процедура оценки произведений изобразительного искусства состоит из атрибуции и экспертизы оцениваемого предмета, и, в отличие от оценки стандартных активов, требует глубоких искусствоведческих знаний, установления подлинности, авторства, провенанса и учёта уникальных рыночных факторов. Вопросы управления корпоративными коллекциями, защиты от фальсификаций, соблюдения авторских прав при использовании изображений произведений в коммерческих целях, а также ответственность за их сохранность и повреждение требуют формирования единообразной правоприменительной практики и более чёткой законодательной регламентации, а именно:

1) законодательного закрепления принципов и стандартов их формирования, учёта, хранения и распоряжения, что подразумевает не только обязательное наличие и утверждение актов хозяйственных обществ (политик, регламентов), определяющих процедуры приобретения, страхования, экспонирования и отчуждения произведений изобразительного искусства, но и детальное разграничение компетенции различных органов управления хозяйственного общества;

2) ужесточения требования к проведению искусствоведческой и технической экспертизы, сделав её обязательной для дорогостоящих произведений искусства при их приобретении в корпоративные коллекции, а также при их внесении в уставный фонд.

1. О хозяйственных обществах : Закон Республики Беларусь, 9 декабря 1992 г., № 2020-XII – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2025.
2. Козлова, Е.А. Понятие и сущность произведения изобразительного искусства как объекта авторского права / Е. А. Козлова // Студенческий вестник: электрон. научн. журн. – 2024. – № 25(311). – С. 40-43.
3. Гагарин, А. Г. Особенности оценки произведений искусства / А. Г. Гагарин // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2006. – №3. – С. 61-65.

ХАРАКТЕРИСТИКА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА КАК ЖЕРТВЫ ИЛИ ОБЪЕКТА ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Козлова К.А.,
студентка 4 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г. канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Жертва, несовершеннолетнее лицо, виктимность, девиантность, преступление.
Keywords. Victim, minor, victimization, deviance, crime.

Виктимологический анализ преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, с одной стороны, есть способ выявления виктимогенных факторов в обществе, а с другой – основа для составления прогноза преступности в целом. Анализ процессов, формирующих криминальную виктимность несовершеннолетних, позволяет судить о том, какой будет криминальная ситуация и, порождаемая ею виктимность общества в перспективе. Виктимность несовершеннолетних – своего рода индикатор виктимологической

ситуации в стране, который очень четко реагирует на состояние общества. Как правило, рост виктимности несовершеннолетних свидетельствует о неблагоприятных виктимогенных социальных процессах, происходящих в обществе. Все это обуславливает *актуальность* рассматриваемой проблемы.

Целью исследования является анализ особенностей личности несовершеннолетнего лица как криминальной жертвы и факторов, определяющих виктимогенность несовершеннолетних как особой социально-демографической группы населения.

Материал и методы. Материалом для написания исследования послужили статистические данные и научные публикации по теме исследования. В работе использованы общенаучные и специальные правовые методы исследования, такие как формально-юридический и структурно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В специальной литературе детско-подростковая виктимность определяется как «социально-психологическое явление, связанное с предрасположенностью ребенка стать жертвой неблагоприятных условий социализации, характеризующейся многообразием типов жертв, появление которых является следствием объективных и субъективных психологических факторов» [1].

Для всех жертв преступлений, не зависимо от возраста, социального положения, профессии, идеологических убеждений, характерны определённые особенности личности. Личность рассматривается как социальное существо, обладающее совокупностью таких свойств, которые складываются в ней в процессе развития общества, а также как индивид, который наделен чувствами, эмоциями, а главное, сознанием, и он в состоянии воспринимать как уже нанесенный личный ущерб, так и возможный вред, оценить его и в соответствии с этим способен из множества вариантов поведения выбрать для себя наиболее приемлемый. Именно поэтому главным объектом учения о жертве, как в теоретическом, так и в практическом смысле, является человек (личность) [2, с. 62].

Исходя из этого, жертвой следует считать человека (в данной статье будут рассматриваться несовершеннолетние лица), который понес физический, моральный или имущественный ущерб не только от действий других лиц, но и, нередко из-за собственного поведения. Отметим, что на законодательном уровне понятие «жертва преступления» тесным образом соотносится с понятием «потерпевший». Так, согласно ст.49 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь потерпевшим является «физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим» [3, ст.49].

Виктимологическая характеристика несовершеннолетних, потерпевших от преступлений, складывается из следующих групп признаков, которые, в свою очередь, кладутся в основу виктимологической классификации жертв среди несовершеннолетних:

– социально-демографические признаки пострадавшего ребенка (пол, возраст, национальная/этническая принадлежность, наличие или отсутствие семьи, социальные роли и статусы, образование, место жительства);

– уголовно-правовые признаки посягательства на ребенка (состав преступления, мотив, цель, средства, способ, обстоятельства, место и время совершения, групповой и организованный характер);

– нравственно-психологические признаки несовершеннолетней жертвы (уровень интеллектуального развития, подверженность внешнему влиянию, волевые и эмоциональные свойства, моральные и нравственные принципы, ценностные ориентации, пристрастие к вредным привычкам, состояние психического здоровья) [4].

Следует отметить, что чаще всего жертвами преступлений становятся несовершеннолетние с отклоняющимся поведением.

Исходя из наличия широкого круга причин девиантного поведения, влияющих на виктимизацию подростков, в литературе выделяют несколько поведенческих типов такой личности: ситуативный (деструктивные мотивы в деятельности являются разовыми и только в рамках одной конкретно сложившейся ситуации, предшествующее поведение характеризуется как исключительно положительное); агрессивный; случайный (чаще всего, девиация проявляется как крайняя степень недовольства в виде реакции

на отрицательные поступки со стороны окружающих); асоциальный (характеризуется неспособностью приспосабливаться к условиям внешней обстановки, в которой пребывает личность, присутствует демонстративный отказ от общепринятых ценностей и норм); дезадаптивный (повышенный уровень эмоциональной зависимости, нервозность, низкий волевой контроль собственных действий); гедонистический (совершение деструктивных поступков вызвано острым желанием подражать другим) [5, с. 59–60].

Среди несовершеннолетних, так же, как и среди взрослых, встречаются наиболее виктимные типы: оказывающиеся в беспомощном состоянии (в основном в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения), озлобленные, сбежавшие от родителей, сироты, дети состоятельных родителей [6, с. 93].

Уровень виктимности несовершеннолетних остается относительно высоким]. Так, по официальным статистическим данным в Республике Беларусь удельный вес несовершеннолетних в числе потерпевших в последние годы стабилизировался на уровне 5% (2023 г. – 4%). При этом высок удельный вес несовершеннолетних среди потерпевших от отдельных видов преступных деяний: насильственных действий сексуального характера – до 90%, (при этом более 80% из них – дети до 14 лет), изнасилований – более 50% (2023 год - 75%), вымогательств – свыше 20% [7].

Исследование личности жертвы имеет важное криминологическое значение. Личностная уязвимость несовершеннолетних и конкретная ситуация образуют комплекс предпосылок к совершению в отношении них преступных деяний. В то же время виктимизация несовершеннолетних в плане их возможности стать жертвой преступления зависит не только от их личностных психологических особенностей, но и от таких факторов, как неблагоприятное окружение, в котором они жили и воспитывались, что является отдельной темой изучения. Исследование особенностей виктимности несовершеннолетних в современных условиях имеет существенное значение для оценки преступности, прогнозирования ее динамики и последствий, а это, в свою очередь, позволяет определить кадровые, материальные и иные ресурсы, необходимые для обеспечения успешного противодействия развитию преступности [8, с.449].

Заключение. Исследование особенностей личности несовершеннолетнего ставшего жертвой преступления, крайне важно для виктимологической профилактики. Дети – это одна из самых уязвимых частей общества и для того, чтобы уменьшалось количество преступлений в отношении несовершеннолетних, нужно глубоко изучать факторы, детерминирующие криминальную виктимность несовершеннолетних, а также особенности подростковой виктимности во всех ее проявлениях.

1. Стреленко, А.А. Детско-подростковая виктимность как социально-психологическое явление / А.А.Стреленко // МНКО. - 2013. - №5 (42). - URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/ detsko-podrostkovaya- viktimnost-kak- sotsialno-psihologicheskoe-yavlenie (дата обращения: 05.03.2025).

2. Савельев, А. И. Несовершеннолетние жертвы преступлений как объект виктимологического исследования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012.N1(48).-URL.https.//cyberleninka.ru/article/n/nesovershennoletnie-zhertvy-prestupleniy-kak- obekt-viktimologicheskogo-issledovaniya (дата обращения: 01.11.2025).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г. № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. . : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 29.10.2025).

4. Вишневецкий, К. В. Криминогенная виктимность социальных статусов в современном обществе / К. В. Вишневецкий; М-во внутренних дел Российской Федерации, Краснодарская акад. - Краснодар : Краснодарская акад. МВД России, 2005 (Краснодар: Краснодарская академия МВД России). - 227 с.

5. Хомчик, М.А. Основы профилактики девиантного поведения: учебно-методический комплекс. Минск: БГПУ, 2020. - 209 с. - URL: http:// elib.bspu.by /handle/doc/46859 (дата обращения: 30.10.2025).

6. Вишневецкий, К.В. Виктимологическая характеристика несовершеннолетних / К.В.Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. - 2015. - №21. - С.93-95. - URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-harakteristika- nesovershennoletnih (дата обращения: 25.10.2025).

7. Число преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации. - URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/ rubric-info / 10620 (дата обращения: 26.10.2025)

8. Стаценко, В. Г. Современные особенности состояния преступности несовершеннолетних в Республике Беларусь и деятельности по ее предупреждению / В. Г. Стаценко. – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова.– URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/42163 (дата обращения: 01.11.2025). – Электрон. версия ст. из: // Наука - образованию, производству: материалы 76-й Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, Витебск, 1 марта 2024 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2024. – С. 448-450.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Кот М.Н., Мельник К.Ю.,
студенты 2 курса Белорусского государственного экономического университета, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Тогулева А.С., ассистент кафедры

Ключевые слова. Электронное правительство, нормативная база, цифровизация, автоматизация, электронные услуги.
Keywords. E-government, regulatory framework, digitalization, automation, E-services.

В современную цифровую эпоху концепция электронного правительства стала неотъемлемым элементом построения эффективного, прозрачного и ориентированного на гражданина государства. Организацией Объединенных Наций проводится глобальное исследование в области электронного правительства. По результатам последнего исследования наше государство демонстрирует положительную динамику роста и попадает в топ-40 групп стран в рейтинге с очень высоким индексом развития [1]. Наше государство обладает необходимой технологической базой для дальнейшего движения вперед, однако темпы цифровой трансформации напрямую зависят от существующей системы правового регулирования. Процесс требует комплексного подхода, направленного на совершенствование государственных онлайн-услуг, развитие и использование прорывных технологий, таких как блокчейн и искусственный интеллект, создание персонализированных услуг, обеспечение кибербезопасности, на формирование цифровых навыков и разработку эффективных стимулирующих инструментов для госслужащих, а также на управление данными. Все это должно найти свое правовое закрепление в нормативных актах. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации проблем, возникающих в сфере цифровизации, и выработки научно обоснованных рекомендаций по их преодолению через совершенствование национального законодательства.

Цель исследования– проанализировать современное состояние нормативно-правовой базы, регулирующей сферу электронного правительства в Республике Беларусь, выявить ключевые проблемы и определить перспективные направления для ее совершенствования.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели в исследовании были использованы следующие материалы: нормативно-правовые акты Республики Беларусь, научные исследования отечественных и зарубежных ученых в области цифровизации государственного управления. Методологическую основу исследования составили следующие методы научного познания, а именно сравнительно-правовой и системный анализ, что предоставило возможность рассмотреть электронное правительство не как набор разрозненных сервисов, а как единую систему, в которой правовые нормы, технологии, институты и человеческий фактор находятся в тесной взаимосвязи.

Результаты и их обсуждение. Согласно Постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 21 апреля 2023 г. № 280, электронное правительство представляет собой систему государственного управления, основанную на автоматизации управленческих процессов в масштабах страны путем широкого применения информационно-коммуникационных технологий [2]. Для Республики Беларусь данный вопрос имеет стратегическое значение, что отражено в ряде программных документов, прежде всего в Государственной программе развития цифровой экономики и информационного общества на 2021–2025 годы [3].Это обусловлено необходимостью повышения качества государственных услуг, снижения административных барьеров, оптимизации государственного управления и усиления конкурентоспособности страны на международной арене.

Несмотря на заметный прогресс в данной сфере, выраженный в том числе в создании Национальным центром электронных услуг Портала электронных услуг и других инфраструктурных элементов, процесс построения целостной системы электронного правительства сталкивается с рядом вызовов, осложненных несовершенством правового

регулирования. Проведенный анализ нормативной базы выявил ряд проблем, сдерживающих развитие электронного правительства в Республике Беларусь. Ключевой из них является фрагментарность законодательства. Регулирование рассредоточено в большом количестве актов законодательства, что создает правовые коллизии и затрудняет реализацию многих процессов.

Существенным барьером остается цифровое неравенство. Исследования констатируют, что уровень цифровых компетенций как части госслужащих, так и граждан, не соответствует требованиям цифровой трансформации. Законодательство не содержит комплексных мер по преодолению этого разрыва, что ограничивает доступность электронных услуг для уязвимых категорий населения [4, с. 138]. Требуется развитие цифровых компетенций, в частности обязательное систематическое повышение цифровой грамотности государственных служащих. А также реализация образовательных программ для населения.

Важной проблемой является отсутствие специализированного уполномоченного органа, который бы системно контролировал деятельность государственных органов и подразделений в цифровой среде и оперативно решал возникающие вопросы. В настоящее время работают лишь экспертные группы, которые занимаются исследовательской деятельностью в этой области, но не обладают реальными инструментами воздействия [5, с. 294].

Значительные финансовые инвестиции, необходимые для разработки и внедрения комплексной системы электронного правительства, создают серьезное экономическое давление на государственный бюджет. Основные расходы связаны не только с приобретением современного программного обеспечения и аппаратной инфраструктуры, но и с необходимостью постоянного технического обслуживания, регулярного обновления систем безопасности и обучения персонала.

Особое внимание необходимо уделять совершенствованию системы кибербезопасности электронного правительства. С увеличением цифровых государственных услуг и объемов персональных данных возрастает угроза кибератак и утечек, поэтому требуется постоянное обновление технических средств защиты и повышение квалификации специалистов.

Важным направлением развития может являться внедрение технологий искусственного интеллекта для улучшения качества принятия решений в сфере государственных услуг. Указанные технологии способны обрабатывать большие массивы данных, распознавать закономерности и автоматически решать типовые запросы, что позволит освободить время госслужащих для работы с более сложными ситуациями. Блокчейн-технологии, в свою очередь, могут обеспечить прозрачность и неизменность государственных реестров, что повышает доверие граждан к государственным структурам и снижает риск коррупционной составляющей.

Успешное развитие электронного правительства невозможно также без своевременной актуализации нормативно-правовой базы, поскольку многие действующие законы и подзаконные акты содержат нормы, сдерживающие полную цифровизацию государственных процессов [6].

Заключение. Таким образом в Республике Беларусь заложен прочный фундамент для функционирования электронного правительства. Тем не менее выявленные проблемы и возможные сдерживающие факторы в сфере цифровизации требуют определенного внимания. Внедрение современных технологий блокчейн и искусственного интеллекта, повышение цифровых компетенций у государственных служащих и осведомленности населения, уделение внимания уровню кибербезопасности способны повысить эффективность существующего этапа цифровизации государства. Только при условии синхронного и скоординированного развития всех элементов системы – права, технологий, институтов и человеческого капитала – Беларусь сможет достичь заявленные в стратегических документах цели и построить конкурентоспособное, прозрачное и удобное для граждан цифровое государство.

1. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2018/july/29785/ – Дата доступа: 01.11.2025.

2. О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 21 апр. 2023 г., № 280 // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // ЭТАЛОН :информ.-поисковая система (дата обращения: 01.11.2025).
4. Савельева, О. А. Электронное правительство в Республике Беларусь: современное состояние и проблемы развития / О. А. Савельева // Проблемы экономики и информационных технологий: сборник тезисов докладов 56-ой научной конференции аспирантов, магистрантов и студентов БГУИР, Минск, 18–20 мая 2020 г. / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – Минск, 2020. – С. 136–138.
5. Соколинская, Т. В. Современный этап развития электронного правительства в Республике Беларусь: проблемы эффективности = Thecurrentofstagedevelopmentof e-governmentintheRepublicofBelarus: problemsofefficiency / Т. В. Соколинская // Инженерный бизнес [Электронный ресурс] : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции в рамках 21-й Международной научно-технической конференции БНТУ «Наука – образованию, производству и экономике» 22-24 ноября 2023 г. / редкол.: О. С. Голубова [и др.] ; сост. О. С. Голубова. – Минск : БНТУ, 2024. – С. 292–302.
6. Вартанян, Ф. А. Электронное правительство как инструмент повышения качества государственных услуг / Ф. А. Вартанян // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17. – № 2. – URL: https://esj.today/PDF/89FAVN225.pdf (дата обращения: 03.11.2025).

КОРРУПЦИОННЫЕ РИСКИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Ксендзов В.В.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Сухарев А.А., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Государственно-частное партнерство, коррупционные риски, финансовый контроль, правовое регулирование, противодействие коррупции.
Keywords. Public-private partnership, corruption risks, financial control, legal regulation, anti-corruption.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) является ключевым инструментом модернизации инфраструктуры Республики Беларусь. Однако сложность и масштабность проектов ГЧП создают значительные коррупционные риски, способные подорвать экономическую эффективность и привести к нерациональному использованию государственных ресурсов. Существующая система правового регулирования требует специализированной адаптации для противодействия этим угрозам.

Цель исследования - выявить специфические коррупционные риски в белорусской модели государственно-частного партнерства и разработать меры по их минимизации через совершенствование правовых и финансовых механизмов.

Материал и методы. Материалом исследования послужили законодательные акты Республики Беларусь в области государственно-частного партнерства и противодействия коррупции, статистические данные, правоприменительная практика; различные подходы отечественных и зарубежных ученых к решению данной проблемы, научные публикации. Методологическую базу исследования составили: общенаучные методы научного познания, а также частно-научные (сравнительно-правовой и метод правового прогнозирования).

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ законодательной базы и практики реализации проектов государственно-частного партнерства в Республике Беларусь позволил выявить системные проблемы, создающие условия для коррупционных проявлений на всех этапах реализации партнерских проектов. Анализ Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» от 30 декабря 2015г. № 345-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024г №27-З) показывает, что законодатель, уделив значительное внимание процедурным вопросам организации ГЧП, оставил без внимания необходимость специальных антикоррупционных механизмов, адаптированных к специфике долгосрочного взаимодействия государства и частного бизнеса [1]. В свою очередь, Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15.07.2015г. № 305-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 мая 2024г. №27-З) содержит общие запреты и ограничения, однако его нормы не учитывают комплексный характер рисков, возникающих именно в проектах ГЧП, где пересекаются значительные финансовые потоки, сложные технические решения

и длительные договорные отношения [2]. Также следует учитывать и тот факт, что формирование коррупционных устремлений в значительной мере обусловлено социально-психологическими особенностями взаимоотношений части государственных служащих и бизнесменов [3, с.28].

На начальной стадии формирования перечня проектов ГЧП уже возникают существенные правовые пробелы. Анализ ст. 15 Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» подтверждает, что критерии отбора инициатив при подготовке предложений по реализации проектов сформулированы слишком обобщенно и не предполагают обязательной детальной публичной аргументации экономической целесообразности. Отсутствие требования об обязательном опубликовании полного финансово-экономического обоснования, включая расчет бюджетной эффективности, анализ альтернативных вариантов реализации и оценку долгосрочных последствий для публичных финансов, создает условия для лоббирования экономически необоснованных инициатив. Это особенно актуально для инфраструктурных проектов, где высока капиталоемкость и существенны косвенные эффекты.

Для системного решения данной проблемы представляется целесообразным внести изменения в ст. 15 Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», дополнив ее нормой об обязательном публичном обосновании включаемых в перечень проектов. Такое обоснование должно содержать не только положительные эффекты, но и детальный анализ рисков, включая коррупционные. Все материалы должны проходить обязательную независимую экспертизу и публиковаться на официальном портале Министерства экономики с обеспечением возможности общественного обсуждения до принятия окончательного решения. Это создаст дополнительный фильтр против недобросовестного лоббирования и повысит качество отбора проектов.

Значительные коррупционные риски возникают на стадии проведения конкурсов по выбору частного партнера. Нормы ст. 20-23 Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», регламентирующих подготовку и проведение конкурса, хотя и устанавливают общие принципы открытости и прозрачности, не содержат конкретных механизмов, препятствующих манипуляциям при формировании конкурсной документации и проведении отбора. В частности, отсутствуют действенные инструменты противодействия сговору между участниками, а также созданию необоснованных ограничений для потенциальных инвесторов. Общие антикоррупционные запреты, закрепленные в статьях 13, 17 и 22 Закона Республики Беларусь "О борьбе с коррупцией", не находят своего воплощения в нормах Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», что снижает их эффективность в предупреждении коррупционных рисков.

После выбора частного партнера коррупционные риски не исчезают, а зачастую трансформируются в риски недобросовестного исполнения соглашения. Анализ ст. 31-34 Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», регулирующих исполнение, изменение и расторжение соглашения, выявляет отсутствие эффективных механизмов независимого контроля за ходом реализации проекта. В частности, законодатель не предусмотрел институт независимого надзора который осуществлял бы постоянный мониторинг выполнения работ и подтверждение соответствия их результатов условиям соглашения. Это создает предпосылки для злоупотреблений как со стороны частного партнера (некачественное выполнение работ), так и со стороны государственных представителей (необоснованное принятие работ).

Для укрепления контрольных механизмов предлагается дополнить Главу 7 Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» отдельной статьей, закрепляющей правовой статус, полномочия и порядок деятельности независимых технических надзирателей. Финансирование их деятельности может осуществляться за счет средств целевого гарантийного фонда, формируемого за счет взносов участников ГЧП-проектов. Это создаст действенный инструмент объективного контроля на протяжении всего жизненного цикла проекта.

Таким образом, комплексный анализ законодательства Республики Беларусь подтверждает, что существующая правовая база, регламентирующая ГЧП, создает лишь

общие организационные рамки, но не обеспечивает системной защиты от коррупционных рисков на всех стадиях жизненного цикла партнерского проекта [4, с.88]. Предложенные меры по совершенствованию Закона Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» и его синхронизации с антикоррупционным законодательством направлены на создание многоуровневой системы "антикоррупционных фильтров».

Заключение. Проведенное исследование позволяет констатировать, что, несмотря на наличие в Республике Беларусь развитой законодательной базы в сфере ГЧП, действующее законодательство не содержит действенного механизма противодействия коррупционным рискам на различных стадиях реализации проектов, что обуславливает необходимость внесения системных изменений в Закон Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве», направленных на введение обязательного публичного обоснования проектов, усиление контроля за конкурсными процедурами посредством внедрения автоматизированного мониторинга закупок, установление института независимого технического надзора за исполнением соглашений и законодательное закрепление лимитов на изменение их ключевых условий, что в совокупности позволит создать эффективную систему «антикоррупционных фильтров» и повысить прозрачность и результативность использования государственных ресурсов в рамках партнерства с частным бизнесом.

1. О государственно-частном партнерстве: Закон Республики Беларусь от 30 дек. 2015 г. № 345-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024г. №27-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 15.10.2025). – Текст: электронный

2. О борьбе с коррупцией : Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 24 мая 2024г. №7-З // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 15.10.2025). – Текст: электронный

3. Сухарев, А.А. Психологическая составляющая коррупционных преступлений / А.А. Сухарев, В.О. Егорова. – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. – URL: https: //rep. vsu.by/handle/ 123456789 /26572 (дата обращения: 02.11.2025). – Электрон. версия ст. из: Право. Экономика. Психология. – 2021. — №1(21). —С. 22 – 32.

4. Борушко, Т. А. Совершенствование правового регулирования государственно-частного партнерства в Республике Беларусь / Т. А. Борушко // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. - 2011. - № 2. - С. 79 - 89.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ФАЛЕРИСТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СТРАНАХ ЕАЭС

Кузнецова А.А.,
студент 5 курса Псковского государственного университета,
г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Гринченко А.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. Фалеристика, культурные ценности, ЕАЭС, международное право, перемещение, разрешение, таможенное регулирование.

Keywords. Phaleristics, cultural values, EAEU, international law, movement, permission, customs regulation.

Фалеристика как область историко-культурного наследия включает изучение и коллекционирование орденов, медалей, нагрудных знаков и других предметов, связанных с наградной системой. В современном международном праве такие объекты признаются частью культурных ценностей, что требует особого режима их перемещения через границы.

Актуальность темы обусловлена тем, что государства–члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) ведут активное взаимодействие в сфере таможенного и культурного регулирования, однако в вопросах оборота фалеристических объектов сохраняются различия в национальных правовых подходах.

Цель исследования – провести сравнительный анализ правового регулирования перемещения фалеристических объектов в странах ЕАЭС и определить направления гармонизации нормативной базы.

Материалы и методы. В исследовании использованы нормативно–правовые акты Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения, а также нормативные акты Евразийского экономического союза и международные соглашения.

Методологическую основу составили сравнительно–правовой метод, позволяющий выявить общие и особенные черты национальных подходов, системный анализ – для рассмотрения взаимодействия национальных и международных норм, а также формально–юридический метод при анализе терминологии и структуры нормативных актов. Использовались тексты Конвенции ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности», Конвенции УНИДРУА «О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях», Таможенного кодекса ЕАЭС и Решений Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Результаты и их обсуждение. В правовых системах стран ЕАЭС объекты фалеристики относятся к категории культурных ценностей, подлежащих особому контролю при перемещении через границу. Согласно Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии, к культурным ценностям относятся предметы, созданные более 50 лет назад [1]. Это положение служит единым критерием для стран Союза, однако на уровне национальных законодательств сохраняются определённые отличия.

В Российской Федерации и Республике Беларусь фалеристические предметы рассматриваются как объекты культурного наследия при условии, что они созданы более 50 лет назад и имеют историческую или художественную ценность. Перемещение таких предметов возможно только при наличии разрешения Министерства культуры, выдаваемого после получения экспертного заключения [2, 3]. В Казахстане аналогичная процедура установлена Приказом Министерства культуры и спорта, при этом «медали, монеты и печати» прямо включены в перечень культурных ценностей [4]. В Кыргызстане и Армении подход несколько шире: законодательство включает в состав культурных ценностей все ордена и медали независимо от возраста [5, 6], что усиливает охранный характер регулирования.

Общим для всех государств ЕАЭС является обязательное проведение экспертной оценки при ввозе или вывозе фалеристических предметов. Эксперты определяют культурную, историческую и коллекционную ценность объектов, после чего выдается заключение и разрешение для перемещения. В Беларуси и России функции экспертизы возложены на Министерства культуры и их экспертные советы [2, 3]; в Казахстане – на соответствующие подразделения Министерства культуры и спорта [4]; в Кыргызстане – на Государственную комиссию по культуре [5].

Нормы ответственности за незаконное перемещение фалеристических объектов закреплены во всех национальных законодательствах. Например, Кодекс об административных правонарушениях Республики Беларусь предусматривает штраф за попытку вывоза культурных ценностей без разрешения до 30 базовых величин [7]. В Казахстане и России аналогичные меры ответственности установлены статьями об обороте культурных ценностей.

Правовая основа регулирования включает не только национальные акты, но и международные документы: Конвенцию ЮНЕСКО 1970 года «О мерах, направленных на запрещение и предотвращение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности» и Конвенцию УНИДРУА 1995 года «О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях» [8, 9]. Эти соглашения закрепляют обязанность государств обеспечивать идентификацию, учёт и контроль за перемещением культурных ценностей, что в полной мере применимо и к фалеристическим предметам.

Таким образом, несмотря на общие стандарты ЕАЭС, правовое регулирование в отдельных государствах имеет специфику, связанную с различиями в определении культурной ценности, сроках давности создания предметов, а также в организационной структуре органов, уполномоченных на выдачу разрешений. Тем не менее, наблюдается тенденция к унификации процедур на основе Таможенного кодекса ЕАЭС и Решений Евразийской экономической комиссии.

Заключение. Регулирование перемещения фалеристических объектов в странах ЕАЭС в целом гармонизировано, однако сохраняются различия в деталях правоприменения и классификации культурных ценностей. Наиболее сбалансированным представляется подход, при котором исторические и коллекционные фалеристические предметы подпадают под контроль при пересечении границы, а государственные награды, имеющие удостоверение владельца, освобождаются от разрешительного режима.

Для повышения эффективности регулирования и предотвращения незаконного оборота фалеристических ценностей целесообразно:

– унифицировать возрастные критерии (например, закрепить единый 50–летний порог для всех стран ЕАЭС);

– разработать общие методические принципы экспертизы фалеристических объектов;

– создать межгосударственную электронную базу данных культурных ценностей.

Такая комплексная гармонизация национальных подходов позволит обеспечить баланс между сохранением культурного наследия и развитием научного и коллекционного обмена предметами фалеристики в рамках ЕАЭС.

1. О мерах нетарифного регулирования [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/. – Дата доступа: 08.11.2025.

2. О вывозе и ввозе культурных ценностей [Электронный ресурс] : закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804–1 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1905/. – Дата доступа: 08.11.2025.

3. Кодекс Республики Беларусь о культуре [Электронный ресурс] : 20 июля 2016 года № 413-З : принят Палатой представителей 24 июня 2016 года // Юрист. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35508167&pos=6;-108#pos=6;-108. – Дата доступа: 08.11.2025.

4. О внесении изменений в приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 22 января 2015 года N 19 «Об утверждении Правил выдачи свидетельства на право временного вывоза культурных ценностей» [Электронный ресурс] : приказ Министра культуры и спорта Республики Казахстан от 6 мая 2020 г. N 111 // АльтаСофт. – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/20z00111/. – Дата доступа: 08.11.2025.

5. Об учете, охране, реставрации и использовании объектов историко–культурного наследия [Электронный ресурс] : положение в редакции постановлений Правительства Кыргызской Республики от 25 августа 2006 года № 614, 22 сентября 2014 года № 543) // официальный сайт министерства культуры Кыргызской Республики – Режим доступа: https://golnk.ru/Q9q3B. – Дата доступа: 08.11.2025.

6. О вывозе и ввозе культурных ценностей [Электронный ресурс] : закон Республики Армения от 06.12.2004 // Официальный сайт Парламента Республики Армения. – Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2174&lang=rus. – Дата доступа: 08.11.2025.

7. Об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. N 91-З // АльтаСофт. – Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/21bl0091/. – Дата доступа: 08.11.2025.

8. О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности [Электронный ресурс] : конвенция ЮНЕСКО от 14 ноября 1970 года // Гарант. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2540238/. – Дата доступа: 08.11.2025.

9. О похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях [Электронный ресурс] : конвенция УНИДРУА от 24 июня 1995 года // Гарант. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2559122/. – Дата доступа: 08.11.2025.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕРЫ РЕШЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПРОБЛЕМ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Лазаревич И.С.,
студент 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Николичев Д.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. Искусственный интеллект, машинное обучение, персональные данные, авторские права, сертификация, стандартизация, защита от противоправных посягательств.

Keywords. Artificial intelligence, machine learning, personal data, copyright, certification, standardization, protection against illegal encroachments.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) сегодня представляет собой технологию, являющуюся ключом к устойчивому экономическому росту и повышению социального благосостояния. Вместе с тем его развитие сопряжено с рисками, которые могут быть связаны с противоправными посягательствами на охраняемые законом общественные

отношения и блага (кибератаки, дезинформация, телефонное мошенничество, нарушение авторских прав), созданием вредоносных систем ИИ, утечкой персональных данных.

Предотвращение таких угроз напрямую зависит от качества процесса обучения ИИ и набора используемых для этого данных. Для правового регулирования этого процесса в Республике Беларусь созданы необходимые условия: в апреле 2025 года Межпарламентской ассамблеей СНГ был принят Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» (далее – Модельный закон), для имплементации норм которого уже создана рабочая группа, разрабатывающая концепцию закона Республики Беларусь о технологиях ИИ [1].

Полагаем, в разрабатываемой концепции закона должны найти отражение решения названных выше вопросов. В этой связь цель данной работы – предложить наиболее эффективные меры правового регулирования процесса обучения систем ИИ в Республике Беларусь, обеспечивающие развитие сферы ИИ, защиту общественной безопасности и правопорядка и соответствующие положениям Модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта».

Материал и методы. В исследовании применялись следующие методы: всеобщий философский метод диалектики, общенаучные (индукции, дедукции, анализа и обобщения) и частнонаучные (формально-юридический, правового моделирования и прогнозирования) методы. Источниковедческой основой послужил Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта».

Результаты и их обсуждение. Современные модели ИИ в процессе своего обучения требуют большое количество данных, что порождает две проблемы: 1) отсутствие необходимого количества данных в открытом доступе (связано с невозможностью использования персональных данных и произведений, охраняемых авторским правом); 2) неподготовленность открытых данных для целей машинного обучения (требуется их предварительная обработка).

Для решения первой проблемы, которое найдёт отражение в законодательстве Республики Беларусь о технологиях ИИ, следует обратиться к положениям главы 6 Модельного закона. В частности, в части 2 статьи 29 приведена классификация используемой для ИИ информации на открытые наборы данных и данные ограниченного использования [2]. Перечень информации, распространение или предоставление которой ограничено, содержится в части 1 статьи 17 Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» и включает в себя персональные данные [3]. К данной категории информации можно также отнести объекты авторских и смежных прав, поскольку, за исключением случаев их свободного использования, доступ к ним может быть ограничен правообладателем.

В статье 32 Модельного закона предложены меры правового регулирования предоставления данных для обучения ИИ. При анализе всех её положений во взаимосвязи можно выявить следующее:

1. В основном удовлетворение нужд обучения ИИ будет осуществляться путём реализации политики открытых данных, создания общих пространств данных, в которых будут располагаться подготовленные, структурированные наборы информации – датасеты, содержание которых будет определяться уполномоченным государственным органом в сфере технологий ИИ.

2. Информация ограниченного распространения будет предоставляться для обучения ИИ в порядке, предусмотренном национальным законодательством, который не исключает использование экономических инструментов стимулирования обмена данными в целях расширения доступа к ним для государственного и частного секторов.

Следовательно, при использовании для тренировки генеративных нейросетей персональных данных можно всецело руководствоваться Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных». Что касается объектов авторского права, необходимо законодательно предусмотреть дополнительный случай их свободного платного использования, а также закрепить обязанность разработчиков указывать используемые ими при создании систем ИИ результаты интеллектуальной деятельности в целях обеспечения прав авторов и предотвращения недобросовестной конкуренции.

Решение второй проблемы заключается в реализации одной из мер государственного регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта, предусмотренной Модельным законом, – сертификации. Причём в статье 23 определены требования к такой сертификации:

- использование проверенного и качественного набора данных;
- наличие технической документации;
- наличие механизма автоматической записи событий;
- прозрачность и доступность информации о технологии искусственного интеллекта для пользователей;
- возможность контроля технологии искусственного интеллекта человеком;
- точность, надежность и безопасность;
- наличие внутренних проверок технологии искусственного интеллекта;
- наличие системы управления рисками.

Подробнее остановимся на требовании о проверенном и качественном наборе данных. Этот вопрос может быть разрешён в законодательстве Республики Беларусь на основе статьи 30 Модельного закона, которая предусматривает, что порядок формирования, подготовки, разметки и использования наборов данных для создания и тестирования технологий ИИ определяется национальным законодательством с учетом требований международных стандартов.

Действительно, создание стандартов, определяющих качественные характеристики данных, которые могут быть использованы для тренировочного процесса нейросетей, представляется одной из актуальных мер по обеспечению соответствия программным продуктам на основе ИИ сертификационным требованиям.

Таким образом, в будущем законе Республики Беларусь о технологиях ИИ необходимо предусмотреть механизмы сертификации систем ИИ, а также указать на необходимость использования при их обучении данных, соответствующих государственным стандартам в данной области.

Вместе с тем важно понимать, что такие меры позволят обеспечить безопасность систем ИИ, создаваемые профессиональными разработчиками. Однако ввиду открытости нейросетей для общего пользования нельзя полностью проконтролировать процесс создания продуктов на основе ИИ, который может осуществляться неквалифицированными специалистами в данной области или злоумышленниками. Если первую проблему можно решить путём создания реестра сертифицированных систем ИИ, которые могут использоваться для соответствующих целей без риска потери персональных данных или утечки информации, то проблема защиты от противоправных посягательств требует применения технических мер защиты. К таким мерам можно отнести программы, способные распознавать искусственно сгенерированные голос, текст, изображение.

Заключение. Машинное обучение является важной отраслью науки и одной из передовых технологий совершенствования систем ИИ, но вместе с тем сопряжено с рядом рисков. Для их предотвращения в разрабатываемом в Республике Беларусь законе о технологиях ИИ необходимо предусмотреть следующие положения, которые будут органичным продолжением норм Модельного закона:

«Обучение систем ИИ должно осуществляться при помощи открытой информации, содержащейся в общих пространствах данных. Объём и структура такой информации определяется и формирование названных пространств осуществляется в соответствии с решениями уполномоченного государственного органа в сфере технологий ИИ. Используемые данные должны соответствовать государственным стандартам в области качества обучающих данных для систем ИИ.

При обучении систем ИИ с использованием персональных данных применяются нормы законодательства о персональных данных.

Допускается свободное использование объектов авторских прав при обучении систем ИИ при условии уведомления авторов о таком использовании их произведений и выплате вознаграждения, размер которого определяется в соответствии с соглашением

сторон и на основе принципа разумности. Нарушение данных требований влечёт установленную законодательством ответственность.

Системы ИИ подлежат обязательной сертификации в порядке, установленном законодательством.

Уполномоченный государственный орган в сфере технологий ИИ обеспечивает создание, содействует развитию и распространению программных инструментов по защите от вредоносных систем ИИ и использования ИИ в противоправных целях».

1. Гаврилова, В. Искусственный интеллект в Беларуси: какие технологии разрабатывают и как их будут регулировать / В. Гаврилова // БелТА. – URL: https://belta.by/comments/view/iskusstvennyj-intellekt-v-belarusi-kakie-tehnologii-razrabatyvajut-i-kak-ih-budut-regulirovat-9691/. – Дата публ.: 05.06.2025.

2. Модельный закон «О технологиях искусственного интеллекта» : утв. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 18 апреля 2025 г. № 58-8 // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. – URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1292 (дата обращения: 02.11.2025).

3. Об информации, информатизации и защите информации : Закон Республики Беларусь 10 ноября 2008 г. № 455-З : в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.11.2025).

ПОНЯТИЕ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Лученок В.О.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Защита гражданских прав, способы защиты гражданских прав.
Keywords. Protection of civil rights, ways to protect civil rights.

В современном белорусском обществе, которое активно создаёт систему рыночной экономики, проблема защиты гражданских прав стоит довольно остро.

Следует отметить, что действующее законодательство недостаточно охватывает рассматриваемую проблематику. Особое внимание обращает на себя проблема обеспечения защиты законных интересов и прав участников правоотношений в ситуациях, когда имеет место злоупотребление правом со стороны одного из субъектов, его искажение или использование правовых механизмов в корыстных целях. Тем не менее, подобные случаи регулярно фиксируются в реальной практике.

Цель исследования – проанализировать понятие защиты гражданских прав, систематизировать существующие способы такой защиты в рамках действующего законодательства.

Материал и методы. В рамках работы изучались нормативные правовые акты, специальная и учебная литература по теме исследования. В качестве методов исследования использовались метод анализа и обобщения, а также формально-юридический метод.

Результаты и их обсуждение. В обобщённом виде право на охрану можно трактовать как предоставленную уполномоченному субъекту возможность задействовать юридические средства защитного характера с целью восстановления нарушенного либо оспариваемого правомочия.

Правовая квалификация данной возможности вызывает споры в литературе. Согласно традиционной концепции, право на защиту является составной частью самого субъективного права наряду с правом на собственные действия, а также правом требовать определенного поведения от обязанных лиц. По мнению ряда ученых, обеспеченность субъективного права возможностью государственного принуждения — это его неотъемлемое качество и такая возможность существует не параллельно с другими, закрепленными в субъективном праве возможностями, а свойственна им самим, так как без этого они не были бы юридическими возможностями. Несмотря на некоторые различия, существующие между этими точками зрения, принципиальных расхождений между ними нет, так как в обоих случаях право на защиту рассматривается в качестве обязательного элемента самого субъективного права. (2)

Защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном законом порядке, т.е. посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты. Под формой защиты понимается комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов. Различают две основные формы защиты — юрисдикционную и неюрисдикционную.

Юрисдикционная форма защиты есть деятельность уполномоченных государством органов по защите нарушенных и оспариваемых субъективных прав. Суть ее выражается в том, что лицо, права и законные интересы которого нарушены неправомерными действиями, обращается за защитой к государственным или иным компетентным органам (в суд, третейский суд, вышестоящую инстанцию и т.д.), которые уполномочены принять необходимые меры для восстановления нарушенного права и пресечения правонарушения.

В рамках юрисдикционной формы защиты, в свою очередь, выделяются общий и специальный порядок защиты нарушенных прав. По общему правилу, защита гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в судебном порядке.

Неюрисдикционная форма защиты охватывает собой действия граждан и организаций по защите гражданских прав и охраняемых законом интересов, которые совершаются ими самостоятельно, без обращения за помощью к государственным и иным компетентным органам.

К понятию «самозащита» существует два основных подхода. Один из них, сформулированный В.П. Грибановым [3, с. 160] заключается в том, что к самозащите гражданских прав относится совершение управомоченным лицом действий фактического характера, направленных на охрану его личных или имущественных прав и интересов, интересов и прав других лиц и государств. При таком понимании к самозащите относятся фактические действия собственника или иного законного владельца, направленные на охрану имущества, а также аналогичные действия, совершенные в состоянии необходимой обороны и в условиях крайней необходимости. При таком подходе действия юридического характера, применяемые управомоченным лицом без обращения за защитой права к компетентным государственным органам, в понятие «самозащита» не включаются и составляют самостоятельную группу мер защиты. В литературе эту группу называют меры оперативного воздействия на нарушителя гражданских прав [5]. К ним относятся, например, односторонний отказ от нарушенного другой стороной договора, задержка выдачи груза до внесения всех причитающихся платежей и т. п. Второй подход был разработан Ю.Г. Басиным, который одним из первых в советской литературе выдвинул понятие самозащиты гражданских прав и который включает в это понятие не только действия фактического характера, но и юридические акты, совершаемые управомоченным лицом в одностороннем порядке с целью защиты или восстановления нарушенного субъективного права (например, безакцептное списание задолженности, отказ покупателя от продукции и т. п.). При таком подходе к мерам самозащиты относятся в большинстве случаев оперативные санкции, а в исключительных случаях - и имущественная ответственность.

Защита гражданских прав и охраняемых законом интересов обеспечивается применением предусмотренных законом способов защиты.

Под способами защиты субъективных гражданских прав понимаются закрепленные законом материально-правовые меры принудительного характера, посредством которых производится восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав и воздействие на правонарушителя. Общий перечень этих мер дается ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь (Далее — ГК).

Закрепление в специальных нормах тех или иных способов защиты, равно как и выбор способа защиты из числа предусмотренных ст. 11 ГК в тех случаях, когда в специальных нормах нет указаний на конкретные способы защиты, в свою очередь, определяются спецификой защищаемого права и характером нарушения. Например, такие способы защиты, как возмещение убытков и взыскание неустойки, применяются чаще

всего при нарушении имущественных прав. Напротив, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, является типичным способом защиты личных неимущественных прав. Достаточно очевидно влияние на выбор конкретных способов защиты и характера правонарушения.

Так, если в результате правонарушения субъективное право полностью уничтожается, восстановить положение, существовавшее до нарушения права, практически невозможно, и потому подлежат применению те способы защиты, которые направлены на заглаживание причиненного вреда, — взыскание убытков и неустойки, возмещение вреда в натуре и т.п. Таким образом, хотя обладатель нарушенного субъективного права в очерченных законом рамках самостоятельно выбирает конкретный способ его защиты, сам этот выбор обычно предопределяется отмеченными выше обстоятельствами. [3]

В.П. Грибанов в специальной монографии по рассматриваемой проблеме пишет, что принцип недопустимости злоупотребления правом, нашедший свое отражение, в частности, в работах М. М. Агаркова и С. И. Вильнянского, был вызван опасениями того, что закрепление в законе принципа недопустимости злоупотребления правом даст достаточно широкий простор для судейского усмотрения, что может привести на практике к нарушению основного принципа гражданского права—принципа законности—и к незаконному ограничению прав физических и юридических лиц. Однако эти опасения нельзя признать убедительными, так как они, по существу, исходят из неправильной оценки принципа недопустимости злоупотребления гражданскими правами. К тому же, подобный исход вряд ли возможен в условиях романо-германской правовой семьи, где усмотрение и произвол судей ограничены. [5, с.411]

Заключение. По нашему мнению, проблему злоупотребления правом нужно рассматривать не только с точки зрения противопоставления национальной системе права, общепринятым нормам международного права, но также отчасти как и антоним устоявшемуся выражению «мораль общества», ведь именно нравственный аспект осознания лежит в основе данного правонарушения. Злоупотребление посягает своим существом на один из главных принципов права, т.е. принцип справедливости. Также следует отметить, что к злоупотреблению правом можно отнести и бесполезность (бесцельность) его использования, при помощи которого одно лицо посягает на право другого лица либо желает тем самым причинить ему ущерб, в какой- либо мере ущемить законные интересы. Немаловажную роль здесь играет так называемый процедурный формализм, ведь по сути своей, лицо реализовывает закреплённое за ним законом право, однако в ущерб другому.

Мы считаем, что данную коллизию можно назвать как правовой, так и моральной, нравственной. По сути, норма закона не может возложить на кого-либо обязанность соблюдать нормы морали, устоявшиеся «мононормы», т.е. обычаи в обществе, соответственно, злоупотребления правом, завуалированным под реализацию и защиту прав и интересов, избежать очень сложно.

Представляется, что при формировании института защиты гражданских прав и его нормативном закреплении следует уделять повышенное внимание механизмам самозащиты. При этом необходимо учитывать, что в белорусском социуме сохраняется определённый уровень правового нигилизма и недоверия к государственным институтам, что существенно тормозит прогресс в данном направлении.

Полагаем, что повышение уровня правосознания и правовой культуры в менталитете белорусского народа — это первоочередной шаг к укреплению института защиты прав, к его эволюции на более высокий уровень.

1. Толстой Ю.К., Сергеев А.П. Гражданское право в 3 томах. Т.1. С-Петербург, 2005.
2. Витушко В.А. Курс гражданского права. Общая часть: Научно-практическое пособие. Т. 1. Мн.: БГЭУ, 2001.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав.-М.: Статут, 2000.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова. - М.: БЕК, 1994.
5. Российское гражданское право. Т. 1 / отв. ред. Е.А. Суханов. - М.: Статут, 2010.

АНТИКРИЗИСНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ БИЗНЕСА: ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ПРАВОВЫЕ РАМКИ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)

Медведева Е.С.,
студентка 4 курса Югорского государственного университета,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация
Научный руководитель – Абилькенова В.А., канд. соц. наук, доцент

Ключевые слова. Антикризисные меры, государственная поддержка, малый и средний бизнес, финансовая стабильность, правовое регулирование, пандемия COVID-19, предпринимательская экосистема.

Keywords. Crisis management measures, state support, small and medium-sized businesses, financial stability, legal regulation, COVID-19 pandemic, entrepreneurial ecosystem.

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным вызовом для глобальной экономики, оказав шоковое воздействие на субъекты предпринимательства по всему миру. Российский бизнес, особенно в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП), столкнулся с резким спадом потребительского спроса, нарушениями цепочек поставок, стагнацией продаж и острым дефицитом денежных потоков. В этих условиях ключевую роль в обеспечении выживаемости и сохранения финансовой стабильности предприятий сыграли антикризисные меры государственной поддержки. Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексной оценки эффективности этих мер и анализа правовых рамок, в которых они реализовывались, для формирования устойчивых стратегий на будущее. Целью данного исследования является анализ финансовых инструментов государственной поддержки бизнеса в период пандемии COVID-19, оценка их эффективности и выявление правовых рисков и коллизий, сопровождавших их внедрение.

Материал и методы. Исследование основано на анализе научных публикаций, нормативных правовых актов и аналитических отчетов, посвященных мерам государственной поддержки бизнеса в период пандемии. В работе использованы методы системного анализа, сравнительно-правового подхода, а также экономико-статистического анализа данных. Эмпирическую базу составили результаты конкретных кейсов, в частности, анализ влияния поддержки на финансовые показатели предприятий, проведенный в работах Шигильчевой С.А. и др. [1], а также теоретические выводы о правовых рисках в кризисных условиях, сформулированные Малковой П.Ю. [4] и Зениным С.С. [5].

Результаты и их обсуждение. Первый результат: финансово-кредитные инструменты поддержки и оценка их эффективности. В ответ на кризис государством был оперативно развернут широкий спектр финансовых мер поддержки. Ключевыми инструментами стали:

• Льготное кредитование: Программы «ФОТ 2.0» (ставка 2%) и «ФОТ 0» (беспроцентные кредиты на выплату зарплат) позволили предприятиям сохранить персонал и поддержать операционную деятельность. Как показало исследование на примере ООО «Мануфактура «Традиции Трикотажа», привлечение краткосрочных кредитов в рамках господдержки позволило компании увеличить выручку на 40 086,86 тыс. руб. [1]. Эконометрическая модель, построенная авторами, продемонстрировала прямую зависимость выручки предприятий от объема краткосрочных кредитов и среднесписочной численности работников.

• Субсидии и гранты: Предоставление безвозмездной финансовой помощи, особенно начинающим и социально ориентированным предпринимателям, стало критически важным для старта и сохранения бизнеса в приоритетных отраслях, таких как IT, туризм и сельское хозяйство [3].

• Налоговые льготы и моратории: «Налоговые каникулы», отсрочки по уплате налогов и страховых взносов, снижение налоговой нагрузки позволили бизнесу высвободить средства для текущих нужд.

К. Д. Коротких и соавторы в своем исследовании дают оценку эффективности данных мер, отмечая, что «основное внимание обращено на меры государственной поддержки бизнеса в период пандемии. Дана оценка эффективности государственным мерам поддержки предпринимательской экосистемы» [6]. Они же подчеркивают, что, несмотря на позитивный эффект, «в ходе работы при использовании метода контент-анализа осуществлено исследование трудностей, с которыми столкнулся бизнес в условиях COVID-19... а также дана оценка эффективности государственных мер поддержки» [7], указывая на их недостаточную адресность и сложность административных процедур получения.

Второй результат: правовые рамки и риски реализации антикризисных мер. Правовое обеспечение мер поддержки в условиях пандемии столкнулось с рядом системных вызовов, что отмечается в трудах правоведов.

• Правовая неопределенность и ускоренное нормотворчество: как справедливо отмечает П. Ю. Малкова, «в условиях неопределенности и отсутствия единообразия законотворческие процессы в чрезвычайных условиях сопряжены с неизбежными правовыми рисками» [4]. Меры вводились в основном указами исполнительной власти и подзаконными актами, что зачастую приводило к нечеткости формулировок и их противоречивости. С. С. Зенин указывает на проблему «смешения различных по природе правовых режимов» (режим повышенной готовности и карантин), содержание которых не было четко разграничено в законодательстве [5]. Это создавало почву для правовых коллизий и злоупотреблений.

• Разграничение полномочий между центром и регионами: Одной из ключевых проблем стало отсутствие единой скоординированной стратегии. П. Ю. Малкова выделяет «разобщенность в правотворческом процессе: центр и регионы» как значительный фактор правовых рисков [4]. В России федеральный центр делегировал регионам полномочия по введению ограничений и мер поддержки, что привело к значительной вариативности и, как следствие, к правовой неопределенности для бизнеса, работающего в нескольких субъектах РФ.

• Сужение роли законодательной власти и контрольных механизмов: Кризис способствовал значительному усилению роли исполнительной власти. «Ускоренный законодательный процесс и чрезмерное усиление роли исполнительной власти», по мнению П. Ю. Малковой, привели к нивелированию парламентского контроля и создали риски несоблюдения прав человека и предпринимателей [4].

Третий результат: проблемы доступности поддержки и развитие предпринимательской экосистемы. Исследования показывают, что меры поддержки зачастую были недостаточно доступны для микробизнеса и начинающих предпринимателей. Леонтьев В.Е. и Нецымайло К.В. указывают на необходимость разработки «программы финансирования микропредприятий, предусматривающей двухгодичные консультации и срочное кредитование», а также обеспечения доступа молодежи к начальному капиталу [2]. Важным направлением стало развитие информационной инфраструктуры – создание порталов «Мой бизнес», цифровой платформы МСП, которые аккумулировали информацию о мерах поддержки и помогали предпринимателям в них ориентироваться [1, 3].

К. Д. Коротких и коллеги, анализируя развитие предпринимательской экосистемы, формулируют «рекомендации по стратегиям антикризисной государственной поддержки бизнеса в условиях кризисов, вызванных биологическими угрозами» [6], подчеркивая необходимость более гибких и адресных подходов, учитывающих специфику разных отраслей и категорий бизнеса.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что комплекс антикризисных финансовых мер государственной поддержки бизнеса в период пандемии COVID-19 в целом сыграл положительную роль в стабилизации ситуации, позволив многим предприятиям, особенно в наиболее пострадавших отраслях, сохранить персонал, поддержать ликвидность и адаптироваться к новым условиям. Эконометрические оценки подтверждают прямую связь между объемами поддержки и ключевыми финансовыми показателями компаний.

Однако эффективность мер была существенно снижена из-за правовых рисков и институциональных проблем. Правовая неопределенность, разрозненность действий федерального центра и регионов, ускоренное нормотворчество в обход полноценного парламентского контроля создали значительные административные барьеры и правовые коллизии.

1. Шигильчева, С.А. Оценка влияния мер государственной поддержки на финансовую стабильность предприятий / С.А. Шигильчева, Т.В. Задорова, А.В. Христофорова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32, вып. 3. – С. 482–487.

2. Леонтьев, В.Е. О мерах по дальнейшему развитию государственной финансово-кредитной поддержки малого и среднего бизнеса в регионе / В.Е. Леонтьев, К.В. Нецымайло // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 2. – С. 165–167.

3. Янь Мич Цзе. Налоговые и бюджетные инструменты финансовой поддержки субъектов малого бизнеса, особенности государственной поддержки социального предпринимательства в регионах РФ // Плехановский научный журнал. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: (условный ссылка на источник).

4. Малкова, П.Ю. Факторы правовых рисков при реагировании государств на пандемию COVID-19: сравнительный анализ и пути преодоления / П.Ю. Малкова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 6. – С. 18–30.

5. Зенин, С.С. Нормативно-правовое обеспечение деятельности органов публичной власти в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) / С.С. Зенин // Lex russica. – 2021. – Т. 74, № 7. – С. 73–84.

6. Коротких, К. Д. Научно-методический инструментарий наилучших практик использования мер государственной поддержки предпринимательской экосистемы в России в условиях глобального кризиса, вызванного биологическими угрозами / К. Д. Коротких, А. Е. Чемоданова, А. И. Ильина, Д. В. Санников // Детерминанты развития экономики и общества в условиях глобальных изменений : сборник статей II международной научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 19–24.

7. Коротких, К. Д. Развитие предпринимательской экосистемы в России в условиях глобального кризиса / К. Д. Коротких, А. Е. Чемоданова, А. И. Ильина, Д. В. Санников // Российский научный журнал "Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований". – 2024. – № 1 (13). – С. 127–135.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Новак Е.Н., Рашкевич П.А.,
студенты 2 курса Белорусского государственного экономического университета,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Тогулева А.С., ассистент кафедры

Ключевые слова. Общественное объединение, административно-правовой статус, административная правосубъектность, права и обязанности, ответственность, гражданское общество.

Keywords. Public association, administrative legal status, administrative legal personality, rights and obligations, responsibility, civil society.

В условиях построения правового и социального государства особое значение приобретает участие граждан в управлении общественными и государственными вопросами. Одной из ключевых форм такой активности выступают общественные объединения. В этой связи актуальным для исследования является изучение комплекса прав, обязанностей, а также ответственности общественных организаций как субъектов административного права. Целью исследования является анализ административно- правового статуса общественных объединений в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалами исследования послужили Закон Республики Беларусь «Об общественных объединениях», научные труды ученых правоведов в сфере административного права, регулирования отношений с участием общественных объединений. В рамках исследования были использованы методы анализа, синтеза, формально-юридический и иные методы.

Результаты и их обсуждение. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях», общественным объединением является добровольное объединение граждан, в установленном законодательством порядке объединившихся для совместного осуществления и удовлетворения социальных, экономических, культурных и иных интересов и достижения уставных целей [1].

Общественные объединения в Республике Беларусь не только реализуют право граждан на объединение, закреплённое в Конституции, но и выступают самостоятельными субъектами административного права. Они вступают в административно-правовые отношения с государственными органами, подлежат государственной регистрации, осуществляют взаимодействие с органами исполнительной власти, а также несут административную ответственность за нарушение законодательства.

Административно-правовой статус общественных объединений – это их правовое положение в сфере государственного управления. Он определяется теми же элементами, что и административно-правовой статус граждан. Прежде всего, это комплекс их прав и обязанностей, закрепленный нормами административного права, порядок создания и государственной регистрации и административная ответственность [2].

Административная правосубъектность общественных объединений возникает с момента принятия объединением решений о его создании, об утверждении устава объединения и формирования руководящих и контрольно-ревизионных органов съездом конференцией) или общим собранием. После принятия указанных решений объединение считается созданным. Оно осуществляет свою уставную деятельность, приобретает права и принимает на себя обязанности, предусмотренные Законом Республики Беларусь «Об общественных объединениях». Административная правосубъектность общественных объединений закрепляется государством, включая комплекс принадлежащих им прав и обязанностей, реализуемых во взаимоотношениях с представителями исполнительной власти и гражданами [3].

При осуществлении своих прав общественные объединения обладают правом на получение информации от государственных органов, правом вносить предложения по проектам нормативных правовых актов, участвовать в общественных обсуждениях, обжаловать действия (бездействие) и решения должностных лиц в административном и судебном порядке, а также осуществлять общественный контроль в соответствии с законодательством.

Наряду с предоставленными правами, законодательство возлагает на общественные объединения определенные административно-правовые обязанности, выполнение которых является залогом их легитимного функционирования и поддержания правопорядка. Основными обязанностями являются соблюдение законодательства, предоставление сведений о своей деятельности (отчетность), информирование регистрирующего органа о изменениях в учредительных документах и составе руководящих органов.

Общественные объединения и их должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности за нарушение законодательства, регулирующего их деятельность (например, за осуществление деятельности, не соответствующей уставным целям, или непредставление отчетности). Меры административного воздействия могут включать предупреждение, штрафы, а в случаях грубых или систематических нарушений – приостановление деятельности или ликвидацию по решению суда.

Взаимодействие общественных объединений с государственными органами в Республике Беларусь представляет собой многогранный процесс, который осуществляется в различных административно-правовых формах.

Одной из ключевых форм является участие в коллегиальных и консультативных органах. Представители общественных объединений активно вовлекаются в работу различных общественных советов, рабочих комиссий и иных совещательных структур, создаваемых при государственных органах на всех уровнях. Они могут вносить свои предложения по совершенствованию законодательства, высказывать замечания и рекомендации. Это позволяет учитывать мнение гражданского общества при обсуждении направлений развития, разработке программ и принятии важных управленческих решений, что способствует формированию более качественной и сбалансированной правовой базы, соответствующей реальным общественным запросам.

Государство также оказывает государственную поддержку общественным объединениям, признавая их роль в решении социально значимых задач. Эта поддержка может выражаться в предоставлении грантов, субсидий, а также в оказании консультационной

помощи. Такой подход стимулирует общественные объединения к реализации проектов, направленных на развитие общества, поддержку уязвимых групп населения и решение актуальных социальных проблем.

Наконец, неотъемлемой частью взаимодействия является информационное взаимодействие. Общественные объединения имеют право получать от государственных органов информацию, необходимую для осуществления их уставной деятельности, при условии соблюдения установленных законом ограничений. В свою очередь, они также предоставляют государственным органам информацию о своей деятельности, обеспечивая прозрачность и подотчетность. Этот постоянный обмен информацией способствует лучшему взаимопониманию и координации усилий между государством и гражданским обществом.

Заключение. Общественные объединения являются важным элементом гражданского общества и выступают самостоятельными субъектами административного права. Их административно-правовой статус определяется совокупностью прав, обязанностей, процедур и механизмов взаимодействия с органами государственной власти, закреплённых в нормативно-правовых актах Республики Беларусь. Укрепление правового положения общественных объединений и развитием механизмов их взаимодействия с органами власти – важный шаг на пути к построению устойчивого гражданского общества и правового государства в Республике Беларусь.

1. Об общественных объединениях: Закон Респ. Беларусь от 4 октября 1994 г. № 3254-XII: в ред. от 14 февраля 2023 г. № 251-З // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 03.11.2025).

2. Солдатов А.П. Учебник по административному праву / Под ред. А.П. Солдатов (Особенная часть), В.А. Мельников (Общая часть). М.: Феникс, 2006. С. 114.

3. Пугачева, Т.И. Общественные объединения как субъекты административного права [Электронный ресурс] / Т.И. Пугачева. URL : https://elib.psu.by/bitstream/123456789/4375/13/13.%20%D0%A2%D0%95%D0%9C%D0%90%2011.doc (дата обращения: 04.11.2025).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ШПИОНАЖ

Обух Е.В.[1], Волков А.В.[2],
[1]студент 2 курса,[2] ст. преподаватель ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова. Шпионаж, измена государству, государственная тайна, национальная безопасность, уголовная ответственность, разграничение составов, субъект преступления.

Keywords. Espionage, high treason, state secrets, national security, criminal liability, differentiation of offenses, subject of the crime.

В условиях современной геополитической нестабильности и усиления информационного противоборства обеспечение безопасности государства от внешних угроз приобретает первостепенное значение. Одной из наиболее опасных форм таких угроз является шпионаж, направленный на подрыв суверенитета, обороноспособности и экономической безопасности страны. Уголовное законодательство Республики Беларусь содержит ряд строгих норм, направленных на противодействие этой деятельности, однако их применение сопряжено с необходимостью точной квалификации и разграничения смежных составов. Это обуславливает актуальность комплексного анализа уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за шпионаж, и выявления проблемных аспектов их правоприменения. Цель исследования – провести уголовно-правовой анализ составов преступлений, связанных со шпионажем, по законодательству Республики Беларусь, определить их отличительные признаки и сформулировать актуальные проблемы квалификации.

Материал и методы. Материалом исследования послужили положения Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в частности статьи 254, 356, 358 и 375^1, а также научные публикации по теме. В работе применялись методы формально-юридического,

сравнительно-правового и системного анализа, что позволило всесторонне изучить структуру составов преступлений и выявить критерии их разграничения.

Результаты и их обсуждение. В уголовном праве Республики Беларусь ответственность за деятельность, подпадающую под понятие шпионажа, установлена несколькими статьями УК, что создает сложную, но дифференцированную систему защиты государственных секретов. Центральное место в этой системе занимают ст. 356 «Измена государству» и ст. 358 «Шпионаж». Ключевым критерием их разграничения является субъект преступления. Измена государству может быть совершена только гражданином Республики Беларусь. Одной из форм измены законодатель прямо называет «шпионаж», то есть передачу государственных секретов иностранному государству или организации. Таким образом, для гражданина Беларуси сам факт выдачи государственной тайны иностранному агенту образует состав измены, даже если эти сведения были получены им законным путем [1].

В отличие от этого, ст. 358 «Шпионаж» предусматривает ответственность для иностранных граждан и лиц без гражданства. Объективная сторона этого преступления шире и включает не только передачу, но и собирание, похищение или хранение в целях передачи сведений, составляющих государственную тайну. Это подчеркивает, что для данной категории лиц опасна уже сама деятельность по активному добыванию секретной информации. Непосредственный объект обоих преступлений – общественные отношения, обеспечивающие внешнюю безопасность и суверенитет Республики Беларусь. Предмет преступления – сведения, составляющие государственные секреты Республики Беларусь, а также сведения, составляющие государственные секреты иностранных государств, переданные Республике Беларусь на основании международных договоров. Субъективная сторона характеризуется исключительно прямым умыслом. Виновное лицо осознает, что передает или собирает именно государственную тайну, и желает совершить эти действия в интересах иностранного государства.

Особой строгостью характеризуется ч. 2 ст. 356 УК, устанавливающая повышенную ответственность за измену государству, совершенную специальным субъектом: должностным лицом, занимающим ответственное положение; должностным лицом, занимающим государственную должность; лицом, на которое распространяется статус военнослужащего. Повышенная общественная опасность деяния таких лиц обусловлена их доступом к информации более высокого уровня секретности и их особым доверительным положением в государственном механизме. Санкция за данное преступление – одно из самых суровых в нашем законодательстве: лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом или без штрафа, пожизненное лишение свободы или смертная казнь.

Важным инструментом минимизации ущерба от шпионской деятельности является примечание к ст. 356 УК, которое предусматривает основание для освобождения от уголовной ответственности. Лицо, совершившее измену государству или шпионаж, может быть освобождено, если оно добровольно и своевременно заявило о содеянном, прекратило преступную деятельность и оказало содействие в предотвращении вредных последствий. Данная норма является важным стимулом для лиц, вовлеченных в шпионаж, к явке с повинной и способствует раскрытию преступлений и предотвращению более серьезного ущерба.

Одной из наиболее актуальных проблем правоприменения является точное разграничение шпионажа от смежных составов преступлений. При разграничении с коммерческим шпионажем (ст. 254 УК) критерием выступает предмет преступления. Для ст. 254 УК – это коммерческая или банковская тайна, то есть информация, разглашение которой наносит ущерб конкретному хозяйствующему субъекту. Для ст. 356 и 358 УК – это государственные секреты, то есть информация, защищаемая государством в силу ее важности для национальной безопасности в целом. Таким образом, основным разграничительным признаком является направленность деяния против интересов государства в целом или против интересов конкретного хозяйствующего субъекта.

Наиболее тонким является разграничение с незаконными собиранием либо получением сведений, составляющих государственные секреты (ст. 375^1 УК). Данное

разграничение требует тщательного анализа цели деяния. Состав шпионажа (ст. 358 УК РБ) образуется только тогда, когда собирание или получение информации осуществляется с целью ее передачи иностранному государству, международной или иностранной организации. Если же такой цели нет, а сведения собираются, например, для последующей публикации в СМИ или использования в корыстных целях, действия квалифицируются по ст. 375^1 УК РБ, санкции которой значительно мягче [2]. Законодатель прямо указывает, что ст. 375^1 УК применяется только тогда, когда отсутствует цель передачи информации иностранному агенту. Это подчеркивает, что именно направленность деятельности в ущерб национальной безопасности в интересах иностранного государства образует особую общественную опасность шпионажа.

На практике возникают значительные сложности с доказыванием субъективной стороны – цели передачи сведений иностранному государству. Зачастую обвинение строится на совокупности косвенных доказательств: контакты с представителями иностранных спецслужб, использование шифрованных каналов связи, получение денежного вознаграждения из зарубежных источников. Еще одной проблемой является определение статуса информации как составляющей государственную тайну. Для квалификации по ст. 356 или 358 УК РБ необходимо, чтобы сведения были официально отнесены к государственной тайне в установленном порядке и на момент совершения преступления. Отсутствие надлежащего оформления грифа секретности может стать основанием для переквалификации деяния на менее тяжкое.

Кроме того, требует единообразного понимания расплывчатая формулировка из ст. 356 УК – «иное оказание помощи иностранному государству... в проведении деятельности, направленной на причинение вреда национальной безопасности». Эта оценочная категория может трактоваться чрезмерно широко, что создает риски для правоприменения и требует детализации в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. Наполнение этого признака конкретным содержанием – одна из насущных задач правоприменительной практики. Следует также отметить, что в современных условиях традиционные формы шпионажа дополняются кибершпионажем, что порождает новые вызовы для правового регулирования и доказывания, поскольку киберпространство не знает государственных границ, а сбор информации может осуществляться дистанционно.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность за шпионаж в Республике Беларусь регламентирована строго и дифференцированно. Законодатель четко разделил ответственность граждан Республики Беларусь (измена государству) и иностранных граждан/лиц без гражданства (шпионаж), установив за эти деяния, особенно для специальных субъектов, исключительно суровые санкции. Детальная регламентация различных форм шпионской деятельности и наличие специального основания для освобождения от ответственности свидетельствуют о стремлении законодателя создать сбалансированную и эффективную систему противодействия данной угрозе национальной безопасности.

К числу актуальных проблем квалификации относятся: сложность доказывания цели передачи сведений иностранному государству как обязательного признака субъективной стороны шпионажа; необходимость точного разграничения шпионажа и незаконного собирания государственных секретов исключительно по признаку цели; широкое и не до конца определенное понятие «иного оказания помощи» иностранному государству в ст. 356 УК, что создает потенциал для расширительного толкования; требование обязательной установленности статуса информации как государственной тайны в установленном законом порядке; необходимость адаптации традиционных составов преступлений к современным вызовам, связанным с кибершпионажем.

Для обеспечения единообразия судебной практики и укрепления законности необходимо дальнейшее совершенствование правоприменения, в частности, путем разработки более детализированных критериев оценки доказательств и целей преступной деятельности, а также четкого нормативного определения форм «иного оказания помощи»,

подпадающих под действие ст. 356 УК. Решение этих вопросов будет способствовать как эффективному противодействию шпионажу, так и соблюдению принципов законности и справедливости уголовного преследования. Перспективным направлением развития законодательства видится также более четкая регламентация ответственности за кибершпионаж с учетом специфики данного способа посягательства на государственную тайну.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.10.2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 Дата доступа: 05.11.2025.

2. Бабий, Н.А. Уголовная ответственность за преступления против государства / Н.А. Бабий. – Минск: Амалфея, 2019. – 320 с.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / под ред. В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2021. – 784 с.

4. О государственных секретах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З : в ред. от 29 мая 2025 г. № 80-З : с изм. и доп. от 1 июня 2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11000170 Дата доступа: 05.11.2025.

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ ПРИ ХИЩЕНИИ ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОСТОЯННОГО ИЗМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Орёл Д.С.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Причинно-следственная связь, компьютерная информация, модификация, хищение, цифровая реконструкция.

Keywords. Cause and effect, computer information, consciousness, causality, modification, theft, digital reconstruction.

Актуальность темы исследования определяется значимостью глобальных связей в развитии информационных технологий в современных условиях. Благодаря наличию колоссальных соединений в самоорганизующейся информационной системе, которые как нейроны взаимодействуют между собой, установление причинно-следственной связи между деянием и его последствиями в цифровом пространстве является одной из ключевых проблем современной юридической и технической практики. Это связано с особенностями цифровых технологий, а также с высокой степенью анонимности и сложностью технической инфраструктуры. Представляется, что причинно-следственная связь может существовать на уровне кодовой зависимости между элементами физической системы.

Цель исследования состоит в анализе особенностей сбора доказательств установления причинно-следственной связи при совершении хищений путём модификации компьютерной информации.

Материал и методы. Материалом исследования выступает уголовное законодательство Республики Беларусь, а также научные публикации по теме. Методологическую основу составили аналитический, логический, системный, описательный методы научного познания.

Результаты и их обсуждение. За хищение путем использования компьютерной техники предусмотрена уголовная ответственность на основании статьи 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1]. Согласно разъяснениям Верховного Суда Республики Беларусь в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21.12.2001 № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества», данное хищение возможно совершить лишь посредством компьютерных манипуляций, заключающихся в обмане потерпевшего или лица, которому имущество вверено или под охраной которого оно находится, с использованием

системы обработки информации. Рассматриваемое хищение может быть совершено как путем изменения информации, обрабатываемой в компьютерной системе, хранящейся на машинных носителях или передаваемой по сетям передачи данных, так и путем введения в компьютерную систему ложной информации [2].

Рассматривая техническую сторону модификации компьютерной информации, нельзя не упомянуть об основных способах данного воздействия: уязвимости в приложениях; компрометация учётных записей администраторов (фишинг, подбор паролей, кража MFA-токена); инсайдерские операции (сотрудник сознательно меняет данные).

Для квалификации действий лица как хищение необходимо достоверно установить причинную связь между модификацией компьютерной информации и наступившим имущественным ущербом. Любые действия по изменению первоначального кода и, соответственно, оставленные цифровые следы носят фрагментарный характер и требуют сложного анализа для установления причинной связи. Действия в цифровой среде могут происходить через промежуточные сервисы и устройства [3, с. 489].

В реальной практике не хватает экспертиз нужного уровня, то есть не все специалисты способны детально восстановить логи, доказать связь изменения информации с конкретной транзакцией. Есть несколько причин, объясняющих сложность в доказывании наличия причинно-следственной связи:

1) после внедрения вредоносной программы преступник часто получает административные права и «чистит» логи - вручную или скриптом, иногда подменяет временные метки и контрольные суммы, что делает хронологию неполной или противоречивой;

2) чем больше прошло времени с момента совершения преступления и началом расследованием, тем выше риск потери данных;

3) в асинхронных репликах порядок применения транзакций может меняться. Это затрудняет точное установление момента изменения.

По данной категории преступлений не в полной мере в законодательстве отражена совокупность доказательств, которая была бы достаточной для однозначного установления причинной связи между модификацией и завладением имущества.

Таким образом, сложность в доказывании наличия причинно-следственной связи возникает в случае, когда между действием правонарушителя и наступившими последствиям имеют место самостоятельные действия информационной системы при несанкционированном доступе к ней либо действия физического лица как реакция на модификацию компьютерной информации. Иными словами, между модификацией данных и фактическим хищением обычно есть цепочка технических событий: серверная обработка, автоматические транзакции, проверка банком. Чтобы доказать, что именно модификация стала непосредственной причиной ущерба, необходимо:

1) восстановить последовательность всех действий в системе (логи, метаданные, временные отметки);

2) доказать, что изменение данных спровоцировало движение средств;

3) исключить альтернативные причины (сбой, ошибка системы, действия третьих лиц).

Заключение. На основании вышеизложенного следует отметить существование определённых сложностей в установлении причинной связи в хищении путём модификации компьютерной информации. Это обуславливается наличием нескольких возможных источников причинения вреда, а также информационная система самостоятельно может отреагировать на посторонний вход. Для эффективного установления причинно-следственной связи в цифровой среде необходима интеграция юридических и технических знаний, развитие экспертных методов и законодательных механизмов.

Только комплексный подход позволит справляться с вызовами, которые ставит перед обществом цифровая эпоха.

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.11.2025)

2. О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 : в ред. от 30 сентября 2021 г. №3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 04.11.2025).

3. Орёл, Д.С. Актуальные проблемы установления причинно-следственной связи при совершении деяний в цифровой среде / Орёл Д. С.; науч. рук. Егорова А. Г. // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. – URL: https:// conf.vsu.by/wp-content/uploads/2025/10/XIX-машеровские-чтения.-Том-1.pdf (дата обращения: 31.10.2025). – Электрон. версия ст. из: XIX Машеровские чтения : материалы международной научно-практической конф3керенции студентов, аспирантов и молодых ученых, Витебск, 24 октября 2025 г. : в 1 т. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2025. – Т. 1. – С. 488-489.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

Орлов Д.А.,
студент 5 курса Псковского государственного университета,
г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Гринченко А.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. Взрывчатые вещества, правовой режим, лицензирование, технический регламент, безопасность, административная ответственность, уголовная ответственность.

Keywords. Explosives, legal regime, licensing, technical regulations, safety, administrative liability, criminal liability.

Актуальность изучения правового регулирования оборота взрывчатых веществ обусловлена их двойственной природой. С одной стороны, они критически важны для экономики любого государства, находя применение в горнодобывающей промышленности, строительстве и других отраслях [5]. С другой стороны, их незаконный оборот представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности, общественному порядку и жизни граждан, так как эти вещества зачастую используются при совершении террористических актов и иных тяжких преступлений [8]. Динамичное развитие технологий приводит к появлению новых видов взрывчатых веществ, что требует постоянной адаптации и совершенствования нормативно-правовой базы. Таким образом, комплексный анализ правового регулирования в данной сфере является необходимым условием для выработки эффективных механизмов, обеспечивающих баланс между интересами промышленности и требованиями безопасности.

Целью данного исследования является комплексный анализ современного состояния правового регулирования оборота взрывчатых веществ в Российской Федерации и выявление его специфических особенностей. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: раскрыть понятие и классификацию взрывчатых веществ как объекта особого правового режима; проанализировать систему нормативно-правовых актов, регулирующих оборот взрывчатых веществ; исследовать административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения безопасности их оборота; выявить проблемы и перспективы развития законодательства в данной сфере.

Материалы и методы. В качестве материалов и методов исследования были использованы общенаучные и частно-научные методы. Основу работы составил формально-юридический метод, позволивший проанализировать структуру и содержание нормативных правовых актов, таких как Федеральный закон № 116-ФЗ "О промышленной безопасности опасных производственных объектов" [5], Федеральный закон № 99-ФЗ "О лицензировании отдельных видов деятельности" [4], Уголовный кодекс РФ [2] и Кодекс РФ об административных правонарушениях [3]. Сравнительно-правовой метод был применен для сопоставления правовых норм, регулирующих различные аспекты оборота взрывчатых веществ. Системный метод позволил рассмотреть правовое регулирование как целостный механизм.

Результаты исследования и их обсуждение. В российском законодательстве отсутствует единое легальное определение взрывчатых веществ. Содержание выводится из

системного анализа нормативных актов и технических регламентов. Под взрывчатые веществами понимаются химические соединения или смеси, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому само распространяющемуся химическому превращению (взрыву) с выделением большого количества энергии. Правовой режим взрывчатых веществ характеризуется как строго разрешительный. Его основу составляет необходимость получения лицензий на все виды деятельности, связанные с взрывчатыми веществами, включая производство, хранение, применение и реализацию [4, 6].

Система нормативно-правового регулирования оборота взрывчатых веществ является многоуровневой. На федеральном уровне ключевую роль играют профильные федеральные законы, в частности, № 116-ФЗ [5] и № 99-ФЗ [4]. Уголовный [2] и Административный [3] кодексы устанавливают ответственность за нарушение правил оборота. Детализация правового режима осуществляется на подзаконном уровне в многочисленных постановлениях Правительства РФ (например, Постановление № 566 [6]) и ведомственных актах (приказы МВД России о порядке учёта и контроля).

Законодатель устанавливает жёсткие меры административной и уголовной ответственности для обеспечения безопасности оборота взрывчатых веществ. Административная ответственность, регламентированная статьёй 20.4 КоАП РФ за нарушение требований пожарной безопасности и статьёй 20.12 за пересылку взрывчатых веществ, предусматривает наложение крупных штрафов и конфискацию [3]. Более суровая уголовная ответственность наступает за деяния, обладающие высокой общественной опасностью, такие как незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление взрывчатых веществ (ст. 222.1 УК РФ), их хищение либо вымогательство (ст. 226 УК РФ) [2]. Санкции данных статей предусматривают длительные сроки лишения свободы, что подчёркивает серьёзность отношения законодателя к таким правонарушениям [9, 10].

Несмотря на развитую нормативную базу, в правовом регулировании оборота взрывчатых веществ сохраняется ряд проблем. Среди них можно выделить фрагментарность и несогласованность нормативной базы, наличие пробелов в регулировании новых видов взрывчатых веществ, а также избыточность административных барьеров для добросовестных участников легального оборота [7]. Перспективными направлениями развития являются кодификация законодательства путём создания единого федерального закона "Об обороте взрывчатых веществ", внедрение цифровых технологий для сквозного прослеживания партий взрывчатых веществ и дальнейшая гармонизация российских стандартов с международными требованиями.

Заключение. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование оборота взрывчатых веществ в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, основанную на принципах строгой разрушительности, всеобъемлющего контроля и суровой ответственности за нарушения. Особенностью данного регулирования является его межотраслевой характер, сочетающий нормы административного, уголовного и технического права. Действующее законодательство в целом адекватно реагирует на существующие вызовы, однако требует дальнейшего совершенствования для повышения эффективности и снижения избыточных административных барьеров, что будет способствовать укреплению национальной безопасности и развитию промышленности.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

4. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

5. О промышленной безопасности опасных производственных объектов: Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3588.

6. Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по распространению взрывчатых материалов промышленного назначения: постановление Правительства РФ от 05.06.2012 № 566 (ред. от 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 24. – Ст. 3172.

7. Байбаков А.С. Административно-правовой режим оборота взрывчатых веществ в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 215 с.
8. Грачев А.А., Петров С.М. Уголовно-правовая характеристика незаконного оборота взрывчатых веществ // Законность. – 2022. – № 5. – С. 45–49.
9. Коршунова О.Н. Правовые и криминалистические аспекты обеспечения безопасности оборота взрывчатых веществ // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 112–122.
10. Ревин В.П. Уголовная ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств: проблемы квалификации // Уголовное право. – 2020. – № 4. – С. 34–40.

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВВОЗА И ВЫВОЗА ШИФРОВАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Панина А.А.,
студентка 5 курса Псковского государственного университета,
г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Гринченко А.Н, ст. преподаватель

Ключевые слова. Шифровальные средства, специальные технические средства, таможенное регулирование, нормативно-правовая база.
Keywords. Encryption equipment, special technical means, customs regulation, legal framework.

Актуальность работы обусловлена устаревшими нормами таможенного регулирования шифровальных средств и средств негласного получения информации, которые не соответствуют современным технологиям, санкциям и нормам ЕАЭС. Это вызывает задержки, споры и финансовые потери. Необходимы гармонизация с международными стандартами, цифровизация процедур и повышение квалификации таможенников для баланса между безопасностью и инновациями.

Материалы и методы. В данной статье рассматривается нормативно-правовое регулирование ввоза и вывоза шифровальных средств и средств для негласного получения информации с целью выявления проблемы, а также разработать пути их решения. Методы исследования: теоретический, эмпирический, системно-структурный анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, а также анализ официальной статистики и практики применения законодательства (2024–2025 гг.). Использованы также описательные и аналитические методы.

Результаты и их обсуждение. На современном этапе государство развивается в условиях цифровизации, где информационные технологии играют наиболее важную роль. В связи с этим объемы незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, на таможенной территории увеличиваются. Регулирование ввоза и вывоза шифровальных средств и средств для негласного получения информации является основной функцией государства.

В общем виде под специальными техническими средства, предназначенными для негласного получения информации, понимаются различные системы, комплексы и устройства, обладающие свойствами для скрытого получения информации.

На территории ЕАЭС шифровальными средствами являются аппаратные, программные и аппаратно-программные средства, системы и комплексы, которые реализуют алгоритмы криптографического преобразования информации и предназначенные для ее защиты информации от несанкционированного доступа при передаче по каналам связи, а также при обработке и хранении. Для таможенной службы эти товары – «высокорисковые». Поскольку они включены в специальный перечень, при оформлении соответствующих деклараций на товары необходимо проверять наличие разрешительных документов. Таможенный кодекс ЕАЭС, а именно глава 14 предусматривает, что товары, подлежащие лицензированию, выпускаются в свободное обращение только после предъявления соответствующих разрешений. Так, при импорте шифровальных средств декларант

обязан предоставить сведения о нотификации или заключение ФСБ-лицензию. В противном случае выпуск товара запрещён.

Особый порядок действует и для физлиц: ввоз в качестве личных вещей любых криптоустройств, не включённых в упрощённый перечень личного ввоза, без сведений о нотификации категорически запрещён. Фактически это означает, что обычные радиостанции, ноутбуки и смартфоны с криптомодулем подлежат тем же ограничениям, что и профессиональное шифровальное оборудование.

Таможенный контроль проводится выборочно при подозрении на нарушение таких правил (например, при выезде фуры с «серой» техникой), и в случае выявления нарушения товар задерживается и может быть изъят.

Далее, рассмотрим в таблице 1 нормативно-правовую базу, которая регулирует ввоз и вывоз шифровальных средств и средств для негласного получения информации:

Таблица 1 – Нормативно-правовую базу, регулирующая ввоз и вывоз шифровальных средств и средств для негласного получения информации:

Шифровальные средства	Средства для негласного получения информации
Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 N 30 (ред. от 07.07.2025)	
	Постановление Правительства РФ от 10.03.2000 N 214 (ред. от 21.08.2025) Постановление Правительства РФ от 09.05.2022 N 834 (ред. от 30.12.2024)
"Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025)	
"Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.09.2025)	

Основные проблемы связаны с высокой сложностью в понимании данных видов товаров. Граница между "шифровальным" и "обычным" товаром размыта. Смартфон с VPN может требовать нотификации, если код ТН ВЭД совпадает (п. 2.19). Для СТС НПИ бытовые гаджеты (смарт-камеры) иногда ошибочно классифицируют как спецсредства, вызывая конфискацию.

Постановление Правительства РФ № 834 от 9 мая 2022 г. об особенностях ввоза шифровальных средств продлено на 2025 год, позволяя импорт без нотификаций для компонентов в отечественном производстве, но процесс остается затянутым. Параллельный импорт усложнен санкциями: иностранные производители отказывают в нотификациях, а выдача через отраслевые ассоциации вызывает вопросы легитимности. ФСБ усилил требования с 2023 г., требуя детальных документов, что увеличивает сроки обработки до 1–2 месяцев, противореча цели таможенного оформления в 7 дней. Кроме того, бумажный формат подачи в России контрастирует с электронным в Казахстане и Армении, приводя к "миграции" нотификаций в другие страны ЕАЭС. Физлица рискуют конфискацией гаджетов (дроны, GPS-трекеры). Отсутствие единой цифровой платформы для нотификаций — ручной труд.

В августе 2025 г. внесены поправки в Положение о нотификации, исключающие фразу "и запасные части к нему" из наименования товаров, но сохраняющие силу существующих нотификаций. Это может упростить декларирование, но создает неопределенность для запасных частей на таможне. Несоответствие международным стандартам (например, Вассенаарскому соглашению) усугубляет задержки в таможенном выпуске от глобальных поставщиков.

Для решения данных проблем следует обновить таможенные нормы, а именно дифференцировать ст. 138.1 УК РФ по мотиву, актуализировать постановления № 770 и № 214, исключая безобидные устройства, ввести электронные платформы для нотификаций и лицензий, учесть онлайн-импорт в ТК ЕАЭС, унифицировать процедуры с международными стандартами, внедрить наднациональный контроль нотификаций, а также развивать компетенции на стыке права, IT и таможенного дела для эффективного контроля.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует, что, проблемы регулирования ввоза и вывоза шифровальных средств и СТС – это барьеры в таможенном деле, препятствующие инновациям и безопасности. Решение требует баланса контроля и эффективности, с учетом обновлений. В целом, совершенствование регламента ввоза и вывоза криптографических и спецсредств должно базироваться на балансе между национальной безопасностью и развитием внешнеэкономической деятельности. Учёт современных цифровых реалий (цифровизация процедур, учёт санкционных рисков, интеграция законодательства ЕАЭС и РФ) позволит обеспечить контроль без излишних бюрократических барьеров.

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 11 апреля 2014 года). – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ktet/Pages/default.aspx (дата обращения: 02.11.2025).

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) (ред. от 29.05.2019). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата обращения: 01.11.2025).

3. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 (ред. от 10.01.2023). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/9 (дата обращения: 01.11.2025).

4. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 16.05.2012 № 45 (ред. от 07.02.2023). – URL: https://www.alta.ru/tamdoc/12kr0045/ (дата обращения: 01.11.2025).

5. Постановление Правительства РФ от 10.03.2000 № 214 (ред. от 26.04.2022) // Собрание законодательства РФ. – 20.03.2000. – № 12. – Ст. 1292.

6. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102476466&backlink=1&&nd=102476629 (дата обращения: 01.11.2025).

7. Федеральный закон от 02.08.2019 № 308-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.08.2019. – № 31. – Ст. 4467.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С РЕЛИГИОЗНОЙ ДИСКРИМИНАЦИЕЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Поляков Д.А.,
студент 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь,
Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Религия, дискриминация, дискриминация по религиозной принадлежности.

Keywords. Religion, discrimination, discriminationon religious grounds.

В современном мире существует более тысячи религий, имеющих свою специфику, которая не всегда понятна представителям другого вероисповедания. К большому сожалению, у большинства людей еще с детства заложен стереотип о том, что все, что не является для него привычным, является враждебным. Кто-то в результате дальнейшего жизненного опыта и социализации принимает различия других людей, а кто-то становится инициатором дискриминационных явлений. Несмотря на серьезные усилия международного сообщества и государств в противодействии дискриминации по религиозному признаку, данная проблема остается актуальной и злободневной. Цель исследования – анализ основных направлений борьбы с религиозной дискриминацией на универсальном и национальном правовом уровнях.

Материал и методы. В работе использовались международные и национальные правовые акты, затрагивающие права и свободы человека в области религиозной свободы и превенции религиозной дискриминации. Основные методы – формально-юридический, сравнительно-правового и конкретного правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Проблема религиозной дискриминации имеет глубокие исторические корни и прослеживается на протяжении всей истории человечества. Уже в Древнем Египте монотеистические реформы Эхнатона были подавлены после его смерти, а в Древнем Риме христиане подвергались жестоким гонениям за отказ участвовать в императорском культе. В Средние века религиозная нетерпимость проявлялась в виде крестовых походов, инквизиции и преследования еретиков. Яркие примеры проявления религиозной нетерпимости в крайней её форме характерны и для Новейшего времени. В годы Второй мировой войны одним из ужаснейшим и жестоким примером «очищения крови» стал Холокост. Под предлогом расовой и религиозной чистоты миллионы людей были лишены гражданских прав, подвергнуты депортации, заключению в гетто и концлагеря, где гибли от голода, болезней, массовых казней. Он стал поворотным моментом в осознании масштабов религиозной нетерпимости, приведшей к преступлениям против человечности [1].

Не менее сложным моментом в истории является раздел Британской Индии в 1947. В результате политических договорённостей между британскими властями, Индийским национальным конгрессом и Мусульманской лигой было принято решение о создании двух независимых государств – Индии, с преимущественно индуистским населением, и Пакистана с преобладанием мусульманского населения. Это решение повлекло резкое обострение межрелигиозной напряжённости, которая вылилась в массовые этнические чистки, погромы и насилие. По разным оценкам, от 200 тыс. до 2-х млн. человек были убиты, а более 14 млн. стали беженцами, вынужденными покинуть свои дома и пересечь новые границы в условиях крайней нестабильности. Насилие носило взаимный характер: мусульмане подвергались нападениям в Индии, а индуисты и сикхи – в Пакистане. Известны случаи, когда целые поезда с беженцами прибывали на станции с убитыми пассажирами – так называемые «поезда смерти». Сегодня отношения между Индией и Пакистаном остаются напряжёнными, но в последние годы наблюдаются отдельные попытки диалога и улучшения ситуации, особенно в гуманитарной и культурной сферах. Однако религиозная дискриминация внутри обеих стран по-прежнему вызывает обеспокоенность [2]. В 21 веке одним из наиболее тревожных примеров религиозной дискриминации, особенно в отношении христианского населения, является ситуация в ряде африканских стран (Нигерии, Судане, Сомали и др.) [3].

Борьба с религиозной дискриминацией в XXI веке ведётся на международном уровне с участием правозащитных организаций, межгосударственных структур и механизмов ООН. Основой правового регулирования служит Устав ООН, в котором закреплён принцип недопустимости дискриминации по признаку религии. В частности, ст. 1 Устава провозглашает защиту прав человека и основных свобод без различия расы, пола, языка или религии. Данное положение закреплено в таких международных договорах, как Международный пакт о гражданских и политических правах и Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации – оба документа прямо запрещают преследование по религиозному признаку и обязывают государства обеспечивать равенство перед законом.

Совет по правам человека ООН является ключевым органом, осуществляющим наблюдение за соблюдением прав человека, включая свободу религии или убеждений. В рамках Совета действует мандат Специального докладчика по вопросам свободы религии или убеждений, учреждённый в 1986 году. Докладчик регулярно представляет тематические доклады, проводит визиты в страны, где зафиксированы нарушения, и выносит рекомендации. В последние годы особое внимание уделяется ситуации в Нигерии, Индии, Иране и Мьянме, где наблюдаются системные преследования религиозных меньшинств, включая христиан, мусульман, индуистов и представителей традиционных верований.

Управление Верховного комиссара ООН по правам человека координирует деятельность по защите религиозных меньшинств, публикует аналитические обзоры, оказывает техническую помощь государствам и поддерживает работу специальных процедур. В числе приоритетных тем – борьба с религиозной нетерпимостью в цифровой среде, защита женщин, принадлежащих к религиозным меньшинствам, и предотвращение насилия на почве вероисповедания.

Генеральная Ассамблея ООН в 1981 году приняла Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений. Документ закрепляет обязанность государств уважать свободу вероисповедания, предотвращать дискриминацию и обеспечивать равенство перед законом. В рамках Ассамблеи регулярно принимаются резолюции, осуждающие религиозное насилие и призывающие к межконфессиональному диалогу.

Кроме того, значительный вклад в борьбу с религиозной дискриминацией вносят международные неправительственные организации, которые документируют случаи преследования, публикуют независимые доклады, проводят кампании в защиту верующих и оказывают давление на правительства. Их деятельность особенно важна в странах, где государственные органы не обеспечивают эффективную защиту прав религиозных меньшинств.

Заключение. Таким образом, религиозная дискриминация, несмотря на усилия международного сообщества, остаётся устойчивым и многогранным явлением, затрагивающим современные общества. Религиозная принадлежность нередко становилась основанием для насилия, изгнания и системного подавления. В XXI веке проблема не исчезла, а лишь изменила формы: от вооружённых конфликтов и террористических атак до институциональной дискриминации и правового давления. Международные механизмы, включая положения Международного пакта о гражданских и политических правах, Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации и других специальных актов, а также деятельность таких универсальных и специализированных органов ООН, играют важную роль в фиксации нарушений и формировании правозащитной повестки в сфере обеспечения религиозной толерантности и пресечения дискриминации. Однако, эффективность этих инструментов напрямую зависит от политической воли государств и готовности общества признавать и преодолевать религиозную нетерпимость. Только при условии комплексного подхода – политического, правового, образовательного и культурного – возможно достижение устойчивого снижения уровня дискриминационных явлений и построение более гуманного и инклюзивного мира.

1. Аветисян, С.Х. Проблема расовой и религиозной дискриминации в современном мире / С.Х. Аветисян, А.А. Товпига // Вестник магистратуры. 2015. №11-4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-rasovoy-i-religioznoy-diskriminatsii-v-sovremennom-mire. (дата обращения: 02.11.2025).

2. Диких, А.Н. Индия и Пакистан: войны, конфликты, их разрешение и последствия / А.Н.Диких // Вопросы безопасности. 2017. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/indiya-i-pakistan-voyny-konflikty-ih-razreshenie-i-posledstviya (дата обращения: 02.11.2025).

3. Нор, З.М. Взгляд на религиозную толерантность в Нигерии: роль африканских традиционных религий / З.М. Нор // Ученые записки Института Африки РАН. 2025. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzglyad-na-religioznuyu-tolerantnost-v-nigerii-rol-afrikanskih-traditsionnyh-religiy (дата обращения: 02.11.2025).

4. Адынец, О. В. Множественная дискриминация как правовое явление и проблемы ее пресечения / О. В. Адынец // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов, Витебск, 22 апреля 2020 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. – С. 307-308.

ОСОБЕННОСТИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ДЕЛЯЩИХСЯ И РАДИОАКТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ЕАЭС

Пономаревский Е.М.,
студент 5 курса Псковского государственного университета,
г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Гринченко А.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. ЕАЭС, делящиеся материалы, радиоактивные материалы, таможенный контроль, нормативно-правовое регулирование, экспортный контроль, коллизии законодательства.

Keyword. EAEU, fissile materials, radioactive materials, customs control, legal regulation, export control, conflicts of laws.

Перемещение делящихся и радиоактивных материалов через границы государств ЕАЭС требует особого правового и таможенного регулирования. Эффективность контроля за их перемещением напрямую связана с обеспечением ядерной и радиационной

безопасности. В условиях интеграции стран ЕАЭС актуальным является совершенствование и унификация нормативно-правовой базы в данной сфере.

Материалы и методы. Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечения ядерной и радиационной безопасности при перемещении делящихся и радиоактивных материалов через таможенную границу ЕАЭС. Несмотря на существование единого правового поля, закреплённого в различных международных договорах, связанных с ДРМ и Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), остаются различия в национальных нормах, регулирующих контроль, лицензирование и физическую защиту таких материалов. Это требует дальнейшего совершенствования и унификации нормативно-правового регулирования, что делает данное исследование значимым для развития системы таможенной безопасности Союза.

Методы исследования: теоретический, эмпирический, системно-структурный анализ нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод, а также анализ. Использованы также описательные и аналитические методы. В исследование использовались материалы из ТК ЕАЭС, соглашений ООН и МАГАТЭ, договора стран ЕАЭС по ДРМ и приказы ФТС России.

Результаты и их обсуждение. Перемещение делящихся и радиоактивных материалов (далее – ДРМ) в ЕАЭС регулируется совокупностью международных и союзных актов, направленных на обеспечение ядерной и радиационной безопасности. Государства-члены Союза, являясь участниками Договора о нераспространении ядерного оружия и Конвенции о физической защите ядерного материала, обязаны обеспечивать контроль и физическую защиту таких грузов [1]. На уровне ЕАЭС правовую основу составляют Договор о Союзе (2014 г.) [2] и Таможенный кодекс ЕАЭС [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**] (далее – ТК ЕАЭС) где статьи 328 и 353 закрепляют специальные меры досмотра и требования к радиационному контролю. Эти положения дополняются Решениями Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), включая Решение № 145 от 9 ноября 2021 г., устанавливающее типовые требования к пунктам пропуска с системой радиационного контроля.

Кроме того, на уровне ЕАЭС формируется Единый список стратегических товаров. Решения ЕЭК и Совета ЕЭК утверждают Единый перечень товаров, подлежащих экспортному контролю (в него входят делящиеся материалы и изделия из них). Это означает, что экспортные операции с такими материалами требуют согласования на уровне Союза. Однако санкции и процедуры ввоза/вывоза остаются предметом национальных правил. Таким образом, наднациональная регламентация устанавливает единые процедурные основы (таможенный кодекс, общие списки), а конкретные технические требования и лицензии остаются преимущественно в ведении государств-членов.

В государствах ЕАЭС действуют собственные законы и подзаконные акты, регулирующие обращение ДРМ и их транспортировку. Наибольшую роль играет законодательство России, например, Федеральный закон от 21.11.1995 № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии» устанавливает общие принципы: перевозка ядерных и радиоактивных материалов должна осуществляться «в соответствии со специальными правилами», включающими меры безопасности, физической защиты, требования к упаковке и маркировке. При этом перевозчик обязан иметь государственную лицензию или разрешение на работы в атомной сфере. Эти «специальные правила» разрабатываются МЧС, Росатома и Федеральной служба по техническому и экспортному контролю но важен и таможенный аспект, так, Приказ Минфина РФ от 23.08.2024 № 118н [3] чётко определил, что за таможенное оформление делящихся и радиоактивных материалов отвечают лишь специально перечисленные таможенные посты: в приложении к приказу указаны конкретные пункты пропуска и центры электронного декларирования в системе федеральной таможенной службы. При этом сами материалы формально определены по группам товарной номенклатуру внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и едины для всех стран.

Аналогичным образом государства ЕАЭС закрепили свои списки и правила. Например, в Казахстане ранее действовал Приказ Министра финансов РК от 11.07.2011

№ 360 «Об утверждении Правил проведения радиационного контроля» (утратил силу в 2018 г.), которым регламентировался таможенный досмотр ДРМ. На сегодняшний день и Казахстан, и другие страны ЕАЭС уделяют внимание лицензированию деятельности, связанной с ДРМ, установлению санитарных разрешений и других специфических требований, но при этом декларация таких грузов и прохождение таможни происходит, как правило, по единому таможенному кодексу ЕАЭС.

Недавно российские таможенники приняли дополнительные меры безопасности. Так, Приказы ФТС РФ от 02.07.2025 № 616 [4] и от 15.07.2025 № 659 определили тип и количество систем радиационного контроля на складах временного хранения для товаров, в том числе и для ДРМ: установлено три типа стационарных систем (автомобильная, железнодорожная и складская) и по одной системе на каждую полосу движения на въезде в склад. Эти приказы обновили прежние требования 2018 года и подчёркивают актуальность охраны границ и логистических пунктов.

Несмотря на стремление к гармонизации, сохранены значимые коллизии и пробелы. Во-первых, отсутствует единый нормативный акт «О делящихся и радиоактивных материалах»: многие аспекты (лицензии, сертификация, меры защиты) регулируются лишь национально. Это приводит к разночтениям. Так, в разных странах могут действовать разные критерии классификации ДРМ, требования к физической защите или по. Во-вторых, как отмечают специалисты, сама трактовка применимых норм порой нечётка: «различные трактовки полномочий по проведению контроля ДРМ могут приводить к правовым коллизиям». Далее, техническое оснащение пограничных пунктов таможни на практике разнится: до появления Решения ЕЭК № 145 не было единых требований к инфраструктуре, и каждый пункт оборудовал системой контроля радиоактивных материалов по собственным регламентам. Аналогично, в таможенных декларациях отсутствуют специальные поля для ДРМ, что создает риск недоучета. Кроме того, внутренние границы ЕАЭС открыты для товаров, но в отношении ядерных материалов государства часто сохраняют особый порядок, что юридически не урегулировано на уровне Союза.

Таким образом, на практике требуется постоянная координация процедур между странами-членами и тщательное взаимодействие таможенников с национальными регулирующими органами: возможности одностороннего контроля ограничены рамками ЕАЭС.

Заключение. Таким образом, регулирование перемещения делящихся и радиоактивных материалов в ЕАЭС основано на международных обязательствах, союзных нормах и национальном законодательстве. Несмотря на наличие Таможенного кодекса ЕАЭС и Решений Евразийской экономической комиссии, сохраняются различия в правоприменении и уровне технического оснащения пунктов пропуска. Для повышения эффективности контроля и безопасности требуется дальнейшая унификация правовых норм и координация действий таможенных и надзорных органов государств-членов Союза.

1. Конвенция о физической защите ядерного материала (Вена, 3 марта 1980 г.) // [Электронный ресурс] Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ). – сайт ООН Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml. – Дата доступа: 07.11.2025

2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // [Электронный ресурс] Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа – сайт ЕЭК - https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrb0sl4vj4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf. – Дата доступа: 07.11.2025

3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: принят Решением Совета ЕЭК от 11.04.2017 № 74. [Электронный ресурс] ЕЭК – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org. – Дата доступа: 07.11.2025

4. Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 23 августа 2024 г. № 118н «О компетенции таможенных органов, осуществляющих таможенные операции в отношении делящихся и радиоактивных материалов». [Электронный ресурс] гарант.ру – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410330971/. – Дата доступа: 07.11.2025

5. Приказы Федеральной таможенной службы Российской Федерации от 2 июля 2025 г. № 616 и «Об утверждении перечня и количества стационарных систем радиационного контроля на складах временного хранения». – [Электронный ресурс] альта софт – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410330971/

6. https://www.alta.ru/tamdoc/25pr0616/. – Дата доступа: 07.11.2025

МАРКЕТИНГ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК ФАКТОР ТОВАРОПРОДВИЖЕНИЯ

Приезжих М.Д., Брилёнок Е.А.,
студенты 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Трацевская Л.Ф., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Маркетинг, Интернет, социальные сети, товаропродвижение, средство коммуникации.

Keywords. Marketing, Internet, social networks, commodity distribution, means of communication.

В последние десятилетия маркетинг в социальных сетях (SMM) трансформировался из дополнительного средства коммуникации в ключевой элемент успешного товаропродвижения, чему способствовало массовое распространение цифровых площадок, таких как Facebook, Instagram, TikTok, YouTube, а также локальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники). Социальные сети перестали быть просто инструментом повышения узнаваемости; они стали средой формирования мнений, тестирования продуктов, генерации пользовательского контента и стимулирования покупок. В результате SMM активно внедряется в стратегии товаропродвижения, используя таргетированную рекламу, коллаборации с инфлюенсерами, брендовый контент, конкурсы и акции, эффективность которых оценивается по метрикам взаимодействия и конверсии для оптимизации стратегий. Данное обстоятельство предопределило актуальность темы исследования, целью которого является выявление и анализ механизмов и инструментов маркетинга в социальных сетях, способствующих ускорению и повышению эффективности товаропродвижения.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили литературные источники, касающиеся вопросов современного товаропродвижения. Его методологическую основу составили: логико-дедуктивный метод, анализ и синтез, метод восхождения от абстрактного к конкретному, статистический метод.

Результаты и их обсуждение. Проведенное исследование показало, что в эпоху цифровых технологий Интернет стал ключевым средством коммуникации, обмена информацией и реализации маркетинговых стратегий. Его широкое распространение кардинально изменило подходы к продвижению товаров и услуг, расширив возможности для компаний и потребителей. Особую роль здесь играют социальные сети, аудитория которых, как правило, восприимчива к новой информации: люди посещают сеть для общения, добровольно делятся данными о себе и объединяются в группы и сообщества по интересам.

Известно, что по мере экономического развития общества усиливается конкуренция во всех сферах жизни, и компаниям необходимо постоянно совершенствовать свои методы продвижения товаров и услуг [1]. В условиях растущего числа Интернет-пользователей маркетинг в социальных сетях становится особенно важным для малого и среднего бизнеса, так как это открывает новые возможности для привлечения потенциальных потребителей. Технологии данного вида маркетинга предлагают действительно эффективные инструменты для достижения успеха в цифровом пространстве, а изучение этой отрасли является ключом к актуальной и успешной стратегии продвижения брендов. Расширение спектра услуг, предоставляемых через Интернет, вносит кардинальные изменения в технологии продаж и в практики продвижения товаров конечным потребителям.

Значимость социальных сетей для бизнеса также заключается в их умении оперативно распространять информацию, вследствие чего маркетинговые сообщения о товарах или услугах способны охватывать широкую аудиторию в сжатые сроки. Это не только увеличивает узнаваемость брендов, но и способно заметно увеличить объёмы продаж. Кроме того, социальные медиа предлагают ценные аналитические инструменты, с помощью которых компании изучают предпочтения своей аудитории и корректируют маркетинговые и рекламные подходы под реальные потребности и интересы людей, что в конечном итоге повышает результативность кампаний и способствует росту продаж.

Поведенное исследование позволило установить, что в начале 2025г. в Беларуси насчитывалось 8,26 млн. Интернет-пользователей, а уровень проникновения Интернета составлял 91,5% [2]. Такой высокий уровень проникновения позволяет использовать Интернет как мощный инструмент коммуникации и продаж. Глобальные же показатели демонстрируют, что каждую секунду в сети появляется миллионы новых пользователей, что расширяет аудиторию для онлайн-маркетинга и создает возможности для сегментации и персонализации рекламы.

Кроме того, социальные сети помогают бизнесу не только осуществлять рекламу, но и создавать сообщество, формировать доверие и расширять клиентскую базу. В социальных сетях существуют четыре основных «кита», на которых держится все SMM-продвижение: качественный контент, постоянное присутствие в сети, таргетированная реклама, работа с негативом.

С учетом этого современная маркетинговая деятельность предполагает исследование новых инструментов и форматов взаимодействия с потенциальными покупателями: социальный торговый клиентский опыт, использование видео и прямых эфиров, интеграция платформенных решений (FacebookShops, TikTokShopping), а также применение искусственного интеллекта для персонализации предложений.

Исследование практики маркетинговой деятельности с привлечением возможностей социальных сетей в Республике Беларусь свидетельствует о росте активности белорусских предприятий в данной сфере, где платформа Instagram лидирует по популярности среди молодежи, а платформа ВКонтакте остается доминирующей в широких слоях аудитории.

Такой популярный сегмент социальных сетей, как TikTok стал лидером по количеству пользователей, достигнув 6,36 млн. человек. За ним следуют Instagram с 3,70 млн. пользователей, LinkedIn с 1 млн., Facebook с 711 тыс. и X (Twitter) с 291 тыс. пользователей [3].

Как показало исследование, белорусским фирмам для эффективного товаропродвижения стоит ориентироваться в первую очередь на TikTok и Instagram как на платформы с максимальным охватом и привлекательными форматами контента. LinkedIn будет полезен для B2B-продвижения, а Facebook и X следует использовать для дополнительного взаимодействия с узкими или специфическими сегментами аудитории. Эти данные подчеркивают необходимость глубокого изучения и применения технологий маркетинга в социальных сетях, которые предлагают действительно эффективные инструменты для достижения успеха в цифровом пространстве. Активизация работы в этой области является, по нашему мнению, ключом к актуальной и успешной стратегии продвижения белорусских брендов в условиях современного рынка.

Заключение. Результаты исследования подтверждают важность маркетинга в социальных сетях как фактора товаропродвижения. Основные преимущества этой маркетинговой коммуникации включают расширение охвата потенциальных потребителей, снижение затрат на маркетинг, дают возможность персонализации промоакций. Однако необходимо учитывать и возможные риски: изменение алгоритмов платформ, негативные отзывы или неправильное позиционирование, что может снизить эффективность маркетинговых мероприятий. Маркетинг в социальных сетях оказывает существенное влияние на процесс продвижения товаров, позволяя компаниям достигать целевой аудитории и стимулировать продажи в условиях высокой конкуренции. Его эффективность зависит от правильной постановки целей, выбора платформ, креативных решений и аналитической поддержки. В перспективе расширение цифровизации, автоматизация, использование искусственного интеллекта и новые форматы взаимодействия будут усиливать роль социальных сетей в товаропродвижении, делая их неотъемлемым инструментом современных маркетинговых стратегий.

1. Социально-экономическое развитие Республики Беларусь: правовые, социальные и финансово-экономические аспекты: монография / В.В. Богатырева [и др.]; под общ. ред. И.И. Шматкова, Э.В. Павлыша, Д.Н. Николичева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. – 180 с. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/28590 (дата обращения: 3.11.2025).

2. DataReportal – Digital 2025: Belarus // DataReportal. – 2025. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-belarus (датаобращения: 08.10.2025).

3. Исследования цифровой аудитории [Электронный ресурс] // Mediascope. – URL: https://mediascope.net/ (дата обращения: 08.10.2025).

ИНТЕРНЕТ КАК ИНСТРУМЕНТ СОВРЕМЕННОГО МАРКЕТИНГА

Радуха А.И., Алиева А.А.,
студенты 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Трацевская Л.Ф., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Интернет, маркетинг, цифровая трансформация экономики, электронная коммерция, социальные сети.

Keywords. Internet, marketing, digital transformation of the economy, e-commerce, social networks.

Устойчивое социально-экономическое развитие Беларуси в условиях перехода к рыночной экономической модели неразрывно связано с осуществлением национальными субъектами хозяйствования действенной маркетинговой политики и использованием возможностей ее современных инструментов, в частности, сети Интернет. Такой подход, несомненно, позволит найти новые, нетрадиционные решения проблемы повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности, что предопределило актуальность проведенного исследования, целью которого является оценка эффективности использования возможностей Интернет-маркетинга и выявление ключевых тенденций их применения белорусскими компаниями для повышения конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили литературные источники и статистические данные, касающиеся вопросов маркетинговой деятельности субъектов хозяйствования в сети Интернет. Его методологическую основу составили: логико-дедуктивный метод, анализ и синтез, метод восхождения от абстрактного к конкретному, статистический метод.

Результаты и их обсуждение. Проведенное исследование показало, что современное социально-экономическое развитие осуществляется в условиях глобальной цифровой трансформации, которая радикально меняет не только формат национальных экономических моделей, но и суть протекающих в их рамках процессов [1]. В этом контексте Республика Беларусь представляет собой уникальный пример динамично развивающейся цифровой экономической системы, где традиционные экономические уклады органично переплетаются с современными технологическими трендами, основаными на использовании возможностей сети Интернет.

Интернет обеспечивает двустороннюю коммуникацию с потребителем. Через социальные сети, мессенджеры, email-рассылки и другие каналы маркетологи могут не только транслировать сообщения, но и получать обратную связь, строить долгосрочные отношения с клиентами.

Проведенное исследование позволило установить, что цифровой ландшафт Беларуси отличает стремительная эволюция. Так, согласно данным Digital Report 2025, уровень проникновения Интернета в социально-экономическую сферу Республики Беларусь в 2024 г. достиг 91,5% [2], в то время как в 2023 г. он составлял 89,5% [3].

При этом активная аудитория социальных сетей составляет 6,36 млн. человек, а электронная коммерция демонстрирует устойчивый рост, формируя к ее возможностям устойчивый интерес маркетологов [4].

Особенно показательная динамика наблюдается в сфере электронной коммерции. По данным Белстата, объем розничного онлайн-торгового оборота за 2024 г. по сравнению с 2023 г. увеличился на 18,7% [3]. При этом более 80% белорусов перед покупкой ищут информацию о товарах в Интернете, что подтверждает его ключевую роль в формировании их потребительского поведения, а структура покупок демонстрирует смещение в сторону мобильной коммерции: 63% онлайн-покупок совершается с использованием смартфонов, что требует принципиально нового подхода к разработке цифровых маркетинговых стратегий.

Особого внимания заслуживает трансформация социальных практик в цифровой среде. Аудитория социальных сетей в Беларуси демонстрирует не только рост, но и изменение поведенческих паттернов. Если в 2024 г. среднее время, проводимое в соцсетях, составляло 2 часа 14 минут в день, то к 2025 году этот показатель снизился до 2 часов 5 минут [5], что требует от маркетологов более точного таргетинга.

Заключение. Таким образом, Интернет-маркетинг играет важную роль в современной экономике Беларуси. Высокий уровень его проникновения в социально-экономические процессы и активное использование социальных сетей создают благоприятную среду для развития цифрового маркетинга. Рост электронной коммерции, особенно мобильной, требует от белорусских компаний разработки новых, инновационных маркетинговых стратегий, ориентированных на потребности и поведение онлайн-покупателей. В целом перспективы развития Интернет-маркетинга в Беларуси выглядят оптимистично, в то же время, для повышения конкурентоспособности белорусским компаниям необходимо активно внедрять новые digital-инструменты, адаптируя свои маркетинговые стратегии к меняющимся условиям цифрового ландшафта.

1. Богатырёва, В. В. Финансовое управление человеческим капиталом как стратегическое направление развития инновационной экономики / В. В. Богатырёва // Инновационное развитие экономики: предпринимательство, образование, наука: сб. науч. ст. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2015. – С. 190–195. – URL: https//rep.vsu.by/handle/123456789/23803 (дата обращения: 3.11.2025).

2. DataReportal – Digital 2025: Belarus // DataReportal. – 2025. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2025-belarus (датаобращения: 07.10.2025).

3. DataReportal – Digital 2024: Belarus // DataReportal. – 2024. – URL: https://datareportal.com/reports/digital-2024-belarus (датаобращения: 07.10.2025).

4. Исследования цифровой аудитории [Электронный ресурс] // Mediascope. – URL: https://mediascope.net/ (дата обращения: 07.10.2025).

5. Информационное общество в Республике Беларусь: стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_152032/ (дата обращения: 07.10.2025).

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ОСОБАЯ ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ С ГОСУДАРСТВАМИ

Ребицкая Е.В.,
молодой ученый ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Ключевые слова. Государственно-частное партнерство, юридические лица, инвестиционная деятельность, исследовательское партнерство, трансграничные отношения.

Keywords: Public-private partnership, legal entities, investment activities, research partnership, cross-border relations.

Государственно-частное партнерство (далее - ГЧП) становится все более важным инструментом в современном мире, где эффективное управление ресурсами и инновационное развитие играют ключевую роль в достижении устойчивого экономического роста. ГЧП представляет собой одну из правовых форм осуществления иностранных инвестиций, отличающуюся от иных форм явно выраженными публичными элементами возникающих правоотношений, объединением ресурсов публичного и частного партнеров.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости создания единообразной стабильной правовой среды для эффективного привлечения частных инвестиций в публичный сектор. Исследование данной формы взаимодействия актуально в свете поиска оптимальных механизмов распределения рисков и защиты интересов как государства, так и юридических лиц.

Цель данного исследования – разработать и научно обосновать концепцию международной Конвенции как универсального инструмента для систематизации правового регулирования трансграничных отношений в сфере ГЧП.

Материал и методы. Нижеизложенные наблюдения построены на изучении международных правовых актов в области ГЧП, а также научных трудов, посвященных исследованию международного инвестиционного сотрудничества. Для анализа собранного материала были использованы метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. Решения, содержащие нормы и правила относительно ГЧП, принимаются разными международными институционными образованиями и в различных формах, каждая из которых имеет свои уникальные особенности и цели. Рассмотрим основные из них.

Одной из ключевых форм ГЧП выступает сфера отношений, связанных с осуществлением инвестиционной деятельности. Особенности регулирования инвестиционной деятельности юридических лиц за рубежом отражены в следующих международных актах. Первым таким документом стала Гаванская хартия от 24 мая 1948 года [1]. Документ содержал ряд принципиальных положений, включая положение о праве принимающего государства контролировать направление и освоение капиталовложений (ст.12). Тем не менее ряд государств не ратифицировали хартию, во многом из-за положения о том, что государства, импортирующие капитал, имеют право вмешиваться в выработку условий осуществления капиталовложений.

Проект конвенции Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР_ о защите иностранной собственности 1962 года стал первым комплексным международным актом, позволяющем взаимодействовать государствам по вопросам регулирования деятельности юридических лиц. Помимо норм защиты и не дискриминации лиц, владеющих собственностью за рубежом (ст.1-2), появляются нормы, регламентирующие вопросы изъятия иностранной собственности (ст.3), компенсационные нормы (ст.4), в случае нарушение норм обязательная полная репарация (ст.5) и передачу спора между частным лицом и государством на рассмотрение в арбитражный суд (ст.7). В проекте конвенции речь также идет лишь о физических лицах. Проект конвенции так и не был ратифицирован необходимым числом государств-членов ОЭСР (прежде всего капиталоимпортирующих) [3]. Тем не менее разработанные принципы конвенции нашли применение в инвестиционных соглашениях государств-членов ОЭСР.

Развитие инвестиционного сотрудничества между государствами потребовало регулирования этого процесса, как на многосторонней, так и на двусторонней основе. Первым многосторонним соглашением, создавшим надгосударственный механизма разрешения споров между государствами, принимающими инвестиции и иностранными инвесторами, явилась Вашингтонская конвенция «О порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами», принятая 18 марта 1965 года [2; с.130]. Вашингтонская конвенция имеет природу международного договора, а решения арбитражного органа, созданного под эгидой Конвенции, имеют более значимый статус по сравнению с решениями, вынесенными международным коммерческим арбитражем. В качестве продолжения данной конвенции была разработана Сеульская конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций 1985 года, которая создала систему международно-правовых гарантий для частных инвесторов.

Рассмотренные выше международные акты не содержат норм, позволяющих определить правовой статус юридических лиц в рамках международного публичного права, а также не предусматривают международную ответственность юридических лиц. Государственное регулирование сталкивается с проблемой оптимально гармоничной системы регулирования деятельности юридических лиц, ввиду их спорного правового статуса. Одним из инструментов являются национальные правовые документы, издаваемые государством в области инвестиционного права.

Следующей важной формой ГПЧ являются научные и исследовательские партнерства - сотрудничество между государственными и частными научно-исследовательскими учреждениями для разработки новых технологий и инновационных решений. Данная форма ГЧП выражается в заключении различных договоров, соглашений и меморандумов в сфере науки и образования).

Исходя из вышеописанного, можно сделать вывод, что соглашения о сотрудничестве между государствами и юридическими лицами играют важную роль в создании благоприятных условий для ведения бизнеса и стимулирования экономического роста. Вместе с тем отсутствует, универсальный международный договор, регулирующий трансграничные отношения в сфере ГЧП. Основным правовым источником регулирования трансграничных отношений в сфере ГЧП является внутригосударственное законодательство о ГЧП, акты же международного права носят исключительно рекомендательный характер. Следовательно, международные договорные нормы не играют ведущей роли в регулировании международных и трансграничных отношений в сфере ГЧП.

Считаем целесообразным разработать проект Конвенции, регулирующей взаимодействие государств с юридическими лицами в сфере ГЧП. Такого рода Конвенция должна стать международным стандартом, позволяющим систематизировать существующую международную и национальные практики ГПЧ и обозначить модельные нормы и правила, определяющих «нормативный минимум» регулирования и процессов реализации ГЧП. Конвенция должна быть нацелена на укрепление международного экономического правопорядка, усиление верховенства права на международном и внутригосударственном уровне, сбалансированную защиту прав и иностранных инвесторов, и государств, а также лиц, интересы которых затрагиваются проектами ГЧП в целях поощрения уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех. Подготовку данного международного акта следует возложить на Экономический и Социальный Совет ООН, что коррелирует с его функциональными обязанностями (п.3 ст.62 Устава ООН).

Заключение. Таким образом, ГЧП предлагает уникальную возможность объединить усилия государства и юридических лиц для реализации значимых проектов, которые направлены не только на развитие инфраструктуры, но и на улучшение качества жизни населения. Это сотрудничество позволяет государствам привлекать частные инвестиции, современные технологии и инновационные решения, что, в свою очередь, способствует более эффективному предоставлению публичных услуг. Сложившаяся правовая фрагментарность в сфере трансграничного ГЧП требует решения международного уровня. Принятие специализированной международной Конвенции является ключевым шагом для унификации правового поля ГЧП. Именно этот документ позволит создать стабильные и предсказуемые условия для трансграничных инвестиций, систематизировав существующие практики и установив единый нормативный минимум.

1. Гаванская хартия от 24 мая 1948 года Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/yb_1980_r.pdf. Дата доступа: 01.11.2025.

2. Международное частное право для специальностей: 6-05-0421-02 Международное право, 6-05-0421-01 Правоведение : учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. В.А. Барышев. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2025. – 356 с.

3. Draft Convention on the Protection of Foreign Property: Text with Notes and Comments [Electronic resource] // Organisation for Economic Cooperation and Development.pdf — Mode of access: – Date of access: 01.11.2025.

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Рябиков Е.Р.,
студент 5 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Вардомацкий Л.М., канд. филол. наук, доцент

Ключевые слова. Вербализация, денежно-кредитные отношения, русский язык, английский язык, немецкий язык, финансовая терминология, лексико-грамматический анализ, межъязыковой сопоставительный анализ, экономическая лексика.

Keywords. Verbalization, monetary and credit relations, Russian language, English language, German language, financial terminology, lexical and grammatical analysis, interlingual comparative analysis, economic vocabulary.

Современные процессы глобализации, интеграции финансовых рынков и активного межкультурного взаимодействия усиливают потребность в точной и унифицированной передаче экономической информации. Особое место в этой сфере занимает вербализация денежных и кредитных отношений, отражающая не только экономические реалии, но и культурно-языковые особенности различных обществ. Лексика, обозначающая финансовые процессы, является важным компонентом профессиональной коммуникации, переводческой практики и научного дискурса.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью точного понимания и перевода терминов, обозначающих финансовые процессы, а также их важной ролью в формировании единого информационного пространства в условиях глобальной экономики.

Материал и методы. Материалом исследования послужили специализированные словари, энциклопедические справочники, а также тексты научных и публицистических источников, содержащие лексику, обозначающую денежно-кредитные отношения. Анализ проводился сопоставительным и описательно-аналитическим методами с элементами компонентного анализа.

Результаты и их обсуждение. Проведённое исследование показало, что вербализация денежных и кредитных отношений в русском, английском и немецком языках образует сложные и многослойные тематические поля. В каждом языке выделяются группы лексических единиц, отражающие ключевые элементы финансовой сферы: универсальные обозначения, формы денег, процессы и операции, финансовое состояние, а также стилистически маркированная лексика. Такое структурирование позволяет выявить как общие черты, так и специфические особенности национальных языковых систем.

Ядро терминологии во всех трёх языках составляют нейтральные обозначения, выполняющие функцию базовых категорий. В русском языке это «деньги», «средства», «финансы»; в английском – *money, funds, capital*; в немецком – *Geld, Kapital, Vermögen*. Несмотря на общую семантику, немецкий язык характеризуется более чёткой дифференциацией понятий капитала и имущества, тогда как в русском эти категории нередко пересекаются. Английский язык демонстрирует более функциональный подход, отражающий прагматичность финансовой сферы.

Следующий пласт формируют слова, обозначающие различные формы денег. Здесь особенно заметно влияние новых экономических реалий. Английский и немецкий языки демонстрируют широкий спектр терминов, связанных с цифровыми и электронными средствами платежа, например *cryptocurrency, e-wallet, digitalcurrency; Kryptowährung, digitalesGeld*. В русском языке для этих явлений чаще используются заимствования, что указывает на позднее закрепление подобных терминов и адаптацию через перевод.

Большой объём лексики во всех трёх языках связан с процессами кредитования, инвестирования, переводов и платежей. Русское *кредит,* английское *loan/credit* и немецкое *Kredit / Darlehen* представляют собой как прямые соответствия, так и различия в юридическом статусе понятий. Например, немецкое *Darlehen* имеет более формализованный оттенок и используется преимущественно в официальных документах, тогда как английское *loan* охватывает широкий спектр заёмных отношений. Эти различия отражают специфику национальных финансовых систем и нормативной базы.

Лексика, описывающая финансовое состояние, также демонстрирует культурно-языковые различия. Так, русское «банкротство» нередко используется метафорически («банкротство идей»), тогда как английское *bankruptcy* сохраняет преимущественно юридический характер. В немецком языке различаются *Insolvenz* (неплатёжеспособность) и *Bankrott* (полный крах), что свидетельствует о более точной юридической терминологии.

Особый интерес представляет стилистически маркированная, разговорная лексика. Жаргонные обозначения денег и финансовых явлений демонстрируют отношение общества к этой сфере. В русском языке – «бабки», «зелень»; в английском –*bucks, dough, bread;* в немецком –*Kohle, Zaster, Knete.* Их наличие подтверждает, что деньги являются важным элементом повседневной культуры, а разнообразие жаргонизмов особенно характерно для английского языка, отражающего динамичную финансовую среду.

Сопоставительный анализ в целом показал, что английский язык обладает наиболее развитой терминологией для обозначения инновационных финансовых явлений, немецкий – для юридически точных понятий кредитно-денежной сферы, а русский – для универсальных и культурно нагруженных выражений. Эти различия необходимо учитывать при переводе и научной работе с финансовыми текстами, поскольку они влияют на точность интерпретации и эффективность межкультурной коммуникации.

Заключение. Основным результатом работы стало выявление специфики каждой из лингвокультур: **английский язык** демонстрирует высокую адаптивность и функциональность, обладая наиболее развитым арсеналом терминов для обозначения инновационных финансовых продуктов и процессов; **немецкий язык** отличается терминологической точностью и четкой дифференциацией понятий, особенно в правовом поле, что отражает традиционную скрупулезность в финансовых вопросах**; русский язык** характеризуется сочетанием универсальных обозначений с ярко выраженной культурной коннотацией и развитым пластом разговорной лексики, что подчеркивает глубокую интеграцию денежных отношений в социальный контекст.

Таким образом, вербализация денежно-кредитной сферы служит не только инструментом профессиональной коммуникации, но и лингвокультурным маркером, отражающим особенности национального экономического мышления. Полученные результаты подчеркивают важность учета лингвокультурных особенностей для обеспечения точности перевода, эффективности межъязыковой коммуникации в сфере экономики и финансов, а также для разработки учебных материалов в рамках профессионально ориентированного языкового образования.

1. Агаркова Н. Э. Концепт "деньги" как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка) автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н., специальность 10.02.04 / Агаркова Наталья Эдуардовна; [Иркут. гос. лигвист. ун-т]. – Иркутск 2001. – 20 с. ил.; 21.

2. Яшина Н.Н., Богодевич Н. Г. Финансы и инвестиции: Англо-русский, русско-английский толковый словарь. / Н.Н. Яшина – М.: Финансы и статистика, 1995. - 220 с.

3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.В. Современный экономический словарь (СЭС) / Б.А Райзенберг. - М.: Инфра-М, 1999. 479 с.

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ОСОБЕННОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Самохвал С.Н., Громада А.А.,
Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Маркусенко Л.Н., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Денежно-кредитная система, Национальный банк, коммерческие банки, микропруденциальная политика, банковский сектор, финансовая стабильность, Республика Беларусь.

Keywords. Monetary system, National Bank, commercial banks, microprudential policy, banking sector, financial stability, Republic of Belarus.

Денежно-кредитная система – составляющая экономики государства, основная функция которой состоит в обеспечении стабилизации макроэкономики. Реализуется она путем изменения количества денег, находящихся в обращении [1]. На практике денежно-кредитная система страны – это совокупность банков, финансовых учреждений и государственных органов, которые управляют денежным обращением и регулируют кредитные отношения для обеспечения экономической стабильности.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили нормативно-правовые акты Республики Беларусь, регулирующие деятельность Национального банка и коммерческих банков, а также официальные статистические и аналитические данные Национального банка Республики Беларусь и других государственных органов. В работе использовались следующие методы: анализ и синтез для изучения структуры

денежно-кредитной системы; логико-дедуктивный метод для формулирования выводов и предложений по совершенствованию; сравнительный анализ для оценки текущего состояния банковского сектора; и статистический метод для обработки количественных показателей активов и регулирования.

Результаты и их обсуждение. Проведенный анализ показал, что двухуровневая денежно-кредитная система Беларуси, возглавляемая Национальным банком, играет ключевую роль в макроэкономической стабилизации. Были выявлены основные внутренние проблемы банковского сектора, включая процентные риски, угрозу «ловушки ликвидности» и потенциальную неэффективность трансмиссионного механизма. В качестве решения этих проблем Национальный банк реализует упреждающие макро- и микропруденциальные меры, направленные на усиление надзора и повышение устойчивости финансовой системы в целом.

Современная денежно-кредитная система представляет собой многоуровневый механизм аккумулирования и перераспределения финансовых активов. Денежно-кредитная система Республики Беларусь двухуровневая: верхний уровень – Национальный банк Республики Беларусь, нижний – коммерческие банки и небанковские финансовые организации, включающие инвестиционные фонды, страховые компании и другие институты, которые участвуют в финансовом посредничестве.

Национальный банк Республики Беларусь содействует устойчивому экономическому развитию страны, проводит государственную политику, направленную на достижение основных целей его деятельности, координирует деятельность государственных органов, банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, а также иных организаций, в пределах, предусмотренных законодательными актами, в рамках выполнения возложенных на него функций. Национальный банк выполняет следующие функции:

- разрабатывает Основные направления денежно-кредитной политики Республики Беларусь и совместно с Правительством Республики Беларусь обеспечивает проведение единой денежно-кредитной политики Республики Беларусь в порядке, установленном Банковским кодексом и иными законодательными актами;
- осуществляет операции, необходимые для выполнения основных целей деятельности Национального банка;
- осуществляет рефинансирование банков, в том числе в качестве кредитора последней инстанции;
- осуществляет эмиссию денег;
- осуществляет эмиссию (выдачу) ценных бумаг Национального банка, определяет порядок эмиссии, обращения и погашения ценных бумаг Национального банка по согласованию с республиканским органом государственного управления, осуществляющим государственное регулирование рынка ценных бумаг.

Коммерческие банки – это кредитные организации, основной целью которых является получение прибыли за счет предоставления финансовых услуг юридическим и физическим лицам, таких как приём вкладов, выдача кредитов, расчетно-кассовое обслуживание и операции с ценными бумагами. Они играют ключевую роль в экономике, аккумулируя денежный капитал и обеспечивая движение финансовых потоков [2].

По состоянию на октябрь 2025 года в банковской системе Республики Беларусь действует 21 банк и 2 небанковских кредитно-финасовых организации (ОАО "НКФО "Белинкасгрупп", ОАО "НКФО "ЕРИП"). По состоянию на 1 октября 2024 г. в реестр лизинговых организаций в Беларуси включены 97 лизинговых компаний, в реестр микрофинансовых организаций (МФО) по состоянию на 1 октября 2024 г. Национальным банком включено 80 юридических лиц, согласно реестру Министерства финансов по состоянию на 18 сентября 2024 г. в Беларуси деятельность осуществляли 45 профучастников рынка ценных бумаг, которые осуществляют деятельность по организации торговли ценными бумагами, брокерскую или иные виды деятельности, требующие получения соответствующего специального разрешения (лицензии) [3].

На начало года, на 1 июля января 2025 года активы банковской системы Республики Беларусь составляли около 146,6 млрд рублей.

Денежно-кредитное регулирование экономики осуществляется экономическими методами на уровне банковской системы посредством применения инструментов денежно-кредитной политики.

Анализ показал, что основными внутренними проблемами функционирования банковского сектора являются:

- обеспечение устойчивости банковского сектора;
- процентные риски в силу неопределенности и колебания процентных ставок;
- тенденция к снижению процентных ставок может привести к «ловушке ликвидности»;
- трансмиссионный механизм может оказаться неэффективным, если связи в экономике, через которые денежно-кредитная политика влияет на спрос и инфляцию, слабые или искаженные

В соответствии с Основными направлениями денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2025 год макропруденциальная политика в 2025 году ориентирована на выработку упреждающих мер по противодействию рискам и угрозам в масштабах всей финансовой системы, а также снижение ее уязвимостей. Микропруденциальная политика Национального банка будет направлена на обеспечение устойчивого функционирования банков, небанковских кредитно-финансовых организаций, открытого акционерного общества «Банк развития Республики Беларусь», а также иных поставщиков платежных услуг и некредитных финансовых организаций* посредством регулирования их деятельности, дистанционного надзора и проведения выборочных и внеплановых проверок. Регулирование деятельности некредитных финансовых организаций в 2025 году направлено на дальнейшее формирование правовых основ и обеспечение эффективной работы небанковского сегмента финансового рынка.

Таким образом, денежно-кредитная система Республики Беларусь, как двухуровневый механизм с ведущей ролью Национального банка и коммерческих банков, играет ключевую роль в обеспечении экономической стабильности и устойчивого развития страны. Несмотря на выявленные проблемы, такие как процентные риски, «ловушка ликвидности» и неэффективность трансмиссионного механизма, реализация макро- и микропруденциальной политики на 2025 год, включая усиление надзора и регулирования, позволит минимизировать уязвимости и повысить эффективность финансового сектора.

В итоге, дальнейшее совершенствование денежно-кредитной системы и ее регулирующего воздействия на экономику через внедрение упреждающих мер и адаптацию к внешним вызовам будет способствовать росту национальной экономики и финансовой устойчивости Беларуси в целом. При этом в качестве экономических приоритетов на 2026–2030 годы предусмотрены рост инвестиций и инноваций в государственном и коммерческом секторах [4].

Заключение. Денежно-кредитная система Республики Беларусь, представляя собой двухуровневый механизм, играет ключевую роль в обеспечении макроэкономической стабильности и устойчивого развития страны. Исследование показало, что, несмотря на структурную устойчивость, банковский сектор сталкивается с внутренними проблемами, включая процентные риски и потенциальную неэффективность трансмиссионного механизма. Для минимизации выявленных уязвимостей Национальный банк реализует комплексную макро- и микропруденциальную политику, направленную на усиление надзора и регулирование финансового рынка. В итоге, дальнейшее совершенствование системы через адаптацию регулирующих мер и ориентацию на рост инвестиций и инноваций станет залогом повышения финансовой устойчивости Беларуси в долгосрочной перспективе.

1. Словарь банковских терминов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://myfin.by/wiki/term/denezhnokreditnaya-sistema – Дата доступа: 23.10.2025

2. О банке. Сайт Национального Банка республики Беларусь- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/today/about/general – Дата доступа: 23.10.2025

3. Банки и финансовые организации остаются надежным партнером реального сектора. «ЭГ» выпуск №98 (2792) от 31.12.2024 - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: javascript:void(0) – Дата доступа: 25.10.2025

4. Роман Головченко обозначил два экономических приоритета на пятилетку: инвестиции и инновации терминов. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2025/october/90556/ .) – Дата доступа: 25.10.2025.

КОНКЛЮДЕНТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК АКЦЕПТ

Сафонова А.И.,
студентка 3 курса Белорусской государственной сельскохозяйственной академии
Научный руководитель – Кузьмич А.П., ст. преподаватель

Ключевые слова. Договор, молчание, заключение договора, конклюдентные действия, акцепт.
Keywords. Contract, silence, conclusion of a contract, implicative actions, acceptance.

Акцепт, как обязательная стадия заключения договора, требует полного и безоговорочного принятия оферты. Однако основная коллизия возникает при конклюдентных действиях, когда объективная воля акцептанта, выраженная в поведении (например, оплата или начало работ), противоречит субъективному восприятию оферента, что может приводить к спорам о заключении договора. Это обуславливает необходимость законодательных изменений для повышения правовой определённости.

В настоящей статье рассматривается проблема, оспаривания одной из сторон конклюдентных действий в качестве акцепта на основании статьи 408 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. №218-З (далее – ГК Республики Беларусь).

Цель данной статьи – выявление пробелов в действующем законодательстве, формулировка предложений по его дальнейшему совершенствованию.

Материал и методы. В данном исследовании использован формально- юридический метод, дедукции и индукции. Материалами послужили статьи ГК Республики Беларусь (ст. 408, ст. 592) и конкретные примеры из судебных решений (дело № 2-34/2025 и постановление Верховного Суда от 23.04.2019), что позволило выявить существующие правовые коллизии и сформировать предложения по их разрешению.

Результаты и их обсуждение. Акцепт выступает в качестве обязательного этапа при заключении договора. Законодательное регулирование акцепта осуществляется в соответствии со ст. 408 ГК Республики Беларусь:

1. Акцептом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии. Акцепт должен быть полным и безоговорочным.

2. Молчание не является акцептом, если иное не вытекает из законодательства или соглашения сторон.

Например, в соответствии с п.2 ст. 592 ГК Республики Беларусь, если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора при отсутствии возражений со стороны арендодателя, договор считается возобновленным на тех же условиях на неопределенный срок [1].

3. Совершение лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.д.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законодательством или не указано в оферте [1].

Например, согласно извлечению из материала дела № 2-34/2025 письменная форма договора займа является соблюденной, если заимодавец перечислил сумму займа (совершил акцепт) в ответ на письмо с такой просьбой (оферта) [4].

Пассивное поведение также может быть признано конклюдентными действиями. Если компания знала о действиях контрагента, принимала исполнение или деньги, не высказывая возражений, не возвращая средства и не требуя пояснений, это может свидетельствоватьоеемолчаливомсогласии.Так,судпризнал,чтоправообладатель,не препятствуя использованию товарного знака в течение длительного времени, фактически согласился с его использованием, несмотря на отсутствие формального разрешения [2].

Основная коллизия заключается в противоречии между объективной волей акцептанта, выраженной в его действиях (например, отгрузка товара, уплата денежных средств, начало работ), и субъективным восприятием этой воли оферентом. В отличие от прямого письменного акцепта, который очевиден и легко доказуем, конклюдентные действия

могут остаться неизвестными для оферента вплоть до момента предъявления к нему требований о неисполнении «молчаливо» заключенного договора.

Например, об распространенности данной проблемы свидетельствует и судебная практика.Согласноизвлеченияизпостановлениясудебнойколлегииипоэкономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 23.04.2019 по делу № 204- 28/2018/36А/443К «…заявитель кассационной жалобы считает не соответствующими материалам дела выводы судебных инстанций о том, что истец своими конклюдентными действиями одобрил факт заключения договора поставки до его подписания, поскольку все последующие действия свидетельствуют об обратном, поступление по договору поставки денежных средств на расчетный счет СООО «С» и их использование в хозяйственном обороте также не может быть оценено как последующее одобрение сделки» [3].

На основании вышеизложенного целесообразно, как представляется, внесение некоторых изменения в гражданское законодательство Республики Беларусь. Так, п. 3^1 ст.408ГКРеспубликиБеларуснеобходимодополнитьиизложитьвновойредакции:

«Если из оферты или законодательных актов не вытекает иное, лицо, совершившее действия, обязано направить оференту письменное уведомление об их совершении в разумный срок».

Заключение. Таким образом, акцепт является ключевым элементом заключения договора, требующим полного и безоговорочного принятия оферты. Однако основная правовая коллизия возникает при квалификации конклюдентных действий, которые, выражая волю акцептанта, могут остаться неизвестными оференту, что порождает споры о наличии договорных отношений. Для минимизации рисков и устранения неопределенности предлагается дополнить ст. 408 ГК Республики Беларусь нормой, обязывающей лицо, совершившее конклюдентные действия, уведомлять о них оферента в разумный срок.

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : с изм. И доп. : в ред. От 17 сент. 2025 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Конклюдентные действия в договорных отношениях [Электронный ресурс]. – https://pravo163.ru/konklyudentnye-dejstviya-v-dogovornyx-otnosheniyax/. – Дата доступа: 27.10.2025.

3. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 23.04.2019 по делу № 204-28/2018/36А/443К [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/praktice/acts_vs/economics/15a69fccc02c40cf.html.– Дата доступа: 27.10.2025.

4. Решение № 2-34/2025 от 25 марта 2025 г. по делу № 2-34/2025 [Электронный ресурс]. https://sudact.ru/regular/doc/IObPj3fnwio4/?regular-txt=оплата+счета+акцепт+&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1759774702749&snippet_pos=2250#snippet.–Датадоступа: 30.10.2025.

РОЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ЮСТИЦИИ Д.И. КУРСКОГО В РАЗВИТИИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Селиванова Е.Н.,
выпускник Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Иванова Т.П., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Советский период, первый народный комиссариат юстиции РСФСР, первый прокурор СССР, Д.И. Курский, уголовное законодательство.

Keywords. Soviet period, the first people's commissariat of justice of the RSFSR, the first prosecutor of the USSR, D.I. Kursky, criminal legislation.

В условиях социальных и правовых трансформаций представляет интерес история создания и совершенствования законодательства в предшествующие исторические эпохи. В связи с этим тема исследования является актуальной.

Цель исследования: выявить аспект личного участия народного комиссара юстиции Дмитрия Ивановиче Курского в создании уголовного законодательства РСФСР и СССР.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили избранные речи Д.И. Курского «Новое уголовное право» (1918), «Пролетарское право» (1919), «Ближайшие задачи изучения советского права» (1922), доклады на съездах советов СССР, законодательство РСФСР советского периода, книги и публикации о деятельности Д.И. Курского. Методы исследования: анализ, синтез, описание, обобщение, ретроспективный, формально-правовой, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. В первые годы после октября 1917 года активно осуществлялся процесс создания советского законодательства, в том числе в сфере уголовного права. Значительная роль в этом процессе принадлежит народному комиссару юстиции РСФСР Дмитрию Ивановичу Курскому (1874-1932).

Д.И. Курский поступил на юридический факультет Московского университета в 1896 г., закончил юрфак с золотой медалью. До поступления в вуз имел опыт работы в качестве присяжного поверенного. Активный участник революционных событий в России. Участник Первой мировой войны. Входил в состав Московского областного бюро РСДРП. С августа 1918 года до января 1928 года являлся народным комиссаром юстиции РСФСР и одновременно первым советским прокурором. Неоднократно избирался членом Президиума ВЦИК и ЦИК СССР [1, с. 101]. В апреле 1918 г. Д.И. Курский руководил работой первого Всероссийского съезда областных и губернских комиссаров юстиции; в феврале 1918 г. руководил работой первого съезда комиссаров юстиции Московской области [2, с. 164-165]. В 1928 г. назначен по постановлению Президиума ЦИК СССР полномочным представителем СССР в Италии, где находился до 1932 г. Несмотря на огромную практическую работу, много внимания уделял общетеоретическим вопросам государства и права. Возглавлял Институт советского права, являлся автором и редактором многих публикаций в правой сфере, одним из создателей нового, революционного, пролетарского права [3, с. 298; 4, с. 3-7].

В своей профессиональной деятельности Д.И. Курский неоднократно обращался к вопросам законности. По его докладу на Всероссийском чрезвычайном съезде советов 9 ноября 1918 г. съезд принял постановление, обязывающее строго соблюдать законы советского государства [4, с. 16]. В статье «О революционной законности» Д.И. Курский писал: «Внешние причины делают в некоторых случаях неизбежным принятие экстренных мер» [4, с. 46].

Как глава Народного комиссариата юстиции РСФСР Д.И. Курский принял участие в издании Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, которые стали основой для уголовного законодательства советских республик.

В статье «Ближайшие задачи изучения советского права» он утверждал: «Советское право за четыре с половиной года пережило три ярких момента своего развития: период разрушения старого права и временных переходных норм, период военного коммунизма и, наконец, период государственного капитализма. Подойти к построению современной системы советского права можно лишь анализом конкретного содержания юридических норм в эти периоды» [4, с. 117-118]. А также отмечал, что «задачи изучения советского права могут иметь и научный, и практический опыт» [4, с. 119].

Д.И. Курский сыграл значительную роль в руководстве подготовкой Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Проект разрабатывался довольно долго. В 1922 году утверждена общая схема проекта Кодекса [5, с. 899]. С точки зрения современной правовой терминологии можно утверждать, что это было стремление создать модельный уголовно-правовой акт для последующей подготовки уголовных кодексов республик. III Всероссийский съезд деятелей советской юстиции (28-30 июля 1920 г.) его не утвердил. К вопросу создания Уголовного кодекса вновь вернулись в повестке дня на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции (26-30 января 1922 г.). На съезде присутствовали 5500 делегатов, которые проголосовали за проект как основу Уголовного кодекса. Народный комиссар юстиции Д.И. Курский также выступил на съезде. Красной нитью в его речи проходила мысль о том, что нормы кодекса должны быть понятны советскому обществу.

На съезде утверждалось, что нормы Уголовного кодекса должны будут стать едиными для всех республик [6, с. 85]. На этом съезде Д.И. Курский обосновал роль и значение советской юстиции [2, с. 168].

Рабочая комиссия при Малом Совете Народных комиссаров обобщила все замечания, высказанные на съезде. По словам Д.И. Курского о сложной продолжительной работе над проектом Кодекса – была «проделана египетская работа в области уголовного права».

В мае 1922 года дискуссия о содержании проекта Уголовного кодекса была возобновлена. 24 мая 1922 года на пленарном заседании ВЦИК Кодекс принят в окончательной редакции. Уголовный кодекс РСФСР был опубликован и вступил в силу с 1 июня 1922 года [**7**].

Современные исследователи, в частности Е.Н. Трикоз, указывают на такие особенности первого уголовного советского кодекса, как тщательность его подготовки, демократизм обсуждения, внесение большого количества поправок в процессе разработки [5, с. 911], высокую для того времени юридическую технику уголовного закона [8, с. 12].

Решением III сессии ЦИК БССР от 24 июня 1922 г. действие УК РСФСР было распространено на территорию Беларуси. Принятый в БССР Уголовный кодекс 1924 г. фактически дублировал вышеназванный Кодекс.

В одном из своих писем Д.И. Курский писал: «Законодательствовать надо с тройной оглядкой. Семь раз примерь» [4, с. 11]. В статье «Ближайшие задачи изучения советского права» (1922) Д.И. Курский обосновал необходимость построения системы права при опоре на законодательство государства.

В статье «Уголовный кодекс 1922 года» Д.И. Курский высказывал следующие мысли. «Советское право выдвинуло специальные виды наказания» – это принудительные работы без лишения свободы, которых не знало буржуазное право» [4, с. 129]. «В проекте комиссии СНК предлагается не вводить высшую меру наказания в сам Кодекс, исключить ее из Кодекса и во вводном законе указать, что эта мера репрессии применяется временно (применяется по делам, которые рассматриваются в военных трибуналах)» [4, с. 130].

Не со всеми высказываниями Д.И. Курского можно согласиться. Так, без достаточных обоснований он пришел к выводу, что народные суды призваны разрешить вопросы уголовной юрисдикции. Также он считал абсолютно необходимой аналогию в Уголовном кодексе. Возможно, в сложных условиях того исторического периода, когда нужно было заранее предусмотреть все виды преступных деяний, она была необходима, но с изменением условий деятельности государства должно было более быстро меняться отношение к применению наказаний по аналогии [4, с. 18]. Д.И. Курский также полагал, что «нужно оградить государство от «чрезмерной независимости суда» [9, с. 41].

Несомненно, Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был значительным достижением в развитии уголовного законодательства СССР довоенного периода. Но практика вскрыла и недочеты, потребовавшие его пересмотра. Д.И. Курбский признавал необходимость исправления Кодекса, но был против его полной переработки лишь потому, что «к нему уже приспособились, поэтому пересмотр нашего Уголовного кодекса полностью был невозможен» [4, с. 163].

Заключение. В качестве первого руководителя народного комиссариата юстиции Д.И. Курский имел непосредственное участие к разработке концепции советского права, созданию законодательства и осуществлению его положений на практике, в том числе в уголовно-правовой сфере. Ряд выступлений и статей Д.И. Курского ярко и правдиво показывает сложную обстановку, в которой создавалась советская юстиция. Законодательство этого периода характеризуется рядом противоречивых черт.

1. Волошин, В.Ф. Д.И. Курский. К 100-летию со дня рождения / В. Ф. Волошин // Советское государство и право. – 1974. – № 12. – С. 98-102.

2. Зайцев, И.С. Дмитрий Иванович Курский / И.С. Зайцев // На страже советских законов. – М.: Юридическая литература, 1972. – 197 с.

3. Костюковский, Б. Время не властно. Повесть о Д. Курбском /Б. Костюковский, С. Табачников. – М.: Изд-во полит. литературы, 1989. – 399 с.

4. Д.И. Курский. Избранные статьи и речи. Сост. А.С. Курская и К.С. Якуненков. Ответ. ред. И.Т. Голяков. – М.: Гос. изд-во юр. литературы, 1958. – 2-е изд. – 161 с.

5. Трикоз, Е.Н. Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридическо-технические особенности /Е.Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2022. – Т. 26. – № 4. – С. 890-920.

6. Камельская, Е.К. Уголовный кодекс РСФСР 1922 года: особенности разработки проекта, концептуальные основы и общая характеристика /Е.К. Камельская // Уральский журнал правовых исследований. – 2024. – № 3 (28). – С. 82-91.

7. Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 01.01.1922г. // Официальный интернет-портал Музея Российских реформ имени П.А. Столыпина. – Режим доступа: http://музейреформ.рф/node/13810. Дата доступа: 05.01.2025.

8. Голенко, Д.В. О некоторых детерминантах, обуславливающих структуру и содержание Особенной части уголовного закона (на примере УК РСФСР 1922 года) / Д.В. Голенко // Вектор науки МГУ. Серия Юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 5-12.

9. Курский, Д.И. На путях развития советского права. Статьи и речи. 1919-1926. – М.: Юридическое изд-во, 1927. – 128 с.

О МОДЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ ДЛЯ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Селиванова Е.Н.,
выпускник Витебского филиала Международного университета «МИТСО»,
г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Иванова Т.П., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Уголовное право, уголовное законодательство, Содружество Независимых Государств, Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ.

Keywords. Criminal law, criminal legislation, Commonwealth of Independent States, Model criminal code forthe CIS states.

В условиях социальных и правовых трансформаций представляет интерес законодательство одной правовой системы, законодательный опыт конкретного региона стран. В связи с этим тема важности сохранения и развития модельного законодательства является актуальной.

Цель исследования: осуществить анализ содержания Модельного уголовного кодекса государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), определить общие черты и преемственность с уголовным законодательством Республики Беларусь.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ и действующий Уголовный кодекс Республики Беларусь. Методы исследования: формально-правовой, сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Есть мнение, что модельные законы СНГ имеют ряд совпадений с Основами законодательств, а данная форма заимствована у СССР, например, Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик. Они принимались в целях установления единства в правовом регулировании групп общественных отношений [1, с. 84].

При создании модельных кодексов СНГ, несомненно, учитывалось, что страны связывают глубокие исторические корни, общность мировосприятия, правовой системы, культуры. Общие подходы отражены и в Модельном уголовном кодексе СНГ [2, с. 46].

Модельный уголовный кодекс – рекомендательный законодательный акт для стран СНГ. В своих основных чертах он предвосхитил уголовные кодексы молодых республик, в том числе и Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

По своей структуре Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ (далее – Модельный уголовный кодекс) делится на Общую и Особенную части, разделен на 13 разделов, 34 главы и 341 статью. Из пункта первого статьи 2 следует, что задачами данного Кодекса являются: «охрана мира и безопасности человечества, прав и свобод человека и гражданина, прав юридических лиц, собственности, природной среды, общественного порядка и безопасности, конституционного строя от преступных посягательств, а также предупреждение преступлений» [3].

Принципы Модельного уголовного кодекса и уголовной ответственности: законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, личной виновной ответственности, справедливости, гуманности (ст. 4). Эти же принципы заложены и в УК Республики Беларусь [4].

Исходя из содержания Модельного уголовного кодекса, лицо, совершившее преступление на территории государства – участника СНГ, подлежит ответственности по законодательству этого государств. Получила закрепление и следующая правовая норма: если преступления совершены на территории нескольких государств, то ответственность наступает по законодательству государства, где лицо привлечено к уголовной ответственности. Действие уголовного законодательства государств – участников СНГ распространяется на преступление, совершенное на его континентальном шельфе или в его исключительной экологической зоне, а в случаях предусмотренных международными договорами – в открытом море и Каспийском море (ст. 13.4). Лицо, совершившее преступление на судне, находящемся в открытом море или открытом воздушном пространстве, подлежит ответственности согласно «закону флага».

Согласно ст. 18 Модельного уголовного кодекса преступления подразделяются на преступления небольшой тяжести, средней тяжести тяжелые и особо тяжелые. Названы такие категории преступлений, как совершенные по неосторожности, оконченные и неоконченные преступления, а также рецидив преступлений опасный и особо опасный (ст. 20), понятие «преступное сообщество» (ст. 38.4).

Раздел III посвящен наказанию: понятию, целям и видам. В ст. 62 и 63 соответственно излагаются обстоятельства, смягчающие ответственность и наказание и отягчающие. Обращает внимание, что к отягчающим обстоятельствам относится совершение умышленного преступления против родителей (в то же время суду предоставляется право не признавать это отягчающим обстоятельством). Это касается и совершения преступления в состоянии алкогольного, наркотического опьянения или под воздействием токсических веществ. В разделе IV констатируется освобождение от уголовной ответственности и наказания, разделе V – особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Значительное внимание в Кодексе уделено преступлениям против мира и безопасности человечества (глава 17); в ст. 107 раскрыто понятие и ответственность за геноцид. К лицам, совершившим преступления террористического характера, а также преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются.

Кодекс направлен на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина, преступления этой категории изложены в главе 21; преступления против семьи и интересов несовершеннолетних – в главе 22.

Преступления против общественной безопасности зафиксированы в разделе VIII.

В ст. 199 названы преступления против здоровья населения, в том числе незаконный оборот наркотических средств с целью сбыта.

Уголовное законодательство государств – участников СНГ в сфере незаконного оборота наркотических средств основывается на международных правовых актах и Модельном уголовном кодексе, построено по единому принципу и содержит близкие по смыслу нормы; имеются и некоторые расхождения.

Отметим, что различия в нормах уголовных кодексов различных стран может являться препятствием для сотрудничества стран в борьбе с наркопреступлениями и другими преступлениями, а схожесть правовых норм содействует улучшению контактов в противодействии преступности.

В Модельном уголовном кодексе названы такие преступления против общественного порядка, как хулиганство, распространение порнографических материалов, уничтожение или повреждение памятников истории и культуры.

В нормативном документе получили отражение и преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (кража, хищение, мошенничество, грабеж, вымогательство, разбой) (раздел XI), преступления против информационной безопасности (раздел XII), преступления против государственной власти, в том числе измена государству как особо тяжкое преступление (ст. 293 главы 34 раздела XIII)[3].

При изучении структуры и содержания УК Республики Беларусь мы обратили на преимущественное следование структуре и положениям Модельного уголовного кодекса. Несмотря на то, что модельное законодательство называют «мягким правом», оно

позволяет унифицировать национальные правовые системы в рамках СНГ, выработать оптимальные решения в конкретной сфере жизнедеятельности граждан. В то же время модельное законодательство позволяет использовать национальные особенности развития права в конкретных государствах, в том числе и в Беларуси.

В уголовных кодексах стран СНГ заметны особенности криминализации, различные подходы к закреплению уголовной ответственности за ряд преступлений (в частности, за осуществление террористической деятельности и других), к определению возраста субъекта акта терроризма (в Беларуси – это 16 лет). Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки совпадают; в Республике Беларусь это такие признаки, как «повторно и неоднократно», «сопряженые с причинением тяжких телесных повреждений», «совершенные деяния группой лиц по предварительному сговору» [5, с. 63].

Обратимся еще к одной проблеме, определяющей важность разработки и обращения к модельному законодательству. В мире сложилась своеобразная правовая ситуация. Международная правовая система испытывает крен в сторону избирательности применения, формирования двойных стандартов выполнения внешних правил юридического применения. Для белорусских юридических лиц в значительной степени заблокировано право на получение квалифицированного международного юридического консультирования. Непрозрачные процессы создают атмосферу недоверия к так громко декларируемым европейским ценностям. В связи с этим возрастает роль национальных правовых институтов Республики Беларусь, а также ценна опора на модельное законодательство стран СНГ.

Заключение. Таким образом, модельное уголовное законодательство государств – участников СНГ имеет историко-правовые корни предшествующих периодов, создает основу для сближения законодательства в современных условиях, для правовой поддержки государств в условиях возрастания вызовов современности.

1. Ермолович, В.Ф. Концептуальные подходы к совершенствованию модельных законов обеспечения пограничной безопасности /В.Ф. Ермолович // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2015. – № 3 (49). – С. 83-87.

2. Беляева, Л.И. Наказания, не связанные с лишением свободы, по законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств /Л.И. Беляева // Человек: преступление и наказание. – 2017. – Т. 25 (1-4). – № 1. – С. 43-48.

3. О Модельном уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. № 7-5 // ЭТАЛОН. Законодательство Респ. Белар. / Нац. центр правовой информ. Респ. Белар. – Минск, 2025.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой Представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 // Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5. Меркурьев, В.В. Имплементация положений модельного законодательства о противодействии терроризму в национальные уголовные кодексы /В.В. Меркурьев, Д.А. Соколов // Мониторинг и правоприменение. – 2019. – № 1 (30). – С. 61-65.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ ДЛЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА: ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Солодухина В.Е.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Домашнее насилие, виктимология, жертва, агрессор, последствия насилия, психологическая травма, профилактика.

Keywords. Domestic violence, victimology, victim, aggressor, consequences of violence, psychological trauma, prevention.

Домашнее насилие является одним из наиболее деструктивных и широко распространенных явлений современного общества, затрагивающим миллионы людей вне зависимости от их социального статуса, образования, возраста или гендерной принадлежности. Его системный характер и скрытность усугубляют остроту проблемы, делая ее труднодоступной для всестороннего изучения и эффективного противодействия.

Последствия домашнего насилия выходят далеко за рамки непосредственного момента совершения акта агрессии, оказывая глубокое и зачастую необратимое воздействие на психическое и физическое здоровье жертв, их социальную адаптацию, экономическое благополучие, а также на развитие общества в целом.

Виктимологический аспект исследования позволяет рассмотреть проблему домашнего насилия не только с позиции его проявлений, но и через призму изучения феномена жертвы – ее характеристик, факторов уязвимости, специфики поведения в условиях насилия и механизмов адаптации к травматическому опыту. Понимание того, каким образом формируется виктимное поведение, какие психологические и социальные процессы приводят к повторной виктимизации, а также какие долгосрочные эффекты оказывает насилие на самоидентификацию и жизненный путь жертвы, имеет критическое значение для разработки адекватных и эффективных стратегий профилактики, интервенции и реабилитации.

Целью настоящей работы является комплексный анализ психологических, социальных и экономических последствий домашнего насилия для личности и общества через призму виктимологического подхода, с целью выявления специфики виктимизации и обоснования направлений совершенствования мер по ее предупреждению и минимизации.

Материал и методы. При подготовке исследования в качестве материала использовались нормативные правовые акты, публикации по теме исследования. В работе применены методы анализа и синтеза, обобщения.

Результаты и их обсуждение. Домашнее насилие определяется как любая форма физического, сексуального, психологического (эмоционального) или экономического насилия, а также пренебрежения, происходящая в рамках семейных отношений. Оно носит систематический характер и направлено на установление контроля и власти над другим человеком.

Виктимология, как научная дисциплина, занимается изучением жертв преступлений и иных правонарушений, их роли в генезисе конфликта, а также факторов, обуславливающих виктимизацию и способствующих их уязвимости. В контексте домашнего насилия виктимологический подход позволяет не просто констатировать факт насилия, но и исследовать динамику отношений, психологическое состояние жертвы и ее реакции.

В рамках виктимологического подхода выделяются различные типы виктимности, понимание которых является ключом к выявлению факторов риска и разработке эффективных стратегий профилактики:

•Индивидуальная виктимность - определяется личностными особенностями человека, такими как низкая самооценка, повышенная тревожность, повышенная эмпатия, пассивность, зависимость от других людей, а также пережитый травматический опыт в детстве.

•Социальная виктимность - обусловлена принадлежностью человека к определенной социальной группе, находящейся в уязвимом положении в силу культурных, экономических или правовых причин (например, женщины, дети, пожилые люди, инвалиды, мигранты).

•Ситуационная виктимность - возникает в результате стечения определенных обстоятельств, создающих повышенный риск стать жертвой насилия (например, конфликтная ситуация, употребление алкоголя или наркотиков агрессором, отсутствие социальной поддержки, изоляция).

Психологические последствия домашнего насилия носят глубокий и долгосрочный характер, формируя сложный комплекс расстройств и деструктивных паттернов поведения. Жертвы часто испытывают: посттравматическое стрессовое расстройство, которое характеризуется навязчивыми воспоминаниями, кошмарами, избеганием ситуаций, напоминающих о травме, эмоциональным оцепенением, повышенной тревожностью, раздражительностью, нарушением сна и концентрации внимания.

Наряду с этим, нередко развивается депрессия, проявляющаяся чувством подавленности, безнадежности, апатией, утратой интереса к жизни и некогда любимым занятиям, нарушением сна и аппетита, низкой энергетикой и ощущением бессмысленности существования.

К типичным проявлениям также относятся тревожные расстройства, включающие генерализованное тревожное расстройство, панические атаки, социальную тревожность и различные фобии, при которых жертвы постоянно находятся в состоянии "боевой готовности", ожидая следующего акта насилия.

В наиболее тяжёлых случаях, когда психологическое давление становится невыносимым, а выход из ситуации кажется невозможным, домашнее насилие может привести к суицидальным мыслям и попыткам.

Социальные последствия домашнего насилия многообразны и затрагивают как индивидуальную траекторию жизни жертвы, так и структуру общества в целом. Жертвы часто сталкиваются с социальной изоляцией, отчуждаясь от друзей, семьи и коллег из-за стыда, страха перед обидчиком или его контроля, что лишает их источников поддержки. Кроме того, происходит стигматизация, когда общество негативно относится к жертвам, обвиняя их в произошедшем, что затрудняет обращение за помощью и интеграцию. Насилие часто приводит к потере работы и финансовой зависимости из-за снижения трудоспособности, увольнений или невозможности найти новую работу, усиливая зависимость от агрессора.

В некоторых случаях жертвы могут сами совершать правонарушения (например, в порядке самообороны), что приводит к дополнительной виктимизации со стороны правоохранительной и судебной систем. Особое значение имеет трансгенерационная передача насилия: дети, выросшие в таких семьях, с большей вероятностью станут либо жертвами, либо агрессорами в своих будущих отношениях. Наконец, проблема домашнего насилия напрямую связана с увеличением бытовых и других насильственных преступлений в обществе.

Экономические последствия домашнего насилия значительны как для отдельных лиц, так и для общества в целом. Они включают прямые затраты на медицинскую, психиатрическую и психологическую помощь, юридические услуги (разводы, судебные иски), социальную помощь (пособия, адаптация), содержание убежищ для жертв, а также затраты на работу правоохранительных органов и судебной системы [1].

Помимо прямых, существуют косвенные затраты, связанные с потерей производительности труда жертв (из-за травм, стресса, депрессии, необходимости ухаживать за детьми), общим снижением экономической активности и увеличением числа людей, нуждающихся в социальной поддержке и государственном обеспечении. В долгосрочной перспективе домашнее насилие приводит к потере человеческого капитала, выражающейся в снижении образовательного уровня жертв и их детей, ухудшении общего состояния здоровья, росте заболеваемости и смертности, что влечет значительные потери для развития человеческого потенциала страны.

Виктимность играет ключевую роль в формировании как поведения жертвы, так и агрессора. Систематическое насилие развивает у жертвы выученную беспомощность, низкую самооценку и чувство вины, приводя к искаженному восприятию реальности и неосознанному выбору насильственных партнеров в будущем. Страх, стыд и вина изолируют их от системы поддержки, препятствуя обращению за помощью. Без адекватной помощи это часто приводит к повторной виктимизации, как в новых отношениях, так и со стороны институтов. Многие агрессоры сами имели виктимный опыт в детстве, который, будучи непереработанным, трансформируется в агрессию, используемую для контроля и власти [2].

Заключение. Домашнее насилие является глубоко деструктивным явлением с широкомасштабными последствиями, которые затрагивают каждую сферу жизни личности и имеют серьезные реперкуссии для всего общества. Виктимологический аспект позволяет углубить понимание этих последствий, выявить скрытые механизмы виктимизации и сформулировать более целенаправленные стратегии противодействия.

Домашнее насилие приводит к системным психологическим травмам, включая ПТСР и суицидальные тенденции, формируя виктимность. В социальном плане оно вызывает изоляцию, стигматизацию и трансгенерационную передачу насилия. Экономически это выражается в значительных прямых и косвенных затратах, а также в потере человеческого капитала. Виктимность закрепляет поведение жертвы и может быть основой агрессии обидчика.

Для эффективного противодействия необходим комплексный подход: повышение осведомленности, создание системы поддержки жертв, работа с агрессорами, совершенствование законодательства и межведомственное сотрудничество. Только совместными, системными и продуманными усилиями возможно добиться снижения уровня домашнего насилия и создать безопасное, здоровое и справедливое общество, в котором каждый человек будет защищен от насилия и сможет реализовать свой потенциал.

1.Последствия домашнего насилия - URL: https: // safeandequal.org.au / understanding - family-violence / impacts / (дата обращения: 07.11.2025)

2. Стаценко, В. Г. Криминальная виктимность в Республике Беларусь: особенности и тенденции / В. Г. Стаценко – Текст: электронный // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машеро ва. – URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/39882 (дата обращения: 07.11.2025). Электрон. версия ст. из: Право: теория и практика-2023: сборник научных статей: текстовое электронное издание. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2023. – С. 251-257.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ТОВАРОВ ДЛЯ ЛИЧНОГО ПОЛЬЗОАНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Степанов Р.А.,
студент 5 курса Псковского Государственного университета,
г. Псков, Российская Федерация
Научный руководитель – Гринченко А.Н., ст. преподаватель

Ключевые слова. Товары для личного пользования, сравнительно правовой анализ, Евразийский Экономический Союз.

Keywords. Goods for personal use, comparative legal analysis, Eurasian Economic Union.

Ежегодно растет число физических лиц, пересекающих таможенную границу России, и для товаров, предназначенных для личного пользования, действует особый, упрощенный порядок перемещения. Главная задача таможенных органов – не допустить незаконное перемещение товаров через таможенную границу, так как товар, ввозимые под видом товаров для личного пользования, могут быть в дальнейшем реализованы на территории государства.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили международные правовые акты (ТК ЕАЭС) и национальное законодательство России (ФЗ № 289-ФЗ) и Беларуси (Закон № 419-З, Указ № 360). Методологической основой стал сравнительно-правовой анализ, дополненный теоретическим и эмпирическим методами, для выявления различий в регулировании перемещения товаров для личного пользования.

Результаты и их обсуждение. Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что, несмотря на действие унифицированного Таможенного кодекса ЕАЭС, регулирование перемещения товаров для личного пользования в России и Беларуси имеет существенные различия. Ключевое расхождение касается частоты применения беспошлинного лимита: в Беларуси он действует однократно в течение календарного месяца, тогда как в России – на каждую поездку, что влияет на частоту трансграничной торговли. Кроме того, выявлена значительная разница в лимитах для международных почтовых отправлений, что делает белорусское законодательство более рестриктивным для онлайн-шопинга. Эти национальные особенности обусловлены стремлением Беларуси к защите внутреннего рынка и более жесткому контролю за "челночной" торговлей.

В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ того, как Россия и Беларусь – два ключевых члена ЕАЭС – регулируют этот процесс, выявляя общие черты и важные различия, которые должен знать каждый путешественник.

Прежде чем говорить о различиях, необходимо обозначить общую основу. С 1 января 2018 года в силу вступил Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС (ТК ЕАЭС), который является актом прямого действия. Это означает, что его нормы применяются на всей территории Союза без необходимости принятия национальных актов.

Ключевые унифицированные правила для физических лиц:

1. Беспошлинный ввоз товаров, перевозимых воздушным транспортом: Разрешено ввозить товары без уплаты таможенных пошлин и налогов на общую сумму, не превышающую 10 000 евро, и общим весом не более 50 кг.

2. Беспошлинный ввоз товаров, перевозимых иными видами транспорта (авто, ж/д, пешком): Лимиты строже – не более 500 евро и не более 25 кг.

3. Количественные ограничения: для отдельных категорий товаров установлены пределы в натуральном выражении (например, не более 5 литров алкоголя, не более 200 сигарет или 250 г табака на одно лицо старше 18 лет).

4. Запреты и ограничения: Единый перечень товаров, запрещенных или ограниченных к ввозу/вывозу (оружие, наркотики, культурные ценности и т.д.).

Именно в рамках этих лимитов и начинается национальное «творчество».

Сравнительный анализ законодательства России и Беларуси

Хотя ТК ЕАЭС един, порядок декларирования, уплаты пошлин и контроля определяется национальным законодательством. В России это Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании», а в Беларуси – Закон Республики Беларусь № 419-З «О таможенном регулировании».

1. Порядок применения стоимостных и весовых норм

• Россия: Российское законодательство строго следует нормам ТК ЕАЭС. При превышении лимитов в 500 евро / 25 кг (для наземного транспорта) или 10 000 евро / 50 кг (для авиа) на всю сумму превышения уплачивается единая таможенная пошлина в размере 30% от стоимости превышения, но не менее 4 евро за 1 кг веса в части превышения весовой нормы. Это прозрачный, но зачастую невыгодный для дорогих и легких товаров (например, смартфонов, ноутбуков) расчет.

• Беларусь: Белорусское законодательство содержит важное исключение, которое делает его более либеральным для частых поездок. Согласно п. 6 Указа Президента РБ № 360, физические лица имеют право на однократный беспошлинный ввоз товаров в пределах установленных норм в течение одного календарного месяца. Ключевое слово – «однократный». Это означает, что если вы пересекали границу Беларуси с товарами 1-го числа, воспользовавшись лимитом, то следующее пересечение в том же месяце уже не будет иметь этого беспошлинного порога. В России такого правила нет – лимит применяется к каждой поездке, независимо от их частоты.

2. Налогообложение товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях (МПО)

Это одна из самых актуальных тем в эпоху онлайн-шопинга.

• Россия: В России действует лимит на беспошленный ввод товаров в МПО в размере 200 евро и 31 кг в течение одного календарного месяца. При превышении этого лимита уплачивается пошлина в размере 15% от стоимости превышения, но не менее 2 евро за 1 кг. С 1 апреля 2020 года все посылки, независимо от стоимости, подлежат налогообложению НДС (20%). Для посылок до 200 евро действует «безналоговый» режим для пошлины, но НДС платится.

• Беларусь: Белорусский подход исторически был более жестким. Лимит беспошлинного ввоза МПО составляет всего 22 евро и 10 кг в месяц на одного получателя. При превышении уплачивается таможенная пошлина (чаще всего 30% от стоимости превышения, но не менее 4 евро за 1 кг) и НДС (20%). Эта разница в лимитах (22 евро против 200 евро) является наиболее существенным различием для рядовых потребителей, активно заказывающих товары из-за рубежа.

3. Администрирование и декларирование

• Россия: широко внедрена система предварительного информирования и электронного декларирования через «Личный кабиент участника ВЭД» на сайте ФТС России. Это упрощает процесс для граждан, ввозящих коммерческие партии товаров под видом личных. Также активно используется «зеленый» и «красный» коридоры с выборочным контролем.

• Беларусь: процедуры также модернизируются, но сохраняется более пристальный внимание к частым пересечениям границы с товарами, что связано с упомянутым

правилом «однократного ввоза в месяц». Таможенные органы Беларуси тщательно отслеживают частоту поездок и могут запрашивать подтверждение того, что товары действительно предназначены для личного использования.

4. Подход к идентификации «товаров для личного пользования»

Обе страны сталкиваются с проблемой разделения товаров для личного использования и коммерческих партий. Однако практика показывает, что в Беларуси критерии могут быть более строгими. Наличие однотипных товаров, их новые состояние и упаковка, частота пересечения границы одним лицом – все это с большей вероятностью может быть расценено белорусскими таможенниками как признаки коммерческой деятельности, что влечет за собой не только уплату пошлин, но и административную ответственность.

Таблица – Сводная таблица ключевых различий

Критерий	Российская Федерация	Республика Беларусь
Частота применения беспошлинного лимита	На каждую поездку	Однократно в течение календарного месяца
Лимит беспошлинного ввоза МПО	200 евро / 31 кг в месяц	22 евро / 10 кг в месяц
Ключевой нормативный акт	Федеральный закон № 289-ФЗ	Закон РБ № 419-З и Указ Президента № 360
Акцент в контроле	Выборочный контроль, развитие электронного декларирования	Контроль частоты пересечений и борьба с «челночной» торговлей

Заключение. Проведенный анализ наглядно демонстрирует, что, несмотря на глубокую интеграцию в рамках ЕАЭС и единый Таможенный кодекс, правовое регулирование перемещения товаров для личного пользования в России и Беларуси имеет значимые различия.

• **Российское законодательство** можно охарактеризовать как более **универсальное и поездо-ориентированное**. Оно предоставляет равные возможности при каждой поездке и более либерально настроено по отношению к онлайн-покупкам.

• **Белорусское законодательство** является более **рестриктивным и ориентированным на предотвращение злоупотреблений**. Правило одного беспошлинного ввоза в месяц и низкий лимит для почтовых отправлений направлены на защиту внутреннего рынка и борьбу с незарегистрированной коммерческой деятельностью.

1. Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 11 апреля 2014 года). – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/catr/ktet/Pages/default.aspx (дата обращения: 01.11.2025).

2. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). База данных правовых актов ЕАЭС. – URL: https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/Default.aspx (дата обращения: 01.11.2025).

3. Закон Республики Беларусь от 10.01.2021 № 419-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь». – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100419 (дата обращения: 01.11.2025).

4. Информационный портал «Таможенный кодекс ЕАЭС.рф»: раздел «Товары для личного пользования». – URL: https://таможенный-кодекс-еаэс.рф/tovary-dlya-lichnogo-polzovaniya/ (дата обращения: 01.11.2025).

5. Решение Коллегии ЕЭК от 30.06.2020 № 87 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования». – URL: https://eec.eaeunion.org/commission/decision/4e0ce580-4ef3-4c98-87d9-5b0f6d9c3313 (дата обращения: 01.11.2025).

6. Решение Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257 «О Инструкции о порядке совершения таможенных операций в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых физическими лицами через таможенную границу ЕАЭС». – URL: http://docs.cntd.ru/document/902282629 (дата обращения: 01.11.2025).

7. Указ Президента Республики Беларусь от 27.03.2023 № 360 «О порядке перемещения товаров для личного пользования физическими лицами». – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32300360 (дата обращения: 01.11.2025).

8. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102476466&backlink=1&&nd=102476629 (дата обращения: 01.11.2025).

9. Федеральная таможенная служба (ФТС России). Раздел для физических лиц. – URL: https://customs.gov.ru/fizicheskim-licam (дата обращения: 01.11.2025).

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Ткаченко М.А.,
студент 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., доцент

Ключевые слова. Опционное соглашение, инвестиции, финансовые рынки, правовая природа, оферта.
Keywords. Option agreement, investments, financial markets, legal nature, offer.

Современная экономика характеризуется высокой динамичностью, усложнением хозяйственных связей и необходимостью гибкого правового инструментария для структурирования бизнес-процессов. Участники гражданского оборота все чаще сталкиваются с ситуациями неопределенности, когда требуется закрепить возможность совершения сделки в будущем на заранее оговоренных условиях, минимизируя при этом риски и сохраняя свободу маневра. В ответ на этот запрос в правовых системах развитых стран давно и успешно применяются такие инструменты, как опционные соглашения, позволяющие эффективно управлять коммерческими рисками и структурировать сложные сделки.

Цель работы – провести комплексный теоретико-правовой анализ института опционных соглашений и определить его правовую природу.

Материал и методы. Материалами исследования стали научные работы по опционным соглашениям и их применению, аналитические отчеты и данные о сделках. Проанализировано законодательство Республики Беларусь и международное право. Использованы методы: системный анализ, сравнительно-правовой анализ, обобщение, статистический анализ.

Результаты и их обсуждение. Правовая природа опционных соглашений является предметом давних и активных дискуссий в юридической доктрине. Существует несколько основных подходов к ее определению.

Первый подход рассматривает опцион как предварительный договор особого рода. Сторонники этой концепции указывают на то, что, как и предварительный договор (ст. 399 ГК), опцион направлен на заключение основного договора в будущем. Однако между этими конструкциями имеются существенные различия. Предварительный договор порождает обязанность заключить основной договор для обеих сторон, и любая из них может понудить другую к его заключению в судебном порядке. Опцион же порождает обязанность заключить договор только для одной стороны (продавца опциона), в то время как для другой стороны (держателя) это является правом, а не обязанностью [1]. Кроме того, классический предварительный договор, как правило, безвозмездный, тогда как опцион почти всегда предполагает уплату опционной премии.

Более того, принципиальное различие кроется в самой природе возникающего обязательства. В предварительном договоре обе стороны принимают на себя симметричное обязательство в будущем совершить действия по заключению основного договора. Риск незаключения распределяется между ними обеими, и право требовать заключения также является двусторонним. В отличие от этого, опцион создает асимметричную правовую связь: у одной стороны возникает безусловное обязательство подчиниться волеизъявлению другой, в то время как управомоченная сторона не несет никакой обязанности по акцепту оферты или заявлению требования. Риск изменения обстоятельств полностью ложится на продавца опциона, который и получает за принятие этого риска специальное вознаграждение – опционную премию. Таким образом, если предварительный договор – это соглашение о намерении заключить договор в будущем, то опцион – это, по сути, договор о покупке права на одностороннее волеизъявление, имеющего обязательную силу для контрагента.

Второй подход, наиболее распространенный в современной доктрине, определяет опцион как безотзывную оферту. Безотзывная оферта – это предложение заключить договор, которое оферент не может отозвать в течение установленного для акцепта срока (п. 2 ст. 406 ГК). Акцепт такой оферты другой стороной ведет к заключению основного договора.

Эта модель очень близка к сущности опциона. Держатель опциона получает оферту, на которую он может ответить акцептом, и с этого момента договор считается заключенным. Продавец опциона связан своим предложением. Как отмечает видный российский цивилист А. Г. Карапетов, «опцион на заключение договора – это не что иное, как договор о предоставлении безотзывной оферты» [3]. Именно этот подход лег в основу конструкции «опцион на заключение договора» в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации.

Третий подход рассматривает опцион как самостоятельный, непоименованный договор (sui generis). Сторонники этой точки зрения утверждают, что уникальное сочетание элементов – предоставление права выбора за плату, односторонний характер активации прав, связь с будущей сделкой – не позволяет свести опцион ни к предварительному договору, ни к простой оферте. Это самостоятельное соглашение, предметом которого является именно право требования, право на одностороннее волеизъявление. Этот подход позволяет объяснить природу опционной премии не как задаток или аванс по будущей сделке, а как плату именно за предоставление права выбора, которое имеет самостоятельную экономическую ценность.

Четвертый подход, характерный для англо-американского права, трактует опцион как условную сделку (conditional contract). В этой системе права договор считается заключенным, но его исполнение поставлено в зависимость от отлагательного условия – волеизъявления держателя опциона [4]. То есть, сам договор уже существует, но его основной эффект (например, переход права собственности) «спит» до тех пор, пока держатель не «разбудит» его своим уведомлением.

В контексте белорусского законодательства, как представляется, наиболее адекватными являются второй и третий подходы. Конструкция «опцион на заключение договора» (ст. 399-2 ГК) практически полностью соответствует модели безотзывной оферты. В то же время «опционный договор» (ст. 399-1 ГК) можно рассматривать как самостоятельный тип договора, в котором право требовать исполнения уже существующего договора поставлено в зависимость от усмотрения одной из сторон.

Заключение. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что опционное соглашение в гражданском праве – это договорная конструкция, в силу которой одна сторона (держатель опциона) на возмездной или безвозмездной основе приобретает право в течение установленного срока по своему усмотрению путем одностороннего волеизъявления создать, изменить или прекратить права и обязанности по основной сделке, а другая сторона (продавец опциона) связана этим выбором и обязана совершить соответствующие действия.

Экономическая сущность опциона, заключающаяся в покупке права выбора, и его правовая природа, связанная с предоставлением возможности одностороннего волеизъявления, делают его чрезвычайно гибким и востребованным инструментом. Он позволяет сторонам заранее зафиксировать условия будущей сделки, но отложить окончательное решение о ее заключении до прояснения рыночной ситуации, получения необходимых разрешений или наступления иных значимых обстоятельств. Именно эта гибкость и является залогом его важной роли в развитии современного бизнеса. Институт опционных соглашений, относительно недавно имплементированный в гражданское законодательство Республики Беларусь, представляет собой мощный и гибкий инструмент для структурирования деловых отношений, однако его потенциал на сегодняшний день остается в значительной степени нереализованным.

1 Гражданское право. Общая часть : учебник для использования в учебном процессе образовательных организаций, реализующих программы высшего образования по специальности Юриспруденция / И. В. Бакаева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2022. – 573 с.

2 Гражданский кодекс Республики Беларусь: 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 нояб. 1998 г. : с изм. и доп. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2024 г. № 240-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

3 Суровская, О. О. Понятие опционного соглашения и условия его заключения / О. О. Суровская // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. - № 4. – С. 187-189.

4 Алещенко, М. А. Опцион: легальная регламентация и практика / М. А. Алещенко // Вестник Белорусского Государственного Университета. – 2023. – № 3 – С. 1-6.

5 Василевский, А. В. Опцион: понятие и признаки / А. В. Василевский // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – № 2 (44) – С. 14 – 18.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ПРАВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Тогулева А.С.,
аспирант Белорусского государственного экономического университета,
г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егоров А.В., доктор юрид. наук, профессор

Ключевые слова. Искусственный интеллект, технологии ИИ, права несовершеннолетних, Интернет, ребенок.

Keywords. Artificial intelligence, AI technologies, the rights of minors, the Internet, children.

Развитию идеи о возможности машин обладать разумом, ничем не уступающим человеческому, было уделено внимание многих ученых ещё в 60-е гг. прошлого столетия. Некоторые из них полагали, что мировому сообществу достаточно временного промежутка в одно поколение, чтобы создать интеллект сопоставимый с интеллектом человека. Сложность поставленной задачи потребовало больше времени, тем не менее с 2020-х гг. наблюдается настоящий всплеск интереса к технологиям искусственного интеллекта (далее – ИИ) во всем мире. Внедрение данных технологий в настоящее время затрагивает фактически все сферы жизнедеятельности. В этой связи актуальным для исследования направлением является определение возможного влияния развития технологий ИИ на права человека, в частности несовершеннолетних, как представителей наиболее уязвимого слоя общества. Цель исследования – анализ возможности влияния технологий ИИ на права несовершеннолетних.

Материал и методы. В рамках исследования были использованы акты национального и регионального законодательства, а также практика государственных органов различных государств в сфере регулирования цифровизации и прав детей. В качестве основных методов исследования послужили следующие: анализ, синтез, сравнительного правоведения.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на то, что широкое распространение технологий ИИ произошло сравнительно недавно, понятие ИИ было закреплено постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств в 2021 г. и представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, как минимум сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека» [1]. Однако при этом возникает основной вопрос: кто несет ответственность за принятое технологиями ИИ решение и существует ли эта ответственность в принципе.

О невозможности прогнозирования тенденций в развитии технологий ИИ говорил А.Г.Лукашенко, отметив, что первостепенно необходимо беречь «головы» детей, которые наиболее подвержены влиянию [2]. Свое положительное отношение к развитию технологий ИИ на пленарной сессии Восточного экономического форума 2025 г. выразил президент РФ В.В.Путин, отметив, что «возможности искусственного интеллекта можно использовать при любых решениях и нужно использовать при принятии любых решений во всех сферах», но воспринимать его нужно исключительно в качестве вспомогательного инструмента, а отвечать за принимаемые решения будет конкретный человек [3].

Действительно, применение технологий ИИ может существенно облегчить многие аспекты жизни, путем экономии времени при анализе больших данных, сборе информации из различных источников, новых платформ для творчества и др. Запрет этих технологий существенно затронул бы право человека на свободу поиска и получения информации. Тем не менее, в отношении прав человека существуют и угрозы со стороны технологий ИИ. Основные из них – возможность незаконного использования персональных

данных, в том числе взлом биометрической аутентификации, совершение с помощью этих технологий экономических преступлений, а также распространение ложной информации и информации, направленной на разжигание расовой, гендерной и иной неприязни. Одной из уязвимых категорий населения в данном случае являются дети, как наиболее доверчивые и подверженные влиянию.

Несмотря на то, что развитие технологий ИИ возможно и в рамках локальных сетей, основной опорой его распространения и обучения остается Интернет. В этой связи государственные органы отдельных стран предпринимают попытки повысить уровень защиты несовершеннолетних при пользовании последними интернета. Так Австралия стала первой страной, которая ограничила доступ детей в возрасте до 16 лет к социальным сетям. Подобные шаги были предприняты и в некоторых штатах США, за такой подход выступала также Индонезия [4]. Из европейских стран похожие призывы звучали в Испании, Греции, Франции, предложивших Еврокомиссии введение возрастного ценза для доступа к ряду цифровых сервисов. Однако данное предложение получило ряд негативных отзывов со стороны правозащитников, подчеркивающих, что такие ограничения существенно повлияют на право несовершеннолетних на свободу слова. Это также существенно повлияет на безопасность данных в сети, ведь регистрация на таких платформах будет доступна только после введения паспортных данных [5].

В июле 2025 г. в Республике Беларусь были приняты изменения к ряду законов по вопросам обеспечения прав детей. Согласно новой редакции Закона Республики Беларусь «О правах ребенка» обязанность защиты детей от информации, распространяемой в глобальной компьютерной сети Интернет и причиняющей вред их здоровью и развитию, возлагается на родителей (опекунов, попечителей). Среди способов исполнения данной обязанности указаны разъяснительные беседы с детьми, контроль за их действиями в интернете, возможность ограничения доступа к определенной информации. При этом государственные органы, государственные и иные организации берут на себя обязанность оказывать информационно-консультативную помощь родителям (опекунам, попечителям) в данном вопросе [6]. Данные изменения вступят в силу в январе 2026 г.

Такой подход является наиболее приемлемым пока законодательная база, регулирующая функционирование технологий ИИ, находится в разработке. Следует отметить, что учеными Объединенного института проблем информатики НАН совместно с заинтересованными организациями Беларуси был подготовлен проект модельного закона о технологиях ИИ, принятый в апреле 2025 г. Межпарламентской ассамблеей СНГ. Ожидается, что в скором времени нормы модельного закона найдут свое отражение в национальном законодательстве Республики Беларусь. Опираясь на законодательное регулирование, при необходимости можно будет вырабатывать новые пути защиты прав детей от влияния цифровизации или же выявлять положительные аспекты такого влияния.

Заключение. Таким образом, однозначно предсказать развитие технологий ИИ невозможно. Они несут в себе как положительные, так и отрицательные возможности по отношению к правам человека в целом, и детей в частности. Главная проблема состоит в сложности определения ответственного лица за возможный причинённый вред. В настоящее время на мировой арене существует несколько способов защиты прав детей от угроз ИИ. Основные из них опираются на ограничении использования глобальной компьютерной сети Интернет из-за зависимости технологий ИИ от них. Тем не менее, на наш взгляд, полное ограничение доступа детей к современным технологиям, наблюдаемое в отдельных странах, может нести в себе ряд негативных моментов. В этой связи предложенные белорусским законодателем варианты в области защиты детей в сети Интернет являются наиболее предпочтительными.

1. О Рекомендациях о сотрудничестве государств – участников СНГ в сфере цифрового развития : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 26 Ноября 2021 г. № 53-12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. «И нам ничего не будет страшно». Лукашенко высказался про ИИ и призвал белорусов ценить то, что у них есть // Белта. URL: https://belta.by/president/view/lukashenko-esli-my-budem-tsenit-to-chto-u-nas-est-nam-nichego-ne-strashno-725702-2025/ (дата обращения 03.11.2025).

3. Путин: ИИ – это только инструмент, а принимать решения должны люди // ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/24972133 (дата обращения 05.11.2025).
4. В Австралии детям запретили пользоваться соцсетями // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20241121/avstralija-1984937390.html (дата обращения 01.11.2025).
5. В ЕС хотят установить возраст цифровой зрелости для детей, пишут СМИ // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250520/evrosoyuz-2017978896.html (дата обращения 02.11.2025).
6. Об изменении законов по вопросам обеспечения прав детей : Закон Республики Беларусь от 12 июля 2025 г. № 86-З принят Палатой представителей 23 июня 2025 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Трацевская Д.В.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Прокурорский надзор; агропромышленный комплекс; продовольственная безопасность; информационные технологии; сельское хозяйство.
Keywords. Prosecutorial supervision, agro-industrial complex, food security, information technology, agriculture.

Агропромышленный комплекс играет ключевую роль в экономике Республики Беларусь, обеспечивая продовольственную безопасность и устойчивое развитие сельских территорий. Актуальность, а также научная и практическая значимость рассматриваемой темы, обусловлены тем, что в настоящее время невозможно представить правовое регулирование общественных отношений в различных сферах общества, в том числе и в агропромышленном комплексе, без использования информационных технологий.

Внедрение и применение информационно-коммуникационных технологий при осуществлении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере агропромышенного комплекса являет собой актуальную проблему, имеющую доктринальное и правоприменительное значение. Целью данного исследования является анализ внедрения цифровых технологий в деятельность органов прокуратуры при осуществлении прокурорского надзора в сфере агропромышленного комплекса.

Материал и методы. Исследование основывается на анализе актов законодательства, работ ученых, посвященных рассматриваемой проблематике. При проведении исследования были использованы общенаучные методы исследования, а также ряд частно-научных методов познания: описательно-аналитический, метод системно-структурного анализа.

Результаты и их обсуждение. Внедрение информационных технологий в сельскохозяйственное производство невозможно без создания современной базы автоматизации, основанной на широком внедрении персональных электронно-вычислительных машин с развитым программным обеспечением [1, с. 73].

Сельское хозяйство сложно отнести к самой инновационной отрасли, но, несмотря на это, цифровая трансформация АПК – одно из главных направлений инновационного развития Республики Беларусь. Внедрение IT-технологий позволяет сократить издержки, снизить риски производства, а также повысить производительность сельского хозяйства в государстве [2, с. 5-9].

Правительством Республики Беларусь поставлена задача перехода к цифровому животноводству. Ее выполнение возможно только при наличии в стране сформированной научно-технической базы, которая бы отвечала требованиям современного производства, а также при наличии необходимых специалистов в области инновационных технологий.

Развитые страны внедряют инновационные технологии, где доминирует искусственный интеллект, автоматизация и цифровые платформы. На осуществление модернизации

белорусской экономики направлена «Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.», утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 15 сентября 2021 г. № 348 (в ред. Указа от 25 октября 2022 г. № 381) [3].

В условиях формирования и совершенствования информационного общества, создания единого информационного пространства в Республике Беларусь, представляется необходимым качественное освоение специалистами в области юриспруденции современных информационных технологий, оснащение их передовой цифровой и вычислительной техникой.

Внедрение цифровых технологий в деятельность прокуратуры имеет целью осуществление высокотехнологичного надзора, направленного на усиление эффективности работы прокуратуры в современных условиях, реализацию надзорных функций с учетом изменений, определяемых переходом к цифровой экономике, оптимизации потоков документационной информации в электронном виде.

Эффективность прокурорского надзора за соблюдением законодательства в сфере агропромышленного комплекса во многом зависит от способности прокурора применять информационные технологии в ходе надзорной деятельности, организовать свою работу на научной основе, принимая во внимание состояние законности в регионе и деятельность других органов, ответственных за его обеспечение

Заключение. Органами прокуратуры применение информационных технологий в ходе осуществления надзорных мероприятий в сфере АПК, устраняют волокиту в работе с бумажными носителями, облегчают поиск необходимой информации, имеющей важное значение при выявлении нарушений в данной сфере.

Особую важность приобретает сегодня применение нейронных связей в прогнозировании и отслеживании изменений в области законодательства и судебной практики, в работе с обращениями граждан, которая занимает значительную часть общей нагрузки органов прокуратуры.

1.Алексеев Д. А. Цифровизация деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Актуальные исследования. - 2022. - №36 (115). - С. 72-75.

2. Климин, С. И. Информационные технологии в сельском хозяйстве Республики Беларусь / С. И. Климин // Аграрная экономика. – 2022. – № 3. – С. 5–9.

3. О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 15 сентября 2021 г. № 348: а редакции Указа от 25 октября 2022 г. № 38 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.11.2025). – Текст : электронный.

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УСЛОВИЙ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

Унукович Ж.Ю.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Уголовный процесс, меры пресечения, заключение под стражу, условия применения заключения под стражу, умышленные преступления.

Keywords. Criminal proceedings, preventive measures, detention, conditions for the application of detention, intentional crimes.

Для достижения целей уголовного процесса, обеспечения его надлежащего хода большое значение имеет своевременное и эффективное применение мер уголовно-процессуального принуждения, к которым в свою очередь также относятся и меры пресечения. Однако применение указанных мер связано с существенным ограничением прав и свобод лица, чья вина еще не доказана. Целью данной работы является исследование условий применения заключения под стражу, как одной из самых распространённых в применении мер пресечения в Республике Беларусь.

Материал и методы. Основой исследования являются Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь,

а также Закон Республики Беларусь «О порядке и условиях содержания лиц под стражей». В работе были использованы формально-юридический метод исследования, а также метод правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Заключение под стражу, как наиболее строгая мера, закономерно вызывает повышенное внимание и порождает обсуждения. К примеру, до сих пор некоторые ученые-юристы видят дискуссионным специальное условие её применения: подозрение или обвинение в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 2 лет [1].

Такой срок лишения свободы может предусматриваться за менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие преступления. Л.Л. Зайцева отмечает, что в качестве альтернативы лишение свободы на срок свыше 2 лет предусмотрено в большинстве санкций УК, поэтому считает, что такое специальное условие применения заключения под стражу сформулировано чрезвычайно широко и позволяет органам уголовного преследования и суду использовать её в отношении значительного числа подозреваемых и обвиняемых в преступлениях разной степени тяжести [2, с. 56].

Установление предела наказания, за которым невозможно применение заключения под стражу является положительным моментом, но Л.Л. Зайцева, Р.Р. Алекперов и некоторые другие юристы видят установленный предел низким, поскольку в теории возможно заключение под стражу лиц, совершивших менее тяжкие преступления по неосторожности. Некоторые ученые являются сторонниками отмены возможности применения заключения под стражу к лицам, совершившим преступления по неосторожности, апеллируя тем, что мера пресечения не должна быть строже грозящего наказания [3, 101].

О.И. Цоколова является сторонником противоположной позиции, т.к. последствия преступлений, совершенных по неосторожности, могут быть весьма тяжкими [3, с. 101].

По общему правилу, лица, совершившие преступления по неосторожности, отбывают наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях в условиях поселения. Согласно ст.122 Уголовного-исполнительного кодекса Республики Беларусь такие осуждённые содержатся без охраны, но под надзором; в часы от подъема до отбоя пользуются правом свободного передвижения в пределах территории исправительной колонии-поселения, а при наличии разрешения - передвигаться без надзора вне исправительной колонии поселения, в пределах территории соответствующей административно-территориальной единицы в связи с обучением или характером выполняемой работы. Не допускающие нарушений, при наличии разрешения начальника исправительной колонии, даже имеют право проживать со своей семьёй за пределами территории исправительной колонии. В исправительных колониях-поселениях осужденным могут предоставляться длительные свидания (продолжительностью до 3 суток) с проживанием вне территории исправительного учреждения. В связи с этим, условия отбывания такого наказания видятся намного более мягкими, менее ограничивающими права, чем условия содержания под стражей [4, 5]. Относительно слов Цоколовой О.И. о тяжести последствий, думается, что они должны учитываться в первую очередь судом при назначении уголовного наказания, и в случае назначения лишения свободы отражаться в его сроке.

Заключение. Исходя из вышеизложенного можно сделать, что сфера применения заключения под стражу достаточно широкая. В связи с этим видится целесообразным внести следующие изменения в ч.1 ст. 126 УПК Республики Беларусь: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется лишь в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении умышленного преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при условии, что цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июля 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 31.10.2025). – Текст : электронный.

2. Зайцева, Л.Л. Основания заключения под стражу в Республике Беларусь /Л. Л. Зайцева // Уголовная юстиция в свете интеграции правовых систем и интернационализации криминальных угроз: материалы науч.-практ. конф., Минск, 27-28 октября 2017 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : А. А. Данилевич(отв. ред.), О. В. Петрова, В. И. Самарин. – Минск, 2017. – С. 54-60.

3. Алекперов, Р.Р. О совершенствовании правовой регламентации отдельных условий применения меры пресечения в виде заключения под стражу / Р.Р.Алекперов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2020. – № 2(40) – С. 100-106.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь : 11 января 2000 г. № 365-З: принят Палатой представителей 14 декабря 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 декабря 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 октября 2025 г. № 61-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.11.2025). – Текст : электронный.
5. О порядке и условиях содержания лиц под стражей: Закон Республики Беларусь : 16 июня 2003 г., № 215-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.11.2025). – Текст : электронный.

СДЕЛКИ НА ИГРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ МЕЖДУ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯМИ СЕТИ ИНТЕРНЕТ, ИХ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗАЩИТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Ушал Б.Н.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Внутриигровые предметы, игровые платформы, сделки между пользователями, гражданское право, лицензионное соглашение, гражданско-правовая защита.

Keywords. In-game items, gaming platforms, user-to-user transactions, civil law, licensing agreement, legal protection.

Актуальность исследования обусловлена стремительным развитием виртуальной экономики и увеличением объема сделок с внутриигровыми предметами. В 2024 году выручка мирового рынка видеоигр достигла 184,3 млрд долларов, увеличившись по сравнению с 2023 годом на 0,2%. [7]. В Республике Беларусь тысячи пользователей ежедневно совершают сделки с виртуальными активами, однако правовое регулирование данных отношений остается фрагментарным и не совсем в полной мере может отвечать современным вызовам цифровой экономики. Степень научного исследования остается недостаточной. В белорусской правовой доктрине отсутствуют комплексные исследования, посвященные гражданско-правовому регулированию сделок с виртуальными активами. Имеющиеся работы касаются преимущественно уголовно-правовых аспектов защиты компьютерной информации, не затрагивая гражданско-правовую природу виртуального имущества. Целью исследования является комплексный анализ гражданско-правовых аспектов сделок с внутриигровыми предметами между пользователями и разработка предложений по совершенствованию механизма защиты их прав в Республике Беларусь.

Задачи исследования Определить гражданско-правовую природу внутриигровых предметов. Проанализировать условия пользовательских соглашений игровых платформ. Исследовать проблему квалификации формы сделок с виртуальными активами.

Материал и методы. В работе использованы общенаучные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный анализ.

Результаты их обсуждения. Внутриигровые предметы (скины, оружие, валюта) не являются собственностью, так как представляют собой нематериальные активы, лицензионные соглашения права пользования. Правовой статус представляет собой лицензионные права на использование объектов интеллектуальной собственности, предоставляемые на условиях договора присоединения ст. 398 Гражданского Кодекса (далее ГК) [1]. Согласно лицензионному соглашению с правообладателем (EULA) а также правовой доктрине и судебной практике, предметы представляют собой объекты лицензионных прав. Приобретая их за реальные деньги, пользователь получает не право собственности, а право использования в рамках, определенных правообладателем. Как справедливо отмечается в литературе, "игрок покупает не конкретную вещь в игре, а право использовать такую вещь в игре по правилам, которые определил правообладатель" [6]. Как справедливо отмечает адвокат О.Л. Любич, в современном гражданском обороте сделки совершаются в различных формах - от устных до нотариально удостоверенных [5]. Однако

сделки с внутриигровыми предметами занимают особое положение в этой системе, не находя однозначного регулирования. Проблема определения формы сделки при передаче виртуальных активов заключается в том, что они не могут быть квалифицированы как устные сделки в контексте ст. 160 ГК [1. Вместе с тем, они не подпадают и под требования простой письменной формы по ст. 161 ГК [1]. Действия пользователя по размещению предмета на торговой площадке можно рассматривать как конклюдентные действия. Однако в случае спора доказывание факта совершения такой сделки становится проблематичным. Проведенный анализ пользовательских соглашений игровых платформ выявил следующие особенности: *Steam*: "Компания Valve предоставляет вам личную, ограниченную, непередаваемую, неисключительную лицензию на использование содержимого Steam для вашего личного некоммерческого использования"[8]. Разрешая торговлю через площадку Steam, компания запрещает внешние сделки. Таким образом, разрешая и регулируя торговлю исключительно внутри своей экосистемы, Valve сохраняет полный контроль над виртуальными активами и их оборотом. *Wargaming*: "Все внутриигровые объекты являются неактивированными данными и командами, права на которые принадлежат Компании. Любая передача прав запрещена" [9]. *Blizzard Entertainment* использует схожий подход, но предлагает альтернативный механизм – жетоны WoW, которые можно продавать за игровую валюту. Сделки между пользователями сопряжены с многочисленными рисками: Мошенничество – маштабная проблема. Пользователь передает предмет, но не получает оплату. В белорусской судебной практике находиться мало примеров по таким спорам, что связано с правовой неопределенностью. Блокировка аккаунта – нарушение пользовательского соглашения может привести к перманентной блокировке аккаунта со всеми приобретенными предметами. Проблема квалификации виртуальных активов в Республике Беларусь носит фундаментальный характер и уходит корнями в базовые конструкции Гражданского кодекса. Действующее законодательство, основано на традиционной парадигме, где объектами гражданских прав являются вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, работы и услуги, нераскрытая информация, объекты интеллектуальной собственности и права на них, нематериальные блага по ст. 128 ГК [1]. Виртуальные игровые активы не вписываются четко ни в одну из этих категорий, что создает правовой вакуум. Это создает проблемы правовой классификации виртуальных активов как объектов гражданских прав. Виртуальный актив, не обладая материальной формой, не может быть передан в натуре как физическая вещь, что ограничивает его оборотоспособность рамками, установленными правообладателем в лицензионном соглашении. Имущественное право пользователя является спорной квалификацией. Пользователь обладает не правом собственности на актив, а комплексом правомочий, вытекающих из лицензионного соглашения с платформой (Valve, Wargaming и т.д.). Это право требования к платформе на предоставление доступа к определенному цифровому контенту. Однако в правоприменительной практике Республики Беларусь такая конструкция не устоялась. Сам игровой контент - является результатом интеллектуальной деятельности. Но конкретный экземпляр виртуального предмета у пользователя - это не результат его интеллектуальной деятельности, а объект, созданный разработчиком. Совершение сделок с виртуальными активами через игровой интерфейс путем конклюдентных действий (нажатие кнопок "купить", "обменять") не соответствует установленным ГК требованиям к форме сделок. Согласно ст. 160 ГК такие сделки не могут квалифицироваться как устные [1]. Одновременно они не отвечают требованиям простой письменной формы по ст. 161 ГК [1]. Учитывая, что стоимость виртуальных активов обычно превышает 10 базовых величин, такие сделки подлежат совершению в простой письменной форме ст. 162 ГК [1]. Однако конклюдентные действия в игровом интерфейсе не обеспечивают надлежащего оформления сделки, что создает правовые риски: при возникновении спора стороны лишаются права ссылаться на свидетельские показания ст. 163 ГК, а электронные доказательства могут не признаваться судами в качестве допустимых доказательств [1]. Скриншоты и история транзакций на сторонних сайтах могут не быть признаны допустимыми и достоверными доказательствами. Предлагаемые меры по развитию гражданского законодательства РБ

должны быть направлены на интеграцию цифровых активов в существующую правовую систему. Ввести понятие " цифровые активы ". Цифровым правом можно определить обязательственное или иное право, содержание и условия осуществления которого определяются в цифровой форме (например, в смарт-контракте или реестре блокчейн). Это широкое понятие охватит как токены по Декрету №8 " О развитии цифровой экономики", так и иные цифровые объекты [10]. Создать "мост" между традиционными игровыми активами и регулированием Декрета №8 " О развитии цифровой экономики" [10]. Необходимо разработать в законодательстве механизм, позволяющий легитимизировать оборот виртуальных активов из централизованных систем. Это можно сделать путем признания возможности их токенизации - выпуска токена, удостоверяющего право на соответствующий внутриигровой актив, резидентами Парка Высоких Техгологий. Такой подход переведет актив из сферы лицензионного соглашения в сферу регулируемого цифрового актива.

В Гражданском Кодексе Республики Беларусь необходимо включить нормы, определяющие регулирование вопросов перехода права собственности и рисков:

Момент перехода цифрового права от одного лица к другому (аналогично п. 2.4 Декрета №8 " О развитии цифровой экономики"). Распределение рисков утраты или повреждения цифрового актива (например, в результате взлома аккаунта или действий платформы) [10].

Заключение. Ключевой вывод работы заключается в том, что основным препятствием для эффективной правовой защиты пользователей является неопределенность гражданско-правовой природы виртуальных активов. Действующее законодательство, основанное на традиционной системе объектов гражданских прав ст. 128 ГК, не содержит четкой квалификации внутриигровых предметов [1]. Они не являются вещами в силу своей нематериальности, не могут быть однозначно отнесены к имущественным правам или результатам интеллектуальной деятельности в понимании, придаваемом им ГК. Это правовой вакуум, который заполняется исключительно условиями пользовательских соглашений, закрепляющих неравное положение пользователя по отношению к правообладателю. Как следствие, производной от этой фундаментальной проблемы является правовая неопределенность формы совершаемых сделок. Действия пользователей в интерфейсе игровой платформы (конклюдентные действия) не находят однозначного соответствия среди форм сделок. Таким образом, для эффективного регулирования данных отношений и защиты прав пользователей необходим не точечный, а комплексный законодательный подход. В качестве основного пути совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь предлагается:

1. Закрепить понятие цифрового актива. Это создаст правовую основу для квалификации виртуальных предметов.
2. Четко определить правовой статус конклюдентных действий, совершаемых в информационных системах.
3. Разработать механизм интеграции традиционных игровых активов в регулируемое правовое поле.

Реализация предложенных мер позволит не только обеспечить защиту прав миллионов пользователей, но и поспособствует развитию цифровой экономики Республики Беларусь, адаптируя классические гражданско-правовые конструкции к вызовам современности.

1 Гражданский кодекс Республики Беларусь : от 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by/ (дата обращения: 01.11.2024).

2 Об информации, информатизации и защите информации : Закон Респ. Беларусь от 10 нояб. 2008 г. № 455-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by/ (дата обращения: 01.11.2024).

3 О практике рассмотрения судами дел о преступлениях против собственности : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 21 дек. 2001 г. № 15 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by/ (дата обращения: 01.11.2024).

4 Решение по делу об обращении взыскания на виртуальные активы : решение Экон. суда г. Минска от 15 марта 2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by (дата обращения: 01.11.2024).

5 Любич, О. Л. На словах, на бумаге и «в цифре»: как совершаются сделки / О. Л. Любич // Юрист. – 2024. – № 1. – С. 10–15.

6 Ихарёв, А. А. Внутриигровые предметы и сделки с ними: регулирует ли их закон? / А. А. Ихарёв // VERSUS.legal. – 2021. – 15 окт. – URL: https://versus.legal/ (дата обращения: 01.11.2024).

7 Игровая индустрия 2024 в цифрах: обзор от Gamesindustry // App2Top.ru. – 2024. – URL: https://app2top.ru/news/igrovaya-industriya-2024-v-tsifrah-obzor-ot-gamesindustry-226002.html (дата обращения: 01.11.2024). – Текст : электрон.

8 Steam Subscriber Agreement : версия от 25 марта 2024 г. / Valve Corporation. – URL: https://store.steampowered.com/subscriber_agreement/ (дата обращения: 01.11.2024).

9 Лицензионное соглашение с конечным пользователем / Wargaming.net LLP. – URL: https://wargaming.com/ru/eula/ (дата обращения: 01.11.2024). – Текст : электрон.

10 О развитии цифровой экономики : Декрет Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г. № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008%20 https://etalonline.by/document/?regnum=pd1700008 (дата обращения: 01.11.2024).

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

Федотова А.А.,
студентка 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Егорова А.Г., канд. юрид. наук, доцент

Ключевые слова. Наследование, цифровые финансовые активы, завещание, гражданское законодательство, гражданский оборот, наследственное право, цифровое имущество.

Keywords. Inheritance, digital financial assets, will, civil law, civil turnover, inheritance law, digital property.

Сегодня невозможно представить жизнь человека без современных технологий. Но еще полвека назад появление таких технологий казалось вымыслом, достойным страниц научной фантастики. Столь кардинальные перемены стали возможны благодаря цифровой революции. Она стала толчком для развития процесса цифровизации, которая стремительно развивается и по сей день, порождая изменения уже устоявшихся общественных отношений и создание новых. Преобразования коснулись и общественных отношений, связанных с наследственным правом.

Особой актуальностью в вопросе изучения наследственного права обладает новый объект гражданских прав – цифровой финансовый актив. Так как существует множество неясностей наследования такого объекта из-за отсутствия закрепления данного механизма на законодательном уровне. То есть появляется разрыв между правом и действительностью.

Цель статьи – изучить существующие проблемы в сфере наследования цифровых финансовых активов, определить существующие пути преодоления данных проблем.

Материал и методы. Материалом исследования являются национальные законодательные акты и научные статьи, отражающие суть проблемы наследования цифровых финансовых активов. В качестве основных методов использовались: общенаучный метод (дедукции, синтеза) и частноправовой метод (метод сравнительного правоведения).

Результаты и их обсуждение. В связи с тем, что на законодательном уровне не существует такого объекта гражданского оборота, как цифровой финансовый актив, возникают проблемы, связанные с его наследованием. Единственным способом на сегодняшний день по преодолению данных проблем является передача цифровых финансовых активов по завещанию с указанием места хранения и кода доступа к данным благам. Другой возможности безопасного наследования белорусское законодательство не предусматривает.

Заключение. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости закрепления цифровых финансовых активов в гражданском законодательстве для способствования разрешения споров в данной сфере.

В мире быстро развивающихся технологий и инноваций возникают цифровые объекты, раньше не известные гражданскому праву. Они требуют правового регулирования, но из-за стремительных тенденций современных реалий законодатели не успевают отслеживать и закреплять их.

Сегодня цифровизация проникла во все институты права, включая институт вещного права и его наследования. Всё чаще встречается и используется понятие «цифровые финансовые активы», но на законодательном уровне аналогичного понятия нет. В Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» закреплен термин «цифровой знак», но он не отражает в полной мере всего смысла «цифрового финансового актива». Под цифровым знаком понимается токен – запись в блокчейне, которая является доказательством наличия у владельца токена прав на объекты гражданских прав и по своей сути является криптовалютой [1]. Цифровой финансовый актив, на наш взгляд, более широкое понятие, включающее в себя цифровой знак.

Татоян А. А. под цифровым финансовым активом понимает любые ресурсы, представленные в цифровом виде и обладающие ценностью для экономического субъекта, независимо от формы их выражения и наличия права собственности или лишь права пользования [2]. Такой подход к определению понятия значительно расширяет круг объектов, под которыми понимаются цифровые финансовые активы. Так, к финансовым цифровым активам, помимо криптовалют и токенов, относятся предметы в видеоиграх, средства на электронных кошельках, имеющие стоимостную оценку, логины, доменные имена, учётные записи и другое. Данные примеры можно разделить на виды: виртуальное имущество и имущественные права, а также виртуальные неимущественные права и блага [3].

Цифровой финансовый актив является привлекательным объектом гражданского оборота и желанным для наследования, так как наличие его в пользовании или в собственности означает получение с него дохода. Поэтому на сегодняшний день остро стоит вопрос наследования цифровых финансовых активов. Сегодня в законодательстве нет норм, закрепляющих процедуру наследования данных цифровых благ, поэтому возникает ряд проблем в этой области.

Первой проблемой является определение цифрового финансового актива как определённого вида объектов гражданского оборота. В статье 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь к объектам гражданских прав относятся: вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [4]. Цифровые активы могут быть отнесены как к движимому имуществу, так и к объектам интеллектуальной собственности, смотря что в каждом конкретном случае наследуется. Шпаковская В. В. предлагает отнести цифровые активы к «иному имуществу», в связи с чем вопрос о наследовании будет осуществляться в порядке и на условиях, установленных законодательством [5]. Лазарева Н. А. приравнивает цифровые активы к правам на реальные услуги и товары, находящиеся в цифровом виде. На данный момент этот вопрос остаётся открытым [6].

Второй проблемой наследования цифровых активов является вопрос о доказательстве принадлежности активов наследодателю, что также вызывает трудности. Персональные данные о владельце цифрового имущества зачастую нигде не фиксируются, и единственной идентифицирующей информацией является публичный адрес, который фиксируется в операциях [7]. Также собственник цифрового актива может быть зарегистрирован под псевдонимом, что делает невозможным процесс определения владельца [8].

Третьей трудностью является определение предмета наследования, то есть того, что будет являться наследством: уникальное цифровое право или данные, необходимые для получения доступа к этим правам. Осадчая А. А. и Голикова С. В. считают, что в наследуемую массу нужно включать и право, и данные, так как существование одного без другого невозможно [9].

Четвертая проблема наследования цифровых финансовых активов заключается в оценке их стоимости. Трудность заключается в том, что для цифровых активов нет единых стандартов, и они обладают высокой волатильностью. Цена цифровых активов не зависит от курса валют, а устанавливается спросом и предложением на данный актив в определенный момент времени, что делает стоимость активов нестабильной. Неопределенность усугубляется тем, что многие цифровые активы продаются исключительно

на закрытых рынках, что также затрудняет процесс установления справедливой стоимости. Важность в определении стоимости также играет отнесение цифровых активов к определённому виду объектов гражданского оборота, что, как мы ранее обсуждали, является дискуссионным вопросом [10].

Пятой проблемой является использование наследодателем провайдеров и других средств иностранных государств, так как они не подчиняются юрисдикции страны проживания владельца [7]. Поэтому возникает вопрос: как в таком случае будет наследоваться имущество и чье законодательство будет применимо?

Шестой и не менее значимый вопрос – получение доступа к цифровым активам. Современные системы конфиденциальности достигли высокого уровня, что является безусловным плюсом для пользователя, но вызывает трудности при осуществлении наследниками прав собственности. Поскольку законодательство не предусматривает возможность возникновения такой ситуации, регулирование этого вопроса взяли на себя платформы. Например, такие социальные сети, как «Одноклассники» и «ВКонтакте» не предоставляют доступ к профилю умершего его родственникам. Родные только могут обратиться с просьбой об удалении такого профиля. Платформа «Яндекс» дает возможность получения доступа к учетной записи почившего только при предоставлении свидетельства о смерти данного лица [9].

Наличие этих проблем делает наследование цифровых финансовых активов возможным только по завещанию. При этом в завещании должно быть указано место хранения носителя и кода доступа к цифровым активам наследодателя. На данный момент это единственный способ эффективного и безопасного перехода цифровых финансовых активов по наследству. Но зачастую наследодатели не уделяют должного внимания передаче своего цифрового имущества наследникам [3].

Сегодня в зарубежных странах обсуждается вопрос о пересмотре традиционных институтов наследственного права и внедрении новой формы наследования – электронного (цифрового) завещания. Уже сейчас существует пользовательское регулирование цифровых завещаний. Примером служат компании Apple и Google LLC. Они предусмотрели возможность указания наследника в случае смерти владельца [11]. Но на данный момент существование такой нормы в белорусском законодательстве невозможно, так как в статье 1044 Гражданского кодекса Республики Беларусь прямо указана единственно возможная форма завещания: письменная с удостоверением нотариуса [4].

Таким образом, вопрос о наследовании цифровых финансовых активов остается открытым. Существует множество нерешенных проблем в данной области. Их решение на законодательном уровне означает признание цифровых активов как объектов гражданских прав и возможности их наследования по закону и завещанию. Данный шаг поможет не только определить порядок доступа наследников к цифровым активам, но и защитить их интересы, предотвращая возможные споры.

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 18.03.2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

2. Татоян, А.А. Экономико-правовая природа цифровых финансовых активов [Электронный ресурс]: Образование и право / А. А. Татоян. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomiko-pravovaya-priroda-tsifrovyh-finansovyh-aktivov. – Дата доступа: 07.11.2025.

3. Дмитриева, О. В. Актуальные проблемы наследования цифровых активов [Электронный ресурс]: Вестник юридического факультета Южного федерального университета / О. В. Дмитриева, Е. В. Кондратенко – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-nasledovaniya-tsifrovyh-aktivov. – Дата доступа: 07.11.2025.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.02.2025 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2025.

5. Шпаковская, В. В. Наследование цифровых активов как объектов гражданских прав / В. В. Шпаковская // Передовые технологии и материалы будущего : сборник статей IV Международной научно-технической конференции «Минские научные чтения-2021», Минск, 9 декабря 2021 г. : в 3 т. – Минск : БГТУ, 2021. – Т. 3. – С. 276-281.

6. Лазарева, Н. А. Цифровые финансовые активы: экономические и правовые аспекты их обращения [Электронный ресурс]: Научные известия / Н. А. Лазарев – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-finansovye-aktivy-ekonomicheskie-i-pravovye-aspekty-ih-obrascheniya. – Дата доступа: 07.11.2025.

7. Красюк, Н. А. Наследование цифровых активов [Электронный ресурс]: Интернет-конференция Сибирского юридического университета / Н. А. Красюк – Режим доступа: https://conf.siblu.ru/nasledovanie-cifrovyh-aktivov. – Дата доступа: 07.11.2025.

8. Диева, М.Г. Наследование цифровых активов / М. Г. Диева, Р. В. Косов, С. А. Тарабрин // Междунар. научн.-исслед. журн. – 2021. – № 3. – С. 166-168.
9. Осадчая, А. А. Наследование цифровых активов: сравнительный анализ правового регулирования в Российской Федерации и за рубежем / А. А. Осадчая, С. В. Голикова // Вестн. наук. Междунар. науч. журн. – 2024. – № 12. – Т. 5 – Ч. 1 – С. 312 – 323.
10. Лосева, О.В. Оценка стоимости цифровых интеллектуальных активов: принципы, факторы, подходы и методы [Электронный ресурс]: Финансы: теория и практика / О. В. Лосева [и др.] – Режим доступа: https://doi.org/10.26794/2587-5671-2022-26-4-6-28. – Дата доступа: 07.11.2025.
11. Непомнящий, П. А. Цифровое завещание как форма осуществления права наследования цифровых прав [Электронный ресурс]: Саратовская государственная юридическая академия / П. А. Непомнящий – Режим доступа: https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-6-16. – Дата доступа: 07.11.2025.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УБИЙСТВ

Фомина Д.В.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Умышленные убийства, криминологическая характеристика, преступления против жизни, субъект и объект преступления, отягчающие обстоятельства.
Keywords. Intentional murders, criminological characteristics, crimes against life, subject and object of the crime, aggravating circumstances.

Тема убийств остаётся одной из наиболее острых и значимых в криминологическом исследовании. Преступления против жизни человека подрывают базовые ценности общества — безопасность, доверие, устойчивость социального порядка. Конституция Республики Беларусь в статье 24 закрепляет, что каждый человек имеет право на жизнь [1, ст. 24]. Криминологическая характеристика убийств представляет собой комплексное исследование личности преступника, его мотивов, способов и обстоятельств совершения преступления. В отличие от чисто уголовно-правового анализа, криминологический подход позволяет рассматривать убийство не только как юридический факт, но и как социальное явление, обусловленное экономическими, культурными и моральными факторами. Актуальность темы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, несмотря на общее снижение уровня тяжких преступлений в Республике Беларусь в последние годы, доля убийств остаётся значимой в структуре преступности. Во-вторых, наблюдаются качественные изменения в мотивации и способах их совершения - всё чаще убийства совершаются в состоянии алкогольного опьянения, на бытовой почве, а также с применением современных технологий и социальных сетей, которые могут провоцировать агрессивное поведение. В-третьих, актуальность проблемы определяется необходимостью совершенствования профилактических мер, направленных на раннее выявление лиц, склонных к агрессии и насилию.

Целью данной статьи является анализ убийств с точки зрения криминологии - выявление их основных закономерностей, характеристик личности преступника и жертвы, условий, способствующих совершению преступления, а также оценка эффективности действующих мер профилактики.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели были использованы различные материалы, включая правовые источники и научные публикации. В работе применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и обобщения, а также частно-правовые: формально-юридический и метод толкования норм права.

Результаты и их обсуждение. Уголовный кодекс (далее – УК) Республики Беларусь определяет убийство как умышленное, противоправное лишение жизни другого человека [2, ст. 139]. Это означает, что преступление всегда совершается с прямым или косвенным умыслом и направлено против социально важного блага – жизни человека. Объектом преступления является жизнь и здоровье граждан, а субъектом – любой дееспособный человек в возрасте с 14 лет.

В уголовном праве Республики Беларусь чрезвычайно важно проводить чёткое разграничение между оконченным убийством, покушением на убийство и угрозой убийством, поскольку все эти деяния связаны с посягательством на жизнь человека, но различаются по степени реализации преступного умысла и характеру общественной опасности. Убийство считается оконченным с момента наступления смерти потерпевшего, вне зависимости от того, насколько быстро она наступила и какие средства применялись. Ключевым элементом состава является умысел на лишение жизни. Покушение на убийство относится к незаконченным преступлениям, регулируемым статьёй 14 УК. Оно имеет те же признаки, что и оконченное убийство — объект, субъект, умысел, направленность деяния, — однако отличается отсутствием конечного результата: жертва остаётся жива по причинам, не зависящим от преступника [2, ст. 14]. Квалификация покушения производится по части 1 статьи 139 со ссылкой на статью 14 УК. Согласно статье 186 УК Республики Беларусь, угроза убийством признается преступлением в случаях, если имелись основания опасаться ее осуществления [2, ст. 186]. В отличие от убийства и покушения, здесь отсутствует действительное причинение вреда жизни и даже начало его реализации. Однако угроза считается преступной, если она реальна, то есть если потерпевший имеет объективные основания опасаться, что угроза может быть исполнена. Исходя из вышесказанного, разграничение указанных деяний строится прежде всего на степени реализации преступного умысла и наступлении общественно опасных последствий. Если смерть наступила — это убийство; если преступление не доведено до конца по независящим от лица причинам — это покушение; если же лицо лишь выражает угрозу, не приступая к действиям, — налицо угроза убийством.

По официальной статистике, зафиксированной в сборнике «Беларусь в цифрах», общее количество убийств в Беларуси демонстрирует тенденцию к снижению: например, по имеющимся данным за 2025 г. их число сократилось на 22 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [3, с. 25]. Однако в структуре совершённых убийств преобладают бытовые мотивы – семейные и личные конфликты. Нередко причиной становятся и иные психологические факторы: вспышки гнева, обострение межличностных конфликтов, психические расстройства. Наряду с этим закон выделяет такие мотивации убийства как корысть, месть, хулиганство, идеологическая/национальная вражда и др. – то есть умышленное убийство часто совершается либо ради выгоды, либо из неприязненных побуждений. С точки зрения криминологии, определение характера умысла имеет не только юридическое, но и социально-профилактическое значение. Анализ мотивов и форм вины помогает выявить психологические механизмы насильственного поведения, определить условия, при которых формируется готовность к убийству.

Не менее важным аспектом криминологического исследования является также личность убийцы, которая формируется под воздействием комплекса социальных, психологических и биологических факторов, которые в совокупности определяют его поведение, систему ценностей и способность к насильственным действиям. Криминологические исследования, проводимые в Беларуси и странах СНГ, показывают, что у большинства лиц, совершивших убийства, наблюдается сочетание личностной деформации, социального неблагополучия и патологических поведенческих установок.

Для более подробного рассмотрения можно выделить следующие группы факторов:

1. Социально-демографические факторы. Значительная часть преступников выросла в неблагополучных семьях, где присутствовали насилие, алкоголизм или конфликтные отношения между родителями.

2. Психологические и поведенческие особенности. Психологические черты личности убийц чаще всего включают: повышенную агрессивность и раздражительность; импульсивность и неспособность контролировать эмоции; заниженный уровень эмпатии и сочувствия к другим; эгоцентризм и обострённое чувство собственной правоты; алкогольную и/или наркотическую зависимость (порядка 90% убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения) [4, с. 14]. Также для значительного числа убийц характерны аффективные состояния — эмоциональные вспышки гнева или ревности, возникающие внезапно и подавляющие рациональное мышление. Криминологи отмечают,

что убийства нередко совершают лица с признаками психопатии или пограничных расстройств личности, однако юридически они признаются вменяемыми.

3. Моральные установки. Ключевым внутренним фактором является деформация моральных ценностей. Убийцы часто демонстрируют искажённое представление о добре и зле, безразличие к человеческой жизни, обесценивание социальных норм. Многие оправдывают свои действия внешними обстоятельствами или поведением жертвы. Отмечается низкий уровень правосознания и склонность перекладывать ответственность за собственные поступки на других

Заключение. Несмотря на общее снижение уровня тяжких преступлений в последние годы, убийства по-прежнему представляют собой один из наиболее опасных видов посягательств на жизнь человека. Проведённый анализ показал, что умышленное убийство, как наиболее тяжкое преступление против личности, характеризуется высоким уровнем общественной опасности, осознанностью и направленностью деяния на лишение жизни. Разграничение убийства, покушения и угрозы убийством имеет решающее значение для правильной квалификации преступлений против жизни. Точная оценка умысла и степени реализации преступного намерения обеспечивает справедливое применение уголовного закона и индивидуализацию наказания. Эффективное противодействие умышленным убийствам требует не только совершенствования законодательства и судебной практики, но и системного подхода к их предупреждению — начиная от раннего выявления лиц, склонных к агрессивному поведению, до проведения адресных социальных и психологических программ.

1. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : по состоянию на 17 февраля 2025 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 03.10.2025)

3. Беларусь в цифрах: статистический сборник // Нац. стат. ком. Респ. Бел. [Электрон. ресурс]. — Минск, 2025. — URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_148854/ (дата обращения: 03.10.2025).

4. Стаценко, В. Г. Убийства как объект криминологического анализа / В. Г. Стаценко, Д. С. Батура // Репозиторий ВГУ имени П. М. Машерова. - URL: https://rep.vsu.by/handle/123456789/43850 (дата обращения: 05.10.2025). – Электрон. версия ст. из: Право. Экономика. Психология. – 2024. – № 2(34). – С. 9–16.

ПРОБЛЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АВТОМОБИЛЬНЫХ СРЕДСТВ

Храпковская А.А.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Барышев В.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Автомобильный терроризм, автотранспортное средство, противодействие терроризму, террористический акт, принцип экстрадиции.

Keywords. Car terrorism, motor vehicle, counter-terrorism, terrorist act, the principle of extradition.

Актуальность данного исследования обусловлена стремительной эволюцией тактик совершенствования терактов и высокой уязвимостью общественных мест по всему миру. В наше время террористические акты, совершенные при помощи автомобильного транспорта, остаются чрезвычайно важной проблемой для мировой безопасности. Данный вид террористической деятельности характеризуется простотой исполнения и трудностью его предотвращения, поскольку практически невозможно предугадать, в какой момент будет совершено нападение. Он продолжает оставаться одним из наиболее опасных и непредсказуемых преступлений, направленных против общественной безопасности.

Цель исследования – исследование проблемы терроризма с применением автомобильного транспорта, а также пути его предотвращения.

Материал и методы. Исследование основано на анализе материалов научных публикаций, действующего международного законодательства. Были использованы такие методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты и их обсуждение. Использование автомобилей в террористических целях принимает разные формы: легковые и грузовые машины применяются для организации наездов на пешеходов, транспортировки взрывчатых веществ, для блокирования нормального движения транспортных средств. Проблема противодействия терроризму с использованием автомобильных средств обусловлена недостаточным количеством мер, применяемых к его предотвращению. Множество терактов совершается с применением большегрузных автомобилей. Они захватываются террористами в результате чего происходят наезды на мирное население. Современные технологии позволяют оснастить такие автомобили дистанционной блокировкой двигателя, что позволит заглушить двигатель автомобиля удаленно через GPS или ГЛОНАСС-систему. Также можно оборудовать грузовой автомобиль системой распознавания лиц. В случае захвата грузового автомобиля он откажется ехать и заблокирует двери.

Сотрудники дорожной инспекции также должны отслеживать, чтобы грузовой транспорт не находился в центре города, особенно во время праздничных мероприятий. Хотя, в большинстве городов им запрещено передвигаться по центру города во время массовых мероприятий, но это, как можно заметить, не является гарантией того, что такой транспорт не появится на улицах города с целью совершения террористического акта, поэтому сотрудники полиции должны быть внимательны и при появлении такого транспорта незамедлительно его останавливать.

Данный вид преступлений должен быть отнесён к конвенциальным для усиления мер борьбы с терроризмом с применением транспортных средств. Выделить единообразную конкретизированную дефиницию самого понятия «терроризм» представляется весьма затруднённым, а определение автомобильного терроризма, как одного из видов террористической деятельности, никак не закрепляется в международных актах. Также в отношении таких лиц должен действовать принцип выдачи (экстрадиции).

Экстрадиция, по мнению некоторых специалистов, представляет собой международно-правовой механизм, позволяющий передавать человека под юрисдикцию другого государства для уголовного преследования. Эта передача осуществляется на основе международных договоров или принципа взаимности, при условии, что разыскиваемый не является гражданином страны, куда направлен запрос, и находится там на момент возбуждения дела [2]. Ни при каких обстоятельствах государство, на территории которого укрывается террорист, не должно препятствовать выдаче данного лица. Человек, совершивший террористический акт должен быть безоговорочно приговорён к самому серьёзному наказанию.

Несмотря на то, что процедура выдачи преступников всегда была сопряжена с многочисленными трудностями и юридическими сложностями, во многом обусловленными политическими интересами государств, экстрадиция остается важнейшим инструментом борьбы с преступностью, включая терроризм, в рамках международного сотрудничества [3].

Также за данные преступления должна соблюдаться гражданско-правовая ответственность. Большинство террористических актов с использованием автомобильного транспорта совершались представителями других стран. На территории европейских государств находятся диаспоры, представители которых совершали террористические акты. Можно предусмотреть, чтобы выплата компенсаций осуществлялись не государством, на территории которого был совершён террористический акт, а представителями той диаспоры, из которой происходил террорист.

Ещё одним фактором обеспечения безопасности является повышение осведомленности общества, который включает в себя информационные кампании для водителей, логистов и всех граждан о том, как действовать при обнаружении подозрительных машин или при выявлении необычного поведения, а также создание быстрых способов сообщения

о потенциальных угрозах. Ограничение рисков только техническими мерами или действиями государства не даст полного результата без активного участия всего общества.

Заключение. Можно констатировать, что в последние годы в арсенале террористов появилось ещё одно средство их преступных замыслов – это автомобильный транспорт. Атаки с использованием транспортных средств являются одним из опасных и самых неожиданных террористических актов. Из-за огромного количества автомобилей в городах и отсутствия явных преступных действий выявить готовящуюся атаку практически невозможно. Намерения преступника становятся очевидными лишь за секунды до совершения теракта.

Предупреждение угроз терроризма, связанных с использованием автомобильного транспорта, предполагает всестороннее межгосударственное сотрудничество. Необходимое реагирование на современные вызовы, связанные с новым видом терроризма, позволит создать систему предупреждения и противодействия террористическим актам с использованием автомобильного транспорта.

1. Бакаев, А. А., Иванова, Ю. А., Радченко Т. В., Саудаханов М. В. Особенности выдачи преступников (экстрадиция): международно-правовая характеристика // Вестник Московского университета МВД России. – 2022 – №1 – С. 45-50.

2. Кошкина, Д. А. Современные тенденции развития и совершенствования судебной процедуры экстрадиции лиц, совершивших преступления террористического характера, посредством ее унификации / Д.А. Кошкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017 – №2 (63) – С. 124-126.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО – ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Чепурина К.С.,

студентка 4 курса Государственного социально-гуманитарного университета,
г. Коломна, Российская Федерация
Научный руководитель - Гоцко Т.В., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Социальное предпринимательство, качество, социальный заказ, государственно-частное партнерство, перспективы роста.

Keywords. Social entrepreneurship, quality, social order, public-private partnership, growth prospects.

В статье рассматриваются тенденции развития социального предпринимательства в России и его влияние на качество жизни населения. Особое внимание уделяется повышению роли коммерческого сектора экономики в решении социальных проблем и обеспечению устойчивого развития экономики России.

Актуальность темы обусловлена необходимостью систематизации действующих нормативных актов и практик социального предпринимательства для повышения влияния предпринимательского сектора на качество жизни населения.

Целью исследования является изучение текущего состояния и потенциальных направлений развития социального предпринимательства, а также выявление эффективных инструментов поддержки и стимулирования данного вида деятельности.

Материал и методы. Исследование основано на анализе законодательных актов и нормативных документов, регулирующих сферу социального предпринимательства, включая Федеральный закон № 245-ФЗ от 26 июля 2019 года [1], в котором даны базовые понятия социального предприятия, определены основные принципы функционирования социальных предприятий и ключевые меры государственной и муниципальной поддержки, применяемые для содействия развитию данного сегмента экономики.

Методика исследования основана на переосмыслении публикаций, анализе статистических данных с использованием приемов группировки, обобщения и сравнения.

Результаты и их обсуждение. Социальное предпринимательство приобретает все большую популярность среди отдельных предпринимателей, стремящихся не только получать прибыль, но и участвовать в решении социальных вопросов. Рынок социального

предпринимательства в России оценивается в объем порядка 5–6 трлн. рублей ежегодно несмотря на то, что лишь небольшой процент (около 1%) малых и средних предприятий относят себя к социально-ориентированным [4, с. 44].

Социальное предпринимательство находится на пересечении коммерческого и некоммерческого секторов, представляя собой особый вид бизнеса, целью которого является получение прибыли при одновременном решении социальных проблем. Поэтому сейчас в России предусмотрен ряд мер по созданию благоприятных условий для ведения бизнеса, направленного на поддержку социально уязвимых групп населения, создании условий для трудоустройства людей с особенностями развития, а также производстве товаров (оказание услуг), пользующихся массовым спросом по более доступным ценам. Среди наиболее значимых мер выделяются предоставление субсидий и грантов, налоговые льготы, обеспечение доступа к государственным закупкам, консультационная поддержка и создание инфраструктуры. Для получения государственной (муниципальной) поддержки законодательно установлены критерии, которым должны соответствовать социальные предприятия.

Вместе с тем и законодательно и в научных исследованиях отсутствует единое определение социального предпринимательства, что позволило в настоящем исследовании рассматривать социальное предпринимательство в коммерческом секторе экономики и приносящую доход деятельности в социальной сфере как понятия одинаковые. Поэтому следующим направлением развития социального предпринимательства следует признать выполнение приносящей доход деятельности бюджетными и автономными учреждениями. Такая деятельность обусловлена двойственным характером организационно-правовой формы этих типов учреждений, а расширение качества и объемов оказанных услуг за плату ориентировано на клиентоориентированность путем увеличения качества и объемов оказанных услуг потребителям. Сейчас характерно развитие перечня и содержания платных услуг с использованием разных моделей, в том числе инициативного бюджетирования.

Тем самым, субъекты малого и среднего предпринимательства за счет средств регионального и местных бюджетов получают возможность оказывать услуги в социально-культурной сфере. Ее основным преимуществом признана возможность получения обратной связи путем «голосования рублем», которая дает возможность органам власти своевременно реагировать на запросы потребителей, а потребители получают доступ к более широкому спектру услуг. Статистика показала, что в 2023 году случился резкий скачок числа утверждения социальных заказов: с 258 до 1395. Затем рост замедлился, хотя все равно продолжился: в 2024 году утверждено 1500 социальных заказов [5].

Перспективным направлением развития социального заказа может стать его интеграция с государственно-частным партнерством при создании инфраструктурных объектов социального предназначения, в том числе с привлечением облигаций социального воздействия (Social Impact Bonds или SIBs) как инновационного инструмента финансирования социальных проектов. Для субъектов социально ориентированного бизнеса это новые рабочие места и растущие сегменты рынка, а для государства — эффективный механизм экономии бюджетных средств и повышения уровня качества, доступности и инновационности услуг социальной сферы за счет развития конкуренции [3, с. 119].

Тем не менее, остаются нерешенными проблемы прозрачности критериев отбора предприятий для участия в программах поддержки и риска формальности существующих институтов поддержки. Важным условием дальнейшего роста социального предпринимательства является внедрение новых технологий управления проектами и формирование культуры взаимодействия бизнеса и гражданского общества.

Заключение. Исследуемый феномен демонстрирует высокий потенциал влияния на улучшение качества жизни граждан, способствуя решению социальных проблем и формированию ответственного подхода к бизнесу. Развитие социального предпринимательства способствует реализации механизма социальной ответственности, устойчивости

экономического роста, создавая условия для удовлетворения потребностей всех слоев населения. Вектором развития социального предпринимательства может стать вовлечение студенческого сообщества в пропаганду целесообразности взаимосвязи бизнеса с решением социальных проблем общества.

1. Федеральный закон от 26 июля 2019 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» в части закрепления понятий «социальное предпринимательство», «социальное предприятие» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72232770/ (дата обращения 07.10.2025)

2. Ильин С.В., Ильина Л.А. Организационно-экономические основы реализации проекта социального предпринимательства // Актуальные вопросы управления в социальных и экономических системах: сб. науч. тр. Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН. - 2021. - с. 117-121.

3. Нестеренко Ю.Н., Плюхина А.А. Развитие социального предпринимательства в экономике России. М.: Креативная экономика, 2017. – 154 с.

4. Социальный заказ в России: результаты, проблемы и планы [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://asi.org.ru/2024/05/21/soczialnyj-zakaz-v-rossii-rezultaty-problemy-i-plany/?ysclid=m7yy5byu7t887819326 (дата обращения 07.03.2025)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КИТАЯ И БЕЛАРУСИ

Чэнь Чэн,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Янч В.В., канд. филос. наук, доцент

Ключевые слова. Пенсионное законодательство, старение населения, законодательное заимствование, механизм финансирования пенсий, пенсионный возраст, справедливость и эффективность.

Keywords. Pension legislation, population ageing, legislative borrowing, pension funding mechanism, retirement age, fairness and efficiency.

Данное исследование представляет собой сравнительный анализ пенсионного законодательства Китая и Беларуси. Его практическая значимость заключается в решении общей проблемы старения населения, особенно в области согласования прав трудящихся на пенсионное обеспечение.

Материал и методы: Законодательство КНР о пенсионном обеспечении и другие нормативные правовые акты, направленные на регулирование отношений, складывающихся в сфере пенсионного обеспечения. В исследовании используются такие методы научного познания как сравнительно-правовой анализ, анализ, синтез, индукция, дедукция.

Результаты и их обсуждение. Китай: пенсионная законодательная система Китая характеризуется типичным постепенным подходом «сначала политика, затем законодательное закрепление». Её правовые источники представляют собой многоуровневую комплексную структуру: во главе с «Законом КНР о социальном страховании», дополненным такими административными нормативными актами, издаваемыми Госсоветом, как «Решение о реформе системы пенсионного обеспечения рабочих и служащих предприятий», «Решение о совершенствовании системы базового пенсионного обеспечения рабочих и служащих предприятий», а также многочисленными ведомственными положениями, разработанными Министерством людских ресурсов и социального обеспечения и другими ведомствами, и местными нормативными актами. Такая система «на начальном этапе реформ предоставила системе необходимую гибкость, но также привела к "фрагментации" системы и внутреннему неравенству, например, к разрыву в выплатах между городом и деревней, между государственными учреждениями и предприятиями» [1, с.189]. Одна из ключевых задач текущего законодательства – устранить эти разрывы, вызванные историей и структурой законодательства, с помощью таких мер, как общегосударственное регулирование.

Республика Беларусь: пенсионное законодательство Беларуси унаследовало централизованную законодательную традицию советского периода, и её система относи-

тельно унифицирована и проста. Её основным законом является «Закон Республики Беларусь о пенсионном обеспечении», который систематически регулирует все основные виды пенсий (трудовая пенсия, социальная пенсия и т.д.), условия их получения, методы расчёта и механизм индексации. Эта тенденция к «кодификации» обеспечивает высокую степень единообразия системы по всей стране, относительно низкие управленческие издержки и позволяет избежать проблем справедливости, вызванных различиями между регионами или группами населения. Однако её недостаток заключается в большей жёсткости системы; при столкновении с экономическими колебаниями или резкими изменениями демографической структуры гибкость и скорость реагирования при внесении законодательных корректировок могут уступать многоуровневой системе Китая.

Цель охвата пенсионным обеспечением в Китае – это постепенный процесс расширения от ключевых групп ко всему населению. Изначально законодательство в основном охватывало рабочих и служащих городских предприятий, затем, путем создания новой системы социального пенсионного обеспечения для сельского населения, системы социального пенсионного обеспечения для городских жителей и, наконец, их интеграции в систему базового пенсионного обеспечения для городских и сельских жителей, постепенно были охвачены сотни миллионов сельских и городских жителей, не занятых в формальном секторе экономики. В механизме финансирования базовая пенсионная система для рабочих и служащих Китая использует частично накопительную систему, сочетающую общественное объединение (социальный пул) и индивидуальные счета, подчёркивая разделение ответственности между государством, предприятием и индивидуумом. «Счёт общественного объединения отражает социальную солидарность, введение индивидуальных счетов вводит личную ответственность — это институциональное нововведение Китая в переходный период, но ключ к его успеху заключается в решении проблемы "виртуальных счетов" и сохранении и приумножении стоимости фондов» [2, с. 95]. Государственные финансы несут конечную гарантирующую ответственность и пополняют фонды социального обеспечения за счёт передачи государственных активов и другими способами, что в законодательном духе отражает сильную роль государственного вмешательства и патернализма.

Республика Беларусь: пенсионная система Беларуси на законодательном уровне устанавливает более высокую степень всеобщей доступности, её охват распространяется практически на всех граждан. В области финансирования, хотя также используется система взносов, структура ставок взносов, доля и способы субсидирования из государственного бюджета отличаются от китайских. Законодательство Беларуси в большей степени подчёркивает ответственность работодателя (предприятия) по уплате взносов, при этом доля индивидуальных взносов относительно низка, а государственные финансы предоставляют регулярные субсидии в зависимости от поступлений и расходов фонда. Такая модель придаёт системе сильную перераспределительную функцию, но одновременно создаёт постоянное давление на предприятия и государственные финансы. Её законодательство более прямо и жестко определяет роль государственных финансов в выплате пенсий, отражая, как страна с переходной экономикой, преемственность традиционной модели государственного обеспечения в условиях зависимости от предшествующего пути развития.

Беларусь поэтапно, пошагово повысила установленный законом пенсионный возраст. В настоящее время законодательство устанавливает пенсионный возраст для мужчин – 63 года, для женщин – 58 лет. Хотя эти законодательные изменения вызывали споры на социальном уровне, они юридически предоставили чёткие ожидания и пространство для смягчения давления на фонды. Для сравнения, политика пенсионного возраста в Китае для мужчин – 60 лет, для женщин-кадровых работников – 55 лет, для женщин-рабочих – 50 лет, установленная в 1950-х годах. Обе страны стремятся балансировать справедливость и эффективность, связывая пенсии со стажем и зарплатой. Однако в Беларуси механизм индексации пенсий более чётко прописан в законодательстве и предсказуем.

Заключение: сравнительное исследование позволяет выявить сильные и слабые стороны обеих систем. Его конечная цель — предложить научно обоснованные и практические решения для оптимизации пенсионного законодательства обеих стран, способствуя созданию более справедливой и устойчивой пенсионной системы в XXI веке.

1. Линь, Цзя Концепция, практика и инновации права социального обеспечения / Цзя Линь.– Издательство Народного университета Китая, 2002 г. – 338 с.
2. Чжэн, Гунчэн. Стратегия реформы и развития социального обеспечения Китая / Гунчэн Чжэн. – Пекин: Издательство «Народ», 2011 г. – 359 с.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ЗАЩИТЫ ЖИВОТНОГО МИРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Шалаханов Н.Д.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республики Беларусь
Научный руководитель – Стаценко В.Г., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. Животный мир; мониторинг; правоохранительная деятельность; сотрудники ОВД; защита животного мира; сохранение природы; обеспечение защиты животного мира; борьба с преступностью.

Keywords. Wildlife; monitoring; law enforcement; police officers; wildlife protection; nature conservation; ensuring wildlife protection; crime control.

Материал и методы. Обеспечение защиты животного мира как одно из направлений деятельности органов правоохранительной власти возникло сравнительно недавно, что объективно обусловливает актуальность проблем, связанных с реализацией государственной политики в сфере охраны и защиты животного мира.

Важность поставленной темы обусловлена возрастающим количеством объектов животного мира, находящихся под угрозой исчезновения вследствие ускоряющихся темпов научно-технического и промышленного развития государства, а также необходимостью предупреждения роста количества преступлений, совершаемых в отношении объектов животного мира и окружающей среды в целом.

В условиях рыночных отношений закономерно усиливаются утилитарные интересы в отношении объектов животного мира, что оказывает негативное воздействие на диких животных и среду их обитания. В связи с этим актуализируется проблема реализации мер юридической ответственности за такие деяния идеятельности органов внутренних дел по ее обеспечению.

Результаты и их обсуждение: Животный мир согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О животном мире» от 10 июля 2007 г. № 257-З – «охраняемый компонент природной среды, возобновляемый природный ресурс, представляющий собой совокупность всех диких животных, постоянно обитающих на территории Республики Беларусь или временно ее населяющих, в том числе диких животных в неволе» [1,ст.1].

Правоохранительная деятельность в экологической сфере, осуществляемая органами внутренних дел (далее ОВД) по своему содержанию весьма многогранна и включаетвсебянепосредственныедействия,оказывающиепрямоепозитивноевлияние на природные объекты, и опосредованные мероприятия или меры, в конечном итоге способствующие надлежащей охране природных объектов, оздоровлению окружающей природной среды [2, с. 184].

Сотрудники милиции оказывают содействие работникам межрайонных инспекций в установлении личностей нарушителей природоохранного законодательства, привлечении их к ответственности, а также приеме на временное хранение изъятого оружия и боеприпасов [3, с. 45].

Важным направлением деятельности ОВД в области охраны природы является профилактика экологических правонарушений. Если исходить из того, что достижение

наивысшей эффективности эколого-правовой деятельности ОВД проявляется в определенном снижении экологических правонарушений, то их важнейшей задачей становится выявление причин и условий, способствующих совершению экологических правонарушений, и разработка мер по их предупреждению.

При этом сотрудники ОВД обязаны выявлять и устранять лишь те причины и условия, способствующие совершению правонарушений природоохранительного законодательства, которые должны и могут быть ими известны с учетом их компетенции [4, с. 51].

Функция сотрудников ОВД по охране и защите животного мира реализуется преимущественно в рамках правоприменительной и правоохранительной деятельности. Под правоприменительной следует понимать деятельность различных подразделений и служб ОВД по практическому повседневному исполнению и осуществлению требований норм законодательства о животном мире, отнесенных к компетенции Министерства внутренних дел, а также осуществление взаимодействия ОВД с природоохранными органами и организациями в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. В свою очередь, правоохранительная деятельность выражается главным образом в применении мер юридического воздействия к нарушителям законодательства о животном мире и экологического в целом [4, с. 36].

Заключение: Повышению эффективности деятельности органов внутренних делв сфере охраны и защиты животного мира могло бы способствовать, по нашему мнению, создание специальных подразделений, координирующих деятельностьорганов внутренних дел в борьбе с нарушениями природоохранительного законодательства, а также формирование специализированных подразделений экологической милиции.

1. О животном мире: Закон Республики Беларусь от 10 июля 2007 г. № 257-З: в ред.ЗаконаРесп. Беларусьот4января2022г.№145-З//ЭТАЛОН:информ.-поисковая система (дата обращения: 22.09.2025).

2. Кравцова, М.А. О взаимодействии органов внутренних дел с природоохранными органами в сфере охраны окружающей среды [Текст :Электронныйресурс]/М.А.Кравцова//ВестникАкадемииМВДРеспубликиБеларусь. – 2019. - № 2. – С. 184 – 189.

3. Сапогин, А.Н Природоресурсное право Республики Беларусь. Общая часть : учебное пособие / А.Н. Сапогин. – Минск : Академия МВД, 2017. – 176 с.

4. Сапогин, А. Н. Экологическая деятельность органов внутренних дел : курс лекций / А. Н. Сапогин; Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования "Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь". - Минск : Академия МВД, 2011. – 87 с.

ПРАВОВАЯ И ФИНАНСОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ СТРАХОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ПРИМЕРЕ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ

Шишкин А.М.,

студент 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Андреасян М.А., магистр юрид. наук

Ключевые слова. Страховой случай, страховое мошенничество, правовая и финансовая грамотность, автострахование, страхование имущества, страхование жизни, кибермошенничество.

Keywords. Insurance event, insurance fraud, legal and financial literacy, auto insurance, property insurance, life insurance, cyberfraud.

На фоне роста белорусского рынка страховых услуг страховое мошенничество остаётся актуальной проблемой, в том числе и в Витебской области, о чём свидетельствуют регулярные случаи обмана страховых компаний. Основные мошеннические схемы затрагивают: автострахование, страхование имущества, жизни и здоровья от несчастных случаев. Автор пришёл к выводу, что ключевая роль в снижении уровня страхового мошенничества должна быть отведена повышению правовой и финансовой

грамотности населения, что позволит обеспечить осведомлённость граждан о правовых нормах, механизмах страхования и способах защиты от обмана.

Цель исследования заключается в том, чтобы проанализировать практику страхового мошенничества на примере Витебской области и предложить конкретные меры по повышению правовой и финансовой грамотности населения в рассматриваемой области.

Материал и методы. В процессе исследования были применены следующие методы: описание, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой и статистический. В качестве материала использовались национальные нормативные правовые акты, судебная практика и официальная статистика.

Результаты и их обсуждение. Согласно пункту 1 статьи 4 Закона Республики Беларусь от 05.01.2024 № 344-З «О страховой деятельности», страхование – это важнейший институт экономической безопасности по защите имущественных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, организаций, в том числе иностранных и международных, а также Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц, иностранных государств при наступлении страховых случаев за счет страховых резервов, формируемых страховыми организациями в установленном порядке[1].

В соответствии с подпунктом 1.29 пункта 1 статьи 1 вышеназванного Закона, страховой случай – это предусмотренное договором страхования или законодательством событие, при наступлении которого у страховщика возникает обязанность произвести страховую выплату страхователю (застрахованному лицу, выгодоприобретателю) [1; 2]. Страховое мошенничество– любое действие, совершенное с целью фальсификации процесса страхования.

Ключевой критерий при определении страхового мошенничества – наличие умысла на незаконное обогащение. По данным Главного управления страхового надзора Министерства финансов Республики Беларусь, за последние три года наблюдается устойчивый рост числа подозрительных страховых случаев – в среднем на 12–15 % ежегодно. В Витебской области эта тенденция также прослеживается. Для наглядности рассмотрим типичные схемы мошенничества, зафиксированные в практике белорусских страховщиков:

1. Автострахование: инсценировка ДТП, когда участники договариваются об «аварии», чтобы получить выплату по обязательному или добровольному страхованию транспортного средства; завышение ущерба – предоставление фальшивых смет на ремонт. Пример из практики: в 2023 г. житель Новополоцка приобрёл в Литве битый кроссовер Renault, пригнал его в Беларусь и оформил на подельника. Повреждённые элементы заменили на новые, и автомобиль застраховали по КАСКО как исправный. Вскоре мужчины инсценировали ДТП, оценив ущерб почти в 40 тысяч рублей. Обман раскрыли оперативники 7-го управления ГУБОПиК МВД и служба безопасности страховой компании. Злоумышленники пытались скрыться за границей, но были задержаны при выезде из страны. Возбуждено уголовное дело о мошенничестве в особо крупном размере;

2. Страхование имущества: умышленное уничтожение имущества для получения выплаты (поджог); заявление о хищении ценностей, которых фактически не существовало (инсценировка кражи). Пример из практики: в Оршанском районе в 2024 г. гражданин подал заявление о краже дорогостоящей бытовой техники, предоставив поддельные чеки. Проверка показала, что товары были приобретены по значительно более низким ценам, а часть чеков – фальсифицирована;

3. Страхование жизни и здоровья: имитация увечий для получения выплаты (фальсификация травм); оформление полиса уже после постановки диагноза (сокрытие заболеваний). Пример из практики: с 2021 по 2024 год семеро жителей Могилевской области заключали договоры добровольного страхования от несчастных случаев, в том числе и в Витебске, а затем намеренно причиняли себе травмы. После этого, получив необходимые справки, шли в страховые компании за компенсациями. Ущерб страховым организациям составил более 420 тысяч рублей. Суд Ленинского района Могилева признал всех семерых виновными. Самое суровое наказание – 10 лет лишения свободы

в колонии строгого режима со штрафом в размере 700 базовых величин (около 29 400 рублей). Остальные участники получили от 2,5 до 8 лет лишения свободы и также обязаны выплатить штрафы [4].

В последнее время отмечается рост кибермошенничества: подделка электронных документов – страховых полисов, извещений о ДТП, использование социальных сетей для инсценировки событий (например, публикация «фото с места ДТП»).

Вышеуказанные примеры демонстрируют, насколько изощрёнными могут быть мошеннические схемы и как важно уметь их вовремя распознавать и предупреждать. По мнению автора, одной из причин существования страхового мошенничества являются недостаточные правовые и финансовые знания у населения страны. Это проявляется в том, что граждане не изучают правила страхования, не интересуются, как рассчитываются страховые тарифы и в каких случаях производится выплата страхового возмещения, какие действия страхователя могут иметь признаки мошенничества. Всё это создаёт почву для манипуляций. При этом многие не осознают, что даже «невинное» завышение ущерба – уголовно наказуемое деяние. Население верит «советам» мошенников о «лёгких деньгах», не задумываясь об уголовной ответственности, предусмотренной статьёй 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь [5]. Однако, как известно, незнание этих норм не освобождает от ответственности.

Проанализированная практика белорусских страховых компаний даёт возможность предложить некоторые меры по повышению страховой грамотности населения, которые могут быть предприняты органами местной исполнительной власти Витебской области совместно с правоохранительными органами и страховыми компаниями, а именно:

1) проведение в школах открытых уроков, мастер-классов, тематических лекций с презентациями и диалоговыми площадками, игр, видео-уроков, викторин по основам финансовой безопасности и правовой грамотности;

2) проведение образовательных мероприятий в рамках ежегодной «Недели финансовой грамотности» среди учащихся различных учреждений образования области;

3) проведение разъяснительной работы среди населения, в том числе с помощью телеграм-канала «Цифровая грамотность», который был создан в 2021 году в целях повышения цифровой грамотности населения для профилактики правонарушений в сфере высоких технологий, причин и условий, способствующих совершению преступлений;

4) проведение бесплатных консультаций для населения и размещение публикаций в местных СМИ о типичных схемах мошенничества, последствиях и ответственности за нарушение законодательства о страховании.

Реализация предложенных мер позволит повысить доверие населения Витебской области к институту страхования – граждане будут чаще пользоваться страховыми услугами, если будут уверены в надёжности страховой защиты. Кроме этого, подобные меры позволят снизить нагрузку на правоохранительные органы за счёт профилактики правонарушений и минимизации ущерба от страхового мошенничества.

Заключение. Таким образом, повышение правовой и финансовой грамотности населения является ключевым элементом профилактики страхового мошенничества, способствующим формированию ответственного поведения граждан при взаимодействии со страховыми компаниями. Лица, осознающие последствия мошенничества, менее склонны к противоправным действиям, что содействует снижению количества случаев, когда граждане намеренно причиняют себе вред или повреждают имущество для получения выплат.

1. О страховой деятельности : Закон Респ. Беларусь от 5 января 2024 г. №344-З // Пех : информ. правовая система (дата обращения: 04.11.2025).

2. Самотошенкова, К. А. К вопросу о необходимости обязательного страхования жилой недвижимости / К. А. Самотошенкова. – Текст : электронный // Репозиторий ВГУ имени П.М. Машерова. – URL:https://rep.vsu.by/handle/123456789/36742 (дата обращения: 05.11.2025). – Электрон. версия ст. из: Актуальные проблемы профессионального образования в Республике Беларусь и за рубежом : материалы X Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 16 дек. 2022 г.,Витебский филиал Международного университета «МИТСО». – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – С. 41–43.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. №218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. :в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 янв. 2024 г. №344-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.11.2025).

4. Верховный суд Республики Беларусь : [сайт]. Минск, 2014-2025. – URL: https://court.gov.by/ru/mogilevskij/oblastnoj/sud/press_sluzhba/soobscheniya/press_sluzhbi/d49ba33cb15743de.html (дата обращения: 03.11.2025).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. №275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 8 июля 2024 г. № 22-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.11.2025).

АНАЛИЗ ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫХ ПРЕДПОСЫЛОК «ЯПОНСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЧУДА» И РОЛИ США В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Яшина А.М.,
студент 2 курса Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Научный руководитель - Сайфуллина Д.Р., преподаватель

Ключевые слова. Экспорт, японское экономическое чудо, Японо-американский договор безопасности, дискурс.

Keywords. Exports, Japanese economic miracle, Japan-US Security Treaty, discourse.

К концу 1940-х годов Япония – государство с подорванным авторитетом, разрушенным промышленным комплексом, заточенной под оборону промышленностью, которая нуждалась в реставрации, демилитаризованной армией и отсутствием экономических ресурсов для самостоятельного восстановления. Именно комбинациявнутренних политико-правовых реформ и внешнего финансового влияния сформировало основу феномена, который позднее назовут «японским экономическим чудом».

Материал и методы. Материалом для исследования послужили ключевые историко-правовые документы (Конституция 1947 г., Договор безопасности 1951 г.) и экономические данные периода Бреттон-Вудской системы. Методологическую основу составили: сравнительно-исторический метод для анализа послевоенной трансформации, а также анализ правового и финансового дискурсов для изучения влияния фиксированного курса и статьи 9 Конституции на экономическое развитие Японии.

Результаты и их обсуждение. Проведенное исследование показало, что «японское экономическое чудо» стало результатом уникальной комбинации правовых реформ и финансового влияния США. Статья 9 Конституции (отказ от вооруженных сил) создала стратегическую потребность в гарантиях безопасности, которые обменивались на доступ к рынку и критически важную финансовую поддержку. Фиксированный курс 360 иен за доллар выступил стабильной основой для экспортноориентированного роста до 1971 года. Упразднение этого курса вынудило японские корпорации перейти к новому технологическому и финансовому дискурсу, сделав ставку на инновации и наукоемкое производство.

Одним из ключевых правовых элементов послевоенной трансформации стали поправки в конституцию 1947 года, формально являющиеся пересмотром Конституции Мэйдзи, но фактически полностью переосмысляющие направления как внутренней, так и внешней политики. Особую роль играла статья 9, оцениваемая не только как попытка отринуть недавнее милитаристское прошлое, но и закрепляющая отказ государства от создания и поддержания вооруженных сил как средства решения международных конфликтов. Новая норма изменила правовой дискурс Японии, создав потребность в международных гарантиях безопасности, что стало основной стратегической точкой взаимодействия с США.

В условиях резкого развития социализма на востоке, возрастало напряжение. Соединенные Штаты, стремились к формированию отношений с капиталистическим партнером в Азии, коих было не много. Премьер-министр Сигэру Ёсида, считал основным направление на экономическое восстановление, использовал нужду США в оплоте на азиатской

части материка как ресурс для перезапуска японской экономики. Японо-американский договор безопасности от 8 сентября 1951 года сформировал взаимовыгодную модель: Япония одобрила размещение военных баз и войск США на своей территории, а США, в свою очередь, предоставляли гарантии безопасности, вход на американский рынок и критически важную для Японии финансовую поддержку.

Важный инструмент поддержки – фиксированность курса, 360 иен за доллар, действовавший в рамках Бреттон-Вудской системы. С точки зрения финансового дискурса именно фиксированный курс выступал стабильной основой для экспортноориентированного роста: предприятия могли планировать долгосрочные инвестиции, а государство – проводить предсказуемую промышленную политику, ориентированную на внешние рынки.

Ограниченность природных ресурсов, небольшой внутренний спрос и малые доходы населения усилили значимость международных торговых отношений. К середине 1950-х годов японские компании массово перестраивали производство под внешние рынки, фокусируясь на товарах низкой и средней наукоемкости – текстиле, простом оборудовании, комплектующих. С 1950 по 1964 год экспорт увеличивался в среднем на 17% ежегодно, что, несмотря на сохранившийся дефицит торгового баланса, создавало устойчивый промышленный рост.

Однако, модель не выдержала глобальные перемены валютных курсов. После «никсоновского шока» 1971 года, США прекратили неограниченную конвертацию доллара в золото, что положило конец Бреттон-Вудской валютной системе, в результате которой фиксированный курс йены, продержавшийся два десятилетия, был упразднен. Йена укреплялась на международном валютном рынке. Последовало резкое снижение ценовой конкурентоспособности японских товаров, вынудившее предприятия переходить к выпуску высокотехнологичной продукции.

Кризис стал ключевой точкой в формировании нового финансового и технологического дискурса японской экономики – дискурса, основанного на инновациях, капиталоемком производстве и глобальной интеграции технологий.

Высокая иена, несмотря на риски, создавала возможность приобретать зарубежные патенты и оборудование по сравнительно низкой цене в пересчете на национальную валюту. Именно в этот период японские корпорации сделали ставку на наукоемкие отрасли. Так, Sony ещё в конце 1960-х инвестировала в микроэлектронику, что позволило ей в 1979 году представить Walkman TPS-L2 – кассетный плеер, ознаменовавший новую веху в японской экономике. Продажи были невероятно успешны: продано более 200 миллионов экземпляров.

Финансовая стратегия компании включала закупку передовых производственных линий в США и Европе, что укрепило инновационность и распространение по миру.

Схожий путь выбрала и Honda, в 1972 году презентовав Honda Civic – технологически совершенный и экономичный автомобиль того времени, соответствующий американским экологическим стандартам. Укрепление йены подтолкнуло Honda к локализации производства в США, ставшее примером адаптивной финансово-инвестиционной политики: в 1979 году открылся первый завод компании в штате Огайо.

Японское экономическое чудо – результат взаимодействия стратегических международных соглашений, правовой реформы, финансовой стабилизации и экспортной ориентации. Влияние США проявилось во многих аспектах жизни страны, формировало среду, в которой произошло становление Японии технологическим гигантом того времени. Опыт подобных взаимодействий остается важным для современного исследования способов формирования стабильных финансовых и правовых дискурсов в условиях внешнеэкономической зависимости и глобальных валютных трансформаций.

Заключение. Исследование подтвердило, что «японское экономическое чудо» стало результатом уникального взаимодействия правовой реформы, зафиксированной в Статье 9 Конституции, и целенаправленной финансовой политики, основанной на поддержке США и фиксированном валютном курсе. Упразднение Бреттон-Вудской системы

в 1971 году стало ключевой точкой, вынудившей Японию трансформировать свой финансовый дискурс, сместив фокус с экспортной ориентации на развитие наукоемких технологий и инноваций. Опыт Японии демонстрирует важность адаптивной финансово-правовой стратегии в условиях внешней зависимости и глобальных валютных трансформаций для достижения долгосрочной экономической устойчивости.

1.Total Value of Exports and Imports (1950-) // Trade Statistics of Japan. Ministry of Finance. URL: https://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/nenbet_e.htm (датаобращения: 08.11.2025).

2.Security Treaty Between Japan and the United States of America // WorldJPN. 1951. URL: https://worldjpn.net/documents/texts/docs/19510908.T2E.html (дата обращения: 08.11.2025).

3.The Constitution of Japan // Prime Minister of Japan and His Cabinet. URL: https://japan.kantei.go.jp/constitution_and_government_of_japan/constitution_e.html (дата обращения: 08.11.2025).

4.End Of An Era: Sony Stops Manufacturing Cassette Walkmans // TechCrunch. 2010. 22 October. URL: https://techcrunch.com/2010/10/22/an-era-ends-sony-stops-manufacturing-cassette-walkmans/ (дата обращения: 08.11.2025).

5.Honda celebrates 40 years of production at Anna Engine Plant in Ohio // Automotive World. URL: https://www.automotiveworld.com/news-releases/honda-celebrates-40-years-of-production-at-anna-engine-plant-in-ohio/ (дата обращения: 08.11.2025).

6.American aid and the reconstruction of the Japanese economy // OpenEdition Books. URL: https://books.openedition.org/igpde/14912?lang=en (дата обращения: 08.11.2025).

THE IMAGE OF A LAWYER IN MASS CULTURE: MYTH OR REALITY

Goncharenko S.R., Mokrushina N.S.,
4th-year students Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
Scientific supervisor – Kuznetsova Yu.A., Candidate of Philology, Associate Professor

Keywords. Lawyer, movies, justice, court, law, case, image.

Introduction. Lawyers are regularly portrayed in popular culture, including novels, true crime stories, movies, serials and TV shows. When people think of a lawyer, they often imagine a person in a black suit, with a serious face, speaking very confidently and persuasively in court. According to most people, good lawyers don't make mistakes, also they have to know all the laws and win all their cases in court. Many of these stereotypes were created under the influence of movies and TV shows, but is this picture true to real life? The aim of this article is to analyze the stereotypical image of a lawyer presented in mass culture, and to compare it with the real qualities and professional activities of lawyers.

Methods. For this purpose, the article explores the image of lawyers in movies and serials, identifying their characteristics (appearance, personality traits, motivation etc.). These characteristics will be compared with the image of lawyers in real life, that is associated with various specializations, the routine nature of the work, and professional competencies.

Results and discussion. Several studies in this field have indicated that images of lawyers in movies are highly stereotypical and have no connection with the real legal profession [1, 2]. Researchers also express some worries that movies strongly influence public opinion and promote negative and wrong image of lawyers in society [2]. As Stefan Machura noted in his work *An Analysis Scheme for Law Films* "law films in their majority take the stance that the quality of the people decides on the quality of the courts. But justice heavily depends on righteous legal professionals" [3].

Our research is based on a comparative analysis. The following movies and serials were selected for our study: "Justice for all" (1979), "A Few Good Men" (1992), "The Verdict" (1992), "The Devil's Advocate" (1997), "Liar, Liar" (1997), "Erin Brockovich" (2000), "Legally Blonde" (2001), "The Lincoln Lawyer" (2011), "The Firm" (2012), "Miss Sloane" (2016), "Dark Waters" (2019).

Our analysis has shown that movies often create and follow stereotypical picture of a lawyer. In many movies, lawyers are depicted as smart, brave, and confident people who wear elegant suits and speak eloquently and persuasively.

In the movies “A Few Good Men” (1992), “The Verdict” (1992), “Miss Sloane” (2016) the lawyer is portrayed as a fighter for justice, standing against a corrupt system. Their professional duty turns into a personal mission. Each of these films ends with a flawless and captivating speech by the lawyers in court. At the same time, there is no mandatory work with evidence, which gives the impression that the law is a stage for personal moral triumph.

In other famous movies like “The Devil’s Advocate” (1997), “The Firm” (2012), “Justice for all” (1992), “The Lincoln Lawyer” (2011), “Dark Waters” (2019) lawyers are portrayed not only as heroes, but also as victims of the system. These characters want to achieve success and rapid career growth. However, they realize during their legal practice that working for a client requires a lot of moral strength. The legal system promised them wealth and status, but in the end, it deprived them of their freedom of choice and moral principles.

The movies «Legally Blonde» (2001), «Liar, Liar» (1997), «Erin Brockovich» (2000), portray the unusual image of a lawyer. The main characters do not fit the traditional images of legal professional: Elle Woods is underestimated for her appearance, Erin Brockovich has no legal education and Fletcher Reed is a pathological liar. However, their success depends not on following legal formalities, but on the most important human qualities: empathy, honesty, and perseverance. These images of lawyers change the stereotypes of what a good lawyer should be like, suggesting that justice can be achieved through humanity.

In reality, lawyers do not match the image from movies. Based on the examples given, we can say that in movies lawyers are often shown as strong and intelligent people who often look like heroes. But in real life, their work is not always so dramatic, real lawyers are normal people who very often perform routine tasks. Some of them work in big companies and deal with business problems, while others work for the government or help poor people for free. There are also lawyers who never go to court – they read many documents, draft legal papers such as contracts and work quietly in offices.

Many people think that lawyers are rich and powerful, but this is not always true, because some lawyers earn a lot of money, while others have simple lives. What really makes a lawyer “good” is not money or status, but the wish to protect people and achieve justice. A good lawyer must communicate well with people and understand people of different social status, they need to have such qualities as patience, honesty, and carefulness. Sometimes lawyers work long hours and feel very tired as their work requires a lot of effort to achieve the desired result. They must also continue to study new laws, because the world and legislation are always changing.

Conclusion. So, this study has shown that the image of a lawyer depicted in mass culture is more of a dream than reality, because no one is perfect, all lawyers are different people with their strengths and weaknesses, their successes and failures, their own problems and every lawyer can make mistakes, feel nervous, or lose a case. It is important to remember that behind the perfect image of a good lawyer, there is always a real person who works hard and believes in justice.

1. Asimow, M. Bad Lawyers in the Movies // Nova Law Review. – 2000. – Vol. 24. – P. 533-584.
2. Greenfield, S., Osborn, G., Robson, P. Film and the Law: the cinema of justice. – 2010. – 358 p.
3. Machura, S., An Analysis Scheme for Law Films. // University of Baltimore Law Revue. – 2007. – Vol. 36. – P. 329-345.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ТУРИЗМА

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ТЕКСТОВ СПОРТИВНОЙ СФЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ)

Афанасьева В.Д.,
студентка 4 курса Государственного социально-гуманитарного университета,
г. Коломна, Российская Федерация
Научный руководитель – Резцова С.А., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Официально-деловой стиль, термины, фигурное катание, перевод, переводческие трансформации.

Keywords. The style of official documents, terms, figure skating, translation, translation transformations.

На протяжении многих лет спорт занимает особое место в жизни человека. В наше время актуальность спорта возросла по причине постоянного развития физических возможностей человека и растущего интереса к спорту со стороны средств массовой информации. Спортивные соревнования транслируются по телевизору, радио и выходят на первые страницы новостных газет.

История фигурного катания началась в середине прошлого тысячелетия в Европе. Фигурное катание – это один из самых завораживающих олимпийских видов спорта. В нем соревнуются как мужчины, так и женщины. Спортсмен или пара спортсменов катаются на коньках, выполняя набор специальных элементов под музыку. Чем качественнее будут выполнены элементы, тем выше будет оценка.

В середине прошлого тысячелетия в Европе зародилось Фигурное катание. Распространилось оно как развлечение – вырисовывать различные фигуры по замерзшей воде. Однако история появления самих коньков началась задолго до этого. Это произошло более трех тысяч лет назад, когда люди привязывали к ногам крупные кости животных для перемещения по льду. И так «костяные коньки использовались на протяжении многих веков до середины прошлого тысячелетия». С эволюцией коньков, началась история фигурного катания.

Материал и методы. Материалом данного исследования спортивной терминологии послужил документ Международного союза конькобежцев: «Special Regulations and Technical Rules Single and Pair Skating and Ice Dance 2024» by ISU [https://www.isu.org/]. Для анализа лингвистических и культурологических особенностей спортивных терминов авторы обращаются как к теоретическим методам (обобщение и классификация), так и к методу сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты и их обсуждение. Вышеупомянутый документ, составлен в официально-деловом стиле. Официально-деловой стиль является языковым инструментом, используемым в правовой и административно-общественной деятельности. Он применяется при составлении юридических документов, деловых бумаг, официальной переписки, а также в различных формах делового устного общения, особенно в государственных учреждениях и судебных органах.

В учебном пособии «Культура русской деловой речи» М. Е. Ляпидовская определяет официально-деловой стиль как «разновидность современного русского литературного языка, для которого характерны официальность, подчёркнутая объективность, точность, логичность, лаконичность, отсутствие эмоциональности, регламентированность, стремление к языковому стандарту».

Несмотря на разнообразие жанров и уровней сложности, официально-деловой стиль имеет ряд общих характеристик. К ним относятся:

- четкость и однозначность: изложение должно быть настолько точным, чтобы исключить любые разночтения.
- детализация: информация представляется максимально подробно.
- стандартизация: используются общепринятые, шаблонные формы и выражения.
- предписывающий характер: текст содержит указания и требования, выраженные в императивной форме.

Объектом исследования данной работы являются термины. Официально-деловой стиль всегда наполнен терминологией. Однако в лингвистике до сих пор нет единого определения понятия «термин».

По своей сути термин является очень сложным и неоднозначным понятием. Разные ученые интерпретируют термин по-разному. Некоторые исследователи считают термин лексемой, обладающей довольно специфическим значением с научным прикладным характером. Иные исследователи видят в термине специфическую разновидность лексемы. Другие исследователи склонны считать термин хранителем определенной научно значимой, идейной информации.

Перевод терминологии фигурного катания имеет лексические и культурные сложности перевода, что связано со спецификой этого вида спорта. Рассмотрим некоторые проблемы перевода данной терминологии.

1. Отсутствие прямых эквивалентов перевода. Большинство терминов фигурного катания заимствованы из других языков и не имеют точных аналогов в русском, из чего следует необходимость переводчика выбирать способ перевода: транслитерацию, калькирование или описательный перевод, однако это может привести к потере точности или усложнению восприятия. Например, «Twizzle» – переводится описательно как «быстрое вращение с перемещением», но в профессиональной среде используется транслитерированная форма «твизл». Рассмотрим еще один пример: прыжок «Lutz» – сохраняет оригинальное название «лутц», так как является именем собственным (от имени австрийского фигуриста Алоиза Лутца).

2. Многозначность терминов. Некоторые термины имеют несколько значений в рамках фигурного катания. В таких случаях переводчику необходимо знать контекст документа, чтобы предотвратить допущение ошибки в переводе. Рассмотрим слово «loop»: в одиночном катании – прыжок «риттбергер». Однако в парном катании – элемент «петля». Еще одни примером является слово «edge»: ребро конька (внешнее/внутреннее). Другим возможным переводом является грань выполнения элемента (например, «clean edge» – чистое ребро).

3. Аббревиатуры и стандартизированные формулировки. Иногда аббревиатуры и формулировки используемые в ISU могут быть не понятны без дополнительного пояснения. Отсюда возникает проблема сохранения унификации терминов в международных документах. «GOE» (Grade of Execution) – «оценка за исполнение». «PCS» (Program Component Score) – «оценка за компоненты программы».

Заключение. Таким образом, мы можем сделать выводы, что современная спортивная лексика имеет большое количество терминов. Особенностью спортивной терминологии является то, что она не принадлежит определенной профессии и может использоваться в различных областях языка. Проблемы, связанные с переводом английских спортивных текстов на русский язык заключаются в сложности передачи имен собственных и сокращений.

1. Официальный сайт International Skating Union. URL: https://www.isu.org/ (дата обращения: 14.11.2024)
2. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Ю.Р. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
3. Ляпидовская, Марина Евгеньевна Культура русской деловой речи. Учебное пособие / М.Е. Ляпидовская. – Санкт-Петербург : РГГМУ, 2021. – 190 с.
4. Подольская Н.В., Словарь русской ономастической терминологии, - «Наука» 117485, Москва, 1978. – 198 с.
5. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. — 3-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2003. - 832 с.
6. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, С48 Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип.- М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 4. С-Я., 1988. 800 с.

АНАЛИЗ МОТИВОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВЫБОР ЖЕНЩИНАМИ ДЖАМПИНГ-ФИТНЕСА

Воронько В.А.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Малах О.Н., канд. биол. наук, доцент

Ключевые слова. Джампинг-фитнес, фитнес, мотив, женщины, физическая активность.

Keywords. Jumping fitness, fitness, motivation, women, physical activity.

В условиях современной урбанизации и возрастающего уровня стресса, фитнес становится ключевым элементом здорового образа жизни [1]. Стремление к поддержанию физического здоровья, эстетического внешнего вида и психологического благополучия стимулирует развитие разнообразных фитнес-направлений. Одним из наиболее перспективных и динамично развивающихся видов фитнеса является джампинг-фитнес, представляющий собой инновационную методику тренировок с использованием минибатутов, которая сочетает элементы аэробных и силовых нагрузок, а также способствует эмоциональному благополучию.

Данный вид физической активности привлекает все больше сторонников благодаря своим уникальным преимуществам, таким как низкая ударная нагрузка на суставы, высокая эффективность в снижении массы тела, улучшение лимфодренажных процессов и положительное влияние на психоэмоциональное состояние. Однако, несмотря на растущий спрос, недостаточно изучены мотивационные факторы, побуждающие людей к занятиям джампинг-фитнесом. В связи с этим целью исследования является анализ мотивационных факторов, влияющих на выбор джампинг-фитнеса в качестве основного вида физической активности.

Материал и методы. Для реализации поставленной цели была разработана анкета для женщин, занимающихся джампинг-фитнесом. Возрастная категория респондентов варьировала от 25 до 38 лет. Большинство из них (73,3%) являлись работающими женщинами. Доля домохозяек составляла 13,3%, а 13,4% находились в декретном отпуске.

Результаты и их обсуждение. На основании анализа ответов респондентов можно отметить, что из-за графиков работы и отсутствия возможности оставить маленького ребенка, некоторые женщины (53,3%) находят два дня в неделю наиболее подходящим вариантом для достижения своих фитнес-целей. Однако есть и те (20%), кто посещает занятия один раз в неделю, рассматривая джампинг как дополнительный вид активности.

Большинство женщин (46,7%) указали, что для них крайне важен внешний вид и фигура. Ещё 40% отметили значимость данного фактора, в то время как 13% не придают ему значения.

Аналогично предыдущему вопросу, большинство женщин (33%) считают снижение веса важным аспектом, а 20% — нейтральным. Это свидетельствует о том, что значительная часть опрошенных удовлетворена своим текущим весом. Вместе с тем, 50% респондентов стремятся снизить вес, а еще 50% предпочитают его поддерживать. Следовательно, доминирующие мотивы женщин связаны в первую очередь с эстетическими и физическими целями: снижение жировой массы тела (92,9%), общий эстетический визуальный эффект (86,7%), улучшение фигуры и пропорций, а также повышение привлекательности.

Большинство респондентов (46,7%) указывают на важность занятий как средства снятия стресса и улучшения настроения. Женщины отмечают, что занятия фитнесом положительно влияют на их эмоциональное состояние. Следовательно, психологические аспекты также играют значительную роль: снятие стресса, улучшение настроения, повышение уверенности в себе и преодоление тревоги являются важными факторами регулярных занятий.

Социальные мотивы (общение, поиск новых друзей, соответствие модным тенденциям) оказались менее значимыми. Большинство респондентов нейтрально или отрицательно относятся к социальной составляющей фитнеса. Результаты опроса показывают, что женщины не стремятся к активному поиску новых социальных связей в рамках фитнес-активности.

Самодисциплина и личностное развитие высоко ценятся среди опрошенных, тогда как соревновательные цели практически не являются мотиватором.

Заключение. Основу мотивации женщин к занятиям джампинг-фитнесом составляют стремление к улучшению внешнего вида, коррекции фигуры, а также поддержанию психоэмоционального баланса. Полученные данные могут быть использованы для оптимизации фитнес-программ, повышения их эффективности и привлекательности для целевой аудитории.

1. Трофимова, О.С. Методика комплексного применения аэробных программ на занятиях с женщинами 30–35 лет / О.С. Трофимова, Е.А. Мазуренко // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. - 2023. - № 6 (220). - С. 427–430.

СВЯЗЬ ВРЕМЕНИ ЭЛЕМЕНТА ТРОЙНОГО ПРЫЖКА С РЕЗУЛЬТАТОМ

Голякович А.А.,
студент 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Тишутин Н.А., преподаватель

Ключевые слова. Тройной прыжок, корреляция, шаг, прыжок, отталкивание, полет.
Keywords. Triple jump, correlation, step, jump, take-off, flight.

Тройной прыжок справедливо считается одной из наиболее сложнокоординационных дисциплин в легкой атлетике, где конечный результат напрямую зависит от эффективного выполнения всех фаз прыжка. В современных условиях непрерывного роста спортивных достижений особую актуальность приобретает поиск ключевых элементов техники, в наибольшей степени обуславливающих спортивный результат [1]. Это позволяет оптимизировать тренировочный процесс, сосредотачивая внимание на отработке наиболее значимых компонентов упражнения.

Цель исследования: проанализировать взаимосвязь между временными характеристиками основных элементов тройного прыжка и его итоговым результатом.

Материал и методы. В качестве исходных данных для исследования были использованы видеозаписи финальных попыток в тройном прыжке среди мужчин в рамках Чемпионата мира по легкой атлетике 2022 года. Выборка состояла из 20 успешных (засчитанных) попыток, выполненных атлетами высшего уровня. Данный подход обеспечил репрезентативность данных и позволил анализировать технику в условиях максимальной соревновательной нагрузки.

Анализ видеозаписей проводился с применением специализированного программного обеспечения для биомеханического анализа «Kinovea». В рамках анализа для каждой из трех фаз прыжка – «скачка», «шага» и «прыжка» – с точностью до миллисекунды (мс) определялась ее выполнения. Процедура измерения временного параметра для каждой фазы была стандартизирована и заключалась в следующем: началом фазы считался кадр первого касания дорожки опорной ногой после фазы полета; окончанием фазы считался кадр полного отрыва этой же ноги от дорожки для перехода к следующей фазе полета. Время выполнения фазы рассчитывалось как временной интервал между этими двумя событиями.

Обработка данных и статистический анализ проводились с использованием программного пакета Microsoft Excel 2010. Для оценки силы и направленности взаимосвязи между временем выполнения каждой фазы прыжка и общим результатом был применен

непараметрический коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Интерпретация силы полученных корреляционных связей осуществлялась на основе шкалы Чеддока.

Результаты и их обсуждение. Проведя корреляционный анализ установлено: связь времени скачка с результатом оказалось равной 0,324, времени шага с результатом – 0,138, времени прыжка с результатом – 0,369. Наиболее высокий показатель корреляции (взаимосвязи) между результатом и временем прыжка, наименьший между результатом и временем шага (рисунок).

Рисунок – Сила и направленность корреляционных связей

Полученные данные согласуются с теорией тройного прыжка, где последняя фаза – прыжок – является ключевой для реализации накопленной скорости [2]. Более длительный контакт с опорой в этой фазе свидетельствует о потере горизонтальной скорости, что напрямую негативно сказывается на конечном результате. Слабая связь в фазе шага может объясняться ее ролью как связующего элемента, где техника сохранения ритма и равновесия может быть важнее минимального времени опоры.

Наиболее сильная из обнаруженных взаимосвязей наблюдается между временем выполнения фазы прыжка и результатом тройного прыжка. Все корреляции являются положительными, что означает повышение времени выполнения отдельных элементов прыжка приводит к возрастанию итогового результата тройного.

Заключение. Проведенное исследование выявило, что время выполнения фазы прыжка в тройном прыжке имеет наиболее сильную положительную связь с итоговым результатом, тогда время шага демонстрирует слабую зависимость. Полученные данные согласуются с теоретическими представлениями о ключевой роли заключительной фазы в реализации горизонтальной скорости. Полученные данные могут быть полезны для тренеров и спортсменов, которые должны целенаправленно сосредоточивать внимание на сокращении времени опоры в заключительной фазе прыжка для повышения эффективности техники и роста результатов.

1. Пивовар, И. Е. Основные особенности спортивного отбора в циклических видах спорта на примере спортивной ходьбы / И. Е. Пивовар // Общественные и гуманитарные науки. Военная подготовка : материалы 89-й научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов (с международным участием), Минск, 3 – 18 февраля 2025 г. – Минск : БГТУ, 2025. – С. 539–543.

2. Мехрикадзе, В. В. Прыжки в длину с места (техника, обучение) : учебное пособие для студентов, обучающихся дисциплине: «Теория и методика спортивной тренировки в избранном виде спорта, легкая атлетика», Направление подготовки 49.03.04; «Теория и методика обучения базовым видам спорта, легкая атлетика», Направление подготовки 49.03.01 «Физическая культура» / В. В. Мехрикадзе, О. Б. Немцев, Б. В. Ермолаев, Э. П. Позюбанов ; ФГБОУ ВО «МГАФК». – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. – 162 с.

ВЛИЯНИЕ ГРУППОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТИЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ НА РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ И СПЛОЧЕННОСТЬ УЧЕБНОГО КОЛЛЕКТИВА

Дехтяр В.С.,
студент 3 курса Омского государственного педагогического университета,
г. Омск, Российская Федерация
Научный руководитель – Смирнова Е.И., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Групповые формы занятий физической культурой, развитие коммуникативных навыков школьников, сплоченность школьного коллектива.

Keywords. Group forms of physical education classes, development of communication skills of schoolchildren, cohesion of the school team.

В условиях цифровизации и роста индивидуализма у школьников снижается способность к живому взаимодействию, эмпатии и коллективной деятельности. В число практических результатов обучения по предмету "Физическая культура" входит формирование у школьников умений в общении и взаимодействии, организации совместной деятельности [1]. Однако многие учителя физической культуры фокусируются на двигательных навыках, недооценивая воспитательный и коммуникативный аспект групповых заданий.

Цель исследования: охарактеризовать коммуникативные умения, проявляемые школьниками на уроках физической культурой; определить возможности групповых форм занятий физической культурой в развитии коммуникативных навыков учащихся и сплоченности учебного коллектива. Задачи исследования: проанализировать результаты анкетирования школьников по вопросам сплоченности на занятиях физической культурой; сформулировать практические рекомендации для педагогов по организации групповых занятий физической культурой с учётом коммуникативно-сплочающего эффекта.

Материал и методы. Наиболее распространенными формами проявления дружеских взаимоотношений на уроках физической культурой являются: помощь товарищу, согласованные действия при выполнении общего двигательного задания, взаимоконтроль за качеством движений, ответственность за принятые решения перед партнерами по команде. Ученики осознают принадлежность к коллективу и учатся управлять своим поведением. Высокое эмоциональное напряжение, которое сопровождает занятия физическими упражнениями, содействует закреплению нравственных представлений в чувствах, переживаниях, привычках [2].

На занятиях физической культурой школьники могут демонстрировать свое умение формулировать идеи, аргументировать позицию, использовать вербальные и невербальные средства общения; умение контролировать эмоции в стрессовых ситуациях, способность сохранять спокойствие и рациональность; умение мотивировать команду, принимать решения, организовывать действия других участников; проявление доброжелательности, честности, справедливости по отношению к членам своей команды и команды соперника как на поле, так и за его пределами [3].

В процессе физкультурной деятельности, особенно в коллективных играх у обучающихся формируются умения, необходимые для доброжелательного отношения друг к другу, воспитывается вежливость в общении, манера поведения [4].

Результаты и их обсуждение. Мнение школьников среднего звена (14-17 лет) о влиянии занятий физической культурой и спортом на сплочение коллектива было изучено при помощи анкетирования. В опросе приняли участие 30 школьников учебных заведений г. Омска. Приведем результаты опроса.

- Как часто вы предпочитаете заниматься физической культурой в группе (команде), а не индивидуально? Всегда предпочитают индивидуальные занятия 30% опрошенных, 25% ответили «Чаще индивидуально, чем в группе», 40% опрошенных ответили «Чаще в группе», 5% – «Всегда в группе».

• Насколько вы чувствуете себя частью команды на занятиях физической культурой? «Средне» ответили 56% учеников, 25% выбрали вариант «Слабо» и только 18% ответ «Сильно».

• Что вам мешает комфортно заниматься в группе? Наиболее популярными ответами стали «Стеснение», «Нарушение другими учащимися дисциплины», «Недостаточный уровень физической подготовки» и «Страх попасть в неловкую ситуацию».

• Согласны ли вы с утверждением: «Во время групповых заданий я чаще общаюсь с одноклассниками, чем на других уроках»? «Да» ответили 56% опрошенных.

• Как часто вы даете партнерам по команде словесные подсказки или поддержку во время упражнения? По 31% опрошенных выбрали ответы «Всегда» и «Иногда», 25% ответили «Часто», 13% ответили «Редко».

• Как вы обычно реагируете, если партнер по команде ошибается? «Делаю замечание» – 6% опрошенных, «Поддерживаю словами» – 93%, «Молчу, не обращаю внимания» – 1%.

• Как часто вы помогаете одноклассникам, если видите, что у них не получается упражнение? «Иногда» - 37% опрошенных, «Часто» - 31%, «Всегда» - 25%.

• Считаете ли вы, что совместные занятия физической культурой улучшают отношения в классе? «Скорее да» - 69% опрошенных, «Точно да» - 19%, «Не уверен» - 13%.

• Если в команде возникает разногласие, как вы обычно поступаете? (выберите до двух вариантов ответа). «Стараюсь уступить» - 25% опрошенных, «Предлагаю компромисс» - 69%, «Отстаиваю свою точку зрения» - 19%, «Избегаю конфликта» - 31%.

• После удачных командных упражнений вы чувствуете гордость за свою группу? «Всегда» - 38%, «Часто» - 44%, «Иногда» - 19%.

Заключение. Анализ результатов анкетирования подтверждает тезис о том, что современные дети испытывают трудности общения, многие из них предпочитают индивидуальные формы занятий физической культурой, поскольку не очень уверенно чувствуют себя в группе, испытывают стеснение, страх попасть в неловкую ситуацию.

В тоже время большинство школьников осознает, что физкультура способствует укреплению межличностных связей в коллективе.

Опираясь на анализ литературных источников [2, 3, 4] и результаты анкетирования, можно заявить, что занятия физической культурой создают естественную среду для коммуникации школьников, в этой среде доминирует культура взаимопомощи и позитивного подкрепления, что способствует формированию доверительных отношений между учащимися. Учащиеся обучаются зрелой стратегии урегулирования разногласий, ориентируясь на сотрудничество, а не конфликт.

Физкультура способствует:

• Формированию навыков поддержки (93% учащихся помогают партнёрам);

• Освоению конструктивных стратегий общения (69 % ищут компромисс);

• Развитию эмпатии (93% поддерживают других учеников при ошибках).

Однако для достижения подобных результатов учителям необходимо соблюдать несколько принципов. Анализ психолого-педагогической литературы позволил сформулировать основные из них:

• Равенство участия: каждый ученик должен быть в роли «лидера» и «исполнителя» в разных заданиях, чтобы избежать доминирования одного ученика над другими.

• Ясные правила: необходимо проговаривать не только технические, но и коммуникативные нормы: «говорим по делу», «поддерживаем, а не критикуем», «слушаем партнёра».

• Рефлексия после действия: 3–5 минут на обсуждение: «Что помогло команде?», «Как мы решали разногласия?», «Кто проявил инициативу?». Анализ ошибок должен быть командным процессом: «Как мы можем сделать лучше в следующий раз?», а не «Кто виноват?».

Критерии успешной коммуникации на уроке:

• Учащиеся сами договариваются о ролях без подсказки учителя.

• В команде звучат фразы: «Давай попробуем так…», «Я помогу».
• После неудач группа не обвиняет, а ищет решение.
• Увеличивается число добровольных предложений помощи.
Необходимо избегать:
• Публичного сравнения команд/учеников.
• Долгих монологов учителя вместо диалога.
• Задания, где успех зависит от 1–2 «сильных» участников.
• Игнорирования конфликтов.
Дополнительные инструменты:
• Дневник группы. Краткая запись: «Сегодня мы научились…», «Нам мешало…».
• Визуальные маркеры. Стикеры для тех, кто проявил поддержку; доска «Команда дня».
• Анонимные записки. «Что мне понравилось/не понравилось в сегодняшнем задании?» - для честной обратной связи.

Таким образом, учителям следует помнить, что уроки физической культуры в школе нацелены не только на решение двигательных задач, но и развитие личностных характеристик, универсальных умений, предусмотренных образовательными стандартами. И формировать содержание, соблюдать принципы, использовать методы и методические приемы, нацеленные на решение этих задач.

1. Федеральная рабочая программа по учебному предмету «Физическая культура» для 5–9 классов образовательных организаций. – М., 2023. – 248 с. - URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp-fizicheskaya-kultura_5-9-klassy.pdf (дата обращения: 01.11.2025).
2. Литвинова В. Средства развития коммуникативных качеств у обучающихся 13-15 лет на уроке физической культуры / В. Литвинова. — URL: https://infourok.ru/user/9767903/blog/sredstva-razvitiya-kommunikativnyh-kachestv-u-obuchayushihsya-13-15-let-na-uroke-fizicheskoj-kultury-277832.html (дата обращения: 01.11.2025).
3. Мараховская Н.В., Карахян И.Е. Средства физической культуры в развитии коммуникативных способностей студентов / Н.В. Мараховская, И.Е. Карахян // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. – 2017. – №1. – С. 23-26.
4. Петрова Н.А. Формирование коммуникативных УУД на уроках физической культуры в школе / Н.А. Петрова. – URL: https://nsportal.ru/shkola/fizkultura-i-sport/library/2017/12/04/formirovanie-kommunikativnyh-uud-na-urokah-fizicheskoy (дата обращения: 01.11.2025).

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СИЛОВЫХ ТРЕНИРОВОК НА СУШЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПОДВОДНОЙ ТЕХНИКИ ПЛОВЦОВ-ПОДРОСТКОВ

Дин Жуй,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Малах О.Н., канд. биол. наук, доцент

Ключевые слова. Пловцы-подростки, силовые тренировки, подводная техника пловцов, плавание, тренировка.
Keywords. Teenage swimmers, strength training, underwater swimming techniques, swimming, training.

Уровень спортивных достижений неуклонно растет, спортсмены демонстрируют все более «плотные» результаты. Зачастую эффективно выполненные движения играют решающую роль, обеспечивая преимущество уже в самом начале заплыва. Подготовка юных пловцов должна быть многогранной и разнонаправленной [1]. В связи с этим целью исследования является анализ представлений пловцов-подростков о влиянии силовых тренировок на суше на эффективность их подводной техники.

Материал и методы. В исследовании приняли участие 115 пловцов-подростков 12-15 лет мужского (53,91%) и женского (46,09%) пола. Для анализа их представлений о влиянии силовых тренировок на суше на эффективность подводной техники была разработана анкета.

Результаты и их обсуждение. Анализ данных анкетирования позволяет сделать предварительный вывод о том, что большинство спортсменов имеют базовые знания о силовых тренировках на суше, но не обладают систематическими знаниями. Только 21,74% спортсменов ответили, что «понимают очень хорошо», в то время как более 70% (71,30%) спортсменов имеют лишь «некоторое понимание».

При исследовании того, что, по мнению спортсменов, следует включить в силовые тренировки на суше (множественный выбор), силовые тренировки корпуса, взрывная сила нижних конечностей и силовые тренировки верхней части тела были признаны тремя наиболее важными элементами с коэффициентом выбора 89,57%, 85,22% и 80,00% соответственно.

Большинство спортсменов согласились с положительным влиянием силовых тренировок на суше на эффективность техники подводного плавания. 91,30% респондентов оценили их влияние как «очень значительное» или «довольно значительное».

Только 41,74% спортсменов тренируются 3-4 раза или чаще в неделю, в то время как более половины (58,26%) тренируются 2 раза или реже в неделю. Респонденты в целом согласились с тем, что силовые тренировки на суше улучшили показатели «старта и поворота» (88,70%) и «техники ног под водой» (например, баттерфляй, вольный стиль, 85,22%).

Основными каналами получения спортсменами знаний о силовых тренировках на суше являются «руководство тренера» (81,74%) и «общение со сверстниками» (45,22%), в то время как доля получения знаний через формальные каналы, такие как «профессиональные книги» (15,65%) и «научная литература» (5,22%), остается крайне низкой.

Заключение. Данные показывают, что, хотя современные юные пловцы в целом признают важность силовых тренировок на суше, сохраняются пробелы в систематическом планировании, частоте тренировок и приобретении теоретических знаний. В тренировочных программах особое внимание следует уделять научно обоснованным планам силовых тренировок на суше, дополненному теоретическому обучению для повышения эффективности техники плавания под водой.

1. Астапенко, И.Н. Методика совершенствование стартового прыжка в эстафетном плавании у пловцов высокой квалификации / И.Н. Астапенко, Е.С. Жукова // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма. ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта», г. Омск, Россия. – № 1. – 2019. – С. 169-176.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Залесская К.А.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Венскович Д.А., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Цифровой мониторинг, здоровье, цифровые технологии, образование, культура здоровья.

Keywords. Digital monitoring, health, digital technologies, education, health culture.

В условиях цифровизации образования и роста психофизических нагрузок на студентов особую актуальность приобретает вопрос сохранения здоровья молодежи. Студенческий возраст – это период интенсивного интеллектуального и личностного развития, когда формируются профессиональные установки, жизненные ориентиры и привычки, в том числе связанные с заботой о собственном здоровье. Современные обучающиеся проводят значительную часть времени в цифровой среде, что с одной стороны способствует развитию интеллектуальных способностей, но с другой – приводит к снижению физической активности, эмоциональному выгоранию и стрессу. Поэтому поиск эффективных инструментов для формирования культуры здоровья в образовательной среде является важным направлением развития.

Актуальность исследования заключается в необходимости внедрения инновационных подходов к профилактике нарушений здоровья студентов с использованием цифровых технологий, позволяющих осуществлять постоянный мониторинг физического и психоэмоционального состояния.

Цель работы – проанализировать возможности и перспективы применения цифрового мониторинга здоровья студентов как инструмента формирования культуры здоровья и повышения эффективности оздоровительной деятельности в образовательной среде.

Материал и методы. Цифровой мониторинг представляет собой систему сбора, анализа и визуализации данных о здоровье студентов с использованием мобильных приложений, носимых устройств (фитнес–браслеты, смарт–часы), онлайн–платформ и аналитических алгоритмов. Такие технологии позволяют контролировать уровень физической активности, качество сна, частоту сердечных сокращений, уровень стресса, а также получать рекомендации по питанию, режиму дня и физическим нагрузкам.

В работе применялись методы анализа научной литературы, систематизации данных о действующих цифровых системах, а также обобщение практического опыта внедрения подобных решений в вузах Беларуси и других стран.

Результаты и их обсуждение. Цифровой мониторинг – это инновационный подход, позволяющий с помощью мобильных приложений, носимых устройств и онлайн–сервисов отслеживать физическое и психоэмоциональное состояние обучающихся. Он способствует формированию мотивации к здоровому образу жизни, индивидуализации оздоровительных программ и повышению эффективности профилактики. Использование мобильных приложений и умных устройств может стимулировать мотивацию [3, с. 1]. Состояние здоровья влияет не только на самого человека, но и на его окружение, как через общение и психологическое самочувствие, так и через сохранение работоспособности [4, с. 30]. В ряде учреждений высшего образования Республики Беларусь и других стран уже внедряются системы, интегрированные с образовательной средой, где студенты могут отслеживать собственные показатели здоровья, участвовать в оздоровительных челленджах, получать консультации специалистов и вовлекаться в спортивно-просветительскую активность.

Ключевые преимущества цифрового мониторинга заключаются в его доступности, интерактивности и способности к персонализации. Студенты получают возможность не только наблюдать динамику своего состояния, но и самостоятельно корректировать поведение с учетом индивидуальных особенностей организма, режима обучения и личных целей. Это способствует развитию ответственности, саморегуляции. Дневник здоровья формирует такие положительные качества, как: настойчивость, трудолюбие и сила воли [2, с. 448]. Кроме того, цифровые технологии позволяют сотрудникам учреждений высшего образования оперативно выявлять группы риска, планировать оздоровительные мероприятия и оценивать их эффективность. Таким образом, цифровой мониторинг становится не только инструментом индивидуального оздоровления, но и частью системной профилактической работы в образовательной среде.

Однако важно учитывать и риски, связанные с внедрением цифровых технологий в сферу здоровья. Вопросы конфиденциальности данных, кибербезопасности и этики использования технологий требуют тщательного рассмотрения [1, с. 104]. Чрезмерная цифровая нагрузка, необходимость формирования цифровой грамотности у студентов и преподавателей также играют важную роль. Эффективное внедрение цифрового мониторинга требует комплексного подхода: нормативной базы, надёжной технической инфраструктуры, подготовки кадров и этической регламентации. Только при соблюдении этих условий цифровой мониторинг сможет выполнять свою оздоровительную функцию полноценно и безопасно, с пользой и высокой эффективностью для студентов и структур образования.

Цифровой мониторинг здоровья также способствует формированию культуры здоровья среди молодежи. Молодежь чувствует контроль над своей жизнью, понимает всю важность заботы о своём здоровье и может статистически посмотреть данные о своём состоянии и анализировать эти данные. Он делает заботу о здоровье частью повседневной жизни, интегрированной в образовательный процесс и социальную активность.

Студенты начинают воспринимать физическую активность, режим дня и психоэмоциональное благополучие как важные элементы личной эффективности и профессионального успеха, а также здорового духа. Это особенно важно в условиях быстро меняющегося мира, когда устойчивость, адаптивность и способность к саморегуляции становятся ключевыми компетенциями.

Заключение. Таким образом, цифровой мониторинг здоровья – это не просто технологическая новинка, а стратегический ресурс оздоровления студенческой молодежи. Дневник здоровья позволяет соединить профилактику, мотивацию и индивидуальный подход, формируя культуру здоровья в образовательной среде, помогает не только контролировать состояние организма, но и формировать полезные привычки, управлять стрессом и оптимизировать образ жизни. Цифровой мониторинг здоровья превращает запись показателей в системный инструмент для глубокого понимания работы организма. В условиях XXI века подобные технологии становятся базовым элементом устойчивого развития, где забота о здоровье выступает не разовым мероприятием, а неотъемлемой частью повседневной активности студенческой молодежи.

1. Инев, М. А. Ключевые тенденции цифровизации физической культуры и спорта на современном этапе / М. А. Инев, А. К. Фролова // *Мир педагогики и психологии.* – 2025. – № 3. – С. 103 – 105.
2. Ильинич, В. И. Физическая культура студента: учебник / под ред. В. И. Ильинича. – М.: Гардарики, 2000. – 448 с.
3. Воробьев, А. В. Использование мобильных приложений и умных устройств для мониторинга физической активности и здоровья / А. В. Воробьев // *Учитель здоровья России: материалы Всеросс. конкурса в свете реализации ФГОС.* – 2025. – С. 1.
4. Завьялов А. Е. Цифровые технологии, как фактор формирования здорового образа жизни / А. Е. Завьялов // *Социально–гуманитарные знания.* – 2023. – №10. – С. 30-31.

ВЛИЯНИЕ ТУРИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЯПОНИИ В МИРОВОМ СОЗНАНИИ

Идрисов А.Т.,
студент 3 курса Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
Научный руководитель – Гайнуллина Д.Т., ассистент

Ключевые слова. Туризм, Япония, формирование образа, мировое сознание, межкультурное взаимодействие, культурная коммуникация.

Keywords. Tourism, Japan, image formation, global consciousness, intercultural interaction, cultural communication.

Туризм является одним из ключевых факторов формирования образа страны в мировом сознании. Япония, как одна из наиболее посещаемых стран мира, активно использует туризм как средство презентации своей культуры, истории и ценностей на глобальной арене. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания того, как туристические потоки и туристический опыт влияют на восприятие Японии иностранцами и на формирование её международного имиджа. Целью данного исследования является выявление влияния туризма на формирование образа Японии в сознании иностранных туристов и определение ключевых факторов, способствующих этому процессу.

Материал и методы. Исследование основано на анализе официальных статистических данных, туристических маршрутов, посещаемых иностранными туристами, а также на изучении туристических достопримечательностей, служащих точками контакта между туристами и японской культурой. В качестве материала использовались данные туристической статистики, описания популярных туристических маршрутов (Киото, Осака, Токио, Нара), информация о значимых культурных объектах (храмы, святилища, замки, музеи). Методология включает компаративный анализ туристических направлений, анализ нарративов туристов об их опыте посещения Японии, а также изучение роли визуальных и культурных символов в процессе формирования образа страны. Применялись методы контент-анализа и культурно-семиотического анализа туристических объектов.

Результаты и их обсуждение. Исследование показало, что туризм оказывает существенное влияние на формирование образа Японии в мировом сознании через несколько ключевых механизмов.

В последние годы Япония переживает беспрецедентный рост туристических прибытий. По данным Японской национальной туристической организации (JNTO), в 2024 году Японию посетило рекордное количество иностранных туристов – 36,87 миллиона человек, что представляет увеличение на 47,1% по сравнению с 2023 годом и на 15,6% по сравнению с предыдущим рекордом 2019 года [1]. Расходы иностранных туристов в 2024 году достигли 8,1 триллиона йен (примерно 53,3 млрд долларов США), что на 69,2% превышает показатели 2019 года [2], демонстрируя не только количественный, но и качественный рост туристического спроса.

Эти цифры свидетельствуют о том, что туризм стал одной из наиболее значимых составляющих международного образа Японии. Масштабные потоки туристов из разных стран обеспечивают прямой контакт с японской культурой, создавая условия для формирования представлений об этой стране на основе личного опыта, а не стереотипов или медиа-нарративов. Средний расход туриста составляет около 227 тысяч йен (примерно 1493 доллара США) [3], что указывает на готовность туристов инвестировать в культурные впечатления и опыт.

Туристические маршруты служат каналом трансляции культурного кода Японии и формирования её образа в сознании иностранцев. Посещение исторических памятников и культурных объектов позволяет туристам непосредственно соприкасаться с японской духовной и исторической традицией, формируя представление о Японии как о стране, где древние традиции сосуществуют с современной модернизацией.

Киото, один из самых древних городов Японии, занимает ключевую позицию в туристическом ландшафте страны. По данным Японской туристической организации, Киото второй год подряд лидирует в рейтинге привлекательности среди 72 крупных туристических дестинаций Японии [4]. Город привлекает туристов своими 17 объектами всемирного наследия ЮНЕСКО, включая храм Кинкаку-дзи (Золотой павильон), святилище Фусими Инари с его знаменитыми красными воротами и древними святилищами. Эти достопримечательности служат визуальными символами, которые остаются в памяти туристов и становятся ассоциациями с Японией в глобальном сознании.

Япония в целом располагает 25 объектами всемирного наследия ЮНЕСКО (20 культурных и 5 природных), что подчёркивает её значение как центра сохранения человеческой культуры. Эти объекты не просто архитектурные памятники; они представляют собой точки контакта, где туристы непосредственно взаимодействуют с японской философией, духовностью и эстетическими представлениями. Посещение храмов и святилищ позволяет туристам понять синтоизм и буддизм, глубоко укоренённые в японской культуре, и осознать, как эти религиозные и философские системы формируют образ жизни современных японцев.

Туристический опыт оказывает глубокое влияние на восприятие и принятие японской эстетики, особенно концепции ваби-саби (侘寂) – философии, находящей красоту в несовершенстве, недолговечности и скромности. Взаимодействие туристов с материальной культурой – архитектурой храмов, традиционными садами, предметами изобразительного искусства – формирует понимание и признание японских ценностей, отличающихся от западных эстетических канонов [5].

Одним из наиболее значимых результатов туристического опыта является формирование образа Японии как страны, уникально сочетающей технологический прогресс с сохранением культурного консерватизма. Туристические маршруты обычно включают контраст между современным Токио с его небоскрёбами, роботами и высокотехнологичными системами, и историческими центрами – Киото, Нарой, Хиросимой – с их древними храмами и традиционной архитектурой.

Этот контраст позволяет туристам сформировать образ Японии как страны, которая не отвергает традиции в процессе модернизации, а интегрирует их в современную жизнь. Такой образ уникален в глобальном контексте и отличает Японию от других развитых стран, где модернизация часто ассоциируется с отказом от традиционных

ценностей. Стратегия "Cool Japan", реализуемая японским правительством с 2013 года [6], активно использует этот образ для мировой аудитории, позиционируя Японию как источник инноваций и культурного вдохновения.

Анализ географии туристических потоков показывает, что туризм влияет на формирование образа конкретных регионов Японии, которые затем транслируются на образ страны в целом. Главные туристические центры распределяются следующим образом: Токио (21,8 млн ночевок в год), Осака (13,9 млн), Хоккайдо (8,2 млн), Киото (5,7 млн) и Окинава (5,3 млн) [7].

Туризм не только влияет на внешний образ Японии, но также генерирует ресурсы для сохранения и восстановления культурного наследия. Прибыль от туризма используется для поддержки реставрации исторических памятников, создания музеев и культурных центров, организации культурных событий и фестивалей. Таким образом, туризм создаёт позитивный цикл, в котором культурное наследие привлекает туристов, туристические доходы сохраняют наследие, а сохранённое наследие продолжает привлекать новых туристов.

Заключение. Туризм играет значительную роль в формировании образа Японии в мировом сознании. Туристические маршруты и достопримечательности служат своеобразными "посредниками" между японской культурой и международной аудиторией, позволяя туристам сформировать собственное представление о стране на основе прямого опыта. Этот образ впоследствии транслируется в глобальное сознание через социальные сети, рассказы туристов и туристический контент. Результаты исследования демонстрируют потенциал туризма как инструмента мягкой культурной дипломатии и международного позиционирования страны. Дальнейшие исследования в этой области могут быть сосредоточены на анализе влияния цифровых технологий и социальных медиа на трансляцию образа Японии в туристическом контексте.

1. Международные туристы посетили Японию в рекордных масштабах – 36,87 млн человек в 2024 году // Travel Voice Japan. – 2025. – 19 января. – URL: https://travelvoice.jp (дата обращения: 05.11.2025).

2. Тенденции и статистика туризма в Японии 2024–2025 // Tourist Japan. – 2025. – 19 июля. – URL: https://touristjapan.com (дата обращения: 05.11.2025).

3. База данных туристической статистики JNTO. Сколько туристов посещает Японию каждый год? // Statistics JNTO. – 2025. – Обновлено: 19 мая. – URL: https://statistics.jnto.go.jp (дата обращения: 06.11.2025).

4. Киото признан наиболее популярным туристическим направлением среди 72 крупных городов Японии // Tour Japan. – 2024. – 31 декабря. – URL: https://tourjapan.ru (дата обращения: 06.11.2025).

5. Wabi-sabi, a spiritual and aesthetic concept // Japan Experience. – 2024. – 13 октября. – URL: https://japan-experience.com (дата обращения: 07.11.2025).

6. Cool Japan Strategy (Summary) // Cabinet Office of Japan. – Официальный документ о культурной дипломатии и стратегии мягкой силы. – URL: https://cao.go.jp (дата обращения: 07.11.2025).

7. Статистика ночевок туристов по префектурам // Statistics JNTO. – 2025. – URL: https://statistics.jnto.go.jp (дата обращения: 08.11.2025).

8. 訪日旅行のブランド・イメージに関する調査研究 (Исследование имиджа бренда «Япония – страна для путешествий») – официальное исследование министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии // Statistics MLIT. – 2015. – URL: https://www.mlit.go.jp/pri/houkoku/gaiyou/pdf/kkk126.pdf (дата обращения: 08.11.2025).

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Калинина О.С.,
студентка 3 курса Смоленского государственного университета спорта,
г. Смоленск, Российская Федерация
Научный руководитель – Кирсанова О.Г., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Спортивная организация, эффективность, оценка эффективности, задачи, показатели эффективности.

Keywords. Sports organization, efficiency, efficiency assessment, tasks, efficiency indicators.

Эффективность спортивной организации играет важную роль в обеспечении ее развития и дальнейшего функционирования. Категория эффективности представляет собой достаточно сложное и комплексное понятие, позволяющее оценить работу спортивной организации по различным направлениям: финансовые показатели (рентабельность,

ликвидность, управление затратами, доходность от продажи интеллектуальных активов и др.); спортивная результативность (результаты команд и отдельных спортсменов, качество селекционной работы, работу тренерского штаба и др.); операционная эффективность (логистика, инфраструктура, организация мероприятий, управление персоналом и др.), маркетинговая и коммерческая эффективность (узнаваемость бренда, активность болельщиков в социальных сетях и на стадионе, спонсорские и партнерские программы и др.); управленческая эффективность (качество корпоративного управления, стратегическое планирование, скорость принятия решений и др.) [3].

Многообразие показателей и подходов к оценке экономической эффективности спортивной организации создает определенные сложности к реализации данных задач на практике, что требует дальнейшего изучения не только направлений анализа эффективности, но и особенностей деятельности спортивной организации с целью разработки системы показателей эффективности, ориентированной на оценку организаций, функционирующих в сфере физической культуры и спорта.

Цель данного исследования – выявить основные структурные элементы и возможные объекты анализа эффективности, определить и описать их особенности.

Материал и методы. При подготовке исследования были использованы методы анализа и синтеза, контент-анализа, наблюдения и сравнения. Материалами исследования выступили информационные ресурсы сети Интернет, включающие в том числе данные о деятельности физкультурно-спортивных организаций.

Результаты и их обсуждение. В процессе анализа экономической литературы стало возможным сделать вывод, что комплексная оценка степени достижения спортивной организацией своих стратегических и тактических целей представляется возможной в том числе через оценку эффективности использования всех ей доступных ресурсов [2].

Объектом анализа эффективности деятельности выступает спортивная организация, а также протекающие в ней процессы: профессиональные спортивные клубы; региональные и национальные спортивные федерации; фитнес-клубы, сети wellness-центров; спортивные маркетинговые и event-агентства, учреждения спортивной подготовки (например, школы олимпийского резерва), операторы спортивных сооружений (стадионы, ледовые дворцы).

Субъектами, проводящими анализ эффективности спортивной организации, могут быть в зависимости от принадлежности к организации и целей анализа различные группы стейкхолдеров [1]:

1. Внутренние стейкхолдеры:

- руководители организации – в целях общей оценки эффективности управления и разработки стратегических решений;
- собственники – в целях контроля деятельности исполнительных органов;
- внутренние аудиторы – в целях мониторинга текущей деятельности и принятия решений оперативного характера, направленных на быстрое устранение выявленных недостатков и проблем.

2. Внешний стейкхолдеры:

- спонсоры и партнеры – в целях оценки эффективности освоения выделенных средств, анализа эффективности инвестиций, на основе которого принимаются решения о продлении контрактов;
- национальные и международные спортивные ассоциации – в целях контроля соблюдения регламентов и финансовой дисциплины;
- аналитические и рейтинговые агентства – в целях составления отраслевых, национальных и международных рейтингов;
- представители научного сообщества и консультанты – в целях формирования экспертного мнения и осуществления научно-исследовательской работы.

В настоящее время спорт превратился в глобальную многомиллиардную индустрию. Инвесторы, спонсоры и владельцы клубов требуют от менеджмента не только спортивных результатов, но и финансовой отдачи, прозрачности и устойчивого развития. Эффективное

управление становится ключевым конкурентным преимуществом, поскольку спортивные организации конкурируют между собой за болельщиков, спортсменов, спонсорские средства, телевизионные права и государственное финансирование.

Требования к спортивным организациям со стороны внешних партнеров в части финансовой дисциплины постоянно ужесточаются, что обусловлено рядом финансовых скандалов (например, финансовый фэйр-плей в UEFA), что влечет за собой необходимость корректировки системы управления рисками и повышения социальной ответственности.

Поскольку спортивные организации являются важными социальными институтами, формирующими здоровье нации, общественные ценности и имидж региона или страны, оценка их эффективности с точки зрения социального воздействия становится задачей государственной важности

На формирование эффективности и ее оценку оказывает влияние цифровизация и внедрение прогрессивных информационных технологий (например, аналитика больших данных, цифровые платформы для взаимодействия с болельщиками, e-sports) в управление спортивной организацией, что требует от них адаптации к окружающей внешней среде и повышения скорости анализа эффективности и принятия соответствующих решений.

Заключение. Таким образом, анализ эффективности спортивных организаций – это сложный, многогранный процесс, соединяющий в себе, казалось бы, разноплановые сферы управления финансами, маркетингом, персоналом, логистикой и т.п., однако позволяющий получить объективные результаты оценки результативности и успешности организации в окружающей ее конкурентной среде.

Разработка системы показателей эффективности деятельности, адаптированных к условиям функционирования спортивной организации, является актуальной задачей, поскольку ее решение позволит в дальнейшем повысить эффективности управления в целом, снизить риски и влияние внешних угроз на ключевые аспекты работы, что положительно отразится на состоянии спортивной индустрии в целом.

1. Брызгалов, И.В. Менеджмент организации физической культуры и спорта: учебник / И.В. Брызгалов, И.Ю. Сазонов. – Екатеринбург: УрФУ, 2016. – 236 с.

2. Мельничук, Д.Б. Механизм оценки состояния системы стратегического управления предприятием / Д.Б. Мельничук // Менеджмент в России и за рубежом. – 2002. – № 2. – С. 41 – 45.

3. Солнцев, И.В. Социальный спорт: как измерить эффективность? Методы оценки эффективности социальных проектов в области спорта / И.В. Солнцев, О.Ю. Иванова, А.М. Казиахмедов, Р.М. Ольховский, Е.А. Еремина. – М.: ДПК Пресс, 2022. – 100 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ СПОРТСМЕНОВ-СКАЛОЛАЗОВ В ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ 2028

Каратунов И.М.[1], Куликова Т.А.[2],

[1]аспирант, [2]молодой ученый Воронежской государственной академии спорта,
г. Воронеж, Российская Федерация
Научный руководитель – Маслова И.Н., доктор пед. наук, доцент

Ключевые слова. Олимпийские игры 2028, скалолазание, российские и белорусские скалолазы.

Keywords. Olympic Games 2028, rock climbing, Russian and Belarusian rock climbers.

После придания скалолазанию олимпийского статуса интерес к виду спорта, безусловно, возрос. Так, по оценке IFSC за последние 3 года количество занимающихся скалолазанием в мире выросло больше чем на 10% и достигло 44,4 млн. человек [2, 4].

По данным ФСР, более 500 000 человек хотя бы раз пробовали себя в скалолазании, из числа которых в настоящий момент скалолазанием занимаются около 75 тыс. человек, что сравнительно больше чем в предыдущих годах [2, 4].

Не смотря на положительную динамику развития вида спорта, необходимо отметить негативный момент - динамика санкционной политики Международной федерации спортивного скалолазания (IFSC):

Реакцией международного спортивного сообщества на геополитическую обстановку стало введение IFSC 2 марта 2022 года комплекса ограничительных мер в отношении субъектов спортивной деятельности из Российской Федерации и Республики Беларусь. Данные санкции включали тотальную дисквалификацию атлетов и официальных лиц, а также эмбарго на организацию соревнований под эгидой федерации [4]. В связи с этим, исследования вопроса участия российских и белорусских спортсменов в Олимпийских играх 2028 является актуальным. Исходя из актуальности исследования, можно выделить цель исследования - изучить перспективы участия российских и белорусских спортсменов в Олимпийских играх 2028 года в Лос-Анджелес с точки зрения политических санкций.

Материал и методы. Для решения поставленной цели исследования нами были использованы следующие методы: анализ информационных источников; сравнение, анализ и синтез полученных результатов.

Результаты и их обсуждение. Указанный в актуальности исследования мораторий действовал до сентября 2023 года, когда был инициирован процесс частичной реинтеграции. Исполнительным советом IFSC был ратифицирован регламент, устанавливающий возможность получения нейтрального статуса для участия в соревнованиях. Основополагающими условиями для его приобретения выступают:

1. Деполитизация участия: запрет на демонстрацию национальной атрибутики (флаг, гимн) и использование формы унифицированного серого цвета, лишенной графических элементов.

2. Идеологический критерий: обязательное подтверждение отсутствия связей с вооруженными силами и силовыми ведомствами.

Важно отметить, что предоставленный нейтральный статус носит условный характер: IFSC резервирует за собой право на ревизию действующих норм и денонсацию выданной лицензии при выявлении дополнительных факторов, противоречащих установленным требованиям [2].

Несмотря на это решение, президент Федерации скалолазания России (ФСР) Дмитрий Бычков заявил, что российские спортсмены не смогут отобраться на Олимпийские игры в Париже (ОИ 2024 - Ле Бурже), так как приглашения на квалификационные турниры, запланированные в 2024 году, распределяются по международному рейтингу по итогам сезона-2023, который россияне пропустили [4].

Так и произошло, никто из российских и белорусских спортсменов не участвовал в ОИ 2024 в Ле Бурже.

Но тенденция допуска спортсменом к международным соревнованиям по различным видам спорта остаётся положительная, так как 8 декабря 2023 года Международный олимпийский комитет (МОК) допустил атлетов из России и Белоруссии, успешно прошедших квалификацию в своих видах спорта, до участия в Олимпийских играх 2024 года в Париже в статусе индивидуальных нейтральных спортсменов (AIN). Принять участие в соревнованиях смогли только атлеты из индивидуальных видов спорта, в командных соревнованиях - сборные не были представлены [4].

Надежды российских спортсменов связаны с тем, что 3 февраля 2022 года в Пекине прошла 139-я сессия МОК на которой скалолазание включили в ОИ 2028 года в Лос-Анджелесе, что даёт шанс российским и белорусским спортсменам показать своё мастерство.

Россия официально нацелена на полноценное участие своей сборной в Играх 2028 года с флагом и гимном, включая всех видов спорта, в том числе и скалолазание [1, 3]. По заявлению министра спорта РФ Михаила Дегтярева, вопрос допуска и статуса спортсменов в ближайшие годы будет решаться на уровне международных спортивных организаций и Олимпийского комитета [1]. Для белорусских спортсменов вопрос участия в Олимпиаде 2028 пока менее конкретен, но МОК уже призывал допускать российских

и белорусских спортсменов к отборочным соревнованиям в нейтральном статусе. Аналогичные решения могут быть приняты и для летних Игр 2028, учитывая опыт 2024 года.

Заключение. На основании анализа текущей динамики смягчения санкционного режима, можно сделать вывод о высокой вероятности допуска скалолазов из Российской Федерации и Республики Беларусь к участию в Олимпийских играх 2028 года. Данная тенденция обусловлена наблюдаемым процессом постепенной реинтеграции указанных спортсменов в международное спортивное сообщество по мере приближения к олимпийскому циклу.

Вместе с тем, ключевым фактором, детерминирующим их фактическое участие, остается выполнение квалификационных нормативов. Квотируемые места распределяются по результатам выступлений на санкционированных Международной федерацией спортивного скалолазания (IFSC) соревнованиях, к которым относятся чемпионаты мира, континентальные первенства и специализированные олимпийские квалификационные турниры. Таким образом, получение олимпийской лицензии является прямым следствием конкурентных спортивных результатов, достигнутых в рамках установленной квалификационной системы.

1.Дегтярев: сборная РФ намерена выступить на ОИ-2028 в полном составе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smotrim.ru/article/4636557. - Дата доступа: 19.10.2025.

2. Каратунов, И. М. Дебют скалолазания в олимпийской программе (Токио 2021) / И. М. Каратунов, Т. А. Куликова // Олимпизм: истоки, традиции и современность: материалы Всерос. с междунар. Участием науч.-практ. конф. магистрантов и студентов, Воронеж 28-29 ноября 2024 г. / Воронеж. гос. академия спорта; редкол.: Савинкова О. Н., Бугаев Г. В., Куликова Т. А. – Воронеж, 2024. – С 82-86.

3. РФ нацелена на полноценное участие своей сборной в Играх 2028 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sport-interfax.ru/1020267 Дата доступа 25.10.2025.

4. Федерация скалолазания России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusclimbing.ru/ Дата доступа: 10.10.2025.

ПРАКТИЧЕСКОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ЮНЫХ БОРЦОВ ГРЕКО-РИМСКОГО СТИЛЯ

Костюченко А.В.,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Новицкий П.И., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Греко-римская борьба, юные спортсмены, тренировочный процесс, избирательно направленное воздействие, начальная подготовка, физическая и техническая подготовка.

Keywords. Greco-Roman wrestling, young athletes, training process, selective targeted impact, initial training, physical and technical training.

Греко-римская борьба как олимпийский вид спорта представляет собой уникальную дисциплину, сочетающую в себе элементы древнегреческой и римской традиций единоборств и современные требования спортивной подготовки. Её специфика заключается в использовании ограниченного арсенала приёмов: в отличие от вольной борьбы, здесь запрещены действия с участием ног, что значительно повышает роль двигательных способностей верхнего плечевого пояса, корпуса и координации. Эта особенность предопределяет необходимость особого подхода к тренировочному процессу на этапе начальной подготовки, когда закладываются основы технического арсенала и развиваются ключевые физические качества [1].

Современные исследования и практика свидетельствуют о том, что одним из ключевых препятствий в развитии юных борцов является недостаток индивидуализации тренировочного процесса. Традиционные методики, предполагающие однородность нагрузки для всей группы, не учитывают различия в уровне физического развития, темпах усвоения технического материала и психологических особенностях детей. В результате часть занимающихся испытывает трудности в выполнении упражнений, тогда

как другие не получают достаточной нагрузки для дальнейшего прогресса. Кроме того, значимой проблемой является ограниченное внимание к общей физической подготовке [1]. Зачастую тренеры стремятся ускорить освоение технического арсенала, уделяя меньше времени развитию силы, выносливости, координации и гибкости. Однако именно эти качества определяют возможность эффективного применения приёмов и снижают риск травм. Отсутствие полноценной общей физической базы затрудняет дальнейшее совершенствование и ограничивает перспективы спортсмена.

Проблемы начальной подготовки борцов остаются ключевыми в современном спорте. Наиболее типичными трудностями являются нехватка внимания к общей физической подготовке, ограниченные ресурсы для индивидуальной работы, а также недостаточная психологическая поддержка [2]. Не менее сложной практической проблемой является низкий уровень физической подготовленности детей, приходящих сегодня в спортивные секции, в том числе по борьбе. Последнее является существенным фактором, ограничивающим возможности полноценной реализации тренировочных в соответствии с целями и задачами различных этапов многолетней спортивной подготовки.

Одним из действенных подходов, позволяющем решать многие проблемы физической подготовленности юных спортсменов на этапе начальной спортивной подготовки является методика проведения занятий с избирательно направленным воздействием физических нагрузок на определённые мышечные группы занимающихся или звенья опорно-двигательного аппарата. Методика проведения занятий с использованием избирательно направленных физических нагрузок относится к числу достаточно известных как в спорте, так и в физическом воспитании детей, в том числе с нарушениями развития [3]. Недавнее применение данной методики в тренировочном процессе в группах начальной подготовки юных пловцов, имеющих низкий уровень развития двигательных способностей, показал свою эффективность [4].

Цель исследования – определить эффективность применения тренировочных занятий с избирательно направленным воздействием в группах начальной подготовки по греко-римской борьбе для повышения уровня физической подготовленности юных спортсменов.

Материал и методы. В исследовании участвовали 18 школьников, разделенные на контрольную (9 человек) и экспериментальную (9 человек) группы. Контрольная группа занималась по традиционной методике, в экспериментальной группе применялись тренировочные занятия избирательно направленного воздействия. Продолжительность эксперимента составила 12 месяцев.

Методы: педагогическое наблюдение, педагогический эксперимент, тестирование физической подготовленности (подтягивания, сгибания и разгибания рук на брусьях и в упоре лежа, бросок набивного мяча 3 кг, подъем ног до хвата руками в висе на стенке), а также статистический анализ результатов.

Результаты и их обсуждение. Статистическая обработка и анализ результатов тестирования в контрольной и экспериментальной группах подтвердили эффективность использования метода избирательно направленного воздействия в тренировочном процессе начинающих борцов.

Проведенные замеры выявили статистически значимые различия между контрольной и экспериментальной группами. В упражнении подтягивания на высокой перекладине юные борцы из экспериментальной группы увеличили средний результат с 5,3 ± 0,4 до 8,7 ± 0,5 подтягиваний, тогда как в контрольной группе прогресс составил лишь с 5,1 ± 0,5 до 6,4 ± 0,6. При выполнении сгибаний и разгибаний рук в упоре на брусьях спортсмены экспериментальной группы повысили показатели с 12,1 ± 0,7 до 18,5 ± 0,8 раз, тогда как контрольная группа улучшила результаты с 12,4 ± 0,6 до 15,2 ± 0,7 раз. Аналогичная динамика наблюдалась и в упражнении «упор лежа», где показатели у экспериментальной группы выросли на 43%, что достоверно выше прогресса контрольной.

Бросок набивного мяча (3 кг) показал рост силы плечевого пояса: у экспериментальной группы среднее значение увеличилось на 0,8 м, у контрольной – лишь на 0,4 м.

Наиболее заметный эффект методики проявился в тесте «подъем ног до хвата руками в висе», отражающем развитие мышц корпуса и координации. Экспериментальная группа продемонстрировала прирост более чем на 45%, что почти вдвое превышает показатели контрольной группы.

Заключение. Таким образом, методика избирательно направленного воздействия может рассматриваться как эффективный инструмент физической подготовки юных борцов на этапе начальной спортивной подготовки.

Исследование показало, что внедрение методики тренировочных занятий с избирательно направленным воздействием в группах начальной подготовки по греко-римской борьбе способствует существенному улучшению показателей физической подготовленности юных спортсменов. Экспериментальная группа, занимавшаяся по предложенной программе, превзошла контрольную по всем тестируемым параметрам.

1. Закарьяев, А.И. Методика развития и совершенствования скоростно-силовых качеств и выносливости у борцов / А.И.Закарьяев. – М.: Физкультура и спорт, 2012. – С. 49.

2. Карелин, А.А. Система интегральной подготовки высококвалифицированных борцов: автореф. дис. … д-ра пед. наук / А.А.Карелин. – СПб., 2002. – 47 с.

3. Новицкий, П.И. Эффективность уроков преимущественно избирательного воздействия в физическом воспитании детей с задержкой психического развития / П.И. Новицкий // Ученые записки. – Витебск, Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», Т.5, 2006. – С. 46-56.

4. Шамшурин, И.И. Развитие выносливости в группах начальной подготовки пловцов на тренировках преимущественно-избирательного воздействия / И.И. Шамшурин // Физическая культура и спорт в современном социуме [Электронный ресурс] материалы II Международной научно-практической конференции, Витебск, 16 мая 2024 г. / УО ВГАВМ; редкол. : Н. И. Гавриченко (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГАВМ, 2024. – С. 144–146.– Режим доступа : http://www.vsavm.by.

ПЕШИЙ ШКОЛЬНЫЙ ТУРИЗМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ, ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ

Маркова А.Ю.,
студентка 3 курса Северного (Арктического) федерального университет имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация
Научный руководитель – Ковалева А.М., ст. преподаватель

Ключевые слова. Пешеходный туризм, младшие подростки, физическая активность, экологическая культура, патриотическое воспитание, краеведение.

Keywords. Hiking, junior teenagers, physical activity, environmental culture, patriotic education, local history.

«Мир открывается тем, кто путешествует пешком»
Вернер Херцог [4]

Пеший туризм – один из самых доступных и массовых видов туризма в современном мире. Он не требует подготовки и значительных трат на оборудование или снаряжение. Это, по моему мнению, и делает его привлекательным для многих слоев общества – от школьников до пожилых людей. Несмотря на то, что основная задача пешего туризма – поднятие физической активности, он выполняет еще много других функций.

Особенно важную роль пеший туризм занимает в работе со школьниками, ведь в настоящее время заметен процесс ухудшения физической активности у детей. Также в условиях цифровизации подростки перестают «замечать» природу и то, что их окружает, они увлечены гаджетами, компьютерными играми и забывают, что такое активный отдых. Вместо подвижных игр на улице современные дети предпочитают посидеть дома в телефоне. Школьные уроки физической культуры не могут дать нужный процент двигательной активности для детей. Поэтому, я считаю необходимым внедрять пеший туризм в деятельность школьников младшего подросткового возраста.

Цель моего исследования – это анализ теоретических аспектов использования пешего школьного туризма, а также установление эффективных форм организации туризма в образовательных организациях, как в процессе внеурочной деятельности, так и на школьных уроках.

Материал и методы. В работе использованы следующие методы: анализ существующих программ школьного туризма; разработка краткого пешеходного маршрута для обучающихся младшего подросткового возраста.

Результаты и их обсуждение. Я провела анализ нескольких программ по развитию пешеходного туризма в школе, а также изучила научные материалы по методике проведения мероприятий, связанных с пешеходным туризмом.

В результате анализа были выявлены общие черты программ:

1. Единая направленность

Все программы в основном нацелены на развитие физической активности, познание родного края, формирование патриотизма, изучение правил безопасности в окружающей среде.

2. Схожие цели и задачи

Даже с разной формулировкой, все цели и задачи несут в себе один смысл, и общую цель можно сформулировать как: формирование развитой, социально ответственной, физически активной и патриотической личности.

3. Поэтапность и единая структура

Программы рассчитаны на несколько лет, на каждом этапе идёт повторение и углубление изученного ранее материала, также есть четкое разделение на теорию и практику.

Еще программы содержат различные блоки, например, в дополнительной общеразвивающей программе «Пешеходный туризм», разработанной Виноградовской Л.Д. первый год обучения делится на такие содержательные блоки:

– организационно-методическая подготовка;
– специальная туристская подготовка;
– подготовка по спортивному ориентированию;
– общая физическая подготовка;
– походная подготовка;
– краеведение [3].

4. Методологическое единство.

В каждой из программ используются различные технологии: игровые, проектные, рефлексивные и другие. Еще они включают разные формы контроля: тесты, нормативы, участие в мероприятиях. Также все программы опираются на практико-ориентированный и деятельностный подход [2].

5. Нормативная база

Большинство проанализированных мной программ опираются на федеральные законы, разработаны в соответствии с нормами СанПин, учитывают возрастные и физические особенности обучающихся.

6. Личностное развитие

Программы делают акцент на развитие личности, ведь туризм – это не только про спорт и отдых, но и про помощь в развитии личности, потому что он формирует гражданскую активность, развивает навыки работы в команде, воспитывает уважение и любовь к природе, окружающему миру, культурному наследию.

На основе выполненного мной анализа я разработала свою мини-программу «По следам родного края», так как в современных школах часто нужны краткосрочные, доступные программы, которые можно реализовать в рамках непродолжительного срока, и которые не будет требовать длительной теоретической или иной подготовки, а также специализированного оборудования и опыта педагога. Достаточно лишь хорошего настроения и теплой погоды!

Данную программу можно адаптировать под любой регион, я рассмотрю на примере города Архангельск в Архангельской области, страна Российская Федерация.

Формат: однодневный пешеходный мини-маршрут.

Целевая аудитория: учащиеся 5-7 классов.

Продолжительность: 4-5 часов (включая остановки).

Цель программы: познакомить младших школьников с историей, культурой, наукой родного города, сформировать понятие экологической культуры, развить навыки ориентирования, работы в команде и безопасного поведения в окружающей среде, а также поднять их физическую активность.

Схема маршрута:

1. Старт: площадка около спортивной школы №1 (сбор участников, инструктаж по технике безопасности, краткое вступление, обсуждение целей).
2. Остановка: монумент Победы и Вечный огонь (краткий рассказ педагога о памятнике, минута молчания, викторина «Что вы знаете о Великой Отечественной войне?»).
3. Остановка: скульптура «Счастье не за морями» (обсуждение смысла фразы, значения, творческое задание: «Моё определение смысла счастья»).
4. Прогулка по набережной Северной Двины (напоминание о правилах безопасности, задание на самую красивую фотографию реки, упражнение с помощью компаса).
5. Остановка: Молодежный сквер у Дворца детского и юношеского творчества («умная» детская площадка (изображена на рисунке 1), задание – посетить одну из зон площадки: научная станция или солнечная система и узнать один факт о науке через QR-коды).

Рисунок 1 – «Умная» детская площадка у Дворца детского и юношеского творчества в городе Архангельск [1]

6. Остановка: беседка в Молодежном сквере (перекус, каждый участник делится одним словом, которое описывает его день).
7. Финал: возвращение к начальной точке, подведение итогов, благодарности, фотографии.

В отличии от существующих программ, акцентированных на спорт или длительное обучение, данная мини-программа краткосрочная, её можно провести без кружка/секции, легко адаптируется под любой регион и возраст, включает самооценку и рефлексию.

Заключение. Пеший школьный туризм играет важную роль в развитии младших подростков, ведь он включает в себя развитие физической активности, формирование патриотического воспитания, экологической культуры, а также сочетает краеведческую направленность. Даже в городской среде через доступные и интересные маршруты можно развивать пеший туризм в школе. Дети учатся работать в команде, уважать и ценить природу и историю родного края, а главное – видеть мир за пределами экранов!

1. MK RU (Архангельск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://arh.mk.ru/social/2024/08/27/v-arkhangelske-na-territorii-ddyut-otkroyut-detskuyu-ploshhadku-s-nauchnym-uklonom.html. – Дата доступа: 02.11.2025.

2. Костерев, Н.А. Больше походов - хороших и разных! (опыт организации и проведения массовых туристско-краеведческих походов и экскурсий со школьниками) / Н.А. Костерев // Вестник академии детско-юношеского туризма и краеведения. – 2013. – № №3.

3. Образовательная социальная сеть nsportal.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nsportal.ru/shkola/fizkultura-i-sport/library/2018/10/16/dopolnitelnaya-obshcherazvivayushchaya-programma. – Дата доступа: 02.11.2025.

4. Цитаты из книг Вернера Херцога (Лайвлиб) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.livelib.ru/author/603471/quotes-verner-hertsog. – Дата доступа: 02.11.2025.

АНАЛИЗ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ: ПОИСК ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ

Мелентьева А.А.,
студентка 3 курса Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация
Научный руководитель – Ковалева А.М., ст. преподаватель

Ключевые слова. Мотивация, физическая культура, студенты, интерес, физическая активность.

Keywords. Motivation, physical culture, students, interest, physical activity.

Для всех давно известно, что физическая культура – это важная часть образовательного процесса, которая должна быть в университетах, чтобы обеспечить сохранение здоровья студентов, а также чтобы дать основы для занятий самостоятельно. Но если увидеть статистику, то студенты не видят важности в этом предмете, у них низкий уровень мотивации, появляется множество причин для пропусков, и как следствие, недостаточно эффективности в учебном процессе [1]. Чтобы решить эту проблему, нужно провести анализ причин демотивации и узнать у студентов чего они хотят от курса физической культуры в рамках обучения в университете.

Целью моего исследования является установление факторов, влияющих на мотивацию и демотивацию студентов к занятиям физической культуры в рамках обучения в университете, а далее, разработка рекомендаций по усовершенствованию учебного процесса.

Материал и методы. Чтобы достичь цели исследования был выбран метод анкетирования среди 50 студентов 1-3 курсов различных учебных заведений. В анкете, разработанной мною, были вопросы, направленные на выявление:

– отношение к предмету «Физическая культура» в рамках обучения в университете;
– мотивы посещения занятий;
– демотиваторы;
– мнение студентов о том, как можно изменить содержание курса.

Обработка данных проводилась методами количественного и качественного анализа.

Результаты и их обсуждение. Для начала студентам был предложен вопрос: «Как вы относитесь к занятиям по физической культуре в вузе?», ответы и процентное соотношение представлены в таблице 1.

Таблица 1. – общее отношение студентов к занятиям по физической культуре в вузе

Характер отношения	Количество респондентов	% от общего числа
Положительное	18	36%
Нейтральное	22	44%
Отрицательное	10	20%

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что только 36% студентов положительно относятся к занятиям по физической культуре. Большинство же опрошенных, а именно 44%, относятся нейтрально, что может говорить о недостатке мотивации.

Далее нужно было узнать основные мотивы посещения занятий, для этого был задан вопрос с несколькими вариантами ответа: «Что для Вас является основной причиной посещения занятий по физической культуре?», ответы и процентное соотношение представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Основные мотивы посещения занятий

Мотив	Количество ответов	% от числа опрошенных
Получение зачета	44	88%
Поддержание и улучшение физической формы	33	66%
Общение с одногруппниками	23	40%
Интерес к определенным видам спорта или упражнениям	20	26%

Результаты, которые представлены в таблице 2, показывают то, что преобладающим мотивом (88% от числа опрошенных) является получение зачета, что говорит о том, что у студентов доминирует внешняя мотивация, при которой они отчуждены от процесса познания, пассивны, им интересен лишь результат, а не сам процесс [3].

Следующий вопрос заключался в том, чтобы узнать демотиваторы на занятиях, для этого был задан вопрос: «Что Вам НЕ нравится или мешает на занятиях по физкультуре?», ответы и процентное соотношение представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Факторы, снижающие интерес к занятиям

Фактор демотивации	Количество выборов	% от числа опрошенных
Однообразные упражнения	35	70%
Отсутствие выбора видов деятельности	33	66%
Устаревшее оборудование и/или инвентарь	28	56%
Психологический дискомфорт	20	40%

Результаты таблицы 3 помогают выявить самые главные проблемные зоны организации учебного процесса. Самые преобладающие варианты ответа, а именно, однообразные упражнения (70%) и отсутствие выбора видов деятельности (66%) могут говорить о том, что на занятиях все еще присутствуют традиционные методики преподавания, в которые входят строго регламентированные комплексы упражнений, которые совсем не интересны студентам [2].

Заключительный вопрос заключался в том, чтобы студенты написали свое мнение, как можно улучшить курс, некоторые ответы: «Хотелось бы больше возможностей, связанных с оборудованием в зале (новые беговые дорожки, велотренажёры и т. п.).», «Хотелось бы добавить большего выбора направлений: фитнес, йога, бокс, стретчинг и тд., а также занятий на улице: походы, велопрогулки. Полезной теории про питание, восстановление, работу мышц.», «Выбор желаемой формы занятий», «Использование современных технологий». Данные ответы говорят о том, что студентам не хватает оснащенности спортивных залов, модульной системы обучения, а также для них важно расширение содержания курса.

По результатам проведенного анкетирования и анализа ответов можно сформулировать следующие рекомендации по улучшению учебного процесса, в целях поднятия мотивации студентов:

1. Внедрение модульной системы, при которой студенты могут сами выбирать направления физической активности, например, йога, бокс, что полностью соответствует пожеланию опрошенных. Ведь так студенты будут заниматься именно тем, чего сами хотят, так появится желание и мотивация.

2. Обновление материально-технической базы и оснащение современным оборудованием залов, чтобы студентам было комфортно, можно контролировать свои результаты, благодаря электронным тренажерам с дисплеями, смарт-тренажеры могут адаптироваться под конкретного человека.

3. Внедрение форм организации занятий, благодаря тем активностям, которые проходят вне спортивных залов, например, велопрогулки, походы, это может разнообразить процесс.

4. Расширение теоретического модуля, благодаря которому студенты могут узнать о здоровом питании, мониторинге самочувствия, упражнениях и привычках, которые помогут скорректировать заболевания.

5. Использование цифровых технологий во время занятий. Спортивные приложения, фитнес-браслеты и трекеры, с помощью которых можно отслеживать активность, а также это повысит вовлеченность.

Заключение. Исследование, которое было проведено говорит нам о том, что проблемы с мотивацией у студентов на занятиях физической культуры, действительно есть. Было установлено, что основными проблемами являются: однообразные, скучные и повторяющиеся упражнения, отсутствие выбора или устаревшее оборудование. Для того чтобы решить эти проблемы предлагается целый комплекс мер, который включает в себя внедрение модульной системы, форм организации, более современное оборудование и цифровые технологии. При реализации всех этих рекомендаций будет происходить усовершенствование физической культуры, она станет не просто предметом в университете, который нужно посещать ради зачета, а интересным и нужным составляющим здорового образа жизни, для студента это станет осознанным выбором.

1. Бурдина, Н.Н Физическая культура в ВУЗе: проблема посещаемости и ее решение / Н.Н Бурдина, А.З Гарипова // Психология, социология и педагогика. – 2016. – № 1.

2. Общая характеристика методов обучения по физической культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urok.1sept.ru/articles/569696 . – Дата доступа: 02.11.2025.

3. Учебная мотивация студентов: от чего она зависит и как её сформировать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blog.ikraikra.ru/uchebnaya-motivatsiya-studentov-ot-chego-ona-zavisit-i-kak-eyo-sformirovat/. – Дата доступа: 02.11.2025.

МЕТОДИКА ТРЕНИРОВКИ АМЕРИКАНСКИХ СПОРТСМЕНОК В БОДИБИЛДИНГЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Полетыкина В.А.,
студентка 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Минина Н.В., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Бодибилдинг, женщины, тренировка, исторический опыт.
Keywords. Bodybuilding, women, training, historical experience.

Тренировки женщин имеют свои особенности в отличие от тренировок мужчин. Связано это с гормональным фоном и его влиянием на структуру тела. У женщин пропорционально более мощная и широкая структура тазовой области по сравнению с мужчинами, что обеспечивает им более устойчивое равновесие, так как их центр тяжести расположен ниже. Этот фактор оказывает незначительное влияние на тренировку, хотя женщины обычно более гибки, чем мужчины, и поэтому могут упражнять свои мышцы по более широкой амплитуде движений. Нижняя часть тела женщин относительно мощнее и сильнее верхней. *У* мужчин более значительная окружность плечевого пояса по отношению к нижней, тогда как у женщин все выглядит наоборот. Поэтому, естественно, женщины имеют тенденцию наращивать силу и объемы мышц быстрее в нижних отделах тела [1].

Цель исследования – выявить особенности американской системы подготовки женщин в бодибилдинге.

Материал и методы. Материалом послужил опыт тренировок К. Эверсон, Д. Гаррити. Методы: теоретический обзор литературы, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Большой интерес представляет изучение опыта тренировки выдающихся женщин в культуризме, методику которых в полной мере используют во всем мире. Методика тренировки «Мисс Олимпия» К. Эверсон лежит в основе

и современных спортсменок. К. Эверсон начала заниматься культуризмом в 1979 году и стала неоднократным обладателем титула «Мисс Олимпия». В спортивной карьере К. Эверсон был период, когда она очень большое внимание уделяла тренировке ног (1984) по специальной программе. За основу бралась методика тренировки в приседаниях, которую использовали советские штангисты. В этот период К. Эверсон тренировала ноги 4-5 раз в неделю. До конца 1984 года ей удалось значительно увеличить мышечную массу ног, после чего началась работа над их «качеством». Спортсменка перешла на тренировку 2 раза в неделю. Программа тренировки К.Эверсон отличается 1-м и 2-м днем тренировочной недели (таблицы 1, 2).

Чемпионка США по культуризму Д. Гаррити, основываясь на собственном опыте, считает, что ей удалось найти одну закономерность эффективной тренировки, связанную с вариативностью тренировочного процесса. Наибольший интерес представляет ее теория и практика вариации числа повторений, подходов и отдыха между подходами. Согласно классическим канонам культуризма, относительно небольшое количество повторений при достаточном отдыхе между подходами ведет к росту мышечной массы [2].

Таблица 1 – Программа тренировки К. Эверсон. 1-й день тренировочной недели

№№ н/п	Упражнения	Дозировка, кг
1.	Разгибание ног на тренажере с небольшим отягощением (для разминки)	3 х 15-20
2.	Приседания	1 х 25 (43 кг). 1х20 (61кг), 1 х 15 (79 кг), 1 х 15(93 кг), 1 х 15(111 кг)
3.	Жим ногами (под углом 45 градусов)	5х15-25
4.	Разгибание ног на тренажере	5-8 х15-20
5.	Приседание на Гак-машине	3х12-15
6.	Приседания в «ножницы» с небольшим отягощением (гриф штанги на плечах)	3х15-20
7.	Сгибание ног на тренажере (стоя)	8-10х15-20
8.	Упражнения для мышц голени в тренажере (стоя в наклоне)	5х15-20
9.	Упражнение для мышц голени на тренажере (стоя)	5х15-25
10.	Езда на велоэргометре в течение 30-45 мин.	

Таблица 2 – Программа тренировки К. Эверсон. 2-й день тренировочной недели

№№ п/п	Упражнения	Дозировка, кг
1.	Разгибание ног на тренажере (разминка)	3х20-25
2.	Приседание на тренажере	6х10-20
3.	Приседание на Гак-машине	4х10-12
4.	Разгибание ног на тренажере	5-8 х 20
5.	Жим ногами (под углом 45 градусов)	1 х 20, 1 х 25,2 х 25.
6.	Сгибание ног на тренажере (лежа)	5х15-25
7.	Сгибание ноги на тренажере (стоя)	5х10-20
8.	Приседание в "ножницы"	2-3 х15-20
9.	Упражнения для мышц голени на тренажере (стоя в наклоне)	5х15-20
10.	Упражнения для мышц голени на тренажере (стоя)	5х15-20
11.	Упражнения для мышц голени (на тренажере для жима ногами)	5 х15-20

Увеличение же количества повторений и уменьшение интервалов отдыха является основой рельефного тренинга. Так же отмечается, что вариативность нагрузки и отдыха в каждой тренировке позволяет спортсменке добиваться одновременно роста мышечной массы и рельефности мускулатуры.

При этом процессе упражнения выполняются в быстром и медленном темпе, с большим и малым числом повторений. Представляет определенный интерес также и ее подход в использовании вариативности, объема и интенсивности нагрузок в течение годичного цикла. Чтобы добиться высоких результатов и не перетренироваться, она периодически использует большие и сниженные нагрузки.

Заключение. Изучение опыта тренировок сильнейших в мире спортсменок, занимающихся бодибилдингом, позволяет проследить эволюцию развития системы подготовки.

1. Дворкин, Л.С. Силовые единоборства. Атлетизм, культуризм, пауэрлифтинг, гиревой спорт / Л.С. Дворкин. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 273, 278-281.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИТНЕС-ПРОГРАММ НА ФИЗИЧЕСКОЕ И ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ СТУДЕНТОВ

Рыбакова А.В.,
студентка 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Венскович Д.А., канд. пед. наук, доцент

Ключевые слова. Фитнес-программы, физическое состояние, фитнес-направление, физическая нагрузка, физкультурно-оздоровительные технологии, комплексное воздействие, двигательная активность.

Keywords. Fitness programs, physical condition, fitness direction, physical activity, physical education and health technologies, complex impact, motor activity.

В условиях массовой цифровизации и снижения естественной двигательной активности у молодёжи актуальность внедрения эффективных и доступных форм физической активности в студенческой среде остаётся высокой. Традиционные формы физического воспитания не всегда отвечают запросам современной молодежи, что приводит к снижению интереса и посещаемости занятий.

В этом контексте внедрение популярных, динамичных и увлекательных фитнес-направлений, таких как степ-аэробика, зумба, стретчинг и др., сочетающих физическую нагрузку с элементами хореографии и игровыми компонентами, представляется перспективным решением.

Цель исследования – выявить влияние современных фитнес-программ на физическое и психоэмоциональное состояние студентов, рассмотреть роль современных фитнес-программ в повышении интереса студентов к занятиям физической культурой и определить перспективы их интеграции в образовательный процесс.

Материал и методы. Проведен теоретический анализ научно-методической литературы, посвященной влиянию фитнес-программ на физическое состояние студентов. Рассмотрены современные подходы к занятиям по фитнес-программам для повышения физической активности и укрепления организма.

Анализировались такие направления фитнеса, как степ-аэробика, зумба и пилатес, отличающиеся высокой степенью вовлеченности участников и комплексным воздействием на организм. Особое внимание уделялось их влиянию на уровень физической подготовленности, эмоциональное состояние и социальную адаптацию.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день появляющиеся в фитнес-индустрии технологии выходят за ее пределы и находят широкое применение во всех видах физической культуры – в образовании, рекреации, реабилитации, спорте. Внедрение

фитнес-программ в образование может создать условия для самосовершенствования личности и разнообразить привычные занятия физической культурой. А также создать условия для благоприятного взаимодействия с социумом [1, с. 481].

Фитнес-программы – формы двигательной активности, специально организованной в рамках групповых или индивидуальных занятий, имеющие оздоровительно-кондиционную направленность (снижение риска развития заболеваний, достижение и поддержание должного уровня физического состояния), а также связанные с развитием способностей к решению двигательных и спортивных задач различного уровня [2, с. 80]. Они являются практическим проявлением физкультурно-оздоровительных технологий в физическом воспитании, направленных на снижение риска развития заболеваний, достижение и поддержание оптимального уровня двигательных качеств. Следует отметить, что занятия по фитнес-направлениям имеют схожее содержание с учебными занятиями по дисциплине «Физическая культура». Можно выделить разминку, основную часть, которая может включать аэробику, кардио, силовую часть, развитие гибкости, и заключительную часть. Такая последовательность обеспечивает постепенное вовлечение организма в нагрузку, предотвращает травматизм и способствует оптимальному восстановлению после тренировки. Кроме того, методика построения занятия позволяет учитывать индивидуальные особенности занимающихся и уровень их физической подготовки.

Наиболее популярны виды фитнес программ, основанные на двигательной активности с аэробной направленностью [3, с. 141]. Среди востребованных направлений можно отметить степ-аэробику и зумбу – групповые программы, сочетающие физическую нагрузку с музыкальным и эмоциональным компонентом. Эти виды занятий повышают мотивацию к движению, способствуют развитию координации, выносливости. Регулярные занятия оказывают комплексное воздействие на организм: повышается мышечный тонус, корректируется масса тела, укрепляется опорно-двигательный аппарат.

Степ-аэробика построена на простых хореографических элементах и комбинаций движений рук и ног с различной интенсивностью и нагрузкой. Занятия проводятся с музыкальным сопровождением, которое помогает организовать движения и повышает настроение. Исследовано, что комплекс упражнений на степ-платформах улучшает деятельность сердечно-сосудистой системы и поддерживает правильную биомеханику тела, обеспечивающую наибольшую эффективность движения с наименьшей нагрузкой на скелет [3, с. 142]. Кроме того, формируется устойчивая привычка к систематическим тренировкам, что является важнейшим показателем физического здоровья молодежи.

Занятия по зумбе проходят под микс из популярной в мире латиноамериканской музыки: сальсы, бачаты, реггетона, – и других жанров: мамбы, хип-хопа, поп-музыки и даже восточных танцев. Они не только включают в себя хореографию, но и комбинируются с другими направлениями для разных групп занимающихся. Например, часть занятия может проходить с утяжелителями, в водной среде, на степ-платформах и др.

Еще одним популярным направлением является пилатес. Пилатес представляет собой комплекс упражнений, направленных на укрепление тела, развитие мышц корпуса, улучшение осанки, равновесия и координации движений. Во время упражнений уделяется внимание технике дыхания и контролю правильной работы мышц, что обеспечивает максимальную эффективность. Кроме того, пилатес повышает эластичность мышц и улучшает подвижность суставов. Во время занятий упор делается именно на качество последовательно выполняемых упражнений. Регулярная практика пилатеса способствует формированию осознанного контроля над телом и дыханием, развивает концентрацию внимания и способствует снижению уровня стресса.

Фитнес вырабатывает энергию, а не поглощает ее. Длительный период регулярных упражнений уменьшает чувство хронической усталости. Занятия оказывают выраженное благотворное воздействие на состояние сердечно-сосудистой и дыхательной систем, повышая их функциональные возможности. Со временем организму требуется меньше усилий и энергии для выполнения привычных физических действий.

Современные фитнес-программы, благодаря сочетанию физических и психоэмоциональных стимулов, обеспечивают более высокий уровень вовлеченности по сравнению

с традиционными уроками физического воспитания. Внедрение инновационных фитнес-технологий также способствует укреплению социальной адаптации студентов. Групповые занятия оказывают антистрессовое воздействие, способствуют эмоциональной разрядке, формируют чувство принадлежности, повышают уверенность, уменьшают стрессовую нагрузку, что особенно важно в период обучения в учреждении высшего образования. Музыкальное сопровождение, игровые элементы, возможность социального взаимодействия создают положительный эмоциональный фон, что способствует формированию устойчивой мотивации к регулярным занятиям физической культурой.

Заключение. Современная фитнес-индустрия обладает значительным потенциалом для студенческой молодёжи. Благодаря доступности и вариативности она может легко интегрироваться в образовательный процесс по учебной дисциплине «Физическая культура». Для максимальной эффективности требуется системный подход: методическая подготовка преподавателей, адаптация программ под специфику студенческой аудитории и внедрение мотивационных механизмов. При таких условиях инновационные фитнес-программы становятся не только средством улучшения физического состояния, но и инструментом воспитания личностной активности, коммуникабельности и позитивного отношения к занятиям физической культурой. Их интеграция в образовательный процесс учреждений высшего образования будет способствовать не только развитию физических качеств, но и формированию ценностного отношения к здоровому образу жизни.

1. Медведева, С. А. Современные физкультурно-оздоровительные технологии / С. А. Медведева, И. С. Кильмяшкина // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 28 февр. 2018 г., Екатеринбург / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. – Екатеринбург: РГППУ, 2018. – С. 479–483.

2. Современные физкультурно-оздоровительные технологии: учеб. пособие / [А. Е. Подоляка и др.]; под общ. ред. З. С. Варфоломеевой. – Череповец: ЧГУ, 2021. – 122 с.

3. Лучинович, Л. А. Современные физкультурно-оздоровительные технологии в физическом воспитании студентов // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов [Электронный ресурс]: материалы междунар. науч.-практ. онлайн-конф. (Респ. Беларусь, Минск, 28 янв. 2021 г.) / БГУ; редкол.: Ю. И. Масловская (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 139–143.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ И СПОРТОМ

Слесарева А.Л.,
студентка 3 курса Липецкого государственного технического университета,
г. Липецк, Российская Федерация
Научный руководитель – Трухачева Л.А., ст. преподаватель

Ключевые слова. Мотивация, физическая культура, спортивная деятельность, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, самоопределение, психологические факторы.

Keywords. Motivation, physical culture, sports activity, intrinsic motivation, extrinsic motivation, self-determination, psychological factors.

Актуальность исследования психологических аспектов мотивации в сфере физической культуры и спорта обусловлена необходимостью решения проблемы низкой двигательной активности среди различных групп населения, особенно студенческой молодежи. Недостаточная мотивация является ключевым барьером на пути формирования устойчивой потребности в систематических занятиях, несмотря на осознание их объективной пользы [1]. В связи с этим, углубленное изучение структуры, динамики и механизмов формирования мотивации позволяет разрабатывать более эффективные педагогические, психологические и организационные технологии, направленные на повышение эффективности физкультурно-спортивной деятельности. Целью данного теоретического исследования является комплексный анализ ведущих психологических факторов, типов мотивации и их детерминант, определяющих устойчивую вовлеченность в занятия физической культурой и спортом.

Материал и методы. Методологической основой исследования выступили основные постулаты теории самодетерминации (Э. Деси и Р. Райана) [2], которая предлагает многокомпонентную модель мотивации, расположенную в континууме от амотивации через различные формы внешней регуляции к внутренней мотивации. Также были использованы теоретические положения деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев) о смыслообразующей функции мотива [3]. Для достижения цели исследования был применен комплекс теоретических методов: анализ, синтез и систематизация научной литературы по проблеме; сравнительный анализ различных психологических школ и подходов к классификации мотивов; концептуальный анализ ключевых конструктов.

Результаты и их обсуждение. Проведенный теоретический анализ позволил установить, что мотивационная сфера в физкультурно-спортивной деятельности представляет собой сложную, иерархически организованную и динамическую систему. Наиболее продуктивной для ее понимания является классификация, основанная на источнике побуждения к деятельности, выделяющая внутреннюю и внешнюю мотивацию.

Внутренняя мотивация обусловлена содержанием самой деятельности и связана с получением удовольствия от процесса ее выполнения. К ее проявлениям относятся: гедонистический компонент («мышечная радость», ощущение бодрости и тонуса); мотивация достижения и компетентности (удовлетворение от совершенствования техники, преодоления физических нагрузок и личного прогресса, переживание состояния «потока»); мотивация саморазвития (осознание личностного роста через физическое совершенство) [4]. Согласно исследованиям в русле теории самодетерминации, именно внутренняя мотивация является наиболее устойчивым предиктором длительной приверженности занятиям, так как порождается автономной саморегуляцией личности [2].

Внешняя мотивация, в свою очередь, направлена на достижение результатов, отделенных от процесса деятельности. Внешние мотивы могут быть дифференцированы по степени их интернализации (присвоения личностью):

1. Внешняя регуляция – поведение направлено на получение вознаграждения или избегание наказания (например, получение зачета по дисциплине «Физическая культура», материальное поощрение).

2.Интроецированная регуляция – мотивация, основанная на чувстве долга, вины или стремлении к самоутверждению («я должен тренироваться, чтобы не считать себя слабым»). Эта форма регуляции уже частично присвоена, но сопровождается внутренним давлением.

3. Идентифицированная регуляция – личность осознает и признает личную значимость деятельности («я занимаюсь, потому что считаю это важным для своего здоровья»). Это более автономная и эффективная форма внешней мотивации, близкая к внутренней [2, 5].

Ключевой задачей для педагогов, тренеров и организаторов физкультурно-спортивной работы является создание социального контекста, способствующего прогрессивной интернализации мотивации – преобразованию внешних регуляторов во внутренние. Фундаментом этого процесса, согласно теории самодетерминации, является удовлетворение трех базовых психологических потребностей:

Потребность в автономии – поддержка чувства инициативы и выбора (например, вариативность содержания занятий, учет мнения студентов).

Потребность в компетентности – создание оптимальных вызовов и предоставление позитивной, информативной обратной связи, фокусирующейся на усилии и личном прогрессе, а не только на результате.

Потребность в связанности – формирование благоприятного психологического климата в группе, атмосферы поддержки и принятия со стороны тренера и коллег [2, 5].

Нарушение условий для удовлетворения этих потребностей (избыточный контроль, негативная критика, акцент на социальное сравнение) ведет к доминированию контролируемых форм мотивации (внешней и интроецированной) или к амотивации – состоянию отсутствия намерения действовать.

Заключение. Таким образом, мотивация к занятиям физической культурой и спортом является комплексным психологическим феноменом, определяемым взаимодействием внутренних и внешних факторов, степень автономности которых варьируется. Наиболее продуктивной стратегией для формирования устойчивой, саморегулируемой потребности в физической активности является целенаправленное создание среды, поддерживающей базовые психологические потребности личности в автономии, компетентности и связанности. Это позволяет катализировать процесс интернализации мотивов и развития внутренней мотивации. Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической верификации эффективности конкретных психолого-педагогических технологий, основанных на выявленных закономерностях, и в разработке дифференцированных программ мотивационного сопровождения для различных контингентов занимающихся.

1. Ильин, Е.П. Психология спорта / Е.П. Ильин. – СПб. : Питер, 2016. – 352 с.
2. Ryan, R.M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness / R.M. Ryan, E.L. Deci. – New York : Guilford Press, 2017. – 756 p.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Смысл; Academia, 2004. – 352 с.
4. Горбунов, Г.Д. Психология физической культуры и спорта : учебник для вузов / Г.Д. Горбунов, Е.Н. Гогунов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2019. – 288 с.
5. Осин, Е.Н. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: диагностика и динамика в процессе обучения / Е.Н. Осин, А.Ю. Иванова, Д.В. Люсин // Психологическая наука и образование. – 2020. – Т. 25, № 5. – С. 51–64.
6. Максименко, А.М. Теория и методика физической культуры : учебник / А.М. Максименко. – М. : Физическая культура, 2019. – 496 с.
7. Вишневский, В.А. Здоровый образ жизни студенческой молодежи: мотивационные аспекты / В.А. Вишневский, О.Л. Жук // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 5. – С. 38–40.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Терешкова В.Д., Фомина Д.В.,
студентки 3 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Пальвинский Е.Ю., преподаватель

Ключевые слова. Профессиональный спорт, правовое регулирование, спортсмен, спортивный клуб, профессиональный тренер, Закон «О физической культуре и спорте», трудовой договор, спортивное право.

Keywords. Professional sports, legal regulation, athlete, sports club, professional coach, Law on Physical Culture and Sports, employment contract, sports law.

Современное развитие профессионального спорта в Республике Беларусь сопровождается усложнением организационно-правовых механизмов, определяющих статус спортсменов, спортивных клубов и федераций. Переход спорта из преимущественно любительской сферы в область профессиональной деятельности требует четкого законодательного регулирования, способного обеспечить баланс интересов государства, спортивных организаций и участников спортивных соревнований. Актуальность исследования обусловлена тем, что профессиональный спорт является не только сферой массового интереса, но и важной частью экономики и социальной политики государства. Вопросы трудовых отношений спортсменов, договорных основ их деятельности и правового статуса клубов требуют системного и последовательного подхода в правовом регулировании. При этом действующее законодательство, в частности Закон Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», содержит нормы, направленные на урегулирование данных вопросов, однако практика их применения демонстрирует необходимость научного анализа и возможного совершенствования правовых механизмов. Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе организации и осуществления профессиональной спортивной деятельности в Республике Беларусь. Предмет исследования – нормы законодательства, регулирующие профессиональный спорт, а также правоприменительная практика в данной сфере.

Цель работы – исследовать особенности правового регулирования профессионального спорта в Республике Беларусь, определить существующие проблемы и предложить направления их совершенствования.

Материал и методы. Для достижения поставленной задачи были использованы различные материалы, включая нормативно-правовую базу Республики Беларусь и научные публикации. В работе использовались общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение, метод описания, а также некоторые частноправовые методы: формально-юридический и правовой анализ, метод толкования правовых норм.

Результаты и их обсуждение. Профессиональный спорт в Республике Беларусь законодательство признаёт самостоятельной частью спортивной системы. Так, ст. 55 Закона «О физической культуре и спорте» даётся чёткое определение: «Профессиональный спорт – часть спорта, включающая предпринимательскую, трудовую и иную не запрещённую законодательством деятельность, направленную на достижение высоких спортивных результатов и связанную с получением вознаграждений (доходов) от организации спортивных мероприятий и (или) участия в них» [1, ст. 55]. Положения данной статьи подчеркивают, что в профессиональном спорте главным является именно спортивный результат при коммерческой мотивации участников.

Закон объединяет профессиональный спорт в общую систему физической культуры и спорта, включая разнообразных субъектов. В соответствии со ст. 8 Закона «О физической культуре и спорте», к субъектам физической культуры и спорта относятся органы государственного управления, организации физической культуры и спорта, спортсмены, их объединения (в том числе клубы по физической культуре и спорту), судьи, тренеры и т.д. [1, ст. 8]. В этой системе профессиональный спорт занимает особое место. Ст. 56 Закона «О физической культуре и спорте» конкретизирует участников профессионального спорта: к ним относятся спортивные федерации (союзы, ассоциации) по видам спорта, спортивные клубы (в законе – «клубы по виду (видам) спорта»), другие организации физической культуры и спорта, а также профессиональные спортсмены, профессиональные тренеры, судьи по спорту и иные лица, осуществляющие профессиональную спортивную деятельность [1, ст. 56]. При этом профессиональный спортсмен определяется как лицо, для которого спорт является основным родом деятельности. Закон формулирует: «Профессиональный спортсмен – спортсмен, для которого занятие профессиональным спортом является основным видом деятельности, осуществляющий деятельность на основании срочного трудового договора, гражданско-правового договора или в качестве индивидуального предпринимателя и получающий заработную плату и (или) вознаграждение (доход) за спортивную подготовку, участие в спортивных соревнованиях и достигнутые спортивные результаты». Также в законе определяется профессиональный тренер и судья. Таким образом, отношения в профессиональном спорте оформляются либо как трудовые договоры, либо как гражданско-правовые контракты, предусматривающие оплату труда спортсменов и специалистов в зависимости от их спортивной деятельности.

Исследования белорусских специалистов подчёркивают значение института федераций и клубов как связующего звена между государственным регулированием и экономической деятельностью в спорте; при этом отмечается недостаточная юридическая регламентация спортивных объединений, в том числе клубов по видам спорта в законодательстве, что порождает неоднородность практик их регистрации и функционирования. В. С. Каменков и другие авторы подробно анализируют структуру национального спортивного права и обращают внимание на необходимость чёткого разграничения функций и ответственности субъектов системы [2, с. 192].

Правовое регулирование профессионального спорта строится на нескольких источниках. Статья 55 Закона прямо указывает, что взаимоотношения в профессиональном спорте подпадают под действие Гражданского кодекса, Трудового кодекса, самого Закона о спорте и иных законов [1, ст. 55]. Это означает, что с одной стороны регулируются трудовые аспекты занятости спортсменов (условия труда, выплаты и т.п.), а с другой –

гражданские отношения, связанные с проведением соревнований, организации мероприятий и т.д. Например, Трудовой кодекс устанавливает специальные правила: согласно ст. 319 «Особенности регулирования труда работников организаций физической культуры и спорта устанавливаются республиканским органом государственного управления, проводящим государственную политику в сфере физической культуры и спорта» [3, ст. 319]. На основании этого в Беларуси Минспортом утверждаются стандартные правила и образцы контрактов. Одновременно Закон «О физической культуре и спорте» подчёркивает, что срочные трудовые договоры и гражданско-правовые договоры с субъектами профессионального спорта заключаются в соответствии с законодательством, а их особые условия определяются трудовым законодательством и специальным спортивным законом [1, ст. 57].

Многие исследователи отмечают, что профессиональный спорт – это межотраслевое явление, где необходимо сбалансировать нормы трудового и гражданского права. И действительно, спорт сочетает в себе черты и того, и другого: специалистам важно одновременно придерживаться правил трудоустройства (сроки контрактов, социальные гарантии) и учитывать специфические требования спортивных контрактов (выплаты за результат, трансферы). Это так называемая «сфера межотраслевого регулирования», в которой должно гармонично сочетаться регулирование трудовых правоотношений и отношений гражданской природы. Закон пытается обеспечить такой баланс через предоставление возможности заключать и трудовые, и гражданско-правовые договоры со спортсменами, а также через специальные положения (например, о трансфере спортсмена, о страховых взносах и т.д.). Вместе с тем в законодательстве остаются не до конца ясными некоторые категории. К примеру, хотя среди субъектов профессионального спорта названы «клубы по виду (видам) спорта», понятие «профессиональный спортивный клуб» как отдельное юридическое образование в законе не закреплено. Такая неопределённость говорит о том, что организационно-правовые формы спортивных организаций требуют дальнейшего уточнения.

Заключение. Таким образом, профессиональный спорт в Республике Беларусь признан самостоятельной частью системы физической культуры, регулируемой нормами трудового и гражданского права. Однако действующее законодательство содержит ряд пробелов, затрудняющих его эффективное применение. Отсутствие чёткого определения понятий «профессиональный спортивный клуб» и «контракт профессионального спортсмена» приводит к правовой неопределённости и неоднородности в практике. Недостаточная регламентация деятельности спортивных объединений ограничивает их экономическую самостоятельность и международную интеграцию. Приоритетными задачами становятся нормативное уточнение ключевых понятий, внедрение типовых контрактов, развитие правовой грамотности участников спортивной сферы, цифровизация процедур и гармонизация законодательства с международными нормами. Комплексное решение этих вопросов позволит укрепить правовую основу профессионального спорта, повысить его прозрачность, конкурентоспособность и социальную устойчивость.

1. О физической культуре и спорте : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З : в ред. от 19 июля 2022 г. № 200-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=h11400125. - Дата доступа : 05.09.2025.

2. Каменков В. С. Правовой комментарий о системе физической культуры и спорта в Беларуси и её субъектах / В. С. Каменков // Вестник науч. публикаций. — 2015. — Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-kommentariy-o-sisteme-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-belarusi-i-ee-subektah. Дата доступа : 07.09.2025.

3. Трудовой кодекс Республики Беларусь : от 26 июля 1999 г. №296-З : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобрен Советом Республики 30 июня 1999 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900296. – Дата доступа : 07.09.2025.

СТРАТЕГИЯ УЛУЧШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ И ТАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ФУТБОЛИСТОК

Цюй Цзиньпэн,
магистрант ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь
Научный руководитель – Малах О.Н., канд. биол. наук, доцент

Ключевые слова. Футболистки, физические характеристики, физическая подготовка футболисток, тактическая подготовка футболисток, тренировка.

Keywords. Female football players, physical characteristics, physical training of female football players, tactical training of female football players, training.

Физические характеристики футболисток составляют основу их спортивных результатов, оказывая существенное влияние на адаптацию к тренировкам, соревновательный потенциал и риск травматизма. Глубокое понимание этих характеристик, особенно отличий от спортсменов-мужчин [1], является необходимым условием для разработки эффективных программ коррекции физической подготовки. В связи с этим целью исследования является разработка стратегии улучшения физической и тактической подготовки футболисток на основе анализа их физических характеристик.

Материал и методы. Для реализации мониторинга физических характеристик футболисток была разработана анкета, охватывающая шесть аспектов: мониторинг характеристик тела, силовые тренировки, нервно-мышечные тренировки, тренировки энергетической системы, а также стратегии восстановления и периодизированные тренировки. Оценка проводилась с использованием 5-балльной шкалы Лайкерта (1 = совсем нет/никогда, 5 = полностью согласен/всегда) и вопросов с несколькими вариантами ответа.

В ходе целевой выборки было распространено 238 анкет. Состав выборки включал: 198 спортсменов (35 спортсменов национального уровня и выше, 105 спортсменов, имеющих первый разряд) и 40 тренеров и фитнес-тренеров.

Результаты и их обсуждение. Статистика выявляет значительные пробелы в мониторинге показателей тела в женских футбольных командах. Более 60% команд редко или никогда не проводят оценку процентного содержания жира в организме, а почти 70% не проводили оценку риска RED-S, что служит ярким напоминанием о недостаточном внимании к физиологическим потребностям спортсменок.

Скандинавская тренировка задней поверхности бедра (скандинавские наклоны), которая высокоэффективна для профилактики травм, остается недостаточно используемой: менее 10% команд регулярно или постоянно включают это упражнение в программу.

Частота применения нервно-мышечных тренировок в целом остается низкой. В частности, более 40% команд редко или вообще не проводят плиометрические тренировки, что напрямую влияет на взрывную силу спортсменок и эффективность профилактики травматизма.

Выбор методов тренировки демонстрирует тенденцию к традиционным подходам. Наиболее часто используется бег на длинные дистанции в равномерном темпе, в то время как высокоинтенсивные интервальные тренировки и многократные спринтерские упражнения, более характерные для футбольных навыков, используются недостаточно. В частности, недостаточное использование тренировок с мячом в формате SSG (Small-Sided Games) подчеркивает отсутствие специализации в тренировочных программах.

Стратегии восстановления не разработаны. Более половины команд редко или вообще не используют систематический прием пищевых добавок после тренировки, мониторинг сна практически игнорируется, а методы физического восстановления крайне ограничены. Это свидетельствует о том, что восстановлению придается меньшее значение, чем тренировкам.

Основываясь на результатах анкетирования, предлагаются следующие стратегии и пути для улучшения физической подготовки и тактики футболисток:

1. Создание научной системы мониторинга:

а) внедрение периодического мониторинга процентного содержания жира в организме (каждые 1–3 месяца);

б) разработка механизма регистрации и корректировки менструальных циклов;

в) разработка оценки и вмешательства риска.

2. Оптимизация структуры силовых тренировок:

а) увеличение доли тренировок для мышц задней поверхности туловища и ног;

б) добавление скандинавской тренировки мышц задней поверхности бедра.

3. Совершенствование системы нервно-мышечных тренировок:

а) использование данных тренировок в качестве самостоятельного тренировочного модуля (2–3 раза в неделю);

б) акцент на качество, а не на количество.

4. Инновационная тренировка энергетической системы:

а) сокращение доли равномерного бега на длинные дистанции;

б) продвижение режима тренировок SSG.

5. Усиление восстановления и реабилитации:

а) уделить внимание питанию после тренировки (30-минутное окно);

б) создать механизм мониторинга качества сна;

в) применять разнообразные инструменты восстановления организма.

Заключение. Результаты анкетирования показали, что в практике тренировок женского футбола в Китае существуют следующие основные проблемы: недостаточный мониторинг физических характеристик, необоснованная структура силовых тренировок, недостаточная частота тренировок с использованием силовых упражнений, традиционные методы энергетических тренировок и отсутствие стратегий восстановления. В связи с этим в настоящем исследовании предлагается систематическая стратегия совершенствования, которая является основой и практическим руководством для улучшения физической и тактической подготовки футболисток.

1. Горская, И.Ю. Аналитический обзор зарубежных публикаций по проблемам подготовки в футболе / И.Ю. Горская, Г.С. Баймаков, И.В. Аверьянов, Е.Н. Мироненко // Вестник Томского государственного университета. - 2022. - № 483. - С. 165–174

РОЛЬ БРЕНДА В ПРОДВИЖЕНИИ СПОРТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Шишкарева В.М.,

студентка 3 курса Смоленского государственного университета спорта,

г. Смоленск, Российская Федерация

Научный руководитель – Кирсанова О.Г., канд. экон. наук, доцент

Ключевые слова. Бренд, спорт, спортивная организация, брендинг, продвижение.

Keywords. Brand, sports, sports organization, branding, promotion.

Современная индустрия спорта перетерпела фундаментальную трансформацию, превратившись из области, ориентированной исключительно на спортивные результаты, в мощную социокультурную и экономическую систему. В условиях глобализации и цифровизации общества конкуренция за внимание аудитории и инвестиции достигла максимума. В таком аспекте спортивный бренд перестал выполнять лишь идентификационную функцию, став одним из ключевых стратегических и маркетинговых активов спортивной организации, который определяет коммерческий успех, привлекает таланты, объединяет общество.

Вместе с тем недостаточная проработанность в современной науке и практике технологий спортивного брендинга определяет актуальность дальнейших исследований в данном направлении.

Целью настоящего исследования стало изучение и анализ современных подходов к разработке брендов, способствующие созданию положительного образа спортивной организации.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили анализ и синтез, контент-анализ, наблюдение и сравнение, эмпирический анализ. В качестве материалов исследования были использованы публикации в отраслевых периодических изданиях, сайты спортивных организаций и клубов, что позволило получить ряд результатов, определяющих дальнейшие направления исследования.

Результаты и их обсуждение. Разработка спортивного бренда имеет огромное значение в современном обществе, где спорт становится не только видом деятельности, но и мощным инструментом маркетинга и бизнеса. В настоящее время наблюдается увеличение конкуренции среди спортивных организаций и необходимость создания и поиска новых способов продвижения на рынке. Для этого руководители спортивных организаций прибегают к использованию уникальных приёмов в разработке и реализации концепции ее продвижения и позиционирования [3].

Традиционные подходы к брендингу, основаны на стандартизированных решениях и оказываются несостоятельными перед постоянно изменяющейся аудитории [1]. У руководителей возникает потребность в креативных подходах. Креативные подходы – это не про набор инструментов, это образ мышления, который позволяет компаниям оставаться конкурентоспособными и успешными в быстро меняющейся среде. Важно выбрать подходящие методики, адаптировать их к своим нуждам и создать культуру, в которой креативность цениться и поощряется. Это обусловлено, например, значимостью спорта как маркетингового инструмента. Спортивные бренды, такие как Nike и Manchester United, демонстрируют, как успешный брендинг может привести к глобальному признанию и росту финансовых результатов [2].

Важную роль в этом играют не только логотипы и слоганы, но и обширные нарративы, которые передают ценности и миссию организации. Они позволяют спортивным брендам не только рассказывать увлекательные истории, но и вовлекать фанатов в интерактивное общение, что способствует укреплению лояльности и поддержке со стороны аудитории. Имеет значение важность эмоциональной связи с потенциальными клиентами, что может привести к увеличению продаж атрибутики, абонементов и укреплению лояльности целевой аудитории (фанатов).

Использование подобного подхода позволяет разработать философию, близкую целевой аудитории, для бренда создаётся история, которая объясняет идею и миссию: сравнение скрытой в кальдере природной силы и внутренней энергии человека, которая раскрывается через игру.

Рекламы в стиле 50-х годов, позволили бренду Light Swim разработать фирменный стиль, основанный на ностальгии по «золотым годам» спорта — 70-м и 80-м. Объединение символов движения и энергии: волну и солнце, использование упаковки из крафтовой бумаги с эффектом ручного штампинга, одежду с вышивкой и шелкографией [4].

В Российской Федерации примером такого использования может служить фирменный стиль баскетбольного клуба «Локомотив-Кубань», креативность брендирования заключается в том, что каждый игрок представлен в виде супергероя с уникальными способностями, подчёркивающими его баскетбольные таланты. Команды-соперники изображены как злодеи, с которыми предстоит справиться героям-игрокам.

Заключение. Таким образом, спортивный бренгдинг направлен на формирование устойчивых ассоциаций и эмоций у целевой аудитории (болельщики, зрители, инвесторы, спортсмены). Важнейшими элементами является визуальная узнаваемость, уникальные идеи и концепция, а также эффективное продвижение бренда в цифровом пространстве.

Применение креативных методов и нестандартных подходов позволяет создать спортивный бренд, обладающий уникальностью, высоким уровнем узнаваемости и привлекательностью среди целевой аудитории.

1. Котлер, Ф. Маркетинг 5.0. Технологии будущего поколения / Ф. Котлер, С. Айвен, К. Хермаван; [пер. с. нагл. А. Горман]. – М.: Эксмо, 2022. – 272 с.
2. Костиков В.Ю. Концепт спортивного брендинга: теоретико-методологические параметры / В.Ю. Костиков // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т.6, № 4. – С. 615 – 630.
3. Обожина, Д.А. Особенности маркетинга в спорте: учеб. пособие / Д.А. Обожина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 75 с.
4. Ries, A., Trout J. Positioning: The Battle for Your Mind / A. Ries, J. Trout. – New York, McGraw-Hill, 2003. – 246 p. (Russian ed.: Trout J., Ries A. Pozitsionirovanie: bitva za umy. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006. 272 p.)

ДНЕВНИК САМОКОНТРОЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ И УПРАВЛЕНИЯ ТРЕНИРОВОЧНЫМ ПРОЦЕССОМ У УЧАЩИХСЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ

Шнипова Т.А.,
преподаватель Полоцкого колледжа ВГУ имени П.М. Машерова,
г. Полоцк, Республика Беларусь

Ключевые слова. Здоровье, специальная медицинская группа, физическая активность, самоконтроль, дневник самоконтроля, мониторинг здоровья.
Keywords. Health, special medical group, physical activity, self-monitoring, self-monitoring diary, health monitoring.

Физическая культура включена в образовательный стандарт как один из основных учебных предметов образовательного процесса. Здоровье молодежи является важным индикатором благополучия общества и его будущего. Эксперты отмечают, что в условиях современного окружения у подростков крайне низкий уровень здоровья и физической активности, где занятия физической культурой часто уступает место малоподвижному образу жизни. В связи с этим проблема физического развития учащихся становится особенно актуальной. В последние годы наблюдается устойчивая тенденция увеличения числа заболеваний и ухудшение общего состояния здоровья среди молодежи, роста числа детей и подростков, имеющих ограничения по состоянию здоровья и отнесенных к специальной медицинской группе (СМГ), требующих коррекции состояния здоровья средствами физической культуры, что подчеркивает необходимость внимательного изучения данного вопроса.

Учащиеся специальной медицинской группы, как правило, пассивны, имеют низкую мотивацию к занятиям физической культурой, не владеют навыками оценки собственного состояния организма, не умеют адекватно оценивать нагрузку и последствия, приводящие к снижению эффективности занятий и риску ухудшения здоровья.

В сложившихся условиях возникает острая необходимость в поиске и внедрении педагогических технологий, которые не только минимизируют риски для здоровья, но и активно вовлекут самого обучающегося в процесс его оздоровления, формируя осознанную потребность в физической активности.

Существующая система контроля в учреждениях образования зачастую ограничивается внешней оценкой педагога состояния учащегося, без включения механизмов самооценки и рефлексии самого подростка. В такой ситуации необходимы инструменты, обеспечивающие обратную связь между учащимся и преподавателем физической культуры, позволяющие получать объективные и субъективные данные о переносимости нагрузок каждым учащимся.

Дневник самоконтроля становится таким уникальным инструментом, позволяющим перейти от группового обучения к персонализированному управлению оздорови-

тельным процессом, формируя у учащегося здоровьесберегающую компетенцию – умение управлять своим самочувствием и нагрузкой.

Цель исследования заключается в обосновании и разработке дневника самоконтроля, методике его применения для повышения эффективности занятий физической культурой с учащимися специальной медицинской группы.

Материал и методы: анализ статистических данных; анкетирование учащихся; наблюдение; сравнительный анализ; контент-анализ существующей литературы и исследований по теме физического развития и здоровья учащихся специальной медицинской группы для выявления проблем и актуальных вопросов.

Результаты и их обсуждение. Образовательный процесс в учреждениях образования требует соответствующих средств и методов работы с учащимися специальной медицинской группы и, как правило, специфических элементов контроля и самоконтроля. Первичным средством мониторинга здоровья и самочувствия учащихся (СМГ) в данном случае является дневник самоконтроля.

Самоконтроль – это регулярные наблюдения за состоянием своего здоровья, физической подготовкой и их изменениями под влиянием регулярных занятий упражнениями и спортом [1]. При регулярном оценивании влияния физических упражнений на состояние здоровья и коррекции их применения, тем самым решаются важные задачи самоконтроля:

1. Расширить знания о физическом развитии;
2. Приобрести навыки в оценке психофизиологической подготовленности;
3. Ознакомиться с простейшими и доступными методами самоконтроля;
4. Определить уровень физического развития, тренированности и здоровья, чтобы корректировать нагрузку при самостоятельных занятиях физической культурой и спортом [1].

В соответствии с Примерной учебной программой по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» для специальных медицинских групп для реализации образовательных программ профессионально-технического и среднего специального образования, утвержденной Первым заместителем Министра образования Республики Беларусь от 04.07.2024 г., в дневник самоконтроля необходимо включать основные показатели оценки физического развития учащихся, отнесенных к специальной медицинской группе (тотальные размеры тела, пропорции, телосложение: длина тела, масса тела, окружность грудной клетки; ряд функциональных показателей: жизненную ёмкость легких, жизненный индекс, ЧСС, частоту дыхания, артериальное давление, силу мышц кисти), а также широко известные функциональные пробы, которые рекомендованы для объективной оценки изменений уровня функциональных возможностей учащихся в течение учебного года (исследование функционального состояния сердечно-сосудистой системы: проба Мартине – Кушелевского; исследование функционального состояния дыхательной системы: проба Штанге, проба Генчи; исследование функционального состояния вегетативной нервной системы: клиностатическая проба). Функциональные пробы позволяют оценивать общее состояние организма, его резервные возможности, особенности адаптации различных систем к физическим нагрузкам [2].

В дневнике должно быть отведено место для фиксации диагноза, показаний и противопоказаний по соответствующему заболеванию.

Вместе с тем, для ежедневного мониторинга состояния здоровья обучающихся можно включить простые для измерения подростками *объективные показатели* (пульс утром лежа в постели и стоя (ортостатическая проба); наличие и характер нарушений менструального цикла (для девушек), и *субъективные показатели* (по 5-балльной шкале или смайликами: самочувствие (отличное, хорошее, удовлетворительное, плохое); настроение; сон (глубина, продолжительность, лёгкость пробуждения); аппетит, переносимость учебной нагрузки; переносимость физической нагрузки на занятии; желание заниматься физкультурой).

Для большей заинтересованности обучающихся, следует предусмотреть раздел «Мои рекорды и достижения», который заполняется вместе с преподавателем физической культуры, и раздел «Личные комментарии учащегося».

В основной части дневника производится заполнение следующих граф: дата занятия, содержания занятия, субъективной оценки до и после занятия, пульса до, во время и после занятия, примечания.

Первоначально учащимся необходимо объяснить методику работы с дневником самоконтроля, провести инструктаж и соответствующее обучение: как правильно измерять пульс, как оценивать свои ощущения, как правильно фиксировать и вносить данные, регулярность заполнения (ежедневно, включая день занятия физической культурой). Для анализа и «обратной связи» преподаватель физической культуры изучает дневники один раз в неделю, корректирует индивидуальную нагрузку и план урока, поощряет, обсуждает успехи и мотивирует обучающихся. Просматривая дневник, преподаватель и врач могут в динамике изучить состояние здоровья занимающегося физическими упражнениями, оценить их влияние и дать методические рекомендации по дальнейшему занятию физкультурой. Регулярные самонаблюдения и периодический анализ их результатов, углубляя самопознания занимающегося физкультурой, помогают формировать ему убеждения о роли физических упражнений в здоровом образе жизни [1].

Заключение. Регулярное использование дневника самоконтроля позволяет обучающимся сформировать представление о реакции своего организма на нагрузку, научиться фиксировать и визуализировать объективные и субъективные показатели своего физического состояния и прогресса (улучшение сна, настроения, переносимости нагрузок), сформировать осознанное отношение к собственному здоровью, мотивацию к занятиям физической культурой, ответственность, дисциплину и самосознание. Кроме того, дневник является основой для персонализированного управления оздоровительным процессом, установления партнерских отношений в рамках «учащийся - преподаватель физической культуры – врач». Для удобства и вовлеченности современных подростков необходимо внедрять цифровые форматы дневника самоконтроля (мобильные приложения, Google Forms и т.д.).

1. Казантинова Г.М. Физическая культура студента: учебник / Г.М.Казантинова, Т.А.Чарова, Л.Б. Андрющенко. – М : ООО «Торговый дом «Советский спорт», 2021.- 328 с.

2. Примерная учебная программа по учебному предмету «Физическая культура и здоровье» для специальных медицинских групп для реализации образовательных программ профессионально-технического и среднего специального образования, утвержденная Первым заместителем Министра образования Республики Беларусь от 04.07.2024 г.

3. Теория и методика физической культуры (теория и методика физического воспитания) для специальностей: 1-88-0201-01 Спортивно-педагогическая деятельность (тренерская работа с указанием вида спорта), 6-05-1012-01Тренерская деятельность (с указанием вида спорта), 6-05-0115-01 Образование в области физической культуры: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине: в 2 ч. / сост. Н.В. Минина. – Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2024. – Ч. 2.- 95 с.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Шустов Н.С.,
студент 4 курса Майкопского государственного технологического университета,
г. Майкоп, Российская Федерация
Научный руководитель – Свечкарёв В.Г., доктор пед. наук, профессор

Ключевые слова. Молодёжь, физическое воспитание, государство, здоровье.
Keywords. Youth, physical education, state, health.

Жизнь каждого человека возможна только при ежедневном, непрерывном удовлетворении его потребностей, требующих его физической и психической активности. Человеческая биология сформировалась в естественной конкурентной природной среде, где физические способности его тела являлись определяющим фактором его выживания и его положения в социуме [1, 2, 7].

Проблема исследования – современная молодёжь малоподвижна.

Цель исследования - анализ основных направлений работы общества и государства по физическому воспитанию и формированию здорового образа жизни среди молодёжи.

Материал и методы. Анализ и обобщение научно-методической литературы по проблеме исследования, сравнение, формализация, метод научной индукции.

Результаты и их обсуждение. В цивилизованном мире физические возможности человеческого тела для большинства людей не являются определяющим фактором для выживания и физического благополучия. Осознанное отношение к состоянию своего тела возникает только при возникновении нездоровых ощущениях [3].

Технологическое развитие человечества все меньше оставляет необходимость физической деятельности в производительном труде. Изобилие пищи, и минимальная необходимость в физической подвижности в повседневной жизни приводит к эмоциональной апатии социального самоопределения и самоутверждения, а появление интернет привело к избыточной доступности к любой информации, а также и реализацию потребности в общении без физического контакта. Для большей часть общества такое существование в комфортной среде без необходимости физических нагрузок является целью и смыслом существовании. А высвободившееся время от необходимой повседневной деятельности человек использует для получения удовольствий в физически расслабленном состоянии организма.

Именно в среде увлеченных людей активными видами отдыха и досуга сформировалось понятие «здорового образа жизни» гармоничного сочетания преимуществ технологически развитого урбанизированного общества с осознанным регулированием режима питания и различных форм физической активности как в урбанизированной городской среде, так и в естественно природной [6].

Государство, осознавая пагубность воздействия на здоровье физической пассивности городского населения поддерживает социальные инициативы развития активных форм отдыха и досуга в виде спорта, различных форм отдыха на природе, в том числе и экстремальных видов деятельности [4]. В учебных заведениях введены уроки физической культуры, развивается и поддерживается спортивная инфраструктура, стадионы спортплощадки. Однако известно, что приверженцами активных форм досуга является увлеченная этим меньшая часть общества 5-10% городского населения. В настоящее время мы наблюдаем кризис цивилизационного развития человечества на фоне достижения технологического развития производства информационной доступности, и комфортного бытового существования, рост физической деградации, снижения физического и физиологического здоровья.

Действия государства в предотвращении физической деградации населения в виде пропаганды здорового образа жизни, развития медицинских услуг, поддержка различных форм физической активности населения, создание спортивной инфраструктуры не дают должного результата. Объясняется это просто — любая физическая активность требует волевого импульса, обусловленного либо жизненной необходимостью, либо опосредованным действием для получения желаемого удовольствия. Для большинства населения именно отсутствие или низкий уровень воли при доступности всего необходимого исключает в их жизни активные виды отдыха, заменяя их на виртуальные путешествия или созерцая спортивные подвиги других.

Существующие в системе образования уроки физической культуры не являются для молодежи привлекательными и желанными в силу их эмоциональной скудости выполнения методически определенных физических упражнений. Более-менее привлекательными для молодежи является занятие игровыми видами. Особо эмоционально яркими для молодежи являются занятия физкультурой и особенно в игровой форме вне стен учебных заведении и выезды на природу. Для многих детей и молодёжи школьные походы на природе оказываются основой желания и реализации активного вида отдыха уже во взрослой жизни [5].

В свою очередь взрослые приверженцы активных форм отдыха, имея детей, вместе сними вовлекают их в такой образ жизни, выстраивают для них такую форму время

препровождения как эмоционально приятную, желанную и естественную. Однако это формируется только в семейном и ближайшем окружении близких увлеченных людей. Без осознанных эффективных мер государства и общества в условиях комфортной социально-экономической среды по прививанию популярности физически активных форм отдыха невозможно поддержание физического и популяционного здоровья населения. Необходим переход от формально принятых форм физического образования и декларационной пропаганды здорового образа жизни к созданию системы стимулирования физической активности для конкурсных отборов на образовательных этапах. Глобально требуется изменение социальных и цивилизационных приоритетов: от идеологии сытой комфортной жизни, к эмоционально заполненной творческой жизни в технологически развитом мире в гармоничном взаимодействии с естественной природной средой.

Наиболее гармонично проявляется мотивация молодежи к физической активности в игровой соревновательной форме и желании приключений на природе. Эти формы всегда поддерживались и финансировались на государственном уровне, особенно это проявилось в двадцатом веке широким распространением и популярностью игровых видов спорта, созданием социальных форм воспитания физического развития детей в виде скаутского движения и пионерского движения, развития и финансовой поддержки массового туристического движения. По сути, только при государственной поддержке полупринудительно реализовывалась идея массового физического воспитания.

В последние годы государство уделяет большое внимание здоровью и развитие детей и молодежи. С этой целью Министерство просвещения активно перерабатывает программу предмета «Физическая культура» введением факультативных модулей форм физической активности по видам спорта. Это даст возможность школьникам по своему желанию выбирать с целью повышения его привлекательности и учета интересов. Но главная идея нововведения - позволить школьникам выбирать тот вид спорта и физической активности который ему больше нравится и соответственно стимулирует его к посещению этих уроков. Факультативные модули для уроков физкультуры создаются совестно с общероссийскими спортивными федерациями. На сегодняшний день таких модулей разработано уже более 32 и ведется активная работа по увеличению их количества с учетом климатических и региональных особенностей. Для реализации этой программы создаются физкультурно-спортивных клубы и секции, на сегодняшний день в стране действует более 60 тыс. клубы и секции. Для продвижения популярности и реализации ЗОЖ для детей и молодежи государству необходимо перенести акцент с развития спортивной инфраструктуры для «большого» спорта, на создание или возвращение системы массового развития и физического воспитания детей в образовательный период [4].

Реализовать систему индивидуального подхода в форму физического воспитания детей и молодежи, заменить существующую форму физической подготовки в виде обязательных уроков физкультуры на факультативы с индивидуальными формами физической активности, по желанию детей. Участие в таких факультативах должно учитываться как оценка физического воспитания. А активность и достижения в таких факультативах должна использоваться как дополнительные баллы в ЕГЭ. Это станет мощным стимулом для физической активности в период образовательного периода. Введение субсидирование организации и участие молодежи в выездных спортивных и туристических мероприятиях. Введением районных, квартальных центров детской физической активности на дворовых игровых площадках для организации игр для детей и молодежи в свободное от занятий время. Значительным фактором в воспитании здорового образа жизни детей и молодежи является образ жизни родителей и их ближайшего взрослого окружения. Поэтому важным фактором в обеспечении физического здоровья детей и молодежи может являться введение системы стимулирования и штрафов для родителей в ведении ими здорового образа жизни. Это может быть введением физических обязательных нормативов для государственных служащих, и бюджетных работников, в премиальной системе оплаты труда.

Заключение. Таким образом, прививание молодежи желание активных форм отдыха как средство формирования здорового образа жизни невозможно без участия государства, через изменение системы финансирования и создание системы мотивирующей системы ведения физически активного здорового образа жизни как молодежи, так и взрослых, в какой-то части поощрительной форме, а в какой-то и карательной в виде штрафов.

1. Нехорошева, Э.А. Пропаганда ЗОЖ в образовательной среде / Э.А. Нехорошева, В.Г. Свечкарёв. – В книге: Новые технологии в учебном процессе и производстве. Материалы XXI Международной научно-технической конференции, посвящённой 35-летию полета орбитального корабля-ракетоплана многоразовой транспортной космической системы "Буран". Рязань, 2023. – С. 820-822.

2. Парфёнова, О.А. Приобщение детей дошкольного возраста к здоровому образу жизни через активный отдых / О.А. Парфёнова. – Проблемы педагогики. – 2017. – №5 (28). – С. 5.

3. Свечкарёв, В.Г. К вопросу об использовании высокоинтенсивного интервального тренинга / В.Г. Свечкарёв. – Научные известия. 2019. – № 15. – С. 100-104.

4. Свечкарев, В.Г. Современные приоритеты развития государственной политики в области физической культуры и спорта / В.Г. Свечкарев. – Научные известия. – 2020. – № 18. – С. 57-61.

5. Свечкарёв, В.Г. Эволюция спорта / В.Г. Свечкарев. – Научные известия. 2019. – № 14. – С. 63-67.

6. Хижная, А.В. Воспитание сознательного отношения школьников к здоровому образу жизни / А.В. Хижная, Н.Л. Синева, К.С. Гордеев. – Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №72-4. – С. 274-277.

7. Янбухтин, Т.А. К проблеме формирования здорового образа жизни подростков и включенности их в досуговую спортивно-оздоровительную деятельность в условиях мегаполиса / Т.А. Янбухтин. – Педагогика и психология образования. 2011. – №2. – С. 43-50.

THE IMPACT OF TENNIS TRAINING ON CAMPUS ON THE BASIC QUALITIES OF STUDENT TRAINING

Chen Ruofei,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Yanovskaya V.V., PhD in Biology, Associate Professor

Keywords. Ping pong, national fitness, physical fitness, student training, physical education.

Ping pong (table tennis), as one of the most widely practiced sports in China, boasts significant advantages such as flexible venue requirements, low cost, and a low participation threshold. However, its fitness value has long been underestimated. Compared with traditional sports like running and swimming, ping pong not only improves cardiovascular function through aerobic exercise but also enhances neuromuscular coordination through rapid reaction training. Moreover, it exerts minimal impact on joints, making it suitable for people of all ages. This paper starts from the characteristics of ping pong, combines its actual effects on improving physical fitness with promotion practices to demonstrate its feasibility in national fitness programs, providing theoretical support for optimizing the supply of sports events.

The purpose of the work to demonstrate the feasibility of ping pong in national fitness programs by analyzing its characteristics, fitness effects and promotion practices.

Material and methods. The study of scientific and methodological literature, the survey of students and teachers.

Results and their discussion. In terms of fitness effects, ping pong combines the dual attributes of aerobic and anaerobic training. Continuous rallies lasting over 30 minutes can maintain a heart rate of 110-140 beats per minute, approaching the standard for moderate-intensity aerobic exercise, thereby effectively improving cardiovascular function. Meanwhile, actions such as rapid smashes and sidestep attacks require explosive power, which can strengthen the muscles of the upper limbs, core, and lower limbs. Additionally, ping pong places extremely high demands on reaction speed, spatial judgment, and hand-eye

coordination. Long-term training can shorten participants' reaction times by 0.15-0.3 seconds and improve balance ability by over 20% [1]. Such improvements in neuromuscular coordination are of great value in preventing falls among the elderly and enhancing athletic performance in adolescents.

Promotion practices further validate the feasibility of ping pong. The "Hundred-Village Ping Pong Tournament" in Guangzhou has been held continuously for 15 years, attracting over 500,000 participants in total. By organizing graded competitions, it has lowered the entry barrier for participants and fostered a stable sports community. In Shanghai, the promotion of "Ping Pong Fitness Corners" in communities, coupled with the provision of public coaches to guide scientific warm-ups and proper techniques, has reduced the injury rate among participants to below 3% [2]. These cases demonstrate that by improving venue facilities, diversifying sports events, and strengthening popular science education, ping pong can effectively stimulate public enthusiasm for participation and cultivate sustainable fitness habits.

Conclusion. Ping pong, with its low cost, high entertainment value, and strong adaptability, has emerged as an ideal choice for improving the physical fitness of the entire population. Its "low-threshold" characteristic breaks through the limitations of venue and economic constraints, enabling people of different ages, genders, and income levels to participate [3]. Its "high adaptability" meets diverse needs ranging from rehabilitation training to competitive enhancement by adjusting exercise intensity. Based on promotion practices, it is recommended that the government increase the installation of community ping pong tables through subsidy policies, that sports departments organize graded amateur leagues, and that media platforms release popular science tutorials to further expand the coverage of the sport. Future research could focus on the intervention effects of ping pong on specific chronic diseases (such as diabetes and hypertension) to provide more precise evidence for optimizing national fitness programs.

1. Report on the Status of National Fitness Activities in China 2023: General Administration of Sport of China. – China, 2023. – 156 p.
2. Ping Pong Fitness Efficacy Research Report 2023: Chinese Sports Science Society. – China, 2023. – 162 p.
3. Campus Sports Promotion and Practice Report 2023: Ministry of Education of China. – China, 2023. – 24 p. – ISSN 2096-7071/CN 10-1629/R1.

THE HISTORY OF DANCE SPORT DEVELOPMENT IN CHINA

Deng Yuanyuan,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Minina N.V., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Dance, China, Sport, Sports Dance Federation.

Sports dance (Dance Sport), as a sport that evolved from social dancing and combines artistic expression with athletic competitiveness, has gained widespread recognition and development worldwide. In 2005, the International Olympic Committee officially recognized sports dance as an Olympic sport, marking a new phase in its globalization process. Amid this wave of globalization, China, as a latecomer but rapidly developing representative, has demonstrated unique trajectories and models in its localization practices.

Since its introduction in the 1980s, sports dance in China has undergone profound transformations–from being considered a "foreign novelty" to becoming a popular sport, and from grassroots initiatives to state-driven nationwide promotion–ultimately becoming an indispensable component of both mass sports and competitive sports in the country [1].

The purpose of the work is to identify the stages of formation and development of sport dance in China.

Material and methods. The material was based on sources on the development of sport dance in China. *Research methods*: literature review, historical analysis, logical reasoning, and case study (e.g., China Sports Dance Open, "Chinese-style" choreography).

Findings and discussion. At the beginning of Chinese reform and opening-up, sports dance, as an "foreign novelty", was introduced to China with the increase in cultural exchanges. Initially, it mainly spread in the form of social dance in dance halls across major cities, carrying strong elements of public social interaction and entertainment.

In 1986, Mr. Tsutomu Naruse, a renowned Japanese ballroom dance educator and ISTD-certified examiner, was invited by the China Dancers Association to conduct a 3-month national training course in Beijing and Shanghai. His curriculum, preserved in the archives of the China Sports Dance Federation (CDSF), included:

Technical Modules: Standardized breakdown of basic steps with emphasis on "muscle control" and "frame stability".

Teaching Methodology: Western–style "progressive instruction" (from slow-motion drills to music adaptation) contrasted with Chinese traditional "imitation-based learning".

Cultural Context: Lectures on the historical evolution of European social dance, with video materials of the 1985 Blackpool Dance Festival.

Feedback from 120 participating dance teachers (interview records, 1987) showed that 93% rated the course as "revolutionary", particularly praising the "scientific training system" and "precise movement specifications". This laid the foundation for Chinese first standardized teaching syllabus in 1988 [2].

The inaugural National Ballroom Dance Championships (later renamed China Sports Dance Championships) held in Guangzhou in November 1989 marked the formalization of competitive sports dance in China. Key statistics from the event report (CDSF, 1989) include:

Participation: 187 couples from 23 provinces/municipalities, with 65% from professional dance troupes and 35% from amateur social dance clubs.

Event Structure: 4 standard dances (waltz, tango, foxtrot, quickstep) and 3 Latin dances (rumba, cha-cha-cha, samba); no group dances or age categories.

Judging Panel: 7 judges, including 2 from Japan and 1 from the UK (ISTD representative), using a simplified 10-point scoring system.

Cultural Adaptation: 8% of participants wore modified costumes (e.g., qipao-inspired Latin dresses), but all music was imported from Europe (e.g., "The Blue Danube" for waltz).

This phase's localization was characterized by "introduction and imitation", primarily driven by grassroots forces and dance associations, aiming to introduce authentic Western sports dance to China.

In the 21st century, the localization path of sports dance underwent a significant transformation. In 2002, sports dance was officially listed as a competitive sport by the General Administration of Sport of China and placed under the management of the China Sports Dance Federation (CDSF). This administrative reorganization carried profound implications, signifying that sports dance had been incorporated into the framework of Chinas "national system".

Conclusion. The obtained data will enrich the theory of dance anthropology and sports sociology, and explore the model of "global-local" cultural interaction. The methodological recommendations will help the China Dance Sport Association in formulating local competition rules or training systems; developing a strategy for the international activities of the dancesport industry (e.g. training and events).

1. Tian, L. P. The dilemma and solutions for the localization of sports dance development in China / L. P. Tian // Journal of Wuhan Institute of Physical Education. – 2019. – Vol. 53, № 8.–P. 5-70.

2. Lin, L., Cai, H., Dong, G. Value Interest, Practical Dilemma and Breakthrough Direction of Sports Dance Assisting "Holistic Education" / Lin, L., Cai, H., Dong, G. // Journal of Huainan Normal University. – 2025. – Vol. 27, № 04. – P. 113-119.

THE INTEGRATION AND APPLICATION OF TRADITIONAL CHINESE MARTIAL ARTS AND LION DANCE

Ding Shun,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Novitsky P.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Traditional ethnic sports, martial arts, lion dance, core, training Lion dance, a traditional ethnic sport.

The "fish leap and roll" movement from martial arts is incorporated into the "rolling" and "jumping" movements of the Northern Lion Dance, creating highly realistic and powerful rolls, enhancing the fluidity and aesthetics of the movements. Complex Movements: The Northern Lion Dance integrates martial arts techniques such as "spinning" and "backflips," with "two lions rotating 360° on stage, turning 180°, and then leaping onto a high platform."

The success of each lion dance movement relies on countless hours of rigorous training. As demonstrated in a large competition, lion dance is characterized by high intensity and prolonged activity (a complete Northern Lion Dance performance lasts approximately 6-10 minutes, including numerous movements on the ground, platform, and elevated stages). The movements require continuous running, jumping, crouching, and leaping; all of these movements are inseparable from the fundamentals of martial arts.

This study aims to innovatively integrate martial arts elements into lion dance performances, enhancing its complexity. Therefore, all these complex movements require a combination of balance, body coordination, and the inherent power and skills of martial arts.

Material and methods. This study analyzes the complexity, innovativeness, and realism of existing competition routines. It examines the difficulties and challenges of integrating martial arts techniques into lion dance. Main Research Methods: Literature review, observation of lion dance competitions, and assessment of athletes' proficiency in lion dance movements.

Results and discussion. Based on athlete competitions, it is evident that fundamental martial arts skills form the foundation of lion dance abilities.

Taking Southern Lion Dance as an example, its body posture, footwork, and rhythm control share common origins with martial arts. It extensively utilizes martial arts stances, horse stances, jumps, and balance techniques, resulting in movements that are both strong and gentle, dynamic and static, and distinct in their realism and deception. Northern Lion Dance emphasizes form, with movements primarily consisting of pouncing, falling, flipping, and rolling, supported by martial arts stances to maintain expression and rhythm.

The internal and external harmony of martial arts and the spirit-form unity of lion dance are isomorphic in kinematics and dynamics: the horse stance and stance training provide lower body stability and power generation, while body movements and footwork facilitate the transfer of center of gravity, enabling a smooth transition between hardness and softness, speed and slowness, and emptiness and fullness in the movements.

Training Plan: The training begins with basic martial arts skills, strengthening the horse stance and core strength of the waist and legs. Building upon this foundation, basic lion dance movements such as high lifts and leg stances are added. A breakdown practice approach is used, first focusing on form and power, then progressing to more complex movements. Martial arts indicators such as horse stance stability, center of gravity control, power generation, and fluidity are assessed simultaneously with lion dance indicators such as expressive posture, routine arrangement, coordination, and difficulty level, ensuring the unity of martial arts and dance.

Conclusion. Contemporary competitive and stage performances have enhanced the visual appeal and standardization of lion dance, but this also carries the risk of diluting its martial arts core: the depth of the horse stance and the duration of stance training are weakened.

Maintaining the complete chain of basic skills – routines – application scenarios is crucial to avoiding "de-martial artsization." Lion dance and martial arts share the same origin, principles, and methods; their form, spirit, footwork, and power are all based on the fundamental skills of martial arts.

1. Shan, Zhikui. The Development Direction of Chinese Lion Dance (Northern Lion) Routine Practice / Shan Zhikui, Wang Jing // Martial Arts Science. – 2019, 16 (2). – P. 45-48.
2. Li, Chunxiang. Comparative Analysis and Integration of Lion Dance and Traditional Martial Arts / Li, Chunxiang // Shijiazhuang: Hebei Normal University. – 2014. – P. 314.
3. Martial Arts Management Center of the State General Administration of Sport: Development Report of Chinese Lion Dance. Beijing: People's Sports Publishing House, – 2021. – 200 p.

A STUDY ON PROMOTION STRATEGIES AND APPLICATION EFFECTIVENESS OF FITNESS INFLUENCERS IN THE INTERNET ERA

Du Yi,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Novitsky P.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Fitness influencers, promotion strategies, user engagement, national fitness, social media, content marketing.

With the rapid development of mobile internet and the implementation of the "Healthy China" strategy, the digital transformation of national fitness has become an inevitable trend. Fitness influencers, as key bridges connecting professional knowledge and public demand, play an increasingly important role in promoting national health. However, current fitness content dissemination often faces the challenge of emphasizing traffic over substance. Most content creators focus on producing high-intensity "gimmicky" workouts or oversimplified diet plans, neglecting users' individual physical conditions, skill acquisition patterns, and long-term habit formation. This leads to high dropout rates due to training injuries, lack of persistence, or poor results, ultimately hindering the sustainable development of a healthy lifestyle [1, 2].

Research in communication and sports psychology indicates that users' acceptance and internalization of fitness knowledge follows a "cognitive interest - movement decomposition - integrated practice - habit automation" pattern. The dissemination effectiveness of fitness influencers is a complex process, where the scientific nature of content strategy and the appropriateness of interaction methods directly impact user engagement and exercise outcomes. Current research on fitness influencers mainly focuses on case studies or platform policies, with insufficient empirical research on the relationship between systematic promotion strategies and user application effects. Therefore, this study aims to establish a scientific, progressive influencer promotion strategy system and compare its effects with traditional traffic-oriented models, providing theoretical basis for improving the effectiveness of online fitness promotion [3, 4].

Material and methods. The study selected six emerging fitness influencers (50,000-200,000 followers) from short video platforms and their core fan bases as research subjects. 480 active users with less than one year of fitness experience were randomly divided into experimental and control groups. The experimental group implemented a progressive strategy of "theoretical education - decomposed training - integrated practice - community motivation," while the control group maintained traditional viral content approaches. The experiment lasted 12 weeks, with data collected through multiple channels including platform analytics, questionnaire surveys, and expert assessments. Research Methods: Digital ethnography observation, Questionnaire surveys, Controlled experiments, Statistical

analysis, Expert evaluation. Measurement Indicators: 1. User engagement metrics (completion rate, interaction rate, weekly practice frequency); 2. Skill mastery assessment (movement standardization evaluation by professional coaches; 3. Behavioral persistence (training difficulty perception, dropout rate).

Results and discussion. 1. Comparative Analysis of User Engagement.

Prior to the experiment, both groups showed similar baseline metrics in content completion and interaction rates. After implementing the new strategy, the experimental group demonstrated significant improvements: average completion rate increased to 78.6% (±8.5%), compared to 55.4% (±11.2%) in the control group. Weekly practice frequency in the experimental group showed a 125% increase, significantly higher than the 40% growth in the control group. This enhancement can be attributed to the scientific design of the progressive strategy. The theoretical education phase effectively lowered the cognitive threshold for users, the decomposed training phase built technical confidence, and the community motivation phase provided sustained external support. In contrast, the control group's viral content, while generating short-term traffic, failed to establish lasting user engagement.

2. Analysis of Skill Acquisition Effects. The experimental group achieved significantly higher scores (85.6±6.2) on the movement standardization assessment compared to the control group (65.3±9.1). Specifically, in key technical aspects such as squat posture and core engagement, the experimental group's accuracy rate exceeded the control group by over 30%. These results validate the importance of the decomposed training phase. Traditional approaches often overlook users' learning curves, while the progressive strategy effectively supports skill development through step-by-step guidance, establishing correct muscle memory and movement patterns.

3. User Persistence and Psychological Adaptation. The experimental group showed remarkable improvement in training persistence metrics. The frequency of "training reluctance" significantly decreased, while confidence in maintaining long-term exercise habits substantially increased. The control group, however, experienced a noticeable dropout peak around the fourth week.

Community support emerged as a crucial factor in maintaining user engagement. Regular check-ins, positive feedback, and group interactions in the experimental group effectively alleviated training anxiety and enhanced exercise adherence.

Conclusion. Main Findings:

1. The progressive "education-decomposition-integration-community" strategy significantly outperforms traditional approaches in user engagement, skill acquisition, and persistence.

2. Scientific content design that follows learning patterns effectively lowers participation barriers and improves training safety.

3. Community support plays a vital role in maintaining long-term engagement and habit formation.

1. Wang, W. Social Media Fitness Information and Youth Exercise Behavior / Wang W. // Journal of Shanghai University of Sport. – 2022. – 46 (3). – P. 85-92.

2. Liu, M. Health KOL Communication Strategies and User Trust Building / Liu M // Journal of International Communication. – 2021. – №7. – P.110-125.

3. Chen, F. Online Fitness Community Engagement Based on TPB / Chen, F., & Li, J. G. // Journal of Physical Education. – 2020. – 27(5). P. 78-85.

4. Johnson, M. Digital Fitness Communities and User Engagement // Johnson, M., et al.// Social Media Studies. – 2021 – 15(2). P. 45-60.

AN ANALYSIS OF THE SIGNIFICANCE OF THE DEVELOPMENT OF YOUTH GOLF

Gao Hanchao,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Yanovskaya V.V., PhD in Biology, Associate Professor

Keywords. Golf, youth, physical and mental health, social development, sports-education integration.

As a sport that combines competitive, social, and recreational elements, golf holds unique educational value for youth development. With the deepening of my country's sports education reform and the advancement of the "integration of sports and education," golf has gradually shed its traditional image as an "elite sport" and become a vital vehicle for promoting the well-rounded development of young people.

The purpose of this work is to study the positive impact of golf on the physical, psychological, social and cultural development of young people.

Material and methods. The study of scientific and methodological literature, the survey of students and teachers.

Results and their discussion. Golf requires high levels of coordination, core strength, and focus. Through systematic training, young people can improve their body control, hand-eye coordination, and movement stability. Unlike high-intensity sports, golf emphasizes the integration of technique and strategy, helping young people develop a scientific understanding of exercise load and avoid the risk of injury from overtraining [1]. Furthermore, golf is often played outdoors in natural environments, providing young people with access to sunlight, fresh air, and green spaces. This helps relieve visual fatigue, improve posture, and promote healthy growth [2].

Golf emphasizes "self-challenge" rather than "competition against others," requiring players to remain calm, focused, and patient. Every shot decision requires calculating factors like distance, wind direction, and terrain, which helps cultivate young people's logical thinking and strategic planning skills. Furthermore, the integrity and self-discipline inherent in the rules of golf (such as self-scoring and proactive penalty strokes) can subtly cultivate young people's awareness of rules and moral values. When faced with mistakes and setbacks, players need to learn to regulate their emotions and motivate themselves. This kind of mental resilience training has long-term benefits for young people's personality development [2].

Golf is known as a "bridge between social sports." Its etiquette (such as observing quietly, respecting opponents, and protecting the course) can cultivate young people's awareness of social norms and a sense of public responsibility. Through tournament participation, team training, and other activities, young people have the opportunity to interact and collaborate with peers from diverse backgrounds, learning how to navigate competition and manage interpersonal relationships. Furthermore, golf often transcends age and occupational boundaries, providing young people with a broader perspective and social network, enhancing their social adaptability.

Golf is a sport suitable for all lifespans. Learning during adolescence can lay the foundation for a lifelong exercise habit. Compared to short-term, exam-oriented sports training, golf focuses more on cultivating interest and sustainable participation, aligning with the educational philosophy of "health first." Furthermore, golf blends modern Western sportsmanship with traditional Eastern philosophy (such as "Tao follows nature" and "combining movement and stillness"), helping young people understand the diversity of sports culture and enhance their cultural confidence.

To fully leverage the educational potential of golf, coordinated efforts are needed across multiple aspects, including curriculum design, teacher training, and facility development. For example:

– integrate golf fundamental movement training into physical education classes, using gamified instruction (such as putting challenges and simulated racetracks) to stimulate interest;

– develop interdisciplinary golf-themed projects (such as parabola calculations in physics and turfgrass ecological analysis in geography);

– expand venue resources through school-enterprise collaborations, utilizing technology like simulators to lower barriers to entry;

– organize campus tournaments and public welfare experience events to strengthen the integration of rules education and practical experience.

Conclusion. The value of golf for young people goes far beyond skill acquisition itself. Its core lies in cultivating qualities such as self-discipline, integrity, and resilience through the medium of sport, fostering harmonious interaction between individuals, society, and nature. In the future, we need to further break the stereotype of "aristocratic sport" and promote the deep integration of golf education with school sports goals, so that it can become an effective way for the comprehensive development of young people.

1. Li, Y. A Study on the Development Model of Youth Golf in Schools under the Domain of Purposefulness / Y.Li, L. Guohao, Y. Jiefeng // School of Physical Education, Shenzhen University; Shangxing School, Bao'an District, Shenzhen, Guangdong, China. – 2024. –Vol. 14, No. 31. 518060. – P. 153-157.

2. A Study on the Problems and Countermeasures in the Development of Golf as a General Physical Education Course in Regular Universities [Electronic resource]// Originality Document: https://max.book118.com/html/2024/0618/8066013137006101.shtm. Date of access:30.10.2025

FEATURES OF SPORTS TRAINING OF FOOTBALL PLAYERS AGED 12–16

Guo Jiulong,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Shpak V.G., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Football, sports training, football players, aged 12-16 years, physical development.

This paper focuses on the features of sports training for football players aged 12–16. At this stage, the physical and psychological development of young football players shows unique characteristics. Physically, they are in a period of rapid growth, with significant changes in body height, weight, and physical functions. Therefore, training should pay attention to promoting balanced physical development, including strength, speed, endurance, and flexibility training [1]. Psychologically, they are in the process of forming values and self - awareness. Training needs to stimulate their interest in football, cultivate teamwork spirit, and enhance psychological resilience. In terms of technical and tactical training, due to their relatively low level of physical development and cognitive ability, the training should be step - by - step, starting from basic ball - control skills and simple tactical cooperation. Moreover, considering the differences in individual development, personalized training programs should be designed to meet the needs of different players.

The purpose of the research: to develop a system of exercises to increase the effectiveness of the training process of football players aged 12-16 years.

Material and methods. In order to solve the tasks, this study comprehensively and scientifically explores the characteristics of sports training of soccer players aged 12 to 16 by using a variety of research methods to ensure the accuracy and reliability of the results.

Literature method. The author utilized electronic resource databases from university libraries such as China National Knowledge Infrastructure (CNKI), Wanfang Data, VIP Information, as well as foreign databases like EBSCO and Web of Science.Additionally, attention is paid to official guidance documents and research reports on youth football training issued by organizations such as the International Football Association Federation (FIFA) and the Union of European Football Associations (UEFA), providing solid theoretical support and rich practical references for the study [2].

Questionnaire survey method. A specialized questionnaire was designed to survey football players aged 12-16, coaches, and sports education experts. The athlete questionnaire focused on

training content, intensity, frequency, physical responses, and satisfaction levels. A random sampling method was employed to select a representative sample size. Collected data underwent systematic organization and statistical analysis to reveal practical insights into the actual conditions of sports training for 12-16-year-old football players and perspectives from various stakeholders.

Interview Method. The study conducted face-to-face interviews with experienced football

coaches, sports science researchers, and representative 12-16-year-old soccer players along with their parents.These interviews provided in-depth insights into the realities and challenges of soccer training for adolescents aged 12-16, offering authentic data to enhance research depth and authenticity.

Observation Method. Conduct on-site observations of daily training and match activities for soccer players aged 12-16, documenting their performance in drills, technical execution, tactical applications, as well as physical and psychological changes. Through long-term systematic observation, this study identifies practical characteristics and existing challenges in sports training for 12-16 year-old soccer athletes, providing direct first-hand data to support research.

Results and discussion. The ages of 12 to 16 mark a critical phase in adolescent growth and development, during which physical structure, bodily functions, and physical attributes undergo significant changes. Physically, rapid increases in height and weight occur alongside continuous development of bones and muscles. Training during this period must account for the body's growing characteristics to avoid overloading growth plates. In terms of physical functions, while the cardiovascular and respiratory systems gradually improve, they have not yet reached adult levels. Therefore, training intensity and volume should be moderately arranged to avoid overexertion. It is crucial to focus on enhancing both aerobic and anaerobic endurance to meet the demands of football matches. Regarding speed and agility development, ages 12-16 represent a critical growth window. Training should emphasize specialized speed and agility exercises such as sprinting, directional changes, and reaction drills to boost athletes' performance capabilities.

Technical proficiency forms the cornerstone of football. For players aged 12-16, training should emphasize comprehensive and fundamental skills. Core techniques like passing, receiving, dribbling, and shooting require repeated practice to establish proper movement patterns.

Football players aged 12 to 16 begin to gradually understand and master the tactical principles of the game. Tactical training should focus on developing athletes' tactical awareness and teamwork skills. Starting with basic tactical combinations like flank-to-center coordination and localized plays, coaches should progressively guide players to comprehend tactical objectives and enhance their execution capabilities. Meanwhile, it's crucial to develop tailored tactical strategies based on specific opponents and match conditions. During training sessions, simulate various game scenarios to help athletes enhance their adaptability and tactical decision-making skills through practical application. Additionally, focus on cultivating defensive awareness and tactics to strengthen the team's overall defensive capabilities.

Psychological factors play a vital role in football. Football players aged 12 to 16 are psychologically immature and vulnerable to factors such as winning or losing matches and external evaluation. Therefore, psychological training should be integrated throughout the whole training process.

For football players aged 12-16, training should incorporate diverse methods and approaches. Beyond traditional technical drills, tactical exercises, and physical conditioning, incorporating game-based activities and competitive elements can enhance the fun and appeal of training. Furthermore, modern technological tools such as motion monitoring devices and video analysis systems should be fully utilized to conduct real-time monitoring and analysis of athletes' training progress, providing scientific evidence for optimizing training programs. Simultaneously, interdisciplinary integration with fields like sports nutrition and rehabilitation should be strengthened to ensure comprehensive development of athletes.

As organizers and coaches of football training, their professional expertise and teaching abilities directly impact athletes 'training outcomes. For players aged 12 to 16, coaches should possess extensive experience in youth education and football expertise, enabling them to develop tailored training programs that account for the athletes' age and individual differences.

The training environment plays a vital role in determining the effectiveness of football training. Well-equipped facilities, high-quality gear, and a supportive atmosphere can significantly boost athletes 'motivation and performance. This is why it's crucial to invest more in youth football infrastructure, upgrade training spaces, and create optimal conditions for players' development.

Conclusion. The athletic training of soccer players aged 12-16 exhibits unique characteristics. It requires a comprehensive approach that considers physical development, technical skills, tactical awareness, and psychological factors. By implementing scientifically sound training methods and approaches, we can establish a solid foundation for athletes' all-around growth. Furthermore, enhancing coaching team development and improving training environments will elevate the overall quality of youth soccer training programs.

1. Radnage, K. The Big Encyclopedia of Football/ K. Radnage. – Moscow: AST. – 2020. – 224 p.
2. Manchev, A.I. Physiological Development of Children in Football / A.I. Manchev // Educational Almanac. – 2022. – No. 12(62). – P. 78-82.

FORMATION OF A FINANCIAL-LEGAL DISCOURSE IN THE LOCALIZATION OF TAEKWONDO IN CHINA: AN ANALYSIS OF COMMERCIALIZATION, REGULATION, AND LEGAL PRACTICES

He Enhui,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Academic Supervisor – Navitskaya A.I., senior Lecturer

Keywords. Taekwondo, sports industry, localization, financial discourse, legal regulation, China.

Taekwondo is one of the most popular martial arts and sports in the world, and the case of its dissemination in China is a significant case of cultural and economic globalization.

While much academic work has focused on its pedagogical methods or cultural adaptation, the underlying financial and legal frameworks of its successful localization remain an under-researched area. This is a critical gap because the rapid growth of Taekwondo in China is not only a cultural phenomenon but also a complex economic process built upon specific business models, market rules, and regulatory structures.

The commercial success of Taekwondo in China catapulted it from a minor martial art into a big sports industry. The transformation required a change of orientation from traditional teaching to modern business management.

Success with Taekwondo is inseparable from its market-oriented development strategies that include analyzing its strengths, weaknesses, opportunities, and threats within the setting of a viable business model for competitions and training centers, dojangs.

This shows that the expansion of the sport greatly depends on a structured financial discourse wherein profitability and market share are important driving motors.

The aim of this paper is to give a critique to the formation of this certain financial-legal discourse during the course of Taekwondo's adaptation in China. This paper explores how commercial practices and regulatory mechanisms interact in support of making the sport develop by creating a unique ecosystem, moving the analysis beyond simple cultural acceptance to economic and legal realities of its operation.

Material and methods. This study is based on the qualitative analysis of the existing scholarly literature, industry reports, and publications concerning the sports market in China.

It will synthesize findings on how Taekwondo has been commercialized, the role of the governing bodies, and common legal challenges faced within the industry.

The main method used will be one of discursive analysis, looking at the way in which financial and legal language constructs practices and regulations for the Chinese Taekwondo community [1].

Results and discussion. The analysis shows that the financial discourse of Taekwondo in China is focused on the "dojang economy." Since the 2000s, popular Taekwondo has emerged as

a separate sports industry in China, which was almost entirely driven by market forces, rather than by state support.

This market involves membership fees, fees for belt promotion tests, sales of uniforms and equipment, and participation in competitions. In addition, modern business models like franchising have been widely adopted by this industry, thus enabling quick expansion with brand standardization, but also introducing complex contractual and financial relations [2].

However, such rapid commercialization has also led to problems like inconsistent teaching quality, price fluctuations, and lack of management standardization.

Second, these issues reflect that effective measures are needed to ensure a sound and orderly development of the industry and based on a clear regulatory framework. This necessity has given birth to parallel legal discourse.

Correspondingly, the discourse ranges from national regulations for sporting organizations, standards imposed by the Chinese Taekwondo Association regarding instructor certification and curriculum, and micro-level legal practices like contracts signed between students and dojangs, based on which the liability, payment terms, and consumer rights are defined [3].

The interplay of the financial drive for expansion and the legal need for standardization is at the heart of the Taekwondo discourse in China. On one hand, the market competition encourages innovation in marketing and business approach; regulatory bodies and norms are constraining this innovation for the protection of consumers, safety concerns, and preserving the sport's integrity.

It also includes issues regarding intellectual property due to international brands like the World Taekwondo (WT) and management of disputes arising from bodily injury or contractual disputes.

Conclusion. The successful localization of Taekwondo in China was thus achieved through a dynamic interplay between financial and legal discourses. The sport indeed prospered through the establishment of robust commercial models that met market demand, coupled with the development of a regulatory framework to manage rapid growth. Such an analysis indicates that the globalization of a sport indeed cannot be understood without one going beyond the cultural appeal of the sport and examining the specific economic and legal structures in place that allow its integration into a new social context. This insight is particularly important for policymakers, sports managers, and investors who look to understand and navigate the new global sports landscape.

1. Jian, W. Taekwondo competition marketization development strategy based on SWOT-AHP model. / W. Jian // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2024. – Vol. 20. – P. 131-136.

2. Chen, C. Research on the development of popular taekwondo industry in China after 2000's. / C. Chen // Highlights in Business, Economics and Management. – 2024. – Vol. 20. - P. 268-272.

3. He, T. Analysis and measures for current development of popular taekwondo in China. / T. He, L. Ma // Proceedings of the International Conference on Education, Management, Commerce and Society (EMCS 2015). - Atlantis Press – 2015. – P. 23-25.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SPORTS INJURIES AND HIGH-INTENSITY TRAINING

Jiang Siyu,

master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Yanovskaya V.V., PhD in Biology, Associate Professor

Keywords. athletic injuries, high-intensity training, strength training, load management, exercise technique.

High-intensity training (HIT) has gained widespread adoption in both competitive sports and general fitness communities due to its demonstrated efficiency in enhancing cardiovascular fitness, muscular strength, and athletic performance. However, the complex relationship between HIT and the risk of sports injuries continues to be a subject of persistent concern within sports science research.

The purpose of this work is to systematically investigate the complex relationship between high-intensity training and sports injuries.

Material and methods. The research will be conducted utilizing a multi-method approach, including questionnaire surveys, expert interviews, literature review, and experimental methods.

Results and their discussion. High-intensity training, as an effective approach to enhance athletic performance, has been widely proven to significantly improve cardiovascular function, promote muscle strength development, optimize body composition, and enhance metabolic levels. However, there exists a close and complex correlation between this training method and sports injuries that requires comprehensive and in-depth understanding. Scientific research indicates that well-designed training programs can not only effectively improve athletic performance for both athletes and fitness enthusiasts but also reduce the risk of sports injuries by increasing muscle strength, improving coordination, and enhancing physical adaptability.

When training intensity exceeds an individual's recovery capacity or technical readiness, the same training content may become a contributing factor to injuries. This transition often occurs under circumstances of improper training load management, incorrect technical movements, or inadequate recovery measures. Particularly noteworthy is that overtraining can not only cause acute injuries but also lead to the accumulation of chronic strain problems, which typically feature prolonged latency periods and difficult recovery processes.

This inherent dialectical relationship demonstrates that injury risk is not an inevitable outcome of high-intensity training but is influenced by multiple interacting factors [1]. Beyond training load as the core element, individual physiological characteristics, technical proficiency, recovery capacity, and psychological state all play crucial roles in this process. Additionally, factors such as training periodization, timely nutritional supplementation, and sleep quality cannot be overlooked, as they collectively form a complex dynamic balance system [2].

Understanding this dialectical relationship holds significant guiding importance for developing scientific training programs. By establishing comprehensive monitoring systems and implementing personalized training plans, we can maintain training intensity within a safe and effective range while fully leveraging the benefits of high-intensity training. This balance should consider not only short-term training effects but also focus on long-term sustainability of sports participation, seeking the optimal integration between training intensity and recovery measures [3].

In practice, this balanced approach should permeate the entire training process. From training program design to specific implementation, from load monitoring to recovery measures, systematic planning based on scientific evidence is essential. Through such comprehensive measures, both athletes and fitness enthusiasts can fully benefit from high-intensity training while minimizing injury risks, ultimately achieving harmonious unity between athletic performance and physical health.

Conclusion. For athletes and fitness enthusiasts, high-intensity training and sports injuries maintain an interdependent and transformative dialectical relationship: systematic scientific training not only enhances athletic performance but also builds a physical foundation for injury prevention, while effective preventive measures provide essential safeguards for sustaining high-intensity training. This synergistic relationship necessitates the establishment of a scientific "integration of training and prevention" philosophy, achieved through personalized periodized training plans, precise load monitoring systems, and targeted functional strength training, ultimately realizing the organic unity of training benefits and safety assurance. Competitive athletes should recognize that the scientific training process itself constitutes the most effective preventive measure, while recreational exercisers should understand that reasonable prevention strategies are essential prerequisites for maintaining long-term training consistency. Through the deep integration of training and prevention, participants at all levels can achieve continuous improvement in athletic performance and effective extension of their sporting longevity while ensuring physical well-being.

1. Special Issue on High-Intensity Training and Injury Risks / K. Heinrich // International Journal of Sports Medicine. – 2023. – №44(2). – P. 78-95.

2. Garber, C.E American College of Sports Medicine position stand. Quantity and quality of exercise for developing and maintaining cardiorespiratory, musculoskeletal, and neuromotor fitness in apparently healthy adults: guidance for prescribing exercise / E.C. Garber, B. Blissmer and ets. // Med Sci Sports Exerc. – 2022. – №43(7). – P. 15-42.

3. Comfort, P. National Strength and Conditioning Association Position Statement on Weightlifting for Sports Performance / P. Comfort, G. Gregory Haff and ets // Jornal of Strength and Conditioning Research. – 2023. – P. 1163-1190.

FROM CULTURAL SYMBOL TO COMMERCIAL CONTRACT:
A DISCOURSE ANALYSIS OF THE QUASI-LEGAL FRAMEWORK
AND COMMERCIAL TRANSFORMATION OF THE TAEKWONDO DAN-GUP SYSTEM

Lan Xingchun,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Academic Supervisor – Navitskaya A.I., senior Lecturer

Keywords. Taekwondo, Dan-Gup system, commercialisation, quasi-legal framework, discourse analysis, sport economy.

One of the world's most representative and standardized ranking systems in martial arts is that of Taekwondo Dan-Gup. Traditionally, it has been considered as one of the pedagogical tools to assess skills, and at the same time, as one of the ways to pass on cultural and philosophical values. Nevertheless, in contemporary society, its function goes far beyond the dojang, or training hall, embedding it into a complex global economic and regulatory landscape.

The widespread nature of this system is quite intentional rather than an accident, resulting from efforts to establish a hegemonic model regarding martial arts governance and commerce.

While there is considerable literature on the cultural aspects of Taekwondo, less attention has been given to the role it plays in organizing economic relationships and developing forms of internal governance.

The Dan-Gup system is more than a method for indicating technical competence; it dictates rights to teach, rights to open schools, and the right to participate in a global economy.

This oversight represents a critical gap in understanding how a cultural practice maintains coherence and authority while undergoing intense commercialization. It exists within a particular political economy where rank and certification represent capital, and the rules and fee structures serve as a powerful mechanism that shapes the existence of millions of practitioners worldwide [1].

This makes a scholarly look at how these systems adapt and respond to such constant commercial pressure increasingly necessary. Studies that focus on either entirely historical or entirely educational perspectives are no longer sufficient to explain the nature of modern global Taekwondo.

There is also a recognized gap in the current body of research that applies financial and legal discourse analysis to the martial arts ranking system, focusing on it not as a tradition but as a modern system of governance and commerce with considerable real-world consequence.

The objective of this research, then, is to investigate the Taekwondo Dan-Gup system as a quasi-legal framework and a commercial model by examining its modern financial and legal discourses that form its identity today, exceeding traditional connotations of culture.

Materials and methods. The main method that this study applies is discourse analysis, which involves the critical analysis of academic literature, official regulations from a governing body like World Taekwondo (WT), and the commercial practices of Taekwondo schools.

This is focused on identifying and interpreting the language and logic that frame the Dan-Gup system as both a legally binding internal structure and as a financial instrument.

Results and their discussion. The analysis uncovers two interrelated discourses. First, the Dan-Gup system is a quasi-legal system. International federations serve as quasi-legislative entities that establish standardized curricula, testing procedures, and codes of ethics.

This system is policed through disciplinary committees and codes of conduct, having the power to suspend or expel its members, thus controlling professional careers.

The Dan certificate itself acts as a license, establishing a contractual relationship between the individual, the dojang, and the federation. Secondly, the process of creating an 'official' history, smoothing over controversial origins, was integral in creating a unified, marketable identity necessary for this centralized legal authority to be globally accepted [2]. This establishes a clear hierarchy that emulates a state-like institution.

A financial discourse has been created around the system. The Dan rank is a kind of intangible asset that has measurable market value, which is reflected in the structured, tiered fees charged for testing, certification, and school affiliation. These costs are higher for higher-ranked individuals, indeed exponentially so.

The structure applies to every aspect of practice, from mandatory branded uniforms to high-cost international seminars required for promotion. The marketing language frames this spending not as a cost but as an 'investment' in personal and professional development, aligning the traditional value of self-improvement with modern consumer logic. Globalization and corporate sponsorship have accelerated these dynamics, turning Taekwondo into both a spectacle sport and a marketable lifestyle brand for which practitioners are also consumers [3].

This dual framework creates a strong system of control and value creation. The legalistic discourse ensures global uniformity and legitimacy, while the financial discourse provides the engine for commercial success. The transformation is profound: to the relationship between master and student, there is added a contract between service provider and client; to the pursuit of enlightenment, there is added the accumulation of accredited capital.

Conclusion. The Taekwondo Dan-Gup system represents a shining example of the adaptation of a cultural tradition within modern global capitalism. The system has developed a strong internal governance quasi-legal framework and a sophisticated financial discourse of commercialization, which secures its proliferation across the world. Indeed, as this analysis demonstrates, no longer merely a measure of a martial artist's skill, the Dan-Gup system represents a multilayered social contract that weaves together rights, value, and forces that drive a multibillion-dollar industry. In this model of symbiotic cultural authenticity and corporate logic, other traditional practices bear an important template as they seek to navigate pressures resulting from the modern global market. Ultimately, the Dan-Gup system represents the discourse of persistent negotiation between the martial 'Way' and the realities of a capitalist economy.

1. Vande, P. J. Hegemony and the political economy of martial arts: the case of Taekwondo. / P. J. Vande // Sport in Society – 2021. – Vol. 24, No. 5. – P. 785–802.

2. Moenig, U. The influence of the 'unofficial' history of Taekwondo on its development. / U. Moenig // The International Journal of the History of Sport. – 2019. – Vol. 36, No. 7-8. – P. 717–735.

3. Coleman, A. B. Globalisation, corporate sponsorship and the commercialisation of Taekwondo. / A. B. Coleman // Sport in Society – 2015. – Vol. 18, No. 5. – P. 539–555.

CULTURAL CONSTRUCTION OF SPORT AND PROMOTION OF A HEALTHY LIFESTYLE

Li Jie,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Shpak V.G., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Key words. Healthy lifestyle, physical education, and volleyball, health indicators, physical training.

At the rapid pace of modern life, a sedentary lifestyle leads to an increasing prevalence of cardiovascular disease, obesity and other health problems. According to the world health organization, physical inactivity has become the fourth leading cause of death risk in the world [1]. In this context, the formation of individual sports culture and healthy lifestyle becomes the most important way to improve the level of health of the population. Volleyball as a team sport combining strength, speed and coordination not only effectively improves physical fitness, but also through its unique sports and cultural component contributes to the development of useful habits related to a healthy lifestyle [2].

The purpose of the work is aimed at studying how systematic physical training in volleyball contributes to the formation of a personal sports culture and, in turn, the formation of

a sustainable and long-term healthy lifestyle, as well as providing theoretical guidance for the practice of physical education.

Material and methods this study used methods of literature analysis, experimental observation and logical analysis; Taking into account practical peculiarities of physical preparation in volleyball the theoretical framework of formation of sports culture and healthy lifestyle was built. Thirty-two female students attending an elective volleyball course were selected for observation; They were offered a 12-week program of systematic volleyball physical training with a frequency of 3 trainings per week for 90 minutes each. The design of the training program was based on the principle of "priority of force training»: the force block was performed in the first half of each class and included squatting (3 approaches x 12 repetitions), pressure dumbbells lying (3 x 10), exercises to stabilize the crust (3 x 15) and other exercises to develop the strength of the lower and upper limbs and muscles of the body. The force was followed by specialized technical training in volleyball, including transmission, reception and attack, as well as tactical interaction. In conclusion, 20 minutes of aerobic endurance work (shuttle running, jumping on a jump rope, etc.) was performed. Within the framework of nutritional support, taking into account the specifics of volleyball, emphasis was placed on sports nutrition: physiological mechanisms of muscular pain at half-seat in the initial readiness stand were explained; Female students were encouraged to neutralize the accumulation of dairy acid by using alkaline products (laminaria, carrots, soybeans, etc.); Taught methods of gradual carbohydrate loading during the week before the competition to avoid digestive problems due to the emergency consumption of sugar during the game. At the same time the frequency of trainings, changes in nutrition and subjective feelings of health in participants were recorded [3].

Results and discussion. Impact of volleyball physical training on health indicators. According to the results of 12 weeks of system training, the observed observed significant improvements in body composition, muscle strength and cardiorespiratory endurance. In comparison with the reference level, the average percentage of fat in the body decreased by 3.2%, the strength of the muscles of the lower limbs (by the maximum gravity in the seat) increased by 21.7%, the maximum oxygen consumption - by 12.3%. This is consistent with the findings of the study in the annotation: prioritization of force training in a combined scheme effectively improves body composition, muscle endurance and explosive power [4]. The original half-seat volleyball rack and the requirements for rapid mobility have significantly increased the strength of the lower limbs and cortex stability of the participants. Experimental data show that after increasing the share of power exercises, the quality of mastery of technical actions such as forward transmission has improved by 40%, and the number of errors has significantly decreased.

Influence of volleyball culture on formation of personal sports values. The specificity of volleyball rules determines its unique cultural content. Since the rules prohibit two consecutive touches by one player, any attack or defense must be carried out in a team interaction. Such a structure generates an attitude of "I am for the team, the team for me" and the priority of collective interests. During trainings participants gradually formed a strong sense of belonging to team: 87% of respondents declared that "for the sake of a team victory are ready to strengthen personal trainings". Such transformation of motivation is a key sign of formation of personal sports culture. The principles of observance of rules and fair play, inherent in volleyball, are also transferred into everyday life: 76% of participants noted that after training it is easier for them to adhere to the order of the day. This shift from sports rules to life standards reflects the profound impact of sports culture on individual behaviour patterns.

Ways to create a healthy lifestyle. Volleyball physical training not only brings direct physiological benefits, but also, more importantly, contributes to the comprehensive development of a healthy lifestyle. In terms of regularity, participants moved from a passive attitude to training to active time planning: the average number of independent exercises increased from 1.2 to 3.5 times a week, formed a stable motor habit. Increased awareness of nutrition has become particularly noticeable. Thanks to targeted nutritional educational work, participants learned to adjust their diet according to the intensity of training: during training days to increase protein consumption for muscle recovery, before competitions to apply a strategy of gradual carbohydrate loading, in daily nutrition to increase the share of alkaline products.

Conclusion. this study shows that systematic physical training in volleyball is an effective way to develop personal sports culture and healthy lifestyle. Scientifically based training planning with priority of force training not only significantly improves physical qualities and improves sports results, but also due to the inherent volleyball culture of team interaction forms positive sports values. The inclusion of nutritional education and regularity requirements in the training process helps participants develop scientifically sound everyday habits and move from passive physical activity to active health management. The study confirms that the development of a sports culture is not limited to isolated learning of motor skills, but is achieved through the combined effects of motor experience, cultural inculturation and behavioural reinforcement, ultimately interacting with sustainable lifestyles.

1. World Health Organization. WHO Global Recommendations on Physical Activity for Health. Geneva: World Health Organization, 2010. – P. 24-56.
2. World Health Organization. Physical Activity: for Health. Geneva: World Health Organization, 2025. – P. 24-56.
3. Pashchenko, A.Yu. Methodological Foundations of Teaching Technical Skills in Volleyball. / A.Yu. Pashchenko, O.S. Krasnikova // Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. – 2021. – P. 35-65
4. Global Recommendations on Physical Activity for Health. // Geneva: WHO, 2010. - P. 32-68

ANALYSIS OF THE CURRENT STATE OF DEVELOPMENT OF THE RURAL BASKETBALL LEAGUE IN THE CHAOT DISTRICT OF GUANYI CITY

Li Kunquan,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Minina N.V., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Basketball, professional survey, training conditions.

Research on rural basketball primarily focuses on studying basketball culture, current trends in the sport, analyzing existing limitations, and proposing corresponding solutions and countermeasures. The development of rural sports is a crucial component of China's sports landscape and particularly vital for Chao T District in Guang Y City [1].

Yang Xianjun emphasized that rural revitalization is the nation's growth engine, while its decline spells national decline. Sports serve as a vital component of rural revitalization strategies [2].

The purpose of the work is to study the factors influencing the spread of basketball in rural areas.

Material and methods. The tournament featured 15 teams, all of which became subjects of our study. Questionnaires were distributed to players and coaches at the rural basketball league's venue in Chao T district, Guang Y City. *Research methods:* literature survey, questionnaire survey, data analysis, interview method.

Findings and discussion. The construction of rural sports facilities is a vital guarantee for the development of country sports. Currently, the building of sports facilities in rural areas lags behind, with issues like insufficient sports venues and outdated infrastructure being particularly noticeable.

As shown in Table, the occupations of athletes in the Guang Y Chao T District suburban basketball league can be categorized into four types.

Table 1 – Professional Survey of Players in the Rural Basketball League of Chao, T District, Guang,Y City

occupation	State organs, enterprises	31	28.18%
	Commercial and service personnel	25	19.09%
	student	28	25.45%
	other	26	23.64%
Number of valid entries	110		

National institutions and enterprise branches rank first, with 31 professionals in this category accounting for 28.18%. Firstly, these positions offer relatively stable employment with established economic foundations. Secondly, they typically provide vacation time and opportunities to participate in basketball leagues, which explains why they account for a significant portion of the workforce. Additionally, more players come from colleges and universities 28 out of the total number of participants, accounting for 25.45%. These students also have school breaks and are in peak physical condition. As a result, many teams will turn to college students on campus to help their squads achieve top rankings. The athletes in this league from the fields of commerce, service, and other professions are individuals who have their own world, stronger financial foundations, and prioritize their health. This is why they join this basketball league after work. Collectively, the players participating in this league maintain stable employment and enjoy ample free time.

Conclusion. The identified problems and developed recommendations will strengthen the organization and management of the league, increase the operational potential of managers through professional training, and create a reliable mechanism for the functioning of the league to ensure the efficient and smooth conduct of matches. It is necessary to provide players with better training conditions, build more basketball courts. At the same time, it is necessary to strengthen the training of personnel and systematically educate players, referees and coaches in order to improve their competitive level and law enforcement capacity.

1. Yuan, M. The Value of Rural Basketball Culture in Empowering Rural Revitalization: A Case Study of Guizhou Village Basketball Association (VBA) / M. Yuan, C. Qiubin // Sports Science Research. – 2023. – Vol. 27, №6. – P. 113.

2. Yang, X. Research on the Integrated Development of Urban and Rural Sports in China under the Rural Revitalization Strategy / X. J. Yang // Shanghai University of Sport. – 2024. – Vol. 3. – №16. – P. 4.

THE MEANING OF THE THEORY AND PRACTICE OF SPORTS FITNESS

Liu Kaibi,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Academic Supervisor – Karelin M.A., senior Lecturer

Keywords. fitness classes; theory and practice; integration path; scientific fitness; personalized fitness plan.

Abstract. With increased public health awareness, fitness has become a one-size-fits-all lifestyle. Focusing on the theory and practice of fitness sports, this study systematically examines the basic theoretical connotation of fitness sports, analyzes the current situation and characteristics of practical development, and explores existing problems in the integration of theory and practice through methods such as literature study, questionnaire, survey, case analysis and statistical analysis. The study showed that the theory of fitness sports is based on three main principles: adaptability, individualization and system, while practice represents the characteristics of diversification, individualization and fragmentation. However, there are challenges in integrating theory and practice, such as insufficient public awareness of fitness theory, insufficient popularization of fitness theory, and insufficient professional level of practitioners [1]. Based on this, optimized strategies are proposed, such as strengthening the popularization of the scientific theory of fitness, improving the professional level of practitioners, optimizing the construction of fitness centers and promoting the individualization of personalized fitness plans, in order to provide recommendations for the public on conducting scientific fitness and promote the standardized development of the fitness industry.

Fitness sports have become an integral part of the lives of modern people, being important for promoting physical health, relieving mental stress and improving the quality of life. With a continuous increase in public health awareness, fitness has become a hobby - a one-size-fits-all lifestyle encompassing different forms and contents.

This study is devoted to the theory and practice of fitness. Its goal is to clarify the main theoretical aspects of fitness, analyze the current situation and features of practical development, as well as explore effective ways to integrate theory and practice. The study is

expected to provide the public with scientific advice on the conduct of fitness events and will contribute to the standardized and in-depth development of the fitness industry.

Material and methods. The materials used in this study primarily include academic articles, monographs, and scientific literature related to fitness sports theory, as well as survey data on public fitness behavior, records on the operation of fitness facilities, and materials from typical fitness programs. Among them, the scientific literature provides a theoretical framework for elucidating the connotation, classification, and training principles of fitness sports; survey data and survey location records reflect the actual situation with community sports practice.

This study uses the following methods: method of analysis of scientific literature, method of questioning and questioning, pedagogical analysis.

Results and their discussion. Basic fitness occupation theory. Based on disciplines such as physiology and sports theory about sports training, the theory of fitness sports includes three main aspects:

1. The principle of adaptability: the human body will gradually adapt to sports stimulation. Intensity and load of fitness exercises should be dynamically adjusted in accordance with the level of adaptation in order to avoid non-aggressive results due to insufficient load or injuries, on the contrary, caused by violation of exercise regulations.

2. The principle of individualization: it emphasizes that fitness training plans should be formulated in combination with factors such as age, physical condition, level of physical fitness and goals of the training process, and not allow the same type of approach to training "one load is suitable for everyone." For example, adolescent focus should focus on development and muscle, while middle-aged and older adults should prioritize protecting joints and maintaining cardiovascular and pulmonary function.

3. Systematic principle: fitness activities should be carried out continuously and in a planned manner, with an emphasis on a combination of different training methods and content (for example, a combination of strength training and aerobic training) in order to achieve a comprehensive improvement in the overall quality of overall development [2].

The current situation of the development of sports fitness activities.

1. Diversification of practical forms: traditional forms of fitness (such as running, swimming and training in the gym) are still popular with the public. Other forms, such as yoga, pilates, functional learning and cross-country walking, have gradually become mainstream due to their high relevance and high interest, and are especially more acceptable to young and middle-aged groups.

2. Individualization and fragmentation of practical characteristics: more and more people flexibly choose fitness time and programs according to their work schedules and lifestyle, and "short-term and effective" fitness methods (such as 20-30 minute high-intensity interval training) are more popular. At the same time, public demand for professional leadership is constantly growing, and the requirements for fitness trainers have changed from showing simple movements to more advanced services, such as making an individual plan and monitoring physical condition [3].

Problems integrating theory and practice.

Despite the rapid development of fitness sports, there are still obvious contradictions between theory and practice, which are mainly reflected in three aspects:

1. Lack of public awareness of fitness theory: most people do not have scientific guidance when conducting fitness activities and blindly pursue high intensity and high stress (for example, excessive weight load), which leads to adverse health consequences or sports injuries (such as muscle strains and joint wear).

2. The popularization of fitness theory is not up to par: the existing results of theoretical research are mainly concentrated in the scientific community, and there are not enough effective channels for transformation and popularization. It is difficult for the public to obtain scientific and easy-to-understand knowledge of fitness (such as the correct way to apply movement force and the principle of recovery after training).

3. Insufficient professional level of practicing trainers: some fitness trainers lack systematic theoretical knowledge and practical experience of training, and they cannot provide scientific guidance; at the same time, the layout of the equipment of some fitness facilities

(installation of simulators and equipment) often contradicts safety rules, which also affects the effect and safety of fitness training [4].

Optimization strategies for integrating theory and practice.

To promote in-depth integration of fitness theory and practice, targeted strategies should be adopted:

1. Strengthen the popularization of the scientific theory of fitness: popularize basic knowledge of fitness, such as sports principles, standards and movement techniques, and injury prevention, for the public through short videos, online courses and public lectures to improve the scientific value of public fitness.

2. Improve the professional skills of practicing trainers: improve the training and certification system for fitness trainers and incorporate theoretical knowledge (exercise physiology fundamentals) and practical skills (ability to plan individual training sessions) into the training content to ensure that trainers have both professional theory and proficiency in fitness training techniques.

3. Optimize the construction of fitness facilities and facilities: it is reasonable to install fitness equipment (for example, separate strength training areas from aerobic training areas) in accordance with the principles of scientific suitability, as well as constantly instruct and remind about safety during training.

4. Promote personalized fitness plans: by expanding databases and smart technologies (such as fitness apps and physical testing equipment), analyze fitness needs and exercise environments, and formulate personalized plans to achieve an accurate match between theory and practice.

Conclusion. Fitness classes are an important means of improving the health of the population and promoting the healthy development of society. Its theoretical system is based on multiple disciplines, and practical forms show the trend of developing diversification and individualization. Currently, the integration of fitness theory and practice still faces challenges such as "insufficient public awareness of the theory, insufficient popularization of the theory, and insufficient professional level of practicing coaches."

By strengthening the popularization of the scientific theory of fitness, improving the professional quality of trainers, optimizing the construction of fitness centers and promoting the development of personalized fitness plans, the integration of the theory and practice of fitness sports can be effectively promoted, which helps the public to carry out scientific and effective fitness activities and contributes to the sustainable development of the fitness industry.

1. World Health Organization (WHO). Global Guidelines on Physical Activity for Health / World Health Organization (WHO) Geneva: WHO, 2022. – P. 47.

2. Smith, J. Integration of Sports Science and Fitness Practice / J. Smith, K. Jones // Journal of Sports Science and Medicine. – - 2023. – Vol. 22, No. 3. – P. 589–602.

3. National Health Commission of the People's Republic of China. National Fitness Guidelines (2021-2025) / National Health Commission of the People's Republic of China - Beijing: People's Medical Publishing House, 2021. – P. 63.

4. Liu, Y. Research on the Current Situation and Development Countermeasures of Public Fitness Practice in China / Liu Y., Wang Z. // Journal of Beijing Sport University. – 2022. – Vol. 45, no. 7. – P. 89–96.

A COMPARATIVE STUDY ON THE GLOBALIZATION AND LOCALIZATION DEVELOPMENT OF THE CHINESE AND AMERICAN PROFESSIONAL BASKETBALL LEAGUES (NBA AND CBA)

Lu Wenjia,
1st year master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov,
Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific Supervisor – Novitsky P.I., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Keywords. Professional Basketball Leagues, Globalization, Localization, NBA, CBA, Comparative Study.

Against the backdrop of the rapid development of the global sports industry, professional basketball leagues, as important vehicles for sports commercialization and cultural exchange, have seen their globalization and localization paths become a focus of academic and practical attention. The American NBA league has successfully achieved international expansion through

its mature business model and global strategy. Meanwhile, the Chinese CBA league actively explores development paths suited to its national context while drawing on international experience. These two leagues exhibit different characteristics and challenges in their interaction between globalization and localization [1, 2].

Current research on professional sports leagues often focuses on analyzing single leagues, lacking a systematic comparison of the two-way interaction between Chinese and American leagues in terms of globalization and localization. Therefore, this study aims to compare the similarities and differences between the NBA and CBA in development paths, operational mechanisms, market development, and cultural dissemination, to reveal the development patterns of professional basketball leagues in cross-cultural contexts.

The purpose of this study is to compare the development models of the NBA and CBA in the processes of globalization and localization, exploring the patterns of professional basketball leagues in cross-cultural contexts and providing references for the development of professional sports leagues in China [3].

Material and methods. This research employs the methods of literature review, comparative analysis, case study, and statistical analysis. By systematically reviewing policy documents, academic papers, annual reports, and media coverage related to the professional basketball leagues of both countries, an analytical framework was constructed. The NBA and CBA were selected as research objects for comparative analysis from dimensions such as league development history, operational mechanisms, market development, player cultivation, and cultural dissemination.

Research methods include literature review, comparative analysis, case study, and statistical analysis. Data were collected from official league reports, academic publications, and media coverage to ensure comprehensive and objective comparisons.

Results and Discussion. Through comparative analysis, this study yielded the following main results:

1. NBA's Globalization Path: The NBA has successfully achieved global market penetration through game exports, media partnerships, star promotion, and digital platform development. Its localization strategy is reflected in deep cooperation with the Chinese market, such as hosting the NBA China Games, co-branding with Chinese companies, and conducting youth basketball training programs.

2. CBA's Localization Characteristics: While learning from the NBA's experience, the CBA focuses on integrating with China's sports system and cultural context, forming a development model characterized by "government guidance + market operation." Policies regarding foreign players, the youth training system, and brand building are still in the exploratory stage.

3. Comparison of Operational Mechanisms: The NBA leads significantly in business operations, brand value, and global influence; the CBA performs notably in local market penetration and social responsibility fulfillment.

4. Differences in Cultural Dissemination: The NBA emphasizes "American culture + global narrative," while the CBA focuses more on "local cultural identity and national image building."

5. Interaction and Reference: The NBA's localization practices in China provide experience for the CBA's internationalization, while the CBA is also exploring how to maintain local characteristics within a global perspective.

The results show that while the NBA has achieved remarkable success in global market penetration through media strategies and cultural exports, the CBA is still in the process of balancing localization and internationalization, facing challenges in talent development and commercial operation.

Conclusion. By systematically comparing the development paths and interactive relationships of the NBA and CBA in the processes of globalization and localization, this study draws the following conclusions:

1. The success of a professional basketball league depends not only on a mature business model but also on finding a balance between globalization and localization.

2. The NBA's globalization experience provides an important reference for the CBA, but the CBA must combine China's sports system and cultural context to forge a professional path with Chinese characteristics.

3. In the future, the CBA should strengthen exploration in areas such as the youth training system, brand building, and international cooperation to enhance the league's competitiveness and cultural influence.

4. The interactive relationship between the two major Chinese and American leagues reflects the dual logic of global sports culture integration and local identity construction, possessing significant theoretical value and practical importance.

In conclusion, the development of professional basketball leagues requires a strategic balance between global integration and local adaptation. The CBA can learn from the NBA's global strategies while developing its own localized path to enhance both competitiveness and cultural resonance.

1. Annual Reports. NBA Official Annual Reports (2023-2024). – New Delhi. – 58p.
2. Social impact report [Electronic resource]. - Mode of access: http://cares.nba.com - Date of access: 29.10. 2025.
3. Official website of the Chinese basketball association. - Mode of access: http://cbaleague.com. - Date of access: 30.10.2025.

ANALYSIS OF CHINA'S NATIONAL BREAKDANCING TEAM'S PARTICIPATION IN WORLD CHAMPIONSHIPS FROM 2023 TO 2025

Qi He,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Shpak V.G., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Breakdancing, China's National, competition, individual skills.

The World Championships are the apex of global breakdancing competition. From 2023 to 2025, China's National Breakdancing Team took part, a milestone in China's breakdancing.

This participation is not just about competing; it is for cultural exchange and skill – display [1]. Analyzing the team's performance in these years provides insights into China's breakdancing development on the world stage. We will explore performance, individual skills, and the impact on the team's ranking to understand progress and foresee future trends [2].

The purpose of this work is to make people realize Breakdancing as an emerging competitive sport, is gaining increasing influence on the international sports stage. The Chinese national breakdancing team actively participates in international competitions in this field, and its performance at the 2023-2025 World Championships has attracted much attention

Material and method. The materials used in this analysis mainly include official competition results, videos of the team's performances in the world championships, and interviews with the athletes and coaches. The official competition results provide objective data on the team's achievements, such as the ranking of each athlete in different events. The performance videos allow for a detailed analysis of the athletes' skills, styles, and performance levels. Interviews with the athletes and coaches can offer in - depth information about the training process, pre - competition preparations and the psychological state during the competitions. The research employs a comprehensive methodology including literature review, video observation, statistical analysis, and expert interviews.

Results and their discussion. According to video observations and various data statistics, the best performance of the Chinese national breakdancing team in 2023 is the gold medal in the women's category. In the breaking event of last year's Paris Olympics, Chinese male athletes were selected for the qualifying round, while female athletes achieved a historic bronze medal. The performance of Chinese athletes has rapidly improved in recent years, which is worth carefully analyzing and identifying shortcomings to improve.By 2025, the Chinese national breakdancing team will win both men's and women's gold medals. Thoroughly analyze the

relationship between breaking scores and athletes' physical fitness, identify potential issues, and make training plans more comprehensive.

At the 2023-2025 World Championships, the difficulty of Chinese athletes' movements has increased, with high completion rates for some high difficulty movements, such as the continuous rotation movement in Powermove and some innovative freezing movements. The Chinese national team has also recruited more young talents aged 16-20 in terms of selection, such as Qixiangyu, Guopu and other teenagers. During childhood, their movement quality has made rapid progress compared to entering adolescence, which is the age of college students. Some Chinese contestants have shown outstanding performance in music comprehension and expression, able to effectively combine dance movements with music rhythm and showcase the layering of dance through changes in rhythm.

In terms of strength, Chinese athletes have made significant progress in overall upper limb strength and core strength, and are able to perform some strength based Powermove movements well. However, in some movements that require explosive and endurance power, such as continuous Airflare, lower limb strength is slightly insufficient compared to excellent foreign athletes, resulting in a certain impact on the coherence and stability of the movements. The high intensity and long duration of breakdancing competitions greatly test the endurance of the contestants. Although Chinese athletes have improved their endurance, they may still experience physical exhaustion in the latter half of the competition, especially in high-intensity competitions such as finals. This is manifested by weakened movement intensity and slower speed, which affects the final score.

The advantages of the Chinese breakdancing national team are also quite obvious, and compared to the past, the physical fitness of Chinese athletes has significantly improved. In terms of strength, the enhancement of upper limb and core strength makes it more stable and durable when performing high-intensity strength movements. At the same time, the improvement of endurance also enables athletes to maintain good condition during longer competitions, reducing the deformation of movements caused by physical fatigue. Breaking is closely related to physical fitness and is an artistic expression of physical fitness. The Chinese national breakdance team has begun to incorporate Chinese cultural elements such as martial arts and Peking Opera into their dance choreography, making the dance more unique and well-known.Although breaking is a dance, traditional sports training methods are still used in national team training. I consulted with Nanjie, the former coach of the national breakdancing team, and found that during the training process of the national team, physical fitness training accounts for slightly more weight than dance, and some of the techniques and movements in dance are also used to enhance the athletes' physical fitness. Dr. Bailu from Beijing Sport University has a unique understanding of breaking into the sports system. He said that training like an athlete and thinking like an artist are the main trends in the development of breaking today.

Conclusion. Various phenomena indicate that breaking plays an important role in improving physical fitness, which is more evident in the age stage of adolescence. Improving athletes' physical fitness also helps them achieve better athletic results, and the two are closely related. The Chinese national breakdancing team has demonstrated many advantages at the 2023-2025 World Championships, but there are also some areas that need improvement and enhancement. By implementing targeted training and development strategies, we can fully leverage our strengths and compensate for our weaknesses.

1. World DanceSport Federation (WDSF). Elite B-Boy/B-Girl Physical Conditioning Guidelines /World DanceSport Federation (WDSF) - Lausanne: WDSF, 2023. – P. 34.

2. Foley, C. Breaking Boundaries: Hip-Hop Pedagogy and Identity Formation in Urban Youth / C. Foley, M. O'Shea // International Journal of Qualitative Studies in Education. – 2022. – № 8. – P. 1120–1136.

THE IMPACT OF E-SPORTS CULTURE ON ADOLESCENTS' VALUES AND PATHS FOR POSITIVE GUIDANCE

Song Haixin,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Academic Supervisor – Navitskaya A.I., senior Lecturer

Keywords. E-sports culture, multidimensional impact, regulatory framework, adolescents' values, positive guidance.

The global e-sports industry has developed rapidly, forming a multi-billion-dollar market scale and spawning professional leagues such as the LPL, with unprecedented participation among adolescents. However, there has long been a binary debate on whether e-sports is "beneficial or harmful" to adolescents' values. Existing studies mostly focus on individual impacts but overlook the overall connection between e-sports culture (including events, live broadcasts, and fan communities) and the formation of adolescents' values, and lack practical guidance schemes. Adolescents are in a critical period of value shaping, and the impact of e-sports is not fixed but determined by various contextual factors.

E-sports has grown from an marginal entertainment to a mainstream culture, profoundly influencing adolescents' values regarding competition, cooperation, consumption, and time management. It not only plays a positive role in fostering teamwork and stimulating innovative exploration but also carries risks of addiction and distorted values. This study moves beyond simplistic judgments, analyzes the core mechanism of e-sports' impact, and constructs a three-party guidance framework involving families, schools, and society, filling the gap of lacking collaborative intervention strategies in relevant research.

Materials and methods. A mixed research method was adopted: collating global and Chinese academic achievements and industry reports, selecting and conducting in-depth analysis of cases of adolescents with different backgrounds (including successful participants, addicts, and female participants), collecting and analyzing data through cross-regional questionnaires, interviews, and activity observations.

Results and discussion. Positive Impacts: It cultivates competitive awareness and teamwork skills, which can be transferred to academic and daily life, it stimulates innovative thinking, and many adolescents develop interests in digital design, event management, etc., through e-sports.

Negative Impacts: The instant feedback and virtual social interaction in games are prone to cause addiction and poor time management [1], excessive media hype about fame and fortune distorts adolescents' perception of success, long-term participation may also lead to physical and mental health issues such as myopia, cervical spine problems, anxiety, and social withdrawal. Core Influencing Factors. The impact of e-sports is not caused by a single factor but by the combined effect of adolescents' self-regulation ability, family guidance, and social norms [2]. Adolescents with clear gaming boundaries and participation in structured e-sports activities are less affected by negative impacts, while the material orientation of commercial live broadcasts and gender bias in game communities may exacerbate problems such as distorted consumption views and low self-esteem. Three-Party Guidance Framework. Family Level: Reduce prohibition and increase communication, jointly formulate gaming plans with children, emphasize that e-sports success stems from effort rather than luck, and convey positive values.

School Level: Integrate e-sports-related content (industry trends, game ethics, etc.) into courses, organize on-campus leagues, cultural salons, and other activities to make e-sports an educational aid. Social Level: Governments regulate in-game consumption and live broadcast content, and introduce age-appropriate policies, the industry eliminates gender bias, expands non-professional development paths for e-sports, and builds an inclusive culture.

Conclusion. The impact of e-sports on adolescents' values is complex and context-dependent, with both positive potential and inherent risks. To leverage its advantages (such as

teamwork and innovation) and avoid risks (such as addiction and distorted values), it requires the collaborative efforts of individuals, families, schools, and society [3]. There are no absolute advantages or disadvantages to eSports, the main thing is to give it the opportunity to play a positive role in the healthy and social development of adolescents through scientific guidance and standardized management.

1. Kuss, D.J. Internet Gaming Addiction. A Systematic Review of Empirical Research / Kuss D.J, Griffiths M.D. // International Journal of Adolescence and Youth– 2012. – Vol. 17 (1). – P. 37-56.
2. Wang, Y. The Influence of E-Sports Teamwork on Adolescents' Cooperative Behavior in Real Life /. Wang Y. // Journal of Youth Studies. - 2021.–-Vol. 24 (4). – P. 56 – 72.
3. Zhao, Y. School-Based E-Sports Education. A Case Study of Curriculum Design and Implementation / Zhao Y. // Journal of Educational Technology & Society. - 2023. – Vol. 26 (2). – P. 123 - 135.

RESULTS AND TECHNICAL EVOLUTION OF A SPRINTER, 100 METERS

Sun YuJia,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Shpak V.G., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Sprinting, track and field, physical fitness, technical evolution.

This study examines the 100-meter performance and technical evolution of Su Bingtian, a renowned Chinese sprinter, between the 2016 Rio Olympics and the 2021 Tokyo Olympics (2016 – 2021), with the objective of exploring the application of complex training within his training regimen and its impact on athletic performance.

At the 2016 Rio Olympics, Su Bingtian successfully advanced to the men's 100-meter semi-finals. However, his personal best (PB) remained at 9.99 seconds, a time set in 2015, without any significant improvement. From 2017 to the 2021 Tokyo Olympics, despite being over 28 years old-typically considered the latter stage of a sprinter's career - Su demonstrated remarkable performance improvement, continuously breaking his own records:

• 2018: Achieved two runs of 9.91 seconds, equaling the Asian record.

• 2021: In the semi-finals of the men's 100 meters at the Tokyo Olympics, he broke the Asian record with an impressive time of 9.83 seconds, becoming the first Asian athlete to qualify for the Olympic men's 100-meter final and earning the title of "Asia's Light."

This phenomenon challenges conventional sports physiology theories, which suggest that athletes' explosive power and reaction speed typically decline as they approach the age of 30. Su Bingtian 's performance not only remained stable but significantly improved, indicating a strong correlation with innovations in his training philosophy and methodology. Public reports and academic studies have highlighted that the comprehensive scientific training system centered on "complex training," introduced by his foreign coaching team (led by Randy Huntington), played a pivotal role in this achievement.

The purpose of this study was to examine the use of comprehensive training by China's leading sprinter and its impact on athletic performance.

Material and Methods. The core materials included official competition data of Su Bingtian from 2016 to 2021, covering 100-meter race results (e.g., final/ranking times at the 2016 Rio Olympics, 2019 World Athletics Championships, and 2021 Tokyo Olympics) from the World Athletics official website and the Chinese Athletics Association database. Additionally, technical analysis materials were used, such as race video recordings (from Olympic Broadcasting Services and sports TV platforms) for biomechanical observation of his start, acceleration, and final sprint phases. Relevant literature materials were also collected, including 50+ academic papers on complex training, sprint biomechanics, and elite athlete training, as well as coaching logs and interview records (from sports journals and official media) to confirm details of Su's training regimen.

Research Methods. Literature Review Method: Systematically sorted and analyzed literature on complex training (e.g., combination modes of strength and speed training) to establish a theoretical framework for evaluating its application in Su's training.

Video Observation and Biomechanical Analysis Method. Used sports video analysis software (e.g., Dartfish) to quantify technical indicators (e.g., step frequency, step length, and start reaction time) from race videos, comparing changes in Su's technique across the 2016–2021 cycle.

Data Statistics Method. Applied SPSS software to process competition result data, analyzing correlations between changes in Su's 100-meter times and key training indicators (e.g., strength training intensity) to verify the impact of complex training on his performance.

Results and Analysis. Complex training is an advanced, training methodology that integrates max strength training (e.g. Squats, deadlifts) with speed or explosive training (e.g., depth jumps., high pulls, short sprints) that share similar biomechanical characteristics. Its impact on Su Bingaman can be summarized as follows:

Significant improvement in speed maintenance in the latter stages of the race

Su's early technical profile was characterized by strong initial acceleration but relatively weak speed maintenance during the latter phase (60– 100 meters), often leading to deceleration. Complex training, particularly the emphasis on strengthening the gluteus maximus, hamstrings, and core muscles, significantly enhanced his hip strength and extension capacity. This enabled more effective stride maintenance during high-speed running, reducing speed loss in the final stages. In his 9.83-second race at the Tokyo Olympics, his speed maintenance reached excellent levels, marking a critical technical breakthrough.

Optimization of starting technique and acceleration strength. The starting and acceleration phases demand substantial lower-body strength and explosive power. Targeted explosive strength exercises focusing on the gluteus maximus, quadriceps, and gastrocnemius muscles in complex training enhanced the foundational strength required for effective block clearance and acceleration within the first 30 meters. This improvement not only increased his starting reaction time and acceleration efficiency but also provided a stronger and more stable propulsion system for enhancing his overall 100-meter performance.

Enhanced movement efficiency and energy utilization. Complex training improves neuromuscular coordination and excitability (post-activation potentiation, PAP effect), enabling Su to recruit muscle fibers more efficiently during competition. This resulted in greater speed and power output with reduced energy expenditure. Consequently, he was able to maintain high performance across multiple rounds (preliminaries, semi-finals, finals), which is crucial in major competitions like the Olympics.

Injury prevention and career longevity. Complex training enhances the strength and stability of key muscle groups, thereby reducing injury risks and extending athletic careers. Strengthening the gluteus maximus, hamstrings, and core muscles helped prevent common sprinting injuries such as hamstring strains and lower back pain. This approach not only ensured Su 's long-term health but also supported sustained high-level performance. Traditional training methods that separate heavy strength training from speed-specific training may lead to coordination issues and overtraining risks. In contrast, complex training integrates both, improving force production patterns while enhancing joint stability and tendon strength—factors essential for Su, who was nearing the age of 30.

Conclusion. Based on the analysis of Su Bingaman's performance data and technical development from 2016 to 2021, the following conclusions can be drawn:

The scientific implementation of complex training within his training system was the key and effective method behind his historic breakthrough in the 100-meter race during the later stage of his career. Rather than enhancing a single aspect of performance, complex training integrated maximum strength, speed-strength, explosive power, technical efficiency, and neuromuscular coordination to optimize muscle recruitment and overall sprint performance. Specifically, it:

• Significantly improved his ability to maintain speed in the latter stages of the race, addressing previous technical deficiencies.

• Enhanced explosive power during the start and acceleration phases.
• Increased movement efficiency and multi-round competition capability.
• Effectively prevented injuries, ensuring sustained peak performance at an advanced age.

1. Wang, G. Research on Technical Optimization Training of Elite Sprinter Su Bingtia / G. Wang, Z. Biyu, et al. // Journal of Chengdu Sport University. – 2019. – Vol. 45(6). – P. 82–87.
2. Bingtian, S. U. The 100m men sprint of China in the new era: Retrospect and prospect / S.U. Bingtian, et al.//China Sport Science. – 2019. – Vol. 39. – P. 22–28.

THE IMPACT OF FOOTBALL TRAINING ON THE BASIC QUALITIES OF STUDENT TRAINING

Wu Minsi,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Yanovskaya V.V., PhD in Biology, Associate Professor

Keywords. Campus football training, core competencies, students, social participation, comprehensive qualities, health literacy.

With the official release of China's Student Development Core Competencies Framework in 2016, Chinese education entered a new phase oriented towards core competencies, marking a transition from quality-oriented education to an educational model that emphasizes holistic human development [1]. In this context, educational objectives are no longer limited to the transmission of knowledge and skills, but place greater emphasis on cultivating students' attitudes, emotions, and values, ultimately aiming to shape "holistically developed individuals".

The purpose of the work is to systematically explore the positive impact of campus football training on the development of students' core competencies, with a specific focus on enhancing their social participation, comprehensive qualities, and health literacy. Guided by China's Student Development Core Competencies Framework, this study aims to verify the teachability and assessability of core competencies in the context of sports education, clarify how campus football training can be organically integrated with quality-oriented education goals, and construct a scientific and feasible school-based football curriculum system and evaluation mechanism [2]. Additionally, it seeks to analyze the practical effects of football training on cultivating students' team collaboration, rule awareness, resilient spirit, and healthy lifestyles through empirical surveys, thereby providing theoretical support and practical references for promoting the in-depth integration of campus sports and core competency education, and ultimately realizing the educational value of "nurturing people through football".

Material and methods. The study of scientific and methodological literature, the survey of students and teachers.

Results and their discussion. Research indicates that core competencies possess two fundamental characteristics – teachability and assessability. How can we effectively implement core competencies from the conceptual level to frontline teaching practices? How can we achieve the organic integration of "teaching" and "assessment"? Based on the educational objectives of core competencies, our school has developed a school-based football training curriculum, gradually establishing a campus football training system, course framework, and evaluation mechanism aligned with students 'developmental needs. Through systematic advancement in football course implementation and assessment exploration, we strive to enhance students' core competencies within authentic educational contexts, truly realizing the educational vision of nurturing through football and promoting development through sports. Core literacy can be taught and evaluated. Different subjects have their own characteristics, so we should give full play to the advantages of subjects and make outstanding contributions to some core literacy of students [3].

The mastery of knowledge and skills can effectively enhance individual competence, ultimately promoting personal success and social development. Core competencies emphasize cultivating comprehensive qualities in individuals, encompassing multidimensional abilities

across knowledge, skills, and attitudes. Campus football training enhances students' cultural literacy in soccer, while also fostering valuable academic achievements through the integrated application of disciplinary thinking methods and investigative skills.

The impact of campus football training on students 'social engagement is significantly shaped by personalized learning support and timely academic guidance within educational environments focused on core competency development. In implementing football training programs, establishing student-centered learning environments that address individualized needs, accommodate diverse learning styles, and integrate modern sports equipment has become a crucial foundation for fostering students' core competencies. This approach represents a fundamental mission in contemporary campus football education.

The survey shows that students participating in campus football training show more positive tendencies in teamwork, communication and mutual evaluation, and demonstrate a series of excellent qualities such as tenacious struggle, positive progress, respect for opponents and compliance with rules in practice, reflecting the significant promoting effect of campus football training on students' social participation quality.

Campus football training can improve students' football cultural literacy and increase valuable academic achievements for students to comprehensively apply disciplinary ideas and methods and inquiry skills.

In coaching and training, coaches should maintain an innovative mindset by proactively exploring new methods to effectively address practical challenges. Both technical aspects and management practices present numerous opportunities for reflection and breakthroughs. Innovations across all fields can drive positive changes that genuinely enhance training effectiveness. Therefore, both coaches and athletes should continuously drive innovation to strengthen the practical outcomes of training programs.

Conclusion. Campus football training enhances students 'soccer cultural literacy and contributes to valuable academic achievements through the integrated application of disciplinary thinking methods and inquiry skills. The experimental campus football program deepens students' understanding of health literacy, subtly cultivating healthy lifestyles and cognitive perspectives while fostering sports habits and core competencies. Modern campus football training encourages greater social engagement and fully meets students' personalized learning needs. As a curriculum that elevates core competencies, campus football requires active participation from both frontline teachers and students. Continuous teaching and evaluation of core competencies should create better practical platforms for individuals, ultimately achieving high-quality education.

1. A review of domestic and international literature on the development of youth campus football [Electronic resource]. – Mode of access: https://m.book118.com/html/2025/0805/7015045161010142 – Date of access: 20.09.2025.

2. Theories and Practices of Artificial Intelligence in Enabling the Cultivation of Core Competencies in Physical Education [Electronic resource]. – Mode of access: https://m.book118.com/html/2025/0723/8054070045007114.shtm – Date of access: 20.09.2025.

3. A Comparative Study of the Development of School Football in China and Japan [Electronic resource]. – Mode of access: https://m.renrendoc.com/paper/324444091.html – Date of access: 20.09.2025.

EFFECTIVENESS OF SPORTS REHABILITATION TRAINING IN THE RECOVERY OF KNEE JOINT INJURIES IN SPRINTERS

Xu Yang Wei Yan,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Academic Supervisor – Navitskaya A.I., senior Lecturer

Keywords. Sports rehabilitation training, injuries, knee joint, athletes, recovery

Running is one of the most popular ways to improve and maintain physical fitness, and it is also one of the most common motor actions in training and competitive activities. However, despite its simplicity and good accessibility to people from an early age, it is among the injury-prone types of motor activity. This is confirmed by the widespread prevalence of running

injuries [1]. For sprinters, the results of scientific research show that due to the nature of their high-intensity cyclic work, the main load falls on the neuromuscular and cardiorespiratory apparatus of the lower extremities.

According to statistics from 2015, the most common injuries are to the knees, hips, and ankles. The most severe injury to the locomotor apparatus of athletes engaged in sprinting, which is a speed-strength sport, is the knee joint, the pathology of which accounts for 39.91% of all pathology [2].

The constant risk of injury in sprinters actualizes both scientific analysis of the causes of traumatism and the search for effective methods of their treatment and the study of experience in this area.

Research on rehabilitation after knee joint injuries is mainly focused on clinical and experimental interventions in the field of medicine and relatively few studies are in the area of sports rehabilitation after knee joint injury in elite athletes. The knee joint is of decisive importance for athletes, and pain in the knee can affect sports training and competitions and even the entire athletic career of an athlete. Clinical medical interventions can lead to the athlete needing to stop training and participating in competitions, which seriously affects the training cycle of elite athletes.

Therefore, there is a special scientific interest and practical significance in finding effective methods of physical rehabilitation (restoration of movement and pain relief) while continuing the training and competitive activities of athletes.

Hence, the goal of my scientific work was to develop a set of rehabilitation exercises for the recovery of knee joint injuries in highly qualified athletes without interrupting training and competitive activities.

Material and methods. In the rehabilitation process, which coincided with regular training and competitions, two elite sprint athletes with painful leg muscle injuries caused by prolonged running training participated. The tasks of the rehabilitation program with the athletes were not only to plan pain relief and maintain the functional state of the body, but also, as a result, to improve sports performance. Sports rehabilitation training was carried out 3 times a week for four weeks.

The following research methods were used: analysis of literary sources, testing, observation, method of comparative analysis, determination of the number of painful points, physical fitness, training effect and psychological state before and after the rehabilitation process.

Results and their discussion. Over the 4 weeks, the athletes fully restored the muscular function of the lower extremities and got rid of pain, and sports rehabilitation training was purposefully applied to the affected part of the muscular system and/or ligaments. Sprinters, as part of a complex with passive manual therapy, performed:

a) training of the concentric strength of the quadriceps muscle;

b) training of the eccentric strength of the hamstring;

c) training of balancing stability;

d) restoration of running performance.

In the first week, the training was based on passive manual therapy, since in the acute phase of lower extremity injuries, movements were accompanied by pain that intensified during active movements. Then, light jogging with a harness and low-intensity exercises for the whole body were added to the manual therapy.

In the second week, running and physical training were the main means of rehabilitation, and passive manual therapy was an auxiliary method.

In the third week, with the aim of a gradual transition from the state of rehabilitation to the state of special training, rehabilitation means and special physical training received practically equal attention.

In the fourth week, special restorative training and psychological rehabilitation measures took the main place in order to return the athletes to regular (active) training.

After four weeks of sports rehabilitation training, the dynamics of the injury were studied by palpation and testing of motor actions (compression bending of the knee in the supine or lying position, vertical jump and static half-squat). A recovery effect was observed.

As a result of the rehabilitation program, there was a significant increase in maximum strength (by 10%) and speed of movement (by 7.8%), a decrease in fatigue after training, an increase in activity and mood of athletes during the training process, and confidence in competitions.

Conclusion. Thus, the prevention of injuries and the restoration of athletes without interrupting the training process is a really urgent problem of sports. The use of sports rehabilitation training based on a complex application with passive manual therapy (training of the concentric strength of the quadriceps muscle, training of the eccentric strength of the hamstring, training of balancing stability, and restoration of running performance) for a month allows sprinters to quickly recover from injuries, maintain training continuity, and improve sports performance. At the same time, there is an improvement in physical qualities and a positive impact on the psychological state of athletes.

1. Zuoli, S. Sports Anatomy and Sports Medicine Dictionary / S. Zuoli, Y. Bao // People's Sports Publishing House. - Beijing, 2015. - P. 33-34.

2. Trauma in short-distance running. Chronic pathology of short-distance running [Electronic resource] - Retrieved from: http://m.dujye.com/Medical/xitongjia/1046.html. - Date of access: 20.10.2022.

COMPARATIVE ANALYSIS OF OFFENSIVE AND DEFENSIVE PERFORMANCES OF GOALKEEPERS IN HANDBALL (TAKING THE WOMEN'S HANDBALL FINAL OF THE 2024 CHINA STUDENT SPORTS GAMES AS AN EXAMPLE)

Yu *Meihong,*
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Novitsky P.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Handball goalkeeper; 2024 National Student Games; Final Four team; offensive and defensive effect.

Since the handball goalkeeper is the last player on the team's defense line, his personal defensive effect can directly affect the number of points the team loses, and he can also help the team by passing the ball in the offensive. The study of the offensive and defensive effects of the handball goalkeeper is of great practical significance. value.

Ah, the goalkeepers of the youth women's handball teams, and bring a certain amount of Currently, domestic special research on the goalkeepers of the women's youth handball team focuses on technical training alone, and there is no systematic comparative analysis of the attacking and defensive effects. Enrich the relevant theories on attacking and defensive effects with information from the theoretical research of youth handball coaches, athletes, and other practitioners [1].

The purpose of the study is to identify the strengths and weaknesses of the top four goalkeepers in order to establish selection standards at the grassroots level, find solutions for training young players, and strengthen the overall structure of the reserve forces.

The offensive and defensive actions of the goalkeepers from the four finalist teams in the women's handball event at the 2024 National Student Games are taken as the research object. Specifically, the goalkeepers selected for the study are from the teams of Jiangsu Suzhou, Anhui Chuzhou, Guangxi Nanning, and Guangxi Beihai [2].

Material and Methods. The following research methods were used: the literature method, the video analysis method, the mathematical statistics method, and the logical analysis method.

Results and discussion. Among the goalkeepers of the women's handball "final four" teams at the 2024 National Student Games, the overall defensive performance of the Jiangsu

Suzhou goalkeepers is the highest, followed by the goalkeepers of the Anhui Chuzhou, Guangxi Nanning, and Guangxi Beihai teams. The defensive performance is relatively low, and the defensive performance is lower. The defensive performance of the team's goalkeepers can have a certain impact on the team's performance.

Among the goalkeepers of the top four women's handball teams at the 2024 National Student Games, the goalkeepers of the Chuzhou team in Anhui are better at one-pass fast passes, the goalkeepers of the Suzhou team in Jiangsu are better at one-pass fast passes, and the goalkeepers of the Chuzhou team in Jiangsu are better at one-pass fast passes. The goalkeepers of the Guangxi Beihai team have relatively poor performance in one-pass and short-pass fast passes.

Among the goalkeepers of the top four women's handball teams at the 2024 National Student Games, the goalkeepers of Guangxi Nanning are the best at defending flank and low-line shots, the goalkeepers of Jiangsu Suzhou are the best at defending inside and center shots, and the goalkeepers of Guangxi Nanning are the best at defending low-line shots. The Anhui Chuzhou team has the best defensive effect when hitting the ball, and the goalkeepers of the Guangxi Beihai team do not have obvious advantages in defending against various types of shots.

Conclusion. Women's handball goalkeepers should strengthen the training of their own technical skills in defense, focusing on the development of defensive literacy, prediction, reaction speed, and mobility, etc. At the same time, they should accumulate more experience in real combat games to comprehensively improve the defensive effect of youth goalkeepers.

Women's handball goalkeepers should conduct targeted training and improve themselves in response to their own shortcomings in the accuracy of shots from line defenders, insiders, lower lines, and the main roster. At the same time, they should also pay attention to studying the shooting skills and habits of players in various positions of the opponent, and then respond in advance to increase the likelihood of success in defense during the game.

Women's handball goalkeepers should conduct targeted training and improve themselves in response to their own shortcomings in the accuracy of shots from line defenders, insiders, lower lines, and the main roster. At the same time, they should also pay attention to studying the shooting skills and habits of players in various positions of the opponent, and then respond in advance to increase the likelihood of success in.

1. Si, Ya. Research on the Defensive Characteristics of the Goalkeeper of Jiangsu Team, Champion of the Women's Handball Competition at the 13th National Sports Elite / Si Yan, Li Yunqin. – 2023. – Vol. 5. – P. 92-95.

2. Gutierrez-Davila, M. Anticipatory strategies of team-handball goalkeepers / Gutierrez-Davila, M., Rojas, F. J., Ortega, M., Campos, J., & Parraga, J. // Journal of sports science. – 29 (12). – 2011. – P. 121–128.

A STUDY ON THE INFLUENCE OF SWIMMING LEARNING SEQUENCE ON JUNIOR HIGH SCHOOL PHYSICAL EDUCATION ENTRANCE EXAMINATION SCORES

Yu Peng,

master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Novitsky P.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Swimming instruction sequence, physical education in junior high schools, entrance examinations, impact on grades, skill development.

With the deepening reform of physical education entrance examinations in my country, swimming, as a sport combining physical fitness and practicality, has been included as an optional subject in the physical education entrance examinations for middle schools in many regions. However, swimming instruction in middle schools currently typically suffers from the problem of "emphasizing technical instruction while ignoring the teaching sequence. Most teachers directly teach holistic swimming movements (e.g., freestyle and breaststroke), ignoring the principles governing students' basic physical fitness and the acquisition of technical decomposition. This leads to poor student performance on examinations and a lack of motivation due to insufficient mastery of movements and a mismatch in physical fitness.

Relevant research shows that the development of motor skills should follow the law of "cognition - decomposition - integration - automation." Swimming is complex sport, and a scientific approach to teaching sequences directly impacts skill acquisition and test performance. Currently, research on swimming teaching methods has focused primarily on optimizing individual techniques, with limited empirical research examining the correlation between teaching sequences and entrance examination performance. Therefore,this study develops a progressive swimming teaching sequence and compares the effectiveness of traditional teaching models to provide a scientific basis for improving swimming performance in junior high school physical education entrance examinations [1].

Material and Methods. Participants were 120 sixth-grade students with no swimming experience from Beimen Primary School in Kaihua County. There were 62 boys and 58 girls, aged 14-15 years. All students voluntarily chose swimming (50-meter breaststroke/freestyle) as their physical education entrance exam. Students were randomly divided into an experimental group (60) and a control group (60). No significant differences were found in key indicators such as height, weight, and cardiopulmonary function between the two groups ($P>0.05$), making them comparable.

The experimental group utilized a progressive teaching sequence of "Basic Physical Training - Technique Analysis - Integration - Simulation Testing." The experiment lasted eight weeks, with two 60-minute lessons per week. In the control group, lessons followed the traditional "technical instructions" teaching sequence.

Research methods. Literature review,observation,pedagogical testing, pedagogical experiment, questionnaires, and mathematical statistics.

Key performance indicators for both groups of students were tested before and after the experiment.

Performance indicator: 50-meter swim time (compliance with physical education exam time standards).

Technique indicator: Technique mastery was assessed by three experienced swimming coaches using the "Technical Assessment Sheet" (100 points each, including movement standardization and rhythmic continuity).

Learning adaptation indicator: The frequency of "fear of learning difficulties"(e.g., fear of choking, difficulty mastering movements) was assessed using questionnaires [2].

Results and discussion. Comparison of 150-meter swimming results between the two groups. Before the experiment, no significant difference was observed in the average 50-meter swim time between the experimental and control groups (135.2 ± 12.5 seconds in the experimental group, 136.7 ± 11.8 seconds in the control group, $P > 0.05$). After the experiment, the average time in the experimental group decreased to 112.6 ± 8.3 seconds, while in the control group it decreased to 128.4 ± 10.5 seconds. The improvement in results in the experimental group was significantly greater than in the control group (12.3% vs. 6.1%, $P < 0.05$).

The analysis shows that the "basic physical training stage" in the experimental group provided physical support for subsequent technique acquisition. Elementary school students are in a period of growth and development, and insufficient core strength and cardiorespiratory endurance directly lead to "distorted movements" and "insufficient endurance" during swimming. Early physical training effectively addressed this issue. The "simulated exam phase" helped students adapt to the exam rhythm in advance, avoiding the influence of "unfamiliarity with the process" (e.g., slow starts and long turns) on their performance. This is the main reason for the superior results of the experimental group.

Comparison of swimming technique acquisition between the two groups. After the experiment, the average swimming technique score in the experimental group (89.2 ± 5.7 points) was significantly higher than in the control group (72.5 ± 7.3 points, $P < 0.05$), and the percentage of standardized technique in the experimental group (91.7%) was significantly higher than in the control group (68.3%). Regarding technical characteristics, the experimental group's pass rates for key aspects such as "kick and turn efficiency" and "breathing during arm stroke" were more than 20% higher than those of the control group.

This result suggests that the "technique decomposition stage" coincides with the development of swimming skills: elementary school students have a limited understanding of complex movements, and direct instruction in complete movements can easily lead to problems associated with "holistic learning" (e.g., the common problems of "weak kick and turn" and "inconsistency between breathing and arm stroke" in students in the control group). At the same time, decomposition training allows students to overcome technical difficulties one by one, laying the foundation for integrating complete movements and ultimately improving technical standardization [3].

Conclusion. A scientific swimming teaching sequence (basic physical training - technical training - full integration - simulated exam) can significantly improve performance on junior high school physical education entrance examinations. Its essence lies in its alignment with students' physical and mental development and the logic of swimming skill development.

This progressive teaching sequence not only improves students' technical proficiency but also enhances their adaptability to learning, reduces anxiety, and lays the foundation for developing long-term exercise habits.

The traditional "technical indoctrination" teaching sequence ignores physical training and technical preparation, easily resulting in students with "weak technique and slow performance improvement," making it difficult to meet the requirements of junior high school physical education examinations.

1. Wang, Jian. A Study on the Patterns of Formation and Strategies of Teaching Swimming Skills to Adolescents / Wang Jian // Journal of Beijing Sport University. – 2020. – 43(5). – P. 112-118.
2. Li, Na. Current situation and ways to optimize project-based swimming teaching in physical education entrance examination / Li Na // Sports Culture Guide. – 2021. – (8). – P. 95-100.
3. Zhan, Yong. Experiment on the effect of progressive training on the swimming performance of junior high school students / Zhan Yong // Sport. – 2019. – (12). – P. 78-80.

IMPROVING THE TECHNIQUE OF SHORT-DISTANCE RUNNING OF COLLEGE STUDENTS ENGAGED IN SPRINTING, USING INNOVATIVE METHODS

Zhang Hu,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Shpak V.G., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Keywords. Sprinting, track and field, physical fitness, college students, sprint training.

Sprinting is a foundational discipline in track and field, playing a significant role in enhancing college students' physical fitness and fostering their spirit of competition. However, the training methods currently employed in many universities still rely heavily on traditional approaches, which depend on coaches' subjective observations and lack precise, quantitative feedback. This limitation hinders the in-depth improvement of students' sprinting techniques. With the widespread adoption of smart devices and analytical software, technology-assisted training has introduced new possibilities for overcoming these limitations. By utilizing accessible tools such as smartphone video recording and sensor applications, combined with specialized analysis software, key technical indicators can be quantitatively assessed, offering data-driven support for training optimization [1]. The purpose of this study is to examine the application effects of technology-assisted tools such as video analysis and sensor-based metrics in college students' sprint training. It aims to validate their impact on improving technical indicators and to provide a practical reference for optimizing the sprint-training model in universities.

In the context of the widespread application of information technology in education, the modernization and scientific refinement of training methods have become important directions for the development of physical education in universities. As a foundational event in track and field, sprinting requires a high degree of technical precision, yet traditional training models often rely on coaches' empirical observation and subjective feedback. This approach makes

it difficult to conduct quantitative analysis of subtle technical movements, thereby limiting the improvement of college students' sprinting proficiency [2]. In this context, exploring how to effectively apply a combination of accessible technological tools to the sprint training of college students and forming a set of practical and promotable training optimization solutions have become urgent needs for enhancing the quality of physical education in universities.

The purpose of this study is threefold: first, to design a technology-assisted sprint training program suitable for the resource conditions of general universities, utilizing tools such as video analysis software and smartphone sensors; second, to empirically verify the specific effects of this training model on improving key technical indicators of college students (including stride length, stride frequency, and joint angles); third, to summarize a set of practical and operable technology-assisted training methods and recommendations, providing a reference for optimizing the sprint training model in universities.

Material and Methods. Subjects of the study : Thirty male and female college students from the university's track and field interest club were selected as the research subjects. All subjects had undergone fundamental physical education courses and possessed basic running ability, with no recent major sports injuries that would affect training. They were randomly divided into an experimental group and a control group, with 15 students in each group, ensuring no significant difference in their pre-training physical condition and sprinting level [3].

Research process : The control group followed the traditional sprint training model, which primarily involved coach demonstration, group repetitive drills, and experiential feedback. The experimental group, based on the traditional model, integrated the aforementioned technological methods: using video analysis for technical post-mortems, sensor data for quantitative feedback on force application, and virtual simulations for technical conceptualization [8]. Technical data for all subjects was collected using the above tools at the beginning (pre-test) and the end (post-test) of the training period.

The pre-test and post-test data of the two groups were compiled. Using spreadsheet software, comparative analysis was conducted on the changes in technical indicators such as stride length, stride frequency, sensor-derived kinetic parameters, and joint angles. The aim was to verify the differential impact of the technology-assisted training model compared to the traditional model on the technical improvement of college students [4].

Results and their discussion. Step length and step frequency variations: Before the experiment: The experimental group had a stride length of 1.82±0.12 meters and stride frequency of 4.65±0.21 steps/second; the control group had a stride length of 1.83±0.13 meters and stride frequency of 4.63±0.22 steps/second. There was no significant difference between the two groups in stride length and stride frequency ($P>0.05$).

Post-experiment analysis: The experimental group achieved stride length improvement to 1.97±0.11 meters (8.5% increase) and step frequency to 4.94±0.20 steps/second (6.2% increase), while the control group only showed a 3.2% stride length increase to 1.89±0.12 meters and a 2.1% step frequency increase to 4.73±0.21 steps/second. The experimental group demonstrated significantly greater improvements in both stride length and step frequency compared to the control group ($P<0.05$) [8]. The discussion here emphasizes that innovative technologies provide detailed feedback, allowing for more targeted adjustments in stride parameters, which traditional methods lack.

Changes in ground reaction forces:After training, the experimental group demonstrated significantly higher peak vertical force and horizontal propulsion than the control group ($P<0.05$). Specifically, the experimental group achieved a 10.3% increase in peak vertical force and a 12.5% boost in horizontal propulsion, while the control group only showed modest improvements of 4.1% in vertical force and 5.3% in horizontal propulsion. These results confirm that innovative technology-assisted training effectively enhances students' ground push efficiency [5]. The discussion points out that real-time data from force platforms enable immediate correction of force application techniques, leading to more efficient propulsion.

Changes in joint angles: Analysis of hip, knee, and ankle joint angles using motion capture systems revealed that the experimental group demonstrated more rational coordination in range of motion and force application timing after training: hip extension increased by 8°

degrees, knee flexion by 10° degrees, and ankle plantar flexion by 6° degrees, which better facilitates generating greater propulsion during sprinting. The control group showed minimal improvement in joint angle optimization, demonstrating a significant gap compared to the experimental group [6]. This discussion highlights how motion capture provides visual and quantitative feedback on joint movements, promoting better biomechanical alignment and reducing injury risks.

Conclusion. The integration of accessible technology-assisted methods, such as smartphone video analysis and sensor-based tools, into college sprint training has been shown to effectively enhance key technical indicators including stride length, stride frequency, and joint angle coordination. Compared with traditional coaching approaches, these methods provide objective, quantifiable feedback that helps students better understand and improve their sprinting technique, thereby increasing training efficiency [7]. The advantages of such technology-supported training are clear, demonstrating significant value for widespread adoption within university physical education programs. Colleges and universities should promote the use of low-cost and widely available technical tools – such as smartphone video recording and sensor applications – to provide sustainable hardware and software support for training. Coaches should receive training in the use of these tools and in basic data analysis to enhance their ability to implement technology-assisted instruction effectively. Training plans should be adapted to individual students based on data collected through these technologies, allowing for personalized guidance that addresses different technical needs [8]. Finally, the application of these methods should be regularly evaluated and optimized according to actual training conditions, contributing to the ongoing improvement of the sprint training system in higher education.

1. Yongcai, Z .A. Practical Study on the Application of Innovative Technology in Sprint Training /Yongcai, Z., Jianguo, L. // China Sports Science and Technology. – 2019. – Vol. 55, No. 8. – P. 95-101.
2. Chen, L. Application of Motion Capture Technology in Improving College Students' Sprinting Techniques / Chen, L., Qingwen,Z. // Sports Science and Technology Literature Bulletin. – 2022. – Vol. 30, No. 5. – P. 162-165.
3. Wang, J. Application of Biomechanical Analysis Software in Track and Field Training / J,Wang, J. Jichun // Sports Science Research. – 2020. – Vol. 24, No. 3. – P. 68-73.
4. Ye,T. Sports Training Science (2nd Edition) / T.Ye // Higher Education Physical Education Series. – Beijing: Higher Education Press, 2017. – P. 132-140.

A STUDY ON THE FACTORS ASSOCIATED WITH LOW UPPER LIMB STRENGTH IN COLLEGE STUDENTS IN CHONGQING, CHINA

Zhang Ying,
master's student Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus
Scientific supervisor – Novitsky P.I., PhD in Pedagogy, Associate Professor

Key words. Chongqing universities, college students, upper limb strength, weak.

In recent years, the physical health test data of college students shows that the upper limb strength of college students is declining year by year. At the same time, it has also attracted great attention from schools and society. Strength quality is one of the basic qualities of the human body in sports, and is an important influencing factor for obtaining excellent competitive ability, sports skills and achieving excellent sports results. In physical education, it is found that the weak strength of students' upper limbs directly affects the development of athletic ability of throwing, hanging, supporting, and climbing, and also hinders the improvement of athletic performance in running and jumping.

Upper limb strength provides a good physical foundation for students to participate in various sports, so the importance of upper limb strength development is self-evident. The exploration of the factors of weak upper limb strength of students in Chongqing colleges and universities is helpful to pay attention to the current situation of students' upper limb strength practice. For colleges and universities, it is necessary to clearly understand the factors affecting the weak upper limb strength of college students, so that schools can adjust and

improve in time in formulating physical education teaching plans. Physical education teachers in Chongqing colleges and universities should raise their awareness ideologically, pay attention to the development of students' upper limb strength, and design teaching plans and implementation plans more thoroughly. For college students, strengthening the exercise of upper limb strength exercises can promote the comprehensive and healthy development of physical fitness. On September 2, 2019, our country put forward the "Outline for the Construction of a Sports Power", deploying and promoting the important role of promoting the construction of a sports power in the new journey of a modern socialist country. The study of the factors of weak upper limb strength can greatly improve the physical fitness of college students, implement the outline of the national sports power, and is also consistent with the strategic goal of the national sports power.

Materials and methods. In order to understand the upper limb strength exercise of college students in Chongqing, according to the research purpose of this project, according to the design requirements of the questionnaire survey in the sports research method, the questionnaire was designed after consulting a large number of materials and asking the instructor's suggestions, and the credibility and validity of the questionnaire were tested, and 600 full-time undergraduate students in 6 colleges and universities in Chongqing were surveyed by random sampling, with 100 copies in each school, and a total of 600 questionnaires were distributed , 496 questionnaires were collected, with a response rate of 82%, and 422 valid questionnaires were collected, with an effective recovery rate of 85%. At the same time, 60 questionnaires were distributed to physical education teachers in six Chongqing universities, 60 were recovered, and 60 were effectively recovered. Random interviews were conducted with students and college physical education teachers from 6 colleges and universities in Chongqing, so as to compare and understand the cultivation of students' physical education in physical education in colleges and universities. With "influencing factors of upper limb strength" as the keyword, the relevant materials of upper limb strength are collected through CNKI, magazines, books, newspapers, and libraries, so as to provide a theoretical basis for the design and development of the paper**.** By deducing, summarizing, and summarizing the data of the questionnaire, it provides rigorous and accurate data support for the design of the topic of the paper, and further analyzes the reasons for the weak upper limb strength.

Results and discussion. The study on the weak upper limb strength of college students in Chongqing not only reflects the shortcomings of physical education in colleges and universities in Chongqing, but also reflects the problems faced by university physical education and even society: the importance of physical education needs to be improved. At the same time, physical education teachers should pay more attention to the teaching and research discussion of students' upper limb strength, and conduct in-depth research on how to be more comprehensive, more perfect, more rigorous, and more in line with the laws of physical development of college students. For schools, it is necessary to follow up on the requirements of national policies for school physical education in a timely manner, fulfill a responsible attitude towards students, and strengthen the construction of school physical education courses; At the same time, college students are encouraged to participate in a variety of sports and develop the strength of all parts of the body in an all-round and coordinated manner. For society, it is necessary to advocate correct values, and to identify and deal with some capital interests that induce young people and college students to have bad health aesthetics, and to improve the problem of weak upper limb strength of college students without delay.

1. Ma, Quanfa. Research on the optimization of the test of the "National Student Physical Health Standards" in colleges and universities / Ma Quanfa // Athletics.– 2022. – P.115.

2. Wang Yaqiao. Effects of different upper limb strength training programs on pull-up performance of middle school students / Wang Yaqiao // Capital Institute of Physical Education. – 2022. P.145-166.

3. Sun Tinghan, Sun Xiao. The Impact of National Student Physical Health Standards on Physical Education in Colleges and Universities / Sun Tinghan, Sun Xiao // Journal of Shanxi University of Finance and Economics. – 2022. – 133 -139.

4. Cui, Xiuyun. Analysis of the results of the "National Student Physical Health Standards" test in Xi'an colleges and universities Cui Xiuyun, Wen Yongfang, Yu Wenhua // Journal of Xi'an University of Architecture and Technology (Social Sciences Edition). – 2009. – P.1110 – 1118.

5. Tang, Dong. A comparative study on the testing methods of upper limb strength and quality of male college students in ordinary colleges / Tang Dong, Liu Wei, Liu Wenping // Fujian Sports Science and Technology, 2005. – P. 277 – 279.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Биринтова А.Р. Формирование ключевых компетенций дошкольников в условиях цифровизации образования 3
Боброва Н.А. Дидактические игры как средство воспитания звуковой культуры речи детей среднего дошкольного возраста 5
Вахмистрова С.Д. Формирование читательской грамотности на уроке иностранного языка у младших школьников 7
Ганисевская Е.С. Культурологический подход в процессе формирования функциональной грамотности у детей дошкольного возраста 9
Гильманова М.Н. Развитие учебной самостоятельности младших школьников средствами проектной деятельности в парах 11
Дуань Мэйхань. Роль семьи в ознакомлении детей дошкольного возраста с природой в игре 12
Захарова В.А. Эффективные способы развития памяти младших школьников (на материале иностранного языка) 15
Ковалёнок А.С. Развитие творческого воображения детей дошкольного возраста как педагогическая проблема 17
Мустафаева П.Э. Преобразование роли сказки в современном цифровом пространстве: влияние интерактивных сказок на формирование моральных ценностей и развитие воображения у детей дошкольного возраста 19
ОкружноваВ.С. Экосистемный подход к формированию сенсорных эталонов у детей с тяжелыми и множественными нарушениями развития 20
Пань Линь. Педагогический потенциал изобразительного искусства в патриотическом воспитании детей дошкольного возраста 23
Прудникова Е.В. Театрализованная игра как средство развития творческого потенциала воспитанников учреждения дошкольного образования 26
Рымарева А.Ю. Ознакомление младших школьников с произведениями изобразительного искусства посредством беседы 28
Соляных Р.А. Проблема развития мелкой моторики у детей дошкольного возраста на современном этапе 31
Турлович Э.Э. Личностно-ориентированный подход в дошкольном образовании: практика развития индивидуальности ребенка дошкольного возраста 34
Roshchina N.N., Bulakh P.M. Use of neuropsychological techniques in correction of writing disorders in children with intellectual insufficiency 35
Yao Yao. The use of pop music in the aesthetic education of children and adolescents 38

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ СРЕДСТВАМИ ДИЗАЙНА, ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО И ДЕКОРАТИВНОГО ИСКУССТВ

Гофман Н.С., Довченко Я.В. Стрит-арт в историческом контексте: новый нарратив старого Ростова 40
Громада В.В., Уморина Ж.Э. Динамическое преобразование здания Храма Святой Екатерины на Урале: историческая эволюция, конфликты городской среды и современные проектные предложения 41
Литвин У.Э. Влияние цвета в дизайне интерьера на человека и его работоспособность 44
Тянь Цзыюй. Традиция и современность в китайском интерьере 46
Якубцова С.С. Пейзажная живопись в творчестве Феликса Гумена 48
Jiang Jun. The relationship between decorative art and architecture: an analysis of stylistic features 50

ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Антонникова А.В. Опыт применения искусственного интеллекта в творческих заданиях будущих педагогов изобразительного искусства 53
Багапова Н.В. Практика преподавания рисунка студентам в творческих вузах 54
Васільчык С.Ю. Засваенне тэхнікі акварэлі студэнтамі першага курса ў рамках вучэбных заняткаў 55
Журавская А.И. Роль подготовительной стадии живописного процесса при обучении студентов масляной живописи 56
Лю На. Художественная интерпретация образа учителя в композиторском творчестве 58
Мао Синчунь. Проблема взаимодействия искусств в контексте художественной культуры города 60
Медвецкий А.С. Культурно-исторические предпосылки формирования автопортрета в живописи 63
Пилецкая К.В. Влияние медиакультуры на хореографическое образование Беларуси 65
Цю Каннань. Связь музыки и изобразительного искусства в жанре «программная симфония» в России 67
Цяо Чжиюй. Методические аспекты создания тематического пейзажа в современной художественной практике 69
Chen Xing. Musical text as artistic expression: the aesthetics of Robert Schumann's title music 72
Du Jin. Regional characteristics of Hunan Flower drum opera 74
Li Bin. The use of decorative painting in teaching preschool children 76
Li Chen Siyuan. Spread and perception of the Hang-drum in different cultural traditions 78
Li Zhuokun. Theoretical and practical methods of achieving the beauty of form in teaching oil painting 80
Lyu Lyu. Methodological features of the teaching flower and bird drawing in traditional Chinese painting 81
Wang Kang. The application of fine art in traditional Chinese female figurative painting (based on the works of Tang dynasty artists Zhang Xuan and Zhou Fang) 84
Wang Yihan. Integration of digital technologies and traditional methods in teaching fine arts 86
Yao Yanpeng. The role of sketching in optimizing artists' creative activities: based on the analysis of Raphael's works 87
Zhan Xinglin. Impressionism and its presentation in Debussy's musical language 89
He Yu. Sichuan opera as living heritage: vocal integration and technological transformation 91
Yao Yuyan. From folk aria to national heritage: an art historical analysis of Henan opera 94

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО И ПРАВОВОГО ДИСКУРСОВ

Аманкулыев Э.М. Понятие предпринимательства и организационные основы предпринимательской деятельности 97
Андреасян М.А. Девиантное поведение молодежи в условиях цифровизации: социально-философский и криминологический анализ 99
Багдасарян Г.А. Актуальные проблемы международной миграции в современном мире 102
Баранова В.С. Финансово-правовая грамотность молодежи в условиях цифровизации: дискурсивный анализ 105
Бачинская В.Д. Незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества: особенности квалификации 107

Бельченко Е.А. Международная практика и практика Российской Федерации в проведении процедуры несостоятельности (банкротства) физических лиц 109
Бурхонов Д.О. Правовые проблемы юрисдикции в киберпространстве и их влияние на международные экономические отношения 112
Висленева К.Ю. Теоретические основы правосубъектности государства 114
Гайдукова Д.М. Консультативное заключение международного суда от 1951 года . 117
Гилемханова И.И. Роль компетентности граждан в финансовых вопросах для экономической стабильности 119
Гейц М.В., Щетинина К.И. Возможности внедрения технологии искусственного интеллекта в деятельность государственных органов 121
Гулер Е.А., Волков А.В. Правовое регулирование и практика применения пожизненного лишения свободы в Республике Беларусь 123
Добыш М.Д. Защита авторских прав в цифровой среде 126
Донцова Д.Н., Журавлёва А.В. Административное право Беларуси в контексте различных исторических периодов 128
Доржу И.Б. Финансовая грамотность студенческой молодежи: диагностика уровня и модели интеграции в образовательный процесс вуза 131
Ескина Д.И. Электоральный суверенитет: научно-теоретический и законодательный аспекты 133
Ефишенко А.В. Цифровизация как ключевой фактор, влияющий на формирование новой правовой реальности 136
Клюквина А.А. О методологической проблеме криминологического анализа личности преступника 138
Козленко Ю.Д. Использование технологий искусственного интеллекта для управления личными финансами 140
Козлова Е.А. Произведение изобразительного искусства как вклад в уставный фонд хозяйственного общества: особенности учета и оценки произведений изобразительного искусства в составе активов хозяйственных обществ 143
Козлова К.А. Характеристика несовершеннолетнего лица как жертвы или объекта виктимологического исследования 145
Кот М.Н., Мельник К.Ю. Электронное правительство в Республике Беларусь: проблемы и перспективы регулирования 148
Ксендзов В.В. Коррупционные риски в системе государственно-частного партнерства в Республике Беларусь: финансово-правовые аспекты противодействия 150
Кузнецова А.А. Перемещение объектов фалеристики: сравнительный анализ правового регулирования в странах ЕАЭС 152
Лазаревич И.С. Перспективные меры решения ключевых проблем машинного обучения в законодательстве Республики Беларусь 154
Лученок В.О. Понятие и способы защиты гражданских прав 157
Медведева Е.С. Антикризисные финансовые меры государственной поддержки бизнеса: эффективность и правовые рамки (на примере пандемии COVID-19) 160
Новак Е.Н., Рашкевич П.А. Административно-правовой статус общественных объединений 162
Обух Е.В., Волков А.В. Актуальные вопросы уголовной ответственности за шпионаж 164
Орёл Д.С. Особенности установления причинной связи при хищении путем модификации компьютерной информации: актуальные проблемы доказывания в условиях постоянного изменения цифровых технологий 167
Орлов Д.А. Особенности правового регулирования оборота взрывчатых веществ ... 169
Панина А.А. Проблемы нормативно-правового регулирования ввоза и вывоза шифровальных средств и средств для негласного получения информации 171

Поляков Д.А. Актуальные проблемы борьбы с религиозной дискриминацией на международном и национальном уровнях 173
Пономаревский Е.М. Особенности нормативно-правового регулирования перемещения делящихся и радиоактивных материалов в ЕАЭС 175
Приезжих М.Д., Брилёнок Е.А. Маркетинг в социальных сетях как фактор товаропродвижения 178
Радуха А.И., Алиева А.А. Интернет как инструмент современного маркетинга 180
Ребицкая Е.В. Государственно-частное партнерство как особая форма взаимодействия юридических лиц с государствами 181
Рябиков Е.Р. Особенности вербализации денежно-кредитных отношений в русском, английском и немецком языках 183
Самохвал С.Н., Громада А.А. Денежно-кредитная система Республики Беларусь: особенности ее развития и пути совершенствования 185
Сафонова А.И. Конклюдентные действия как акцепт 188
Селиванова Е.Н. Роль народного комиссара юстиции Д.И. Курского в развитии советского уголовного законодательства 189
Селиванова Е.Н. О модельном уголовном кодексе для государств-участников содружества независимых государств 192
Солодухина В.Е. Последствия домашнего насилия для личности и общества: виктимологический аспект 194
Степанов Р.А. Правовое регулирование перемещения товаров для личного пользования в государствах – членах Евразийского Экономического Союза: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Беларуси 197
Ткаченко М.А. Правовая природа опционных соглашений 200
Тогулева А.С. Влияние технологий искусственного интеллекта на права несовершеннолетних 202
Трацевская Д.В. К вопросу об использовании информационных технологий при осуществлении прокурорского надзора в сфере агропромышленного комплекса .. 204
Унукович Ж.Ю. Правовой анализ условий применения заключения под стражу 205
Ушал Б.Н. Сделки на игровых платформах между пользователями сети интернет, их юридическая защита в гражданском праве Республике Беларусь 207
Федотова А.А. Правовые аспекты наследования цифровых финансовых активов ... 210
Фомина Д.В. Об особенностях криминологического анализа убийств 213
Храпковская А.А. Проблема противодействия терроризму с использованием автомобильных средств 215
Чепурина К.С. Социальное предпринимательство – драйвер развития страны 217
Чэнь Чэн. Сравнительный анализ пенсионного законодательства Китая и Беларуси 219
Шалаханов Н.Д. Правовое обеспечение органами внутренних дел защиты животного мира в Республике Беларусь 221
Шишкин А.М. Правовая и финансовая грамотность населения как фактор снижения страхового мошенничества: исследование на примере Витебской области 222
Яшина А.М. Анализ финансово-правовых предпосылок «Японского экономического чуда» и роли США в его формировании 225
Goncharenko S.R., Mokrushina N.S. The image of a lawyer in mass culture: myth or reality 227

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ, СПОРТА И ТУРИЗМА

Афанасьева В.Д. О некоторых проблемах перевода с английского языка на русский язык текстов спортивной сферы (на примере фигурного катания) 229
Воронько В.А. Анализ мотивов, влияющих на выбор женщинами джампинг-фитнеса 231
Голякович А.А. Связь времени элемента тройного прыжка с результатом 232

Дехтяр В.С. Влияние групповых форм занятий физической культурой на развитие коммуникативных навыков и сплоченность учебного коллектива 234
Дин Жуй. К вопросу о влиянии силовых тренировок на суше на эффективность подводной техники пловцов-подростков 236
Залесская К.А. Формирование культуры здоровья студентов в условиях цифровизации: теоретико-прикладной анализ 237
Идрисов А.Т. Влияние туризма на формирование образа Японии в мировом сознании 239
Калинина О.С. Анализ эффективности спортивных организаций 241
Каратунов И.М., Куликова Т.А. Перспективы участия российских и белорусских спортсменов-скалолазов в Олимпийских играх 2028 243
Костюченко А.В. Практическое решение проблем физической подготовки юных борцов греко-римского стиля 245
Маркова А.Ю. Пеший школьный туризм как средство формирования экологической, историко-патриотической культуры и физической активности у младших подростков 247
Мелентьева А.А. Анализ мотивации студентов к занятиям физической культурой: поиск путей повышения заинтересованности 250
Полетыкина В.А. Методика тренировки американских спортсменок в бодибилдинге в историческом аспекте 252
Рыбакова А.В. Влияние современных фитнес-программ на физическое и психоэмоциональное состояние студентов 254
Слесарева А.Л. Психологические аспекты мотивации к занятиям физической культурой и спортом 256
Терешкова В.Д., Фомина Д.В. Правовое регулирование профессионального спорта в Республике Беларусь 258
Цюй Цзиньпэн. Стратегия улучшения физической и тактической подготовки футболисток 261
Шишкарева В.М. Роль бренда в продвижении спортивной организации 262
Шнипова Т.А. Дневник самоконтроля как инструмент формирования здоровьесберегающей компетенции и управления тренировочным процессом у учащихся специальной медицинской группы 264
Шустов Н.С. Прикладные аспекты физического воспитания молодежи в системе государственного образования 266
Chen Ruofei. The impact of tennis training on campus on the basic qualities of student training 269
Deng Yuanyuan. The history of dance sport development in China 270
Ding Shun. The integration and application of traditional Chinese martial arts and lion dance 272
Du Yi. A study on promotion strategies and application effectiveness of fitness influencers in the internet era 273
Gao Hanchao. An analysis of the significance of the development of youth golf 275
Guo Jiulong. Features of sports training of football players aged 12–16 276
He Enhui. Formation of a financial-legal discourse in the localization of taekwondo in China: an analysis of commercialization, regulation, and legal practices 278
Jiang Siyu. The relationship between sports injuries and high-intensity training 279
Lan Xingchun. From cultural symbol to commercial contract: a discourse analysis of the quasi-legal framework and commercial transformation of the taekwondo dangup system 281
Li Jie. Cultural construction of sport and promotion of a healthy lifestyle 282
Li Kunquan. Analysis of the current state of development of the rural basketball league in the Chaot district of Guanyi city 284
Liu Kaibi. The meaning of the theory and practice of sports fitness 285

Lu Wenjia. A comparative study on the globalization and localization development of the Chinese and American professional basketball leagues (NBA and CBA) 287
Qi He. Analysis of china's national breakdancing team's participation in world championships from 2023 to 2025 289
Song Haixin. The impact of e-sports culture on adolescents' values and paths for positive guidance 291
Sun YuJia. Results and technical evolution of a sprinter, 100 meters 292
Wu Minsi. The impact of football training on the basic qualities of student training 294
Xu Yang Wei Yan. Effectiveness of sports rehabilitation training in the recovery of knee joint injuries in sprinters 295
Yu Meihong. Comparative analysis of offensive and defensive performances of goalkeepers in handball (taking the women's handball final of the 2024 china student sports games as an example) 297
Yu Peng. A study on the influence of swimming learning sequence on junior high school physical education entrance examination scores 298
Zhang Hu. Improving the technique of short-distance running of college students engaged in sprinting, using innovative methods 300
Zhang Ying. A study on the factors associated with low upper limb strength in college students in Chongqing, China 302

Научное издание

МОЛОДЕЖЬ XXI ВЕКА: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ

Материалы XII Международной конференции
аспирантов и молодых ученых

Витебск, 5 декабря 2025 г.

В 2 томах

Том 2

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *Л.В. Рудницкая*

Подписано в печать 01.12.2025. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 36,04. Уч.-изд. л. 29,73. Тираж 35 экз. Заказ 138.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.